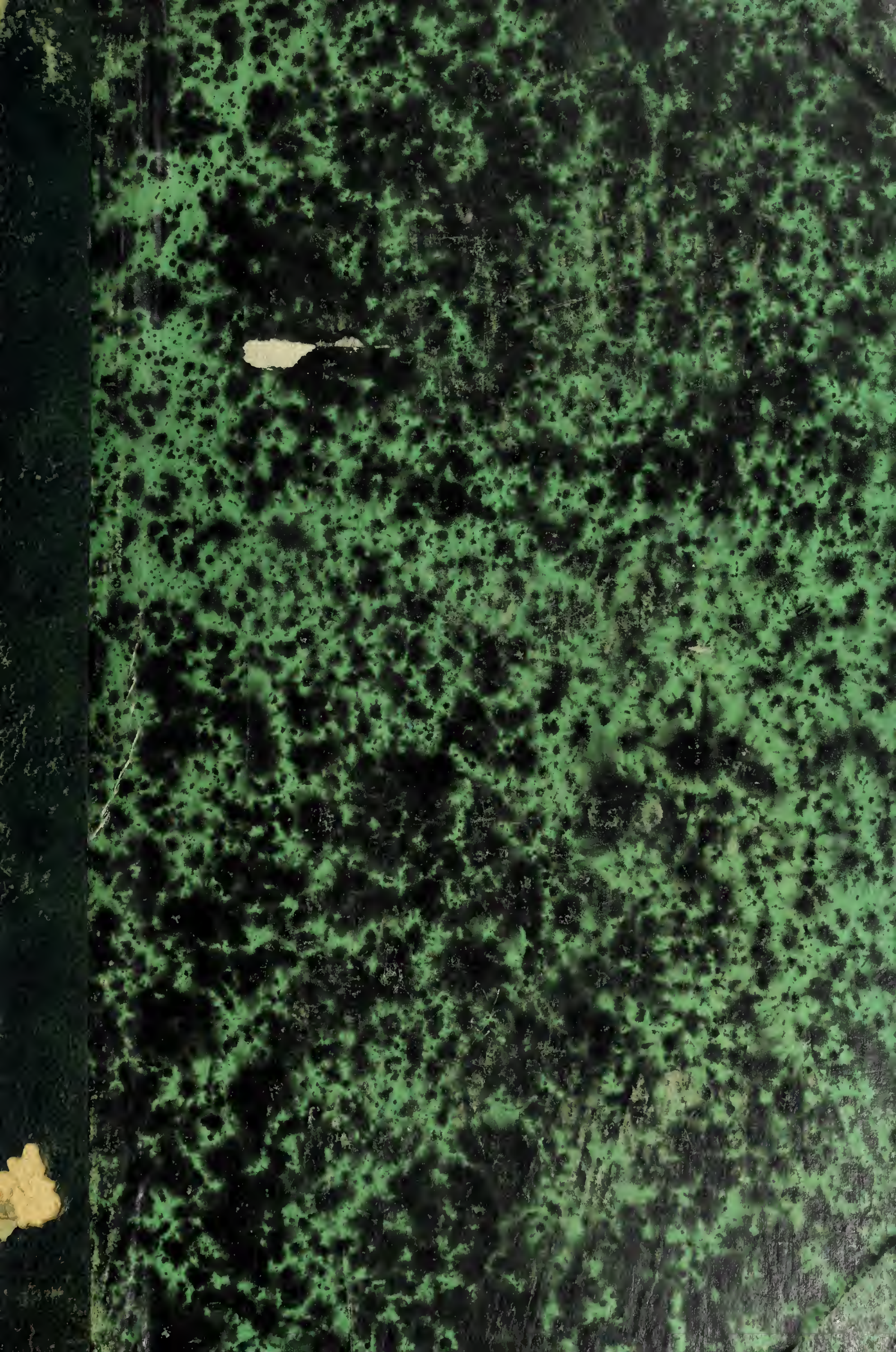

1945 г.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
STACKS

NOTICE: **Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.**

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 17 1991

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/otechestvennyia1869unse_0

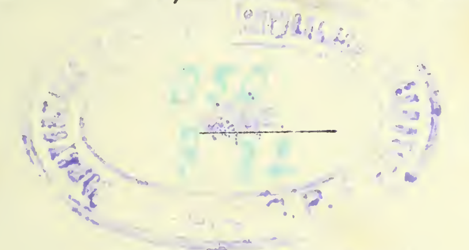
//

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CLXXXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38)
1869.

8 П. 188
29

057
OT
1869
no. 11

ВАКАНТНОЕ МѢСТО.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Помпеичъ Краснокалачный, завѣдующій отдѣльною частью, около 35 лѣтъ.

Флегонтъ Парменычъ Сыропустовъ.
Никандръ Авдѣичъ Бубенчиковъ.
Позвонковъ.
Зябликовъ.
Хлюстиковъ.
Звонищевъ.
} разныхъ чиновъ мѣстные чиновники, подчиненные Краснокалачному.

Пальмира Карловна Сыропустова.
Сосипатра Петровна Бубенчикова.
Позвонкова.
Катерина Павловна Зябликова.
} ихъ супруги.

Бахрюкова, Конкордія Никтополіоновна, богатая барыня.
Таня, ея племянница.
Канюкинъ, Василій Ивановичъ, учитель открытаго заведенія.
Лизавета Александровна, жена его.
Анна Львовна.
Вадимъ Прокофьичъ Прелестный, изъ военныхъ.
Дергачевъ.
Пестрянкина, жена учителя чистописанія.
Служанка Канюкиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Хорошо меблированная большая гостиная, въ домѣ Сыропустова. Направо за однимъ столомъ играютъ въ карты Анна Львовна, Бубенчикова, Позвонкова и Зябликова. Налѣво, на диванѣ и креслахъ около стола помѣщаются: Сыропустова, Бахрюкова, Зябликова. Хлюстиковъ сидитъ у ихъ ногъ на низенькомъ табуретѣ. Въ сосѣднихъ комнатахъ играетъ музыка и танцуютъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сыропустова.

Я очень рада; наша молодёжь, кажется, развеселилась: славно отплясываетъ; послѣ недѣльной скуки и трудовъ не грѣхъ и позволительно.

Бахрюкова.

Я нахожу, что нынѣшняя молодёжь вовсе не умѣетъ веселиться; то ли было въ наше время... Помните, когда я только-что пріѣхала сюда изъ Петербурга, была еще помоложе и давала вечера: какъ было весело... Помните?.. У меня бывало каждую недѣлю по два раза вечера... А въ другіе дни у другихъ... Такъ вся недѣля разобрана... И молодёжь каждый день пляшетъ... Я умѣла это дѣлать: умѣла воодушевить общество...

Сыропустова.

Ну, то было время, Конкордія Никтополіоновна, теперь другое...

Бахрюкова.

Пустяки... Нужно только умѣть... Теперь я все оставила: и выѣзжаю и къ себѣ принимаю только для племянницы... А захочу, у меня и теперь всѣ запляшутъ. Я умѣю ихъ въ рукахъ держать... Вотъ у меня этакой мальчишка не смѣлъ бы безъ дѣла сидѣть (*указываетъ на Хлюстикова*). Пріѣхалъ, гдѣ пляшутъ, такъ пляши, а то пошелъ домой: около старухъ нечего дѣлать...

Хлюстиковъ.

Нынче, Конкордія Никтополіоновна, молодёжь степеннѣе стала: предпочитаетъ проводить время въ назидательной, дѣльной бесѣдѣ, нежели въ безсмысленномъ плясѣ.

Бахрюкова.

Полно врать... Просто, нѣтъ человѣка, никто не умѣетъ васъ въ руки забрать, воодушевить... Либо пьянствуете, либо слоняетесь безъ дѣла, въ тоскѣ, либо глупости врете между собой... вотъ ваше степенство.

Анна Львовна (*за карточнымъ столомъ*).

Что̀ за наказаніе божеское, ничего не идетъ... Хлюстиковъ! поди, разбери мнѣ карты на счастье.

Хлюстиковъ (*подбѣгая*).

Съ удовольствіемъ, Анна Львовна, на мое счастье... (*разбираетъ игру*).

Анна Львовна.

Ну, что̀?

Хлюстиковъ.

Плохо, Анна Львовна.

Анна Львовна.

Ну, я такъ и думала... (*Заглядывая въ карты и вырывая ихъ изъ рукъ Хлюстикова*). По-шелъ... И захотѣла я отъ кого удачи ждать!.. (*Хлюстикову*). На-ка, переверни мнѣ кресла... (*Встаетъ*).

Хлюстиковъ.

Какъ перевернуть?..

Анна Львовна.

Ну, какъ?.. Разумѣется, какъ... Переверни вокругъ себя, да и поставь опять на мѣсто... (*Хлюстиковъ вертится съ кресломъ*). Авось, игра не перевернется ли... (*Садится*). Спасибо... (*Хлюстиковъ отходитъ и садится на прежнее мѣсто*).

Сыропустова.

Нѣтъ, я готова вступиться за мою молодёжь... Я ею очень довольна... Я скажу только хоть про мое дѣло: про благотворительность... Нужно ли сборъ сдѣлать какой, или лоттерею, или спектакль устроить въ пользу какого бѣднаго семейства... стоитъ только сказать, и моя молодёжь мигомъ все обдѣлаетъ: и пожертвуетъ и устроитъ... По моему мнѣнію, это лучше, достойнѣе, чѣмъ плясать всю жизнь, безъ отдыха...

Зябликова (*саркастически улыбаясь*).

Я думаю...

Бахрюкова.

Э, полноте вы... Все это притворство... Ханжество... или выгодный промыселъ...

Зябликова (*строго*).

Однако, не слишкомъ ли рѣзко вы выражаетесь, Конкордія Никтополіоновна... Въ нашемъ городѣ больше всѣхъ занимаемся благотворительными дѣлами и вызываемъ другихъ на пожертвованія только мы съ Пальмирой Карловной, такъ, я надѣюсь, что ваши слова къ намъ не относятся, потому что во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ принимаетъ участіе самъ Иванъ

*

Яковлевичъ и ему извѣстно, куда идутъ всѣ собираемыя нами пожертвованія... Безъ его вѣдома мы ничего не предпринимаемъ и никуда не расходуемъ денегъ.

Хлюстиковъ.

Да изъ пріютскихъ отчетовъ и видно даже, сколько пожертвовали вы, Катерина Павловна, и вы, Пальмира Карловна...

Сыропустова.

Наконецъ, за наши дѣйствія весь городъ, вся губернія насъ благодарятъ... Иванъ Яковлевичъ даже высшему правительству...

Бахрюкова.

Боже мой, боже мой... mesdames, mesdames! какую бурю вы противъ меня подняли... Хоть я и привыкла называть вещи ихъ настоящимъ именемъ... но что касается до дѣйствій вашихъ съ Иваномъ Яковлевичемъ, я никогда себѣ не позволю даже намекнуть что-нибудь двусмысленное... Что̀ вы, что̀ вы, господь съ вами... Я такъ уважаю и васъ, и Ивана Яковлевича, и всякія власти, что не позволю себѣ даже подумать о васъ ничего такого... Напротивъ, я только-что хотѣла спросить васъ (*къ Зябликовой, съ видомъ притворнаго участія, въ которомъ слышна иронія*), отчего Ивана Яковлевича нѣтъ сегодня здѣсь?.. здоровъ ли онъ?..

Зябликова (*вспыхнувъ, раздражительно*).

Почему это вы именно меня хотѣли спросить?.. Мы не вмѣстѣ живемъ... Я не жена и не родственница Ивана Яковлевича... (*Вызывающимъ тономъ*). Вы что̀ этимъ хотѣли сказать?..

Бахрюкова.

Боже мой, боже мой... да ничего... ничего... Я знаю, что Иванъ Яковлевичъ васъ уважаетъ и вы такъ часто видаетесь... думала, что и сегодня, можетъ быть, видѣлись... и хотѣла узнать объ его здоровьѣ... Больше ничего... Что̀ вы, mesdames... Меня, право, удивляетъ ваша подозрительность, ваше желаніе искать какихъ-то намековъ въ самыхъ простыхъ словахъ... Что̀ вы, что̀ вы!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Сыропустовъ.

Сыропустовъ (*подходя къ женѣ*).

А что, мой другъ, не пора еще приказать ужинать?

Сыропустова.

Помилуй, какой еще ужинъ: наша молодёжь только-что развеселилась.

Сыропустовъ.

А по моему, такъ пора бы понемножку приготовлять... А?.. Намъ, старикамъ, неиграющимъ и нетанцующимъ, не дурно бы перекусить... немножко... а?..

Сыропустова.

Ахъ, отстань, пожалуйста.

Сыропустовъ.

За неспособностью къ прочимъ занятіямъ... ха, ха, ха... предаться своему удовольствію... (*Поглаживаетъ животъ*). А?.. ха, ха, ха...

Сыропустова.

Ну, спроси себѣ тамъ и покушай... А ужинать еще рано... (*Къ прочимъ*). Мой мужъ удивительный человѣкъ: обѣдъ, ужинъ, ѣда — это единственная его забота... Съ утра онъ только и думаетъ, что объ обѣдѣ, а послѣ обѣда объ ужинѣ...

Сыропустовъ (*покачиваясь на ногахъ и облизываясь*).

Люблю-съ... признаюсь: люблю поѣсть... Да и что̀-жъ намъ, старикамъ, осталось: къ прочему ничему неспособны... одно наслажденіе осталось въ жизни: поѣсть... И пока этотъ господинъ (*гладитъ себя по животу*) въ порядкѣ и дѣйствуетъ, надо пользоваться... Такъ-ли, Конкордія Никтополіоновна?

Сыропустова.

Ахъ, стыдись, по крайней мѣрѣ, разсказывать: будто ужь въ жизни нѣтъ никакихъ высшихъ интересовъ, болѣе важныхъ...

Сыропустовъ.

Ну, матушка, какіе тамъ высокіе интересы... этого мы не знаемъ; это насъ не касается: для этого есть высшее начальство... А чего не знаю, что меня не касается, о томъ и думать нечего... Я люблю говорить прямо... откровенно... Такъ-ли, Конкордія Никтополіоновна?.. Откровенно лучше говорить... ха, ха, ха...

Бахрюкова.

Такъ, такъ, Флегонтъ Парменычъ, я держу вашу сторону: я съ вами совершенно согласна и уважаю васъ за это... Всѣ эти разсказы о высшихъ интересахъ, все это вздоръ, пустяки; люди всегда люди, всегда одни и тѣ же, что были, то и будутъ: всякій больше всего думаетъ о себѣ, о своей выгодѣ и о своемъ удовольствіи, всякій живетъ только для себя... только одинъ говоритъ объ этомъ прямо и откровенно, а другой любитъ ри-

соваться, прикрывать себя разными добродѣтелями... По моему, нѣтъ людей ни святыхъ, ни добродѣтельныхъ, у всякаго есть что-нибудь на совѣсти... такъ сколько чортъ ни наряжайся, а хвоста все не спрячетъ... Дайте-ка мнѣ руку, Флегонтъ Парменычъ, проводите меня въ залу: я хочу посмотрѣть, какъ прыгаетъ моя козочка, Таня...

Сыропустовъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, Конкордія Никтополіоновна... Прошу васъ. (*Подаетъ ей руку*). И къ ужину отправимся съ вами подъ музыку, полонезомъ... Позволите?..

Бахрюкова.

Не знаю, останусь-ли я до ужина... (*Идетъ съ нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сыропустова, Зябликова и Хлюстиковъ.

Зябликова.

Я видѣть не могу эту фурію... Въ каждомъ ея словѣ такъ и слышно желаніе уязвить, кольнуть...

Хлюстиковъ.

Я ее называю: барыня баши-бузукъ.

Сыропустова.

Все еще не можетъ забыть своей петербургской славы и злится, что здѣсь не можетъ играть первой роли и никто на нее вниманія не обращаетъ.

Хлюстиковъ.

Да, кажется, пора бы и перестать думать о старомъ: ужь, говорятъ, тотъ графъ, которымъ она составила себѣ славу, давно истлѣлъ въ могилѣ, да и ей туда же пора... А знаете что̀, Катерина Павловна? вѣдь ужь она извѣстна въ Петербургѣ, вѣдь ее оттуда выгнали за какую-то скандальную исторію... Попросить бы Ивана Яковлевича, чтобы онъ отрекомендовалъ ее какъ безпокойную, возбуждающую общество, и просилъ выслать въ другую губернію... Это можно устроить: туда ушлютъ, что и...

Сыропустова.

Нѣтъ, что тутъ завязывать Ивана Яковлевича въ эту исторію: у нея есть тамъ, въ Петербургѣ, старыя связи: еще, пожалуй, какая непріятность выйдетъ... для Ивана Яковлевича... отъ нея всего можно ожидать... А ее надобно здѣсь уничтожить, потихоньку, своимъ судомъ... чтобы она нетолько не смѣла давать волю своему скверному языку, а чтобы глаза боялась показать въ наше общество!

Зябликова.

Вотъ, вотъ, вотъ—это самое лучшее... Я ее непремѣнно хочу проучить... Я первая ее не только не стану принимать, даже кланяться ей не буду, стану отворачиваться, когда заговоритъ... Ивана Яковлевича настрою противъ нея такъ, что онъ ее тоже не будетъ принимать къ себѣ... а за нимъ и всѣ другіе не посмѣютъ принимать... Пускай живетъ одна, со своей племяненкой...

Хлюстиковъ.

Вотъ жалко, что офицеры пожалуй за нее станутъ, а то можбы съ племянницей какой нибудь скандалъ устроить.... Нашимъ только слово сказать: ни одинъ не подойдетъ, и ангажировать не будетъ... А для нея эта обида хуже всего: она въ своей Танѣ души не слышитъ, считаетъ ее первой красавицей и прочитъ выдать за принца...

Зябликова.

Какая красавица... кукла!..

Сыропустова.

Какое души не слышитъ? полноте! развѣ такая женщина можетъ кого нибудь любить?... Просто держитъ при себѣ какъ средство привлекать въ домъ молодежь: безъ нея кто бы къ ней поѣхалъ... Да она рада продать ее, только бы что нибудь черезъ это выиграть для себя... Вы слышали, кажется, какъ она нагло и откровенно говоритъ, что люди только для себя живутъ... Въ ней никакого христіанскаго чувства нѣтъ...

Зябликова (*Хлюстикову*).

А почему же вы говорите, что военные на ея сторонѣ...

Хлюстиковъ.

Какъ же, развѣ вы не знаете? ихъ полковой командиръ, Круподеровъ, безъ ума отъ нея, таетъ, не отходитъ отъ нея, хочетъ сдѣлать предложеніе...

Сыропустова.

Такъ и прекрасно: военные будутъ скоро противъ нея и на нашей сторонѣ... Надо устроить такъ, чтобы Круподеровъ скорѣе посватался; онъ старъ, да и небогатъ, она непремѣнно откажетъ — и тогда... военные наши...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕТОЕ.

Тѣ же, Канюкина и Прелестный.

Прелестный (*идя вслѣдъ за Канюкиной*).

Умоляю васъ...

Канюкина (*обмахиваясь вѣеромъ*).

Нѣтъ, ей Богу, не могу, устала...

Прелестный.

Одинъ туръ... умоляю васъ: одинъ только туръ...

Канюкина.

Не могу... Ахъ, ma tante... (*садится около Сыропустовой и цалуетъ ее въ плечо*).

Прелестный.

Я не отойду отъ васъ: я вамъ надоѣмъ своими мольбами, и вы сжалитесь... Пальмира Карловна, заступитесь за меня...

Сыропустова.

Что такое?..

Канюкина.

Вотъ просятъ танцовать, но я устала, и мнѣ пора домой...

Прелестный.

Молю: только объ одномъ турѣ вальса..., если нельзя кадриль и мазурку...

Сыропустова.

Зачѣмъ же ты такъ рано хочешь отправляться домой?... Развѣ тебѣ здѣсь не весело?

Канюкина.

Ахъ, что вы, тетя: ужасно весело... но теперь ужъ двѣнадцать часовъ, а мужъ дома одинъ и ждетъ меня... онъ просилъ пріѣхать пораньше...

Прелестный.

Но это жестоко, это эгоизмъ: отнимать васъ одному у цѣлаго общества...

Канюкина.

Но вы, вѣдь хотите же, чтобы я для васъ однихъ заставила мужа ждать и безпокоиться... это тоже эгоизмъ...

Прелестный.

Какъ одинъ?.. Какъ для одного? Хотите: все наше общество сейчасъ же явится просить васъ, чтобы вы остались до мазурки... Хотите?... Я иду и... Сейчасъ вся молодежь явится умолять васъ остаться, чтобы еще хоть нѣсколько мгновеній освѣщать и согрѣвать вашимъ присутствіемъ... наше веселье...

Канюкина (*засмѣявшись*).

О, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Вы такъ эффектно выражаетесь, что, право...

Сыропустова.

Если тебѣ весело, мой другъ, у меня, такъ не торопись... Твой мужъ, по настоящему, самъ долженъ бы быть здѣсь... но если онъ такой дикарь, или чудакъ, что избѣгаетъ общества, то самъ виноватъ: пускай и подождетъ тебя... Тебѣ не часто

достаются такія развлеченія... И потому я не отпущу тебя до ужина.

Прелестный.

Благодарю васъ... Пальмира Карловна... отъ лица всего общества благодарю васъ!

Канюкина.

Но право, ma tante, онъ не потому не пріѣхалъ, что не хотѣлъ: онъ не совсѣмъ здоровъ.

Сыропустова.

Еслибъ онъ дѣйствительно былъ боленъ, ты совсѣмъ бы не пріѣхала, но если ты могла его оставить, слѣдовательно и онъ можетъ подождать тебя до окончанія нашего вечера. А чтобы проучить твоего мужа за то, что не пріѣхалъ, я не отпущу тебя до послѣдняго танца. А вину твою передъ мужемъ принимаю на себя: такъ и скажи ему.

Канюкина.

Ахъ, тетя, право...

Сыропустова.

Довольно... Больше я ничего не говорю.. Какъ хочешь...

Прелестный.

Мерси, Пальмира Карловна, боку мерси... вы намъ дѣлаете двойной праздникъ... (*къ Канюкиной*) Ну, умоляю васъ: возвратитесь же въ залу! Посмотрите, какъ всѣ обрадуются. Слышите, ритурнель съиграли, сейчасъ начнутъ кадриль... Позвольте васъ просить на кадриль.

Канюкина.

Ахъ, какой вы жестокій человѣкъ... Я хотѣла хоть отдохнуть немножко... (*приподымается*).

Прелестный (*подавая руку*).

О, еслибъ я могъ, я не давалъ бы вамъ ни на минуту отдыха въ вихрѣ веселья и радости... Но жестокъ не я, а тотъ, который эгоистически, одинъ завладѣлъ вами и для котораго вы хотѣли сейчасъ всѣхъ насъ оставить... (*уходятъ разговаривая*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же безъ Канюкиной и Прелестнаго.

Хлюстиковъ (*насмѣшливо*).

Какой краснорѣчивый офицеръ!

Зябликова.

А ваша племянница, кажется, очень бойкая особа!

Сыропустова.

Да, она чувствуетъ, что хорошенькая.

Хлюстиковъ.

Чудо какъ хороша.

Зябликова (*съ неудовольствіемъ*).

Особеннаго чуда нѣтъ, но очень мила.

Хлюстиковъ (*спохватившись*).

То-есть я въ томъ смыслѣ...

Зябликова.

Отчего она ни съ кѣмъ не знакома?

Сыропустова.

Она, бѣдная, сдѣлала себѣ плохую партію: семья ихъ большая, люди они небогатые и она вышла замужъ за учителя... говоритъ, по любви... Во что было влюбиться, не знаю: правда, молодъ, но не особенно хорошъ собой; говорятъ уменъ,— не знаю: по моему ужасно скученъ, особенно для такой молодой женщины... Молчаливый, угрюмый, ужасно много о себѣ думаетъ, ни съ кѣмъ не хочетъ знакомиться... ну, и сгніетъ учителемъ... А жаль: съ своей рожицей, съ своимъ умомъ, она могла бы сдѣлать хорошую партію. И такая ласковая, угодительная, веселая: я ее люблю и жалѣю... Она не мнѣ племянница, мужу... А Иванъ Яковлевичъ, видно, къ намъ сегодня такъ и не пожалуетъ... а обѣщалъ....

Зябликова.

Да, странно, что его нѣтъ до сихъ поръ: онъ хотѣлъ непремѣнно пріѣхать.

Хлюстиковъ.

У нихъ какой-то комитетъ сегодня.

Зябликова.

Какой теперь комитетъ: въ двѣнадцать часовъ... что вы болтаете...

Хлюстиковъ.

Я и хотѣлъ сказать, что ужъ давно кончился, я думаю.

Сыропустова.

Вотъ и Звонищева нѣтъ.

Зябликова.

Вѣрно, что нибудь ихъ особенное задержало.

Хлюстиковъ.

Развѣ не случился ли гдѣ пожаръ...

Зябликова.

Ахъ, Хлюстиковъ, какія вы глупости говорите: что же, поѣдетъ, что ли, Иванъ Яковлевичъ на пожаръ въ такое время, ночью!

Хлюстиковъ.

Нѣтъ-съ, я про Звонищева...

Зябликова.

И Звонищевъ самъ не поѣдетъ на пожаръ, а пошлетъ кого нибудь, особенно когда знаетъ, что здѣсь все общество.

Хлюстиковъ.

Если прикажете, я съѣзжу узнать отъ камердинера, что за причина.

Зябликова.

Не нужно.

Анна Львовна (*къ Зябликову*).

Ну, что это такое: съ тобою играть, батюшка, нельзя.

Зябликовъ.

Отчего такъ, Анна Львовна?..

Анна Львовна.

Да помилуй, шесть роберовъ сряду проиграла: и съ тобой проиграла, и съ этими барынями опять проиграла... А ты, смотри: ты почти всѣ роберы выигралъ... Какъ это можно... Этакъ, душа моя, со старухами не играютъ... Это не деликатно!

Зябликовъ.

Чѣмъ же я-то виноватъ, Анна Львовна, что къ вамъ карты не идутъ?

Анна Львовна.

Ну, какъ не идутъ... и карты хорошія приходили, да вы ни одной игры не дали мнѣ выиграть... Либо короля подведете, либо по третьей бьете, когда тузъ, король съ маленькими. Просто, старались обыграть меня... Ну, считайте, сколько за мной?

Зябликовъ.

А больше неугодно? можетъ быть отыграетесь...

Анна Львовна.

Нѣтъ, благодарю: я для удовольствія сажусь, а не для того, чтобы обыгрывать навѣрняка.

Бубенчикова.

Что же, и всѣ для удовольствія садятся играть, Анна Львовна, никто здѣсь не подтасовываетъ и не передергиваетъ... да въ ералашъ и нельзя играть навѣрняка...

Анна Львовна.

Ну, такъ я не такая мастерица, чтобы съ вами играть: видите, вы всѣ выиграли, а я одна проиграла... Для меня нужно игроковъ попроще, а не такихъ искусныхъ, какъ вы... Сосчитаете, такъ скажите: сколько... (*встаетъ*).

Зябликовъ.

Да вотъ сейчасъ, Анна Львовна, сейчасъ сосчитаю.

Анна Львовна.

Ахъ, батюшка, не убѣгу, не бойся... Получишь свои деньги... Не бойся: отдамъ... (*уходитъ*).

Зябликовъ (*смотря ей вслѣдъ*).

Ну, это значитъ, ищи вѣтра въ полѣ... Нечего и считать.

Бубенчикова.

Ни за что не отдастъ...

Позвонкова.

А когда сама выиграетъ, такъ не отойдетъ отъ стола, пока не получитъ всѣхъ денегъ, надъ каждымъ гривенникомъ... Съ нею не слѣдуетъ играть. Не стоитъ и считать теперь: напрасный трудъ... (*встаетъ*).

Зябликовъ.

Такъ неужели же я ей буду дарить. Вотъ нарочно сосчитаю и пойду требовать денегъ при всѣхъ... Она привыкла, старушонка, со всѣхъ мужчинъ здѣсь контрибуцію брать: я ей не хочу давать. Пальмира Карловна! вы меня усадили играть съ Анной Львовной, будьте же свидѣтельницей: она мнѣ проиграла восемь рублей.

Бубенчикова.

Мнѣ рубль семьдесятъ пять...

Позвонкова.

Мнѣ двадцать-шесть коп...

Сыропустова.

Ну, Порфирій Ивановичъ, требовать съ Анны Львовны карточныхъ долговъ еще никто не рѣшался и я не берусь: это ея привиллегія... (*къ Бубенчиковой и Позвонковой*) Mesdames, садитесь къ намъ сюда, поближе!

Зябликовъ.

А я намѣренъ нарушить эту привиллегію... сейчасъ пойду и буду требовать... Пускай, злится и ругается... Непремѣнно (*смѣется и уходитъ*).

Хлюстиковъ.

Я пойду посмотрю, что̀ будетъ и прибѣгу разсказать вамъ (*бѣжитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Сыропустова, Зябликова, Бубенчикова, Позвонкова и Хлюстиковъ.

Сыропустова (*къ Зябликовой*).

Она наговоритъ ему дерзостей: вотъ увидите...

Зябликова.

Пускай... Онъ самъ не поддастся!

Бубенчикова.

Она и теперь ужь начинала говорить колкости, ничего не видя...

Зябликова.

Право, пора бы проучить хорошенько этихъ барынь, которыя въ нашемъ обществѣ позволяютъ вести себя богъ-знаетъ какъ; пускай, эта только изъ-за картъ бранится, а напримѣръ, Бахрюкова: она позволяетъ себѣ говорить все, что ей вздумается.

Бубенчикова и Позвонкова *(въ одинъ голосъ)*.

Да, да...

Зябликова.

Точно она общій судья, или какой нибудь цензоръ.

Бубенчикова.

О, да, да!

Позвонкова.

Ее давно бы слѣдовало проучить.

Зябликова.

Да, кажется, ужь и собираются: я кое-что слышала...

Бубенчикова.

Ахъ, это было бы чудесно... Что̀ же такое?

Позвонкова.

Это было бы превосходно... Вы не знаете, что̀ именно хотятъ сдѣлать?

Зябликова.

Я еще не знаю навѣрное... но только слышала, что все общество противъ нея сильно вооружено... и хотятъ ее уколоть въ самую чувствительную струну.

Бубенчикова.

Я бы знала, что̀ съ ней сдѣлать.

Позвонкова.

Еслибы меня спросили, и я бы посовѣтовала...

Зябликова.

Что до меня касается, то я объявила сейчасъ Пальмирѣ Карловнѣ, что не только моя нога никогда не будетъ въ ея домѣ, но я даже и кланяться съ ней не буду...

Сыропустова.

Я съ своей стороны также не намѣрена больше продолжать съ ней знакомства.

Бубенчикова.

Если вы... и я тоже...

Позвонкова.

И я тоже...

Зябликова.

Мужъ мнѣ говорилъ, что Иванъ Яковлевичъ тоже дурнаго объ ней мнѣнія, да она и въ Петербургѣ извѣстна, какъ самая скандальная женщина... и тамъ ее не принимали ни въ одинъ порядочный домъ.

Бубенчикова.

Помилуйте, да это очень понятно; кому же можетъ быть пріятно знакомство съ такой женщиной.

Позвонкова.

Можно сказать: съ такой замаранной женщиной!

Бубенчикова.

Ея исторія въ Петербургѣ очень извѣстна!

Позвонкова.

Кто жь этого не знаетъ?

Бубенчикова.

Она воображаетъ гордиться этимъ...

Позвонкова.

А всякой порядочной женщинѣ тутъ, кажется, нечѣмъ гордиться.

Хлюстиковъ *(вбѣгаетъ и хохочетъ).*

Пальба... баталія идетъ ужасная... Анна Львовна выходитъ изъ себя, бѣсится... Порфирій Иванычъ, молодецъ, не поддается и, кажется, одержитъ побѣду: она ужь вынула портмоне и роется въ немъ, глаза сверкаютъ, руки дрожатъ, кажется готова бы разорвать Порфирія Иваныча... Просто, потѣха!

Бубенчикова.

Ай-да молодецъ Порфирій Иванычъ! *(хохочетъ).*

Позвонкова.

Молодецъ, молодецъ! *(хохочетъ! Входитъ Звонищевъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Звонищевъ.

Сыропустова *(къ Звонищеву).*

Наконецъ-то, полковникъ, что вы это такъ поздно?...

Звонищевъ *(мрачно).*

Такъ-съ, обстоятельства...

Сыропустова.

Что̀ вы какой? Не случилось ли чего? А Ивана Яковлевича не видали: не будетъ?

Звонищевъ.

Увы! у насъ нѣтъ болѣе нашего друга и благодѣтеля, нѣтъ болѣе Ивана Яковлевича!

Всѣ въ одинъ голосъ.

Какъ нѣтъ? Что̀ вы говорите?...

Зябликова *(поблѣднѣвъ)*.

Что случилось? говорите скорѣе...

Бубенчикова.

Вѣрно ударъ?

Позвонкова.

Скоропостижно?

Звонищевъ.

Нѣтъ, живъ и здоровъ и всѣмъ кланяется, но... Увы! *(глубоко вздыхаетъ)* уволенъ!...

Зябликова *(со стономъ)*.

Уволенъ!

Всѣ.

Уволенъ... Какъ? Что̀ такое?

Звонищевъ.

Да, враги побѣдили: уволенъ въ отставку съ позоромъ, безъ повышенія... даже безъ причисленія... просто: по прошенію, коротко и ясно... *(Изъ сосѣднихъ комнатъ приходятъ, одинъ за другимъ, Зябликовъ, Бубенчиковъ, Позвонковъ и прочіе гости и окружаютъ Звонищева)*.

Зябликовъ.

Да неужели это правда, объ Иванѣ Яковлевичѣ?

Звонищевъ.

Совершенная и несомнѣнная.

Зябликовъ.

Уволенъ по прошенію?

Звонищевъ.

По прошенію...

Зябликовъ.

Боже мой, что жь это такое!

Голоса.

— Какой чудесный человѣкъ...
— Ахъ, какъ жаль...
— Кто бы могъ это предвидѣть...
— Вотъ, нежданно-то, негадано...
— Ну, сломили столбъ...

Сыропустовъ *(входя)*.

Да этого быть не можетъ... это пустяки... Это кто нибудь выдумалъ нарочно, чтобы меня испугать передъ ужиномъ и

аппетиту лишить... *(Звонищеву)* Антонъ Васильевичъ, да неужели?

Звонищевъ.

Да...

Сыропустовъ.

Не пугай меня, не шути, если не правда!

Звонищевъ.

Да развѣ этимъ шутятъ?... развѣ бы я посмѣлъ...

Сыропустовъ *(разводя руками)*.

Вотъ тебѣ на!

Сыропустова.

Да разскажите же вы, Антонъ Васильевичъ, подробно, какъ это все случилось?

Звонищевъ.

Какъ случилось? Очень просто: пріѣхалъ я къ нему, чтобы вмѣстѣ отправиться сюда: онъ нарочно приказалъ мнѣ заѣхать за нимъ, чтобы своихъ лошадей не брать... вѣдь вы знаете: онъ къ своимъ лошадямъ былъ очень жалостливъ...

Бубенчикова.

Добродѣтельный человѣкъ!

Позвонкова.

Добродѣтельный!

Сыропустовъ.

Ну, какъ не знать: добрая была душа.

Звонищевъ.

Ну, пріѣхалъ я, онъ собрался, одѣлся, хотѣли отправиться, вдругъ телеграмма отъ одного изъ министерскихъ пріятелей; онъ такъ спокойно распечаталъ, думалъ по какому дѣлу, ну, мало ли ихъ... сначала даже не хотѣлъ-было распечатывать, положилъ на столъ до завтра, да я говорю: прочитайте, ваше превосходительство, можетъ быть, что нибудь такое... Онъ какъ прочиталъ, такъ и сѣлъ... весь бѣлый... я говорю: что съ вами? Читайте, говоритъ... Читаю: сегодня подписанъ приказъ: вы уволены по прошенію, ничего не могли для васъ сдѣлать... У меня такъ и потемнѣло въ глазахъ... Говорю: ваше превосходительство, что̀ это такое?... А у него на глазахъ слезы... зарыдалъ...

Женскіе голоса.

Бѣдный... Онъ всегда былъ такой чувствительный... Да, чувствительный...

Звонищевъ.

Я самъ зарыдалъ... тронуло меня это... Обнялъ онъ меня... Сталъ я его успокоивать... Впалъ въ ярость... Сталъ топать

ногами, сорвалъ галстухъ... Тутъ узнало семейство, прибѣжали... началась суматоха... Потомъ успокоился и впалъ въ уныніе... въ тихую этакую меланхолію, грусть... оказалъ покорность провидѣнію... Я все былъ тутъ, около него... до сей минуты... Благодаритъ меня, жметъ руку... Поѣзжайте, говоритъ, къ Сыропустову; Флегонтъ Парменычъ, говоритъ, ждетъ, я думаю, ужинать... вспомнилъ ей-богу... вашу пассію вспомнилъ...

Сыропустовъ (*утирая глаза*).

Чудный человѣкъ, великая душа!

Звонищевъ.

Кланяйтесь, говоритъ, отъ меня моимъ друзьямъ и скажите имъ, что я больше уже не начальникъ ихъ... скрывать нечего; объявите, говоритъ, прямо, все равно: скоро все будетъ извѣстно... желаю, говоритъ, только одного, чтобы новый начальникъ такъ же любилъ ихъ, какъ я...

Зябликовъ.

А кто же, кто новый, неизвѣстно?

Звонищевъ.

Въ телеграммѣ было написано: на ваше мѣсто назначенъ генералъ-майоръ Левъ Помпеичъ Краснокалачный.

Бахрюкова.

Какъ, какъ вы сказали? кто?

Звонищевъ.

Генералъ-майоръ Левъ Помпеичъ Краснокалачный.

Бахрюкова.

Боже мой, неужели Левъ Краснокалачный? Вотъ какъ скоро вышелъ... Да давно ли, давно ли онъ ходилъ ко мнѣ въ Петербургѣ гвардейскимъ офицеромъ! Да онъ былъ мой любимецъ, мой protégé... я его звала просто красный калачикъ... Вотъ какъ... ну, я очень рада... онъ еще и не женатъ... Таня, Таня! слышишь, какой намъ сюрпризъ: сюда ѣдетъ начальникомъ мой старый знакомый, даже мой protégé, Левъ Краснокалачный... Ты его не знаешь, но, я увѣрена, вы подружитесь съ нимъ, онъ былъ такой красивый, славный мальчикъ, ловкій танцоръ... (*Во время этого монолога общее смущеніе, недоумѣніе и нерѣшительность; толпа, находившаяся среди комнаты, отодвигается въ сторону отъ Бахрюковой и раздѣляется на группы; нѣкоторые переглядываются, другіе погружаются въ раздумье, всѣ въ томъ состояніи, когда не знаютъ что дѣлать, на что рѣшиться, въ которую сторону идти*).

Зябликова (*подзывая мужа*).

Поѣдемъ домой.

Зябликовъ.

Неловко теперь, вдругъ...

Зябликова.

Я не могу... я не могу видѣть торжество этой женщины...

Зябликовъ.

Ну, поѣзжай одна.

Зябликова.

Это еще хуже: ты долженъ проводить меня. *(Встаетъ и подходитъ къ Сыропустовой)* Adieu...

Сыропустова.

Что̀ же вы это?

Зябликова.

Пора ужь...

Сыропустова.

Но вѣдь, еще не поздно.

Зябликова.

Нѣтъ, пора... не могу...

Сыропустова.

Ну, Богъ съ вами. Не смѣю задерживать. Завтра я постараюсь быть у васъ... Вы не очень разстроивайтесь!

Зябликова.

Merci... Не провожайте меня... *(Идетъ и въ дверяхъ встрѣчается съ Анной Львовной).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Анна Львовна.

Анна Львовна *(Зябликовой).*

Ты куда?

Зябликова.

Домой.

Анна Львовна.

Слышала я; слышала! да, вѣрнаго друга лишаетесь. Что дѣлать... Ну, прощай! *(пропускаетъ ее въ двери).*

Анна Львовна *(Зябликову, загораживая ему дорогу въ двери).*

Что, хотѣлъ меня, старуху, на смѣхъ пустить: обыгралъ да еще смѣяться вздумалъ надо мной! А вотъ тебя Богъ-то за Анну Львовну и утѣшилъ... что, поджалъ теперь хвостъ?

Зябликовъ.

Позвольте, Анна Львовна... я жену провожаю...

Анна Львовна.

Ты ужъ очень забылся, зазнался... даже ко мнѣ уваженіе

потерялъ... Вотъ тебя Богъ-то и смирилъ... Еще, пожалуй, новый-то начальникъ и изъ службы выгонитъ!

Зябликовъ (*раздражительно*).

Позвольте, же сударыня... Что это такое?

Анна Львовна.

Ахъ, батюшки! Кричитъ ужь на меня! Ступай, батюшка, ступай, бѣги! (*Пропускаетъ его въ двери*). Провожай свою развѣнчанную королеву! (*Въ толпѣ мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшихъ на эту сцену, слышанъ сдержанный смѣхъ*).

Бахрюкова (*смѣясь очень громко*).

Развѣнчанная королева! Вотъ это славно сказано! Ай-да Анна Львовна... Уважаю эту старуху!

Анна Львовна (*къ мужчинамъ*).

Что, развеселила я васъ! насмѣшила? Ну, и хорошо. А то ужь вы очень пригорюнились... совсѣмъ перетрусили... все обойдется! Я этакихъ треполоховъ здѣсь въ нашемъ городѣ, за свою жизнь, одиннадцать ужь видѣла... Всякіе бывали, а все одинъ чортъ! Спачала страхъ на всѣхъ нагонитъ, начнетъ мести вашу братью старыхъ, да новыхъ на ваши мѣста сажать... а послѣ уходится; и вы опять, какъ клопы, въ свои прежнія щели поползете! Надо только умѣть за дѣло взяться, да старыхъ опытныхъ людей слушать... Это ничего... (*Звонищеву*). Ну-ка, командиръ, садись, да разскажи мнѣ все по порядку: какъ было дѣло?

Звонищевъ.

Грустная исторія, Анна Львовна: и разсказывать грустно, и слушать непріятно... Паденіе великаго человѣка!... Грустно!... (*Садится*). Извольте, для васъ разскажу... (*Начинаетъ разсказывать вполголоса*).

Бубенчикова (*подсаживаясь къ Бахрюковой*).

Какъ Анна Львовна славно сказала: развѣнчанная королева... именно важности теперь у нея поубудетъ.

Позвонкова (*подсаживаясь къ Бахрюковой съ другой стороны*).

А замѣтили вы, какъ она измѣнилась въ лицѣ, когда услышала объ этомъ: даже зелень въ лицѣ выступила...

Бубенчикова.

Еще бы! онъ для нея былъ все! Еслибы не Иванъ Яковлевичъ, кто же бы ей позволилъ разыгрывать такую роль?

Позвонкова.

Но я удивляюсь ея безстыдству... я безстыдству ея удивляюсь!

Бубенчикова.

Да, да почти вѣдь прямо говорила о своей связи, хвасталась ею!

Позвонкова.

И этимъ важничала передъ всѣмъ обществомъ!

Бахрюкова.

Да кто же въ этомъ виноватъ? Вы сами, барыни, ухаживали за ней и шлейфъ ея носили вмѣстѣ съ Сыропустовой.

Бубенчикова.

Ахъ, Конкордія Никтополіоновна, съ вами можно говорить прямо: я всегда презирала ее.

Позвонкова.

И я тоже самое...

Бубенчикова.

Но что же дѣлать, когда одного ея слова было достаточно, чтобы Иванъ Яковлевичъ лишилъ мѣста моего мужа... А у насъ дѣти...

Позвонкова.

Я потому же самому: неужели бы я стала ухаживать за ней, еслибы не боялась за мужа. Я видѣть бы ее не могла, по ея поведенію, еслибъ не служба мужа.

Бубенчикова.

Но мнѣ вотъ кто удивителенъ: Сыропустова. У мужа ея прекрасное мѣсто, значительное, и ему повредить трудно, даже для Ивана Яковлевича. А она первая всѣмъ намъ примѣръ показывала, первая всегда ухаживала за Зябликовой.

Позвонкова.

Да, да, и ухаживала, и унижалась передъ ней. Да она первая и сблизила-то ее съ Иваномъ Яковлевичемъ. Это всѣмъ очень хорошо извѣстно!

Бубенчикова.

Да, конечно, извѣстно... Это всякій знаетъ: всѣ знакомства, все началось въ ея домѣ... А знаете, Конкордія Никтополіоновна, какая зловредная эта Сыропустова: онѣ сговорились съ Зябликовой не быть съ вами знакомой.

Бахрюкова.

Что? Не быть со мной знакомой? Ха, ха, ха... Вотъ испугала!

Позвонкова.

Да этого еще мало: онѣ хотѣли нанести вамъ какой-то публичный скандалъ...

Бубенчикова (*перебивая*).

И вообразите: осмѣливались предлагать намъ принять участіе въ ихъ намѣреніи...

Бахрюкова.

И вы, конечно, согласились?

Бубенчикова.

Ахъ, что вы это, Конкордія Никтополіоновна, за кого вы насъ принимаете?

Позвонкова.

Что вы это? какъ вамъ не грѣхъ?... Развѣ вы насъ не знаете? мы тотчасъ бросились васъ предупредить...

Бахрюкова.

Скандалъ, скажите! ахъ, они, благотворительницы! скандалъ! пускай попробуютъ...

Бубенчикова.

Только вы насъ не выдайте, Конкордія Никтополіоновна.

Позвонкова.

Мы вамъ все это разузнаемъ и все передадимъ.

Бубенчикова.

Онѣ слишкомъ ошиблись въ насъ!

Позвонкова.

Тс... вотъ она, она идетъ изъ залы.

Сыропустова (*подходя къ Бахрюковой*).

А я была тамъ и старалась воодушевить молодежь... Этотъ случай смутилъ-было наше общество. Но что же намъ-то за дѣло... Это дѣло мужчинъ, которые служатъ, а вы, я говорю, молодежь, веселитесь себѣ, не обращая ни на что вниманія! Это до васъ не касается. Ахъ, какъ прелестна ваша Таня! Я все любовалась на нее... Что за милое, что за граціозное существо! Она просто воодушевляетъ всѣхъ. Просто королева всего нашего общества.

Бахрюкова (*вставая*).

Моя Таня королева?... О, нѣтъ, нѣтъ... Королева вашего общества была и будетъ Зябликова, хоть и развѣнчанная... (*хохочетъ*). Однако, мнѣ пора спать... Прощайте!

Сыропустова.

Какъ, вы хотите ѣхать? Нѣтъ, ради Бога, погодите. Сейчасъ ужинъ, а потомъ мазурка... Вы портите все наше веселье... Я васъ не отпущу до ужина.

Бахрюкова.

Какъ же вы не отпустите, если я уѣду. Полноте, до веселья ли вамъ теперь, при такомъ несчастіи! Ахъ, какъ это остроумно: развѣнчанная королева (*Хохочетъ*). Прощайте (*хочетъ идти*).

Хлюстиковъ (*подбѣгая*).

Вамъ не нужно ли что приказать, Конкордія Никтополіоновна?

Бахрюкова.

Нужно...

Хлюстиковъ.

Что прикажете?

Бахрюкова.

Чтобы вы не совались, гдѣ васъ не спрашиваютъ... Больше ничего. (*Уходитъ*).

Сыропустова (*стоитъ въ раздумьѣ*).

Надѣется на новое свѣтило... Ну, еще увидимъ.

Звонищевъ.

Вотъ вамъ и вся печальная исторія, какъ палъ великій человѣкъ!

Бубенчиковъ (*глубоко вздыхаетъ*).

Да, и пометутъ насъ какъ клоповъ...

Позвонковъ.

И первые будутъ послѣдними, и послѣдніе, можетъ быть, первыми.

Звонищевъ.

Да-съ, предстоитъ, предстоитъ перетасовка... Молодъ и въ случаѣ... Захочетъ себя показать... Что-то будетъ!

Сыропустовъ.

Что бы ни было, а дожидать надо. Надъ всѣми господами есть господинъ... (*гладитъ животъ*). Милости просимъ, господа! А жалко, жалко Ивана Яковлевича: со вкусомъ былъ человѣкъ, и покушать умѣлъ... А гдѣ же Конкордія Никтополіоновна?...

Сыропустова.

Уѣхала.

Сыропустовъ.

Какъ уѣхала?... а вѣдь хотѣла идти со мной къ ужину...

Сыропустова.

Нѣтъ, она теперь уже гнушается нашимъ обществомъ, съ тѣхъ поръ, какъ услышала о новомъ назначеніи.

Сыропустовъ.

Ну, Богъ съ ней... Матушка Анна Львовна, пожалуйте ручку. (*Подаетъ руку Аннѣ Львовнѣ*). (*Хлюстикову*). Викторъ Ипатьичъ, вели-ка играть полонезъ, да зови молодежь ужинать... (*Хлюстиковъ убѣгаетъ*). Господа! прошу... (*Всѣ уходятъ, многіе парами. Музыка играетъ польскій*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небольшая комната въ домѣ Сыропустова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сыропустова *(одна, ходитъ въ безпокойствѣ по комнатѣ и часто смотритъ въ окно).*

Нѣтъ, не ѣдетъ... Какъ долго онъ ихъ держитъ... Первый пріемъ у новаго начальника: какое это важное событіе для чиновника... Я воображаю этотъ общій трепетъ, общее безпокойство и волненіе въ ожиданіи выхода новаго начальника... Вся зала полна, тишина мертвая, всѣ въ мундирахъ, не смѣютъ кашлянуть, иные не смѣютъ присѣсть, съ волненіемъ смотрятъ на ту дверь, изъ которой онъ долженъ выдти... Каковъ-то онъ? Что-то онъ скажетъ? Кто уцѣлѣетъ, кого прогонитъ, кто будетъ при немъ въ силѣ? И вотъ онъ выходитъ, раскланивается, окидываетъ всѣхъ однимъ взглядомъ... всѣ въ оцѣпенѣніи... Начинается представленіе: такой-то... кивнулъ головой, прошелъ молча... неизвѣстно что̀ будетъ, что̀ онъ думаетъ... такой-то... «а! очень радъ съ вами познакомиться... Я слышалъ о васъ много хорошаго...» Боже мой, какъ легко стало на душѣ! ожилъ человѣкъ, улыбается, веселъ, благодаренъ, готовъ броситься и расцаловать руки добраго начальника, кругомъ всѣ ему улыбаются... За то слѣдующій: такой-то... Брови начальника хмурятся... «а?... гм... Это вы?... слышалъ-съ, слышалъ и объ васъ... гм...» и больше ни одного слова... Но и этого довольно: кончено, пропалъ человѣкъ... судьба его рѣшена... Какъ много значитъ одно слово начальника, одинъ взглядъ его! Какое блаженство быть начальникомъ и сознавать свою силу... Я женщина, но я понимаю это... я умѣла бы быть начальникомъ, я умѣла бы держать себя... я умѣла бы однимъ взглядомъ и убить, и оживить человѣка! Но мы, бѣдныя женщины, лишены этого счастія... Еще жена начальника... о, это много значитъ, особенно, если мужъ недалекъ... тутъ можно легко властвовать. Но каково сознавать себя умной, имѣть жажду, страсть къ власти, къ первенству, и быть женой человѣка подначальнаго и при томъ... *(Слышенъ звукъ подъѣзжающаго къ дому экипажа).* А, наконецъ пріѣхалъ... *(Смотритъ въ окно).* Онъ... *(Идетъ къ дверямъ, отворяетъ ихъ и оста-*

навливается у нихъ). Мнѣ кажется, я съ перваго взгляда узнаю по лицу мужа: хорошо или худо... Впрочемъ нѣтъ, по лицу Флегонта Парменыча, пожалуй, ничего не узнаешь, кромѣ того: сытъ онъ, или голоденъ. Флегонтъ Парменычъ, сюда, сюда, я здѣсь, сюда иди.

Сыропустовъ (*за сценой*).

Погоди, матушка, только мундиръ сниму.

Сыропустова.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... иди скорѣе сюда...

Сыропустовъ.

Дай только халатъ надѣну...

Сыропустова.

Да нѣтъ же, Боже мой, успѣешь... (*Выскакиваетъ за дверь и тотчасъ же тащитъ за собою мужа*). Какъ это тебѣ не стыдно: я съ ума схожу отъ безпокойства, а онъ... Ну, разсказывай... что̀? какъ?...

Сыропустовъ.

Погоди же... дай хоть эту аммуницію съ себя сброшу... я задыхаюсь совсѣмъ... (*Хочетъ отстегнуть шпагу и не можетъ*). Кузьма, Кузьма! поди, прими!

Сыропустова.

Да погоди, я сама... (*Торопливо снимаетъ шпагу и отдаетъ вошедшему слугѣ*). Ну, разсказывай...

Сыропустовъ (*разстегивая мундиръ*).

Уфъ, Боже мой, дай мнѣ присѣсть!

Сыропустова.

Ну, садись, садись...

Сыропустовъ (*слугѣ*).

Халатъ мнѣ сюда, коли такъ...

Сыропустова.

Да полно же, ради Бога... (*Слугѣ*). Не нужно... (*Сыропустову*). Будетъ входить сюда, помѣшаетъ... Неужели ты не можешь пяти минутъ подождать, чтобы только разсказать... (*Слугѣ*). Ступай отсюда, ничего не нужно... (*Слуга уходитъ*).

Сыропустовъ (*жалобно*).

Какъ, матушка, не нужно... помилуй, я и ѣсть и пить хочу съ этой муки... Часа, вѣдь, два дежурили...

Сыропустова.

Ну, я прикажу поскорѣе подать завтракъ, только ты разскажи мнѣ... (*Подбѣгаетъ къ дверямъ и говоритъ въ нихъ*). Приготовить барину поскорѣе завтракъ въ столовой!

Сыропустовъ (*съ упрекомъ*).

А ты еще и не приготовила... не позаботилась обо мнѣ?

Сыропустова.

До того ли мнѣ было... Я все время думала: что̀ тамъ происходило у васъ... Ну, разсказывай же...

Сыропустовъ.

Да нечего разсказывать, ничего особеннаго не случилось... Измучился, больше ничего... Да еще на бѣду новые сапоги надѣлъ... ногу жметъ правый, просто силъ нѣтъ... Позволь, хоть сапоги перемѣню... Эй, Кузьма!

Сыропустова.

Что ты, хочешь ужь здѣсь сапоги снимать... Помилосердуй же ради Бога... Ну, что же онъ тебѣ сказалъ?

Сыропустовъ.

Да ничего...

Сыропустова.

Ну, а Зябликову?

Сыропустовъ.

Тоже ничего.

Сыропустова.

Ну, а Бубенчикову что̀?

Сыропустовъ.

Ничего.

Сыропустова.

И Звонищеву ничего?

Сыропустовъ.

И Звонищеву ничего.

Сыропустова.

Да съ кѣмъ же онъ говорилъ?

Сыропустовъ.

Да ни съ кѣмъ.

Сыропустова.

Не можетъ же быть, чтобы онъ ничего не сказалъ... Ну, хоть вообще что-нибудь говорилъ?

Сыропустовъ.

Вообще говорилъ...

Сыропустова.

Что же, что?... Ну, разскажи по порядку...

Сыропустовъ.

Ну, что тутъ: по порядку... Вышелъ, раскланялся... всѣ ему представились. Никому слова не сказалъ. Потомъ отступилъ назадъ, нахмурился и началъ: о — о, какъ же я тебя, чортъ тебя дери...

Сыропустова.

На кого это, на кого?

Сыропустовъ (*съ сердцемъ*).

Да ни на кого... просто жметъ...

Сыропустова.

Да кого же?

Сыропустовъ.

Да ногу жметъ... сапогомъ... Отпусти ты меня ради Бога... Я не могу... я этому сапожнику задамъ... (*Встаетъ и хочетъ идти*).

Сыропустова (*останавливая*).

Ты только разскажи мнѣ вкратцѣ, въ двухъ словахъ: о чемъ онъ вообще-то говорилъ?

Сыропустовъ (*идя къ дверямъ и прихрамывая*).

Да о многомъ: и о чести, и взяткахъ... и объ отечествѣ... и о сапогахъ... охъ ты, дьяволъ!

Сыропустова.

Какъ о сапогахъ?... Что̀ ты говоришь...

Сыропустова.

Пусти, матушка, пусти, я съ ума сойду... Послѣ все разскажу... Теперь не могу, какъ хочешь... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сыропустова (*одна*).

Вотъ положеніе умной жены у глупаго мужа... Тутъ надо бы знать все подробно, чтобы сообразить и потомъ дѣйствовать такъ, или иначе, а отъ него ничего добиться нельзя... Можетъ быть, и служба, и вся судьба на волоскѣ висятъ: нужно бы предупредить, отразить бѣду такъ, или этакъ, а онъ только и думаетъ объ ѣдѣ, да о снѣ... И пускай бы его, пожалуй: я не люблю, когда въ мои дѣла мѣшаются, я сама все съумѣю обдѣлать, да хоть бы разсказалъ толкомъ, чтобы знать, что̀ нужно дѣлать... Фу, Боже мой, какое скверное положеніе... Можетъ быть, каждая минута дорога... Что̀ онъ такое, этотъ начальникъ?... изъ первыхъ словъ человѣка, вѣдь, сейчасъ все это видно; да какое! изъ перваго взгляда, изъ поклона, изъ манеръ... Что̀ онъ такое? франтъ, любезникъ, или дѣлецъ?... что онъ: общество, развлеченія любитъ, или кабинетныя занятія?... Какъ къ нему подойти: общественныя развлеченія, или благодѣянія, пожертвованія на добрыя дѣла? чего онъ будетъ требовать, что больше въ его вкусѣ?... Можетъ быть, кутило, можетъ быть, нравственный, христіанинъ хорошій?... Можетъ быть, невѣсту ищетъ, можетъ быть, жениться и не думаетъ, а

радъ будетъ такъ, на свободѣ?... Ничего, ничего не знаю!... Это просто, можетъ въ отчаяніе привести... Надо куда-нибудь ѣхать, узнать... Но куда же, къ кому?... Ко всѣмъ развѣ, по порядку?... (*Слышенъ звукъ подъѣхавшаго къ дому экипажа*). Ба, кто это, кого Богъ даетъ?... (*Смотритъ въ окно*). Хлюстиковъ и Бубенчиковъ... Ну, вотъ спасибо, вотъ утѣшилъ... Хлюстиковъ мнѣ лучше всѣхъ разскажетъ и разузнаетъ... онъ мнѣ всего нужнѣе... Это сама судьба, указаніе... Благодарю тебя, Боже!...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сыропустова и Хлюстиковъ.

Сыропустова (*при появленіи Хлюстикова*).

Ну, вотъ благодарю... это очень мило и любезно съ вашей стороны, что поторопились пріѣхать!

Хлюстиковъ.

Какъ же, Пальмира Карловна, я тотчасъ же, только забѣжалъ домой, скинулъ мундиръ, накинулъ фракъ и сейчасъ же ко всѣмъ моимъ, къ вамъ первымъ... по дорогѣ захватилъ съ собой и Бубенчикова... Его приглашалъ Флегонтъ Парменычъ.

Сыропустова.

Гдѣ же онъ?

Хлюстиковъ.

Прошелъ въ кабинетъ къ Флегонту Парменычу, а я побѣжалъ къ вамъ.

Сыропустова.

Ну, и прекрасно... отъ него тоже немного добьешься толка, какъ и отъ мужа... Ну, разсказывайте же: какъ и что?...

Хлюстиковъ.

Ну, Пальмира Карловна, дождались наконецъ... Вотъ человѣкъ!... Какую онъ нотацію всѣмъ прочиталъ, какъ всѣхъ отхлесталъ, какія возвышенныя понятія, какой языкъ... говоритъ какъ... просто геніальный человѣкъ.

Сыропустова.

Неужели?

Хлюстиковъ.

Геній, просто геній!

Сыропустова.

Ну, погодите же... Вы знаете, я люблю порядокъ во всемъ... Порядокъ прежде всего... Разсказывайте мнѣ все по порядку...

Хлюстиковъ.

Ну, извольте... съ чего же прикажете начать?

Сыропустова.

Вопервыхъ, скажите мнѣ, отчего онъ пріѣхалъ уже съ недѣлю, а ни у кого не былъ до сихъ поръ, и пріему не дѣлалъ? Вы, не забудьте, я васъ тоже цѣлую недѣлю не видала, и потому почти совсѣмъ не знаю, что̀ дѣлается въ городѣ...

Хлюстиковъ.

Не могъ быть, Пальмира Карловна... по своей должности не могъ... вѣдь вы знаете, я долженъ былъ каждую минуту быть готовъ... вдругъ потребуетъ зачѣмъ-нибудь... а меня нѣтъ дома... нехорошо... А почему онъ пріема долго не дѣлалъ? я думаю, потому, что хотѣлъ отдохнуть съ дороги и устроиться: всю недѣлю въ домѣ была возня, переклеивали комнаты новыми обоями, вновь обивали мебель...

Сыропустова.

Это я слышала...

Хлюстиковъ.

Ну, а еще скажу вамъ, можетъ быть, и свѣдѣнія собиралъ подъ рукою...

Сыропустова.

Да чрезъ кого же? вѣдь онъ никого не принималъ?

Хлюстиковъ.

Хм... Чрезъ кого... А камердинеръ на что?... Камердинеръ ужасно гордъ, просто недоступенъ, а вездѣ по лавкамъ онъ закупалъ: должно быть, довѣренный человѣкъ, правая рука... А это вы слышали, что онъ три раза по вечерамъ самъ катался по городу?

Сыропустова.

Слышала.

Хлюстиковъ.

Ну, вѣдь не даромъ же... что-нибудь да высматривалъ же... Такой человѣкъ даромъ кататься не будетъ...

Сыропустова.

Можетъ быть, къ Бахрюковой ѣздилъ, какъ къ старой знакомой?

Хлюстиковъ.

Ну, нѣтъ-съ... Это я знаю навѣрно... у Бахрюковой-то не выгорѣло, ошиблась въ разсчетѣ: два раза присылала человѣка съ письмомъ приглашать къ себѣ — даже къ человѣку не вышелъ и черезъ камердинера извинился, что не совсѣмъ здоровъ... и занятъ... нѣтъ-съ, Бахрюкова-то... (*вызгаетъ губами*) провалилась... и вниманія обратить не хочетъ!

Сыропустова.

Неужели?

Хлюстиковъ.

Спросите всѣхъ.

Сыропустова (*съ торжествомъ*).

А-а, Конкордія Никтополіоновна! рано очень заважничали и захвастали... (*Тихо смѣется*). Я говорила: увидимъ еще... Ну, а каковъ онъ собою? разскажите мнѣ...

Хлюстиковъ.

Очарователенъ. Ужасно красивъ. Улыбка привѣтливая, но взглядъ строгій... видно, что очень уменъ. А какъ говоритъ — это чудо! Когда онъ началъ: господа...

Сыропустова.

Погодите, погодите. До всего дойдемъ по порядку. Скажите: когда ему представлялись, со всѣми онъ былъ одинаковъ?

Хлюстиковъ.

Рѣшительно со всѣми: ни одному особеннаго слова не сказалъ, только на иныхъ взглядывалъ очень внимательно, на другихъ такъ, мелькомъ...

Сыропустова.

А какъ на Зябликова?

Хлюстиковъ.

Нехорошо... язвительно...

Сыропустова.

Значитъ, слышалъ?

Хлюстиковъ.

Навѣрно...

Сыропустова (*въ раздумьѣ*).

Хм... Значитъ, онъ съ перваго раза никому не хотѣлъ показать своего мнѣнія о немъ?

Хлюстиковъ.

Да, дипломатъ, должно быть, тонкій... но сейчасъ видно, кто подъ сомнѣніемъ; я вамъ всѣхъ назову, кто опасенъ...

Сыропустова.

Кто же, кто?

Хлюстиковъ.

Первый: Зябликовъ...

Сыропустова.

Ну, они не боятся... Иванъ Яковлевичъ обѣщалъ ему выхлопотать мѣсто въ Петербургѣ...

Хлюстиковъ.

Звонищевъ опасенъ, только этотъ хитеръ: поддѣлается... правитель опасенъ, губернскій архитекторъ опасенъ...

Сыропустова (*нерѣшительно*).

Ну, а мужъ?

Хлюстиковъ.

Онъ ничего, кажется... Одно только: генералъ слегка улыбнулся взглянувъ на него... по не злобно... а такъ, знаете... комически...

Сыропустова.

Во всякомъ случаѣ, что же?.. Флегонтъ исправенъ въ службѣ, да и часть у него отдѣльная... Ну, теперь разсказывайте: что же онъ говорилъ вообще?

Хлюстиковъ.

Я вамъ представлю... Вотъ когда обошелъ всѣхъ, отошелъ такъ назадъ, всталъ въ позу и началъ: господа, я призванъ сюда... вы мои товарищи и помощники... всѣ мы призваны, господа... исполнять волю... законъ, господа, и честь отечества, господа... для насъ должны быть дороже всего... Каждая часть, порученная, господа... должна быть въ совершенствѣ — это нашъ долгъ, наша обязанность... О взяткахъ въ наше время прогресса я и упоминать не хочу... Но помните, господа, что на насъ лежатъ еще высшія обязанности... еще высшія обязанности, господа... Всѣ лица поставлены здѣсь, господа, чтобы охранять... порядокъ, господа... защищать обиженныхъ, руководить и... и... и просвѣщать... позвольте... и просвѣщать народъ...

Сыропустова.

Просвѣщать...

Хлюстиковъ.

Да... онъ потомъ много говорилъ о просвѣщеніи... Позвольте... (*Снова принимая позу*). Помните, господа... да... гм... да... Помните, господа, что не народъ для насъ, а мы для народа... Употребимъ, говоритъ, всѣ свои силы, чтобы быть ему полезнымъ... нетолько, говоритъ... нетолько, говоритъ, исполненіемъ обязанностей, но... но... но даже...

Сыропустова.

Что же?

Хлюстиковъ.

Позвольте, сейчасъ... Да, именно... Помните, говоритъ, господа, что народъ ждетъ отъ насъ пожертвованій...

Сыропустова (*встрепенувшись*).

Пожертвованій?..

Хлюстиковъ.

Да-съ... Позвольте... Мы должны всѣмъ жертвовать, а нетолько исполненіемъ обязанностей... А такъ ли мы посту-

паемъ?.. Таковъ ли у насъ судъ? таковы ли пути? что мы сдѣлали для развитія? много ли у насъ школъ? здѣсь нѣтъ даже женскихъ школъ.

Сыропустова.

Женскихъ школъ?

Хлюстиковъ.

Да, именно такъ и сказалъ... Отъ насъ ждутъ примѣра, господа, руководства, указанія... А мы, что мы дѣлаемъ?.. какъ мы служимъ?.. очищаемъ нумера... скрываемъ правду... проводимъ время... играемъ въ карты... Общество должно веселиться, господа, но дѣло... дѣло, общественная польза прежде всего...

Сыропустовъ (*сзади*).

Браво, браво... А вѣдь похоже представляетъ, а!.. Никандръ Авдѣичъ?.. (*Хохочетъ*).

Бубенчиковъ.

Похоже... очень...

Хлюстиковъ (*сконфузившись*).

Ну, вотъ вы, Флегонтъ Парменычъ... Я и не слышу, что вы тутъ... Это я для Пальмиры Карловны... Они ихъ не видали... Я описывалъ...

Сыропустовъ.

Ничего, ничего, душа, хорошо... Если изъ службы выгонятъ, не пропадешь: ступай въ актёры... ха, ха, ха...

Сыропустова.

Нечему смѣяться... Я очень благодарна Виктору Ипатьичу: онъ мнѣ разсказалъ о томъ, чего я отъ тебя добиться не могла... Неужели же лучше лежать на боку, чѣмъ доставить удовольствіе дамѣ?

Сыропустовъ.

Да я ничего... Я вѣдь отъ души смѣюсь, съ похвалою, матушка, а не то, что въ пику, или для осужденія... Мы тамъ порядкомъ закусили, на душѣ сдѣлалось повеселѣе: вотъ я и смѣюсь... Викторъ Ипатьичъ, не хотите ли закусить?.. Не сердись, душа... я вѣдь не хотѣлъ обидѣть... пожалуйста! (*Протягиваетъ руку Хлюстикову*).

Хлюстиковъ (*беря руку Сыропустова*).

Да что вы, помилуйте: я нисколько не разсердился... мнѣ только совѣстно стало, что вы застали меня такъ...

Сыропустова.

Нечего тутъ совѣститься, напротивъ, очень мило и любезно съ вашей стороны, что разсказали мнѣ... Я теперь имѣю понятіе о новомъ начальникѣ: какъ онъ прекрасно говорилъ!

Бубенчиковъ.

Говорилъ-то онъ хорошо, Пальмира Карловна... Каково-то намъ-то придется отъ него...

Сыропустова.

А я по всему думаю теперь, что ничего худаго не будетъ... Видно, что онъ человѣкъ умный, образованный и не будетъ такъ, даромъ, преслѣдовать служащихъ.

Бубенчиковъ.

Дай-то Богъ. А признаться сказать: онъ давеча такого страха, такого тумана напустилъ, что я и... и разсудить ничего не могъ... И не поймешь, чего отъ тебя хотятъ: службы ли, или чего другаго... Выгнать ли тебя хотятъ или нравоученіе только дѣлаютъ... Ухъ, какое начальство стали нынче присылать... бѣда! Мало того: служи, ѣзди въ присутствіе утромъ, а еще и вечеромъ, когда дѣлать нечего, тоже, говоритъ, старайся! просвѣщай, дѣйствуй для общественной пользы... А какъ?.. неизвѣстно... Нѣтъ, меня что-то не радуетъ... Неизвѣстно, что будетъ.

Сыропустова.

А вотъ мы посмотримъ, подумаемъ.

Бубенчиковъ.

Подумайте, Пальмира Карловна, вы у насъ всѣхъ умнѣе... Подумайте, а мы съ васъ перенимать станемъ... (*Вздыхаетъ*). О, боже мой, прощайте.

Сыропустова (*въ глубокомъ раздумьѣ*).

Прощайте.

Бубенчиковъ (*подавая руку Сыропустову, тихо*).

Прощайте... Золотая она у васъ голова .. вы за ней, что за каменной стѣной. (*Уходитъ*).

Хлюстиковъ.

Прощайте, Пальмира Карловна.

Сыропустова (*размышляя*).

Погодите... Вы сказали: онъ говорилъ просвѣщеніе... школы... нѣтъ женскихъ школъ?

Хлюстиковъ.

Да-съ... говорилъ: вотъ извольте спросить, и Флегонтъ Парменычъ слышали.

Сыропустова (*оживляясь*).

Да, да... (*Хлюстикову*) Ну, поѣзжайте съ Богомъ... Да по дорогѣ скажите тамъ моему человѣку, чтобы мнѣ сейчасъ же лошадей подали.

Хлюстиковъ.

Сію минуту-съ.·. Прощайте. (*Торопливо раскланивается и уходитъ*).

Сыропустовъ (*сонливо*).

Ты что еще, Пальмирочка, затѣваешь?.. Смотри, душенька, не промахнись... или не запутайся.

Сыропустова (*съ достоинствомъ*).

Что̀?.. Я?.. Я запутаюсь?.. (*Презрительно*). Поди-ка спать... Ты совсѣмъ дремлешь. (*Уходитъ*).

Сыропустовъ.

И въ правду дремлю. Что̀-жь, я никого не обидѣлъ. Наше дѣло: покушанюшки, да и баиньки... Ничего... безъ вреда ближнему... насъ Богъ проститъ! (*Засыпаетъ сидя въ креслахъ*)

Комната въ квартирѣ Канюкина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прелестный и Канюкина.

Прелестный.

И вамъ не стыдно смѣяться надъ моимъ чувствомъ, надъ чувствомъ самымъ священнымъ въ человѣческомъ организмѣ!

Канюкина.

Но что̀ же дѣлать, если это чувство неумѣстно...

Прелестный.

Неумѣстно?.. Почему?..

Канюкина.

Потому что ни къ чему не поведетъ.

Прелестный.

Но это отъ васъ зависитъ, Лизавета Александровна: вы можете спасти человѣка, сдѣлать его счастливымъ на всю жизнь, или погубить навсегда.

Канюкина.

Ничего я тутъ не могу сдѣлать, потому что ваше чувство непозволительно.

Прелестный.

Непозволительно? .. ха, ха... Развѣ есть что-нибудь непозволительное въ явленіяхъ природы?.. развѣ воленъ человѣческій организмъ въ своихъ потребностяхъ?... Неужели вашъ мужъ, который представляетъ изъ себя современнаго, либеральнаго человѣка, проповѣдуетъ вамъ такія отсталыя идеи?

Канюкина.

Такъ вы всего лучше объяснитесь объ этомъ съ моимъ му-

жемъ... Можетъ быть, онъ имѣетъ на этотъ счетъ иной взглядъ... (*Тихо смѣется*).

Прелестный.

Вы опять смѣетесь!

Канюкина.

Да что же мнѣ прикажете дѣлать: плакать, что ли?

Прелестный.

Да, конечно, лучше плакать, чѣмъ смѣяться... Вы заставляете страдать, мучиться, горѣть на медленномъ огнѣ того человѣка, который до встрѣчи съ вами не зналъ ни горя, ни страданія въ жизни; вы убили во мнѣ всю энергію, всю вѣру въ жизнь... Я былъ полонъ возвышенныхъ стремленій, я хотѣлъ посвятить всего себя на пользу общества, народа...

Канюкина.

Даже тогда, какъ танцовали со мной у тетушки? (*смѣется*).

Прелестный (*вскочивъ*).

Но это жестоко, Лизавета Александровна, это неблагородно: издѣваться надъ человѣкомъ за то только, что онъ имѣлъ несчастіе полюбить васъ! Скажите мнѣ прямо, что я вамъ отвратителенъ, что вы меня презираете, и я буду знать, какъ распорядиться съ собою; я, не задумавшись, погублю себя, принеся свою жизнь въ жертву какой либо высокой идеи... Потому-что переносить эти страданія я болѣе не въ силахъ! Ну, скажите же прямо, что вы меня презираете, что вы питаете ко мнѣ физіологическое отвращеніе... и я готовъ погибнуть!

Канюкина.

Нѣтъ, я не хочу, чтобы вы чрезъ меня и такъ преждевременно погибли, да и не могу говорить того, чего не чувствую... Я не питаю къ вамъ ни отвращенія, ни презрѣнія... напротивъ!

Прелестный (*схватывая руку Канюкиной*).

Лизавета Александровна!

Канюкина (*тихо освобождая свою руку*).

Что-съ?..

Прелестный.

Договаривайте же... Не скрывайтесь, выскажитесь поскорѣе... дайте мнѣ хоть минуту блаженства...

Канюкина.

Да вы мнѣ не дали договорить.

Прелестный.

Ну, я молчу... Вы сказали: напротивъ... Что же?..

Канюкина.

Напротивъ, я даже уважаю васъ... Но люблю только мужа...

Прелестный (*ероша волосы*).

Мужа... только мужа!.. Вздоръ, быть не можетъ... Вы не можете любить этого человѣка. Въ немъ нѣтъ ничего, что̀ могло бы увлекать женщину! Онъ слишкомъ холоденъ, сухъ... да и некрасивъ... Въ васъ говоритъ противъ меня только предразсудокъ супружеской вѣрности!

Канюкина.

Вы, я вижу, Вадимъ Прокофьевичъ, очень мало знаете моего мужа и женское сердце... Увѣряю васъ, что моимъ мужемъ не только можно увлечься, но можно любить его самой крѣпкой любовью!

Прелестный.

Да, мѣщанской любовью, безъ огня, безъ восторговъ, безъ упоенія... но не тѣмъ страстнымъ, жгучимъ обожаніемъ, котораго требуетъ ваша порывистая натура!

Канюкина.

Да съ чего вы выдумали, что у меня порывистая натура... вы ошибаетесь: я самая обыкновенная женщина, именно способная только на мѣщанскую любовь, какъ вы говорите...

Прелестный.

Да, потому что вашъ мужъ не умѣетъ разбудить въ васъ чувствъ... потому что онѣ спятъ въ васъ, притупленныя той душной сферой, въ которой заперъ васъ вашъ мужъ...

Канюкина.

Такъ отчего же вы-то, такой пылкій человѣкъ, не можете разбудить во мнѣ этихъ спящихъ чувствъ?.. Ужъ, кажется, какъ стараетесь, а они все не просыпаются... (*смѣется*). Я все попрежнему продолжаю любить моего добраго, тихаго Васю...

Прелестный (*презрительно*).

Васю... добраго Васю! Не произносите при мнѣ этого имени! Я ненавижу его... Я презираю вашего мужа всѣми силами моей души!

Канюкина.

Г. Прелестный, не слишкомъ ли сильно̀ вы выражаетесь о хозяинѣ того дома, въ которомъ васъ принимаютъ, какъ хорошаго знакомаго? Не попросить ли васъ удалиться?

Прелестный.

Я не могу иначе выражаться о моемъ злѣйшемъ врагѣ, который заграждаетъ дорогу къ моему счастію...

Канюкина.

И предъ которымъ вы всегда такъ тихи, скромны и любезны, когда онъ самъ на лицо...

Прелестный.

И вы не понимаете, что это дѣлалось только для того, чтобы видѣть васъ? Я пожималъ ему руку, я угождалъ ему, а въ душѣ у меня всегда клокоталъ адъ... Не думаете ли вы, что я его боюсь? Скажите слово, и я уничтожу его передъ вашими глазами!

Канюкина.

Напротивъ, я не только не скажу этого слова, но попрошу васъ сейчасъ же уйти и не приходить болѣе, если вы намѣрены вновь такъ неприлично выражаться при мнѣ о моемъ мужѣ. Не угодно ли вамъ... *(Указываетъ на двери).*

Прелестный.

Ну, простите меня... Я сумасшедшій... Я обезумѣлъ отъ любви къ вамъ. *(Бросается на стулъ и закрываетъ лицо руками).*

Канюкина.

Я не знала, что вы наклонны къ сумасшествію, а то я давно бы перестала васъ принимать.

Прелестный *(вскакивая и подходя къ Канюкиной).*

Ну, умоляю васъ, Лизавета Александровна, не гнѣвайтесь же, простите меня!

Канюкина.

Только съ условіемъ, чтобы впередъ припадки сумасшествія не повторялись въ моемъ домѣ.

Прелестный.

Ну, протяните же мнѣ вашу ручку, дайте мнѣ дотронуться до нея въ знакъ нашего примиренія... Я даю вамъ слово никогда, ничего не говорить про вашего мужа... Ну, дайте же мнѣ вашу ручку.

Канюкина.

Это лишнее, потому что я замѣчала, какъ вы дотронетесь до моей руки, такъ и заговорите чепуху...

Прелестный.

Эхъ, Лизавета Александровна, не знаете вы, или не хотите понять, что̀ вы для меня значите: въ васъ вся моя жизнь, вся моя будущность, вы единственная и постоянная цѣль всей моей жизни.

Канюкина *(насмѣшливо).*

Да, въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль, считая съ нашей пер-

вой встрѣчи. Какое постоянство! Посмотри-ка, пожалуста, который часъ?

Прелестный (*смотря на часы*).

Почти два часа... Еще одинъ день вонъ изъ жизни. (*Вздыхаетъ и беретъ фуражку*). Прощайте, Лизавета Александровна!

Канюкина.

Куда же вы, погодите: сейчасъ мужъ придетъ.

Прелестный.

Оттого-то я и ухожу... Я не могу сегодня съ нимъ встрѣтиться... Я слишкомъ взволнованъ... Прощайте!

Канюкина.

Прощайте! (*Подаетъ ему руку*).

Прелестный.

Но только до свиданія, а не на всегда... Помните, Лизавета Александровна: вы смѣетесь, что прошло только еще три недѣли, но впереди цѣлая жизнь... Вы не знаете меня: я не отступлюсь отъ васъ и не уступлю васъ никому... Я буду слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ... Вы выгоните меня изъ дома, я буду стоять около вашей квартиры... Я буду слѣдовать за вами всюду, какъ вѣчный укоръ вашей совѣсти, какъ погубленное вами существованіе!

Канюкина (*смѣется*).

Ну, вотъ правду ли я сказала, что какъ вы дотронетесь до моей руки, такъ и заговорите чепуху! (*Входитъ Канюкинъ*). А вотъ и Вася...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Канюкинъ.

Канюкинъ.

А, г. Прелестный! мое почтеніе...

Прелестный.

Здравствуйте-съ и прощайте.

Канюкинъ.

Какъ прощайте?.. Что это вы, батюшка... только что хозяинъ возвратился домой, вы и вонъ... Точно на тайное свиданіе съ хозяйкой приходите сюда...

Прелестный (*сконфузившись*).

Что это вы... Къ чему такъ... Я уже простился съ Лизаветой Александровной и шелъ домой.

Канюкинъ.

Ты смотри, у меня, Лиза, не измѣни мнѣ.

Прелестный (*оправившись и прибодряясь*).

А что же вы, ревнивый Отелло... и не вѣрите вашей женѣ?...

Канюкинъ.

Да, вѣдь, военные люди, говорятъ, опасны для женщинъ...

Прелестный.

Мнѣ кажется, вы оскорбляете Лизавету Александровну, думая, что ее можетъ соблазнить одинъ военный мундиръ!

Канюкинъ.

Да подъ мундиромъ-то у васъ марсовское, пылкое сердце... (*Канюкинъ тихо смѣется*). А гдѣ же намъ, мирнымъ статскимъ, состязаться съ вами... Долго ли до бѣды: пожалуй, и увлечется... и жену потеряешь!

Прелестный.

А вы что же, смотрите на женщину, какъ на вещь, на которую можно имѣть право собственности?

Канюкинъ.

Умныя рѣчи пріятно и слушать... только я вовсе не желалъ бы, чтобы моя жена полюбила кого нибудь больше, чѣмъ меня...

Прелестный (*язвительно*).

Слѣдовательно въ теоріи одно, а на практикѣ другое: въ теоріи свобода, а на практикѣ — рабство и ревность... Или вы держитесь еще старыхъ, отжившихъ убѣжденій?

Канюкинъ.

А вы, на счетъ женскаго вопроса, теоретикъ или практикъ?

Канюкина. (*смѣясь*)

Нѣтъ, больше теоретикъ... Но что же ты задерживаешь Вадима Прокофьича, онъ торопился домой... Когда же вы опять къ намъ, Вадимъ Прокофьичъ?

Прелестный.

Не могу вамъ сказать-съ... Постараюсь... если позволите...

Канюкина.

Приходите, когда вздумается, если вамъ не скучно съ нами...

Прелестный.

Помилуйте... Мнѣ всегда пріятно... Я боюсь только помѣшать... (*Останавливается, пріискивая выраженіе*).

Канюкинъ.

Нашему семейному счастію, что-ли?.. Нѣтъ, этого не бойтесь.

Канюкина.

Вася, вѣдь, пошутилъ...

Прелестный (*раскланивается, кидая на Канюкину выразительные взгляды; къ Канюкину*):

До свиданія... Въ другой разъ, на досугѣ, позвольте мнѣ поговорить съ вами по этому вопросу.

Канюкинъ.

По какому?.. По поводу вашего ухаживанія за моей женой?

Прелестный (*вспыхнувъ*).

Нѣтъ... Что вы все шутите... А по женскому вопросу вообще...

Канюкина.

А, съ удовольствіемъ: такого знатока дѣла, какъ вы, мнѣ всегда пріятно послушать...

Прелестный.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать вашъ образъ мыслей и поспорить съ вами... мнѣ кажется, мы не сойдемся... во многомъ...

Канюкинъ.

Чего мудренаго... очень можетъ быть... Я вѣдь этимъ предметомъ мало занимался, а вы, вѣроятно, спеціалистъ по этой части.

Прелестный.

Да, я и читалъ довольно много... и самъ размышлялъ...

Канюкинъ.

Ну, такъ вотъ видите... Очень, очень пріятно когда-нибудь... послѣ-обѣда... (*Къ женѣ*). А что̀, мой ангелъ, скоро мы будемъ обѣдать?

Прелестный.

До свиданія...

Канюкинъ.

До свиданія-съ.

Канюкина.

Прощайте, Вадимъ Прокофьичъ. (*Прелестный уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Канюкинъ съ женою.

Канюкинъ.

Какъ тебѣ не надоѣстъ, Лиза, возиться съ этимъ господиномъ?

Канюкина.

Да вѣдь скучно, Вася, одной, а онъ забавляетъ меня, придетъ, такъ я до сыта въ душѣ нахохочусь, а иногда, безъ зазрѣнія совѣсти, и прямо въ глаза.

Канюкинъ.

Удивляюсь... я бы умеръ съ тоски въ бесѣдѣ съ нимъ.

Канюкина.

Да тебѣ хорошо говорить: удивляюсь. Ты всегда въ людяхъ, а я вѣчно одна. Ты находишь удовольствіе въ книгахъ, а я въ нихъ ничего не понимаю. Знакомыхъ никого не заводишь... Тебя никогда дома нѣтъ... Вѣдь скучно!

Канюкинъ.

Вѣтреная ты головушка! Неужели ты думаешь, мнѣ весело возиться съ ребятишками? Да что̀ же дѣлать, коли взялся за это ремесло...

Канюкина.

Отчего же ни съ кѣмъ меня не знакомишь? Одна тетушка, да и къ той одинъ разъ только выпросилась у тебя на большой вечеръ...

Канюкинъ.

Радость ты моя, да что̀ же дѣлать, коли грошей нема? Заводить знакомства, нужно хоть какую-нибудь приличную обстановку, а что̀ я сдѣлаю на 600-то рублей... Какое здѣсь ни плюгавое общество, а тебѣ же не понравится, какъ будутъ смѣяться, да пальцами показывать на твой туалетъ... Вотъ ужь ненавижу частныхъ уроковъ, а только бы попались, не отказываюсь, собираю рубли, чтобы какъ-нибудь получше обставиться... А много ли здѣсь добудешь: не Петербургъ! Вотъ насилу-насилу сколотилъ деньжонокъ, чтобы расплатиться за твое бальное платье, что для тетушкинаго вечера шила...

Канюкина.

Такъ что̀ же ты, Вася, я давно тебѣ говорю: должности ты своей не любишь, постоянно отъ нея боленъ, разстроенъ, дохода отъ нея мало... Отчего же ты не перемѣнишь ее, не возьмешь другой?

Канюкинъ.

Какой же это другой, милая моя головка?... *(Цалуетъ жену).* Кто же мнѣ ее дастъ, гдѣ это я возьму ее?

Канюкина.

А попросилъ бы хорошенько тетю, или дядю: они бы выхлопотали...

Канюкинъ (*нахмурившись*).

Ну, ужь, Лиза, это старая пѣсня, которую ты, пожалуйста, не заводи... Твою тетушку я никогда ни о чемъ просить не буду, особенно за себя.

Канюкина.

А, право, она, Вася, добрая: она только любитъ, чтобы ее

уважали, потому что она привыкла къ всеобщему почтенію... И еслибъ ты только...

Канюкинъ.

Ну, ну, Лиза, оставь, пожалуйста... Ужь этого ты отъ меня никогда не выпудишь... не серди меня...

Канюкина (*обнимая мужа*).

Ну, не сердись, не сердись! Я больше не стану. (*Цалуетъ его*). Вѣдь я люблю тебя за эту гордость, что ты не хочешь никому кланяться. Это вѣдь мнѣ нравится въ тебѣ, только мнѣ жалко тебя, что ты такъ мучишься, работаешь, а денегъ у тебя все мало, и ты горюешь объ этомъ. Да ну, бросимъ этотъ разговоръ... Разскажи мнѣ лучше: не слыхалъ ли чего-нибудь новенькаго!

Канюкинъ.

Какія здѣсь могутъ быть новости... Весь городъ теперь только и говоритъ, что о новомъ начальникѣ.

Канюкина.

Чтò же говорятъ?

Канюкинъ.

Да и не разберешь ничего: кто хвалитъ, кто бранитъ: одни говорятъ, что чуть не съ неба звѣзды хватаетъ; другіе говорятъ, что дуракъ набитый и службы не понимаетъ; кто толкуетъ, что онъ здѣсь все вверхъ дномъ перевернетъ, другіе— что все по старому останется, а третьи ужь, по обыкновенію, несутъ совсѣмъ чепуху, что онъ цѣлую недѣлю по городу переодѣтый ходилъ по лавкамъ и по кабакамъ, и что даже залѣзалъ на соборную колокольню и училъ дьячка, какъ звонить надо.

Канюкина (*расхохотавшись*).

Ну, что врешь!

Канюкинъ.

Право, нашъ учитель чистописанія, знаешь, Пестрянкинъ, большой охотникъ звонить, и всю пасху на колокольняхъ проводитъ, такъ тотъ вполнѣ этому вѣритъ: увѣряетъ, что въ одинъ день самъ слышалъ на соборной колокольнѣ особенный звонъ, и жалѣетъ очень, что не залѣзъ на нее, а то бы, говоритъ, и съ начальникомъ познакомился, да еще и поспорилъ бы съ нимъ, какъ звонить надо. (*Оба смѣются*).

Канюкина.

Ну, разскажи, чтò еще говорятъ?

Канюкинъ.

Да чтò же еще?... Больше, право, ничего не знаю...

Служанка (*вбѣгая*).

Барынька, ваша тетинька-генеральша пріѣхали... Что̀ дѣлать-то?

Канюкина.

Ну, такъ поди же, встрѣчай...

Канюкинъ.

Вотъ тебѣ тетушка всѣ новости городскія разскажетъ: она все знаетъ. Про меня скажи, что я сплю...

Канюкина.

Да куда же ты? Погоди, нехорошо... побудь съ нами!

Канюкинъ.

Ну ее, не хочу! что̀ мнѣ тутъ дѣлать! Обѣдать только помѣшали. (*Уходитъ*).

Канюкина.

Экой ты, Вася, какой! Поневолѣ она не будетъ расположена къ тебѣ... Ну, Богъ съ тобой! (*Идетъ на встрѣчу Сыропустовой и встрѣчаетъ ее въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Канюкина и Сыропустова.

Канюкина.

Ахъ, тетя, душенька! какъ я вамъ благодарна, что вы насъ вспомнили! (*Цалуетъ ее*).

Сыропустова.

Здравствуй, моя милушка... Здорова ли? (*Садится*).

Канюкина.

Здорова, тетя... Благодарю васъ.

Сыропустова.

А Василій Иванычъ дома?

Канюкина.

Дома, только... извините, тетя... онъ пришелъ съ уроковъ, очень усталъ и легъ спать... только что уснулъ.

Сыропустова.

Жалко... Я хотѣла бы его видѣть.

Канюкина.

Если вы прикажете, ma tante, я его разбужу... (*Нерѣшительно*). Правда, что онъ спитъ очень крѣпко, и нескоро добудишься... и если встанетъ, такой всегда угрюмый со сна... Да это ничего... я разбужу...

Сыропустова.

Нѣтъ, не торопись: я подожду... посижу, поговорю съ то-

бой, а между тѣмъ, и онъ, можетъ быть, проснется. Развѣ ужь вы обѣдали?

Канюкина.

Нѣтъ еще, тетя.

Сыропустова.

Ну, такъ къ обѣду будешь же его будить... я до тѣхъ поръ и посижу.

Канюкина.

Ахъ, какой вы ангелъ, ma tante... добрая.

Сыропустова.

Ну, какъ же ты поживаешь? Что̀ подѣлываешь?

Канюкина.

Да ничего особеннаго, тетя. Что̀ же мнѣ дѣлать? Пошью, почитаю, поиграю на фортепіано... да скверное такое фортепіано, и играть не хочется... Ну, а когда мужъ дома и свободенъ, такъ съ нимъ поболтаю... Вотъ и все мое дѣло.

Сыропустова.

Да вѣдь Василья Иваныча часто не бываетъ дома?

Канюкина.

Да, часто, тетя; онъ, бѣдный, очень занятъ: все на урокахъ...

Сыропустова.

А ты одна, дѣтей нѣтъ, знакомыхъ мало... вѣдь скучаешь, я думаю?

Канюкина.

Ахъ, скучно, ma tante! Иной разъ очень бываетъ скучно, особенно, когда его нѣтъ... Не знаешь, какъ и время убить...

Сыропустова.

Такъ тебѣ бы надо, мой другъ, занятіе посерьёзнѣе шитья, да игранья на фортепіано. Въ нашъ вѣкъ безъ дѣла какъ-то и неприлично даже... Да тебѣ, должно быть, и передъ мужемъ стыдно: онъ трудится, работаетъ и день, и ночь, а ты ничего не дѣлаешь...

Канюкина.

Да что же я буду дѣлать, тетя? научите... я бы рада.

Сыропустова.

Да какъ не найти дѣла въ наше время, помилуй? Да вотъ кстати: я устраиваю благотворительный дамскій комитетъ... для народнаго просвѣщенія... чтобы открывать женскія школы для бѣдныхъ дѣвочекъ... Мы всѣ, дамы, соединяемся, и кто хочетъ — жертвуетъ деньги, а кто принимаетъ на себя сборъ пожертвованій... и разныя тамъ хлопоты... и другихъ членовъ принимаемъ... даже мужчинъ... Я съ своей стороны

жертвую триста рублей, чтобы на первый разъ открыть хоть небольшую школу для приходящихъ дѣвушекъ. Вотъ не хочешь ли принять на себя должность учительницы? конечно, даромъ, изъ благотворительности... А впрочемъ, если Василій Иванычъ не позволитъ даромъ, такъ-какъ вы люди небогатые, то можно даже и жалованье положить, если пожелаешь.

Канюкина.

Ахъ, нѣтъ, тетя, онъ позволитъ, и не захочетъ, чтобы я жалованье брала. Только чему же я буду учить? музыку развѣ?

Сыропустова.

Нѣтъ, тамъ музыки не будетъ... Гдѣ же для бѣдныхъ... съ музыкой! Это будетъ школа первоначальная... такъ, первоначальныя правила... Дѣла немного... Какой-нибудь часъ въ сутки... а между тѣмъ, благотвореніе, общественная польза... для молодой женщины это очень похвально. Ты первая покажешь примѣръ другимъ, заслужишь общее уваженіе, будешь членомъ нашего комитета, и даже, можетъ быть, тебя, какъ первую, изъявившую это благое желаніе, выберутъ въ начальницы, или въ почетныя попечительницы школы... Я думаю, что мужъ твой не будетъ имѣть ничего противъ такого высокаго и благороднаго занятія.

Канюкина.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ma tante, онъ непремѣнно согласится съ удовольствіемъ, и будетъ вамъ очень благодаренъ.

Сыропустова.

Да меня-то за что̀ же благодарить? Это тебя будутъ благодарить тѣ бѣдные родители, для которыхъ ты будешь благодѣтельницей! А твой мужъ, мнѣ кажется, только будетъ еще больше любить тебя и восхищаться тобой, какъ женщиной, посвящающей себя общей пользѣ... Я такъ думаю...

Канюкина.

Тетя, я въ восторгѣ отъ этого... Я очень рада, что... могу приносить хоть какую-нибудь пользу.

Сыропустова.

Какъ это, право, удивительно... во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ... благотворительныхъ! какъ будто провидѣніе именно ведетъ и управляетъ... указываетъ и людей и средства... для добраго дѣла! Напримѣръ, сегодня... я заѣхала къ тебѣ совершенно случайно; мнѣ и въ голову не приходила мысль заговорить съ тобой объ этомъ предметѣ... Признаюсь, хоть я и очень люблю тебя, но, по молодости и веселости твоей, никакъ не предполагала, чтобы ты взялась за такое благое дѣло съ такой радостью и готовностью... А между

тѣмъ, вотъ... какъ будто само провидѣніе указало мнѣ тебя... изъ случайнаго визита и разговора что̀ выходитъ?... Удивительно! (*Благоговѣйно подымаетъ глаза и вздыхаетъ*). Я тебѣ скажу еще болѣе: здѣсь двойное указаніе промысла... мнѣ сейчасъ это пришло въ голову... Вѣдь твой Василій Иванычъ, въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть намъ такъ полезенъ, какъ никто! Впрочемъ, на него-то, кажется, я напрасно разсчитываю: онъ, кажется, не очень расположенъ ко мнѣ, и не захочетъ принять участіе въ нашемъ дѣлѣ... хоть, правда, это дѣло и не мое, а общественное...

Канюкина.

Нѣтъ, тетя, вы напрасно такъ думаете. Онъ очень уважаетъ васъ. Что такое, вы скажите: я съ нимъ поговорю.

Сыропустова.

Вотъ видишь что, мой другъ. Нужно написать проектъ, представить всѣ соображенія, всю пользу, которую мы намѣрены принести, и написать уставъ и программу нашей будущей школы... А кто же можетъ это сдѣлать лучше Василья Иваныча? Все, вѣдь, это нужно очень хорошо выразить и объяснить, чтобы и новый начальникъ, когда ему будетъ представлено, увидѣлъ, какое это полезное предпріятіе...

Канюкина.

Погодите же, ma tante, я его разбужу и вытащу сюда: мы его заставимъ сдѣлать. (*Подбѣгаетъ къ дверямъ въ сосѣднюю комнату и отворяетъ ихъ*). Тетя, да онъ ужь проснулся и сидитъ тутъ, притаился. Выходи-ка, выходи, соня, здѣсь тетя и желаетъ тебя видѣть...

Сыропустова.

Не сердитесь, Василій Иванычъ, я невиновата въ томъ, что безпокою васъ... Я не хотѣла васъ тревожить: это ваша благовѣрная...

Канюкинъ (*изъ другой комнаты*).

Извините: я сію минуту. (*Выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Канюкинъ.

Канюкинъ.

Здравствуйте Пальмира Карловна.

Канюкина.

Ты давно проснулся?

Канюкинъ.

Такъ, нѣсколько минутъ...

Канюкина.

Такъ, можетъ быть, слышалъ хоть немножко, что̀ тетя говорила?

Канюкинъ.

Да, немного слышалъ, но не совсѣмъ понялъ...

Канюкина.

А слышалъ, что я поступаю въ учительницы, а можетъ быть, буду и начальницей училища? Слышалъ, или нѣтъ? Отвѣчай сейчасъ, неблагодарный!

Сыропустова.

Погоди, шалунья... Вы позволите мнѣ объяснить вамъ, Василій Иванычъ, наши намѣренія?

Канюкинъ.

Признаюсь вамъ, Пальмира Карловна, я проснулся тотчасъ, какъ вы пріѣхали, и слышалъ весь вашъ разговоръ съ Лизой, но не хотѣлъ выходить потому, что ужасно усталъ, и вслѣдствіе этого боялся быть недостаточно любезнымъ...

Сыропустова.

Ну, что же вы скажете о нашемъ предпріятіи?

Канюкинъ.

Намѣреніе доброе, только, извините, я полагаю, что изъ него ничего не выйдетъ...

Сыропустова.

Почему это?

Канюкинъ.

Да вопервыхъ потому, что вообще у насъ, на Руси, всѣ благотворительныя предпріятія не удаются: сначала мы принимаемся очень горячо, а потомъ скоро устаемъ, охлаждаемся и бросаемъ начатое дѣло... Вовторыхъ, все вѣдь это дѣлается изъ моды, а не изъ искренняго убѣжденія, не изъ горячей потребности сердца.

Сыропустова.

Благодарю за комплиментъ...

Канюкинъ (*спохватившись*).

Я говорю не о васъ, а вообще...

Сыропустова.

Я и не сержусь, зная, что вы, какъ современный человѣкъ, готовы все отрицать, но тоже не изъ моды ли только... Впрочемъ, не будемъ спорить... я васъ спрошу только: изъ какого бы источника ни происходило доброе дѣло, слѣдуетъ ли ему помогать, или слѣдуетъ мѣшать?

Канюкина.

Разумѣется, помогать изъ всѣхъ силъ, особенно, если въ

немъ принимаетъ участіе собственная жена. Слышишь, Вася, я непремѣнно хочу, чтобъ ты написалъ тотъ проектъ, который требуетъ тетя... Слышишь: непремѣнно, потому что я хочу быть учительницей... хочу приносить пользу...

Канюкинъ (*засмѣявшись*).

Ну вотъ, что это будетъ за школа, въ которой наставницей явится такая коза?

Канюкина.

Ахъ, скажите! Пожалуйста, буду не хуже тебя! Дѣти меня будутъ любить, родители благословлять... и я сама буду счастлива, что дѣлаю доброе дѣло...

Канюкинъ.

На недѣлю, пока не надоѣстъ.

Сыропустова.

А вы поддержите, руководите ее... Простите меня за откровенность: а почему же бы и вамъ самимъ не посвятить хоть два часа въ недѣлю на безплатный урокъ... я знаю, что вы и безъ того устаете отъ вашихъ занятій, но за то ваше участіе ужъ, конечно, упрочило бы наше предпріятіе...

Канюкинъ.

Въ этомъ случаѣ быть любезнымъ и обѣщать очень легко и удобно, потому что, я увѣренъ, тутъ ровно ничего не выйдетъ.

Сыропустова.

Такъ вы даете мнѣ слово на ваше участіе, если состоится школа?

Канюкинъ.

Извольте.

Сыропустова.

Слышишь, Лиза?... Будь свидѣтелемъ... Ну, Василій Иванычъ, вы увидите, что школа будетъ: я не изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ отъ своихъ намѣреній... Не даромъ же, говорятъ, во мнѣ есть нѣмецкая кровь... Ну, а проектъ и программу школы вы напишете?

Канюкина.

Да какъ же... Разумѣется, напишетъ, потому что далъ вѣдь ужь вамъ слово.

Сыропустова.

Прошу васъ только побольше о дурномъ состояніи нашего женскаго просвѣщенія и о томъ, что мы желали бы содѣйствовать усиліямъ правительства... Это для начальства, знаете, нужно... И попрошу васъ еще: напишите какъ можно поскорѣе..

Канюкинъ.

Хорошо-съ... Постараюсь.

Сыропустова.

Ну, благодарю васъ.

Канюкина.

Вотъ видите, тетя: какой онъ у меня милый... Я вамъ говорила, что онъ сама добродѣтель...

Сыропустова.

Теперь я убѣждаюсь, что по наружности судить нельзя, что въ человѣкѣ, повидимому, въ самомъ холодномъ и равнодушномъ, иногда скрывается больше теплоты и чувства, нежели въ томъ, кто хочетъ представить себя и добрымъ и чувствительнымъ... Простите меня: я ошибалась въ васъ, Василій Иванычъ, но вы сами отталкивали меня своею холодностью и гордостью! (*протягиваетъ ему руку*).

Канюкинъ (*беретъ руку и молча раскланивается*).

Сыропустова.

Однако, я задержала васъ: вамъ пора обѣдать... Вотъ, когда будетъ готовъ проектъ, такъ ты пріѣзжай ко мнѣ, Лиза, и мы съ тобой съѣздимъ, познакомиться съ нашими членами... Платья параднаго не надѣвай, а такъ, приличное, всего лучше черное, или темное, шелковое... Вѣдь эти визиты будутъ по дѣлу, слѣдовательно, парадиться очень не нужно... Но, какъ женщина, совѣтую тебѣ одѣться къ лицу: мнѣ лестно будетъ представлять тебя, мою племянницу, какъ нашего главнаго члена, да еще и такую красотку... Ну, до свиданія. (*Цалуетъ ее*). Прощайте, Василій Иванычъ... Еще разъ спасибо, что откликнулись на наше предпріятіе. Прощайте. (*Уходитъ. Лиза ее провожаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Канюкинъ и Канюкина.

Канюкина (*возвращаясь*).

Ну, что, Вася, согласись, что ты несправедливъ былъ относительно тети... Она просто ангелъ!

Канюкинъ.

Съ хвостикомъ...

Канюкина.

Какъ остро! Послушай, Вася, я ужасно этого не люблю въ тебѣ... Какъ только кто-нибудь мнѣ нравится, съ кѣмъ мнѣ

только весело, кто меня приласкаетъ... ты сейчасъ того начинаешь бранить...

Канюкинъ.

Ну, что же ты сердишься... Вѣдь я обѣщалъ сдѣлать все, что̀ приказывала твоя тетушка, чего жь тебѣ еще?

Канюкина (*ласкаясь къ мужу*).

Ну, да; за это ты умникъ; а зачѣмъ же ты ее бранишь... я этого въ тебѣ терпѣть не могу!

Канюкинъ.

Ну, ну, хорошо, не стану... Куда это она еще хочетъ везти-то тебя?

Канюкина.

А мнѣ что за дѣло: куда захочетъ, туда и поѣду... Хоть къ самому губернатору, я и къ тому поѣду... Я никого не боюсь!

Канюкинъ.

Фу, какая храбрая! Да я не про страхъ говорю.

Канюкина.

А про что же?... Ты думаешь, что я не съумѣю держать, что ли, себя... Ну, ужь не бойся! Твоя Лиза не ударитъ себя лицомъ въ грязь, даромъ, что мало выѣзжаю...

Канюкинъ.

Да въ этомъ-то я не сомнѣваюсь.

Канюкина.

Такъ въ чемъ же еще? Новаго платья шить не надо: въ старомъ поѣду.

Служанка (*высовывая голову*).

Да будете вы сегодня обѣдать-то, или нѣтъ? вѣдь, супъ-то совсѣмъ перепрѣлъ!

Канюкинъ.

Идемъ, идемъ.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ квартирѣ Канюкина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Канюкина и Пестрянкина.

Пестрянкина.

Ну, душечка, Лизавета Александровна, ангелочекъ мой, разскажите же подробно и откровенно: какъ все было, какъ вы

пріѣхали къ генералу, какъ онъ васъ принялъ и что̀ говорилъ, все, все разскажите мнѣ откровенно... Вѣдь вы съ тетенькой ѣздили, или однѣ?

Канюкина.

Разумѣется, съ тетей... съ какой же стати я одна поѣду?

Пестрянкина.

Ну, да, да, я такъ и слышала, что съ тетенькой... поэтому... по дѣлу... по школѣ... что тетенька открываетъ... Ну да, ну да, я знаю, я такъ и слышала... Ну, какъ же онъ васъ встрѣтилъ?

Канюкина.

Ничего, очень привѣтливо, вѣжливо... Пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ...

Пестрянкина.

Въ кабинетъ?

Канюкина.

Да. Ну, просилъ садиться.

Пестрянкина.

Садиться попросилъ!... ахъ, Боже мой!... Какой же, однако, деликатный... Ну, и что̀ же? Вы сѣли?

Канюкина.

Разумѣется, сѣла... Ну, тетенька стала ему разсказывать свои намѣренія насчетъ школы, и что вотъ она жертвуетъ... а я буду учительницей даромъ...

Пестрянкина.

Даромъ?

Канюкина.

Да, я даромъ буду учить!

Пестрянкина.

Только вы однѣ будете учить?... Больше никому нельзя?

Канюкина.

Отчего же нельзя: вотъ и мужъ будетъ учить...

Пестрянкина.

Тоже даромъ?

Канюкина.

Да... Тутъ всякому будутъ рады и благодарны, потому что это благотвореніе... Вотъ не хотите ли и вы учить?

Пестрянкина.

Ахъ; я бы очень хотѣла... только не знаю, чему: я ничего не знаю, не такъ воспитана... Вотъ развѣ мужъ... Ну, ну, душенька, что же потомъ?... я все васъ перебиваю...

Канюкина.

Ну, онъ былъ очень доволенъ, наговорилъ комплиментовъ,

особенно мнѣ: разспрашивалъ, за кѣмъ я замужемъ, давно ли? Просилъ, чтобъ и его приняли въ нашъ комитетъ членомъ...

Пестрянкина.

Членомъ?

Канюкина.

Да... Что онъ принимаетъ въ нашемъ дѣлѣ живѣйшее участіе и будетъ содѣйствовать изъ всѣхъ силъ... Пожалъ намъ руки, просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ, чтобы познакомиться съ мужемъ...

Пестрянкина.

Познакомиться... Ахъ, Боже мой... душечка, какая вы счастливая!... Да, впрочемъ, вы и стоите того: этакая красотка... Ну, и что же, неужели пріѣдетъ въ самомъ дѣлѣ?

Канюкина.

Кто же знаетъ: не знаю; по крайней-мѣрѣ, обѣщалъ.

Пестрянкина.

И вы его примете, если пріѣдетъ?

Канюкина.

Разумѣется, примемъ... Отчего же не принять?

Пестрянкина.

Да, вы такія смѣлыя, воспитанныя... и пофранцузски знаете... А я, кажется, ни за что бы... Какъ-то страшно... А что онъ, каковъ изъ себя? говорятъ, еще молодой человѣкъ...

Канюкина.

Да, не старый.

Пестрянкина.

И красивъ... изъ себя... лицомъ?

Канюкина.

Да, недуренъ.

Пестрянкина.

А вы не знаете, душенька, отчего у него такая странная фамилія: Краснокалачный...

Канюкина.

Какъ отчего?... У отца была такая фамилія: Краснокалачный... Ну, и у него.

Пестрянкина.

Да, да, конечно... Только странно: генералъ... и вдругъ Краснокалачный... Странно какъ-то... Согласитесь...

Канюкина.

А по моему что жь тутъ страннаго... мало ли какія бываютъ фамиліи?

Пестрянкина.

Да, да, конечно, только это должно быть какая нибудь зна-

*

менитая фамилія, потому что я слыхала: чѣмъ фамилія проще, тѣмъ и человѣкъ, значитъ, проще, то-есть, значитъ, изъ низкаго званія... а чѣмъ мудренѣе, тѣмъ значительнѣе... У нихъ, которые значительнаго происхожденія, всегда бываютъ этакія мудреныя фамиліи, что и не поймешь, что значитъ. Вотъ, напримѣръ, у насъ здѣсь: вотъ Бахрюкова... что значитъ Бахрюкова? ничего не значитъ, даже странно... а она, говорятъ, очень значительнаго происхожденія... А вотъ, напримѣръ: Бубенчикова... сейчасъ и слышно... Или я, напримѣръ, Пестрянкина... Кто же этого не пойметъ? Ахъ, Боже мой... Ну, а въ кабинетѣ у него хорошо?

Канюкина.

О, вся квартира великолѣпно отдѣлана... Да еще бы...

Пестрянкина.

Ахъ, Боже мой, да, конечно... Ну, значитъ, Василій Иванычъ отъ насъ уйдетъ?

Канюкина.

Какъ уйдетъ?

Пестрянкина.

Такъ... другое мѣсто получитъ... Генералъ ему непремѣнно дастъ хорошое мѣсто...

Канюкина.

Вотъ еще... Съ какой это стати?

Пестрянкина.

А вотъ увидите... тогда вспомните меня... Тогда и насъ по старому знакомству не забудьте: мужу ужасно бы хотѣлось по другой части служить... да мѣстовъ нѣтъ... А что наша за служба?... Ни повышенія, ничего... и въ обществѣ никакого нѣтъ уваженія... жалованье небольшое... Только и привлекаетъ одинъ пенсіонъ... Такъ скоро ли до него дотянешь!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Хлюстиковъ.

Хлюстиковъ (*расшаркиваясь*).

Позвольте представиться, Лизавета Александровна, Хлюстиковъ, чиновникъ особыхъ порученій.

Канюкина.

Очень пріятно. Прошу васъ.

Хлюстиковъ.

Я имѣлъ честь видѣть васъ у вашей тетеньки Пальмиры Карловны, но не имѣлъ счастія быть вамъ представленъ...

Канюкина.

Да, я, кажется, встрѣчалась съ вами.

Хлюстиковъ.

Да-съ, какъ-же-съ... Я у вашей тетеньки очень хорошо принятъ; можно сказать, какъ свой человѣкъ... Мнѣ бы хотѣлось имѣть честь познакомиться также съ вашимъ супругомъ.

Канюкина.

Его нѣтъ дома.

Хлюстиковъ.

Ахъ, это очень жалко.

Канюкина.

Вы имѣете дѣло къ нему?

Хлюстиковъ.

Нѣтъ, собственно дѣла не имѣю... но я желалъ представиться и... предупредить... сообщить... конечно, это столько же касается васъ... и какъ хозяйки дома, можетъ быть, болѣе... (*Взглядываетъ на Пестрянкину*).

Пестрянкина.

Можетъ быть, вамъ что по секрету нужно переговорить, такъ я отойду... да я, пожалуй, въ другую комнату уйду. (*Встаетъ*).

Хлюстиковъ.

Нѣтъ, помилуйте...

Пестрянкина.

Извольте, извольте говорить... Я выйду... Подслушивать не стану... Извольте говорить... Я вотъ здѣсь посижу въ другой комнатѣ.

Хлюстиковъ.

Да не безпокойтесь, пожалуйста.

Пестрянкина.

Ничего, ничего-съ... Мы свои люди... Извольте говорить... (*Уходитъ въ сосѣднюю комнату*).

Хлюстиковъ.

Да напрасно онѣ... тутъ нѣтъ никакого секрета... Вотъ видите, кромѣ моего желанія представиться вамъ, я счелъ долгомъ предупредить... Сегодня генералъ изволили спрашивать о вашей квартирѣ и, кажется, намѣрены были у васъ быть.

Канюкина.

Очень вамъ благодарна... Генералъ самъ лично просилъ у меня позволенія познакомиться.

Хлюстиковъ.

Я очень знаю-съ... Вы, можетъ быть, не изволили замѣтить: я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда вы съ тетенькой были у его превосходительства, потому я всегда долженъ находиться

при ихъ особѣ, какъ чиновникъ особыхъ порученій... Поэтому я и поспѣшилъ... Притомъ Анна Львовна... онѣ очень меня любятъ, я даже считаю ихъ своею благодѣтельницею... я сейчасъ былъ у нихъ... онѣ тоже къ вамъ собираются и совѣтовали мнѣ поскорѣе съѣздить предупредить васъ... о намѣреніи его превосходительства... Вы извините меня, если...

Канюкина.

Ахъ, что вы, помилуйте... Это очень любезно съ вашей стороны. Я вамъ очень благодарна.

Хлюстиковъ.

Я еще хотѣлъ сообщить вашему супругу. (*Оглядывается*).

Канюкина.

Что̀ такое?

Хлюстиковъ.

Это пока секретъ... и потому я опасаюсь...

Канюкина.

Да, вѣдь, никого нѣтъ: говорите...

Хлюстиковъ.

А, можетъ быть, эта дама?...

Канюкина.

Я не думаю, чтобы она стала подслушивать... А впрочемъ... (*Идетъ къ дверямъ въ сосѣднюю комнату и быстро ихъ отворяетъ вмѣстѣ съ Пестрянкиной, которая висѣла на ручкѣ дверей*).

Пестрянкина (*испуганно и сконфузившись*).

Ахъ... А я... я думала... я шла... думала, что ужь все!

Канюкина.

А я пошла-было извиниться передъ вами, что вы тамъ одни, и спросить васъ, не хотите ли вы хоть почитать что-нибудь, пока?

Пестрянкина.

Нѣтъ, нѣтъ, душечка, ничего. Вы не думайте: я не подслушивала. Я хотѣла только спросить, не кончили ли вы, а вы вдругъ и отворили... Я такъ испугалась... Я ужь пойду домой, мнѣ пора... Прощайте, душечка! прощайте, ангелочикъ.

Канюкина.

Да куда же вы?

Пестрянкина.

Нѣтъ, ужь мнѣ пора... Я вѣдь на минутку къ вамъ... И то засидѣлась... Прощайте, душечка! (*Цалуется*).

Канюкина.

Извините, пожалуйста, Маргарита Ѳедоровна.

Пестрянкина.

Ахъ, что вы это, душечка, что вы... Я нисколько не въ претензіи... Мнѣ, право, пора домой... Прощайте-съ... (*Дѣлаетъ книксенъ Хлюстикову, цалуетъ еще разъ Канюкину и уходитъ*).

Хлюстиковъ.

Кто эта дама-съ?

Канюкина.

Это жена нашего учителя чистописанія.

Хлюстиковъ.

А-а... Какъ онѣ попались-съ! (*Смѣется*).

Канюкина.

Да, она любитъ немножко заниматься сплетнями.

Хлюстиковъ.

Какъ вы ихъ ловко... онѣ такъ на дверяхъ и вылетѣли... (*Смѣется*). Это можно даже въ комедіи представить... Вы такъ это неожиданно, что я даже не ожидалъ... (*Смѣется*).

Канюкина.

Такъ вы что же хотѣли передать мнѣ по секрету?

Хлюстиковъ.

Вотъ видите: это только, прошу васъ, между нами, потому это еще одно только предположеніе... Я такъ преданъ вашей тетенькѣ... Но только, пожалуйста, никому...

Канюкина.

Будьте увѣрены.

Хлюстиковъ.

Вотъ видите: генералъ очень недовольны, какъ видно, с т рымъ правителемъ... даже прямо выражали ему: вы, говорятъ, старой школы, у васъ все отзывы, да отписки, а мнѣ, говорятъ, нужно живое дѣло... администраторъ, говорятъ, не писать долженъ, а дѣйствовать... а вы, говорятъ, только затемняете и запутываете дѣло вашими бумагами... Генералъ вѣдь замѣчательно говорятъ, какъ книга, геніальный человѣкъ... такого начальника у насъ не бывало... Я смотрѣть не могу на нихъ безъ благоговѣнія... Просто геній... Не правда ли? Какъ вы нашли?..

Канюкина.

Да, видно, что онъ очень уменъ...

Хлюстиковъ.

А любезность какая, ласковость, когда хотятъ поощрить... Тутъ они одного чиновника такъ тронули, что онъ зарыдалъ, какъ малый ребенокъ, почти безъ чувствъ вывели.

Канюкина.

Отчего это?

Хлюстиковъ.

Отъ чувствъ-съ... тронули очень. Удивительный генiй.

Канюкина.

Такъ вы не договорили о правителѣ...

Хлюстиковъ.

Нѣтъ-съ, я все сказалъ... Видно, что не усидитъ на мѣстѣ... Я хотѣлъ только предупредить объ этомъ васъ и вашего супруга... Это мѣсто чудесное... можно сказать, первое послѣ начальника... правая рука... жалованье большое и квартира казенная... А, какъ видно, у генерала никого нѣтъ въ предметѣ для этой должности... Обыкновенно, начальники правителей съ собой привозятъ, даже впередъ присылаютъ... но никого не видно и не слышно... Да и естественно: генералъ человѣкъ новый, при томъ изъ военныхъ... здѣсь еще никого не знаютъ... а на эту должность нужно человѣка вѣрнаго и преданнаго... На эту должность всякiй бы польстился, да не всякому удастся ее получить...

Канюкина (*размышляя*).

Гм... да... Ну, вѣроятно, генералъ и выберетъ для нея человѣка опытнаго и знающаго.

Хлюстиковъ.

Да на кого же онъ можетъ положиться изъ здѣшнихъ, прежнихъ, вы сами подумайте... Ни на кого не можетъ: всякiй можетъ продать... Смотри да и смотри за нимъ въ оба, а это начальнику тяжело... А знанiй и опыта... тутъ не нужно: помощники все сдѣлаютъ... Конечно, и оно не мѣшаетъ... Но главное, чтобы былъ умъ и образованiе у человѣка, да хорошую канцелярiю подобрать, а у насъ, слава Богу, бѣдныхъ и честныхъ чиновниковъ довольно: есть изъ кого выбрать... тутъ и университетскiе съ удовольствiемъ пойдутъ.

Канюкина.

Гм-да... только признаюсь вамъ: я въ этомъ ничего не понимаю.

Хлюстиковъ.

Нѣтъ-съ, я вѣдь, только такъ, чтобы предупредить... на всякiй случай... А про Бахрюкову вы ничего не изволили слышать?

Канюкина.

Нѣтъ, а что?

Хлюстиковъ.

Ахъ, уморительно! Она нахвастала всѣмъ, что генералъ ея

старый знакомый и даже намекала, что онъ женится на ея племянницѣ, а онъ даже и визиту ей до сихъ поръ не сдѣлалъ... Сердится, говорятъ, злится, ругаетъ генерала на чемъ свѣтъ стоитъ (*смѣется*). Я ее не люблю. Я у нея не бываю... Но это преуморительно: нахвастала и ничего нѣтъ! (*смѣется*).

1-й голосъ за сценой.

Такъ что же, дома?

2-й голосъ, служанки за сценой.

Да дома, дома.

1-й голосъ.

Такъ доложи...

2-й голосъ служанки.

Да чего докладать, всѣхъ велѣли звать сегодня.

Хлюстиковъ (*вскакивая*).

Ахъ, кто это? (*подбѣгаетъ и заглядываетъ въ двери*). А, человѣкъ Анны Львовны! (*Къ Канюкиной*) Прикажете просить?

Канюкина.

Ахъ, пожалуйста.

Хлюстиковъ (*за дверь*).

Проси. (*Къ Канюкиной*) Прелестнѣйшая эта старушка, Анна Львовна... предобрѣйшая... Она мнѣ говорила, что вы изволили быть у нея съ тетенькой и она очень васъ полюбила: очень вы ей понравились... Позвольте, я пойду встрѣчу.

Канюкина.

Будьте добры... Моя прислуга такая глупая.

Хлюстиковъ.

Я сейчасъ... Помилуйте, съ удовольствіемъ. (*Уходитъ*).

Канюкина (*улыбаясь*).

Какъ неожиданно мнѣ Богъ друзей посылаетъ (*смотрится въ зеркало и охорашивается*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Анна Львовна.

Анна Львовна.

Здравствуйте, моя красоточка!

Канюкина.

Здравствуйте, Анна Львовна. Благодарю, что навѣстили меня. Я и не ожидала, чтобы вы побезпокоились... Прошу васъ...

Анна Львовна.

Нѣтъ, дай сначала поцаловать тебя (*цалуетъ ее*). Извините старуху, что я попросту... Я такъ привыкла...

Канюкина.

Что вы, Анна Львовна, я считаю за большую честь для себя вашу ласку и вниманіе.

Анна Львовна.

Ну, коли такъ, такъ позволь ужь мнѣ съ тобой быть попросту, а жеманныхъ я не люблю... Ну, ты, Хлюстиковъ, что вертишься со шляпой: ѣхать что ли куда собираешься?

Хлюстиковъ.

Да, мнѣ нужно.

Анна Львовна.

Ну, такъ поѣзжай, скачи... я знаю: у тебя дѣлъ много. (*Къ Канюкиной*) Онъ вамъ не нуженъ?

Канюкина (*смущенно*).

Нѣтъ... я не смѣю удерживать... но мнѣ очень пріятно...

Анна Львовна.

Да ты, мать моя, съ нимъ не церемонься: онъ паренекъ услужливый... Коли нужно что — поручи: онъ сдѣлаетъ.

Канюкина.

Нѣтъ, я не имѣю ничего...

Анна Львовна.

Ну, а нѣтъ, такъ отпусти его... Ему тоже время дорого... Не всѣ еще пороги обилъ...

Хлюстиковъ (*смѣясь*).

Ахъ, Анна Львовна, вѣчно шутятъ... счастливый у васъ характеръ! Прощайте, Лизавета Александровна. Считаю за особенное удовольствіе, что имѣлъ честь познакомиться съ вами... До свиданія...

Канюкина.

До свиданія. Прошу не забывать насъ. Мужу будетъ очень пріятно. (*Хлюстиковъ раскланивается и уходитъ*).

Анна Львовна.

А гдѣ же твой мужъ?

Канюкина.

Его нѣтъ дома, на службѣ.

Анна Львовна.

Ну, и Богъ съ нимъ. Пускай работаетъ, трудится. Это ихъ мужское дѣло. А квартирка-то, мать моя, у тебя нехороша, не по тебѣ: этакому розанчику нужно бы понаряднѣе жить. Что же, мало мужъ заработываетъ, или скупъ, что-ли?

Канюкина.

О, какое скупъ, Анна Львовна, онъ ничего не жалѣетъ: онъ изъ послѣднихъ силъ готовъ работать для меня... да плоха его должность: много ли учитель можетъ получить!

Анна Львовна.

Ну, ничего, еще молоды, время не ушло: Богъ дастъ и поправитесь, и мѣсто лучше получитъ… пословица говоритъ: у Бога всего много… А если вамъ когда будетъ нужда въ деньгахъ, ты ко мнѣ обратись, я ссужу тебя съ удовольствіемъ…

Канюкина.

Ахъ, благодарю васъ, Анна Львовна… Какія вы добрыя!

Анна Львовна.

Коли есть, такъ отчего же не подѣлиться?… Даромъ не дамъ, безъ процентовъ — это нечего и говорить, это баловство: всякій рубль долженъ свою копейку наживать, а въ нуждѣ помогу съ удовольствіемъ… это ты, на случай помни… мало ли какія бываютъ въ жизни обстоятельства: изъ-за нужды въ деньгахъ люди топятся и рѣжутся… Ну, ты и помни, что у тебя есть къ кому обратиться: Анна Львовна не откажетъ и не обидитъ тебя…

Канюкина.

Благодарю васъ, Анна Львовна… Если будетъ когда крайняя надобность…

Анна Львовна.

Да… ты и мужу скажи… Что дѣлать-то… помогать надо… мнѣ здѣсь весь городъ кругомъ долженъ… Вотъ и бывшій начальникъ, Иванъ Яковлевичъ, тоже часто нуждался въ деньгахъ, а кто выручалъ? Анна Львовна!… Ну, съ него-то, я только казенные брала, потому дружны мы съ нимъ были… И теперь еще долженъ остался: боюсь, не пропали бы… Думаю, попросить новаго начальника: принялъ бы во мнѣ участіе… Да вотъ еще жду: надо посмотрѣть, что за человѣкъ… Онъ тебѣ понравился?

Канюкина.

Очень, Анна Львовна, такой любезный, внимательный, деликатный…

Анна Львовна.

Ну, это хорошо… давай Богъ… Про тебя-то я слышала: мнѣ тетенька твоя разсказывала, да и другіе тоже, что ты произвела на него очень большое впечатлѣніе… Да и не мудрено: я этому повѣрю… И я на тебя залюбовалась, какъ ты пріѣзжала тогда ко мнѣ съ теткой: одѣта просто, а къ лицу… все къ лицу, до послѣднихъ пустяковъ… Это вкусъ! это молодую женщину рекомендуетъ!… Я молодыхъ и хорошенькихъ очень люблю… И у тебя тонъ есть… Тебѣ бы барыней быть большой: вотъ твоя судьба, а не женой учителя… Одѣть бы тебя въ бархатъ, шелкъ, да кружева и посадить въ богатой

гостиной, на штофную мебель, — ну, картинка, любоваться можно!

Канюкина.

Полноте, Анна Львовна, вы такъ захвалили меня, что мнѣ даже стыдно...

Анна Львовна.

Чего жь стыдиться: я правду говорю... Всякій скажетъ, что тебѣ эта бѣдная обстановка не пристала, не по твоей красотѣ... Поцалуй-ка меня (*цалуетъ ее*). Ну, да ничего... твое будущее еще впереди и отъ тебя самой зависитъ... Вотъ мужа твоего не знаю: никогда не видала, что онъ за человѣкъ!

Канюкина.

Онъ чудесный человѣкъ, Анна Львовна: добрый, честный; вы полюбите его, когда узнаете.

Анна Львовна.

Не знаю... Ты его очень, видно, любишь?...

Канюкина.

Безъ памяти.

Анна Львовна.

Гм... А красивъ?...

Канюкина.

Говорятъ, не очень, но мнѣ нравится.

Анна Львовна.

Гм... А характера какого?

Канюкина.

Онъ тихой, добрый, честный...

Анна Львовна.

Гм... Честный... Можетъ, горячъ, задоренъ... Я слыхала: они строптивы бываютъ, эти молодые люди изъ ученыхъ... Много о себѣ думаютъ... Онъ не ревнивъ?

Канюкина.

О, нѣтъ, нѣтъ.

Анна Львовна.

Ну, это хорошо. Жалко, что не видала его...

Канюкина.

Я къ вамъ его привезу, если позволите.

Анна Львовна.

А развѣ ты можешь заставить его сдѣлать то, чего ему не хочется?

Канюкина.

Почти всегда: онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ.

Анна Львовна.

Ну, это хорошо... этимъ женщинѣ нужно пользоваться съ

умомъ и съ толкомъ: въ пустякахъ уступать, въ важномъ настаивать... Привези, коли поѣдетъ безъ принужденія, а по неволѣ не нужно: неласковыхъ гостей я не люблю (*входитъ Прелестный*). Ну, вотъ къ тебѣ кто-то пришелъ... Прощай.

Канюкина (*кивая головой Прелестному*).

Не торопитесь, Анна Львовна: можетъ быть, скоро мужъ придетъ; а мнѣ бы такъ пріятно было его вамъ представить...

Анна Львовна.

Ну, пускай ко мнѣ пріѣдетъ, если хочетъ, а мнѣ пора... Я хотѣла только тебя навѣстить... Не забывайте же, что я тебѣ говорила: слова старухи, которая тебѣ добра желаетъ, надо помнить... Ну (*цалуетъ Канюкину*). Прощай (*уходитъ. Канюкина ее провожаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Канюкина и Прелестный.

Прелестный.

Какъ попала къ вамъ эта мегера?

Канюкина.

Почему же это мегера? Она очень добрая старушка...

Прелестный.

Да, добрая для тѣхъ, кто ей нуженъ: я слыхалъ про нее... всѣмъ въ городѣ даетъ въ займы, у кого есть какая нибудь собственность, а наши офицеры ходили занимать, такъ только обругала: чѣмъ, говоритъ, вы платить-то будете, солдатской крупой, что ли?... вотъ какая змѣя!

Канюкина.

Что же, она и права. (*Усмѣхается*).

Прелестный.

Права?... Что же, между нами нѣтъ честныхъ людей, что ли?

Канюкина.

Я этого и не сказала.

Прелестный.

Эхъ, Лизавета Александровна.

Канюкина.

Ну, что̀ еще?

Прелестный.

Ничего... Все притворство, все фразы... никакого отголоска на честное, искреннее чувство!

Канюкина.

Опять старая пѣсня... Вы мнѣ до смерти надоѣли... хоть бы вы что нибудь новенькое выдумали.

Прелестный (*мрачно*).

Я сегодня съ новостью пришелъ.

Канюкина.

Слава Богу, насилу-то... Съ какой же это?

Прелестный.

Я ее сообщу вашему мужу.

Канюкина.

Вотъ какъ!... А не мнѣ?...

Прелестный.

И вамъ, если хотите; только для васъ это не новость.

Канюкина.

То новость, такъ не новость (*зѣваетъ*). Тоска съ вами...

Прелестный.

Да конечно, гдѣ же намъ! (*хохочетъ*).

Канюкина (*пренебрежительно*).

Это что̀ еще значитъ?

Прелестный.

Ничего-съ...

Канюкина.

Охота же была говорить то, что ничего не значитъ, да еще и смѣяться надъ этимъ...

Прелестный (*двусмысленно*).

Положимъ...

Канюкина.

Ну-съ, однако, это въ самомъ дѣлѣ скучно... Если вамъ угодно видѣть моего мужа, то прошу васъ пожаловать въ другой разъ, когда онъ будетъ дома, а теперь прошу васъ меня оставить... мнѣ хочется быть одной.

Прелестный (*насмѣшливо*).

Одной? Почему же это?

Канюкина.

Да хоть потому, что мнѣ просто скучно съ вами... Прежде вы меня забавляли, а теперь до смерти надоѣли.

Прелестный.

Я забавлялъ?... я надоѣлъ?... вотъ какъ!... неужели же вы думаете, что если вы допустили закрасться въ мою душу тому чувству, которое...

Канюкина.

Ахъ, Боже мой, я это слышала ужь тысячу разъ... и въ тысяча первый прошу васъ: оставьте меня, пожалуйста, уйдите!

Прелестный.

А знаете вы, что̀ я пришелъ сообщить вашему мужу?

Канюкина (*отворотясь*).

Нѣтъ, не знаю.

Прелестный.

А знаете, что̀ говорятъ про васъ въ городѣ?

Канюкина.

Не знаю, да и знать не хочу.

Прелестный.

Ну, такъ я вамъ скажу... Говорятъ, что вы ѣздили къ новому начальнику выставлять себя на показъ, что вы любезничали, кокетничали съ нимъ и старались его завлечь изъ скверныхъ, грязныхъ цѣлей...

Канюкина (*приподнимаясь съ гнѣвомъ*).

Вонъ отсюда и не смѣйте вновь являться! Я съ вами больше незнакома... убирайтесь...

Прелестный.

Лизавета Александровна, простите меня! Умоляю васъ, простите ради Бога... Вы чисты, вы святы... я теперь это вижу... но эта проклятая ревность не даетъ мнѣ покоя! Я бѣсновался, я чуть не застрѣлилъ себя, когда это услышалъ... Вы не знаете, что̀ вы такое для меня... Вы не знаете, что я каждый часъ, каждую минуту только и...

Канюкина.

Все знаю, все это слышала... и вновь вамъ говорю: вы мнѣ смѣшны, вы мнѣ противны... Уходите пожалуйста.

Прелестный.

А-а, вы сказали это роковое слово! вы сказали! я вамъ смѣшонъ! я вамъ противенъ! Прощайте, Лизавета Александровна... Помните человѣка, который васъ любилъ, который вамъ былъ преданъ и котораго вы погубили (*рыдаетъ*). Прощайте. . прощайте, Лизавета Александровна!

Канюкина.

Прощайте, прощайте... только уходите, пожалуйста!

Прелестный.

Я долженъ погибнуть... Мнѣ не перенести этого!

Канюкина.

Ну, и погибайте, если хотите: это ваше дѣло... только уходите...

Прелестный.

И вамъ не стыдно, вамъ не совѣстно... Человѣкъ, который жилъ, дышалъ только вами, который готовъ былъ всего себя принести въ жертву вамъ... вы такъ оскорбляете, унижаете этого человѣка... Неужели вы думаете, что еслибы не ваша очаровательная красота, я могъ бы вынести это оскорбленіе, это

униженіе?.. Развѣ вы не знаете, какъ я былъ гордъ, самолюбивъ, какъ я вѣрилъ въ себя...

Канюкина.

Вотъ наказаніе! Уйдете ли вы погибать? (*хохочетъ*).

Прелестный.

И она же смѣется, она же...

Служанка (*вбѣгая*).

Барынька, барынька! пріѣхалъ, пріѣхалъ!

Канюкина.

Кто?

Служанка.

Самъ пріѣхалъ, этотъ самый начальникъ, большущій генералъ...

Канюкина.

Ну, такъ скажи, что дома, проси.

Прелестный.

А — а такъ это правда, это не клевета! О — о, такъ я не погибну! Моя жизнь еще нужна, чтобы отмстить вамъ... Мы еще увидимся... Не бойтесь: съ нимъ мы не встрѣтимся! я пройду черезъ кухню... Пусть онъ входитъ параднымъ крыльцемъ... О — о... (*убѣгаетъ*).

Канюкина.

Боже мой, отчего это мнѣ сдѣлалось такъ неловко... такъ стыдно принять его въ этой квартирѣ!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Канюкина и Краснокалачный.

Краснокалачный (*входя*).

Вотъ видите, я исполняю свое обѣщаніе... Являюсь лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

Канюкина.

Вы очень милостивы, ваше превосходительство... но мнѣ совѣстно, что приходится принимать васъ въ такой бѣдной квартирѣ...

Краснокалачный.

Когда находишь жемчужину, то любуешься только на нее, а не на раковину, въ которой она живетъ... Я здѣсь не вижу ничего, кромѣ васъ.

Канюкина (*вспыхнувъ и сконфузившись*).

Я не умѣю... Я не знаю... Я не стою такихъ комплиментовъ...

Красноналачный.

Предупреждаю васъ, я изъ тѣхъ людей, которые никогда не говорятъ неискреннихъ комплиментовъ... Я человѣкъ прямой и говорю всегда только то, что̀ чувствую.

Канюкина.

Ахъ, какъ жалко, что нѣтъ дома моего мужа... Еслибъ я знала, что вы сегодня удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ, я не пустила бы его на уроки... Онъ будетъ очень огорченъ, что не имѣлъ чести...

Красноналачный.

Я уже знакомъ съ вашимъ мужемъ.

Канюкина.

Какъ?..

Красноналачный.

Проектъ, который вы мнѣ подали, и который доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами... познакомилъ меня и съ вашимъ мужемъ: вѣдь онъ его писалъ... Въ немъ обратили на себя мое вниманіе идеи... Я нарочно приглашалъ сегодня къ себѣ вашего мужа, чтобы лично поговорить съ нимъ... и нашелъ въ немъ очень умнаго и образованнаго человѣка...

Канюкина (*въ восторгѣ*).

Ахъ, ваше превосходительство, какъ я рада!...

Красноналачный.

Да, что̀ особенно мнѣ понравилось въ немъ: онъ не педантъ, не чуждъ жизни и хотя... нѣсколько отрицательнаго направленія... но это ничего, мы этого не боимся... при успѣхахъ на службѣ, это проходитъ... Впрочемъ, я самъ не обскурантъ и даже не консерваторъ... Вы понимаете эти выраженія?

Канюкина.

Да... я слыхала отъ мужа... Но я вижу, что мужъ мой имѣлъ счастіе понравиться вашему превосходительству, и это приводитъ меня въ восхищеніе.

Красноналачный.

Да, я имѣю на него виды... хочу только сначала покороче съ нимъ познакомиться... Но почему же васъ такъ восхищаетъ мое вниманіе къ вашему мужу?.. Мнѣ кажется, онъ и безъ того такъ счастливъ, что ему всякій позавидуетъ.

Канюкина.

Чѣмъ же онъ особенно счастливъ, ваше превосходительство?

Красноналачный.

Вашей любовью... Онъ владѣетъ такимъ сокровищемъ, что ему нельзя не завидовать... По крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Канюкина (*конфузливо, но кокетливо*).

О, ваше превосходительство... вы слишкомъ снисходительны... Но вы мало меня знаете... во мнѣ много недостатковъ... я не такъ умна, легкомысленна...

Краснокалачный.

Это все вамъ мужъ говорилъ? Это вы отъ него слышали?

Канюкина.

Нѣтъ... я и сама сознаюсь... а онъ, бѣдный, такъ много трудится, работаетъ...

Краснокалачный.

О, я не побоялся бы никакихъ трудовъ, еслибъ въ награду за нихъ могъ заслужить любовь такого прелестнаго существа, какъ вы!

Канюкина.

Васъ ожидаетъ, ваше превосходительство, вѣроятно, блестящая, достойная васъ партія...

Краснокалачный.

Да, партія... Вы прекрасно выразились: въ нашемъ кругу именно дѣлаютъ только партіи болѣе или менѣе выгодныя... Но, я говорю не про то... Я говорю про любовь женщины такой прелестной, какъ вы... вотъ за что я бы многимъ пожертвовалъ и многое бы умѣлъ сдѣлать... Вы такъ умны, что не можете не понять меня... (*Канюкина сидитъ опустя внизъ голову, въ сильномъ смущеніи*). Напримѣръ, вашъ мужъ желаетъ сдѣлать себѣ карьеру, достигнуть довольства и благосостоянія; я все это имѣю, и все готовъ принести къ ногамъ такой женщины, какъ вы, за ея любовь ко мнѣ... (*Неожиданно перемѣняя тонъ*). А скажите: вамъ мужъ очень мало получаетъ?... Я не знаю, какое у нихъ жалованье.

Канюкина.

Очень, очень мало...

Краснокалачный.

Что же ему за охота служить по этому вѣдомству... Отчего онъ не ищетъ другой службы?

Канюкина.

Я ему постоянно говорю то же самое, но онъ отвѣчаетъ: куда же я пойду, гдѣ буду искать, кто мнѣ дастъ?... Онъ не можетъ ни просить, ни кланяться... (*Входитъ Канюкинъ*). А вотъ и онъ, мой мужъ...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Канюкинъ.

Краснокалачный (*не поднимаясь съ мѣста, но очень привѣтливо протягивая руку*).

Здравствуйте. . Вотъ видите, какъ мы скоро опять встрѣтились съ вами.

Канюкинъ.

Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство... Я былъ такъ изумленъ, увидя вашу карету у моей квартиры... (*садится*). Теперь мы сдѣлаемся басней всего города. (*Улыбается*).

Краснокалачный.

Почему это?

Канюкинъ.

Какъ же?... вы съ визитомъ у меня, ничтожнаго учителя... Это здѣсь немыслимое событіе.

Краснокалачный.

Ну, я еще ихъ пріучу и не къ такимъ сюрпризамъ... Я вижу, что здѣсь до меня все общество жило въ патріархальномъ состояніи...

Канюкинъ.

Да, здѣсь строго и до мельчайшихъ подробностей соблюдалась, въ самыхъ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ, табель о рангахъ... и то нарушеніе, которое ваше превосходительство дѣлаете своимъ визитомъ ко мнѣ, будетъ принято чуть не за оскорбленіе общественныхъ приличій.

Краснокалачный.

Да развѣ они не понимаютъ, что, вопервыхъ, я воленъ въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ людьми; вовторыхъ, на мнѣ лежитъ прямая обязанность сближать сословія между собою. — Наше общество постоянно теряетъ оттого, что живетъ очень разрозненно.

Канюкинъ.

Да, еслибъ всѣ такъ думали, какъ вы, было бы конечно легче и веселѣе жить; наши бѣдныя жены не принуждены бы были сидѣть взаперти, потому что нѣтъ своего экипажа и новаго платья для каждаго вечера.

Краснокалачный.

Ну, мы будемъ заботиться, чтобы здѣсь было повеселѣе...

*

и попроще. Но только и вы, господа, поддерживайте меня и не дичитесь. Вотъ пріѣзжайте въ первое же будущее собраніе. Я тоже тамъ буду.

Канюкинъ.

Я не членъ.

Канюкина.

Тетенька запишетъ.

Канюкинъ.

Да, ты можешь съ ней ѣхать, а мнѣ некогда...

Красноколачный.

Неужели вы такъ заняты, что вамъ нельзя пожертвовать два, три часа вечера?

Канюкинъ.

Устаю ужасно... цѣлый день бѣгаешь изъ дома въ домъ... только вечеромъ и отдохнешь немного.

Канюкина.

Да нѣтъ, вздоръ, ваше превосходительство, я его непремѣнно привезу въ собраніе. Все равно, и тамъ отдохнешь.

Красноколачный.

А мы вотъ безъ васъ разговаривали съ вашей супругой... отчего вы не ищете другой должности? У нея только и разговора, что о васъ, счастливый супругъ! Да и я нахожу, что педагогика не должна васъ удовлетворять: вы, мнѣ кажется, для этого дѣла еще слишкомъ свѣжій и живой человѣкъ.

Канюкинъ (*улыбаясь*).

Вы оскорбляете наше дѣло, ваше превосходительство, думая, что для него нужны только полуубитыя и истощенныя силы... Нашъ трудъ тяжелъ только потому, что много потребляетъ силъ, мало вознаграждая, и что нашему брату впереди предстоитъ или педантизмъ съ рутиной, или чахотка... Вотъ почему только я не прочь бы взяться за другую службу и другое дѣло, еслибъ оно показалось мнѣ по силамъ.

Красноколачный.

Ну, мы объ этомъ подумаемъ.. и увидимъ... А пока навѣщайте меня почаще по вечерамъ, безъ церемоніи, и позвольте мнѣ у васъ бывать, чтобы взаимно узнать другъ друга покороче... А для меня бесѣда съ вами, свѣжимъ человѣкомъ, послѣ этой бумажной формальности, будетъ чистая отрада.

Канюкинъ (*кланяясь*).

Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство.

Красноколачный (*вставая*).

Такъ въ собраніи увидимся?

Канюкина.

Непремѣнно... я и его привезу.

Краснокалачный.

И прекрасно... Онъ долженъ сближаться съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ, можетъ быть, будетъ жить и служить... До свиданія. (*Подаетъ обоимъ руки и уходитъ. Оба Канюкина провожаютъ его*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Пестрянкина (*одна выходитъ потихоньку изъ сосѣдней комнаты и смотритъ въ щелку въ прихожую*).

А-а, каково людямъ счастье!... Вотъ что значитъ рожица-то смазливая! Охъ, кокетка продувная! Такъ и крутитъ его, такъ и крутитъ! А мужъ-то, мужъ-то... и радъ, и радъ... Ну, и пойдутъ въ гору, непремѣнно пойдутъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Канюкина и Пестрянкина.

Пестрянкина (*бросаясь съ открытыми объятіями къ входящей Канюкиной*).

Поздравляю васъ, душечка, ангелочикъ, поздравляю васъ... отъ всей души радуюсь!

Канюкина.

Да вы какъ же попали сюда, Маргарита Ѳедоровна?

Пестрянкина.

А черезъ кухню... да въ вашемъ кабинетцѣ и притаилась... Да жалко, поздно пришла, а видѣла, все видѣла... Поздравляю и васъ, Василій Иванычъ!

Канюкинъ.

Да съ чѣмъ же это, Маргарита Ѳедоровна?

Пестрянкина.

Съ посѣщеніемъ... Этакая особа удостоила... Этакая вельможа... и какой молодецъ, красавецъ! Поздравляю! Вѣдь ни съ кѣмъ же изъ насъ не познакомился, а только съ вами...

Канюкинъ.

А вотъ какъ бы вашъ Иванъ Парамонычъ тогда не полѣ-

нился и слазилъ на колокольню, и онъ бы съ нимъ познакомился... (*смѣется и уходитъ въ сосѣднюю комнату*).

Канюкина (*сухо*).

Извините, Маргарита Өедоровна, и мнѣ нужно распорядиться по хозяйству. (*Уходитъ вслѣдъ за мужемъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Пестрянкина (*одна*).

Возгордились скоро... Вотъ тебѣ и привѣтъ за мою любовь и ласку... А мнѣ вы... ровно какъ наплевать! Была учительшей чистописанія, и буду! этого хлѣба вы у меня не отобьете... А на васъ... я... плюнула да ногой растерла! больше ничего... (*Съ достоинствомъ идетъ къ дверямъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая зала собранія, отдѣланная подъ бѣлый мраморъ. Съ потолка спускаются двѣ освѣщенныя люстры. По стѣнамъ стулья. На хорахъ оркестръ музыки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бубенчикова и Позвонкова.

Бубенчикова.

Но какова эта безстыдница Зябликова: вы слышали ли, вѣдь, говорятъ, ѣздила провожать Ивана Яковлевича до первой станціи!

Позвонкова.

Да, да; это вѣрно.

Бубенчикова.

Я съ ней не кланяюсь.

Позвонкова.

И я тоже...

Бубенчикова.

Какъ же... да вѣдь вы были у нея на прощальномъ обѣдѣ, который она давала Ивану Яковлевичу?

Позвонкова.

Ну, только тогда и была, а послѣ и не кланяюсь.

Бубенчикова.

А вы слышали, что у насъ, можетъ быть, скоро будетъ новый правитель?

Позвонкова.

Канюкинъ?... Какъ же, слышала... Вотъ счастье!

Бубенчикова.

Что̀ же, говорятъ, онъ очень уменъ...

Позвонкова.

Да, да, и ученъ...

Бубенчикова.

А она какая милашка, жена!

Позвонкова.

Ахъ, чудо, прелесть!

Бубенчикова.

Она была у васъ?

Позвонкова.

Какъ же, я была у нея... (*Поправляясь*). То-есть... я... она была у меня... какъ же...

Бубенчикова.

И у меня была... Вѣдь, говорятъ, онъ оттого мѣсто получаетъ, что... (*шепчетъ ей на ухо*).

Позвонкова.

Ну да, разумѣется... Почему же иначе... Кто жь въ этомъ сомнѣвается!

Бубенчикова.

Вотъ Сыропустова опять въ ходъ пойдетъ...

Позвонкова.

Да ужь эта женщина... не пропадетъ... ловкая!

Бубенчикова.

Говорятъ, Канюкины сегодня будутъ здѣсь...

Позвонкова.

Да, да, я слышала... И онъ будетъ, самъ.

Бубенчикова.

Какъ-то онъ будетъ съ ней при всѣхъ... Это будетъ интересно!

Позвонкова.

Ужасно... просто... я нарочно пріѣхала пораньше, чтобы ничего не пропустить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Звонищевъ, Бубенчиковъ и Позвонковъ.

Звонищевъ.

Нѣтъ, я чувствую, я ожилъ, я помолодѣлъ при этомъ начальникѣ... Иванъ Яковлевичъ и самъ опустился, и насъ распу-

стилъ, и все распустилъ... Мы разнѣжились при немъ, облѣнились, впали въ этакую апатику... А этотъ, нѣтъ, этотъ духъ даетъ, этотъ подтянетъ, онъ всѣхъ подтянетъ, онъ всѣхъ насъ сдѣлаетъ спартанцами. Бывало, я не вставалъ раньше 10-ти часовъ утра, и не могъ выѣхать изъ дома не позавтракавши... а нынче вскакиваю въ шесть, въ пять часовъ, даже ночью вскакиваю и поднимаю на ноги всю канцелярію. Выѣзжаю изъ дома часто не только безъ завтрака, но и безъ утренняго чая... И чувствую, что свѣжъ, бодръ... Атлетическія силы въ себѣ чувствую... И такъ насъ и нужно держать! Вотъ это начальникъ, такъ начальникъ... намъ такого и нужно...

Бубенчиковъ (*со вздохомъ*).

Не знаю... не знаю... не знаю, что̀ будетъ!

Звонищевъ.

Будетъ-съ все хорошо... У меня теперь купцы... извощики... мастеровые... всѣ весело смотрятъ... А ужь какъ подтягиваю! У-у, Боже мой, малѣйшая жалоба, Боже сохрани! сказано: кабаки и лавки до обѣдни не отпирать, такъ ты у меня за своей нуждой не смѣй въ лавку идти, а не то, что за товаромъ какимъ! Сказано: извощику такса положена, такъ онъ у меня хоть 10 верстъ, а вези за 20 коп., а пожаловались, что прибавки попросилъ... затаскаю! То-есть не руками, — драться не позволено, — а... нравственно затаскаю! А песочикъ?... обратили вниманіе!

Бубенчиковъ.

Какой песочикъ?

Звонищевъ.

На всѣхъ тротуарахъ... Теперь у меня не смѣй жаловаться, что поскользнулся, да ногу выломилъ... Врешь, самъ виноватъ: вездѣ посыпано!

Бубенчиковъ.

Ужь и въ карты нынче почти не играю, и благотворить стараюсь, и дѣла на домъ беру, и женѣ говорю: ради-Бога, старайся ты какъ-нибудь все объ общественной пользѣ, а на душѣ все тяжело... Не знаю... не знаю, что̀ будетъ!

Позвонковъ (*Звонищеву*).

Вамъ хорошо говорить: у васъ дѣло все на виду, хорошо или худо—сейчасъ видишь, матеріальное, такъ-сказать, дѣло... А у меня дѣло бумажное, мыслительное, да еще тутъ секретарь... А вы знаете, что это за народъ, секретари: первые губители нашего брата... подсунетъ что, подпишешь... ну, и пропалъ...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Дергачевъ.

Дергачевъ (*подбѣгая къ Бубенчиковой и Позвонковой*).

А вы слышали, mesdames, новость?

Бубенчикова.

Какую?... О Канюкиныхъ?

Дергачевъ.

Нѣтъ-съ, поздравляю васъ: у насъ будетъ земство...

Позвонкова.

Чтò такое?

Дергачевъ.

Земство...

Бубенчикова.

Это чтò же значитъ?

Дергачевъ.

А это значитъ, что у насъ чиновниковъ не будетъ, судовъ никакихъ не будетъ, губернаторы не будутъ имѣть никакой власти...

(*Бубенчикова и Позвонкова испуганно оглядываются вокругъ и переглядываются между собою*).

Дергачевъ.

Будутъ только крестьяне, мѣщане, купцы...

Бубенчикова.

Ахъ, пожалуйста, избавьте насъ отъ этихъ разсказовъ.

Позвонкова.

Вы вѣчно что-нибудь такое ужасное разскажете, что даже слушать страшно.

Дергачевъ.

Это справедливо... Это будетъ...

Бубенчикова.

Да это до насъ не касается... Мы и слушать не хотимъ... Вонъ разсказывайте мужчинамъ.

Дергачевъ (*перебѣгая на другую сторону залы къ группѣ мужчинъ*).

Господа, поздравляю! васъ больше не будетъ... слышали вы эту новость?

Бубенчиковъ (*съ испугомъ*).

Какъ, насъ не будетъ? чтò вы говорите?...

Дергачевъ.

Такъ, не будетъ... потому что будетъ земство!

Бубенчиковъ.

Боже мой, что̀ онъ говоритъ... какое еще земство?

Дергачевъ.

Вы не знаете, что̀ такое земство?... Земство — это, значитъ, чиновниковъ не будетъ, судовъ и палатъ не будетъ, а будемъ всѣмъ распоряжаться мы сами, и судъ будетъ гласный, по голосамъ: чѣмъ общество рѣшитъ, такъ и будетъ...

Звонищевъ.

Милостивый государь! знаете, я вамъ что̀ скажу: вы не смѣйте въ публичныхъ мѣстахъ распространять подобныя зловредныя идеи... Это я знаю, откуда идетъ: это все изъ дома г-жи Бахрюковой... вы тамъ вертитесь постоянно, оттуда и выносите всякій вздоръ... я васъ за эти слова арестовать велю... и представлю... Теперь не прежнее время, я васъ подтяну... я вамъ покажу, что начальство всегда было и будетъ... Какъ вы попадете въ уголовную, да тамъ васъ потаскаютъ порядкомъ, тамъ вы и узнаете: есть или нѣтъ суды и чиновники... (*Дергачевъ сконфуженный ретируется вонъ изъ залы*). Чиновниковъ не будетъ... ишь что выдумали!... Кто же будетъ?... Кто васъ будетъ охранять, защищать, руководить, просвѣщать и подавать вамъ примѣръ... Струсилъ, удралъ!... Нѣтъ, я васъ подтяну!... Гм... Чиновниковъ не будетъ... кѣмъ только государство, отечество держится... чего быть никогда не можетъ!

Бубенчиковъ (*со вздохомъ*).

Ахъ, можетъ быть... все можетъ быть... всего ожидать можно!

Звонищевъ.

Однако, надо идти, да послѣдить за нимъ: онъ, пожалуй, и другимъ начнетъ проповѣдывать... Ухъ, дамъ же я ему острастку... а если что... ей-Богу представлю... Пускай партія Бахрюковой бѣсится!

Позвонковъ.

Дайте, дайте острастку... Это не мѣшаетъ... Надо разогнать этотъ вертепъ вольнодумства и неуваженія къ властямъ... Хорошенько его!

Звонищевъ.

Да ужь если я примусь, такъ я дамъ себя знать! Теперь не прежнее время, не при Иванѣ Яковлевичѣ... Они узнаютъ, что̀ значитъ полковникъ Звонищевъ! (*Уходитъ*).

Позвонковъ.

Пойдемте и мы, Никандръ Авдѣичъ, пошляемся...

Бубенчиковъ (*глубоко вздыхаетъ*).

Охъ... пойдемте... Съ этой перемѣны, съ этого пріема и съ рѣчи его, да какъ взглянулъ онъ тогда на меня, точно мракъ какой упалъ мнѣ на душу... Чувствую въ головѣ туманъ... туманъ... а на сердцѣ тоска... Ничего понять, ничего сообразить не могу: чего хотятъ, чего требуютъ... стараться радъ, а что̀ нужно дѣлать, чего угодно... не знаю...

Позвонковъ.

Что̀ Богъ дастъ... какъ ему Создателю угодно... Я на его премудрость положился... Пойдемте-ка... пропустимъ хошь пуншикъ...

Бубенчиковъ (*съ испугомъ*).

Что̀ вы... будетъ пахнуть... а вдругъ ему придетъ фантазія заговорить... и услышитъ эти ароматы... да Боже меня сохрани... ни за что на свѣтѣ!

Позвонковъ.

Ну, такъ пройдемся... Вонъ стали съѣзжаться...

Бубенчиковъ (*вздыхая*).

О-охъ... Пойдемте... (*уходятъ вмѣстѣ изъ залы*).

Впродолженіе предыдущихъ сценъ зала наполнялась посѣтителями. Дамы разсаживаются вдоль стѣнъ, дѣвицы и кавалеры ходятъ по залѣ. Составляются группы. Слышенъ невнятный гулъ разговоровъ, изъ которыхъ иногда слышатся восклицанія:

— Bonjour, Julie...

— Ахъ, мо̀й Богъ, и вы пріѣхали...

— Я долго колебалась, наконецъ, рѣшилась...

— На двѣ кадрили и мазурку... ну, ради-Бога...

— Я вамъ говорю: ныньче и кринолины, и шиньоны стали бросать: они вредны... это и по наукѣ доказано...

— Любви ныньче нѣтъ... нѣтъ... да ея и быть не должно...

— Идетъ въ гору, страхъ... Везетъ судьба...

— Дубоваго листа въ огурцы никогда не кладите... а лучше гораздо: мѣдный пятакъ...

— Что̀ вы спорите: я самъ видѣлъ бумагу...

— Неужели изъ надворныхъ и прямо въ статскіе?... Это невѣроятно...

— Мордочка какая, ушки... просто прелесть... и совершенно шолковая...

— Представьте: тутъ самъ-четвертъ, король-дама самъ-пятъ... и проиграли...

— На оброкъ?... ни за что на свѣтѣ... буду бороться до послѣдней капли...

— Да совсѣмъ нѣтъ, это не правда: онъ мнѣ не дѣлалъ предложенія...

— И не довернулся — бьютъ, и перевернулся — бьютъ.

— Я могу сдѣлать 22 тура по этой залѣ безъ отдыха... на пари...

— Нынче спереди стали вырѣзывать невѣроятно, а сзади до послѣдней невозможности...

Изъ толпы, расхаживающей по залѣ, отдѣляются и выходятъ впередъ въ сторону: Прелестный, Дергачевъ и нѣсколько человѣкъ военныхъ и статскихъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прелестный, Дергачевъ и другіе, потомъ: Хлюстиковъ и Сыропустова.

Прелестный.

Въ нашъ реальный вѣкъ, господа, женщина начинаетъ продавать все: молодость, красоту, самое тѣло... она уже ни во что не вѣритъ, ни въ преданность, ни въ самопожертвованіе... Выгода, деньги — вотъ ея Богъ... Кладите у ея ногъ, съ одной стороны, вѣчную любовь, всю глубину сердца, весь пылъ адской страсти, а съ другой — деньги и нарядное платье: она съ презрѣніемъ оттолкнетъ первое, и съ жадностью схватится за второе!

Дергачевъ.

Что̀ жь?... По моему, это такъ и быть должно: нынче вѣкъ реформъ, и женщина должна реформироваться.

Прелестный.

Нѣтъ, она не реформируется: она всегда была такова, только прежде скрывалась, а теперь дѣлаетъ явно... Увлечь человѣка, опутать, отдаться ему, клясться въ вѣчной любви, и потомъ оттолкнуть его, бросить за горсть золота, которое ей покажутъ, за мишурный блескъ, за повышеніе мужа въ должности—вотъ что̀ дѣлаютъ нынче женщины явно, публично, у всѣхъ на глазахъ!

Одинъ изъ военныхъ.

Нашъ Прелестный сегодня золъ, какъ сатиръ.

Прелестный.

Нѣтъ, другъ, я скорѣе похожъ на того древняго, могущественнаго и гордаго бога, котораго приковали къ скалѣ, и орелъ клюетъ его сердце!

Хлюстиковъ (*подбѣгая*).

Мѣсто, мѣсто, господа... Сейчасъ начинаются танцы... всѣ съѣхались... Ждали только Пальмиры Карловны съ Лизаветой Александровной, но сейчасъ и онѣ пріѣхали...

Прелестный и Дергачевъ (*въ одинъ голосъ*).

Бахрюковой еще нѣтъ.

Хлюстиковъ.

Что жь, не ждать же всему обществу одной Бахрюковой до двѣнадцати часовъ... Мѣсто, господа, я даю знакъ музыкантамъ! (*Машетъ платкомъ на хоры. Окружающіе Прелестнаго и Дергачева расходятся по залѣ*).

Прелестный (*Дергачеву тихо*).

Смотри же, ты бери ее, а я возьму Таню Бахрюкову, и становись такъ, чтобы насъ всѣмъ было видно.

Дергачевъ.

Да ужь я, братъ, знаю... Это будь покоенъ. (*Расходятся. Играетъ музыка. Танцуютъ вальсъ*).

Бубенчикова (*Сыропустовой*).

Какъ прелестно танцуетъ Лизавета Александровна... Совершенно какъ перышко летаетъ!

Сыропустова.

Да, она недурно танцуетъ.

Бубенчикова.

И какъ она хороша... Посмотрите, такъ всѣ и засматриваются и любуются ею!

Позвонкова.

Милашка, просто милашка! А гдѣ же ихній супругъ?

Сыропустова.

Онъ здѣсь: тамъ, гдѣ-нибудь съ мужчинами... Онъ не танцуетъ.

Бубенчикова.

Говорятъ, они очень подружились со Львомъ Помпеичемъ Краснокалачнымъ?

Сыропустовъ.

Да, Левъ Помпеичъ очень къ нему милостивъ: оцѣнилъ его умъ и образованіе...

Позвонкова.

Даже по дѣламъ совѣтуются, говорятъ?

Сыропустова.

То-есть не то, что совѣтуются, а генералъ его пріучаетъ къ дѣламъ.

Бубенчикова.

Говорятъ, онъ непремѣнно будетъ правителемъ!

Сыропустова.

Не знаю... Генералъ предлагалъ ему службу, но онъ еще не рѣшился, колеблется...

Бубенчикова.

А я сейчасъ вотъ передъ вашимъ пріѣздомъ говорила Сосипатрѣ Петровнѣ: какъ бы хорошо было, еслибъ это состоялось и его сдѣлали правителемъ... я была бы очень рада...

Позвонкова.

Ахъ, и я тоже... (*Черезъ залу идетъ по направленію къ Сыропустовой Анна Львовна въ сопровожденіи Хлюстикова*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Анна Львовна.

Хлюстиковъ.

Играть будете, Анна Львовна?

Анна Львовна.

А какъ же? разумѣется... не танцовать же мнѣ.

Хлюстиковъ.

Такъ прикажете партію составить?

Анна Львовна.

Составь, составь... только смотри: хорошенькую... игроковъ попроще подбери, очень искусныхъ да жадныхъ мнѣ не нужно. Я играю для удовольствія.

Хлюстиковъ.

Сейчасъ-съ... я знаю кого... (*уходитъ*).

Бубенчикова.

Анна Львовна, здравствуйте... пожалуйте вотъ сюда... я берегла для васъ мѣстечко.

Анна Львовна.

Благодарю (*садится возлѣ Сыропустовой*). Здравствуй, Пальмира Карловна... А гдѣ жь наша красавица?

Сыропустова.

А вонъ идетъ къ намъ: сейчасъ танцовала (*указываетъ на подходящую Канюкину*).

Анна Львовна.

Здравствуй, моя прелесть, моя красоточка, здравствуй (*цалуетъ ее*).

Канюкина.

Здравствуйте, Анна Львовна.

Анна Львовна.

Ну, а я на тебя сердита: отчего до сихъ поръ мужа не привезла ко мнѣ?

Канюкина.

Извините, Анна Львовна, онъ никакъ не могъ времени выбрать: утромъ всегда занятъ, а вечеромъ совѣстится ѣхать въ первый разъ. Онъ непремѣнно у васъ будетъ.

Анна Львовна.

Ну, то-то смотри же... Я гордыхъ не люблю.. А онъ здѣсь?

Канюкина

Здѣсь... Почти насильно привезла.

Анна Львовна.

Такъ поди-ка приведи его да представь мнѣ... Я хочу съ нимъ познакомиться и поговорить.

Канюкина (*въ смущеніи*).

Я не знаю, гдѣ онъ... Онъ тамъ гдѣ-то...

Хлюстиковъ (*подходя съ картами въ рукахъ*).

Кто это-съ?... Вамъ кого угодно?

Анна Львовна

Да вотъ не знаетъ, гдѣ мужъ.

Хлюстиковъ

А они тамъ, въ читальной; я сейчасъ позову, если прикажете...

Анна Львовна.

Поди-ка позови... къ женѣ...

Хлюстиковъ (*подавая карты вѣеромъ*).

Сію минуту... Анна Львовна, пожалуйте, готово!

Анна Львовна.

Кто жь играетъ?

Хлюстиковъ.

Все мужчины. Ужь будете довольны. Я знаю вашъ вкусъ...

Анна Львовна.

Ну, пускай подождутъ. Ты вотъ позови сначала ея мужа.

Хлюстиковъ.

Сію минуту (*убѣгаетъ*).

Прелестный (*подходя къ Канюкиной и раскланиваясь*).

Мое почтеніе.

Канюкина.

А, здравствуйте...

Прелестный.

Я думалъ, вы меня ужь и не узнаете.

Канюкина.

Почему вы это думали?

Прелестный.

Вы окружены такимъ ореоломъ, вы составляете предметъ всеобщаго поклоненія... гдѣ же вамъ обращать вниманіе на насъ простыхъ смертныхъ!

Канюкина.

Я думала, что вы перемѣнились, или что васъ и на свѣтѣ нѣтъ совсѣмъ, а вы все такой же (*отворачивается*).

Прелестный (*вполголоса*).

Рира бьенъ ки рира дернье...

Канюкина (*не дослышавъ*).

Что?... что вы говорите?

Прелестный.

Ничего-съ (*смотритъ на нее многозначительно, крутитъ усъ и отходитъ*).

Анна Львовна (*Канюкиной*).

Этотъ молодецъ, должно быть, безъ памяти въ тебя втюрился...

Канюкина.

Не знаю... только онъ ужасно скучный господинъ и надоѣлъ намъ до смерти своими частыми посѣщеніями...

Бубенчикова (*Сыропустовой суетливо показывая на Бахрюкову, которая проходитъ черезъ залу вмѣстѣ съ племянницей*).

Смотрите, смотрите: пріѣхала... Ахъ Боже мой, какъ нестыдно этой женщинѣ: нахвастала, осталась на смѣху у всѣхъ и еще въ общество показывается!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣже и Бахрюкова. (*Бахрюкова садится на сторону, противоположную той, гдѣ сидятъ Сыропустова, Бубенчикова и проч.*).

Позвонкова

Смотрите, смотрите, около нихъ только одни военные; нашихъ нѣтъ...

Дергачевъ (*подходитъ къ Канюкиной*).

Позвольте васъ просить на слѣдующую кадриль...

Канюкина.

Съ удовольствіемъ.

Дергачевъ (*кланяется и отходитъ*).

Хлюстиковъ (*подбѣгая къ Канюкиной*).

Вотъ вашъ супругъ-съ идутъ... Я ихъ позвалъ...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Канюкинъ.

Канюкина.

Благодарю васъ... (*Идетъ на встрѣчу мужу*). Вася, я должна тебя представить Аннѣ Львовнѣ... Она просила меня... (*Тихо*) Что тебя за дѣло, что̀ говорятъ про нее... Будь съ ней, ради Бога, полюбезнѣе... Для меня!... (*подводитъ мужа къ Аннѣ Львовнѣ*) Вотъ мой мужъ, Анна Львовна. (*Канюкинъ кланяется*).

Анна Львовна.

Очень пріятно познакомиться. Извините старуху, что обезпокоила. Я вашу супругу до страсти полюбила, да кажется и она мной не брезгуетъ... Мнѣ было очень жаль, что васъ не имѣла удовольствія до сихъ поръ видѣть.

Канюкинъ.

Вы простите меня, Анна Львовна... У меня такія обязанности, что я рѣшительно не имѣлъ времени засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и поблагодарить за вниманіе къ моей женѣ.

Анна Львовна.

Ничего, ничего, я за это и не въ претензіи... Въ старухѣ какой же интересъ, къ ней новые люди приходятъ только тогда, когда нужда бываетъ до нея... Ну, а старые знакомые, которые меня хорошо знаютъ, говорятъ, любятъ меня и дорожатъ моимъ знакомствомъ... Садитесь-ка около... Вы вѣдь не танцуете и въ карты не играете?

Канюкинъ.

Нѣтъ.

Анна Львовна.

Ну, такъ тебѣ, батюшка, все равно... поговори со мной... Извините, такая привычка отъ старости, всѣмъ привыкла говорить ты... Если не пріятно, буду воздерживаться.

Канюкинъ.

Помилуйте, для меня все равно. (*Садится около Анны Львовны*).

Анна Львовна.

Нѣтъ, вѣдь я знаю: вы, молодые люди, горды бываете иные... Но такъ-какъ я полюбила вашу жену, то хотѣла бы, чтобъ и вы меня полюбили... А кто меня любитъ, тотъ позволяетъ мнѣ говорить съ собой просто, безъ церемоніи, по моей старушечьей привычкѣ. (*Хлюстиковъ выбѣгаетъ на середину залы и машетъ платкомъ музыкантамъ; даютъ ритурнель къ кадрилю; устанавливаются пары; впереди всѣхъ становятся визави Дергачевъ съ Канюкиной и Прелестный съ племянницей Бахрюковой*).

Бахрюкова (*громко племянницѣ*).

Таня, поди сюда.

Таня (*подходя*).

Чего изволите, ma tante?

Бахрюкова. (*также громко*).

Кто эта дама визави съ тобою? (*Указываетъ на Канюкину*).

Таня.

Я не знаю, ma tante.

Бахрюкова.

Какъ же ты не знаешь, мой другъ, съ кѣмъ танцуешь... Какъ васъ, господинъ офицеръ, пожалуйте сюда... (*Прелестный подходитъ*). Вы не знаете, кто эта дама, которая танцуетъ съ Дергачевымъ, визави съ моей племянницей? Я ея не знаю...

Прелестный.

Я знаю-съ... Это жена учителя, г-жа Канюкина...

(*Общее вниманіе*).

Бахрюкова.

А-а, вотъ, кто! Ну, я не позволю моей племянницѣ танцовать въ одной кадрили съ такой особой. Скажите это вашему визави. Таня, сядь здѣсь. (*Общее волненіе*).

Дергачевъ (*подбѣгая*).

Что такое?

Бахрюкова (*очень громко*).

Я не позволю моей племянницѣ танцовать вмѣстѣ съ той двусмысленной особой, которую вы такъ дерзко поставили на одну доску съ моей племянницей... (*Канюкина рыдаетъ. Общее сильное волненіе. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и раздѣлились на двѣ группы: одни около Бахрюковой, другіе въ сторонѣ въ нерѣшительномъ положеніи. Около рыдающей Канюкиной только одинъ блѣдный какъ полотно мужъ и Сыропустова*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСМОЕ.

Тѣ же и Звонищевъ.

Звонищевъ (*въ сопровожденіи Хлюстикова, сбѣгавшаго за нимъ, быстро и грозно подходитъ къ Бахрюковой*).

Какъ вы смѣли, сударыня, оскорбить въ благородномъ собраніи женщину?

Бахрюкова (*съ достоинствомъ кидая презрительный взглядъ на полковника*).

Потише, полковникъ... Я видала не такихъ страшныхъ людей, какъ вы... И не вамъ требовать у меня отчета!

Сыропустова.

Это низко, это гадко, оскорблять женщину, которая ничего вамъ не сдѣлала! Вы злитесь, что васъ бросили, никто васъ знать не хочетъ... Что вы налгали о вашей дружбѣ съ генераломъ?

Бахрюкова.

Не той меня упрекать въ низости и гадости, которая хотѣла сама устроить мнѣ скандалъ и которая для своихъ низкихъ цѣлей готова вводить въ наше общество всякихъ...

Канюкинъ (*пошатываясь подходитъ къ Бахрюковой*).

Я мужъ этой оскорбленной женщины и спрашиваю васъ, публично, при всѣхъ: за что вы назвали ее двусмысленной особой?

Бахрюкова.

А-а, вы мужъ! Ну, вотъ что̀ я вамъ скажу: если вы честный человѣкъ и дорожите честью своей и репутаціей вашей жены, такъ не входите такимъ путемъ въ чужое вамъ общество и не пускайте жену въ положеніе искательницы вакантнаго мѣста съ незавидной должностью... Поняли вы меня? Идя такимъ путемъ, вы не заслужите уваженія въ высшемъ васъ обществѣ, хоть и ворветесь въ него насильно...

Канюкинъ.

Я врываюсь насильно въ ваше... высшее общество! Не бойтесь! Я уйду отъ васъ... Я здѣсь совершенно случайно... Благодарю васъ за урокъ, который вы дали легкомыслію моей жены... и моему легковѣрію... Прощайте, достойные господа! Пойдемъ, Лиза! здѣсь не мѣсто плакать, здѣсь люди собрались веселиться... (*Беретъ жену подъ руку и уводитъ сквозь разступающуюся толпу*).

Анна Львовна.

Гордымъ Богъ противится... (*Спокойно нюхаетъ табакъ*).

Бубенчиковъ (*вздыхаетъ*).

Боже мой, Боже мой... Что будетъ... Что будетъ?..

Звонищевъ

Даже я растерялся, и не знаю, что̀ дѣлать...

Хлюстиковъ (*вбѣгая*).

Генералъ пріѣхалъ, генералъ пріѣхалъ!

Бахрюкова.

Поздно... Ха, ха, ха... (*Сыропустовой*). Что̀, благотворительница! Никто-то васъ не благодаритъ... Таня! поѣдемъ домой... (*Идетъ и встрѣчается съ Краснокалачнымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Краснокалачный.

Краснокалачный.

Ахъ, Конкордія Никтополіоновна!

Бахрюкова.

Ахъ, ваше превосходительство, вы меня узнали... Я и не ожидала этой чести! Поздно только немного... Комедія кончена и вакантное мѣсто остается незанятымъ (*Хохочетъ и уходитъ*).

Краснокалачный (*въ изумленіи*).

Что это значитъ?... (*Общее молчаніе и смущеніе. Картина*).

Занавѣсъ падаетъ.

Алексѣй Потѣхинъ.

ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

(Изъ записокъ князя Ю. Н. Голицына).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ VI-Й ЧАСТИ.

На чужой сторонѣ.

Маршрутъ моего путешествія былъ изъ Кишинева въ Галацъ. Въ это время (1860 г.) Молдавія и Валахія находились въ самомъ печальномъ состояніи. Внутренняя организація совершенно распалась, существовало нѣчто анархическое, почтовыя сообщенія почти прекратились, дороги были непроѣзжаемы, грабежи приняли такіе размѣры, что даже днемъ въ глухихъ мѣстахъ случались нападенія, а въ ночное время ямщики рѣшительно отказывались возить. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени, когда, знаменитый впослѣдствіи, князь Куза былъ еще простымъ смертнымъ и служилъ исправникомъ въ Галацѣ, гдѣ во время моего двухнедѣльнаго пребыванія я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, и бывалъ у него нѣсколько разъ. Жилъ онъ съ старухой матерью своей въ весьма скромномъ деревянномъ домишкѣ съ садикомъ и велъ жизнь уединенную. И эта самая обстановка и скромность кн. Кузы были единственными причинами его неожиданнаго выбора въ господари. Во время выборовъ составились двѣ такія діаметрально противоположныя, равносильныя партіи, что партіи эти, не предвидя возможности избрать своего кандидата, рѣшились единогласно избрать безцвѣтную личность, которую впослѣдствіи легко было бы забрать въ руки. И потому выборъ палъ на князя Кузу. Послѣдствія доказали, какъ эти обѣ противоположныя партіи ошиблись.

На пути моемъ къ Галацу находился городъ Кавуръ. Хотя это было въ мартѣ мѣсяцѣ, но день былъ жаркій; лошади за-

моренныя, такъ-называемыя, неовсяныя, тащили мою карету maximum по 4 версты въ часъ. По дорогѣ населенія почти никакого не было, и проѣзжая мимо довольно красиваго, для той мѣстности, домика, я приказалъ остановиться и послалъ попросить чего нибудь напиться. Немного погодя, вѣроятно, хозяинъ дома, молдаванинъ, вынесъ мнѣ кружку бѣлаго винограднаго вина. Каково же было мое удивленіе, когда я, поблагодаривъ его за вино, увидѣлъ, что онъ, сложивъ руки ладонь на ладонь, просилъ моего благословенія. Въ первый моментъ, не сообразивъ въ чемъ дѣло, я, чтобы не огорчать его, благословилъ его крестнымъ знаменіемъ, и онъ поцаловалъ мою руку. Не успѣлъ я придти въ себя отъ удивленія, какъ неизвѣстный всадникъ, ѣхавшій уже нѣсколько верстъ по одной дорогѣ съ нами, соскочивъ съ лошади, подбѣжалъ къ дверцамъ кареты и сказалъ: «Ваше преосвященство — благословите!», и, поцаловавъ также мою руку, вскочилъ опять на коня и помчался впередъ. Странный этотъ случай объяснился слѣдующимъ образомъ: рѣшившись на такой дальній путь, я еще въ Козловѣ (Тамб. губ.) заказалъ себѣ шубу, но такъ-какъ мои размѣры требовали непремѣнно два мѣха, то я для легкости шубы выбралъ желтую лисицу и покрылъ ее темнозеленымъ люстриномъ, чрезъ что шуба моя походила на поповскую, тѣмъ болѣе, что я всегда ношу верхнее платье съ широкими висячими рукавами. Кромѣ того, я носилъ въ дорогѣ черную бархатную ермолку; а такъ-какъ—я уже объ этомъ сказалъ — день былъ жаркій, то я распахнулся, и молдаванинъ, угостившій меня виномъ, увидалъ на груди моей необыкновеннаго размѣра золотой крестъ на такой же цѣпи и, разумѣется, принялъ меня за духовное лицо. Всадникъ же, какъ послѣ оказалось, былъ иконописецъ, поновляющій иконостасъ въ Кавурскомъ соборѣ, и такъ-какъ въ гор. Кавурѣ уже ожидали проѣзда какого-то архіерея изъ Россіи на Востокъ, то онъ, предположивъ, что я тотъ самый архіерей и есть, поскакалъ разгласить въ Кавурѣ, что его преосвященство изволитъ ѣхать!... Часовъ въ 10 вечера втащились мы въ Кавуръ. Кавуръ имѣетъ такой же видъ, какъ и бо̀льшая часть нашихъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ: посрединѣ площади красуется соборъ, кругомъ одноэтажные деревянные домики съ палисадниками, и кое-гдѣ стоятъ два-три неуклюжихъ каменныхъ дома. На улицахъ никого мы не встрѣтили, и, въѣхавъ на площадь, ямщикъ еврей спросилъ меня:

— А куда прикажетъ баринъ ѣхать?

— Ступай въ гостиницу!...

— Въ гостиницу нельзя, въ гостиницѣ все занято.

— Ступай на постоялый дворъ.

Жидъ-ямщикъ опять покачалъ головою: «Вездѣ все занято, баринъ».

Оказалось, что въ Кавурѣ происходили уѣздные выборы, и всѣ уѣздные помѣщики, пріѣхавъ въ этотъ маленькій городокъ, заняли всѣ свободныя квартиры. Я вышелъ изъ кареты и пошелъ на авось пріискивать себѣ убѣжище. Вдругъ откуда не возьмись мой давпшній всадникъ; снимаетъ шапку, почтительно ко мнѣ подходитъ, проситъ опять моего благословенія и говоритъ:

— Вашему преосвященству отведена уже квартира у отца благочиннаго.

Не имѣя времени и находя уже неудобнымъ разочаровывать моего всадника на счетъ моего сана, а между прочимъ, желая какъ можно скорѣе уѣхать изъ Кавура, а потому и не останавливаться у благочиннаго, я наотрѣзъ отъ приготовленной мнѣ квартиры отказался и просилъ всадника пріискать мнѣ другой пріютъ. Всадникъ мнѣ объяснилъ, что у уѣзднаго предводителя домъ помѣстительный и что, конечно, ему будетъ пріятно принять такую высокую особу, какъ я. Предполагая, что съ такимъ хозяиномъ дома мнѣ, по истинѣ ничѣмъ не рискуя, легче будетъ объясниться, я приказалъ везти себя въ квартиру предводителя съ тѣмъ, чтобы прежде имѣть съ нимъ секретное объясненіе. Но вообразите мой ужасъ: всадникъ, только что пріѣхавшій въ городъ и ничего незнавшій объ избраніи вновь предводителя въ его должность, по какому случаю былъ у него званый вечеръ, — ввелъ меня въ столовую, гдѣ компанія человѣкъ въ 40 дамъ и мужчинъ сидѣла за ужиномъ. Всадникъ шепнулъ, вѣроятно, хозяину о моей личности, и тотъ, бросивъ салфетку и, сложивъ также ладонь на ладонь, подошелъ для благословенія. Моментъ былъ торжественный; но, признаюсь, я лучше хотѣлъ бы провалиться, чѣмъ продолжать взятую на себя роль, хотя, конечно, комическую, но въ томъ положеніи и при той необходимости, въ какой я находился держаться строгаго инкогнито — весьма опасную. И, право, мнѣ было далеко не до смѣха. Когда же гости увидѣли, что хозяинъ подошелъ къ моему благословенію, произошла страшная суматоха. Каждый наперерывъ торопился получить мое благословеніе и облобызать мою руку. Ну, и дѣйствительно, съ досады я каждому изъ этихъ почтенныхъ молдаванъ раза по три совалъ мою лапу целовать. Всему бываетъ, однакожь, конецъ; окончилось и это цалованье. Что̀ тутъ было дѣлать? Оставаться въ такомъ домѣ, который въ это время болѣе походилъ на мура-

вейникъ, возможности не было; уйти безъ особыхъ причинъ было неловко, да и наконецъ куда? Меня спасло однако присутствіе духа, которое рѣдко меня оставляетъ.

День былъ субботній; взявъ въ сторону хозяина дома, я сказалъ ему, что такъ-какъ завтра воскресенье, то уединеніе для меня необходимо; почему не желая его стѣснять, просилъ приказать отыскать мнѣ гдѣ нибудь отдѣльную комнату. Къ счастью, кто-то изъ близь насъ стоявшихъ гостей указалъ на дьячка-вдовца, у котораго, по его мнѣнію, мнѣ было бы уютно и спокойно. Ухватившись за это предложеніе, я выскочилъ изъ этой, такъ-сказать, бани; но не безъ того, чтобы въ дверяхъ и въ сѣняхъ не осчастливить еще нѣсколькихъ молдаванъ моимъ благословеніемъ. На рысяхъ побѣжалъ я съ моимъ всадникомъ къ дьячку. Дьячокъ спалъ, и никакъ не подозрѣвалъ, что такая высокая особа въ ихъ городишкѣ ищетъ себѣ пріюта для ночлега. Въ двухъ словахъ объяснилось, въ чемъ дѣло. Я моего чичероне — con amore, отпустилъ, дьячка благословилъ, заперся, завалился на пуховикъ и сталъ помышлять о томъ, какимъ бы способомъ удрать отсюда безъ скандала. Только было-сталъ я отъ усталости и волненія забываться, какъ въ смежной комнатѣ услыхалъ довольно продолжительный и жаркій разговоръ вполголоса. Не знаю почему, но я чуялъ что-то недоброе. Не вставая съ постели, я кликнулъ дьячка и спросилъ: съ кѣмъ онъ тамъ шепчется и въ чемъ дѣло? Что же оказалось? Такъ-какъ на другой день освящался въ соборѣ новый иконостасъ и имѣлъ быть благодарственный молебенъ по случаю окончанія выборовъ, то благочинный пришелъ просить меня осчастливить всѣхъ кавурскихъ жителей архіерейскимъ служеніемъ, а если ужь, по обстоятельствамъ, нельзя мнѣ отслужить обѣдню, то не соблаговолю ли я отправить хоть благодарственный молебенъ. Нѣтъ, ужь это было слишкомъ натянутое положеніе: я окончательно сталъ втупикъ и машинально сказалъ: «Ступай, ступай, голубчикъ, я усталъ, боленъ, и завтра служить не могу». Былъ второй часъ ночи, больше медлить становилось опасно, слѣдовало принять энергическія мѣры. Я позвалъ опять дьячка, объяснилъ ему, что я не только не архіерей, но даже и не духовная особа, а просто купецъ Мальковъ (при чемъ я ему показалъ мой паспортъ) и добавилъ, что вся эта катавасія произошла отъ услужливаго дурака, который всегда опаснѣе врага. Я обѣщалъ дьячку десять золотыхъ, чтобы онъ живо привелъ мнѣ шестерку лошадей, далъ ему половину этихъ денегъ въ задатокъ, и когда въ пятомъ часу ударилъ благовѣстный соборный колоколъ,

меня въ Кавурѣ ужь не было. Тогда только, перекрестившись, я свободно вздохнулъ!...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ VII-Й ЧАСТИ.

Вовращеніе на родину.

Въ 1862 году въ іюлѣ мѣсяцѣ я былъ въ Парижѣ на возвратномъ пути изъ Лондона въ Россію. Однажды вечеромъ въ Café Napolitain ко мнѣ подошелъ мой знакомый англичанинъ Sir William S*** (*). Я былъ очень обрадованъ этой встрѣчей, потому что былъ увѣренъ, что Sir William, соболѣзнуя тому положенію, въ какомъ я находился въ Лондонѣ, несомнѣнно искренно порадуется моему возвращенію.

Сердце было такъ полно, что, конечно, я поспѣшилъ ему передать, какимъ образомъ свершился этотъ счастливый переворотъ. Я съ нимъ болѣе шести мѣсяцевъ не видался, и бесѣда наша была такъ увлекательна, что по пробитіи 12 часовъ, когда Café Napolitain стали запирать, мы отправились въ одинъ изъ кабинетовъ Cafe anglais. Sir William былъ человѣкъ весьма симпатичный и характера эксцентричнаго.

— Вы, князь, такъ были всегда милы со мной и откровенны, сказалъ онъ:—что я считаю себя передъ вами какъ бы въ долгу. Мое прошедшее представляетъ тоже много необыденнаго, и потому, не вдаваясь пока въ большія подробности, разскажу вамъ мою жизнь, передавъ откровенно все, что̀ лежитъ у меня на душѣ.

Конечно, я отъ всего сердца поблагодарилъ его за такое доказательство расположенія и просилъ приступить къ разсказу. — За симъ, совершенно устраняя себя лично, я передаю только подлинный разсказъ сера William S***.

«Я, какъ вы знаете, англичанинъ. По рожденію, принадлежу къ высшей англійской аристократіи. Къ несчастію, я лишился моей матери въ первый періодъ моего дѣтства, и мой отецъ, служившій въ военной службѣ и находившійся постоянно въ походахъ, не имѣвъ самъ возможности слѣдить за моимъ вос-

---

(*) Изъ самаго разсказа видно будетъ, отчего я не считаю себя въ правѣ назвать Sir William'a по фамиліи.

спитаніемъ, вынужденъ былъ оставлять меня у родныхъ покойной матери, которые, не съумѣвъ справиться съ природною необузданностію моего нрава, нашли необходимымъ отдать меня въ учебное заведеніе, въ которомъ однако я не ужился. Перевели въ другое — тамъ, наоборотъ, не ужились со мною, и такимъ образомъ почти ежегодно меня переводили изъ одного заведенія въ другое, чрезъ что мѣнялась и система воспитанія. Очевидно, что результаты этихъ событій отъ дѣтства до юношества должны были быть печальны. И вотъ съ такимъ-то малымъ запасомъ нравственнаго богатства, которое служитъ основаніемъ всего будущаго, я, семнадцати лѣтъ окончивъ курсъ въ учебномъ заведеніи, былъ уже на волѣ! Состояніе мое было хорошее, и при той обстановкѣ, въ какой я находился, я былъ въ аристократическомъ кругу однимъ изъ блестящихъ джентльменовъ. Не прошло года, какъ, оставивъ школьную скамью, я имѣлъ несчастіе жениться. Говорю «несчастіе», потому что я погубилъ ту, которую судьбѣ угодно было назначить мнѣ въ подруги. Какое было сумасбродство съ моей стороны рѣшиться на такой важный шагъ, и какая преступная неосторожность со стороны тѣхъ, которые могли и должны бы были помѣшать этому браку! Какую гарантію для будущаго семейнаго счастія могъ обѣщать восьмнадцатилѣтній мальчишка? Даже при самыхъ лучшихъ нравственныхъ проявленіяхъ восьмнадцатилѣтній юноша все-таки представляетъ загадку, а юноша, въ которомъ такъ сильно проявлялась, какъ у меня, необузданность страстей, вселялъ даже грустное убѣжденіе, что дѣвушка, выходящая за него замужъ, несомнѣнно на пути своей жизни испытаетъ болѣе горя, чѣмъ радостей...»

— Увы! подумалъ я, такіе примѣры не останавливаютъ родныхъ отъ страсти къ сватовству. Не знаю, право, что̀ опаснѣе, выдать дѣвушку за старика, или за восьмнадцатилѣтняго мальчишку. Конечно, оба хуже и дай Богъ мимо; но все-таки человѣкъ пожилыхъ лѣтъ представляетъ болѣе шансовъ для супружескаго согласія, чѣмъ союзъ съ несовершеннолѣтнимъ, у котораго играютъ лишь страсти, столь скоро остывающія въ супружеской жизни. Мнѣ кажется, мужчинѣ ранѣе 25 или 30 лѣтъ не должно вступать въ законный бракъ, и большой грѣхъ тѣмъ, которые, побуждаемые какими-либо видами или pour le plaisir de tripoter dans les affaires d'autrui — отступаютъ отъ этого правила, основаннаго на общечеловѣческихъ воззрѣніяхъ.

«Черезъ годъ Богъ далъ намъ сына, продолжалъ Sir William.

Рожденіе этого малютки проявило во мнѣ новое чувство. Чувство это я сознаю въ нашемъ грѣшномъ мірѣ единственнымъ святымъ чувствомъ, хотя и въ немъ есть примѣсь эгоизма. До рожденія моего сына я предавался еще двумъ страстямъ: сильно пилъ и азартно игралъ въ карты. Стало быть воистину велико это чувство, ежели съ тѣхъ поръ и понынѣ, несмотря на испорченную съ дѣтства нравственность, я устоялъ въ твердомъ рѣшеніи: не пить и въ карты не играть.

«Что составляетъ базисъ семейнаго счастія? Дѣти! Но въ такомъ только случаѣ дѣти привязываютъ къ семейному очагу, когда живешь уже не для себя, не въ настоящемъ, а въ ихъ будущемъ, тогда, когда никакія страсти или преступныя увлеченія не отвлекаютъ отца отъ дѣтскихъ ласкъ. Я здѣсь говорю по опыту; вѣдь рожденіе сына могло же дать мнѣ сильный и отрадный нравственный толчокъ; а между тѣмъ бурная, безпорядочная, безнравственная жизнь, отвлекавшая меня постоянно отъ матери моихъ дѣтей, охлаждала и любовь мою къ дѣтямъ!.. Послѣ родился у насъ второй сынъ. Горячо я его любилъ, и такъ любилъ, что когда Богу угодно было его взять къ себѣ, мнѣ казалось, что горя этого не переживу! Впослѣдствіи одна за другою родились у насъ три дочери. Всѣ онѣ были прекрасны, повидимому любилъ я ихъ сильно, а въ особенности старшую. — И что же вышло?!.. Впрочемъ, не буду *перебивать* хронологическій порядокъ моего разсказа и потому продолжаю послѣдовательно. Жизнь въ аристократическомъ кругу въ Лондонѣ хоть кому голову вскружитъ. Въ оффиціальномъ мірѣ занималъ я не по годамъ почетныя мѣста; честолюбіе развивалось во мнѣ до-нельзя, такъ-какъ по состоянію не могъ перещеголять роскошью другихъ, а между тѣмъ, желая чѣмъ нибудь выдвинуться, я, выходя постоянно изъ моего бюджета для удовлетворенія разныхъ эксцентрическихъ затѣй, въ конецъ-концовъ разстроилъ мое состояніе. Съ другой стороны постоянныя увлеченія отъ обязанностей семьянина, возбуждали между нами, т.-е. мужемъ и женой, печальныя и недостойныя сцены, коихъ всегда и *исключительно* виновникомъ былъ только я.—Увы, жизнь наша такъ была надломлена, что близкій кризисъ долженъ былъ послѣдовать неминуемо. Сцены, о которыхъ я здѣсь упоминаю, хотя и предосудительны, но могутъ быть еще терпимы въ первомъ періодѣ супружества; когда же наступаетъ второй періодъ, т.-е. тотъ, въ которомъ уже дѣти являются свидѣтелями этихъ тяжкихъ столкновеній между отцомъ и матерью, тогда сколько невыносимы онѣ для супруговъ, столько же вредны безнравственнымъ своимъ примѣромъ для дѣтей! Разъ изъ

всѣхъ этихъ постоянныхъ домашнихъ столкновеній одно вышло серьёзнѣе другихъ, и тогда я вынужденнымъ нашелся предложить женѣ моей изъ худшаго лучшее — разойтись. Взаимныя наши отношенія были уже такъ натянуты, что разстаться намъ было не трудно; но у насъ было четверо дѣтей. Какъ тутъ поступить? Обыкновенно, когда родители вмѣстѣ не уживаются и рѣшаются на этотъ окончательный разрывъ, то раздѣляютъ между собою дѣтей. *По закону*, или какому-то *обычаю*, мать беретъ сыновей, отецъ дочерей. Не говоря уже съ точки зрѣнія здраваго смысла о нелѣпости такого дѣлежа, мы спросимъ: чѣмъ же бѣдныя дѣти виноваты въ томъ, что родители ихъ, не уживясь, раздѣляютъ ихъ, и тѣмъ самымъ лишаютъ не только на половину родительскихъ ласкъ, но воспитываютъ ихъ, такъ-сказать, во взаимномъ антагонизмѣ, который есть непремѣнное послѣдствіе этой ненормальной обстановки? Если, къ несчастію, родители уже дошли до того, что вмѣстѣ жить не могутъ, виновный (который за рѣдкими исключеніями бываетъ всегда мужъ) обязанъ передъ совѣстью, Богомъ и людьми уступить другой сторонѣ, не только всѣхъ дѣтей, но и свои права на нихъ, при чемъ *въ имущественномъ отношеніи строго исполнить свой долгъ*. Вотъ мои убѣжденія, и я, сознавая тогда въ своемъ дѣлѣ исключительно виновнымъ себя, *поступилъ именно въ силу этихъ убѣжденій*. — И такъ мы разстались...

«Мать съ дочерьми переѣхала въ свое родовое имѣніе; сынъ, юноша 14 лѣтъ, оставался въ Лондонѣ въ учебномъ заведеніи, а я, по служебнымъ обстоятельствамъ и домашнимъ дѣламъ, не имѣвъ возможности продолжать мою блестящую карьеру, остался жить въ моихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ близь города Т...

«Такимъ образомъ, послѣ этого печальнаго событія, я, вслѣдствіе безвыходнаго положенія, самъ, какъ бы сказать, наложивъ на себя руки, остался мужемъ безъ жены, отцомъ безъ дѣтей, гражданиномъ безъ дѣятельности...

«Предварительно считаю нужнымъ теперь вамъ разсказать то, что̀ было за нѣсколько лѣтъ до моего семейнаго переворота. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моего помѣстья жило семейство К***. Съ мужемъ и женою я былъ еще въ молодости въ дружественныхъ отношеніяхъ. У нихъ было двѣ дочери и четыре сына. Помню, какъ сегодня, что, пріѣхавъ въ первый разъ въ этотъ домъ, я увидѣлъ старшую ихъ дочь Люси, 11-ти лѣтъ, съ чудными выразительными свѣтлокарими глазами, съ длинными черными рѣсницами, заплетенными роскошными косами и привлекательной улыбкой. Дѣвочка эта была

такъ симпатична, что я, подозвавъ ее къ себѣ и потрепавъ по щекѣ, сказалъ, обратясь къ ея матери: «Quelle délicieuse enfant, madame, vous avez lá! Quel regard intelligent! Elle a de l'avenir, cette petite!». Мать привѣтливо на это мнѣ улыбнулась, а маленькая Люси видимо была недовольна моею неперемонностію и, надувъ губки, отошла. Кто бы подумалъ тогда, что этотъ ребенокъ будетъ, *такъ сказать*, инициіативой перелома всей моей жизни, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ моему общественному положенію въ свѣтѣ?.. Но объ этомъ послѣ. Перехожу теперь къ другимъ событіямъ, имѣющимъ связь съ предъидущимъ. Мы были въ то время чрезвычайно дружны съ семействомъ Р***, жившимъ также въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ *. Семейство Р*** было въ самыхъ близкихъ родственныхъ связяхъ съ семействомъ К***. Въ числѣ дѣтей ихъ была также старшая дочь, тоже Люси, но съ тою разницею, что Люси К*** была годами 5-ю моложе своей кузины. Поселившаяся дружба между моимъ семействомъ и семействомъ Р***, была до того тѣсна, что положительно можно сказать, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мы были между собою неразлучны. Много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; мы *уже* не видимся; къ прискорбію, между нами было много тяжкаго, но я никогда не забуду тѣхъ отрадныхъ минутъ, которыя я у нихъ проводилъ. Семейство это служило мнѣ, такъ сказать, мѣстомъ нравственнаго отдохновенія отъ моей безпорядочной жизни. Бывало, пріѣдешь къ нимъ въ грустномъ расположеніи духа — развеселишься; *въ раздраженномъ*, т.-е. вотъ такъ и кажется, что все трахъ, трахъ — успокоишься! Словомъ сказать, дружба всего семейства дѣйствовала на меня, какъ цѣлебный бальзамъ на тяжелыя раны. Искренно *любилъ я ихъ:* отца, мать и сестру, всѣхъ дѣтей, старуху бабушку; все окружающее ихъ мнѣ было мило. Но чего вы не подозрѣваете и чего я самъ въ себѣ долго не сознавалъ: я втайнѣ давно любилъ старшую ихъ дочь—Люси. Конечно, всякій влюбленный человѣкъ будетъ описывать предметъ своего обожанія въ самыхъ яркихъ краскахъ; но я считаю достаточнымъ сослаться на судъ всѣхъ, имѣвшихъ случай ее видѣть, самъ же добавлю, что, независимо отъ наружной красоты, она представляла для меня совершенно загадочную личность. Напримѣръ, нѣсколько разъ я имѣлъ случай убѣ-

* Впослѣдствіи я въ разсказахъ моихъ о домѣ Р*** подробно передамъ вамъ рѣдкія въ нашемъ вѣкѣ черты взаимнаго согласія, дружбы и любви, которыя живутъ въ этомъ достойномъ семействѣ.

диться, какъ она горячо любитъ своихъ отца, мать и всѣхъ родныхъ, а между прочимъ обходилась съ ними довольно холодно и какъ будто избѣгала ихъ ласкъ. Въ своихъ симпатіяхъ она всегда была оригинальна: если эта симпатія обращалась къ кому нибудь изъ крестьянъ, то, бывало, выберетъ самаго плюгаваго пастушка; ежели изъ женщинъ — какую нибудь курносую, безобразную личность. На дворѣ господскаго дома постоянно было нѣсколько хорошихъ и красивыхъ собакъ, а любимая ея собачонка всегда была какая нибудь шавка. И тàкъ во всемъ эта дѣвушка была своеобразна, даже, напримѣръ, въ общихъ разговорахъ она молчала, а ежели при ней на чей нибудь счетъ гуляли или кого осуждали, то она, пожимая плечами, съ недовольнымъ видомъ выходила въ другую комнату. Болѣе еще удивлю васъ признаніемъ, что впродолженіе всего того времени, что я ее любилъ, она никогда ничѣмъ и ни въ чемъ не дала мнѣ права подозрѣвать малѣйшее чувство взаимности ко мнѣ, а чтò еще всего поразительнѣе, такъ это то, что съ другой стороны, она не подавала мнѣ и вида неудовольствія, а постоянно была одинаково ровно холодна ко мнѣ. Какъ я ни старался скрыть мои чувства къ этой дѣвушкѣ, необходимое зло было и тутъ неизбѣжно: пошли сплетни, розсказни, слава Богу, пока только на мой счетъ. А чтобы разомъ прекратить всѣ толки, я рѣшился отправиться волонтеромъ въ Севастополь

. . . .

«Проѣзжая городъ Т..., гдѣ были скачки, я узналъ, что и семейство К*** тутъ же находилось. Вечеромъ зашелъ я къ нимъ. Было у нихъ много гостей и, конечно, всѣ присутствующіе знали уже, что я на пути въ Севастополь и каждый по своему толковалъ о причинахъ такой рѣшимости. Понятно, я объяснялъ эту поѣздку тѣмъ, что всѣ мои добрые товарищи и пріятели въ Крыму и я, соскучившись по нихъ, предпринимаю эту поѣздку въ видѣ развлеченія, а при случаѣ не откажусь отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ наряду съ товарищами. Нѣкоторые, болѣе благовоспитанные, имѣли видъ, что вѣрятъ моимъ сказкамъ; другіе молча ухмылялись, а болѣе рѣшительные говорили: «Полноте насъ морочить, мы знаемъ, почему вы уѣзжаете!» Отвѣчать на такія выходки я находилъ недостойнымъ и неосторожнымъ, потому что мои отвѣты могли вызвать тяжелыя для меня *пренія*. А, чтобъ окончательно прекратить этотъ разговоръ, я вышелъ на балконъ, гдѣ впродолженіе цѣлаго вечера, у растворенной двери, Люси К***, тогда уже 16-тилѣтняя дѣвушка, сидѣла въ креслахъ. Это было 17 мая 1854 года.

Выйдя на балконъ, я взглянулъ на Люси К***. Она была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ черною блондовою fanchon на головѣ, и, освѣщенная луной, произвела на меня неожиданное впечатлѣніе. Она представила мнѣ собою ту Люси, отъ которой я бѣжалъ: сходство ея съ кузиной было поразительно, и впечатлѣніе это было на столько сильно, что я долго не могъ отвести отъ нея глазъ!.. Люси К*** не выдержала этого молчанія, встала и, опершись спиной къ рѣшоткѣ балкона, сказала мнѣ нерѣшительнымъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

«— Vous êtes donc bien décidé, sir William, d'aller à Sévastopol?»

«— Oui, mademoiselle, отвѣчалъ я.

«— Serait-il possible... que ma cousine Lucie... ne...

Я прервалъ ея вопросъ строгимъ взглядомъ, прибавивъ:

«— Quoi, mademoiselle?

Бѣдная дѣвушка смутилась и, едва прошептавъ: «pardon, sir William» — вышла вонъ. Я подумалъ: неужели это бѣдное дитя меня любитъ? И подъ этимъ тяжкимъ впечатлѣніемъ я возвратился въ гостиную, со всѣми распрощался и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Ливерпуль, а оттуда на военномъ пароходѣ прямо въ Севастополь . . . .

. . . .

. . . .

«По возвращеніи моемъ изъ Севастополя, черезъ годъ, Люси Р*** была уже невѣстой и вскорѣ вышла замужъ . . . . .

. . . .

«Возвратясь изъ Севастополя, я еще болѣе чувствовалъ свое одиночество. Утѣшало меня только то, что удаленіемъ моимъ изъ здѣшняго края и пребываніемъ въ Севастополѣ я хоть сколько нибудь исполнилъ свой долгъ. Но отсутствіе всякой энергіи довело меня до какого-то отчаяннаго равнодушія. Дѣла мои въ порядокъ не приходили, и я чувствовалъ, что самъ не въ состояніи ими заниматься. Въ это время часто я видѣлся съ семействомъ К***. Отецъ Люси пользовался во всемъ околодкѣ репутаціею человѣка, сколько свѣдущаго въ агрономіи, столько отличающагося честностію и добросовѣстностію. И потому я рѣшился предложить ему взять имѣніе мое въ аренду. Странное дѣло, что отецъ Люси, человѣкъ очень предпріимчивый, долго отказывался отъ моихъ предложеній и согласился принять эту обузу на себя въ томъ только случаѣ, ежели онъ будетъ во всякое время въ состояніи отказаться отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Вслѣдствіе этихъ новыхъ

отношеній между нимъ и мною, пріѣзды мои въ его домъ еще болѣе участились. Люси К*** въ періодъ этого времени развилась, похорошѣла и при этой обстановкѣ я такъ къ ней привыкъ, что она составляла для меня уже что-то близкое. Конечно, что не совсѣмъ потухшее чувство къ ея кузинѣ и сходство ея съ нею еще болѣе привязывали меня къ этой дѣвушкѣ. И вообще, какъ-то, кромѣ сходства въ нравственномъ и физическомъ отношеніи между двумя дѣвушками, было столько общаго между этими двумя семействами, вслѣдствіе ихъ родственныхъ связей, что мало по малу угасающее чувство къ Люси Р*** какъ-то тайно, незамѣтно перешло съ новой силой въ сердцѣ моемъ къ Люси К***. Разница между двумя этими дѣвушками для меня была только та, что Люси К***, независимо отъ такой же силы воли, какою отличался характеръ Люси Р***, обладала особенною рѣшимостію и непоколебимостію, съ которыми, какъ видно будетъ впослѣдствіи, она ни разу не пошатнулась и осталась вѣрна сама себѣ. У меня не изгладилось изъ памяти смущеніе ея при нашемъ разговорѣ на балконѣ передъ моимъ отъѣздомъ въ Севастополь, и тогда же составилось убѣжденіе, что это бѣдное дитя меня любитъ. Но по возвращеніи моемъ и при постоянныхъ посѣщеніяхъ ихъ дома, она, правда, была не холодна, но и привѣтлива лишь на столько, что никогда не могъ я подмѣтить въ ней какое либо особенное ко мнѣ чувство. Такимъ образомъ, я на ея счетъ терялся въ догадкахъ. А нынѣ, когда, конечно, все то, что̀ было въ то время у бѣдной дѣвушки затаено въ сердцѣ, мнѣ извѣстно, — я преклоняюсь передъ этой могучей волей, съумѣвшей скрыть не только отъ другихъ, но и отъ меня свою любовь: До такой степени Люси была сдержана, что не столько по обстановкѣ, сколько по личному побужденію, она не давала никакой возможности быть съ ней наединѣ.

«Этотъ новый импассъ, въ который судьба меня поставила, былъ уже мнѣ не подъ силу. Скрывать мое чувство отъ Люси я не могъ, а не видя взаимности, не хотѣлъ ее оскорблять моимъ признаніемъ. Положеніе было такъ натянуто, что, во что бы ни стало, слѣдовало изъ него выйти... Я рѣшился на неопредѣленное время уѣхать на континентъ... И однажды, когда все семейство К***, по обыкновенію, собралось на балконѣ за вечернимъ чаемъ, я объявилъ, что черезъ недѣлю я ѣду въ чужіе края. Эта неожиданная новость поразила все семейство, и за симъ послѣдовали разспросы, что̀, почему и какъ, и увѣщанія не уѣзжать такъ скоро. Одна лишь Люси оставалась без-

молвною и вскорѣ ушла въ свою комнату, откуда до самаго ужина не выходила. Тутъ мнѣ сердце снова подсказало, что Люси меня любитъ... но шагъ назадъ былъ невозможенъ, — и дѣйствительно черезъ недѣлю меня въ тѣхъ краяхъ уже не было!

«Я поѣхалъ въ Германію и по призванію моему избралъ Дрезденъ, гдѣ почти ежедневно посѣщалъ картинную галлерею, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Саксонскую Швейцарію, и, по спеціальности моей пейзажиста, снималъ виды. Оттуда проѣхалъ до Праги, случайно присутствовалъ при юбилеѣ пражской консерваторіи, словомъ, я жаждалъ всякаго занятія и хватался за каждое развлеченіе съ надеждой разогнать мою тоску. Вдругъ, совершенно неожиданно, я получилъ извѣстіе, вслѣдствіе котораго на короткое время долженъ былъ возвратиться въ покинутые мною края. Но судьбѣ угодно было послать мнѣ борьбу не по силамъ. По возвращеніи въ отечество, оказалось, что обстоятельства сложились такъ, что *никакой возможности не имѣлъ я не только возвратиться въ Германію, но даже выѣхать изъ окрестностей моего имѣнія*. Вскорѣ послѣ моего возвращенія, одинъ изъ родственниковъ семейства К***, братъ матери Люси, человѣкъ еще молодой, по рожденію даровитый музыкантъ и пѣвецъ — умеръ жертвою тифозной горячки. Смерть этого родственника опечалила все семейство, а въ особенности Люси, которая, кромѣ родственныхъ къ нему чувствъ, любила его какъ милаго, веселаго собесѣдника и всегда слушала съ удовольствіемъ его своеобразное пѣніе. Сколько по личной моей симпатіи къ этому молодому человѣку, столько и потому, что онъ былъ близокъ къ Люси, я во время всей его болѣзни почти неотлучно, наравнѣ съ Люси, находился при немъ и, такимъ образомъ, скончался онъ на нашихъ рукахъ. Возможно ли было при такой обстановкѣ, при томъ душевномъ состояніи, въ какомъ Люси и я завѣдомо другъ къ другу находились, возможно ли, спрашиваю я, было не высказаться?... По отданіи послѣдняго долга этому, преждевременно покончившему съ жизнью, молодому человѣку, — въ семействѣ К*** все вошло въ обыкновенную колею, и я опять могъ видѣться съ Люси только при той же обстановкѣ, т.-е. постоянно при свидѣтеляхъ. Рѣшительное объясненіе съ Люси становилось необходимо, и неожиданный случай къ тому представился. Отецъ К*** и всѣ его сосѣди были записные охотники и собачники. Однажды, собираясь на охоту, они предложили и мнѣ имъ сопутствовать. Я потому на этотъ разъ принялъ предложеніе этихъ господъ, что Люси должна была съ отцомъ ѣхать на эту охоту, въ качествѣ зрительницы, въ кабріолетѣ. Вся эта кавалерія собралась

на дворъ, затрубили въ рога, появились своры, поднялся ненавистный мнѣ лай, а я, какъ не охотникъ, предпочелъ ѣхать въ своемъ кабріолетѣ. Выѣхали мы въ поле, всадники разъѣхались по мѣстамъ, а наши два кабріолета стояли между двухъ кленовыхъ кустовъ. Отецъ Люси былъ охотникъ, горячій до комизма. Когда, бывало, завидитъ звѣря, онъ приходилъ въ неистовое состояніе. Вдругъ изъ лѣваго куста выскочила лисица. Отецъ К*** бросаетъ возжи, выскакиваетъ изъ кабріолета и съ арапникомъ въ рукахъ бѣжитъ за лисицей, крича благимъ матомъ: «Держи! Ату ее, ату!...» И въ мигъ скрылся; а между тѣмъ въ это время испуганная лошадь поскакала впередъ по дорогѣ. Но Люси была хорошая наѣздница, скоро подобрала возжи и въ полверстѣ отъ мѣста приключенія успѣла остановить кабріолетъ. Я вслѣдъ за тѣмъ ее догналъ, и оба мы, какъ будто проникнутые чувствомъ, что каждая минута для насъ драгоцѣнна, не могли уже скрыть другъ отъ друга то, что̀ такъ долго таилось у насъ на душѣ. Это внезапное, неожиданное положеніе имѣло что-то особенное; подготовленнаго здѣсь ничего не было; такъ сильно прочувствовали мы наше положеніе въ теченіе всего этого года, что въ этой бесѣдѣ все то, о чемъ мы говорили, теперь было для насъ какъ бы уже не ново! Люси бесѣду нашу закончила слѣдующими словами:

«—Вы видите, сэръ William, что сердце мое такъ уже полно, что скрывать отъ васъ мои чувства сверхъ силъ моихъ! Я дѣвушка простая, свѣтской примѣси во мнѣ нѣтъ; ежели я полюбила васъ, то всѣмъ сердцемъ и всею душою отдаюсь вамъ навсегда; но сами вы, сэръ William, не ошибаетесь ли въ вашихъ чувствахъ? Не въ видѣ упрека вамъ, а такъ просто спрошу васъ: «Сколько разъ въ жизни *казалось вамъ*, что вы любите? а все вѣдь это проходило! Между тѣмъ великъ шагъ, на который вы рѣшаетесь; покинуть отечество, бросить семейство, — съ которымъ хотя вы и не живете, но все-таки оно есть, — разорвать всѣ связи, потерять положеніе въ свѣтѣ, — все это нелегко! Выносимо оно только въ такомъ случаѣ, ежели чувства ваши ко мнѣ не измѣнятся. А если, Боже сохрани, вы, потерявъ все, потеряете и любовь вашу ко мнѣ?... О себѣ я не говорю... что̀ я?... Я не переживу только моего несчастія... а вамъ хуже будетъ: вы не умрете, а будете страдать!... Подумайте, сэръ William, время еще есть. Не обо мнѣ думайте. Я люблю, я не разлюблю и готова на все. А подумайте о себѣ».

«— Нѣтъ, Люси, сказалъ я: — любовь моя къ вамъ не вспышка: мнѣ уже тридцать-пять лѣтъ, и то, что̀ я предлагаю вамъ

сегодня, есть результатъ убѣжденія, которое выработалось у меня въ теченіи года. Ежели счастіе еще мнѣ возможно въ этомъ свѣтѣ, — то только съ вами!

«— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала Люси: — вотъ вамъ моя рука; но съ условіемъ только...

«Въ это время изъ-за кустовъ показались охотники, и она сказала:

«— Сегодня или завтра я найду случай передать вамъ то, что̀ еще не досказала, теперь же поспѣшимте на встрѣчу къ нашимъ охотникамъ».

«Въ этотъ и на будущій день у К*** было много гостей и мы, конечно, не могли продолжать прерванную бесѣду на охотѣ; а въ тотъ же день вечеромъ я долженъ былъ по дѣламъ ѣхать въ сосѣдній городъ. Черезъ нѣсколько дней я возвратился въ домъ К***, и въ залѣ нашелъ Люси, играющую на фортепіано.

«— Вы какъ нельзя болѣе кстати пріѣхали, сказала она: — отецъ пошелъ по хозяйству, братья на охотѣ, a maman не совсѣмъ здорова; и потому садитесь и слушайте меня внимательно. Я уже вамъ сказала, что на ваше предложеніе бѣжать въ Америку я согласна и, ежели однажды я рѣшилась на это преступленіе...»

«— Какъ преступленіе?» спросилъ я съ изумленіемъ.

«— Слушайте, сэръ William, и не перебивайте меня. Да, повторяю я, преступленіе. Неужели вы думаете, что дѣвушка несвѣтская, то-есть непринадлежащая къ высшему кругу, какъ я, не настолько развита, чтобы не съумѣть анализировать поступокъ, на который она рѣшилась. Я дѣйствую сознательно; силу и важность моего преступленія я вполнѣ понимаю. Но видитъ Богъ, что одна только безпредѣльная любовь къ вамъ, запавшая въ сердце почти ребенка, привела меня къ этому, опять-таки повторю, — преступленію. Но, сэръ William, въ каждомъ дурномъ поступкѣ есть возможность уменьшить степень виновности. Я намедни дала вамъ руку мою и слово; однако помните, *съ условіемъ*. Намъ тогда помѣшали, и теперь я скажу вамъ, въ чемъ дѣло. Конечно, бѣгство наше непремѣнно должно быть, на сколько это необходимо для его успѣха, въ тайнѣ. Но я *считаю васъ обязаннымъ*, — что̀ бы изъ этого ни вышло, — прежде всего предупредить мать вашихъ дѣтей и вашего сына, который уже не ребенокъ, а развитый юноша, — о вашемъ намѣреніи. Сверхъ того, до слуха моего доходитъ, что вы ищете покупщика на ваше родовое имѣніе. Сэръ William! вы увлекаетесь и не обдумали вашего намѣренія. Дѣйствіе это было

бы въ высшей степени безчестно. Неужели поступокъ нашъ недостаточно преступенъ, чтобы нужно было усиливать его такимъ, — извините жесткое выраженіе, — *варварствомъ?* Да наконецъ, имѣете ли вы, *по совѣсти*, право продать ваши имѣнія? Развѣ вы ихъ нажили? Имѣніе родовое должно остаться въ роду. Не дѣти бѣгутъ отъ васъ, вы отъ нихъ.

«— Но Люси, было-сталъ я ей возражать:—подумайте, чѣмъ же жить на чужой сторонѣ?...

«— Вы меня поражаете, сэръ William. Такихъ рѣчей не ожидала я отъ васъ. Впрочемъ, вы не въ нормальномъ состояніи, и, вѣроятно, въ вашихъ планахъ думаете болѣе обо мнѣ, чѣмъ о себѣ. Какъ вы говорите: чѣмъ жить? Неужели не хватитъ у васъ столько мужества, чтобы рѣшиться и съумѣть жить своимъ трудомъ? Вамъ Богъ далъ талантъ. И если до сихъ поръ, по обстановкѣ, въ какой вы находились, вы пользовались имъ для забавы, то съумѣйте употребить его и на пользу въ жизни практической. Я женщина, увы! талантовъ не имѣю и большою помощью служить вамъ не могу; но, повѣрьте, въ тягость не буду. Вы знаете, что я хотя блестящаго воспитанія не получила, но, владѣя нѣсколькими языками, посредственно играя на фортепіано, на столько учена, что могу давать уроки для первоначальнаго обученія. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, я извлеку пользу изъ моего искусства въ рукодѣльяхъ. Скажу вамъ больше: ежели есть въ глазахъ моихъ возможность *сколько-нибудь ослабить* преступность этого поступка, то это именно въ томъ случаѣ, если я соединяюсь съ вами, человѣкомъ, у котораго все блестящее и матеріальное—въ прошедшемъ, а въ настоящемъ... упованіе лишь на божіе милосердіе. Я не увлекаюсь, ожидаю заслуженнаго злословія, косыхъ взглядовъ, нужды, даже нищеты, всему покорюсь, лишь бы сохранить вашу любовь. И мнѣ кажется, что будьте вы сегодня бывшій знатный, блестящій и богатый сэръ William, я, вопервыхъ, не такъ сильно могла бы васъ любить, а вовторыхъ, конечно, не рѣшилась бы на такой шагъ. И такъ, сэръ William, не знаю, какой вашъ взглядъ на эти два вопроса, но я, положа руку на сердце, завѣряю васъ, что до тѣхъ поръ, пока вы не дадите мнѣ возможность убѣдиться въ томъ, что вы *настоящее и предполагаемое будущее* не скроете отъ вашей супруги и вашего сына, и, кромѣ того, не дадите мнѣ клятвы не продавать вашего родового имѣнія, а оставить его въ распоряженіи матери вашихъ дѣтей, — я, хотя достаточно, кажется, обнаружила вамъ мои чувства, — остаюсь непоколебима своему убѣжденію и волѣ

въ этомъ жизненномъ вопросѣ. Теперь, сэръ William, предоставляю вамъ самимъ рѣшить нашу судьбу».

«Какимъ нужно было быть человѣкомъ, чтобы, видя такую силу характера въ молодой дѣвушкѣ, не покориться ея волѣ, и не сознать, что опровергать такія истины было бы нелогично и нечестно.

«— Простите меня, сказалъ я Люси:—я чувствую, вы правы, даю вамъ клятву въ точности исполнить вашу волю».

«Люси взяла меня за обѣ руки, сказавъ съ сіяющимъ лицомъ:

«— Слава-Богу, я въ васъ не ошиблась, и могу сказать теперь вамъ: мы ѣдемъ въ Америку».

«Не дождавшись возвращенія отца и братьевъ Люси, я тотчасъ же уѣхалъ въ мое помѣстье, и прежде всего приступилъ къ исполненію данныхъ мною обѣщаній, а именно: написалъ письмо къ постоянному моему ростовщику, который давалъ мнѣ за то имѣніе, въ которомъ я находился, наличными деньгами 25 тысячъ фунт. стерл., что въ настоящее время я раздумалъ продавать эту недвижимую родовую собственность; а другое письмо отправилъ съ нарочнымъ къ женѣ моей, убѣдительно прося ее пріѣхать съ дѣтьми мѣсяца на полтора или на два въ наши края, чтобы дать мнѣ возможность повидаться съ дѣтьми и окончательно переговорить съ нею о томъ предметѣ, о которомъ я въ письмахъ моихъ къ ней уже намекалъ. Въ скоромъ времени получилъ я отъ жены съ этимъ же нарочнымъ отвѣтъ, которымъ она на мое предложеніе изъявляла согласіе, и мѣстомъ своего пребыванія избрала, по старой дружбѣ, домъ семейства Р***. Тотчасъ по ея пріѣздѣ я ихъ посѣтилъ, и въ первой же бесѣдѣ съ моей женой открылъ ей мое сердце, выставилъ то тягостное положеніе, въ какомъ я во всѣхъ отношеніяхъ нахожусь, то-есть что я, какъ въ началѣ этого разсказа было сказано, хотя и по своей винѣ, но все-таки мужъ безъ жены, отецъ—безъ дѣтей, гражданинъ—безъ дѣятельности, и что дѣла въ такомъ положеніи, что въ томъ моральномъ состояніи, въ какомъ я находился, они въ рукахъ моихъ могли только ежедневно ухудшаться, тогда какъ, покидая отечество, и передавая ей, какъ матери моихъ дѣтей, все мое состояніе, я видѣлъ еще возможность не только сохранить, но, при благоразумномъ и дѣльномъ управленіи, даже улучшить разстроенное. Жена моя была нрава кроткаго, да кромѣ того, знала по опыту, что разъ мною задуманное—остановить было невозможно. Въ особенности же, видя, въ какомъ нравственно-напряженномъ состояніи я находился тогда, она даже не сочла возможнымъ мнѣ въ этомъ противорѣчить. Конечно, такая рѣшимость, хотя мы

жили врозь, все-таки должна была ее опечалить, и потому не скажу, чтобы она утѣшилась обѣщаніемъ оставить все состояніе дѣтямъ; но, во всякомъ случаѣ, она видѣла въ этомъ хотя одну полезную сторону для будущаго.

«Послѣ этого объясненія оставалось позаботиться объ устройствѣ дѣлъ по моимъ имѣніямъ съ сохраненіемъ во всемъ величайшей тайны. Отлагаю до другаго раза подробный разсказъ о всѣхъ приготовленіяхъ къ нашему отъѣзду, о послѣднихъ минутахъ, проведенныхъ мною съ дѣтьми, о томъ, какія именно я сдѣлалъ распоряженія въ имущественномъ отношеніи, какъ однажды, по доносу одного армяшки, подъ названіемъ le misérable petit arménien, чуть-чуть всѣ планы мои не разстроились, и сколько нужно было соображеній, чтобы хотя шестью мѣсяцами позднѣе, привести все-таки въ исполненіе мои намѣренія. Но теперь уже поздно, или лучше сказать, рано: добрые люди встаютъ на работу. Погода чудная. Пройдемтесь, любезный князь, по бульварамъ, и я окончу вамъ разсказъ мой, начиная съ пріѣзда моего съ женою моею, Люси, въ Нью-Йоркъ.

«Кто не бывалъ въ Америкѣ, для того всѣ описанія этой страны недостаточны: надобно видѣть, чтобы вѣрить. Денегъ съ собою мы взяли немного. По пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ, у насъ оставалось 120 фунтовъ. Съ такимъ капиталомъ, даже и въ маленькомъ нѣмецкомъ городишкѣ, далеко не уѣдешь. Талантъ мой сначала предвѣщалъ мнѣ блестящую будущность; но, увы, сколько по недостатку средствъ, столько по неопытности, попалъ я въ кабалу, и эксплуататоръ мой, наживая большія деньги моимъ трудомъ, выдавалъ мнѣ по одному доллеру въ день, то-есть 1 руб. 20 коп. на наши деньги.

«На это скудное жалованье я долженъ былъ нанять квартиру со столомъ, притомъ быть прилично одѣтымъ, потому что нигдѣ такъ, какъ у насъ въ Англіи и въ Америкѣ, не встрѣчаютъ по платью, а провожаютъ по уму. Оно и хорошо, что провожаютъ по уму, но дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ проводить, встрѣчаютъ... Сколько разъ мнѣ случалось быть дурно, а то и вовсе непринятымъ, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкихъ недостатковъ моего туалета. Бѣдствія наши съ каждымъ днемъ усиливались. Личное мое положеніе было крайне тяжко; но, по крайней-мѣрѣ, я былъ цѣлый день занятъ, между тѣмъ, какъ положеніе Люси было самое отчаянное: нанимали мы комнатку въ третьемъ этажѣ, выйти погулять ей, бѣдной, было не въ чемъ, потому что все то, что̀ можно было сбыть, мы или продали за ничто, или заложили за безцѣнокъ: весь туа-

летъ ея заключался только въ фланелевомъ капотѣ, изорванныхъ ботинкахъ и шерстяномъ платкѣ *. О существованіи фортепіано и говорить нечего, оно было немыслимо; но Люси была даже лишена единственнаго удовольствія: чтенія, потому что не на что было не только купить книгъ, но даже абонироваться на нихъ. Короткихъ знакомыхъ, конечно, ни души, да въ нашемъ положеніи было и не до визитовъ, а тѣмъ болѣе не до гостей. Мы впродолженіе четырнадцати мѣсяцевъ позабыли, какъ добрые люди обѣдаютъ, кое-какъ насыщались, продовольствуясь чѣмъ Богъ послалъ, а случалось и голодать. Холода въ это время, какъ нарочно, въ Нью-Йоркѣ выходили изъ ряда обыкновенныхъ, и какъ мы жили на своихъ угольяхъ, то-есть на своемъ отопленіи, то часто въ комнатѣ нашей замерзала вода, и у насъ застывали волосы на головѣ. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ прибавьте еще самую тяжкую—беременность Люси и мое постоянное отсутствіе изъ дома, и тогда вы составите себѣ вѣрное понятіе о страдальческой жизни этой бѣдной женщины, которая, однако, такъ героически вынесла всѣ эти мученія. Теперь я представляю вамъ лишь общій очеркъ нашего положенія; а, Богъ дастъ, ежели вы, князь, не такъ скоро оставите Парижъ, и мы будемъ съ вами видѣться, я вамъ передамъ такіе поразительные факты, которыми вы убѣдитесь, что изъ тысячи женщинъ 999 нашли бы за лучшее обратно бѣжать на родину въ родительскій домъ! Люси стойко все выдержала, и не только духомъ не упадала; но когда я возвращался домой, то всегда встрѣчалъ улыбку, ласки и даже веселое расположеніе духа. Ежели когда на глазахъ ея навертывались слезы, то это потому только, что ей больно, тяжко было смотрѣть на тѣ лишенія, которыя я, баловень жизни, долженъ былъ выносить. О себѣ же скажу вамъ откровенно: я не ханжа, но вѣрующій, и потому все то, что̀ случалось со мною, я принималъ съ покорностію, какъ должное и заслуженное за прежнюю мою жизнь, а духомъ не упадалъ. Затѣмъ находили, однако, на меня минуты отчаянія, когда я видѣлъ, въ какую бездну я завлекъ бѣдное, любящее существо. Но въ этомъ-то самомъ отчаяніи я почерпалъ новыя силы, потому что чувствовалъ, на сколько я необходимъ для ожидаемаго на свѣтъ ребенка и его матери. Вскорѣ Богъ далъ намъ сына, котораго мы назвали Никсомъ, по вашему — Николаемъ. Что̀

* Перемѣнивъ, по необходимости, эту квартиру на другую, уже въ маленькомъ домикѣ, мы должны были переходить въ новое помѣщеніе, поздно вечеромъ, чтобы скрыть недостатки невозможнаго туалета Люси.

предстоитъ этому ребенку на пути жизни — конечно, одному Всевышнему извѣстно! Но обстановка, при которой это невинное созданіе родилось на свѣтъ, была самая печальная: мы не успѣли, или правильнѣе сказать, не имѣли никакой возможности приготовить необходимое для этого случая: платить акушеру было нечѣмъ. Вспомнилъ я одну знаменитость по этой спеціальности; — это былъ нѣкій французскій изгнанникъ, докторъ Девиль, съ которымъ мнѣ случалось нѣсколько разъ встрѣчаться у моихъ соотечественниковъ. Побѣжалъ я къ нему просить его изъ милости насъ посѣтить. Онъ согласился, и даже, пригласивъ меня въ свою карету, поспѣшилъ со мной къ моей дорогой страдалицѣ.

«Но вообразите, какое стеченіе ужасныхъ событій! ни разспросы этого доктора, ни поведеніе его были для насъ непонятны. Вмѣсто того, чтобы заниматься своею паціенткою, онъ прежде всего потребовалъ себѣ чаю; далѣе онъ, курносый, постоянно просилъ насъ обратить вниманіе на его прекрасный римскій профиль, приговаривая, что это одна изъ главныхъ причинъ его успѣховъ въ дамскомъ обществѣ. Болѣе часа болталъ онъ безъ умолка всякій вздоръ, и уѣхалъ, обѣщая въ теченіе дня возвратиться, потому что, по мнѣнію его, время еще не пришло. Мы недоумѣвали на его счетъ, и не знали, что̀ намъ дѣлать. Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно возвращается Девиль, но уже не одинъ, а съ другимъ какимъ-то господиномъ, рекомендуя его за своего коллега, котораго онъ, по причинѣ труднаго положенія, въ какомъ находится Люси, счелъ нужнымъ пригласить для консультаціи, между тѣмъ, какъ тотъ, отводя меня въ сторону, умоляетъ не допускать его къ кровати больной, потому что онъ не медикъ, а часовыхъ дѣлъ мастеръ; Девиль же—говоритъ онъ—уже нѣсколько дней спятилъ съума, и помѣшался на томъ, что агентамъ Наполеона III приказано, во что̀ бы то ни стало, его отравить, и что сегодня, по выѣздѣ отъ меня, онъ поѣхалъ прямо заявить въ полицію, что поданный ему у меня чай былъ отравленъ. Я совершенно потерялся, но кое-какъ мы съ этимъ часовымъ мастеромъ спровадили Девиля, и я впродолженіе дня бѣгалъ къ разнымъ докторамъ, прося ихъ помощи. Къ отчаянію моему, никто изъ приглашенныхъ мною докторовъ не являлся. А вся суть была въ томъ, что наканунѣ я имѣлъ непріятное объясненіе съ хозяйкой моей квартиры, француженкой (бездѣтной) за неуплату слѣдующихъ ей квартирныхъ денегъ пятнадцати доллеровъ; да и кромѣ того, я съ этой пуассардкой уже давно имѣлъ *эксцентричныя столкновенія*, а она, какъ бы въ

отомщеніе за все это, выходила на встрѣчу пріѣзжавшимъ, по моему приглашенію, докторамъ, отговаривала ихъ, увѣряя, что мои требованія преждевременны, и, наконецъ, что мы бѣдняки, и не въ состояніи вознаградить ихъ за трудъ.

«Казалось, это отчаянное положеніе было безвыходно; но ежели есть Всевышній для птицъ небесныхъ, то тотъ же Богъ милосердъ и для несчастныхъ: совершенно неожиданно, на другой день этихъ событій, къ нашему домику подъѣхала карета, нагруженная разными картонами, между которыми красовалась великолѣпная люлька. Въ чемъ же было дѣло? Часовыхъ дѣлъ мастеръ, тотъ самый, котораго Девиль привозилъ къ намъ, какъ консультанта, имѣлъ случай, по своимъ занятіямъ, бывать въ одномъ домѣ нашихъ соотечественниковъ, гдѣ Девиль уже нѣсколько лѣтъ былъ домашнимъ докторомъ, и зная также, что и мы были знакомы съ этимъ семействомъ, поспѣшилъ лично увѣдомить ихъ о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ онъ насъ засталъ.

«Можетъ быть, вамъ, князь, покажется страннымъ, что въ эту трудную минуту я не подумалъ прибѣгнуть за помощью къ этому семейству, но такъ-какъ эти соотечественники съ перваго же нашего знакомства завѣряли насъ, что они ничего хорошаго въ будущемъ не предвидѣли для насъ на чужой сторонѣ, то мы, понятно, когда предсказанія ихъ мало-по-малу стали сбываться, старались, съ своей стороны, скрывать отъ нихъ горькую истину. Кромѣ того, эмигранты всѣхъ націй уже до того эксплуатировали этихъ, сначала тароватыхъ нашихъ соотечественниковъ, что я при двухъ годичныхъ моихъ испытаніяхъ въ Нью-Йоркѣ ни разу не прибѣгалъ къ ихъ помощи, дабы въ понятіи ихъ обо мнѣ рѣзкою чертою отдѣлить себя отъ этихъ эксплуататоровъ. Со всѣмъ тѣмъ они, узнавъ истину отъ часоваго мастера, какъ увидимъ изъ моего разсказа, приняли самое горячее и живѣйшее участіе; именно въ каретѣ, о которой я сейчасъ говорилъ, пріѣхала Н. А. О., жена одного изъ этихъ соотечественниковъ, и привезла съ собою все необходимое для ожидаемаго ребенка; кромѣ того, она пригласила почтеннаго и достойнаго акушера, и трое сутокъ днемъ и ночью не отходила отъ кровати моей бѣдной Люси. Глубокое, ничѣмъ неизгладимое чувство сердечной признательности мы сохранили къ этой рѣдкой по душѣ женщинѣ.

«Мало-по-малу, здоровье Люси стало поправляться, но матеріальное положеніе нашихъ дѣлъ далеко не улучшалось. Были такія минуты, которыя заставляли насъ помышлять о невозможности продолжать наше пребываніе въ Америкѣ. Пред-

ставилось-было довольно выгодное предложеніе ѣхать въ Египетъ, но мы требовали впередъ годоваго содержанія, въ видахъ гарантіи, а такъ-какъ это условіе не было принято, то и поѣздка въ Египетъ не состоялась. Въ промежуткѣ этого времени случилось-было такое несчастіе, которое заставило насъ, во что̀ бы то ни стало, бросить Америку. Люси, послѣ тяжкой свой болѣзни, была такъ слаба, что, не взирая на горячее желаніе самой кормить Никса, должна была лишить себя этой отрады, вслѣдствіе того, что докторъ опасался, въ противномъ случаѣ, чахотки; нанять же кормилицу, не имѣя возможности самихъ себя содержать, было немыслимо; оставалось прибѣгнуть къ тому средству, къ которому бѣдный классъ въ Англіи и Америкѣ обыкновенно прибѣгаетъ — это рожокъ. Система такого вскармливанія хотя имѣетъ много сторонниковъ въ Англіи и Америкѣ, но, по моему мнѣнію, вопервыхъ, противоестественна, а вовторыхъ, весьма вредна для органическаго развитія ребенка. Сколько нашъ бѣдный Никсъ до семилѣтняго возраста перетерпѣлъ болѣзней, благодаря этой системѣ, и какимъ иногда молокомъ приходилось его кормить! Нерѣдко случалось, что это молоко, покупаемое всегда въ лавочкахъ, было кислое и иногда поддѣльное, и не отъ одной, какъ бы слѣдовало, а смѣшанное отъ разныхъ коровъ, — что̀ все вмѣстѣ и повліяло на общее состояніе его здоровья. Но однажды Богу угодно было послать намъ особенно тяжкое испытаніе!... Кредиту мы уже не имѣли, и разъ, когда я поздно вечеромъ возвратился домой, мнѣ Люси объявила, что купленное для Никса молоко скислось, а что къ завтрашнему утру ни одного пенса въ домѣ не имѣется... Такимъ образомъ, для Никса не на что было купить молока. Ночь была ужасная! Несчастный Никсъ, отъ спазмовъ въ желудкѣ, всю ночь безостановочно кричалъ. Давали мы ему ромашку съ теплой водой, но она произвела дѣйствіе къ худшему. Въ шесть часовъ утра я, какъ потерянный, выбѣжалъ на улицу, чтобы добыть гдѣ-нибудь два димама или взять въ долгъ полкружки молока. Вѣдь, кажется, какъ не найти такую бездѣлицу? А между тѣмъ, сколько несчастныхъ не находятъ этой полкружки, или этихъ двухъ димамовъ!... Для человѣка, никогда неиспытавшаго нищеты, недоступно какъ не выйти легко изъ такой бѣды, и надо согласиться, что ежели бы человѣкъ въ этомъ положеніи не терялся отъ представляющейся ему ужасной перспективы лишиться своего ребенка голодной смертью, конечно, спасеніе всегда было бы возможно. А дѣло въ томъ, что послѣ безсонной, мучительной ночи, подъ вліяніемъ

стоновъ и криковъ своего ребенка, я бѣгалъ по нью-іоркскимъ улицамъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ лишенный разсудка, и, въ конецъ-концовъ, возвратился домой въ 6 часовъ вечера съ пустыми руками... У самыхъ дверей моего домика я встрѣтилъ выходившаго отъ меня моего спасителя. Это былъ товарищъ мой по искусству, который, за часъ до моего возвращенія, навѣстилъ меня, и, узнавъ отъ Люси, въ чемъ дѣло, успѣлъ съѣздить за докторомъ, привезъ все, что было нужно, и когда я въ изнеможеніи вошелъ въ комнату, гдѣ уже безъ криковъ и стоновъ спалъ Никсъ, мнѣ докторъ объявилъ, что хотя состояніе его представляетъ большую опасность, но съ Божіею помощью онъ надѣется спасти наше сокровище! Богъ сжалился надъ нами, слава и благодареніе Ему! Никсъ и теперь живъ!

«Когда мы немного поуспокоились, Люси сказала мнѣ:

«— Другъ мой, давно таится у меня на душѣ, что пора намъ на родину; здѣсь намъ не жить, ты самъ видишь, какіе все случаи, какъ будто самъ Богъ указываетъ намъ обратный путь; подумай самъ, мы съ тобою совершили преступленіе, мы можемъ и должны все тяжкое, касающееся до насъ, терпѣть безропотно, и, слава-Богу, онъ намъ далъ силы твердо переносить въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ все то, что, можетъ быть, мы заслужили; но за что же нашего Никса, существо невинное, будемъ мы подвергать ужасамъ нашей нищеты? Вернемся въ Англію. Собственно намъ, можетъ быть, на родинѣ будетъ хуже, но за то сынъ нашъ, конечно, въ другой разъ не узнаетъ голода.

«Слова моей дорогой Люси, какъ и всегда, были истина неопровержимая, и тутъ же мы рѣшили, во что бы то ни стало, возвратиться въ отечество!

«Но одной этой рѣшимости было недостаточно: предварительныя сношенія съ Англіею были необходимы, и посредникомъ въ этомъ дѣлѣ могъ быть только жившій уже нѣсколько лѣтъ въ Ньюйоркѣ нѣкій баронъ, старецъ съ оффиціальнымъ значеніемъ. (Объ этомъ вліятельномъ господинѣ, я впослѣдствіи много кое чего интереснаго вамъ разскажу, и между прочимъ какъ однажды этотъ великодушный джентльменъ отказался купить у меня соболій воротникъ, а воротникъ этотъ я потому продавалъ, что съ вѣдома этого же сановника, мнѣ въ эту минуту грозила трехмѣсячная тюрьма, и вырученныя за этотъ воротникъ 130 доллеровъ должны были тогда служить для насущнаго хлѣба моего маленькаго семейства. Да вѣдь такъ и быть должно, если припомнить пословицу что «la parole est donnée pour déguiser

la pensée»; потому что, слушая его, подумаешь, что онъ какъ будто и человѣкъ. Завтра я покажу вамъ подлинное его письмо по дѣлу о собольемъ воротникѣ, которое я сохраняю, какъ любопытный документъ)... И такъ, по сложившимся обстоятельствамъ, возвращеніе наше на родину не могло совершиться безъ участія этого достойнаго сановника.

«А между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать этому нашему возвращенію въ отечество, онъ не только тормозилъ, но и, какъ видно изъ слѣдующаго разговора его съ Люси, которая по этому дѣлу должна была съ нимъ видѣться, онъ, напротивъ, въ самыхъ печальныхъ краскахъ представлялъ ей всю будущность, ожидающую насъ въ Англіи.

«— Вы подумайте, говорилъ онъ Люси: въ какомъ фальшивомъ положеніи вы будете на родинѣ. Вѣроятно, съ вашимъ семействомъ вы находитесь не въ хорошихъ отношеніяхъ и, вслѣдствіе вашего возвращенія, эти отношенія, конечно, не улучшатся; но это еще не самое худшее: вспомните, какое сэръ William имѣетъ огромное, вліятельное родство, и почему вы знаете, что тотъ же сэръ William на родинѣ, находя невыносимымъ то положеніе, которое неминуемо его тамъ ожидаетъ, не пожелаетъ возвратиться къ связямъ, почестямъ, состоянію и не пожертвуетъ настоящимъ, т.-е. вами, тогда какъ здѣсь онъ въ такомъ импассѣ, что ни о чемъ другомъ ему помышлять нельзя, и...»

«Послѣднія слова до того возмутили Люси, что она встала и сказала:

«— Баронъ, я къ вамъ пріѣхала по дѣлу и не имѣла чести просить вашихъ совѣтовъ, но коль скоро я, лишь изъ вѣжливости, отчасти ихъ выслушала, то считаю обязанностію въ отвѣтъ сказать вамъ:—сэръ William бросилъ отечество, семейство, родственныя связи и состояніе для меня, и моя святая обязанность, на сколько хватитъ силъ и возможности, содѣйствовать его возвращенію на родину, а затѣмъ если, къ несчастію, мнѣніе ваше сколько нибудь справедливо, и окажется дѣйствительно, что сэръ William привязанъ ко мнѣ только потому, что положеніе его здѣсь безвыходное, *на родинѣ же будетъ иное*, то мнѣ нечего будетъ и сожалѣть о потерянномъ. Но вы, баронъ, не знаю почему, безъ всякихъ основаній, рѣшаетесь на такіе приговоры, и я, не понимаю, *подъ какимъ вліяніемъ* и съ какою цѣлью вы стараетесь удержать насъ на чужой сторонѣ,—потому что въ вашемъ оффиціальномъ положеніи, безъ особыхъ причинъ, такъ дѣйствовать нельзя, — повторяю вамъ, что мы твердо рѣшились возвратиться на родину, думая этимъ исполнить нашъ долгъ».

«— Мнѣ очень жалко, началъ-было сановникъ:—что вы такъ

враждебно приняли мои совѣты. Будьте увѣрены, что я руководимъ былъ только чувствомъ особеннаго моего къ вамъ личнаго расположенія.

«—Благодарю васъ, возразила Люси съ неудовольствіемъ: — за это личное расположеніе, а совѣтами вашими ужь позвольте, баронъ, не воспользоваться. Прощайте».

«Два мѣсяца спустя послѣ этого разговора, мы уже были въ Лондонѣ. Но Люси, по своему благоразумію, сочла осторожнымъ для меня и полезнымъ для почтеннаго барона передать мнѣ этотъ разговоръ только тогда, когда мы были уже на пароходѣ, т.-е. внѣ возможности неудобнаго для барона объясненія...

«Возвращались мы на родину съ твердою волею переносить безропотно все то, что̀ могло насъ тамъ встрѣтить и, по правдѣ сказать, ожидавшій насъ тамъ враждебный антагонизмъ не могъ сильно вліять на насъ, потому собственно, что мы настолько вмѣстѣ натерпѣлись, сжились душа въ душу, безгранично другъ другу ввѣрились и взаимно оцѣнили себя, что все остальное скользило по насъ.

«Бѣгство наше въ Америку въ то время произвело въ Англіи, а въ особенности въ высшемъ ея кругу, какъ и слѣдовало ожидать, — сенсацію.

«Но возвращеніе наше на родину породило въ нѣкоторыхъ, заинтересованныхъ нашимъ отсутствіемъ, сильное негодованіе. «Какъ, говорили они, возвращаются? Кому нужно это возвращеніе? пусть бы тамъ себѣ пропадали, а то, пожалуй, онъ вздумаетъ и здѣсь, среди насъ, продолжать свою профессію! Вѣдь не отдавать-же ему обратно его имѣній, *коль скоро онъ уже отъ нихъ отказался*» и т. д., и т. д.

«При этомъ я долженъ сказать вамъ, князь, что бѣдствія наши въ Америкѣ, сколько изъ газетъ, столько изъ разсказовъ соотечественниковъ очевидцевъ, были извѣстны на родинѣ до мельчайшихъ подробностей. Вотъ поэтому-то лица, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, благословляли меня на продолженіе этой нищеты и бѣдствій, лишь бы это было скрыто отъ глазъ сильныхъ міра сего, и заключали свои пересуды, восклицая: «Въ какомъ же вѣкѣ мы живемъ?» «Какой это безнравственный примѣръ!» — «Это уже внѣ всякихъ предѣловъ приличія!»..

«По пріѣздѣ моемъ я узналъ, по чьей инціативѣ пошли въ ходъ эти толки, изъ кого именно состоялъ враждебный мнѣ хоръ; узналъ также, что двое бывшихъ во время оно моихъ пріятелей и товарищей по безобразіямъ, а нынѣ, возвысившихся въ мірѣ оффиціальномъ, нашли для себя обязательнымъ и, вѣроятно,

выгоднымъ, стать во главѣ моихъ порицателей. И однажды, встрѣтившись съ ними лицомъ къ лицу, и не стѣсняясь, по обыкновенію моему, я рѣзко высказалъ имъ слѣдующее: «Вы находите, господа лорды, что я перешелъ предѣлы вашихъ приличій? Совершенно вѣрно изволите вы въ этомъ случаѣ судить; но почему же вы, продолжалъ я, господа судьи мои, когда я въ молодости, вопреки супружескихъ обязанностей и святаго долга отца семейства, также гласно, даже нахально, велъ жизнь буйную, безпорядочную, безнравственную, имѣлъ съ одной стороны по нѣскольку камелій на своемъ роскошномъ содержаніи въ ущербъ родовому имѣнію, а съ другой стороны, яко бы тайно, но съ вашего же вѣдома, а бывало и участія, вводилъ безчестье и позоръ въ честныя семейства, почему же вы тогда, судьи мои, не только дружески протягивали мнѣ руку, но и цѣнили меня, какъ достойнаго члена вашего общества? при чемъ, только съ критической точки зрѣнія, всѣ мои проступки считали за легкія отступленія (petits écarts), а меня самого именовали «милымъ шалуномъ»?! Отъ того, господа лорды, вы тогда произносили надо мной такой легкій приговоръ, что вы фарисеи, и что для васъ собственно нѣтъ преступленія, лишь бы приличія были соблюдены, и ширмы на столько были высоки, чтобы за ними свободно было прятаться. Вся обстановка, необходимая для узаконенія моихъ беззаконій, до бѣгства моего въ Америку, вполнѣ была для васъ удовлетворительна: я, какъ и вы, родомъ принадлежу къ знатной титулованной фамиліи, вступилъ въ *законный бракъ,* дѣти мои были *законныя*, я занималъ почетныя, наравнѣ съ вами должности, имѣлъ пріѣздъ ко двору, ходилъ въ шитомъ мундирѣ, украшенномъ нѣсколькими орденами, и проч. и проч. Кто же изъ васъ, милостивые государи, *смѣлъ бы* при такой обстановкѣ въ то время бросить камнемъ въ меня? Я бы тому отвѣтилъ тоже булыжникомъ!... Не думайте, судьи мои, что я требую отъ васъ лавроваго вѣнка или флёръ-д'оранжевыхъ букетовъ за то, что я пошатнулся. Нѣтъ, я вполнѣ сознаю всю силу моего преступленія: я поступилъ тогда противъ Бога, совѣсти, жены, дѣтей моихъ, отечества и общества, но отъ васъ я требую молчанія! Требую же этого молчанія я отъ васъ потому, лорды мои, что вы не только не замѣчаете бревна и въ своемъ глазу, но нравственно положительно хуже тѣхъ, которыхъ думаете казнить. Кто далъ судейское право — вамъ, неспособнымъ совершить что-либо открыто, вамъ, которые самую обыденную гадость творите изподтишка?! Старайтесь-ка лучше, откинувъ кастовые предразсудки, уважать трудовую

жизнь и не смотрѣть на нее съ тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ вы, къ несчастью, были къ тому съ дѣтства пріучены. Еще скажу вамъ: не отворачивайтесь отъ того, кому Богъ посылаетъ тяжкія испытанія, потому что часто испытанія эти онъ посылаетъ лишь избраннымъ!...»

«Къ чести нашего общества надобно сказать, что весь этотъ разговоръ *относится* лишь только *къ этимъ двумъ фарисеямъ*. Вообще же съ чувствомъ глубокой благодарности долженъ я отозваться о томъ радушномъ пріемѣ и сочувствіи, которыя я встрѣтилъ при возвращеніи моемъ на родину *отъ старыхъ знакомыхъ и пріятелей-соотечественниковъ*.

«Пріѣхавъ въ Лондонъ, я, по обстоятельствамъ, долженъ былъ продолжать мой путь на городъ Я — въ, куда мы отправлялись жить на неопредѣленное время. Никсъ дорогой простудился, и такъ-какъ у него образовался коклюшъ, Люси до совершеннаго его выздоровленія должна была остаться въ Лондонѣ. Матеріальное наше положеніе было самое скудное. Но лица, принадлежащія къ разнымъ слоямъ лондонскаго общества, приняли живѣйшее участіе въ нашемъ положеніи, и денежно помогали поевангельски, такъ, что не только Люси не знала, откуда посылаемы были эти пособія, а даже и мнѣ, несмотря на мои впослѣдствіи разслѣдованія, не посчастливилось узнать именъ нашихъ благотворителей. Независимо отъ этого, мы встрѣтили въ Лондонѣ двоюроднаго брата Люси А. Н. С., женатаго на американкѣ С. К. М., и никогда не забудемъ то теплое участіе, какое намъ оказали тогда эти добрые родственники. Кромѣ нихъ, въ Лондонѣ Люси сблизилась еще съ другой своей кузиной М. К., и она въ свою очередь была къ ней также внимательна. Какъ ни тяжка была мнѣ разлука, но обстановка, въ которой я оставилъ Люси въ Лондонѣ, душевно меня успокоивала, тѣмъ болѣе, что отецъ и мать Люси, узнавъ о ея возвращеніи въ Англію, поспѣшили прислать къ ней старшаго брата Альберта съ прощеніемъ и благословеніемъ.

«Въ городѣ Я*** до того времени не случалось мнѣ бывать, и по пріѣздѣ моемъ хотя я ни съ кѣмъ еще не былъ знакомъ, но меня ужь тамъ знали, потому что лѣтъ двадцать-пять назадъ одинъ изъ моихъ родственниковъ былъ тамъ шерифомъ, а мой отецъ, нерѣдко посѣщая его въ то время, знакомъ былъ почти со всѣмъ тамошнимъ обществомъ и, къ тому же репутація моя,—хорошая или дурная, это все равно,—предшествовала моему туда пріѣзду. Финансы мои, вслѣдствіе различныхъ *недоразумѣній*, о которыхъ говорить не стану, равнялись нулю,

но я, привыкшій уже къ труду, ни мало не задумавшись, употребилъ послѣдніе пятьнадцать шиллинговъ, которые были въ моемъ портмоне, на напечатаніе объявленія, которымъ я доводилъ до общаго свѣдѣнія, что, возвратившись на родину, я, не оставляя продолженія моей трудовой жизни, предлагаю желающимъ уроки рисованія за десять шиллинговъ въ часъ. Объявленіе это имѣло результатъ удовлетворительный, и все общество города Я***, желая показать мнѣ свое сочувствіе, наперерывъ стало просить моихъ уроковъ; при чемъ были приглашенія и отъ такихъ даже лицъ, которыя вовсе въ урокахъ рисованія не нуждались, а спѣшили только воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать доброе дѣло. Въ самое короткое время, я успѣлъ познакомиться со всѣмъ этимъ прекраснымъ и радушнымъ обществомъ. Со многими домами я былъ въ интимныхъ отношеніяхъ, а въ особенности съ семействомъ А. М. С., съ которой впослѣдствіи я и покумился. Въ короткихъ и пріятельскихъ моихъ бесѣдахъ съ ними, сколько по любопытству, столько, конечно, изъ участія ко мнѣ, разспросамъ не было конца, а я, какъ человѣкъ довольно откровенный, не скрывалъ прошедшаго. Изъ этого прошедшаго слушатели мои могли составить себѣ вѣрное понятіе о достоинствахъ моей дорогой Люси и о томъ, какая она честная женщина въ полной силѣ и смыслѣ этого слова. Здоровье Никса поправилось, но за то Люси стала прихварывать, и сколько по этой причинѣ, столько отъ различныхъ другихъ мелкихъ препятствій, мы четыре мѣсяца были въ разлукѣ. Впродолженіе этого времени, я ежедневно бывалъ въ домѣ А. М. С., и эта добрая, почтенная женщина такъ меня полюбила, что малѣйшее мое огорченіе, или радость одинаково дѣйствовали на нее. Однажды вечеромъ послѣ чая сидѣли мы съ нею вдвоемъ и играли въ пикетъ. Вдругъ входитъ слуга и подаетъ мнѣ депешу. Случалось, вѣроятно, и вамъ когда нибудь находиться въ такомъ моральномъ настроеніи, что при полученіи депеши вы долго не рѣшаетесь ее открыть. Въ такомъ-то точно тогда и я былъ состояніи.— «Чего, другъ мой, боитесь вы? Уповайте на Бога! Вѣроятно, хорошая вѣсть вамъ», сказала добрѣйшая А. М. Я открылъ депешу и А. М., видя выраженіе радости на моемъ лицѣ, спросила:

«— Ну, вѣдь не ошиблась я? Скажите скорѣе, въ чемъ дѣло?»

Вмѣсто отвѣта я ей прочиталъ вслухъ депешу Люси: «Благодаря Бога, Никсъ совершенно здоровъ, а мнѣ лучше и завтра къ тебѣ выѣзжаемъ». Всѣ въ городѣ Я*** знали, что

Люси въ Лондонѣ была задержана временными только препятствіями, но что на житье она, какъ и я, должна была сюда пріѣхать, и я не могъ не замѣтить еще до пріѣзда Люси общее моихъ знакомыхъ заочное къ ней расположеніе.

«Сверхъ моего ожиданія, дорогая моя собесѣдница что-то вдругъ опечалилась.

«— Что̀ съ вами, говорю я ей:—вы какъ будто чѣмъ-то недовольны?

«— Нѣтъ, это вамъ такъ кажется.

«— Не можетъ мнѣ это казаться, потому, что хотя я васъ знаю и недавно, но на столько полюбилъ и изучилъ, что впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ вы въ данную минуту находитесь, отъ меня не скроются, и потому я дружески прошу васъ сказать мнѣ, что̀ у васъ на сердцѣ.

«— Я думаю, отвѣчала она мнѣ: — объ этой депешѣ.

«— А, понимаю. Васъ смущаетъ мысль, что вслѣдствіе пріѣзда Люси въ вашъ городъ, отношенія мои въ здѣшнемъ обществѣ, можетъ быть, измѣнятся. Такъ ли?

«— Да, вы не ошиблись.

«— Позвольте же мнѣ теперь вамъ задать вопросъ: почему вы думаете такъ?

«— Трудно мнѣ вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Не воображайте, сэръ Wiliam, что дружеское мое расположеніе къ вамъ и къ вашему семейству когда-либо ослабнетъ; но что же дѣлать? Вы знаете пословицу: съ волками жить, поволчьи выть, то-есть живя въ обществѣ, должно подчиняться его законамъ и бравировать ихъ невозможно, а тѣмъ болѣе въ провинціи.

«— То-есть, возразилъ я: — вы боитесь, что Люси не окажутъ здѣсь такого же радушнаго пріема, какой былъ сдѣланъ мнѣ?

«— Да, боюсь, съ нѣкоторою нерѣшительностью отвѣчала она мнѣ.

«—Успокойтесь, другъ мой: Люси не дорожитъ свѣтомъ; она, какъ вы знаете, живетъ только для насъ, т.-е. для меня и нашего сына, и знакома будетъ всегда лишь съ тѣми, которые первые покажутъ ей искреннее вниманіе и желаніе съ ней сблизиться. А что васъ болѣе удивитъ, такъ это то, что вы, не дожидаясь визита Люси, вопреки принятымъ обычаямъ, сами съ вашею дочерью въ день пріѣзда Люси поспѣшите обнять ту, которую уже успѣли заочно полюбить и достойно оцѣнить.

«— Что̀ вы, что̀ вы! я уже вамъ сказала, какъ наше общество строго относится къ тому, кто нарушаетъ порядокъ его законовъ. Да меня всѣ загрызутъ за такую демонстрацію.

«— Ну, мой другъ, пока оставимъ волковъ и не будемъ выть поволчьи, а побесѣдуемъ-ка по истинѣ, почеловѣчески. Убѣдились ли вы, что Люси, рѣшившись на поступокъ, за который общественное мнѣніе считаетъ себя вправѣ ее осуждать, была руководима *только одною безпредѣльною любовью ко мнѣ*, что она не увлеклась моимъ блескомъ и богатствомъ, и что, несмотря на нужду и нищету, которыхъ неминуемо мы ожидали въ Америкѣ, она, *единственно она*, нетолько убѣдила, но заставила меня удержать за моими дѣтьми родовыя мои имѣнія? Вѣдь сами же вы неоднократно, восхищаясь истинно рѣдкими въ нашъ вѣкъ такими качествами, отдавали ей должное?

«— Да, дѣйствительно, сказала А. М.: — я не могу не уважать такую личность!...

«— Какъ же вы, женщина, мать взрослыхъ дочерей, которыя могутъ не сегодня, завтра, быть жертвой не только сильной привязанности, но даже какого-нибудь минутнаго увлеченія, ради того, что *будто слѣдуетъ и вамъ* выть поволчьи, вы, вопреки вашихъ чувствъ, останетесь холодны къ той, которую сердце ваше уже полюбило. Вы возразите, можетъ быть, что вы не по своему убѣжденію такъ дѣйствуете, что того, дескать, общество требуетъ. Дико! Не трудно мнѣ опровергнуть ваши софизмы и доказать вамъ всю несостоятельность, нелогичность тѣхъ общественныхъ законовъ, которые вы считаете непогрѣшимыми! Слушайте внимательно и затѣмъ судите. Моя дурная репутація — аксіома; не говоря о томъ, что восемнадцатилѣтній періодъ моихъ увлеченій, безобразій, самодурствъ, былъ здѣшнему обществу хорошо извѣстенъ; но не тайной было и то, что я бросилъ отечество, жену, дѣтей, увезъ изъ честнаго семейства любимую дочь, и, несмотря на все это, я, *преступникъ*, все-таки остаюсь членомъ вашего общества, со многими домами нахожусь въ дружескихъ и интимныхъ отношеніяхъ, принятъ въ нѣкоторыхъ семействахъ, какъ, — напримѣръ, въ вашемъ, —учителемъ дочерей, тогда-какъ, ежели бы вы и ваше общество хотѣли уже соблюдать строгіе законы общественной нравственности, то прежде всего *обязанность* ваша была *меня* не принимать въ вашу среду, и тѣмъ болѣе въ интимность, а вовсе не быть строгимъ къ женщинѣ за то только, что она съумѣла полюбить! Такимъ законамъ и правиламъ можно слѣдовать, не отдавая себѣ отчета въ нихъ; но разъ вы спросите вашу совѣсть и ваше сердце, они подскажутъ вамъ, что эти законы безчеловѣчны и безбожны.»

«Какъ я уже сказалъ, А. М. была добрѣйшая и честнѣйшая

женщина и искренно меня любила; а потому сердцемъ поняла, что я былъ правъ.

«Кромѣ того, къ чести *не волчьяго, а человѣчьяго общества города Я**** можно отнести то, что многія, какъ и А. М., въ день пріѣзда Люси поспѣшили навѣстить мою дорогую больную, и затѣмъ, впродолженіе двухгодичнаго нашего пребыванія въ этомъ радушномъ городѣ, такъ скоро ее узнали и полюбили, что она была знакома почти со всѣмъ тамошнимъ обществомъ, и понынѣ сохранила со многими семействами города Я** самыя дружескія отношенія.»

Моя бесѣда съ сэромъ William'омъ, противъ ожиданія, продлилась до утра; но когда мы разстались, онъ обѣщалъ мнѣ впослѣдствіи весьма интересныя дальнѣйшія подробности о своемъ пребываніи въ Америкѣ, а я съ моими читателями буду ими дѣлиться, въ каждой особой части моихъ записокъ, въ видѣ прибавленій, озаглавленныхъ: «*Эпизоды изъ жизни сэра William'a S*** въ Америкѣ*».

Князь Юрій Голицынъ.

15-го мая 1869 г.
С.-Петербургъ.

* *
*

«Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ»
И въ весь свой вѣкъ настолько не созрѣлъ,
Чтобы извѣдавъ жизни холодъ,
Попрать все то, предъ чѣмъ благоговѣлъ.
Блаженъ, кто возлюбя идею,
Въ служенье ей всю душу положилъ,
Не лебезилъ шутомъ предъ нею,
За то и въ трудный часъ не отступилъ.

Блаженъ и тотъ, кто чуть не съ дѣтства
Былъ ужь вполнѣ законченный мудрецъ,
Любилъ испытанныя средства
И рано слылъ, какъ практикъ и дѣлецъ.
Легко вамъ жить, сыны рутины,
Оракулы и геніи толпы,
Творцы блаженной середины,
Дешевой мудрости дешевые столпы!

Но жалокъ — кто не могъ всецѣло
Уйти душой въ борьбу за мѣдный грошъ,
Кто радъ бы жизнь отдать за дѣло,
Но видитъ только призраки и ложь —
И бродитъ праздно въ край изъ края,
Всему и всѣмъ вокругъ себя чужой.
Скитальцемъ, изгнаннымъ изъ рая
И не умѣвшимъ свыкнуться съ землей.

М.

РУАНСКІЯ РАБОТНИЦЫ.

РОМАНЪ

Эмиля Боскэ.

(*Окончаніе*).

V.

Мадлена очень удивилась, увидя на другой день послѣ описанныхъ уже событій въ Маромѣ, что Полина сѣла у окна и принялась по обыкновенію за свою работу.

— Развѣ ты не пойдешь узнать, что̀ сдѣлалось съ отцомъ? спросила она.

— Я жду прихода Жюльеты съ фабрики, и попрошу ее пойти со мной вмѣстѣ къ г. Жоралю; онъ обѣщалъ около этого времени быть дома и сообщить намъ все, что̀ успѣетъ разузнать сегодня. А быть можетъ, отецъ пріидетъ даже ранѣе, чѣмъ мы ожидаемъ.

Въ то время, какъ Полина, вѣря обѣщанію Фернанда, безпечно сидѣла дома, усердіе этого послѣдняго встрѣтило препятствіе, котораго онъ совершенно не предвидѣлъ. Препятствіемъ этимъ была воля Жораля-отца. Предувѣдомленный еще рано утромъ о посредничествѣ, принятомъ сыномъ наканунѣ, онъ велѣлъ позвать Фернанда къ себѣ въ кабинетъ.

— Что такое? сказалъ онъ тономъ человѣка, непривыкшаго къ возраженіямъ: — ты обѣщалъ внести залогъ за презрѣннаго пьяницу, за коновода вчерашняго бунта?

— Да.

— Что тебѣ за дѣло до этой сволочи?

— Это отецъ той дѣвушки, съ которой я снималъ портретъ. Не онъ меня интересуетъ, а его жена и ихъ дочь.

— Дочь!... она твоя любовница?

— Нѣтъ.

— Ну, и слава Богу. Я вѣдь очень снисходителенъ, ты это

знаешь; но есть глупости, которыхъ я не прощу. Въ числѣ этихъ глупостей я считаю и то, что ты связываешься съ женами и дочерьми работниковъ. Въ большинствѣ случаевъ, это, что называется, твари, не стоющія, чтобы до нихъ даже прикасался порядочный человѣкъ. А ежели, къ несчастію, съ одной изъ нихъ свяжется хозяинъ или подмастерье, то она подымаетъ такой гвалтъ, какъ-будто дѣло идетъ о цѣломудренной Сусаннѣ. Я не хочу скандаловъ въ моемъ домѣ. Я не хочу допускать поводы къ неповиновенію и безпорядкамъ. Ты знаешь, — я этого не потерплю.

— Не бойтесь, папа, вамъ стоитъ только взглянуть на Полину, чтобъ разувѣриться.

— Такъ; значитъ, она разыгрываетъ добродѣтель. Это не въ ихъ обычаѣ: обыкновенно онѣ развратны и не любятъ скрытничать. Эта, вѣроятно, похитрѣе другихъ. Я за тобою буду присматривать, а пока ты не долженъ мѣшаться въ это дѣло. Внести залогъ за этого бездѣльника, значило бы испортить мою репутацію въ глазахъ товарищей: они скажутъ, что я хочу популярничать на ихъ счетъ. Все это важнѣе, чѣмъ ты думаешь.

— Какъ хотите, папа; но я не могу отречься отъ обѣщанія, даннаго публично. Да вы и сами, вѣроятно, дорожите моей репутаціей, и не захотите, чтобы эти люди смѣялись надо мной и называли меня подлецомъ.

— Ты не знаешь этихъ людей. Развѣ у нихъ есть хоть малѣйшая послѣдовательность? Они сегодня перерѣжутъ тебѣ горло, а завтра забудутъ объ этомъ. Стоитъ заботиться о ихъ мнѣніи! Вѣдь ты, кажется, хотѣлъ ѣхать въ Италію? Поѣзжай же теперь. Сперва ты отправишься въ Парижъ: тамъ пообождешь весны, а потомъ отправишься путешествовать. Я лучше соглашусь на этотъ расходъ, чѣмъ видѣть тебя въ роли защитника рабочихъ. Эта роль къ тебѣ не пристала. Повѣрь, что всѣ порядочные люди скажутъ тебѣ то же самое.

— Все это прекрасно, но тутъ дѣло идетъ о моей чести.

— Покуда ты въ моемъ домѣ, и, по лѣтамъ, находишься у меня подъ опекой, за эту честь отвѣчаю я.

— Нѣтъ, папа; я поступалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ независимый. Городскія власти спрашивали меня, совершеннолѣтній ли я, есть ли у меня необходимая сумма, и могу ли я ею распоряжаться?

— Но гдѣ-жь ты возьмешь эту сумму?

— Вопервыхъ, она должна быть очень незначительна, если, конечно, не обвинятъ Жермена въ грабежѣ, произведенномъ у Кодона. Я думаю, что, во всякомъ случаѣ, трети моего годо-

ваго жалованья будетъ совершенно достаточно. Вовторыхъ, вы знаете, у васъ хранятся банковые билеты, завѣщанные мнѣ покойной тетушкой. Я думаю, что вы позволите мнѣ располагать ими.

— Объ этихъ деньгахъ мы еще поговоримъ, а прежде выслушай вотъ что: если только ты предоставишь дѣло это мнѣ, я сейчасъ же съѣзжу къ префекту и къ другимъ городскимъ властямъ и спрошу ихъ, нѣтъ ли возможности съ честью отступить отъ даннаго тобою обѣщанія. Затѣмъ, я, конечно, предоставлю тебѣ полную свободу; но такъ-какъ ты настолько богатъ, что въ состояніи дѣлать значительные подарки голякамъ, то тебѣ нечего разсчитывать на субсидію съ моей стороны; ты можешь съ сегодняшняго же дня начать жить на свои собственныя средства. Я не остановлюсь, впрочемъ, на этой мѣрѣ.

— Вы слишкомъ строги, папа. Подумайте, заслужилъ ли я, чтобы вы выставляли меня на посмѣшище, на позоръ... Заслужилъ ли я, наконецъ, чтобы вы меня совершенно оставили, отвернулись отъ меня!...

— Пока ты этого еще не заслужилъ. Но брось это дѣло, и предоставь его окончаніе мнѣ. Повѣрь, я съумѣю все уладить. Не то, повторяю еще разъ, дѣлай, что хочешь, но отъ меня не жди ничего.

— Это ужасно! За что вы меня терзаете! Оставить вашъ домъ! Куда же я пойду, что буду дѣлать! Сжальтесь, папа, сжальтесь...

— Да ты, какъ я вижу, не въ шутку влюбленъ въ эту работницу... Ужь не зашло ли дѣло у васъ слишкомъ далеко?

— Вы меня оскорбляете. Дѣло идетъ не объ отношеніяхъ нашихъ, а о томъ, что я честнымъ словомъ поручился внести обезпеченіе... и я долженъ внести его.

— А! ты опять за старую пѣсню... Такъ знай же, что у тебя нѣтъ ни гроша... Ты говоришь, что тебѣ тетка оставила деньги. Это правда. Но развѣ не ты же самъ прожилъ ихъ?.. Развѣ вся твоя роскошная обстановка, исполненіе всѣхъ твоихъ капризовъ, все это достается даромъ?... Я помогалъ тебѣ, конечно. Ты знаешь, сколько я отпускалъ на тебя ежегодно; но ты знаешь также, сколько ты и проживаешь! Возьми карандашъ и сочти, много ли у тебя осталось изъ наслѣдства тетки?

Такой оборотъ дѣла, какъ громомъ поразилъ бѣднаго Фернанда. Онъ, безпечный художникъ, жившій изо дня въ день среди роскоши и удовольствій и никогда не задававшійся вопросомъ о томъ, во что они обходятся, стоялъ въ первый разъ лицомъ къ лицу съ жгучимъ вопросомъ, основаннымъ именно

на томъ далеко неидеальномъ разсчетѣ, который, по новости своей, казался ему необычайно сложнымъ, запутаннымъ и труднымъ. Онъ чувствовалъ, что точка опоры его исчезла, что сила на сторонѣ отца, и, блѣдный, разстроенный, стоялъ, опустивъ руки и жалостно вперивъ въ отца свои помутившіеся глаза. Старикъ Жораль видѣлъ все это и ясно читалъ на лицѣ сына его мысли. Онъ не остановился даже передъ ложью для достиженія цѣли, которой придавалъ особенную важность, но видя, что послѣдняя искра рѣшимости покинула его сына, счелъ лишнимъ держаться суроваго тона и самъ пошелъ на мировую.

— Я вижу, сказалъ онъ: — что ты способенъ еще образумиться. Мы останемся друзьями попрежнему, но тебѣ слѣдуетъ отречься отъ этого дѣла.

— Сдѣлать подлость!

— Нисколько. Ты ошибся въ разсчетѣ, ты не разсчиталъ своихъ средствъ. Вотъ и все.

— И вы не сжалитесь?

— На этотъ разъ, нѣтъ. Но когда окончится дѣло, я сдѣлаю все для смягченія твоего огорченія.

Фернандъ молчалъ.

— Пора кончить, сказалъ отецъ. — Префектъ ждетъ отвѣта.

— Не губите меня! закричалъ Фернандъ, рыдая и бросаясь на шею къ отцу.

Старикъ Жораль былъ, видимо, растроганъ.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ онъ, помолчавъ: — я вижу, что ты еще не настолько испорченъ новыми идеями, чтобъ противиться волѣ отца. Вотъ твои деньги. Возьми и распоряжайся ими какъ знаешь; но чтобы это было въ послѣдній разъ. Помни.

Фернандъ вышелъ изъ комнаты отца, грустный и задумчивый. «А что, если отецъ въ самомъ дѣлѣ перестанетъ давать денегъ, чѣмъ я стану жить?» думалъ онъ, но въ то же время все-таки не терялъ окончательно надежды обладать Полиной. Даже угрозы отца не смутили его; лукавая мысль, что, съ помощью уступки, можно достигнуть цѣли, закралась въ его голову.

Внести залогъ и освободить Жермена, было, однакожь, дѣломъ овсѣмъ не столь легкимъ, какъ думалъ Фернандъ. Самому ему, вѣроятно, и не удалось бы устроить его; но, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, онъ обратился къ главному прикащику отца; послѣдній, прохлопотавъ цѣлое утро, наконецъ, принялъ желанную вѣсть. Въ это время доложили о приходѣ Полины и Жюльеты, и Фернандъ поспѣшилъ къ нимъ.

Обѣ дѣвушки ждали внизу въ комнатѣ, рядомъ съ конторой. Фернандъ сообщилъ Полинѣ пріятную новость, она съ чувствомъ благодарила его; но замѣтно было, что радость ея была неполна.

— Вы не вполнѣ счастливы, сказалъ онъ ей: — васъ, кажется, все что-то безпокоитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила она: — я немного взволнована; я только что видѣлась съ отцомъ. Онъ раздраженъ до крайности. Увѣренность получить свободу не успокоила его. Онъ думаетъ, что черезъ шесть недѣль его возьмутъ опять и предадутъ суду. Въ такомъ случаѣ, онъ не избѣжитъ двухлѣтняго тюремнаго заключенія. Это волнуетъ его до такой степени, что мнѣ показалось даже, будто онъ замышляетъ что-то нехорошее. Что-жь будетъ, если онъ бѣжитъ, воспользовавшись временной свободой? Тогда вѣдь пропадетъ залогъ, который вы за него внесли.

— Ну, такъ что же? отвѣтилъ Фернандъ, у котораго сейчасъ же мелькнула мысль о выгодности положенія, которое создастъ такое бѣгство для него по отношенію къ Полинѣ.

— Но вѣдь это будетъ безчестно! И какъ безвыходно будетъ тогда наше положеніе!

— Экая бѣда! сказала Жюльета: — если г. Фернандъ хочетъ жертвовать для васъ своими деньгами, развѣ тебѣ и твоей матери не будетъ и безъ отца хорошо?

— Нѣтъ, я не хочу, чтобъ онъ сдѣлалъ подлость; пусть лучше сидитъ въ тюрьмѣ. Полагаете ли вы, что онъ будетъ осужденъ? обратилась она къ Фернанду.

— Да, я думаю; а потому и самъ посовѣтовалъ бы вашему отцу бѣжать и бросить залогъ.

— Я тебѣ говорила, замѣтила Жюльета, и посмотрѣла на художника глазами, полными любви и нѣжности.

— Нѣтъ, такое великодушіе перешло бы за предѣлы благодѣянія.

— Ну, да мы объ этомъ еще поговоримъ, сказалъ Жораль, и прибавилъ, обращаясь къ Жюльетѣ: — а когда же мы будемъ продолжать вашъ портретъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Такъ заходите, когда будете свободны.

Затѣмъ, распрощались и ушли. Дорогой, Полина сказала своей подругѣ:

Ты напрасно подговариваешь Фернанда на излишнее великодушіе. Не забудь, что если отецъ послушается его совѣтовъ, то положеніе мое будетъ ужасно.

— Пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. Если Фернанду непремѣнно захочется поквитаться, я съумѣю расплатиться за тебя.

Полина пристально посмотрѣла на нее, какъ бы желая понять смыслъ ея словъ. Выраженіе лица Жюльеты было грустно-насмѣшливое.

— Какъ тебѣ приходятъ въ голову такія мысли, Жюльета? Если ты будешь продолжать идти по этой дорогѣ, то и ты сдѣлаешься для меня новымъ мученіемъ. Я, право, не знаю, за что и хвататься... Я чувствую, что гибну. Горе меня душитъ, терзаетъ...

— А я развѣ не страдаю? принужденно улыбаясь, отвѣчала Жюльета. — Если онъ не сжалится надо мной, я сама отдамся ему. Что мнѣ дѣлать, я даже работать не могу!

— Подумай, моя милая, вѣдь эта любовь невозможна. Ты такая красивая, не лучше ли бы ты сдѣлала, еслибъ вышла замужъ?

— Да, очень милы они, наши мужчины! Умные всѣ лѣнивы, а хорошіе работники или пьяницы, или негодяи. Знаю я ихъ всѣхъ. Нѣтъ, спасибо за такую партію.

— Но есть и хорошіе люди и хорошіе работники, вотъ, напримѣръ, Жакъ.

— Правда, онъ славный малый; но я не знаю, что̀ бы со мной сталось, еслибъ у меня былъ такой мужъ. Стоитъ посидѣть съ нимъ полчаса, чтобы заснуть.

— Да вѣдь и Фернандъ часто серьёзенъ?

— Нѣтъ, со мной онъ всегда веселъ, мы иногда смѣемся, сами не зная чему. Какъ, право, пріятно смѣяться съ тѣмъ, кто тебя любитъ.

Такая развязность Жюльеты не нравилась Полинѣ. Она опасалась, что, имѣя случай видѣться съ Фернандомъ, Жюльетѣ удастся получить на него вліяніе, и тогда, при видимой слабости характера молодаго человѣка, можно было ожидать весьма непріятныхъ послѣдствій, какъ для нея, такъ и для Жюльеты.

Вскорѣ по возвращеніи Полины домой, пришелъ и Жерменъ. Вечеромъ явился Фоше, главный прикащикъ Жораля, и просилъ старика переговорить съ нимъ наединѣ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Жерменъ отослалъ Полину къ ея подругѣ и просилъ говорить при Мадленѣ не стѣсняясь, такъ-какъ «она ничего не услышитъ и ничего не разболтаетъ; эта женщина очень ограниченная».

Разговоръ былъ непродолжителенъ; но по уходѣ гостя, Жер-

менъ сильно о чемъ-то задумался. На слѣдующій день къ нему зашелъ одинъ работникъ, который слылъ очень либеральнымъ человѣкомъ и даже революціонеромъ; онъ, какъ говорила молва, велъ тайную пропаганду. До сихъ поръ этотъ работникъ отдалялся отъ Жермена и какъ-будто презиралъ его. А потому его посѣщеніе очень удивило Полину и ея мать. Разговоръ былъ опять секретный. Съ этого времени произошло въ поведеніи пьяницы удивительная перемѣна. Онъ снова сталъ работать въ прядильнѣ и пересталъ пить.

Три или четыре недѣли прошли такимъ образомъ. Жерменъ твердо держался своего рѣшенія и словно забылъ о существованіи водки. Но это усиліе сильно потрясло его какъ физически, такъ и нравственно. Онъ какъ-то опустился, сталъ молчаливъ и апатиченъ. Руки его дрожали, ноги часто подкашивались; ѣлъ онъ очень мало и плохо спалъ. Точно невидимый червь подтачивалъ его крѣпкій организмъ. Эта перемѣна сокрушала Полину: она предвидѣла, что если такъ пойдетъ дальше, то не быть добру. Ей казалось сперва, что счастіе близко, а теперь сердце ея было полно ужаса.

Жерменъ ходилъ къ Фернанду на другой же день по выходѣ изъ тюрьмы, чтобъ поблагодарить его, но не засталъ дома. То же самое повторилось и въ слѣдующіе разы. Фернандъ хорошо понялъ щекотливость своего положенія и поспѣшилъ самъ отдать визитъ старику.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть, когда работнику приходится имѣть непосредственныя сношенія съ людьми высшихъ классовъ и особенно, когда люди эти оказали ему услугу, работникъ всегда умѣетъ выражать свою благодарность просто, но въ то же время вполнѣ сохраняя свое достоинство. Вообще говоря, французскій работникъ не умѣетъ прислуживаться. Отношенія, существующія между хозяиномъ и работникомъ, нисколько не похожи на отношенія между господиномъ и слугою; если есть возможность заставить работника повиноваться, то нѣтъ никакой возможности заставить его раболѣпствовать и льстить. Молчаніе — вотъ послѣдній предѣлъ учтивости, до которой его можно довести и, если удалось поработить его физически и сдѣлать изъ него работающую машину, то не удалось и не удастся поработить нравственно.

Жерменъ радушно привѣтствовалъ Фернанда и сказалъ ему нѣсколько теплыхъ словъ о его участіи.

— Я очень хорошо знаю, прибавилъ онъ: — что не заслужилъ вашего покровительства; вы дѣлаете это для моей дочери. Я нисколько васъ, впрочемъ, не осуждаю, а благодарю, напро-

тивъ, за то, что вы съумѣли оцѣнить такую женщину, какъ дочь моя. Полина такъ благоразумна, что на нее можно положиться, и такъ искренна, что, конечно, не станетъ меня обманывать. Она сказала мнѣ, что, по отношенію къ ней, вы всегда руководились добрыми намѣреніями, и я ей вѣрю. Я не вижу препятствія, чтобы вы навѣщали мою дочь, но предоставляю вамъ обдумать, не произойдетъ ли изъ этого что-нибудь непріятнаго для васъ самихъ? Можетъ быть, станутъ говорить, что вы влюблены въ Полину, что мы съ женой стараемся заманить васъ? и дочь моя, сохранившая до сихъ поръ свою репутацію, не потеряетъ ли ее тогда безвозвратно?

Фернанду нечего было отвѣчать на эту рѣчь. Онъ увѣрилъ Жермена, что будетъ такъ рѣдко приходить, что самые злые языки не найдутъ повода для клеветы. Потомъ, чтобы еще болѣе убѣдить Жермена въ безкорыстіи своей дружбы, просилъ его самого заходить къ нему, и даже назначилъ ему часъ, когда его можно застать дома. Хотя художникъ говорилъ все это вполнѣ искренно, но тѣмъ не менѣе вышелъ изъ дома Жермена въ весьма дурномъ расположеніи духа. Онъ не видалъ Полины, ушедшей въ городъ за работой. «Когда же я ее увижу? думалъ онъ:— вѣдь она не изъ такихъ, чтобы ходить на свиданіе?» Будучи избалованъ, онъ не могъ перенести спокойно какую бы то ни было неудачу. Имъ сей же часъ овладѣвала досада и злость. Потеря надежды имѣла очень пагубное вліяніе на его любовь, которая утратила ужь прежнюю чистоту. Никогда не находясь въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ молодыми дѣвушками, въ какихъ пришлось ему быть съ Жюльетой и Полиной, онъ сперва не замѣчалъ, какою опасностью угрожала эта близость; но, по мѣрѣ того, какъ первоначальныя, почти дѣтскія фантазіи исчезали, на мѣсто ихъ являлись другія, внушенныя болѣе или менѣе животными инстинктами. Подъ ихъ вліяніемъ, въ немъ все болѣе и болѣе утверждались идеи, которыя его воспитали. «Ужь если я такъ снисходителенъ къ этимъ работницамъ, думалъ онъ: — что стѣсняю себя изъ-за нихъ, то несомнѣнно имѣю право воспользоваться хоть тѣмъ, что̀ мнѣ сулитъ любовь одной изъ нихъ».

На слѣдующій день, впрочемъ, онъ не пошелъ въ мастерскую, куда могла явиться Жюльета. Нѣсколько дней сряду онъ сидѣлъ запершись у себя и не переставалъ хандрить. Среди безплодныхъ размышленій, онъ напалъ на мысль, которая показалась ему цѣлымъ открытіемъ. Пріятное расположеніе духа возвратилось, и онъ снова сталъ строить планы о будущемъ.

Отецъ его всегда косо смотрѣлъ на предполагаемое путеше-

ствіе въ Италію; ему хотѣлось, чтобъ сынъ поѣхалъ не въ Италію, а въ одинъ изъ большихъ промышленныхъ городовъ Англіи. Здѣсь онъ могъ выучиться англійскому языку и затѣмъ изучить тѣ нововведенія и усовершенствованія, которыя существовали въ англійскихъ прядильныхъ мастерскихъ. Фернанду пришло теперь на умъ исполнить желаніе отца, поѣхать въ Манчестеръ и увезти съ собой Жермена раньше, чѣмъ его потребуютъ въ судъ. Онъ могъ, какъ и въ Руанѣ, работать въ прядильнѣ, а Мадлена пріѣхала бы вслѣдъ за нимъ и поселилась въ маленькомъ котэджѣ близь города. И такъ-какъ общественная жизнь въ Англіи не представляетъ такихъ стѣсненій, какъ во Франціи, то, думалъ онъ, я свободно могу видаться съ Полиной, и старикамъ уже бояться нечего: никто не обвинитъ ихъ въ занятіи нечестнымъ ремесломъ! Чѣмъ болѣе думалъ буржуа-художникъ объ этомъ проектѣ, тѣмъ болѣе онъ ему нравился. Онъ разсчитывалъ, что Полина будетъ такъ же рада, какъ и онъ. «Когда я предлагалъ ей ѣхать въ Италію, она едва-ли понимала даже, чего я хочу. Такая жизнь, конечно, совершенно чужда ея привычкамъ, и къ тому же она должна была ѣхать одна и совершенно зависѣть отъ меня. Но теперь она останется съ родными и въ то же время будетъ принадлежать мнѣ!». Онъ такъ укрѣпился въ этой мысли, что ждалъ только случая привести ее въ исполненіе.

Встрѣтясь какъ-то съ Полиной, онъ отдалъ ей письмо, въ которомъ сообщалъ свой проектъ. За нѣсколько дней до этого, онъ уже сказалъ отцу о желаніи своемъ ѣхать въ Англію съ цѣлью заняться изученіемъ прядильной мануфактуры. Жораль-отецъ былъ удивленъ и обрадованъ намѣреніемъ сына, и сталъ торопить его отъѣздомъ. Поэтому, въ письмѣ къ Полинѣ, Фернандъ говорилъ, что все уже готово къ отъѣзду и просилъ придти съ отвѣтомъ на другое утро въ его мастерскую. Слѣдовало все это устроить ранѣе, чѣмъ будутъ призваны въ судъ работники, участвовавшіе въ маромскомъ возстаніи.

Полина прочла матери письмо Жораля. У бѣдныхъ людей привязанность къ мѣсту, гдѣ они родились и живутъ, вообще развита сильнѣе, чѣмъ у богатыхъ. Они привыкаютъ не только къ странѣ, но и къ городу, деревнѣ, даже къ дому и комнатѣ. Обѣ женщины сильно опечалились при одной мысли покинуть все, съ чѣмъ онѣ сроднились. Мадлена была увѣрена, что это переселеніе будетъ для нея смертельно; но она скрывала это отъ Полины, чтобъ не огорчить ее. Полина, поставленная въ необходимость рѣшить свою судьбу, съумѣла уяснить себѣ съ удивительною проницательностью выгоды и недостатки пред-

ставленнаго ей проекта. Недостатки явно превышали выгоды. Но какъ отказаться отъ предложенія, которое можетъ избавить отца ея отъ тюрьмы, и доставить возможность заработывать хлѣбъ трудомъ, ему привычнымъ? Сверхъ того, отъ нея не ускользнуло и то, что она находилась къ Фернанду, такъ сказать, въ обязательныхъ отношеніяхъ... Все это мучило ее и лишало покоя. Она рѣшилась ждать, что̀ скажетъ отецъ.

Когда Жерменъ узналъ о проектѣ Фернанда, то попросилъ нѣсколько дней на размышленіе. Онъ ссылался на то, что ему необходимо посовѣтоваться кое съ кѣмъ. По нѣкоторымъ невольно вырвавшимся словамъ, можно было заключить, что онъ не могъ вполнѣ располагать собою.

Полина не имѣла никакой идеи о томъ, что̀ такое тайное общество; но и она замѣчала, что послѣ возстанія рабочихъ въ Маромѣ, отецъ ея вошелъ въ какія-то необъяснимыя сношенія съ нѣкоторыми новыми лицами. Какъ бы то ни было, но отсрочка рѣшенія, потребованная Жерменомъ, была очень пріятна Полинѣ. Но скоро къ исполненію задуманнаго представилось препятствіе еще болѣе серьёзное. Дѣло въ томъ, что здоровье Жермена сильно разстроивалось и опасность, угрожавшая ему съ этой стороны, сдѣлалась очевидною для всѣхъ. Онъ сталъ очень слабъ и часто падалъ въ обморокъ. Докторъ, лечившій его, положительно приписывалъ такую перемѣну рѣзкому переходу отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ къ строгой воздержанности. Но, что̀ было дѣлать? Жерменъ не чувствовалъ себя способнымъ владѣть собой на столько чтобъ жить умѣренно. «Разъ я возьму въ ротъ этой проклятой водки, говорилъ онъ, тогда все пропало, запью опять».

Нѣсколько дней спустя, Жерменъ пошелъ къ Жоралю, сообщить о рѣшеніи своемъ ждать процесса. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ убѣжденій и объявилъ, что останется твердъ. Старикъ какъ будто закалился, и уже не боялся тюрьмы. Фернандъ спросилъ, не имѣетъ ли онъ надежды на помилованіе. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, да мнѣ это все равно; я поступлю такъ, какъ рѣшился, во всякомъ случаѣ: помилуютъ или нѣтъ...»

Это неожиданное упорство раздражило молодаго человѣка. Его эгоизмъ проявлялся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе приходилось терять надежду на взаимность Полины. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ сообщилъ ей о рѣшеніи Жермена, она не могла скрыть нѣкоторой радости. Она поняла, что рѣшеніемъ отца руководила честная мысль. Съ тѣхъ поръ, какъ, слѣдуя совѣтамъ врача, она сказала отцу, что для поддержанія здоровья ему слѣдуетъ непремѣнно понемногу пить, онъ не дотронулся однакоже до

бутылки. По всему было видно, что онъ боролся противъ серьёзнаго внутренняго недуга, побороть который надѣялся одною силой воли и энергіи. Надежды эти раздѣляла съ нимъ и дочь.

Вечеромъ въ день свиданія его съ Фернандомъ, она рѣшилась даже заговорить о предстоявшемъ исходѣ его дѣла.

— Вѣдь ужь близко время, когда тебя потребуютъ къ суду, сказала она.

— Да, близко, и я тогда опять отправлюсь въ тюрьму.

— Развѣ это не пугаетъ тебя?

— Нѣтъ, не пугаетъ, потому что меня будутъ судить не за безчестный поступокъ, я жертвовалъ собой для блага другихъ.

— Отецъ! какой ты добрый! а я не умѣла цѣнить тебя! Ты любишь людей, научи же и меня любить ихъ, какъ ты. Ты жертвуешь своей свободой, ради ихъ. Я, кажется, не могла бы поступить такъ...

— Всякій дѣлаетъ, что можетъ, дитя, отвѣчалъ Жерменъ, гладя ея волосы. — Ты тоже любишь ихъ, я знаю...

Затѣмъ, пробормотавъ что-то, онъ ушелъ изъ дому и возвратился только поздно ночью. Такія отлучки стали, впрочемъ, обычными въ послѣднее время.

Всякій разъ, какъ Фернандъ дѣлалъ новыя попытки къ сближенію съ Полиной, какое нибудь неожиданное обстоятельство отдаляло ихъ все болѣе и болѣе другъ отъ друга. Всего обиднѣе было для него не то, что его попытки были тщетны, а то, что Полина замѣтно къ нему охладѣвала. Онъ надѣялся, по крайней-мѣрѣ, что Жерменъ прійдетъ посовѣтоваться съ нимъ на счетъ выбора адвоката, и крайне удивился, узнавъ, что одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ Руана уже взялся защищать его.

Онъ сильно досадовалъ, что теперь уже другіе люди, а не онъ, покровительствовали этому семейству; и это тѣмъ болѣе огорчало его, что онъ могъ не замѣтить, до какой степени привязанность Полины къ ея отцу и матери болѣе значила для нея, чѣмъ то легкое расположеніе, которое она къ нему питала. Онъ старался напустить на себя равнодушіе; но это не удавалось. Жюльета какъ будто хотѣла воспользоваться его недовольствомъ. Она ходила за нимъ слѣдомъ; стоило ему зайти въ мастерскую, или выйти изъ дому за дѣломъ или на прогулку, онъ непремѣнно встрѣчалъ ее. Она изучила образъ его жизни до мельчайшихъ подробностей и знала всегда, гдѣ можно встрѣтить его. Всякій разъ они обмѣнивались двумя, тремя словами и мало-по-малу познакомились такъ близко, что Жюльета стала ужь прямо ходить въ мастерскую и просиживать съ

нимъ по цѣлымъ часамъ: сначала ради портрета, который подвигался впередъ очень медленно, а потомъ брошенъ былъ и этотъ предлогъ. Постепенное отдаленіе Полины и страстная любовь, хотя нѣсколько навязчивой, но весьма привлекательной и неглупой Жюльеты, успѣла очень скоро повліять на слабый характеръ нашего художника: не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ повидимому совсѣмъ забылъ о семействѣ Жермена и вполнѣ отдался новой страсти. Жюльета почти совсѣмъ бросила работу и всѣ дни и ночи проводила съ Фернандомъ.

VI.

Руководимыя желаніемъ какъ можно скорѣй прекратить маромское возстаніе, городскія власти были очень уступчивы; они согласились принять залогъ за Жермена, и послѣ перваго же допроса освободили изъ-подъ ареста и прочихъ участниковъ, которые были обвинены въ одной только манифестаціи, о противозаконности которой не имѣли понятія. Такимъ образомъ, передъ судомъ явилось только пять обвиненныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Жерменъ.

Но впродолженіе шести недѣль, покуда производилось слѣдствіе, власти успѣли снова войти въ свою обычную колею, т.-е. принялись подъискивать обстоятельства, увеличивающія мѣру вины подсудимыхъ. Прокурорскій надзоръ, пріобрѣвшій себѣ во Франціи громкую репутацію въ этомъ смыслѣ, выказывалъ особенное рвеніе. Вслѣдъ за властями и большинство публики, принадлежащей къ обезпеченнымъ классамъ общества, стало тѣмъ строже относиться къ обвиненнымъ, чѣмъ менѣе могли они внушить къ себѣ симпатіи своимъ нищенскимъ, изнуреннымъ видомъ, являвшимся какъ бы живымъ укоромъ сытости и довольству.

Нельзя сказать, чтобы послѣ революціи 1848 г., произошла видимая перемѣна въ матеріальномъ бытѣ рабочихъ. Пауперизмъ не уменьшился; распредѣленіе богатствъ осталось то же самое. Тѣмъ не менѣе должно согласиться, что въ умахъ произошелъ радикальный переворотъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго должно быть пересозданіе всего экономическаго строя современнаго общества. Такая перемѣна обнаруживается, между прочимъ, и въ томъ, что въ наше время всякій входящій въ залу засѣданія суда, и видящій изящную свѣтскую публику присяжныхъ, внѣшность которыхъ обнаруживаетъ обезпеченное состояніе и довольство, судей, адвокатовъ, прокурора, и рядомъ съ ними одного или двухъ оборвышей, неловкихъ, неумѣю-

щихъ связно сказать двухъ словъ, незнающихъ куда дѣвать свои мозолистыя руки и вѣчно томящихся своимъ положеніемъ, невольно чувствуетъ въ себѣ какъ бы внутренній голосъ, говорящій если не о помилованіи и освобожденіи несчастныхъ, то, по крайней-мѣрѣ, о примѣненіи къ нимъ всѣхъ послѣдствій вердикта, гласящаго о смягчающихъ обстоятельствахъ.

Но въ то недавнее еще время, когда совершались разсказываемыя нами событія, настроеніе умовъ было совершенно другое: одной нищеты подсудимаго было достаточно, чтобъ возстановить противъ него мнѣнія публики и присяжныхъ. На обвиненнаго смотрѣли какъ на человѣка, посягающаго на общественную безопасность, и сочувствіе къ нему заглушалось страхомъ и отвращеніемъ, которое онъ внушалъ.

Итакъ, въ день засѣданія, судьи уже не были воодушевлены тѣми чувствами умѣренности, которыя руководили ихъ дѣйствіями во время возстанія. Въ этотъ день, предсѣдатель только о томъ и помышлялъ, какъ бы ему пустить въ ходъ свою напускную важность; прокуроръ мечталъ о побѣдѣ надъ защитниками; присяжные, съ своей стороны, мысленно предрѣшали судьбу находившихся противъ нихъ подсудимыхъ, исподлобья поглядывавшихъ на ихъ безукоризненно выбритые подбородки, бархатные жилеты, спокойные взоры и румяно-полныя лица.

Засѣданіе открылось. Пока секретарь протяжно читалъ обвинительный актъ, прокуроръ шепталъ подъ носъ свою рѣчь. Въ этой рѣчи онъ намѣренъ былъ прежде всего широкою кистью набросать картину величественнаго строя современнаго общества, зиждущагося на іерархіи. Лѣстница выходила чудная, всѣ роды и виды власти соединялись тутъ. И власть королевская, и власть законодательная, и власть административная. Право и сила сливались въ одно гармоническое цѣлое.

«И рядомъ — гнусная анархія... Чего же добивалось это святотатственное злоумышленіе, посягая на изображенный выше грандіозно-монументальный общественный строй? Ужели злоумышленники хотѣли разрушить до основанія твореніе самого Провидѣнія, славу ума человѣческаго? Ужели хотѣли они потрясти самыя основы общества, разрушить его спокойствіе, подорвать уваженіе къ власти, наложить руки на распредѣленіе богатствъ, положить конецъ процвѣтанію искусствъ и покровительствующей имъ роскоши? Ужели они не ужасались при мысли, что на мѣсто разрушенной ими цивилизаціи должна наступить эпоха варварства?...»

Эта картина напугаетъ присяжныхъ, думаетъ про себя прокуроръ, и защитнику трудно будетъ подорвать впечатлѣніе,

которое она произведетъ. И конечно, разбойниковъ упекутъ. Затѣмъ, нарисовавъ картину гибели, угрожающей обществу, я перейду къ настоящему случаю и выставлю въ истинномъ свѣтѣ намѣренія Жермена, главы заговора. Всѣ данныя противъ него! Но вопросъ: что будутъ показывать эти скалдырники, его товарищи? Какъ бы не напутали! Во всякомъ случаѣ, мыслящимъ, руководящимъ элементомъ всѣхъ козней останется у меня Жерменъ. Когда я проберу его надлежащимъ манеромъ, тогда всею силою краснорѣчія взову къ присяжнымъ, требуя дружнаго единодушнаго дѣйствія противъ общественнаго зла, т.-е. противъ мыслящей нищеты, неперестающей дѣлать попытки къ возстанію и нежелающей искренно и честно подчиниться своей участи! Кажется, будетъ недурно.

Секретарь оканчивалъ между тѣмъ чтеніе обвинительнаго акта.

Подсудимые, кромѣ Жермена, были такъ безличны, что какъ обвиненію, такъ и защитѣ трудно было дѣлать какія-либо догадки о ихъ предстоящихъ показаніяхъ. Адвокату удалось объяснить имъ, что если они будутъ признаны руководителями заговора, то имъ угрожаетъ четырехъ, или пятилѣтнее тюремное заключеніе, а потому имъ внушена была идея о необходимости отвергать обвиненіе въ дѣйствіи съобща, а утверждать, что сходбище на фабрикѣ Кадона было случайное. Хотя они поняли эту мысль и могли оцѣнить ея значеніе, но не умѣли удовлетворительно примѣнить ее къ данному случаю и послѣдовательно провести въ отвѣтахъ на вопросы, предлагаемые судьями, присяжными и прокуроромъ. Одинъ изъ подсудимыхъ былъ обвиненъ въ нанесеніи оскорбленія полицейскому, другой въ нанесеніи раны жандарму, третій — въ выбиваніи стеколъ на фабрикѣ, и четвертый въ участіи въ разрубленіи газопроводныхъ трубъ. Что жь касается тѣхъ, которые совершали насилія надъ Кадономъ, и угрожали ему висѣлицей, то ихъ открыть не могли, сколько ни хлопотали. Хотя самъ Кадонъ и его семейство и могли, по всей вѣроятности, назвать ихъ по именамъ, но они принуждены были молчать вслѣдствіе предостереженія, пренебречь которымъ боялись.

Обвинительная власть, впрочемъ, и не заботилась, много объ этихъ мелочахъ: будутъ или не будутъ приведены въ ясность аксесуары процесса, для нея было совершенно безразлично. Ей всего болѣе хотѣлось внушить присяжнымъ и публикѣ мысль объ обширномъ, обдуманномъ заговорѣ. Развитіе этой мысли составляло всю суть задачи прокурора. Защитники поняли это уже изъ обвинительнаго акта и приготовились къ дѣйствію сообразно съ этими обстоятельствами.

Когда предсѣдатель суда спрашивалъ обвиненныхъ, подговаривалъ ли ихъ кто нибудь наканунѣ возстанія идти на фабрику Кадона, они отвѣчали: нѣтъ, никто.

— Значитъ, вы пошли туда по собственной иниціативѣ?

Молчаніе.

— Понимаете ли вы мой вопросъ? пошли вы сами по себѣ, не зная о томъ, что и другіе пойдутъ же, или руководились какимъ нибудь стороннимъ побужденіемъ?

— Я зналъ, что всѣ будутъ тамъ, потому что видѣлъ, какъ всѣ пошли, отвѣчалъ первый спрошенный.

— Въ такомъ случаѣ, вы были увлечены общимъ движеніемъ, или, быть можетъ, пошли туда изъ любопытства.

— Нѣтъ, не изъ любопытства.

— Идя туда, замышляли ли вы что нибудь противъ г. Кадона?

— Нѣтъ, о немъ даже и рѣчи не было до той самой минуты, какъ меня арестовали.

— По какому же поводу пошли вы на его фабрику?

— Наканунѣ всѣ мои товарищи сказали, что пойдутъ туда, а потому и я пошелъ.

— Вы только-что сказали, будто никто не звалъ васъ туда; вы, значитъ, лгали передъ судомъ?

— (*Энергично*) Нѣтъ, никто меня не звалъ. Просто сказали: завтра пойдемъ къ Кадону — и больше ничего.

— И этого было для васъ достаточно, чтобы тоже пойти? Вы развѣ не понимали, что дѣло шло о противозаконномъ сборищѣ?

Новое молчаніе. Подсудимый шепчетъ: «чего они отъ меня хотятъ?»

— Кто же именно говорилъ вамъ о томъ, что на другой день будетъ сборище у Кадона?

— (*Грубо*) Не знаю. Всѣ, кого я ни встрѣчалъ.

— А вы говорили ли кому нибудь объ этомъ?

— Какъ-же, тоже всѣмъ, кого ни встрѣчалъ.

Прокуроръ торжествуетъ на минуту; но защитникъ подсудимаго встаетъ и проситъ предсѣдателя спросить его кліента, существовало ли какое либо соглашеніе о томъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать на фабрикѣ Кадона? Предсѣдатель исполняетъ эту просьбу и получаетъ отрицательный отвѣтъ.

— Но явившись на фабрику, вы не могли не понять, что участвуете въ манифестаціи, имѣющей цѣлью вынудить увеличеніе заработной платы?

— Совсѣмъ напротивъ. Я былъ совершенно увѣренъ въ

томъ, что Кадонъ ни въ какомъ случаѣ не увеличитъ плату. Развѣ такая собака, какъ Кадонъ, способ...

— Подсудимый! не оскорбляйте вашего хозяина въ святилищѣ правосудія! И перестаньте увертываться! Вамъ не удастся увѣрить судей, что вы явились къ Кадону безъ всякаго намѣренія.

— Нѣтъ, я имѣлъ намѣреніе: я хотѣлъ сказать ему, что всѣ мы голодны. Вѣдь долженъ же былъ и онъ, наконецъ, узнать объ этомъ.

— Вы хотите увѣрить судъ, что вы были неспособны понять значеніе задуманнаго вами поступка. Гг. присяжные оцѣнятъ такое показаніе, и рѣшатъ, что̀ въ немъ заключается: уловка ли съ вашей стороны, или вы, въ самомъ дѣлѣ, были только пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка, болѣе дальновиднаго, чѣмъ вы.

Слова эти были какъ бы намекомъ на значеніе Жермена, къ допросу котораго, слѣдуя очереди, приходилось теперь приступить.

Полина съ матерью были здѣсь же, въ числѣ публики; онѣ сидѣли въ амбразурѣ одного изъ оконъ большой готической залы, въ которой помѣщался руанскій ассизный судъ.

Полина сидѣла какъ разъ противъ скамьи подсудимыхъ, и молча слѣдила за малѣйшимъ измѣненіемъ лица Жермена. Но она не обладала для этого достаточнымъ хладнокровіемъ. Она, привыкшая жить уединенно, была смущена какъ невиданной доселѣ обстановкой, такъ и толпой, наполнявшей залу. Все это произвело нервное разстройство, недозволявшее ей дать себѣ ясный отчетъ о томъ, что̀ вокругъ нея происходило. Она не въ состояніи была слѣдить ни за вопросами, предлагаемыми подсудимымъ, ни за ихъ отвѣтами. Но одинъ голосъ, раздававшійся въ залѣ, заставлялъ ее вздрагивать. Это былъ голосъ предсѣдательствующаго. Когда онъ говорилъ, она, хотя и неспособна была понять смысла его словъ — такъ сильно было ея волненіе — чувствовала себя какъ бы раздавленною, уничтоженною. Когда же начиналъ говорить подсудимый, сердце ея билось такъ сильно, дыханіе такъ захватывало, что она была близка къ потерѣ сознанія; все окружавшее смѣшивалось въ одно смутное представленіе. Она едва смѣла поднимать глаза — такъ ее конфузили любопытные взоры, устремленные на нее со всѣхъ сторонъ. Да къ тому-жъ, во всей этой толпѣ она не видѣла ни одного знакомаго лица. Жакъ былъ здѣсь, конечно; но онъ находился въ заднихъ рядахъ толпы. Не видно было также ни Жюльеты, ни Фернанда, хотя Полина и знала, что

Жюльета не ходила на фабрику, по случаю починки пароваго котла, лопнувшаго наканунѣ. Фернандъ тоже не уѣзжалъ никуда изъ Руана. Что̀-же они дѣлали, гдѣ они были?

Въ это время они предавались своей безумной страсти, забывъ и друзей и несчастія, ихъ постигшія, и, наконецъ, весь міръ. Они находились въ мастерской Фернанда, гдѣ обыкновенно проводили свои счастливѣйшіе часы; Жюльета сидѣла у его ногъ на мѣховомъ коврѣ; она была въ одной рубашкѣ, едва прикрывавшей ея высокую грудь...

Но возвратимся въ залу суда.

Жерменъ понялъ, что послѣднія слова, сказанныя предсѣдателемъ, относились къ нему, и приготовлялся возражать. Онъ не придавалъ большой важности своему оправданію, имѣя въ виду выполненіе того высокаго назначенія, которымъ былъ теперь облеченъ. Какъ можно было уже угадать, онъ, по выходѣ изъ тюрьмы, вошелъ въ сношенія съ тайными обществами, получившими тогда во Франціи сильное развитіе. Этимъ объяснялись и его частыя отлучки по ночамъ, и перемѣна въ образѣ жизни, о которой было говорено. Жерменъ былъ человѣкъ способный на жертвы, если только жертвы поднимали его значеніе между товарищами. Надежда имѣть вліяніе могла возбудить его къ энергической дѣятельности. И въ этотъ разъ онъ съ увлеченіемъ взялся за дѣло, заключавшееся въ возбужденіи умовъ, которое онъ могъ произвести разумной и мужественной защитой интересовъ рабочихъ передъ судомъ.

— Очевидно, сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ Жермену:— что ваши несчастные товарищи были только орудіемъ въ вашихъ рукахъ, и что одни вы, побуждая ихъ въ возстанію, имѣли опредѣленную цѣль.

— Если у меня была другая цѣль, кромѣ доставленія хлѣба какъ себѣ, такъ и имъ, то вы очень обяжете меня, г. предсѣдатель, если сдѣлаете ее мнѣ извѣстной.

— Ваша иронія неумѣстна. Очевидно, вы хотѣли напугать хозяевъ, показавъ, какой силой можетъ обладать возстаніе работниковъ.

— Странно! люди, неумѣющіе держать въ рукахъ ни ружья, ни палки, ни ѣздить верхомъ, люди, едва стоящіе на ногахъ отъ усталости и голода... эти люди способны кого-нибудь напугать! Но что же они могутъ противъ вашихъ жандармовъ, драгуновъ и кирасировъ, противъ вашей пѣхоты, состоящей изъ нашихъ же сыновей и братьевъ, которыхъ вы посылаете противъ насъ же?

Въ тонѣ, которымъ были произнесены послѣднія слова, слы-

шалось вліяніе того революціоннаго духа, который потрясаетъ повременамъ французскій народъ. Всѣ присутствующіе невольно вздрогнули.

— Не ищите оправданій въ вашей мнимой слабости: вы не можете не знать, что одна многочисленность часто составляетъ силу. Впрочемъ, не объ этомъ рѣчь; вы нарушили законъ, а этого довольно для обвиненія.

— Законъ? законъ мнѣ неизвѣстенъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? что вы не признаете закона, или что вы его не знаете?

— Я не могу не признавать того, чего не знаю.

Впродолженіе нѣсколькихъ мгновеній на лицѣ подсудимаго можно было прочесть нерѣшительность. Ему было, очевидно, трудно понять слова предсѣдателя, нарочно пускавшагося въ тонкости, чтобъ смутить его. Но трудность была побѣждена, отвѣтъ — мѣтокъ. Присутствующіе были поражены.

— Всякій французъ долженъ знать законъ, возразилъ предсѣдатель.

— Легко сказать! да гдѣ-жъ я могъ его узнать?

— Какъ, вы развѣ никогда не слыхали о книгѣ, изъ которой всякій можетъ почерпнуть знаніе законовъ?

— Я не умѣю читать.

— Въ этомъ вы сами виноваты! Отчего вы не учитесь въ свободные часы, вмѣсто того, чтобъ предаваться пьянству?

— Учиться читать, когда никто не учитъ, это не такъ легко, какъ проглотить шкаликъ. Когда васъ вздумали учить полатыни, г. предсѣдатель, то навѣрное помѣстили въ школу.

Предсѣдатель понялъ, что сдѣлалъ промахъ, поднявъ вопросъ, относящійся къ народному образованію, и уже горячо разбиравшійся оппозиціонной журналистикой.

— Здравый смыслъ всякаго честнаго гражданина можетъ внушить ему, что посягательство на общественный порядокъ есть преступленіе. Понятно, что дурной мужъ, дурной отецъ, какъ вы, не могъ остановиться ни передъ мыслію о слезахъ, мученіяхъ и позорѣ, падающихъ на головы вашей жены и дочери, ни даже передъ страхомъ кровопролитія. Не скажете ли вы, что ничего этого вы не могли предвидѣть? Но, можетъ быть, вы отопретесь даже отъ того, что употребляли угрозы для принужденія товарищей къ участію въ задуманномъ вами возстаніи?

Привлекая вниманіе присяжныхъ и публики на Жермена, какъ на дурнаго мужа и злого отца, предсѣдатель сильно ронялъ его во мнѣніи тѣхъ и другихъ. «Онъ золъ, онъ бьетъ жену»,

слышалось со всѣхъ сторонъ. Одинъ противъ всѣхъ, подсудимый съ удвоенной энергіей продолжалъ:

— Я утверждаю еще разъ, что товарищей я не возбуждалъ, если не называть, впрочемъ, возбужденіемъ приглашеніе идти къ г. Кадону, чтобъ просить его открыть прядильни, и отмѣнить скидку сантима на фунтъ хлопка. Не отрицаю и того, что тѣмъ, которые колебались, я говорилъ: «подлецъ ты, коли не хочешь идти!» Я употреблялъ, впрочемъ, другое слово, которое, изъ уваженія къ гг. судьямъ и присяжнымъ, не повторяю. Что же касается до моихъ отношеній къ женѣ и дочери, до этого, я полагаю, нѣтъ никому дѣла. Развѣ жена и дочь обвиняютъ меня? Если онѣ сами возвысятъ противъ меня голосъ, я, можетъ быть, и повинюсь передъ ними; но никто здѣсь не имѣетъ права говорить отъ ихъ имени.

— Умѣрьте ваши выраженія, подсудимый; иначе, я отниму у васъ право слова.

— Извините, г. предсѣдатель. Ну да, сказалъ Жерменъ, обращаясь къ публикѣ: — я злой, презрѣнный человѣкъ, я пьянствую, я бью жену, я тираню дочь, но какъ же вы хотите, чтобъ было иначе? Когда я работаю цѣлую недѣлю до одурѣнія, и отравляю себя пылью отъ хлопка, впродолженіе двѣнадцати часовъ въ сутки? Что-жъ мнѣ дѣлать въ воскресенье? Куда идти? не вертѣть же мнѣ весь день палецъ около пальца? Одурѣлый, разбитый, усталый, я иду въ кабакъ; тамъ я нахожу покой и развлеченіе. Я хорошо знаю, что пью всякую дрянь, подмѣшанную къ водкѣ, и что выйду оттуда почти съумасшедшимъ. Но вѣдь я человѣкъ, и мнѣ нужны иногда минуты забвенія. Еслибъ я вмѣсто простой водки пилъ, какъ всякій изъ васъ, хорошее бургонское или шампанское, опьяненіе мое было бы веселое, и я ласкалъ бы, а не билъ жену мою. Нельзя сказать, чтобъ я не раскаявался, но зачѣмъ говорить объ этомъ, если я не могу ручаться, что измѣню образъ жизни. Вотъ уже шесть недѣль, какъ я пробую не пить; но это мнѣ не удается: руки у меня дрожатъ, ноги подкашиваются, сердцебіеніе страшное. Немного терпѣнія, господа! мнѣ сорокъ лѣтъ, а знаете ли вы, что̀ это значитъ? Мы, прядильщики, рѣдко живемъ долѣе. Жена и дочь будутъ скоро освобождены отъ ихъ мучителя; да и вамъ не на что будетъ жаловаться! Старая кляча издохнетъ за работой, и вамъ не придется платить за содержаніе ея въ богадѣльнѣ. Повѣрьте, что нашъ братъ умѣетъ тянуть лямку до конца.

Гробовое молчаніе царствовало въ залѣ. Всѣ слушали внимательно. Но слова Жермена такъ живо задѣвали многихъ изъ

присутствующихъ, что состраданіе заглушалось раздраженіемъ. Ничто не можетъ быть такъ невыносимо тѣмъ, которые такъ или иначе пользуются недостатками современнаго общественнаго строя, какъ жалоба жертвъ этого строя. Задушить слово и подавить мысль, было всегдашнею мыслію эксплуататоровъ всѣхъ родовъ, всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ.

— Вы удаляетесь отъ вопроса, сказалъ предсѣдатель подсудимому.

— Вопросъ очень простой: работники Кадона были лишены работы, потому что не хотѣли принять сбавку двухъ сантимовъ на килограммъ. «Что ты объ этомъ думаешь, дядя Жерменъ? спросили они меня:—правы мы будемъ, если примемъ это условіе?»—-Не думаю, отвѣчалъ я имъ:—если вы получите пятнадцать франковъ въ недѣлю, то этого не хватитъ, чтобъ не издохнуть съ голоду съ женой и дѣтьми. Вмѣсто того, чтобы покончить разомъ, вы только будете морить себя исподволь. «Ты правъ, сказали они:—но что же намъ дѣлать? какимъ образомъ дать знать Кадону, что мы рѣшились не уступать, тѣмъ болѣе, что ему самому нѣтъ выгоды закрывать мастерскую? вѣдь у него превосходныя машины, которыя испортятся отъ бездѣйствія? Еслибъ онъ зналъ, что мы будемъ стоять на своемъ, онъ, пожалуй, и уступилъ бы; это все равно какъ между покупателемъ и покупщикомъ: кто держится крѣпче, тотъ и беретъ верхъ!» — Ну, такъ пошлите кого нибудь изъ вашихъ переговорить съ нимъ! «А! вотъ это прекрасно; но только вѣдь всякому, кто пойдетъ къ нему, онъ можетъ сказать: ты буянъ, ты возбуждаешь товарищей!» — Въ такомъ случаѣ, ступайте всѣ; онъ увидитъ, что всѣ дѣйствуютъ свободно и дружно. «Такъ и ты ужь пойди съ нами! ты вѣдь за словомъ въ карманъ не лѣзешь; если надо будетъ говорить, ты и поведешь рѣчь». Вотъ такимъ-то образомъ я съ ними и пошелъ. Вы говорите, что я употреблялъ угрозы, чтобъ заставить идти, но развѣ одинъ можетъ принудить цѣлую массу людей повиноваться себѣ? да наконецъ, чѣмъ же бы я могъ имъ угрожать? Г. прокуроръ говоритъ, что я ихъ побуждалъ къ произведенію безпорядковъ; напротивъ, я ихъ удерживалъ, потому что большинство хотѣло переломать и сжечь машины.

— Вы съ большимъ искусствомъ оправдываете себя, возразилъ предсѣдатель:—но мы спросимъ сейчасъ свидѣтелей, которые покажутъ, быть можетъ, совершенно другое.

— По чести, г. предсѣдатель, я не придавалъ большой важности тому, что мы пойдемъ къ г. Кадону. Вы называете это стачкой — прекрасно; но что̀ же такое не стачка? По всей вѣ-

роятности, такъ будетъ называться только такое дѣйствіе, когда люди издыхаютъ съ голоду у себя дома, стараясь и послѣдній свой вздохъ испустить сколь возможно осторожнѣе? Г. прокуроръ говоритъ, что настоящій порядокъ вещей необходимъ для того, чтобъ наши хозяева могли пользоваться роскошью, то-есть, чтобы они могли имѣть хорошія кареты, красивыхъ лошадей, вкусные обѣды, и чтобы они могли ѣздить въ театры, на балы и т. п. Онъ говоритъ, что таковъ законъ, и что это дѣлаетъ честь странѣ. А я думалъ до сихъ поръ, что честь странѣ дѣлало бы то, еслибы не было людей, умирающихъ съ голоду. Промышленность поддерживаетъ свои машины, отчего же не поддерживаетъ она своихъ работниковъ? Я много думалъ о положеніи работника, и рѣшилъ, что его положеніе самое незавидное; онъ какъ-то выдѣленъ изъ общества, онъ никогда и ничѣмъ не можетъ заявить о себѣ. У купца есть объявленія и вывѣски; у васъ, гг. избиратели, есть депутаты, поддерживающіе ваши интересы передъ правительствомъ; депутатамъ этимъ—замѣтьте — дозволяются стачки для того, чтобъ положить черный или бѣлый шаръ, по тому или другому вопросу, возникающему въ палатѣ; у всѣхъ, однимъ словомъ, есть голосъ, посредственный или непосредственный. Но работникъ — сущая собака; у него отнято право слова, и когда кто-нибудь даетъ ему пинки, то требуется еще, чтобъ онъ жестомъ выразилъ за это свою благодарность.

Горечь, съ которой Жерменъ высказывалъ эти мысли и чувства, начинала сообщаться присутствующимъ. Подсудимый овладѣвалъ общимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Состояніе, въ которомъ находились его жена и дочь, служило въ его пользу. Мадлена сидѣла сложа руки на колѣняхъ, наклоня голову впередъ, не подымая глазъ на своего мужа; по щекамъ ея медленно текли двѣ крупныя слезы; ей въ первый разъ пришлось плакать послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Во взорѣ Полины не трудно было прочесть симпатію, полную энтузіазма, придававшаго ей бодрость. Отвѣты ея отца были первою рѣчью, понятою ею въ теченіе всего засѣданія. Нравственная высота идей, выраженныхъ этою рѣчью, поразила ее, и она рѣшила въ сердцѣ своемъ, не только, что Жерменъ правъ, но что дѣло, поддерживаемое имъ—свято. Ей казалось невозможнымъ, чтобы могъ найтись человѣкъ, способный произнести иной приговоръ. Она вѣрила, и была спокойна.

Послѣ нѣсколькихъ малозначущихъ вопросовъ—допросъ Жермена окончился. Заключая его, предсѣдатель далъ понять, что онъ не прерывалъ рѣчь подсудимаго только потому, что не

хотѣлъ стѣснять защиты, хотя на его обязанности и лежитъ протестъ противъ «неправильныхъ, оскорбительныхъ и преувеличенныхъ жалобъ», высказанныхъ Жерменомъ на настоящій общественный строй. Показанія свидѣтелей и прочихъ подсудимыхъ, которыми докончилось судебное слѣдствіе, доказали, что Жерменъ никого не подстрекалъ къ безпорядкамъ. Адвокатъ шепнулъ ему, что нужно остановиться на этомъ благопріятномъ впечатлѣніи, и, въ свою очередь, приступилъ къ защитительной рѣчи, въ которой съумѣлъ смягчить все, что̀ было жестокаго и язвительнаго въ только что произнесенныхъ словахъ подсудимаго. Онъ объяснялъ дѣйствія своего кліента неизбѣжнымъ слѣдствіемъ соціальнаго неблагоустройства, въ которомъ никто не виноватъ, и жертвы котораго вполнѣ достойны сожалѣнія. Онъ представилъ картину страданій подсудимаго съ такимъ искусствомъ, что всѣ были тронуты. Онъ блистательно доказалъ, что страданія эти возрастаютъ пропорціонально умственному развитію страдающаго, и что простѣйшее и естественнѣйшее средство излеченія заключается въ стараніи забыть свою болѣзнь. Увы! не было ли именно это причиной того, что Жерменъ предавался пьянству?

Защитникъ не пробовалъ скрывать слабости своего кліента, но старался представить ее величайшимъ изъ всѣхъ несчастій. Нравственное униженіе, развитіе звѣрскихъ инстинктовъ, вѣчно раздражительное состояніе—вотъ каковы печальныя послѣдствія нищеты! Затѣмъ онъ развилъ мысль, что лучшее изъ обезпеченій, доставляемыхъ богатствомъ, есть обезпеченіе отъ гнета пороковъ.

Эти неоспоримыя истины никогда, быть можетъ, непоражавшія умы присутствующихъ такою яркою очевидностью, какъ въ этотъ разъ, увлекли даже и тѣхъ, которые всего болѣе склонны были къ ихъ опроверженію. Задача прокурора стала до крайности трудною. Онъ былъ совершенно разбитъ на почвѣ общихъ положеній. Бѣдствія подсудимаго были гораздо осязательнѣе, чѣмъ тѣ опасности, которыми угрожало обществу возстаніе. Поддерживать обвиненіе стало возможно лишь при помощи уловокъ: пришлось дѣлать натяжки при толкованіи свидѣтельскихъ показаній и подъискивать разныя статьи закона, примѣнимость которыхъ была вопросомъ спорнымъ. Соорудивъ свои новыя возраженія на этихъ основаніяхъ, прокуроръ старался доказать, что сборище на фабрикѣ Кадона было не случайное, что рабочіе дѣйствовали по плану, заблаговременно составленному Жерменомъ, и что, слѣдовательно, они должны быть осуждены, какъ мятежники. Адвокатъ Жермена

отвѣчалъ въ свою очередь, и старался доказать въ особенности, что сходка не была предумышленна, точно такъ же, какъ и остальныя дѣйствія подсудимыхъ. Онъ былъ энергически поддержанъ адвокатами другихъ обвиненныхъ. Эти послѣдніе ничего не прибавили въ свою защиту. Въ заключеніе, предсѣдатель, по обыкновенію, спросилъ Жермена, не имѣетъ ли онъ прибавить что либо въ свое оправданіе.

— Я не считаю себя виноватымъ, сказалъ онъ: — потому что, участвуя въ собраніи, происходившемъ на фабрикѣ г. Кадона, я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Я бы желалъ для жены моей и дочери, чтобъ вы признали меня невиновнымъ. Что же касается меня самаго, то увѣряю васъ, вамъ трудно будетъ придумать мнѣ наказаніе: тюрьма меня не страшитъ, потому что въ тюрьмѣ я найду покой, а работа меня губитъ; казенный хлѣбъ не хуже того, который я всегда привыкъ ѣсть; свободой же я и теперь пользуюсь только тогда, когда сплю, слѣдовательно, буду пользоваться ею и въ тюрьмѣ.

Скорѣе грустная, чѣмъ высокомѣрная рѣшимость, сказавшаяся въ словахъ Жермена, все болѣе и болѣе брала верхъ надъ враждебными интересами, возбужденными первою его рѣчью. Въ настоящую минуту онъ внушалъ къ себѣ сожалѣніе, смѣшанное съ уваженіемъ.

Присяжные удалились для совѣщаній.

Полина, успокоенная на минуту видимымъ успѣхомъ защитительной рѣчи отца, снова взволновалась. Ее удивляло, что отецъ ея не былъ оправданъ немедленно же. Медленность хода дѣла, соблюденіе формальностей, все это основывалось на совершенно чуждомъ ей строѣ понятій. Все это возмущало ее до глубины души и испытывало терпѣніе ея выше мѣры. Она дико смотрѣла на бывшую впереди блестящую толпу, и въ первый разъ въ жизни находила для нея въ мысляхъ своихъ только проклятія.

Наконецъ, раздался звонокъ, возвѣщающій возвращеніе присяжныхъ. Жерменъ и его товарищи, выведенные на время изъ залы, снова заняли свои мѣста на скамьѣ подсудимыхъ. Полина невольнымъ движеніемъ встала, но тотчасъ же, по приказанію предсѣдателя, должна была сѣсть. Сердце ея сжималось, она едва удерживала душившія ее слезы.

Присяжнымъ было предложено нѣсколько вопросовъ. Вопервыхъ, ихъ спрашивали: были ли виновны подсудимые въ подстрекательствѣ къ стачкѣ? Отвѣтъ былъ положительный по отношенію къ Жермену, и отрицательный относительно прочихъ подсудимыхъ. Вовторыхъ, требовалось рѣшить, возбуждали ли

подсудимые другихъ рабочихъ къ насиліямъ и буйствамъ, совершеннымъ на фабрикѣ Кадона? Они отвѣчали: «нѣтъ» для Жермена, и «да» для другихъ. Обвиненіе въ руководствѣ возстаніемъ падало единственно на Жермена, въ силу чего, какъ онъ и предвидѣлъ, ему было опредѣлено двухлѣтнее тюремное заключеніе.

Жерменъ не выказалъ ни малѣйшаго волненія. Адвокатъ же его говорилъ съ досадой: «нельзя было и ожидать лучшаго, потому что судьями нашими были люди противной партіи!» Онъ говорилъ правду: во всякомъ промышленномъ городѣ въ присяжные выбираются буржуа, которые, конечно, смотрятъ на дѣло съ своей точки зрѣнія.

Полина и Мадлена были убиты горемъ, и Жерменъ въ первый разъ въ жизни былъ искренно тронутъ симпатіей, которую выказали ему жена и дочь. Когда они разстались, было жаль смотрѣть на этихъ несчастныхъ женщинъ, тихо и молча шедшихъ рука объ руку домой. Онѣ были такъ разстроены, что самыя любопытныя женщины не рѣшались подойти къ нимъ, и спросить, чѣмъ окончился процессъ.

Недолго пришлось сидѣть бѣдному старику въ тюрьмѣ. Воздержная жизнь, и прежде уже скверно дѣйствовавшая на его здоровье, тоска и скука свели его въ могилу. Мадлена не могла пережить этой потери, и скоро послѣдовала за нимъ. Всѣ остальные герои нашего романа (кромѣ Жораля) продолжали попрежнему бѣдствовать и работать съ утра до вечера изъ-за насущнаго хлѣба; но положеніе ихъ, какъ и всѣхъ вообще руанскихъ рабочихъ, нисколько не улучшалось. Всѣхъ тяжелѣе было Жюльетѣ: вскорѣ послѣ того, какъ Жораль бросилъ ее и уѣхалъ въ Англію, у нея родился ребенокъ. Сводить концы съ концами стало еще труднѣе: нравственное же существованіе ея было совершенно разбито. И еслибъ не Полина, то, быть можетъ, она окончила бы самоубійствомъ. Благоденствовалъ одинъ Жораль. Онъ, забывъ свои руанскія похожденія и женясь въ Англіи на богатой невѣстѣ, сталъ помогать отцу въ эксплуатаціи рабочихъ, и совсѣмъ бросилъ свои мимолетныя художническія фантазіи.

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И ВЪ СТОЛИЦѢ *.

V.

Послѣднія двѣ статьи были посвящены описанію прошлогодняго голода въ одной изъ губерній средней полосы и объясненію общихъ причинъ крестьянской бѣдности; въ настоящей статьѣ я продолжаю печатаніе замѣтокъ о сельской и вообще провинціальной жизни, набросанныхъ мною еще въ 1866 году, вслѣдъ за первымъ моимъ посѣщеніемъ этой губерніи, и потомъ дополненныхъ при моихъ послѣдующихъ лѣтнихъ поѣздкахъ какъ въ эту, такъ и въ нѣкоторыя другія губерніи. При окончательной обработкѣ этихъ замѣтокъ я воспользовался также нѣкоторыми свѣдѣніями, опубликованными въ недавнее время и имѣющими близкую связь съ излагаемыми мною предметами.

Что̀ думаютъ и говорятъ крестьяне про земскія учрежденія? Столичный читатель будетъ не мало удивленъ, когда я ему скажу, что, въ бытность мою въ этой губерніи лѣтомъ 1866 года, тамошніе крестьяне ровно ничего про земскія учрежденія не вѣдали и даже не подозрѣвали ихъ существованія, хотя они были тамъ открыты уже около полугода (первое губернское земское собраніе открыто 10 февраля 1866 г.). «Да вѣдь вы же выбирали гласныхъ въ земство, посылали, значитъ, своихъ довѣренныхъ въ уѣздный городъ» говорилъ я крестьянамъ. «А Богъ же ихъ знаетъ, куда и зачѣмъ мы ихъ выбирали; велѣли выбрать, мы и выбрали». «Но вѣдь съ васъ собираются деньги на земство» — допытывался я у крестьянъ. «И этого вамъ сказать мы не умѣетъ, на что собираютъ съ насъ деньги, потому что мы люди темные; вотъ еще по веснѣ сбирали по 15 коп. съ души, а на что—не вѣдаемъ». Посѣтивъ тѣ же мѣста въ прошедшемъ году, я нашелъ, что хотя крестьяне и знали уже

---

* См. «Отеч. Зап.» 1867 г. №№ 18 и 20 и 1868 г №№ 11 и 12.

про существованіе земскихъ управъ, преимущественно по случаю выдававшихся имъ пособій на продовольствіе, но ни о существѣ земскихъ дѣлъ, ни объ обязанностяхъ гласныхъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ волостныхъ старшинъ. На выборъ гласныхъ въ земскія собранія крестьяне смотрятъ еще, какъ на отбываніе нѣкоторой новой повинности, цѣли которой они и сами не понимаютъ; о какихъ нибудь съ ихъ стороны уполномочіяхъ, или инструкціяхъ гласнымъ не можетъ быть слѣдовательно и рѣчи. Понятно, каковы должны быть и гласные при такомъ выборѣ и насколько можно ожидать отъ нихъ самостоятельности и пониманія дѣла. Значитъ, земство есть пока для крестьянъ одна формальность, а существо дѣла будетъ въ рукахъ дворянскаго сословія, или, лучше сказать, въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ изъ этого сословія, болѣе или менѣе удачно выбранныхъ, ибо, какъ я упоминалъ въ первой статьѣ, самые помѣщики здѣшніе весьма мало интересуются земствомъ; большинство ихъ вовсе не читало земскаго положенія и было бы поставлено въ немалое затрудненіе, еслибы ему было предложено дать какія нибудь уполномочія своимъ гласнымъ.

Видя равнодушіе къ земскимъ учрежденіямъ со стороны помѣщиковъ и почти совершенное невѣдѣніе о существѣ этихъ учрежденій со стороны крестьянъ, я невольно вспомнилъ горячіе споры, возникшіе въ нашей литературѣ при самомъ началѣ этихъ учрежденій. Одни изъ нашихъ публицистовъ видѣли въ нихъ установленіе чисто демократическое, нивеллирующее всѣ сословія и предоставляющее рѣшительное преобладаніе въ земскихъ дѣлахъ темной массѣ крестьянъ; другіе, напротивъ того, провозглашали земство учрежденіемъ вполнѣ аристократическимъ, дающимъ дворянству огромный перевѣсъ въ земскихъ собраніяхъ надъ другими сословіями, и пророчили, что дворянство заберетъ все въ свои руки и будетъ дѣйствовать во вредъ крестьянскимъ интересамъ. Допытывались даже, которое изъ двухъ сословій способно и которое неспособно къ самоуправленію. По мнѣнію однихъ, прочные задатки самоуправленія хранятся у насъ только въ дворянствѣ, которое приготовлено-де къ этой роли всею своею предшествующею дѣятельностію, мнимое же самоуправленіе темной массы крестьянъ поведетъ-де лишь къ тому, что вся власть и все вліяніе въ земскихъ дѣлахъ очутятся въ рукахъ чиновничества. По мнѣнію другихъ, дворянство наше осьмидесятилѣтнимъ опытомъ (со времени жалованной грамоты) доказало свою неспособность къ самоуправленію, тогда какъ крестьяне всегда и вездѣ, гдѣ до-

зволяли имъ обстоятельства, обнаруживали вѣрный инстинктъ самоуправленія. Сколько въ этихъ спорахъ потрачено было замѣчательнаго краснорѣчія и ораторскаго жара! Одного, какъ мнѣ кажется, было здѣсь мало—практическаго, чисто житейскаго взгляда на дѣло. Утверждать, что русскій народъ, или какое бы то ни было изъ его сословій, проявляли когда нибудь яркую способность къ самоуправленію, едва-ли не окажется патріотическимъ увлеченіемъ, когда мы припомнимъ нашу тысячелѣтнюю исторію или оглянемся на то, что̀ дѣлается теперь вокругъ насъ. Но оставимъ этотъ предметъ въ сторонѣ: въ судьбахъ народовъ внѣшнія обстоятельства все-таки имѣютъ великое значеніе, и нѣтъ народа, который, при измѣненіи обстоятельствъ въ благопріятномъ для него смыслѣ, не былъ бы способенъ достигнуть извѣстной степени самопознанія и самодѣятельности. Практическая сторона вопроса состоитъ въ томъ, дѣйствительно ли которое-либо изъ двухъ упомянутыхъ сословій обнаруживаетъ въ себѣ наклонность къ преобладанію въ земскихъ дѣлахъ и къ утѣсненію прочихъ сословій.

Дворянство наше, какъ прежде никогда не проявляло, такъ и теперь не проявляетъ стремленія обратиться въ олигархію, или хотя бы въ тѣсно сомкнутую и единую по духу корпорацію, подобную, напримѣръ, англійской аристократіи. Огромное большинство нашего дворянства нисколько не смотритъ на крестьянъ враждебно, въ сословномъ смыслѣ; напротивъ того, дворянство, еслибы отъ него зависѣло, готово бы обѣими руками дать крестьянамъ всевозможныя гражданскія и политическія права. Надобно различать дѣйствія по принципу отъ дѣйствій въ силу обыкновенныхъ житейскихъ выгодъ и столкновеній. Старая западная аристократія была по принципу враждебна низшему, земледѣльческому и промышленному классу; она никогда не согласилась бы добровольно допустить поселянъ и горожанъ къ участію въ своихъ правахъ. Западно-европейскій аристократъ прежняго времени смотрѣлъ на плебея, какъ на существо низшей породы, неодаренное одинаковою съ дворяниномъ правоспособностію. Остатки этого убѣжденія и теперь еще существуютъ въ средѣ феодальнаго дворянства Западной Европы, несмотря на пронесшіяся надъ нею политическія бури, примявшія однихъ и поднявшія съ земли другихъ. Различіе между бѣлою и черною костью вполнѣ понятно только на феодальномъ западѣ. Наше дворянство, не взирая на бывшее въ его рукахъ суровое крѣпостное право, осталось чуждо и этой враждебности къ крестьянамъ, въ силу одного сословнаго принципа, и этого высокомѣрнаго на нихъ взгляда, какъ на существа низ-

шей породы. Тотъ самый помѣщикъ, который, при введеніи уставной грамоты, всячески старался спихнуть крестьянъ на какой нибудь песчаный бугоръ или въ кустарникъ (ибо и онъ, и его предки въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ считали крестьянскую землю своею полною собственностію), тотъ же самый помѣщикъ отъ души будетъ радъ сидѣть рядомъ съ крестьяниномъ въ какомъ угодно учрежденіи, и даже подчасъ станетъ усердно заботиться объ интересахъ чисто крестьянскихъ. Дѣло въ томъ, что наше дворянство никогда не было сословіемъ замкнутымъ и самостоятельнымъ; значительная часть его сама вышла изъ среднихъ и низшихъ классовъ народа. Правительственная власть тасовала и пополняла это сословіе по своему усмотрѣнію, какъ набираютъ рекрутъ въ армію и во флотъ или чиновниковъ для канцелярской службы. Тотъ же самый Петръ 1-й, который, своею табелью о рангахъ, положилъ начало усиленному пополненію дворянства ратными и приказными людьми изъ низшихъ сословій и который окончательно закрѣпостилъ крестьянъ за помѣщиками, тотъ же самый Петръ цѣлыми массами обращалъ въ податное сословіе столбовыхъ дворянъ, неявлявшихся на государеву службу, такъ называвшихся тогда *нѣтчиковъ*. Это разжалованіе дворянъ въ податное званіе продолжалось, хотя и въ гораздо меньшей степени, и при преемникахъ Петра В., до Петра III, который далъ дворянамъ право служить или не служить. Древняя Россія тѣмъ въ особенности отличалась отъ Западной Европы, что въ ней не было сословій въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, а было одно цѣльное земство, въ которомъ люди различались лишь по своимъ занятіямъ и служебнымъ должностямъ, или чинамъ (должности эти были: бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскіе и проч.). Всѣ подраздѣленія земства обязаны были повинностями къ государству и государю; только повинности эти различались по различію занятій и достатковъ каждаго земскаго подраздѣленія: одни платили подать съ сохи или промысла, другіе отбывали государеву службу въ ратномъ полѣ, въ приказахъ, судахъ и пр. Самое мѣстничество бояръ было обычаемъ отнюдь не сословнымъ, а чисто служебнымъ или чиновнымъ. Ни крѣпостное право, ни иностранныя нововведенія, начавшіяся съ Петра Вел., не могли совершенно изгладить этого всеземскаго строя въ русскомъ государствѣ; онъ исчезъ изъ законовъ и учрежденій, но сохранился въ памяти и нравахъ народа. Нерасположеніе русскаго народа къ сословнымъ привилегіямъ и выходящее оттуда равнодушіе его къ внѣшнимъ отличіямъ этихъ привилегій даютъ многимъ поводъ считать нашъ народъ самымъ демократическимъ въ Европѣ. Но такое

мнѣніе, очевидно, происходитъ отъ смѣшенія понятій: западный демократизмъ направляетъ свои удары вверхъ, стремится прежде всего поколебать центральную государственную власть; русское земское начало, когда оно имѣло еще силы себя отстаивать, вооружалось только противъ поглощенія общины и прежняго земскаго строя въ государственномъ управленіи сословнымъ разчлененіемъ и иноземною бюрократіею. Это нерасположеніе къ искусственно созданнымъ у насъ сословнымъ привилегіямъ и къ мелочному вмѣшательству бюрократіи во внутреннюю жизнь земства сохранилось и доселѣ въ нашемъ народѣ; но верховную власть онъ всегда окружалъ въ своемъ представленіи благоговѣйнымъ уваженіемъ и ставилъ ее на недоступную высоту, желая только, чтобы она непосредственнѣе опиралась на нравственныя силы самого народа и была бы высшимъ олицетвореніемъ народнаго генія, народнаго достоинства и народной любви къ отечеству. Не подлежитъ, какъ кажется, сомнѣнію, что эта безразличная сплоченность нашего стариннаго земства, это отсутствіе въ немъ рѣзко обозначенныхъ сословій съ сильнымъ корпоративнымъ духомъ, много содѣйствовали тому, что въ русскомъ народѣ слабо проявлялась способность къ самодѣятельности и самоуправленію: огромныя безразличныя массы всегда подчиняются притяженію одного сильнаго центра и могутъ существовать только подъ этимъ условіемъ. Но, съ другой стороны, эта же безразличность древне-русскаго строя спасла Россію отъ сословной розни, наполнившей западно-европейскую исторію столькими кровавыми страницами; она и доселѣ служитъ, какъ завѣтъ прошедшаго, связующимъ и примирительнымъ началомъ между нашими сословіями, хотя послѣдующія событія (крѣпостное право и бюрократія) какъ бы нарочно усиливались поставить ихъ во враждебное другъ къ другу положеніе.

Изъ всѣхъ правъ, усвоенныхъ дворянству прежними законами, оно дорожило только тѣми, съ которыми соединялась чисто матеріальная выгода, именно правомъ владѣть крѣпостными людьми и свободою отъ личныхъ податей и повинностей. На всѣ другія права, дарованныя ему жалованною грамотою и имѣвшія цѣлію создать изъ него нѣкоторое подобіе западной аристократіи, дворянство наше всегда смотрѣло равнодушно. Одни изъ этихъ правъ оно *отбывало* чисто формальнымъ образомъ, чтобы только исполнить букву закона, напримѣръ, право имѣть свой сословный судъ и выбирать изъ своей среды чиновниковъ на нѣкоторыя административныя должности; о другихъ же правахъ оно даже вовсе забыло, какъ о ненужной для него роскоши, напримѣръ о правѣ ходатайствовать о своихъ нуждахъ непосред-

ственно предъ верховною властью. Для большинства нашего дворянства было совершенною новостью, когда, во время преній объ освобожденіи крестьянъ, а потомъ при началѣ земскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ собраніяхъ и отчасти въ литературѣ поднятъ былъ вопросъ о жалованной грамотѣ и о нѣкоторыхъ поименованныхъ въ ней правахъ дворянства, и когда при этомъ господа ораторы и писатели усиливались придать этимъ правамъ какое-то политическое и весьма немаловажное значеніе, котораго въ сущности вовсе тамъ не заключалось. Наше дворянство, какъ нынѣшнее, такъ и прежняго времени, по весьма простому, но вѣрному инстинкту понимало, что эти яко бы политическія права, мимоходомъ и какъ бы для риторическаго украшенія упомянутыя въ жалованной грамотѣ, не могутъ имѣть никакого практическаго значенія внѣ общихъ политическихъ правъ всего народа, и потому поступило весьма благоразумно, позабывъ даже про самое существованіе этихъ мнимыхъ правъ.

Всѣ эти факты довольно убѣдительно доказываютъ, что наше дворянство, въ силу самаго своего происхожденія и своей исторіи, никогда не обнаруживало склонности къ сословной исключительности, къ образованію изъ себя сильной корпоративной единицы, однимъ словомъ, къ преобладанію въ государственной жизни провинцій, хотя бы, напримѣръ, въ такой степени, какъ эти стремленія обнаруживались всегда остзейскимъ дворянствомъ. Теперь же, когда дворянство лишилось своей главнѣйшей привилегіи — владѣнія крѣпостными людьми, когда личная подать съ низшихъ сословій должна, силою необходимости, рано или поздно, уступить мѣсто общему налогу на имущества и промыслы, когда самой воинской повинности предстоитъ современемъ упасть равномѣрно на всѣ сословія, теперь еще менѣе есть основаній предполагать, что наше дворянство будетъ проводить въ земскихъ дѣлахъ какіе-то свои исключительные интересы и затирать другія сословія. При новомъ порядкѣ вещей, главными отличіями дворянства отъ другихъ сословій становятся: болѣе крупное землевладѣніе и высшій уровень образованія. Но эти отличія вовсе не заключаютъ въ себѣ повода къ враждебнымъ столкновеніямъ дворянства съ другими сословіями; они даютъ ему положеніе вліятельнѣйшее и почетнѣйшее, но отнюдь не исключительное и враждебное въ средѣ земства.

Конечно, можетъ случиться, что въ какомъ-нибудь земскомъ собраніи между дворянскими представителями будетъ преобладать партія такъ-называемыхъ крѣпостниковъ, т.-е. людей, раздраженныхъ нынѣшними реформами и желающихъ выместить

на крестьянахъ свои потери, спихнуть на нихъ возможно большую часть тягостей, лежащихъ на земствѣ. Такихъ людей можно, пожалуй, назвать враждебными крестьянамъ по принципу, но отнюдь не по сословному принципу, а по принципу матеріальной выгоды или эгоизма. Принципъ этотъ есть общечеловѣческій и въ одинаковой мѣрѣ встрѣчается какъ въ странахъ аристократическихъ, такъ и въ государствахъ, подобныхъ Сѣверной Америкѣ, гдѣ нѣтъ ни аристократовъ, ни плебеевъ и никакихъ сословныхъ привилегій. У человѣка всегда есть стремленіе воспользоваться выгодами своего положенія для того, чтобы свалить на другаго часть своей собственной тяжести или чтобы употребить въ свою пользу часть чужаго труда и собственности. Такое стремленіе, проявляющееся, въ большей или меньшей степени, у всѣхъ людей, есть принадлежность животной природы человѣка, ибо человѣкъ, вмѣстѣ со всѣми животными, управляется инстинктивнымъ побужденіемъ, извѣстнымъ у новыхъ зоологовъ подъ названіемъ борьбы за существованіе. Только разумъ и религія способны умѣрять и просвѣтлять это низшее побужденіе нашей животной природы. Впрочемъ, люди, у которыхъ особенно сильно развитъ животный инстинктъ личной выгоды, не могутъ наносить большаго вреда обществу, если они не находятъ себѣ опоры въ корпоративномъ духѣ того сословія или партіи, къ которымъ они принадлежатъ; ихъ дѣйствія представляются тогда одиночными и случайными и легко могутъ быть ограничиваемы закономъ. Худо тогда, когда себялюбивыя стремленія отдѣльныхъ личностей находятъ себѣ оправданіе въ какомъ-либо политическомъ или религіозномъ ученіи, становятся подъ знамя цѣлой многочисленной корпораціи: въ такомъ случаѣ проходятъ иногда цѣлые вѣка, прежде чѣмъ страдавшая часть общества успѣетъ хорошенько разглядѣть и сломить опутывавшіе ее насиліе и обманъ. Къ счастію или несчастію Россіи, но только наша русская почва оказывалась доселѣ негостепріимною ни для какихъ сословныхъ корпорацій и доктринъ, и уже, конечно, не съ этой стороны можно упрекнуть наше прошедшее или опасаться будущаго. Наши раскольники, которымъ неопытные писатели, знавшіе о нихъ только по наслышкѣ, старались навязать значеніе политической корпораціи, суть не болѣе, какъ религіозная секта. Эта секта, со всѣми ея развѣтвленіями, возникла столько же вслѣдствіе собственной духовной темноты сектаторовъ, сколько и по причинѣ неудовлетворительности церковнаго устройства древней Россіи. Жестокія гоненія, испытанныя раскольниками, естественнымъ образомъ должны были еще

*

тѣснѣе сомкнуть ихъ ряды и внушить имъ извѣстную долю враждебности, не къ государственному строю ихъ отечества, а къ ихъ гонителямъ и къ государственной религіи, въ которой они видѣли причину отяготѣвшихъ надъ ними бѣдствій. Въ силу принципа личной выгоды, дворянскіе дѣятели земства, конечно, не преминутъ во многихъ случаяхъ воспользоваться преимуществами своего положенія, какъ люди, которые, по своему образованію, одни только способны имѣть въ настоящее время дѣйствительное вліяніе въ земскихъ распорядкахъ; но можно съ увѣренностью сказать, что въ этихъ случаяхъ стремленія дворянскихъ членовъ земства будутъ направлены вовсе не къ созданію сословнаго преобладанія дворянства надъ прочими членами земской семьи, а къ цѣлямъ чисто личнымъ и гораздо менѣе замысловатымъ, именно: или къ возможно меньшему обложенію дворянскихъ имѣній земскими повинностями, насчетъ соотвѣтственнаго отягощенія прочихъ сословій, или же къ поправленію, по мѣрѣ возможности, своихъ разстроенныхъ достатковъ насчетъ земскихъ средствъ, то чрезъ устройство себѣ хорошихъ окладовъ за земскую службу, то чрезъ взятіе на себя выгодныхъ подрядовъ отъ земства и т. п. Однимъ словомъ, и здѣсь, какъ всегда и во всемъ, будетъ проявляться нашъ коренной русскій обычай личнаго *кормленія* насчетъ земства; только способы этого кормленія будутъ прикрыты здѣсь болѣе законными формами, чѣмъ какъ это дѣлалось на казенной службѣ, гдѣ кормленіе запросто являлось въ видѣ взятокъ и казнокрадства. Доберется до вліятельнаго положенія въ земствѣ купецъ или мѣщанинъ, такъ и онъ не упуститъ случая приложить къ дѣлу обычай кормленія; выскочетъ впередъ смышленый крестьянинъ, то и онъ охулки на руку не положитъ. Въ этомъ случаѣ у насъ идетъ круговая порука, и только лѣнивый не беретъ, тѣмъ или другимъ маперомъ, изъ широко раскрытаго земскаго кошеля. Обычаи и понятія, вкоренившіеся вѣками, не могутъ изчезнуть вдругъ, какъ бы по щучьему велѣнью. Въ газетахъ, въ рѣчахъ и отчетахъ будутъ звучать возвышенно-либеральныя фразы, неизвѣстныя нашимъ отцамъ и дѣдамъ; ораторы съ благороднымъ жаромъ будутъ распинаться за общіе интересы и поражать ѣдкими укоризнами обветшавшіе порядки и неизбѣжную во всѣхъ нашихъ рѣчахъ и статьяхъ бюрократію, это козлище всеобщаго отпущенія; а на самомъ дѣлѣ еще долго, долго все будетъ идти по давно проторенной дорожкѣ, пока новыя учрежденія и иныя начала воспитанія и общественной нравственности не создадутъ новой породы людей и гражданъ. До тѣхъ же поръ хотя и будутъ встрѣчаться примѣры

безкорыстной службы общему благу, какъ встрѣчались они всегда и прежде въ землѣ русской, но примѣры эти будутъ только исключеніями.

Недавно мы видѣли довольно замѣчательный примѣръ того, какъ идеи сословной исключительности далеки отъ нашего дворянства, несмотря на привилегіи, искусственно ему навязанныя съ прошедшаго столѣтія, и на бывшее въ его рукахъ, въ теченіе двухъ вѣковъ, крѣпостное право. Въ началѣ нынѣшняго года, коммисія, избранная изъ среды дворянъ Петербургской губерніи, составила проектъ о новомъ устройствѣ уѣздныхъ опекъ на всесословномъ началѣ. Она предлагала соединить въ одно учрежденіе нынѣшнія дворянскія опеки и сиротскіе суды, съ тѣмъ, чтобы современемъ пріурочить сюда же и дѣла по крестьянскимъ опекамъ. По предположенію коммисіи, уѣздныя опеки должны состоять, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ градскаго головы, непремѣннаго члена, избираемаго земствомъ, двухъ членовъ отъ дворянства и двухъ отъ городскаго общества, избираемыхъ въ своихъ сословныхъ собраніяхъ. На губернскомъ дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ мартѣ сего года, болѣе трети голосовъ высказалось въ пользу проекта коммисіи; но большинство дворянъ пожелало остаться при нынѣшнемъ чисто-сословномъ устройствѣ опекъ. Главнымъ доводомъ къ принятію этого послѣдняго рѣшенія было опасеніе, что уровень воспитанія и образованія дворянскихъ дѣтей-сиротъ понизится, какъ скоро опекунствомъ надъ ними будутъ распоряжаться лица купеческаго и мѣщанскаго званія. Положимъ, что этотъ доводъ, въ той формѣ, въ какой онъ былъ выраженъ, не выдержитъ строгаго разбора. Дворянскія опеки были доселѣ однимъ изъ тѣхъ внѣшнихъ и фальшивыхъ подобій благоустройства, которыя встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу и, не принося никакой пользы, дѣлаютъ много вреда. О воспитаніи и образованіи дворянскихъ дѣтей-сиротъ опеки никогда не заботились; за то весьма часто онѣ обирали богатыхъ сиротъ, входя въ сдѣлки съ опекунами, нарочно для этой цѣли назначаемыми. У насъ не рѣдкость встрѣчать уѣздныхъ предводителей, которые значительно округлили свое состояніе посредствомъ опекъ. Поэтому опекунскія дѣла по дворянскимъ имѣніямъ навѣрно не пошли бы хуже съ привлеченіемъ къ ихъ завѣдыванію и лицъ городскаго сословія. Но, съ другой стороны, нельзя до нѣкоторой степени не согласиться, что мнѣніе большинства петербургскаго дворянскаго собранія, помимо всякихъ предвзятыхъ идей и сословной исключительности, имѣло основаніе въ самомъ положеніи дѣла.

Между дворянствомъ и другими нашими сословіями существуетъ еще въ настоящую минуту такое огромное различіе по образованности, положенію въ свѣтѣ и роду занятій, что предложеніе ввѣрить опеку надъ дворянскими дѣтьми и имѣніями учрежденію, на половину состоящему изъ купцовъ и мѣщанъ, съ присоединеніемъ къ нимъ впослѣдствіи и крестьянъ, не можетъ не показаться предложеніемъ смѣлымъ. Потому-то, хотя это предложеніе и не прошло въ собраніи, но самый тотъ фактъ, что оно шло отъ лица цѣлой дворянской коммисіи, въ средѣ которой были имена, принадлежащія къ княжескимъ родамъ Рюрикова дома, и что оно имѣло въ свою пользу болѣе трети всѣхъ голосовъ на собраніи, доказываетъ, по моему мнѣнію, какъ быстро наше дворянство возвращается въ своихъ понятіяхъ къ тому всеземскому строю, изъ котораго оно было выдѣлено крѣпостнымъ правомъ и нѣмецкими нововведеніями прошлаго столѣтія.

Что касается крестьянъ, то они еще менѣе помѣщиковъ помышляютъ о преобладаніи въ земскихъ дѣлахъ. Наши мужички были бы не мало удивлены, еслибъ узнали, что нѣкоторые писатели и ораторы серьёзно опасались, чтобы они не забрали земскихъ дѣлъ въ свои руки и не обездолили помѣщиковъ. Для того, чтобы самостоятельно пользоваться какимъ-нибудь правомъ, надобно прежде всего знать и понимать его; а наши крестьяне, по ихъ безграмотству, не въ состояніи даже прочесть земскаго положенія. Имъ остается только возложить упованіе на добрыхъ людей, которые въ земскихъ собраніяхъ и управахъ возьмутъ на себя заботу похлопотать о крестьянскихъ нуждахъ. Поговоривъ съ крестьянами насчетъ земства, я, признаюсь, сильно усомнился въ подлинности разныхъ краснорѣчивыхъ сужденій и рѣчей, произнесенныхъ крестьянами въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ и опубликованныхъ въ газетахъ. Мнѣ сильно сдается, что за крестьянъ думали и сочиняли тамъ другія головы, а крестьяне произносили только то, чему ихъ выучили. Безъ сомнѣнія, умный крестьянинъ, въ качествѣ гласнаго, въ состояніи дать нѣкоторыя полезныя практическія указанія относительно нуждъ своего сословія, но и то въ такомъ лишь случаѣ, когда его будутъ наводить на предметъ, оставляя ему только трудъ отвѣчать на заданный вопросъ; быть же самостоятельными представителями своего сословія крестьяне долго еще будутъ неспособны, а тѣмъ менѣе могутъ они быть способны къ преобладающему вліянію въ дѣлахъ земства.

Не слѣдуетъ преувеличивать значенія тѣхъ столкновеній и

не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеній, которыя обнаруживаются теперь между помѣщиками и крестьянами: эта мелкая война послѣднихъ противъ собственности и интересовъ первыхъ, эти порубки, потравы, неисполненіе условій — все это есть слѣдствіе неустановившагося еще порядка въ сельской жизни, слабаго дѣйствія законовъ, неуваженія къ чужому праву, однимъ словомъ, все это объясняется тѣми общими причинами, которымъ причастны не одни крестьяне, но и всѣ другія сословія, и которыхъ дѣйствіе обнаруживается не въ однихъ селахъ, но и въ городахъ, не исключая и самыхъ столицъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ многочисленный сельскій и городской пролетаріатъ, вражда его къ имущимъ классамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ становиться сильнѣе. Въ самомъ стремленіи законодательствъ признать и удовлетворить отчасти требованія пролетаріата онъ будетъ находить новыя силы для борьбы съ настоящимъ порядкомъ вещей; всякая уступка, вырванная имъ у законодательства, еще болѣе будетъ усиливать его надежды и напряженіе, и онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока окончательно не сломитъ господствующихъ классовъ. Другаго исхода не можетъ быть, когда вопросъ поставленъ такимъ роковымъ образомъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи. У насъ подобнаго роковаго вопроса не существуетъ: Положеніе 19-го февраля 1861 г., а еще болѣе естественныя условія Россіи, спасаютъ ее надолго отъ возможности сельскаго пролетаріата. Соціальная демократія въ Россіи есть одна изъ величайшихъ нелѣпостей, когда-либо порожденныхъ разстроеннымъ воображеніемъ людей. Если нашлись люди, которые пытались ее у насъ проповѣдывать, а также и такіе, которые серьёзно опасались ея нашествія, то это объясняется тѣмъ, что наше время, будучи временемъ всеобщей перестройки въ Россіи, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и время крайняго смѣшенія понятій, общихъ недоразумѣній, напряженныхъ ожиданій и преувеличенныхъ страховъ. Многія требованія жизни, дѣйствительно неотложныя и громко вопіющія, многія опасности, дѣйствительно существующія и грозящія, не обращаютъ на себя ничьего вниманія; взамѣнъ того одни забавляютъ свое воображеніе нелѣпыми мечтаніями, другіе пугаютъ себя несуществующими страхами. Мелкія столкновенія, встрѣчающіяся теперь между помѣщиками и крестьянами, должны прекратиться съ водвореніемъ у насъ законности. Земство, а въ особенности новыя судебныя учрежденія, имѣющія задачею установить отношенія сословій и отдѣльныхъ лицъ на почвѣ законности и права, должны поэтому скорѣе способствовать прекращенію нынѣшнихъ столкновеній между

помѣщиками и крестьянами, чѣмъ вызвать эти сословія на борьбу и соперничество. Существенные интересы одинаковы у обоихъ сословій: и помѣщики, и крестьяне желаютъ, чтобы было больше порядка и законности въ кругу сельской жизни, чтобы положенъ былъ конецъ своеволію и самодурству отдѣльныхъ лицъ, чтобы деньги, собираемыя съ земства, расходовались наиболѣе бережливымъ и полезнымъ образомъ, чтобы, наконецъ, тѣ дѣйствительныя нужды земства, которыхъ удовлетвореніе не въ его рукахъ, находили себѣ признаніе и помощь со стороны государственной власти. Исполненіе этихъ желаній будетъ возможно только при объединеніи силъ земства; если же въ его средѣ будутъ существовать рознь и соперничество, то оно не можетъ представлять никакой дѣйствительной и уважаемой силы, его самоуправленіе будетъ только подобіемъ самоуправленія, подобіемъ, которое не окупитъ расходовъ своего содержанія и будетъ игрушкою каждаго случайнаго вѣтра.

Въ земскихъ учрежденіяхъ, самою силою вещей, роли двухъ сословій распредѣлятся такимъ образомъ: дворянству, какъ сословію образованному, будетъ принадлежать главное вліяніе и руководство въ дѣлахъ земства; расходы же на земскія нужды должны болѣе чувствительнымъ образомъ пасть на крестьянъ, ибо земля, главный плательщикъ земскихъ расходовъ, составляетъ для крестьянъ не предметъ избытка и дохода, а въ буквальномъ смыслѣ насущный кусокъ хлѣба. Всякій урѣзъ этого куска на пользу земства крестьянинъ долженъ будетъ восполнять напряженіемъ личнаго труда или ощущать въ видѣ ежедневныхъ лишеній въ своей и безъ того уже скудной жизни.

Цифры, приводимыя «Правительственнымъ Вѣстникомъ», подтверждаютъ сказанное заключеніе о преобладающемъ вліяніи дворянства въ земскихъ дѣлахъ. Въ первое трехлѣтіе земскихъ учрежденій, въ управахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, всѣхъ 30-ти губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, состояло 1,617 членовъ, со включеніемъ предсѣдателей. Изъ этого числа къ дворянскому сословію принадлежало 1,062 лица, къ крестьянскому же только 304; остальные 251 члена принадлежали къ городскому сословію. Изъ числа 2,055 гласныхъ въ губернскихъ собраніяхъ, дворянъ было 1,524, крестьянъ 217, лицъ прочихъ сословій 314. Такимъ образомъ, въ настоящее время крестьяне сами сознаютъ свою нравственную неправоспособность къ распоряженію земскими дѣлами, и свою долю участія въ нихъ добровольно отдаютъ въ руки дворянства. Второе мое заключеніе о томъ, что тягость земскихъ повинностей всего болѣе должна падать на крестьянъ, уяснится тогда, ко-

гда я буду подробнѣе говорить о раскладкѣ этихъ повинностей.

Что касается выгодъ, которыя могутъ послѣдовать отъ земскихъ учрежденій, то распредѣленіе этихъ выгодъ между сословіями будетъ зависѣть отъ характера дѣйствій земства въ каждой мѣстности, отъ того, на какія статьи земскихъ нуждъ будетъ болѣе обращено вниманія въ извѣстномъ уѣздѣ или губерніи. Хорошій выборъ мировыхъ судей будетъ одинаково выгоденъ для обоихъ сословій. Мѣры на пользу народнаго образованія, народнаго здравія и продовольствія, а также для призрѣнія бѣдныхъ и немощныхъ, будутъ преимущественно относиться къ выгодѣ крестьянъ, хотя современемъ несомнѣнно выиграютъ отъ нихъ и помѣщики. Улучшеніе путей сообщенія, полезное, конечно, и для крестьянъ, гораздо, однако, полезнѣе будетъ для помѣщиковъ, какъ главныхъ производителей и какъ людей, болѣе крестьянъ нуждающихся въ удобствахъ личнаго передвиженія. Болѣе уравнительное распредѣленіе между сословіями мѣстныхъ земскихъ повинностей будетъ прямо служить къ облегченію крестьянъ, несущихъ теперь на себѣ всю тяжесть натуральныхъ повинностей. Но надобно замѣтить, что облегченіе это будетъ для крестьянъ довольно незначительно, потому что мѣстныя земскія повинности, подлежащія раскладкѣ земскихъ собраній, составляютъ только малую долю въ сравненіи съ государственными налогами, лежащими на крестьянахъ *подушно*. Для облегченія этихъ подушныхъ платежей съ крестьянъ земство ничего не въ состояніи сдѣлать по собственному вчинанію.

Впрочемъ, вопросъ о соперничествѣ сословій въ земскихъ учрежденіяхъ можно почитать теперь уже устарѣвшимъ и подлежащимъ сдачѣ въ архивъ. Я коснулся его только потому, что, для уясненія положенія дѣлъ, небезполезно иногда бываетъ подводить итоги тому, что̀ высказывалось прежде въ разныхъ мнѣніяхъ, и сравнивать эти итоги съ тѣмъ, что̀ обнаруживалось впослѣдствіи на опытѣ. Гораздо интереснѣе и существеннѣе другой вопросъ, надъ которымъ все болѣе и болѣе заставляетъ задумываться практика, именно: въ какой мѣрѣ могутъ приносить пользу земскія учрежденія при тѣхъ средствахъ, которыя предоставлены имъ по закону, и всегда ли они будутъ въ состояніи окупать стоимость своего содержанія? По этому вопросу въ образованной части нашего общества успѣли уже обнаружиться два противоположныхъ мнѣнія. Одни смотрятъ на земскія учрежденія съ большимъ нерасположеніемъ и прямо утверждаютъ, что они не принесутъ никакой существен-

ной пользы, а только обременятъ сословія непосильными налогами. По мнѣнію этихъ людей, земство — это игра въ самоуправленіе, нестоющая свѣчей. Къ числу такихъ безусловныхъ порицателей земскихъ учрежденій принадлежатъ преимущественно помѣщики стараго покроя, недовольные всѣми нынѣшними реформами, и вообще люди, равнодушные, по своей природѣ, ко всякаго рода общественнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ провинціяхъ этотъ классъ составляетъ большинство. Другіе придаютъ земскимъ учрежденіямъ весьма многознаменательное значеніе и полагаютъ, что они предназначены не только преобразовать экономическій бытъ Россіи, но и рѣшить капитальные вопросы нашей политической жизни. Къ этому, сравнительно небольшому кружку людей принадлежатъ въ особенности нѣкоторые изъ дѣятелей нашихъ юныхъ земскихъ учрежденій, а также и та часть нашей періодической печати, которая служитъ органомъ или отголоскомъ этихъ дѣятелей *. Небезполезно поэтому будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о происхожденіи земскихъ учрежденій и о тѣхъ средствахъ, которыми они могутъ располагать для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Чрезъ это можно будетъ вѣрнѣе дать себѣ отчетъ какъ о мѣрѣ силъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ, такъ и о томъ значеніи, которое дѣйствительно усвоено имъ по мысли законодательства. Никогда нелишне уяснять себѣ настоящее значеніе предметовъ: при такомъ уясненіи, одни не будутъ имѣть права требовать отъ нихъ болѣе того, что̀ они въ состояніи дать; другіе же умѣрятъ свое воображеніе и не станутъ, слишкомъ идеализируя предметы, подвергать ихъ столкновенію съ дѣйствительностію, которая можетъ разбить ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ принести возможную для нихъ долю пользы.

Происхожденіе земскихъ учрежденій было самое скромное. По освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, невозможно уже было оставить на нихъ однихъ всю массу земскихъ повинностей, лежавшихъ дотолѣ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, или, правильнѣе сказать, на крѣпостныхъ душахъ тѣхъ имѣній. Поэтому въ ст. 167 Общаго Положенія о крестьянахъ было сказано: «Земскія повинности съ помѣщичьихъ имѣній, какъ натуральныя, такъ и денежныя, распредѣленныя подушно или поземельно утвержденными на текущее трехлѣтіе раскладками, остаются до истеченія сего трехлѣтія, т.-е. по исходъ

* Съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, назадъ тому около 2 лѣтъ, произошло замѣтное разочарованіе относительно значенія земства, даже въ средѣ наиболѣе горячихъ его поклонниковъ.

1862 г., на прежнемъ основаніи, а впродолженіе сего времени имѣетъ быть совершенъ пересмотръ законовъ о сихъ повинностяхъ, для правильнаго ихъ распредѣленія между крестьянами и землевладѣльцами». Къ означенному сроку правительство не успѣло однако совершить предположеннаго распредѣленія земскихъ повинностей; сверхъ того, оно пришло къ убѣжденію, что если земскія денежныя повинности, лежавшія на бывшихъ крѣпостныхъ крестьянахъ, переложить на землю, разверставъ ихъ по количеству господскихъ и крестьянскихъ угодій, то одна земля не выдержитъ такого налога. Поэтому признано было необходимымъ распредѣлить всѣ вообще земскія повинности, лежавшія дотолѣ на однихъ податныхъ сословіяхъ, преимущественно же на крестьянахъ, между всѣми источниками доходовъ земства: землями, промышленными заведеніями, торговыми капиталами, промышленными заработками и проч. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство убѣдилось *въ невозможности* сдѣлать такое распредѣленіе на основаніи какихъ-либо общихъ правилъ, по крайнему разнообразію и измѣнчивости мѣстныхъ и временныхъ условій. Вслѣдствіе того оно пришло къ заключенію, что это дѣло необходимо предоставить *земскимъ хозяйственнымъ учрежденіямъ*, которыя были бы составлены изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ классовъ земства. Вотъ откуда вышли земскія учрежденія, законоположенія о которыхъ высочайше утверждены 1-го января 1864 г. Слѣдовательно, земскія учрежденія, замѣнившія собою прежніе комитеты и особыя присутствія о земскихъ повинностяхъ, предназначались въ видахъ правительства главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы они могли восполнить собою невозможность для администраціи сдѣлать распредѣленіе земскихъ повинностей сообразно новымъ условіямъ и заявленному уже въ Положеніи 19-го февраля требованію закона. Правда, земскимъ учрежденіямъ, хотя и имѣющимъ непосредственною цѣлію служить только вспомогательнымъ орудіемъ для администраціи, дарована, въ кругу ихъ вѣдѣнія, довольно значительная самостоятельность въ дѣйствіяхъ; но посмотримъ однако, какъ велики средства, которыя предоставлены въ распоряженіе земства и надъ которыми оно можетъ проявлять свою самостоятельность.

Читателю, быть можетъ, небезъизвѣстно, что, по уставу о земскихъ повинностяхъ 1851 г., повинности эти раздѣляются на государственныя, губернскія и частныя. На счетъ государственныхъ земскихъ повинностей отнесены слѣдующія потребности: содержаніе почтъ, устройство *государственныхъ* шоссейныхъ дорогъ, содержаніе земскихъ полицій, усиленіе средствъ

департамента государственнаго казначейства по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, этапная повинность на главныхъ путяхъ слѣдованія ссыльныхъ, устройство и содержаніе арестантскихъ ротъ и исправительныхъ отдѣленій, удовлетвореніе воинскихъ потребностей, т.-е. устройство или наемъ зданій подъ заведенія войскъ, временно квартирующихъ или проходящихъ въ губерніи, наемъ земель подъ лагери, маневры и пастбища, перевозъ войскъ, наконецъ нѣкоторыя другія, менѣе цѣнныя повинности. Къ губернскимъ повинностямъ отнесено, вопервыхъ, удовлетвореніе всѣхъ, весьма многочисленныхъ мѣстныхъ нуждъ, общихъ всѣмъ сословіямъ губерніи и имѣющихъ для экономическаго благосостоянія губерній первостепенное значеніе; вовторыхъ, къ губернскимъ же повинностямъ причислены и многія статьи, неотносящіяся къ потребностямъ мѣстнаго населенія, а имѣющія характеръ общихъ государственныхъ расходовъ. Наконецъ частныя повинности идутъ на удовлетвореніе частныхъ потребностей нѣкоторыхъ сословій и отбываются только этими сословіями, по принадлежности (содержаніе канцелярій при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ и при предводителяхъ дворянства, сборъ на заготовленіе для крестьянъ окладныхъ листовъ и т. п.). Съ 1834 г. земскіе сборы постоянно возрастали, среднимъ числомъ отъ 16% до 20% въ каждое смѣтное трехлѣтіе; но возрастаніе это шло не въ пользу удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а единственно на выполненіе потребностей государственныхъ, въ особенности же повинностей воинской, государственно-дорожной и почтовой. Обязанность земства была только отпускать на эти потребности требуемыя отъ него деньги; но какъ расходовались эти деньги и вполнѣ ли онѣ достигали предназначенныхъ цѣлей, объ этомъ земство не знало и не имѣло на то ни малѣйшаго вліянія. Съ самаго раздѣленія земскихъ повинностей на государственныя и губернскія, въ 1851 г., обнаружилось, что первыя постоянно увеличивались, а вторыя постоянно уменьшались, общая же сумма денежныхъ земскихъ повинностей росла въ каждое трехлѣтіе почти на 20%. По послѣднимъ смѣтамъ, предшествовавшимъ введенію земскихъ учрежденій, т.-е. по смѣтамъ на трехлѣтіе $18^{60}/_{62}$ г., продолженнымъ на 1863 и 1864 г., подлежало сбору ежегодно со всѣхъ губерній, отбывающихъ земскія повинности:

на государственныя земскія повинности	19.381,000
» губернскія	4.233,000
Всего .	23.614,000

Слѣдовательно, изъ общей суммы земскихъ сборовъ, на государственныя потребности шло 82%, а на мѣстныя только 18%; изъ сравненія же со смѣтою предшествовавшаго трехлѣтія оказывается, что на первыя потребности сборъ увеличенъ на 26%, а на вторыя уменьшенъ на 6%, общее же увеличеніе равнялось 18%.

Кромѣ этой разности цифръ, представляющихъ государственную и губернскую земскую повинность, слѣдуетъ обратить вниманіе на источники, изъ которыхъ взималась та и другая повинность. Государственный земскій сборъ только въ незначительной степени взимается съ торговыхъ свидѣтельствъ (по смѣтамъ $18^{60}/_{62}$ г. 587,000 руб. въ годъ), всею же своею тяжестію падаетъ на податныя сословія въ видѣ *подушнаго* налога (по тѣмъ же смѣтамъ 18.793,000 руб., или по 76 коп. съ души). Потому-то для администраціи такъ легко увеличивать государственный земскій сборъ, ибо онъ не зависитъ ни отъ количества обращающихся въ народѣ капиталовъ, ни отъ количества поземельной собственности, а единственно отъ той душевой надбавки съ крестьянъ и мѣщанъ, которую сочтетъ нужнымъ сдѣлать администрація. Душевой сборъ на государственныя земскія повинности съ 1853 г. взимался, въ средней сложности по имперіи, въ слѣдующемъ возрастающемъ размѣрѣ:

съ	1853 г.	по	60	коп.	съ души.
»	1857	»	$60^1/_4$		»
»	1860	»	78 *		»
»	1865	»	98		»

Губернскій земскій сборъ взимался частію съ податныхъ душъ (по смѣтамъ $18^{60}/_{62}$ среднимъ числомъ по $11^1/_2$ коп. съ души), частію съ доходовъ и земель и, наконецъ, въ малой степени, съ торговыхъ свидѣтельствъ. Часть *душеваго* сбора, шедшая на губернскія повинности, была постепенно уменьшаема, въ пользу сильнаго возвышенія другой части, шедшей на государственныя повинности. Такъ въ смѣтахъ $18^{60}/_{62}$ г. первая часть была уменьшена противъ смѣтъ предъидущаго трехлѣтія на 15%, а вторая часть увеличена на 26%. Сборъ съ торговыхъ свидѣтельствъ возрасталъ весьма слабо, такъ-какъ онъ прямо зависѣлъ отъ увеличенія торговыхъ капиталовъ. Сборъ съ земель и доходовъ почти вовсе не увеличивался, и съ предъиду-

* Здѣсь цифра 78 к. показываетъ *назначеніе* по смѣтамъ; приведенная же выше цифра 76 к. означаетъ, сколько подлежало *дѣйствительному* сбору.

щимъ источникомъ давалъ въ пользу губернскихъ повинностей менѣе 10% общаго земскаго сбора *.

По Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, государственный земскій сборъ, равнявшійся передъ введеніемъ этихъ учрежденій 82% всѣхъ денежныхъ земскихъ повинностей, или иначе 78 коп. съ податной души, оставленъ попрежнему въ вѣдѣніи и распоряженіи административныхъ властей, для употребленія на поименованныя выше общегосударственныя потребности; для удовлетворенія же всѣхъ мѣстныхъ потребностей населенія, правительство передало въ распоряженіе земскихъ учрежденій остальные 18% земскаго сбора, т.-е., по послѣднимъ смѣтамъ, $17^1/_2$ коп. съ податной души, предоставивъ земскимъ учрежденіямъ увеличивать эти источники посредствомъ дополнительныхъ сборовъ съ указанныхъ въ законѣ предметовъ обложенія. Кромѣ того, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, помѣщики и крестьяне были обложены особымъ сборомъ на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, невходившимъ въ земскія раскладки $18^{60}/_{62}$ г. Точныхъ свѣдѣній объ общемъ количествѣ этого сбора я не могъ найти; но мнѣ извѣстно, что въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, во время введенія земскихъ учрежденій, крестьянамъ приходилось платить означеннаго сбора по 24 коп. съ ревизской души,

---

* Для удобнѣйшаго сравненія государственныхъ и губернскихъ повинностей, заимствую изъ матеріаловъ податной коммиссіи слѣдующую таблицу, показывающую, сколько подлежало ежегодно сбору тѣхъ и другихъ повинностей по послѣднимъ смѣтамъ 1860—64 годовъ.

Общая сумма:		Процентное отношеніе къ общей суммѣ.	Процентное увеличеніе противъ предыдущ. трехлѣтія.
На госуд. пов. . . .	19.581,000	82%	26%
На губернск.	4.233,000	18	6 уменьш.
	23 614,000		18
Въ томъ числѣ:			
1. Съ торг. сословія:			
На госуд. пов. . . .	587,000	$2^2/_5$	
На губернск.	389,000	$1^3/_5$	
	976,000	4	8
2. Съ дох. и земель:			
На губернск.	1.878,000	8	$^1/_3$
3. Съ душъ:			
На госуд. пов. . . .	18.793.000		26
или на душу 76 к.			
На губернск.	1.965,000		15 уменьш.
или на душу $11^1/_2$ к.			
	20.759,000	88	21
или на душу $87^1/_2$ к.			

Число податныхъ душъ, отбывавшихъ земскія повинности, 24.761,000.

а помѣщикамъ по 48 коп. также съ каждой ревизской души крестьянъ, состоявшихъ за ними въ эпоху освобожденія. Этотъ сборъ на мировыя учрежденія также поступилъ въ вѣдѣніе земства.

Какіе же это предметы обложенія, съ которыхъ законъ дозволяетъ земству дѣлать дополнительные сборы для увеличенія своихъ рессурсовъ, и какъ великъ можетъ быть доходъ съ нихъ въ пользу мѣстныхъ потребностей? Облагать податныя сословія душевымъ сборомъ законъ не дозволяетъ земскимъ учрежденіямъ, и конечно дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ весьма разумно. Предметы обложенія, указываемые закономъ, суть: земли, фабрики, заводы, промышленныя и торговыя помѣщенія, вообще *недвижимыя* имущества въ городахъ и уѣздахъ, наконецъ свидѣтельства на право торговли и промысловъ. Обложеніе фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ помѣщеній и свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ поставлено, какъ извѣстно, закономъ 21-го ноября 1866 г. въ самые тѣсные предѣлы и должно давать незначительный доходъ земству. Затѣмъ другія недвижимыя неземельныя имущества представляются домами въ городахъ и посадахъ, помѣщичьими усадьбами и крестьянскими хижинами. Дома въ городахъ и посадахъ уже обременены государственнымъ налогомъ, замѣнившимъ подушную подать съ мѣщанъ, сборами въ городскіе доходы и военно-постойною повинностію, преимущественно тяготѣющею на городахъ; въ большей части случаевъ этотъ источникъ положительно не въ состояніи вынести новой надбавки. На крестьянскія хижины едва-ли рѣшится наложить руку земство какой-либо губерніи, въ виду тѣхъ налоговъ, которыми и безъ того уже подавлено крестьянство и которыхъ вовсе не несутъ другія сословія. Было бы вполнѣ справедливо обложить нѣкоторымъ сборомъ помѣщичьи усадьбы, ненесущія ни одного изъ тѣхъ налоговъ, которые лежатъ на городскихъ и посадскихъ строеніяхъ, хотя эти послѣднія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, также не даютъ никакого дохода и служатъ только для житья своимъ домохозяевамъ; но сомнительно, чтобы гдѣ нибудь дворянскіе гласные допустили обложеніе помѣщичьихъ усадьбъ, если отъ такого обложенія будутъ избавлены крестьянскія строенія. Конечно, предполагаемая въ этомъ случаѣ уравнительность есть только кажущаяся, формальная, а отнюдь не основывается на дѣйствительной справедливости. Но такъ-какъ формальная правомѣрность и есть главное основаніе всѣхъ человѣческихъ законовъ, то никто въ упомянутомъ случаѣ не можетъ отрицать за дворянскими гласными права требовать одинаковаго при-

мѣненія основаній обложенія какъ къ помѣщичьимъ, такъ и къ крестьянскимъ усадьбамъ. И такъ для земскихъ учрежденій главнѣйшимъ источникомъ дохода является земля, обложеніе которой не ограничено въ законѣ никакимъ предѣломъ; поземельный сборъ будетъ по необходимости имѣть для доходовъ земства такое же преобладающее значеніе, какое для государственныхъ прямыхъ налоговъ имѣетъ доселѣ подушный сборъ. Къ поземельному налогу во всѣхъ земскихъ собраніяхъ, безъ сомнѣнія, будетъ примѣнено во всей строгости начало формальной уравнительности, т.-е. помѣщичьи земли, ненесущія въ пользу государственной казны никакого налога, будутъ облагаемы земскими сборами въ одинаковомъ размѣрѣ съ крестьянскими надѣлами, обремененными уже чрезмѣрными платежами. Мало того, изъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ газетахъ, видно, что въ большинствѣ губерній, при обложеніи земель, земство раздѣляетъ ихъ на разряды по степени ихъ доходности и при этомъ крестьянскіе надѣлы относятся обыкновенно цѣликомъ къ высшему разряду, т.-е. облагаются высшимъ налогомъ, тогда какъ помѣщичьи угодья причисляются частію къ высшему, частію же къ среднему и низшему разряду. Въ этомъ случаѣ за основаніе обложенія принимается доходность поземельныхъ имуществъ, и притомъ налогъ безразлично падаетъ какъ на крупные доходы частныхъ землевладѣльцевъ, такъ и на скудные земельные доходы крестьянскихъ обществъ, дающіе имъ, въ большей части случаевъ, лишь средства пропитанія. Между тѣмъ въ другомъ случаѣ, при обложеніи фабрикъ, заводовъ и торговыхъ заведеній, законъ предписываетъ принимать въ соображеніе не доходность этихъ заведеній и не производимые ими обороты, а только матеріальную стоимость ихъ строеній. Равнымъ образомъ при обложеніи лицъ, занимающихся торговлею и промыслами, земству вмѣнено въ обязанность не входить въ соображеніе ни о величинѣ ихъ капиталовъ, ни о доходности ихъ оборотовъ, а взимать съ каждаго торговаго или промысловаго свидѣтельства, билета и патента только извѣстный процентъ съ той суммы, которая взносится за него въ казну въ видѣ пошлины (для однихъ свидѣтельствъ— не свыше 25%, а для другихъ не свыше 10% съ казенной пошлины). Слѣдовательно и въ земскихъ сборахъ является такое же отсутствіе единства и правомѣрности основаній, какое царствуетъ въ государственныхъ налогахъ; только въ первомъ случаѣ, т.-е. при обложеніи земскими сборами, наиболѣе привилегированными сословіями оказываются торговое и мануфактурно-промышленное, сборы съ которыхъ законъ ограничиваетъ

весьма тѣсными предѣлами, а во второмъ случаѣ, т.-е. при взиманіи государственныхъ податей и повинностей, самымъ привилегированнымъ сословіемъ является дворянское, непесущее никакихъ прямыхъ государственныхъ налоговъ. Сельскія же общества въ обоихъ случаяхъ занимаютъ самое невыгодное мѣсто: на нихъ лежитъ почти вся тяжесть прямыхъ государственныхъ налоговъ, и въ то же время ихъ земли должны уплачивать высшій сборъ на земскія повинности, сравнительно съ землями частныхъ владѣльцевъ.

Спрашивается: при сказанныхъ условіяхъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть производителенъ поземельный налогъ, составляющій для земства главнѣйшій источникъ доходовъ? Мы видѣли, что, во время обнародованія земскихъ учрежденій, съ податныхъ сословій сходило, въ средней сложности по имперіи: на государственныя земскія повинности по 78 к. съ души, на губернскія — по 17½ коп. съ души, и на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія около 24 к. съ души, не считая натуральныхъ повинностей. Съ тѣхъ поръ государственный земскій сборъ съ этихъ сословій успѣлъ уже возвыситься съ 78 к. до 98., т.-е. на 20 к. съ души, а подушная подать съ крестьянъ на 50 к. съ души (вездѣ приводятся *среднie* по всей имперіи выводы); слѣдовательно съ крестьянъ прибавлено по этимъ двумъ статьямъ по 70 к. съ души, т.-е. около 1 р. 75 к. съ тягла *. Подобныя надбавки въ государственныхъ сборахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ и впредь продолжаемы въ возрастающей прогрессіи. Всѣ эти сборы, будучи подушными, ложатся на одни только податныя сословія, преимущественно на крестьянъ, и не могутъ подлежать никакой, даже формальной уравнительности. Въ то же время земскія учрежденія, немогшія для выполненія своихъ многоразличныхъ обязанностей обойтись тѣми 17½ копейками съ души, которыя перешли въ ихъ руки отъ прежняго времени, повсюду прибѣгли, съ самаго своего открытія, къ дополнительнымъ сборамъ; а какъ главнѣйшимъ источникомъ этихъ сборовъ оказывается земля, то налогъ, падавшій на крестьянъ въ пользу губернскихъ повинностей, вездѣ подвергся весьма значительному возвышенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, стали обнаруживаться на крестьянахъ значительныя недоимки по мѣстному земскому сбору, указывающія на то, что

* Бывшія редакціонныя коммисіи по крестьянскому дѣлу принимали, что на тягло приходится среднимъ числомъ 2½ ревизскихъ души.

крестьяне не въ состоянiи выдерживать дальнѣйшаго возвышенiя лежащихъ на нихъ платежей. При всемъ томъ, въ большинствѣ губерний, земскiй сборъ, значившiйся по окладамъ, едва хваталъ на выполненiе такъ-называемыхъ *обязательныхъ* для земства повинностей; потребности же необязательныя или вовсе оставались безъ удовлетворенiя, или удовлетворялись въ самой незначительной мѣрѣ. На этихъ фактахъ, имѣющихъ существенно важное значенiе въ судьбѣ земскихъ учрежденiй, остановимся нѣсколько подробнѣе.

Читателю вѣроятно небезъизвѣстно, что обязательныя для земства повинности главнѣйшимъ образомъ состоятъ въ удовлетворенiи нѣкоторыхъ потребностей мѣстнаго гражданскаго управленiя и суда, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ: содержанiе учрежденiй по крестьянскимъ дѣламъ и расходъ на мировыхъ судей. Къ обязательнымъ, другими словами — неизбѣжнымъ повинностямъ земства слѣдуетъ отнести и содержанiе земскихъ управъ, хотя законъ и не именуетъ этой статьи обязательною. Въ число обязательныхъ мѣстныхъ повинностей включены закономъ и такiе предметы, которые вовсе не принадлежатъ къ мѣстнымъ нуждамъ населенiя, а составляютъ потребности государства или казны, каковы напримѣръ: различныя потребности по помѣщенiю и содержанiю воинскихъ частей, постоянно въ губернiи пребывающихъ, арестантско-этапная повинность на внутреннихъ дорогахъ губернiи и выставка подводъ при передвиженiи войскъ и подъ проходящiя отдѣльныя команды за контрмарки (далеко невознаграждающiя расходовъ крестьянъ по этой повинности).

Съ другой стороны, нѣкоторыя повинности, хотя и поименованныя въ законѣ въ числѣ обязательныхъ, имѣютъ для земства весьма условную обязательность и зависятъ въ своемъ выполненiи отъ средствъ, которыми оно можетъ располагать. Такъ напримѣръ, дорожная повинность, названная въ Положенiи о земскихъ учрежденiяхъ обязательною, очевидно можетъ ограничиться, при недостаточности средствъ земства, поддержанiемъ дорогъ въ ихъ настоящемъ видѣ; капитальное же ихъ улучшенiе, а тѣмъ болѣе проложенiе новыхъ дорогъ предоставляется собственному усмотрѣнiю и рвенiю земства. Исправленiе дорогъ должно повсюду потребовать отъ земства весьма значительныхъ расходовъ, такъ-какъ наши дороги повсемѣстно находятся въ весьма неудовлетворительномъ состоянiи, а въ нѣкоторыхъ губернiяхъ пришли въ совершенное разрушенiе. Такъ при открытiи екатеринославскаго очередного губернскаго собра-

нія, въ январѣ сего года, губернаторъ, въ произнесенной имъ рѣчи, между прочимъ заявилъ, что, при своемъ вступленіи въ должность, въ 1865 году, онъ нашелъ пути сообщенія и дорожныя на нихъ сооруженія въ совершенномъ разрушеніи.

То же самое можно сказать и о потребностяхъ общественнаго призрѣнія, т.-е. о больницахъ и богадѣльняхъ. Хотя Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ признаетъ обязательными для земства всѣ предметы расходовъ, установленные уставомъ общественнаго призрѣнія и лежавшіе доселѣ на попеченіи приказовъ общественнаго призрѣнія, но извѣстно всякому, что заведенія, содержимыя этими приказами, существовали въ городахъ большею частію только для вида, въ уѣздахъ же ни о какомъ общественномъ призрѣніи не было и помина, исключая лѣчебницъ и богадѣленъ, заведенныхъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и неимѣвшихъ никакого отношенія къ приказамъ. Слѣдовательно, еслибы земству пришлось ограничиться только обязательнымъ для него поддержаніемъ заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія, то большинство мѣстностей въ губерніяхъ было бы попрежнему вовсе лишено способовъ призрѣнія больныхъ и убогихъ. Приказы общественнаго призрѣнія были вмѣстѣ съ тѣмъ и кредитными установленіями, и сверхъ того пользовались по закону нѣкоторыми другими статьями доходовъ; земству же переданы только остаточные капиталы приказовъ, накопившіеся вслѣдствіе кредитныхъ оборотовъ. Процентовъ съ этихъ капиталовъ едва хватаетъ для приличнаго содержанія заведеній общественнаго призрѣнія, существующихъ въ губернскихъ городахъ. Поэтому призрѣніе больныхъ и убогихъ въ уѣздахъ является новою статьею земскаго хозяйственнаго управленія, для которой земство само уже должно изыскивать средства и дѣлать новые налоги на плательщиковъ.

Обязанности земства по охраненію народнаго здравія въ уѣздахъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вовсе не опредѣляются, кромѣ обязанности содержать оспопрививателей, и слѣдовательно принадлежатъ также къ предметамъ необязательнымъ. Между тѣмъ охраненіе народа отъ эпидемій и другихъ истребляющихъ его болѣзней составляетъ одну изъ важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ потребностей нашей внутренней жизни, и здѣсь-то особенно необходимо участіе земства. Доселѣ нашъ простой народъ оставался въ этомъ отношеніи безъ всякой помощи; смертность, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, и распространеніе сифилитической болѣзни доходятъ у насъ до

ужасающихъ размѣровъ; они губятъ цѣлыя поколѣнія и подсѣкаютъ въ самомъ корнѣ развитіе народнаго благосостоянія, ибо малонаселенность нашей страны составляетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій для ея успѣховъ въ гражданственности и матеріальномъ благоденствіи. Изъ отчета московской губернской управы за 1868 годъ видно, что даже въ этой центральной и промышленной губерніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній удѣльныхъ и государственныхъ имуществъ, не было, до 1866 года, ни медиковъ, ни фельдшеровъ, ни повивальныхъ бабокъ для пособія сельскимъ жителямъ уѣздовъ. Только съ 1866 года въ трехъ уѣздахъ этой губерніи заведены земскіе врачи, фельдшера и повивальныя бабки. Новгородское земство, несмотря на свои бѣдныя средства, на неурожаи и падежи, отъ которыхъ страдала эта губернія въ послѣдніе годы, сдѣлало все, что̀ могло, для устройства медицинской части въ губерніи; въ каждомъ уѣздѣ находятся теперь земскіе врачи, фельдшера, бабки и оспопрививатели. Несмотря на все это, медицинская часть, по заявленію новгородской губернской управы, все-таки находится тамъ въ неудовлетворительномъ положеніи. «Уѣздные и городскіе врачи, состоящіе на государственной службѣ, сказано въ отчетѣ губернской управы, преимущественно заняты медицинско-полицейскими дѣлами, земскіе врачи — уѣздными больницами; населенію уѣздовъ оказываются медицинскія пособія лишь при эпидемическихъ болѣзняхъ, а отъ обыкновенныхъ болѣзней уѣздное населеніе или вовсе не лѣчится, или пользуется у знахарей и знахарокъ».

Попеченіе о народномъ продовольствіи, подобно общественному призрѣнію, имѣетъ для земства также лишь условную обязательность. Съ 1834 года у насъ, кромѣ издавна существовавшихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, установленъ былъ ежегодный денежный сборъ со всѣхъ податныхъ сословій, для образованія продовольственныхъ капиталовъ. Въ силу высочайше утвержденнаго 25-го апрѣля 1866 г. мнѣнія госуд. совѣта, изъ общей массы продовольственныхъ капиталовъ всѣхъ вѣдомствъ и губерній отчислено было въ каждую губернію по 48 коп. на ревизскую мужскую душу всѣхъ сельскихъ сословій, участвовавшихъ въ составленіи означенныхъ капиталовъ. Образовавшіеся изъ этихъ отчисленій губернскіе продовольственные капиталы переданы были въ распоряженіе земскихъ учрежденій; оставшіяся затѣмъ продовольственныя суммы составили общій продовольственный капиталъ въ имперіи, находящійся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ и предназначенный

для заимообразныхъ пособій въ тѣхъ случаяхъ, когда, при сильныхъ неурожаяхъ, мѣстныя средства губерній окажутся недостаточными для продовольствія жителей. Изъ отчета московской губернской управы за 1868 годъ видно, что податными сословіями этой губерніи, не считая удѣльныхъ крестьянъ, внесено продовольственнаго сбора, со времени его учрежденія и по 1 января 1866 года, не менѣе 614,000 р.; въ силу же сказаннаго правительственнаго распоряженія земству пришлось получить въ свое распоряженіе только 272,413 р.; остальное пошло въ общій продовольственный капиталъ. Нельзя, конечно, оспоривать необходимости образованія общаго продовольственнаго капитала, безъ котораго нѣкоторыя губерніи, пораженныя чрезвычайнымъ неурожаемъ и истощившія мѣстныя средства, оставались бы вовсе безъ способовъ пропитанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть недостаточности продовольственныхъ средствъ, назначенныхъ закономъ для каждой губерніи. Еслибы даже запасные магазины крестьянъ и содержали узаконенный комплектъ хлѣба, т.-е. 1 четверть (9 пуд.) ржи и $^1/_2$ четверти (3 пуд.) овса на ревизскую мужскую душу, то и тогда этотъ хлѣбный запасъ, вмѣстѣ съ продовольственнымъ капиталомъ въ 48 коп. на ревизскую душу, могъ бы обезпечить прокормленіе жителей, въ случаѣ общаго въ губерніи неурожая, только на 4 мѣсяца (считая, что на прокормленіе каждой души мужскаго и женскаго пола необходимо $1^1/_2$ пуда муки въ мѣсяцъ). Слѣдовательно, для дѣйствительнаго обезпеченія народа отъ голода, земству необходимо или увеличить нормальный запасъ хлѣбныхъ магазиновъ, или прибѣгнуть къ денежнымъ сборамъ для усиленія продовольственныхъ капиталовъ. Всѣ подобные расходы земства относятся къ такъ-называемымъ необязательнымъ повинностямъ.

Настоящія обязательныя повинности, состоящія въ удовлетвореніи потребностей гражданскаго и воинскаго управленій и въ содержаніи самихъ земскихъ учрежденій, поглощаютъ въ большинствѣ губерній почти всѣ средства, какія можетъ извлечь земство изъ мѣстнаго населенія, безъ крайняго обремененія земледѣльческаго класса. Потребности же собственно хозяйственныя, каковы: дѣйствительное улучшеніе существующихъ дорогъ и проложеніе новыхъ, осушеніе большихъ болотъ, учрежденіе сельскохозяйственныхъ фермъ и выставокъ, основаніе сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, составленіе продовольственныхъ капиталовъ или хлѣбныхъ запасовъ, достаточныхъ для дѣйствительнаго обезпеченія населенія отъ голода, далѣе — вопіющія требованія народнаго образованія, наконецъ, преподаніе народу

дѣйствительной помощи противъ истребляющихъ его болѣзней и облегченіе участи немощныхъ и убогихъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ только и можно поднять экономическій и нравственный бытъ нашего народа, все это отнесено къ тѣмъ необязательнымъ повинностямъ, на самое скромное удовлетвореніе которыхъ у земства большинства губерній вовсе не хватаетъ средствъ.

Заключенія мои о средствахъ земства и о главнѣйшихъ предметахъ его расходовъ основывались доселѣ на соображеніи статей земскаго Положенія съ платежными силами различныхъ классовъ жителей и на тѣхъ результатахъ, которые, по слухамъ и газетнымъ свѣдѣніямъ, достигнуты доселѣ земствами различныхъ губерній. Мнѣ желательно, однако, было провѣрить эти общія и не всегда надежныя соображенія на точныхъ цифрахъ, по отчетамъ земскихъ управъ. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ отчеты земскихъ управъ добываются съ большимъ трудомъ; да и изъ тѣхъ, которые удается достать, весьма немногіе представляютъ полный обзоръ земскихъ доходовъ и расходовъ по цѣлой губерніи. Отчеты губернскихъ управъ почти всегда говорятъ только о губернскихъ повинностяхъ, не упоминая ни слова о уѣздныхъ; притомъ нѣкоторые отчеты составляются такъ сбивчиво и неясно, что въ нихъ расходы обязательные не отдѣлены отъ необязательныхъ, а въ раскладкахъ не показано, сколько падаетъ сборовъ въ отдѣльности на каждый родъ предметовъ, подлежащихъ обложенію. Еще труднѣе составить себѣ понятіе о земскихъ расходахъ и раскладкахъ по тѣмъ журналамъ земскихъ собраній, которые печатаются иногда въ нашихъ офиціальныхъ и частныхъ газетахъ: чѣмъ многословнѣе бываютъ пренія этихъ собраній, тѣмъ обыкновенно скуднѣе оказываются факты, представляемые въ нихъ относительно средствъ и потребностей земства.

Мнѣ удалось добыть только по одной губерніи полный и совершенно ясный источникъ такого рода, именно два отчета новгородской губернской управы о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ на 1867 и 1868 года. Отчеты эти обнимаютъ какъ губернскіе, такъ и уѣздные земскіе сборы и расходы по сказанной губерніи. Читателямъ, конечно, извѣстно, что, по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, мѣстныя земскія повинности раздѣляются на губернскія и уѣздныя: первыя изъ нихъ предназначаются на удовлетвореніе потребностей, общихъ всей губерніи, и назначаются губернскимъ земскимъ собраніемъ; вторыя идутъ на выполненіе потребностей каждаго уѣзда отдѣльно и назначают-

ся уѣздными собраніями. Кромѣ того весьма поучительныя свѣдѣнія найдены мною въ общемъ докладѣ новгородской губернской управы о первыхъ трехъ годахъ новгородскаго земства.

Расходы по *губернскимъ* и *уѣзднымъ* потребностямъ Новгородской губерніи опредѣлены смѣтами на 1867 и 1868 гг. въ такомъ количествѣ:

		На 1867 г.		На 1868 г.
на потребности обязательныя *, безъ дорожной повинности.		454,131 р.		422,349 р.
въ томъ числѣ на содержаніе управъ:				
губернской	26,500		20,500	
уѣздныхъ	66,360		62,381	
въ возвратъ позаимствованныхъ на содержаніе управъ въ 1865 г.	20,494			
Итого. . .	113,354		82,881	
На потребности необязательныя . . .		136,883		122,689
въ томъ числѣ на дорожную повинность, переложенную въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на деньги	72,710		67,587	
уѣздныхъ расходовъ: въ возвратъ суммъ, прежде позаимствованныхъ и излишне взысканныхъ, а также на покрытіе недоборовъ и непредвидѣнныхъ расходовъ				67.530
Всѣхъ расходовъ . . .		591,014 р.		612,000 р.

Итакъ, на необязательныя потребности, если даже включить въ нихъ всю дорожную повинность, предназначалось въ 1867 г. только 23%, а въ 1868 г. только 22% смѣтной суммы **; остальные же 77% и 78% назначены на потребности обязательныя, то-есть на потребности гражданскаго и воинскаго управленій, на содержаніе управъ и мировыхъ судей, и на подводную повиность, переложенную на деньги въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Необязательныя же повинности безъ дорожной составляютъ въ 1867 г. 11%, а въ 1868 г. 10% смѣтной суммы, тогда какъ содержаніе однѣхъ управъ равнялось въ 1867 г. 19% (съ воз-

* Напоминаю читателю, что въ моей статьѣ раздѣленіе потребностей на обязательныя и необязательныя сдѣлано *по ихъ существу*, а не на основаніи Положенія о земск. учрежденіяхъ.

** При этомъ я не беру въ разсчетъ для 1868 г. послѣдней статьи 67,530 р., состоящей изъ возвратныхъ и запасныхъ суммъ, по невозможности сдѣлать въ ней вполнѣ точное отдѣленіе обязательныхъ потребностей отъ необязательныхъ; хотя съ достовѣрностію можно заключить, что не менѣе половины этой суммы пошло на потребности обязательныя, такъ-какъ изъ подробной смѣты видно, что въ эту сумму входятъ 28,467 р., исключительно предназначавшіеся на обязательныя потребности.

вратомъ прежде позаимствованныхъ суммъ), а въ 1868 г. 15% смѣты.

Для покрытія сказанныхъ расходовъ, предназначалось *губернскаго* и *уѣзднаго* сбора, по раскладкамъ 1867 и 1868 г.:

		На 1867 г.	На 1868 г.
съ земель		394,000	412,562
въ томъ числѣ съ крестьянскихъ	249,800		
съ лѣсныхъ матеріаловъ, идущихъ на продажу		64,360	51,057
съ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ		78,800	28,210
съ фабрикъ, заводовъ и торговыхъ помѣщеній		20,200	25,959
съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ.		9,113	13,047
съ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздахъ			1,902
Итого . .		566,644 р.	532,740 р.

Кромѣ того назначены были дополнительные сборы съ земель, фабрикъ, заводовъ и городскихъ имуществъ, для покрытія всѣхъ расходовъ, опредѣленныхъ по смѣтамъ.

По этимъ раскладкамъ, на земли и лѣсные матеріалы падало въ 1867 г. 81%, а въ 1868 г. 87% общаго оклада; въ частности же на земли крестьянъ приходилось въ 1867 г. 44% общей раскладки (въ раскладкѣ 1868 г. крестьянскія земли не означены особою статьею). Увеличеніе налога на землю въ 1868 г. сравнительно съ 1867 г. произошло вслѣдствіе закона 21-го ноября 1866 г., который, облегчивъ торговый и промышленный классъ, соразмѣрно съ тѣмъ усилилъ повинность съ поземельной собственности. По полученіи этого закона, еще въ раскладкѣ на 1867 г. пришлось разомъ сбросить съ оклада торговыхъ и промысловыхъ документовъ, то-есть съ 78,8000 р., 48,000 р., которые и предположено выбрать съ другихъ предметовъ обложенія въ 1868 г.

Изъ подробныхъ табелей, приложенныхъ къ отчетамъ новгородской губернской управы, можно видѣть, до какой огромной цифры доходитъ земскій налогъ, падающій на крестьянскую землю, и какъ быстро онъ возвышается. Въ 1867 г. съ каждой десятины пахотной, сѣнокосной и усадебной земли приходилось платить, въ различныхъ уѣздахъ, по 11 к., 16 к., 18 к. и

до $24^{1}/_{7}$ коп. Принимая въ соображеніе, что надѣлы временно-обязанныхъ крестьянъ бо̀льшею частію состоятъ именно изъ земель сказанныхъ трехъ разрядовъ (лѣсные участки и выгонъ составляютъ въ надѣлахъ весьма незамѣтную долю), мы должны заключить, что въ Новгородской губ. этимъ крестьянамъ приходится, въ бо̀льшей части случаевъ, платить съ душеваго надѣла приблизительно по 60 к., 1 р., 1 р. 14 к. и до 1 р. 33 к., а съ тягла по 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 2 р. 85 к. и до 3 р. 32 к. Въ слѣдующемъ же 1868 г. земскій налогъ съ десятины сказанныхъ разрядовъ былъ уже по 11 к., 22 к., 23 к., $25^{1}/_{2}$ к. и до $26^{3}/_{4}$ к., а съ душеваго надѣла по 60 к., 1 р. 21 к., 1 р. 38 к., 1 р. 60 к. и до 1 р. 87 к., что̀ составитъ съ тягла по 1 р. 50 к., 3 р., 3 р. 45 к., 4 р. и до 4 р. 67 к.

Кромѣ закона 21-го ноября, на увеличеніе налога съ крестьянскихъ надѣловъ имѣло вліяніе еще то обстоятельство, что сборъ съ лѣсныхъ матеріаловъ, падающій на частныхъ землевладѣльцевъ, былъ уменьшенъ въ 1868 г. на 13,300 р., сравнительно съ предыдущимъ годомъ. По опредѣленію правительствующаго сената, сборъ этотъ долженъ быть даже вовсе уничтоженъ; несмотря на это, многіе уѣзды все-таки внесли его въ свои раскладки на 1868 г. Вообще изъ приведенной выше раскладки на 1867 г. видно, что въ Новгородской губерніи изъ поземельнаго сбора на крестьянъ падаетъ несоразмѣрно бо̀льшая часть, именно изъ 394,000 р. на крестьянъ приходится 249,800 р., т.-е. $63^{2}/_{5}$%, а на частныхъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ бо̀льшимъ числомъ угодій, только 144,200 р., т.-е. $36^{1}/_{5}$%. Съ совершенною отмѣною сбора съ лѣсныхъ матеріаловъ, эта несоразмѣрность еще болѣе увеличится къ невыгодѣ крестьянъ. Происходитъ же эта несоразмѣрность поземельныхъ сборовъ отъ того, что въ Новгородской губерніи всѣ земли раздѣлены на три разряда, и разряды эти обложены чрезвычайно неуравнительнымъ налогомъ: крестьянскіе надѣлы (за исключеніемъ выгоновъ и лѣсныхъ участковъ) всѣ отнесены къ высшему разряду (пахотныя, сѣнокосныя и усадебныя земли), и подесятинный сборъ съ него былъ, какъ мы видѣли, въ 1867 г. отъ 11 к. до $24^{1}/_{7}$, а въ 1868 г. отъ 11 к. до $26^{3}/_{4}$ к.; изъ земель же частныхъ владѣльцевъ къ высшему разряду отнесена только незначительная часть, всѣ же прочія владѣльческія земли, въ томъ числѣ и лѣса, причислены ко 2-му и 3-му разрядамъ, съ обложеніемъ ихъ самымъ ничтожнымъ подесятиннымъ сборомъ. Для нѣкотораго уравновѣшенія такой неуравнительности поземельнаго сбора, принятъ былъ

новгородскимъ земствомъ дополнительный сборъ съ лѣсныхъ матеріаловъ, идущихъ въ продажу, падавшій преимущественно на частныхъ землевладѣльцевъ; но этотъ сборъ, какъ сказано, признанъ сенатомъ незаконнымъ. Съ переложеніемъ его на земли, значительнѣйшая часть его падетъ на земли 1-го разряда, и, слѣдовательно, еще болѣе увеличитъ упомянутую неуравнительность. Сверхъ того, бо̀льшая часть натуральныхъ повинностей, оставаясь въ Новгородской губерніи непереложенною на деньги, падаетъ исключительно на крестьянъ.

Весьма важно было бы знать, какъ велики были недоимки по предположенному на 1867 г. общему сбору 591,000 р.; но въ отчетахъ губернской управы нѣтъ свѣдѣній о недоимкахъ по *уѣзднымъ* сборамъ. Въ общемъ докладѣ губернской управы приведены только недоимки по *губернскому* сбору за послѣдніе два года. По этимъ даннымъ можно, однако, составить понятіе о состояніи счетовъ новгородскаго земства. Въ 1866 и 1867 гг. губернскаго сбора предполагалось по смѣтамъ, всего

за два года	192,106 р.
по 15-е октября 1867 г. поступило. . . .	72,438 »
въ недоимкѣ за уѣздами	117,769 р.,

что̀ составляетъ 61% предположеннаго губернскаго сбора. Кромѣ того, прежнихъ недоимокъ по земскому сбору, по счетамъ казенной палаты, съ окладомъ губернскаго сбора 1865 г., было неуплачено къ 15-му октября 1867 г. 162,714 р. Наконецъ, къ тому же сроку состояло въ долгу за уѣздами по заимообразнымъ выдачамъ, на подкрѣпленіе ихъ средствъ, изъ губернскаго запаснаго капитала, 100,247 р. Изъ подробнаго разсчета, представленнаго въ докладѣ губернской управы, видно, что значительная часть *губернскихъ* и *уѣздныхъ* расходовъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія земскихъ учрежденій, покрыта была суммами губернскаго запаснаго капитала, составившагося чрезъ поступленіе земскихъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Ежели бы этого капитала не удалось собрать, то, по заявленію губернской управы, уѣздныя земства оказались бы несостоятельными. Далѣе въ отчетѣ сказано, что такъ-какъ въ настоящее время запасный губернскій капиталъ истощился и скораго пополненія его не предвидится, то губернская управа не можетъ ручаться за исполненіе всѣхъ назначенныхъ по смѣтѣ губернскихъ потребностей даже въ 1868 году, буде губернское собраніе не отыщетъ средствъ къ лучшему поступленію губернскихъ сборовъ. «При настоящихъ денежныхъ средствахъ — добавляетъ

управа — новгородское земство существовать не можетъ; несостоятельность земства въ денежномъ отношеніи дѣлаетъ невозможнымъ удовлетвореніе возложенныхъ на земство потребностей, что̀ ведетъ за собою принятіе земскаго хозяйства въ распоряженіе администраціи, а это ровняется закрытію земства». Вотъ выводъ, къ которому пришла, послѣ трехъ лѣтъ дѣятельности, новгородская губернская управа, обратившая на себя общее вниманіе знаніемъ дѣла и вполнѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, равно чуждымъ какъ апатіи, ограничивающейся однимъ формальнымъ отбываніемъ службы, такъ и тѣхъ самолюбивыхъ и праздныхъ выходокъ, которыя столько вредятъ успѣху всякаго дѣла.

Исчисливъ различныя второстепенныя причины недоимокъ по губернскому сбору, состоящія преимущественно въ удержаніи уѣздными управами, для употребленія на уѣздныя потребности, той части сборовъ, которая слѣдуетъ въ депозитъ губернскаго сбора, новгородская губернская управа признаетъ, однако, главнѣйшею причиною недоимокъ *несостоятельность средствъ плательщиковъ*. Въ доказательство того, что *уѣздные* земскіе сборы въ Новгородской губерніи находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ губернскіе, можно привести свѣдѣнія крестецкой уѣздной управы той же губерніи, перепечатанныя въ одной изъ нашихъ газетъ. Изъ нихъ видно, что изъ земскаго сбора, слѣдовавшаго къ поступленію въ этомъ уѣздѣ въ 1866 и 1867 гг. въ количествѣ 94,708 р., дѣйствительно поступило по 1-е сентября 1867 г. только 45,845 р., а въ недоимкѣ состояло 48,862 р., *хотя смѣтныя назначенія этихъ двухъ лѣтъ ограничивались однѣми обязательными повинностями*. «Губернская управа должна сознаться — сказано въ отчетѣ новгородской управы — что денежныя средства земства очень скудны. Между тѣмъ, разнаго рода сборы ежегодно увеличиваются, и трудно предвидѣть, когда они установятся. Доказательствомъ этого служитъ увеличеніе, впродолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ (1866 и 1867), *обязательныхъ* земскихъ повинностей съ 80-ти тысячъ на 412 тысячъ рублей. Въ настоящее время ни одинъ плательщикъ не можетъ предвидѣть, сколько съ него потребуютъ въ слѣдующемъ году земскихъ платежей; это опредѣляетъ смѣта, составляемая сообразно потребностямъ, заключающимся преимущественно въ обязательныхъ расходахъ, и потому нѣтъ средствъ соображать требованія съ возможностію исполненія. При составленіи смѣты на 1867 г. земскія собранія, сознавая крайнюю необходимость во многихъ необязательныхъ расходахъ, скрѣпя сердце, должны

были отъ нихъ отказаться, въ виду трудности уплаты сбора, и ограничились почти одними обязательными расходами; но все-таки сборъ на нихъ остался для плательщиковъ крайне обременительнымъ, поступаетъ чрезвычайно неудовлетворительно, и ежели бы новгородское земство не имѣло небольшаго запаснаго капитала, то земскія учрежденія оказались бы безъ средствъ для удовлетворенія потребностей. Изъ этого ясно видно, что въ настоящее время земство производитъ расходы сборамъ съ существующихъ доходовъ, бывшихъ до его открытія, увеличиваетъ ежегодно эти сборы, и ежели этотъ порядокъ продолжится еще нѣсколько лѣтъ, то, истощая средства плательщиковъ, земство не выполнитъ своего предназначенія». Въ докладѣ управы есть кромѣ того такое заявленіе: «къ величайшему сожалѣнію, трехлѣтній опытъ доказалъ, что торговое сословіе, за очень рѣдкими исключеніями, выказало полное хладнокровіе къ развитію земскихъ учрежденій». Иначе и быть не могло: законъ возлагаетъ на торговое сословіе самое ничтожное участіе въ земскихъ тягостяхъ, именно уплату 25% и 10% съ тѣхъ пошлинъ, которыя вносятся въ казну лицами этого сословія за получаемыя ими свидѣтельства на право торговли; съ другой стороны, наибольшая часть необязательныхъ расходовъ земства идетъ на потребности сельской жизни, непредставляющія непосредственнаго интереса для купцовъ и мѣщанъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что равнодушіе къ земскимъ дѣламъ не составляетъ принадлежности одного городскаго сословія, но относится и къ большинству землевладѣльцевъ, не говоря уже о крестьянахъ, которые смотрятъ на свое участіе въ земскомъ самоуправленіи чисто какъ на обязательную повинность. Несостоятельность однихъ изъ плательщиковъ (крестьянъ и мелкихъ помѣщиковъ) и совершенное равнодушіе большинства другихъ — вотъ краткая, но вѣрная характеристика нынѣшнаго положенія земскаго дѣла. Положимъ, что Новгородская губернія во многихъ отношеніяхъ находится въ весьма невыгодныхъ условіяхъ: почва ея непроизводительна; частые неурожаи и сибирская язва дѣйствуютъ разорительно на сельское хозяйство; въ то же время близость къ столицѣ, сосредоточеніе въ губерніи значительнаго числа войскъ, разбросанность селеній и городовъ на огромныхъ пространствахъ требуютъ отъ земства многихъ лишнихъ расходовъ и увеличиваютъ его бюджетъ. Но за то населеніе этой губерніи гораздо развитѣе и способнѣе къ промысламъ, чѣмъ жители черноземныхъ губерній; близость къ столицѣ и пути сообщенія, сухопутные и водяные, пересѣкающіе эту губернію во многихъ на-

правленіяхъ, дѣлаютъ здѣсь заработки болѣе легкими и доходными, чѣмъ въ какой нибудь Харьковской или Курской губерніи, хотя послѣднія и надѣлены плодороднѣйшимъ черноземомъ. Потому-то денежная несостоятельномъ земства, столь очевидно высказанная новгородскою губернскою управою, не составляетъ принадлежности одной этой губерніи, но въ большей или меньшей степени должна относиться и къ другимъ губерніямъ. Такое заключеніе подтверждается, впрочемъ, какъ слухами, такъ и печатными свѣдѣніями, идущими изъ разныхъ губерній.

Изъ другихъ земскихъ отчетовъ, бывшихъ у меня подъ рукою, нельзя видѣть полной цифры сборовъ, лежащихъ на различныхъ классахъ плательщиковъ, такъ-какъ эти отчеты касаются либо однѣхъ уѣздныхъ, либо однѣхъ губернскихъ повинностей. Но по нимъ можно однако судить объ относительномъ распредѣленіи земскихъ сборовъ между различными сословіями и о главнѣйшихъ статьяхъ земскихъ расходовъ.

Изъ отчета псковской уѣздной управы за 1866 г. видно, что по окладу на этотъ годъ предназначалось къ сбору *уѣздной* повинности:

			Состояло въ недоимкѣ къ 1 января 1867 г. за 1865 г. и 1866 г.	
Съ земель.		29,910 р.		3,995 р.
Въ томъ числѣ:				
Съ крестьянскихъ	21,000 р.		664	
Съ дворянскихъ и принадлежащихъ городскимъ сословіямъ	7,638		1,806	
Съ казенныхъ	1,182		1,477	
Съ недвижимыхъ имуществъ въ городѣ и посадѣ		268		211
Съ фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній . . .		8,450		2,493
Съ торговыхъ капиталовъ		4,419		411
Всего по окладу		43,047	въ недоимкѣ	6,510 р.

Отсюда видно, что 70% оклада падала на поземельную собственность, а въ частности на земли крестьянъ — почти половина оклада; на крестьянахъ же лежала и вся натуральная повинность. Съ изданіемъ закона 21 ноября 1866 г., на земли должна была упасть еще бо̀льшая часть земскаго сбора. Сверхъ того изъ приведенныхъ цифръ явствуетъ, что въ Псковскомъ уѣздѣ на крестьянскихъ земляхъ числилась ничтожная недоимка, тогда какъ она была значительна на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и особенно на казенныхъ земляхъ; самая же большая

недоимка, по валовой цифрѣ, состояла за фабриками, заводами и торговыми заведеніями. Слѣдовательно недоимочность на различныхъ классахъ плательщиковъ обнаружилась въ этомъ уѣздѣ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ состоятельнѣе классъ плательщиковъ. Изъ весьма достовѣрнаго источника мнѣ извѣстно, что подобное же явленіе повторилось и въ Новгородской губ.: тамъ земскій сборъ съ крестьянскихъ обществъ поступалъ гораздо исправнѣе, чѣмъ съ частныхъ землевладѣльцевъ.

Относительно расходовъ отчетъ показываетъ, что псковскою уѣзною управою всего израсходовано въ 1866 г. 40,177 р. Изъ этой суммы на необязательныя потребности употреблено: на народное образованіе 80 р., на медицинскія потребности 430 р. (въ томъ числѣ 30 р. на покупку купороса по случаю холеры), на дорожную повинность 208 р., на заготовленіе карты Псковскаго уѣзда 30 р., всего 748 р.; остальные же 39,429 р. всѣ пошли на повинности обязательныя, въ томъ числѣ на содержаніе уѣздной управы 8,443.

Изъ словесныхъ разспросовъ я также узналъ, что въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи сборъ на уѣздныя повинности равнялся въ 1867 г. 34,000 р. и что вся эта сумма пошла на удовлетвореніе однѣхъ обязательныхъ потребностей, за исключеніемъ незначительной суммы, употребленной на наемъ землемѣра при управѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что порховская уѣздная управа, отличавшаяся въ первое трехлѣтіе своего существованія замѣчательною дѣятельностію и усердіемъ къ земскому дѣлу, употребляла на свое содержаніе всего только 5,000 р. въ годъ, что̀ ставитъ ее въ число самыхъ дешевыхъ, такъ-какъ есть уѣздныя управы, обходящіяся земству свыше 10,000 рублей.

Есть, наконецъ, у меня данныя, относящіяся къ мѣстности характера совершенно противоположнаго приведеннымъ двумъ бѣднымъ губерніямъ, къ богатому земледѣльческому Александровскому уѣзду Екатеринославской губерніи, прилегающему къ портамъ Азовскаго моря. Тамъ земское собраніе щедрою рукою назначило смѣты по нѣкоторымъ статьямъ земскихъ потребностей на 1867 г. Къ сожалѣнію, цифры эти (см. Сборникъ постановленій перваго очереднаго александровскаго земскаго собранія) далеко не представляютъ полнаго бюджета александровскаго земства, такъ-какъ, по нераздѣленію еще въ 1866 г. земскихъ повинностей Екатеринославской губерніи на губернскія и уѣздныя, александровское земское собраніе (бывшее въ октябрѣ 1866 г.) ограничилось назначеніемъ на 1867 г. только *дополнительныхъ* сборовъ къ тѣмъ, которые сущест-

вовали уже по прежнимъ земскимъ раскладкамъ, предшествовавшимъ введенію земскихъ учрежденій. Эти дополнительные сборы предназначены были на слѣдующія потребности:

на содержаніе уѣздной управы	10,078	р.
на устройство земской почты, въ замѣнъ натуральнаго ея отбыванія	76,250*	(?!)
на народное образованіе	2,000	
на дорожную повинность	1,000	
всего	89,328	

Если принять съ соображеніе, что, кромѣ содержанія управы, сюда не включено ни одной изъ обязательныхъ повинностей, то можно полагать, что полный расходъ александровскаго земства на *уѣздныя* повинности перейдетъ цифру 120,000 р., не считая повинности губернской.

Для покрытія сказанныхъ расходовъ назначенъ по окладу слѣдующій *дополнительный* сборъ:

Съ земель		59,159	р.
въ томъ числѣ съ крестьянскихъ . . .	40,750		
Съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. .		2,557	
Съ свидѣтельствъ на право торговли . .		2,224	
Съ промышленныхъ и питейныхъ заведеній		6,518	
всего дополнительнаго сбора		70,458	

Такимъ образомъ здѣсь на поземельную собственность ложится 84% дополнительнаго сбора, на земли же собственно крестьянскія 58%. Съ изданіемъ закона 21 ноября 1866 г., часть сборовъ, падающая на землю, должна была еще болѣе увеличиться. Однако, при обиліи удобныхъ земель въ этомъ уѣздѣ, подесятинный сборъ на земскія потребности долженъ выдти здѣсь менѣе значительнымъ, чѣмъ во многихъ внутреннихъ губерніяхъ. Притомъ, при плодородіи тамошнихъ земель и при удобствѣ сбыта чрезъ Маріуполь и Таганрогъ, казалось бы

* Значеніе этого расхода остается непонятнымъ: если здѣсь разумѣется содержаніе такъ-называемыхъ пунктовщиковъ, обязанныхъ развозить земскихъ, полицейскихъ и слѣдственныхъ чиновниковъ и ихъ корреспонденцію, то означенная цифра поражаетъ своею огромностію (въ Петербургской губерніи двухконный пунктовщикъ стоитъ земству 300 р. въ годъ); если же подъ этимъ расходомъ разумѣется вся вообще подводная повинность, переложенная на деньги (перевозка войскъ и арестантовъ), то такому значенію не соотвѣтствуетъ названіе земской почты; да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ расходъ въ 76,250 р. оказывается несоразмѣрно великимъ.

земскій налогъ не долженъ быть слишкомъ для крестьянъ обременителенъ; но на самомъ дѣлѣ онъ не обременителенъ только для греческихъ поселенцевъ Маріупольскаго округа, такъ-какъ они, владѣя по 20 дес. на душу, не платятъ почти никакихъ государственныхъ налоговъ; для крестьянъ же бывшихъ государственныхъ и особенно для временно-обязанныхъ даже и незначительный налогъ долженъ оказаться крайне тяжелымъ, потому что другіе лежащіе на нихъ платежи превышаютъ уже средства, которыя они могутъ извлекать изъ земли. По расчисленію, сдѣланному секретаремъ александровской управы барономъ Корфомъ (С.-Петерб. Вѣд. 1867 г. № 266), въ этомъ уѣздѣ приходится вносить всѣхъ обязательныхъ платежей, государственныхъ, земскихъ и общественныхъ, *съ каждой десятины* надѣла:

Греческимъ поселенцамъ, при 20 дес. душеваго надѣла . . . . 24 к.

Бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, при 7½ дес. надѣла . . . . 1 р. 27 к.

Временно-обязаннымъ крестьямъ, при 4 — 4½ дес. надѣла . . . . 2 р. 95 к.

Между тѣмъ, по замѣчанію барона Корфа, арендная плата за десятину почти никогда не превышаетъ въ уѣздѣ одного рубля! Понятно, что при такой чрезвычайной несоразмѣрности платежей, лежащихъ на крестьянахъ, съ доходностію земли, для крестьянъ становится тягостнымъ даже и самый незначительный налогъ въ пользу земства, непревышающій, по замѣчанію г. Корфа, для временно-обязанныхъ крестьянъ этого уѣзда 2%, а для государственныхъ 5% всѣхъ лежащихъ на нихъ платежей. Что тамошніе крестьяне не въ состояніи вынести большаго налога на земскія нужды, видно изъ того, что на нихъ накопилось уже всѣхъ вообще недоимокъ отъ 50 до 90 коп. на ревизскую душу. Итакъ александровское земство, дойдя, можно сказать, до предѣла возможнаго для крестьянъ обложенія, могло удѣлить изъ своего бюджета 1867 года только 2,000 р. собственно на необязательныя потребности, именно на народное образованіе, такъ-какъ дорожная повинность (1,000 р.), очевидно, ограничивалась самыми необходимыми, слѣдовательно, обязательными для земства дорожными исправленіями.

Наконецъ, вотъ нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ напечатанныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отчетовъ о засѣданіяхъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній, въ предпослѣдній съѣздъ ихъ, въ концѣ минувшаго 1868 года.

Въ Курской губерніи, по смѣтѣ *губернскихъ* земскихъ повинностей на 1869 г., назначено:

Обязательныхъ	95,945 р.,	т.-е. $69^1/_2$%
Необязательныхъ	42,065	
	138,010.	

Въ Самарской губерніи, по таковой же смѣтѣ:

Обязательныхъ	92,000 р.,	т.-е. $77^1/_2$%
Необязательныхъ	27,000	
	119,000.	

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ послѣдней губерніи на 2-ю половину 1869 года исчислено земскихъ расходовъ:

Обязательныхъ. . .		68,247 р.,	т.-е. 91%
Необязательныхъ . .		6,748	
Именно: на школы . . .	3,000		
на медиц. часть.	3,748		
		75,000	

По сдѣланной для этого уѣзда раскладкѣ земскихъ повинностей, падаетъ:

На земли.	71,778 р.,	т.-е. 93,8%
На торговыя свидѣтельства. .	2,576	
На фабрики, заводы и др. заведенія	2,172	

Въ Полтавской губерніи на *губернскія* повинности исчислено, по смѣтѣ на 1869 г., 209,995 р., въ томъ числѣ на дорожную повинность 58,077 р., на наемъ техниковъ 5,000 р., а вся остальная сумма 146,918 р., т.-е. 70%, назначена на обязательныя потребности. По раскладкѣ же предназначено къ сбору 171,000 р., которые распредѣлены такъ:

Съ земель	115,481 р.,	т.-е. $67^1/_2$%
Съ свидѣтельствъ, билетовъ и патент.	49,435	
Съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ	6,083	

Изъ всѣхъ бывшихъ у меня подъ рукою смѣтъ, наименьшій процентъ на обязательныя повинности приходится въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ, гдѣ, по смѣтѣ на 1869 г., исчислено *губернскихъ и уѣздныхъ* повинностей:

Обязательныхъ		56,000 р.,	т.-е. $66^2/_3$%
Въ томъ числѣ на содержаніе уѣздной управы	10,500		
Необязательныхъ		28,135	
Въ томъ числѣ: на школы .	2,000		
		84,135	

Равнымъ образомъ изъ земской раскладки этого уѣзда на 1869 г. видно, что въ немъ на земли падаетъ меньшая часть повинностей, чѣмъ на другіе предметы обложенія въ совокупности, именно:

На земли	26,753 р.,	т.-е. $32^1/_2$%
На заводы, фабрики и торговыя помѣщенія	24,300	
На свидѣтельства, билеты и на аренды, платимыя за питейныя, трактирныя и другія торговыя помѣщенія . .	29,783	
	80,847	

Инаго отношенія между поземельнымъ сборомъ и остальною частью земскихъ доходовъ и быть не могло въ Петербургскомъ уѣздѣ, при обиліи непроизводительныхъ земель въ этомъ уѣздѣ, а съ другой стороны при обширномъ развитіи въ немъ мануфактурной промышленности и торговой дѣятельности.

По всей вѣроятности, перевѣсъ земскихъ доходовъ съ торговли и мануфактурной промышленности надъ поземельнымъ сборомъ долженъ существовать также и въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ заводско-фабричная и торговая дѣятельность распространена еще сильнѣе, чѣмъ въ Петербургскомъ уѣздѣ. Свѣдѣній по Московскому уѣзду въ отдѣльности не имѣется; но изъ «Пр. Вѣстника» видно, что по всей Московской губерніи было исчислено *губернскаго* сбора на 1867 годъ:

Съ земель	68,561 р.
Съ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ.	263,379 »
Взысканій, налагаемыхъ мировыми судьями	14,559 »
Съ отдачи на откупъ переправъ . . .	596 »
	347,095 р.

Впрочемъ, надобно думать, что въ общей суммѣ сборовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, по Московской губерніи, поземельный сборъ составляетъ гораздо бо̀льшій процентъ, чѣмъ по одному губернскому сбору, и вѣроятно даже превосходитъ сборы съ другихъ предметовъ, вмѣстѣ взятые.

Относительно недоимокъ по земскимъ сборамъ, въ земскомъ отдѣлѣ «Правительственнаго Вѣстника» находится всего три указанія; но указанія эти очень поучительны, ибо одно изъ нихъ относится къ хлѣбородной Полтавской губерніи, а другое къ богатой Московской, гдѣ рабочее населеніе постоянно имѣетъ выгодные заработки, а помѣщичьи имѣнія приносятъ сравни-

тельно больший доходъ, чѣмъ во всей сѣверной половинѣ Россіи.

Въ Полтавской губерніи къ 1 января 1869 г. числилось за прежнее время недоимокъ на плательщикахъ по *губернскому* сбору 270,000 р. Въ виду такой огромной недоимки, одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что полтавское земство до такой степени обременено налогами, что не въ состояніи выплатить и сбора на обязательныя потребности.

Въ Московской губерніи по губернскому *поземельному* сбору (не считая сборовъ по другимъ статьямъ обложенія) числилось недоимокъ къ 1 января 1867 года 39,438 р.; изъ нихъ на частныхъ владѣльцахъ 26,253 р., на крестьянскихъ обществахъ 10,578 р., остальное на казнѣ и удѣлѣ. Часть этихъ недоимокъ была впослѣдствіи уплачена; но затѣмъ въ теченіе 1867 г. снова накопилось недоимокъ по поземельному сбору 15,167 р., которыя, вмѣстѣ съ прежде образовавшимися, составляли къ 1 іюля 1868 года сумму 30,178 р., именно: на частныхъ владѣльцахъ 15,902 р., на крестьянскихъ обществахъ 9,237 р., на казнѣ и удѣлѣ 5,039 р. Окладъ губернскаго *поземельнаго* сбора былъ въ 1866 г. 90,252 р., а въ 1867 г. 68,561 р. Изъ преній губернскаго московскаго собранія 1868 г. видно также, что сборъ, предположенный въ 1869 г. на губернскія повинности, не покрываетъ всѣхъ расходовъ по этимъ повинностямъ, и что недостающую сумму 16,700 р. губернское собраніе опредѣлило отнести насчетъ остаточнаго капитала. Несмотря на всѣ неудобства такого покрытія передержекъ насчетъ скоро истощимаго остаточнаго капитала, собраніе не признало возможнымъ увеличивать сбора съ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ-какъ въ противномъ случаѣ обложеніе этихъ предметовъ можетъ дойдти до цифры, которой они не въ состояніи вынести. Такимъ образомъ, въ Московской губерніи земскаго сбора не хватаетъ на покрытіе всѣхъ назначенныхъ по смѣтѣ расходовъ, а недоимки по поземельному губернскому сбору ежегодно составляли отъ 43 до 44% этого сбора. Одни мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія Московской губерніи поглощаютъ болѣе, чѣмъ сколько даетъ весь поземельный сборъ на губернскія потребности: именно на мировыя учрежденія требовалось въ 1869 г. 64,150 р., а весь поземельный сборъ исчисленъ въ 63,080 р.

Отъ богатыхъ губерній Московской и Полтавской перейдемъ къ бѣднѣйшей, Олонецкой. Положеніе земства въ этой губерніи слѣдующимъ образомъ очерчено въ постановленіи тамошняго губернскаго собранія, бывшаго въ декабрѣ прошедшаго 1868 г.:

*

«Населеніе, разоренное неурожаями послѣднихъ лѣтъ и сибирскою язвою, близко было бы къ поголовному голоду, еслибы высшее правительство не оказало тѣхъ широкихъ пособій, которыя губернія получила въ два послѣдніе года. За всѣмъ тѣмъ на сельскомъ населеніи, крайне тяготившемся уже земскимъ налогомъ нынѣшняго года, когда земство получило остатокъ прежнихъ сборовъ до 56,000 р. и когда общая сумма земскаго налога, губернскаго и уѣзднаго, составляла только 80,463 руб., накопились огромныя недоимки, и по этому налогу, и по продовольственнымъ ссудамъ. Изъ числа налога по настоящее время едва-ли поступила и *одна третья часть*, такъ, что члены и канцеляріи управъ до сихъ поръ не получаютъ своевременно жалованья, содержаніе медикамъ, учителямъ народныхъ школъ и т. п. расходы едва удовлетворяются изъ подобныхъ источниковъ. Таковъ былъ первый годъ дѣятельности земства; но будущій представляетъ такія неисходныя затрудненія, что, въ случаѣ неполученія разрѣшенія на обложеніе земель въ первые же мѣсяцы наступающаго года, можно сказать утвердительно, остановятся всѣ дѣйствія земства, такъ-какъ населеніе положительно не можетъ выплатить земскаго налога, падающаго на жилые дома и, въ сравненіи съ настоящимъ годомъ, слишкомъ втрое бо̀льшаго. По составленнымъ смѣтамъ, земству предстоитъ въ 1869 г. расходовъ: по удовлетворенію губернскихъ денежныхъ потребностей 78,561 р., уѣздныхъ 34,885, потребностей на губернскія и уѣздныя мировыя учрежденія 23,535 р. Если присоединить къ этому новый расходъ на содержаніе судебнаго мироваго института, 34,125 р., то общая сумма земскаго бюджета будетъ простираться до 171,106 р. Изъ этой суммы $^{19}/_{20}$ частей должны упадать преимущественно на недвижимыя имущества, т.-е. немногочисленные частные заводы и жилые дома обывателей; цѣнность этихъ имуществъ составляетъ около трехъ милліоновъ, слѣдовательно ежегодный налогъ па нихъ составитъ болѣе 4% на каждый рубль. Кромѣ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, здѣшній бѣдный край не представляетъ никакихъ источниковъ обложенія, и такимъ образомъ вся сумма налоговъ падаетъ почти на непроизводительную собственность обывателей— на нежилые и большею частію неприносящіе никакого дохода дома». Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, собраніе постановило: «представивъ губернатору о настоящемъ затруднительномъ положеніи земства, просить его ходатайствовать предъ правительствомъ: не будетъ ли признано возможнымъ отнести содержаніе вновь учрежденнаго въ Олонецкой губерніи судебно-ми-

роваго института на счетъ государственнаго казначейства, по крайней мѣрѣ на первые три года, впродолженіе которыхъ, при разрѣшеніи обложенія земель, земство можетъ надѣяться изыскать новыя средства въ развитіи нравственныхъ и матеріальныхъ силъ населенія».

Въ тѣхъ двухъ уѣздахъ, описанію которыхъ были посвящены мои предъидущія статьи, также числятся весьма большія недоимки по земскимъ сборамъ. Въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, по словамъ предсѣдателя тамошней управы, земскаго сбора не хватаетъ на удовлетвореніе однѣхъ обязательныхъ повинностей, а жалованье членамъ управы и служащимъ при ней лицамъ было выплачиваемо, въ прошедшемъ 1868 году, заимообразно однимъ изъ членовъ, богатымъ помѣщикомъ, изъ его собственныхъ средствъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что не всѣ недоимки происходятъ отъ несостоятельности плательщиковъ: причиною ихъ часто бываетъ поздняя разсылка окладныхъ листовъ, посылаемыхъ иногда плательщикамъ во второй половинѣ года и даже въ концѣ того года, за который слѣдуетъ окладъ. Сверхъ того недоимки накопляются отъ недостатка напоминаній и понужденій со стороны управъ и земской полиціи. Эти второстепенныя причины недоимокъ повторяются почти въ одинаковой мѣрѣ во всѣхъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ мои прежніе, теоретическіе выводы о распредѣленіи земскихъ налоговъ между различными предметами обложенія, о состоятельности разныхъ классовъ плательщиковъ и о поглощеніи большей части земскихъ сборовъ обязательными повинностями, къ сожалѣнію, слишкомъ убѣдительно подтверждаются имѣвшимися у меня подъ рукою отчетами земскихъ управъ. Изъ нихъ видно, что, еще до введенія закона 21 ноября 1866 года, на поземельную собственность падало, въ приведенныхъ мѣстностяхъ, отъ 70% до 84% всѣхъ земскихъ сборовъ, а по введеніи сказаннаго закона — до 87% и даже до 93,8% (въ Бузулукскомъ уѣздѣ); исключеніе представляютъ только Петербургскій уѣздъ и Московская губернія, впрочемъ эта послѣдняя — только по губернскому сбору. Недоимки доходятъ: въ Московской губерніи, по одному лишь поземельному губернскому сбору, до 44%, въ Новгородской, по всѣмъ вообще земскимъ сборамъ, до половины всѣхъ сборовъ, а въ Олонецкой превышаютъ ²/₃ сборовъ. Обязательныя повинности, предназначаемыя на удовлетвореніе потребностей гражданскаго и военскаго управленій, на содержаніе управъ и мировыхъ судей, поглощаютъ отъ 67% до 98% земскихъ сбо-

ровъ; въ томъ числѣ на одно содержаніе управъ предназначалось по смѣтамъ перваго трехлѣтія отъ 55,000 р. до 113,000 р. на губернію, а въ среднемъ выводѣ по 79,933 р. для каждой изъ 30 губерній, гдѣ введены земскія учрежденія (Пр. В. 1869 г. № 1).

Когда настоящая статья была уже приготовлена къ печатанію, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 20 сентября (№ 204) появился сравнительный обзоръ земскихъ росписей по 25 губерніямъ, составленный на основаніи отчетовъ губернаторовъ за 1867 — 1868 года (по губерніямъ Смоленской, Тамбовской, Тульской и Ярославской свѣдѣній не доставлено). Обзоръ этотъ далеко не полонъ: въ немъ, напримѣръ, не указано *расходовъ* земства по всѣмъ обязательнымъ и необязательнымъ повинностямъ, а только показана стоимость содержанія самихъ земскихъ учрежденій и судебно-мироваго института. Цѣнность натуральныхъ повинностей вовсе не показана. О недоимкахъ по земскимъ сборамъ также не упоминается. Кромѣ того въ таблицѣ земскихъ сборовъ и въ сдѣланныхъ изъ нея выводахъ допущено множество ошибокъ и опечатокъ, затрудняющихъ возможность вѣрныхъ заключеній. Несмотря на это, сказанный обзоръ представляетъ много интереснѣйшихъ данныхъ; съ самаго введенія земскихъ учрежденій это есть первое офиціальное свѣдѣніе, дающее отвѣты хотя на нѣкоторые изъ числа существеннѣйшихъ вопросовъ относительно нынѣшняго положенія земскаго дѣла. Цифры, приводимыя въ этомъ обозрѣніи, вполнѣ подтверждаютъ сдѣланные мною выводы о распредѣленіи земскихъ налоговъ между различными классами плательщиковъ.

Вотъ важнѣйшія данныя этого обозрѣнія. Всего земскаго сбора въ 25 губерніяхъ значится 10.309,000 р. въ годъ; въ томъ числѣ на земли падаетъ 7.551,000 р., т.-е. $73^{1}/_{4}$%, а на торговые и промысловые документы 1.275,000 р., т.-е. $12^{1}/_{3}$%. Въ частности по губерніямъ земскій сборъ восходитъ отъ 241,000 р. (Псковская губ.) до 1.202,000 р. (Воронежская губ.), среднимъ же числомъ приходится его на каждую губернію около 412,000 р. Поземельный сборъ по губерніямъ доходитъ: въ Нижегородской губерніи до 84% всего сбора, въ Пензенской до $86^{1}/_{3}$%, въ Самарской до 89%, въ Новгородской до $93^{2}/_{5}$%. Между сословіями поземельный сборъ распредѣляется такимъ образомъ, что сельскія общества несутъ изъ него нѣсколько менѣе $^{2}/_{3}$, частные собственники нѣсколько больше $^{1}/_{3}$, а казенныя земли около $^{1}/_{20}$ части. Подесятинный налогъ на всѣ вообще земли и лѣса сельскихъ обществъ (а не на однѣ пахотныя, сѣнокосныя и усадебныя, какъ было выше сего при-

ведено для Новгородской губерніи) восходитъ отъ 2,6 копейки (Самарск. губ.) до 9,5 (Новгор. г.), 11,1 (Моск. г.), 12,8 (Владим. г.) и 13,8 (Рязанск. г.). Подесятинный налогъ на земли и лѣса частныхъ владѣльцевъ въ тѣхъ же губерніяхъ представляютъ цифры: 2,37 (Самар. г.), 3,7 (Новгор. г.), 10,4 (Московск. г.), 12,5 (Владим. г.) и 13,5 (Рязанск. г.). Земли сельскихъ обществъ, въ среднемъ выводѣ, почти повсюду несутъ высшій подесятинный налогъ, чѣмъ земли частныхъ владѣльцевъ. Особенно чувствительную разницу въ этомъ отношеніи представляютъ слѣдующія губерніи:

	Съ земель и лѣсовъ сельскихъ общ.	Съ земель и лѣсовъ частн. владѣльцевъ.
Новгородская.	9,5	3,7
Костромская	7,5	2,9
Таврическая	8,5	3,8
Псковская.	8,2	4,6
Симбирская	6,4	4,86
Тверская (гдѣ показаны одни лишь уѣздные сборы). . . .	9,6	6,6

Только въ слѣдующихъ четырехъ губерніяхъ крестьянскія земли несутъ налогъ нѣсколько меньшій, чѣмъ помѣщичьи:

	Съ земель и лѣсовъ сельскихъ общ.	Съ земель и лѣсовъ частн. владѣльцевъ.
Въ Полтавской	7,53	9
» Харьковской	7	7,9
» С.-Петербургской (гдѣ показаны одни уѣздные сборы) . .	4,7	5,1
» Курской	8,86	9,2

Различіе въ среднихъ цифрахъ обложенія крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель происходитъ отъ того, что земли обработанныя и населенныя повсемѣстно обложены значительно бо̀льшимъ налогомъ, чѣмъ лѣсныя, ненаселенныя и вообще необработанныя пространства; и такъ-какъ земель этого втораго рода состоитъ гораздо большее количество за помѣщиками, чѣмъ за крестьянами, то понятно, что отъ этого средняя цифра обложенія помѣщичьихъ земель должна значительно понижаться сравнительно съ цифрою обложенія крестьянскихъ земель. Потому-то разница между этими цифрами вообще значительнѣе въ губерніяхъ лѣсныхъ и мало населенныхъ и менѣе значительна въ губерніяхъ безлѣсныхъ и съ черноземными неунаво-

живаемыми полями. Впрочемъ, нѣкоторыя губерніи представляютъ уклоненія отъ сказаннаго правила, однѣ въ пользу помѣщиковъ, напр. Воронежская, другія въ пользу крестьянъ, напримѣръ Петербургская. Если мы однако примемъ въ соображеніе, что натуральныя повинности лежатъ большею частію на однихъ крестьянахъ, то окажется, что и въ тѣхъ даже губерніяхъ, гдѣ на крестьянскія земли упадаетъ нѣсколько меньшій налогъ, чѣмъ на помѣщичьи, крестьяне далеко не вознаграждаются этимъ за тяжесть натуральныхъ повинностей. Такъ напримѣръ въ Харьковской губерніи, гдѣ крестьянскія земли несутъ налога на 0,9 копейки менѣе съ десятины, чѣмъ помѣщичьи, всѣ натуральныя повинности доселѣ лежатъ на однихъ крестьянахъ.

Относительно стоимости земскаго управленія упомянутый обзоръ представляетъ слѣдующія данныя. (Выводы изъ нихъ сдѣланы въ обзорѣ не всегда вѣрно; потому выводы, помѣщаемые въ нашей статьѣ, по возможности свѣрены съ цифрами, на сколько позволяла то неполнота самыхъ данныхъ по разнымъ губерніямъ). Расходъ на содержаніе управъ и канцелярій, равнявшійся по 27-ми губерніямъ въ первое трехлѣтіе 1.990,000 р., понизился во второе трехлѣтіе до 1.859.000 р., среднимъ же числомъ за оба трехлѣтія представляетъ сумму 1.924,000 р. въ годъ, или 81,000 р. на губернію. Такъ-какъ весь земскій сборъ въ 27-ми губерніяхъ (по которымъ получены свѣдѣнія о стоимости земскихъ учрежденій) составлялъ ежегодно нѣсколько болѣе 11.000,000 р., то, слѣдовательно, содержаніе управъ равняется 17½% всего сбора. Если же взять только тѣ 21 губернію, по которымъ имѣются полныя свѣдѣнія о стоимости содержанія управъ, то оказывается, что въ первомъ трехлѣтіи средній ежегодный расходъ каждой губерніи на управы равнялся 85,760 р., а во второмъ 74.750 р., въ оба же трехлѣтія 80,260 р. Въ дѣйствительности же по губерніямъ содержаніе управъ восходило: въ первое трехлѣтіе отъ 46,500 р. (Псковская губ.) до 106,000 р. (Владимірская), а во второе отъ 40,800 р. (Псковская) до 90,600 р. (Тамбовская). По смѣтнымъ же назначеніямъ перваго трехлѣтія на тотъ же предметъ предназначалось отъ 53,000 р. (Пензенская губ.) до 113,000 р. (Полтавская)*. Если сравнивать въ каждой губерніи стоимость управъ съ дѣйствительнымъ количествомъ всего земскаго сбора, то оказывается, что въ четырехъ губерніяхъ (Нижегородской, Петербургской, Тамбовской и Чер-

---

* Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ я опускаю Олонецкую губернію, которая, по своему бѣдному бюджету (35,000 р.), далеко отходитъ отъ другихъ губерній и потому не даетъ понятія объ общемъ характерѣ земскихъ расходовъ.

пиговской) расходъ на управы поглощаетъ безъ малаго $^1/_4$ долю всего земскаго сбора; въ девяти губерніяхъ онъ равняется $^1/_5$ долѣ земскаго сбора; въ двухъ губерніяхъ $^1/_6$ долѣ; въ трехъ губерніяхъ $^1/_7$ долѣ и въ одной губерніи (Воронежской) $^1/_{18}$ долѣ. Замѣчательно также, что хотя во второе трехлѣтіе большая часть земствъ нѣсколько сократила расходы на содержаніе управъ и канцелярій (всего сокращено ежегодныхъ расходовъ на 187,000 руб.), но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство почло нужнымъ еще болѣе возвысить расходъ по этой статьѣ (въ Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Московской).

Наконецъ, изъ таблицъ упоминаемаго обозрѣнія видно, что содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій въ 27 губерніяхъ обходится въ 3.666,000 р. въ годъ, то-есть среднимъ числомъ по 135,800 на губернію. Если къ сказаннымъ 3.666,000 р. присоединимъ стоимость содержанія управъ, то-есть 1.924,600 р., то получимъ, что на оба эти предмета издерживается земствомъ 27 губерній 5.591,000 р., что̀ составляетъ 51%, то-есть болѣе половины всѣхъ земскихъ сборовъ въ этихъ губерніяхъ. Съ какою осмотрительностью слѣдовало бы земству дѣлать выборы земскихъ чиновъ и мировыхъ судей для того, чтобы эти лица своими личными достоинствами и приносимою ими пользою могли окупать столь значительныя жертвы, дѣлаемыя земствомъ на ихъ содержаніе!

Къ сожалѣнію, какъ я уже упоминалъ, въ сказанномъ обозрѣніи «Правительственнаго Вѣстника» ничего не говорится о другихъ расходахъ земства. Но извѣстно, что, послѣ содержанія мировыхъ судей, наиболѣе крупный изъ обязательныхъ расходовъ земства есть расходъ на содержаніе мировыхъ посредниковъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. У меня нѣтъ подъ рукою свѣдѣній объ общей величинѣ этого расхода по всѣмъ губерніямъ; но недавно было опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», что въ Вологодской губерніи, по Высочайше утвержденной смѣтѣ расходовъ на губернскія и уѣздныя по крестьянскимъ дѣла учрежденія, на трехлѣтіе съ 1869 года, исчислено расходовъ 65,545 р. въ годъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, изъ десяти уѣздовъ Вологодской губерніи, крестьянская реформа коснулась лишь пяти уѣздовъ, такъ-какъ въ другихъ пяти не было помѣщичьихъ крестьянъ. Надобно, впрочемъ, думать, что и въ этихъ остальныхъ пяти уѣздахъ, по случаю перехода государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ правительственныхъ учрежденій, также введены недавно мировые посредники. Но во всякомъ случаѣ число ихъ должно быть меньше, чѣмъ въ другихъ губер-

ніяхъ, такъ-какъ въ цѣлой половинѣ Вологодской губерніи обязанности мировыхъ посредниковъ ограничиваются однимъ надзоромъ за волостями. Слѣдовательно, если даже въ этой губерніи на содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ назначено 65,545 р., то надобно думать, что въ другихъ губерніяхъ оно обходится земству нѣсколько дороже. Положимъ, что въ среднемъ выводѣ оно стоитъ не дороже 70,000 р. на губернію, т.-е. столько же, сколько издерживается на содержаніе управъ: въ такомъ случаѣ содержаніе управъ, мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ съ губернскими присутствіями должно поглощать 68% всѣхъ сборовъ, съ такимъ трудомъ и съ такими недоимками уплачиваемыхъ нашими земствами на мѣстныя повинности. Но этимъ еще не исчерпываются обязательныя денежныя повинности земства; остаются еще расходы: на содержаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ гражданскихъ учрежденій; на денежное удовлетвореніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ; на различныя потребности по содержанію и помѣщенію военскихъ частей, постоянно въ губерніи пребывающихъ; наконецъ, арестантско-этапная, военно-подводная и гражданско-подводная (для земской полиціи и судебныхъ слѣдователей) повинности, тамъ, гдѣ эти три рода повинностей переложены на деньги. Если принять въ соображеніе всѣ эти обязательные расходы, то окажется, что цифры 67%—98%, выведенныя мною прежде изъ разсмотрѣнія росписей нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній и уѣздовъ, могутъ быть примѣнены и къ другимъ губерніямъ для приблизительнаго показанія отношенія повинностей, которыя я называю въ моей статьѣ обязательными, къ общей суммѣ земскихъ расходовъ. Немного же остается земству на дороги, училища, медицинскую часть, на увеличеніе средствъ народнаго продовольствія на случай неурожаевъ, на призрѣніе убогихъ и на разныя полезныя учрежденія и предпріятія по земскому хозяйству!

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧТО ТАКОЕ «ТАШКЕНТЦЫ»?

Отступленіе.

«Ташкентцы» — имя собирательное.

Тѣ, которые думаютъ, что это только люди, желающіе воспользоваться прогонными деньгами въ Ташкентъ, ошибаются самымъ грубымъ образомъ.

«Ташкентецъ» — это просвѣтитель вообще, просвѣтитель на всякомъ мѣстѣ, во что бы то ни стало; просвѣтитель, свободный отъ наукъ, но не смущающійся этимъ, ибо наука, по мнѣнію его, создана не для распространенія, а для стѣсненія просвѣщенія. Человѣкъ науки прежде всего требуетъ азбуки, потомъ складовъ, четырехъ правилъ ариѳметики, таблички умноженія и т. д. «Ташкентецъ» во всемъ этомъ видитъ неумѣстную придирку и прямо говоритъ, что останавливаться на подобныхъ мелочахъ значитъ спотыкаться и напрасно тратить золотое время. Онъ создалъ особенный родъ просвѣтительной дѣятельности — просвѣщенія безазбучнаго, которое не обогащаетъ просвѣщаемаго знаніями, не даетъ ему болѣе удобныхъ общежительныхъ формъ, а только снабжаетъ запахомъ. Тотъ, кто пьетъ хересъ très vieux, считаетъ себя просвѣтителемъ относительно того, кто пьетъ хересъ просто vieux; тотъ, кто пьетъ хересъ vieux, считается просвѣтителемъ всѣхъ, пьющихъ настойку и водку. Разумѣется, это только примѣръ; но я привожу его для того, чтобы дать читателю понятіе о градаціи. Градацію эту онъ можетъ перенести во всякую другую сферу (напримѣръ, въ сравнительную сферу сюртуковъ и поддевокъ, ресторановъ и харчевенъ, кокотокъ, имѣющихъ ложу въ бель-этажѣ, и кокотокъ, безнадежно пристающихъ къ прохожему въ Большой Мѣщанской и т. п.), лишь бы градація кончалась человѣкомъ, «который ѣстъ лебеду». Это тотъ самый человѣкъ, на которомъ неизбѣжно обрушивается ташкентство всевозможныхъ родовъ и видовъ.

Но и здѣсь, не слѣдуетъ понимать буквально, что «человѣкъ, питающійся лебедою», долженъ непремѣнно наполнять свой желудокъ этимъ суррогатомъ. «Лебеда», какъ и «голодъ», суть выраженія фигуральныя, дающія мѣсто для великаго множества представленій. Есть лебеда натуральная, которая слыветъ въ мірѣ подъ названіемъ подспорья, и отъ которой, во всякомъ случаѣ, хоть животъ у человѣка пучитъ; и есть лебеда абстрактная, которая даже подспорьемъ ничему не служитъ. Человѣкъ, который питается этою послѣднею лебедою, есть именно тотъ человѣкъ, котораго голоду нѣтъ предѣловъ. Онъ со всѣхъ сторонъ открытъ для дѣйствія, и именно для дѣйствія безазбучнаго. Онъ не можетъ дать отпора, потому что у него самого нѣтъ единственнаго орудія, съ помощью котораго можно отражать безазбучное просвѣтительство — нѣтъ азбуки. Какимъ образомъ ея не оказывается на лицо — отъ рожденія ли онъ не имѣлъ ея, или утратилъ вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ — дѣло не въ томъ; во всякомъ случаѣ, онъ стоитъ со всѣхъ сторонъ открытый, и любому охочему человѣку нѣтъ никакой трудности приложить къ нему какія угодно просвѣтительныя задачи.

Однажды, я собственными ушами слышалъ слѣдующій разговоръ:

— Дайте срокъ! говорилъ нѣкто: — вотъ тамъ-то (имя рекъ) должны произойти на дняхъ серьёзныя замѣшательства — безъ насъ дѣло не обойдется!

— Шагу безъ насъ не сдѣлаютъ! ораторствовалъ другой:— только зѣвать въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ, не то какъ разъ перебьютъ дорогу!

Я полюбопытствовалъ взглянуть: мимо меня проходили не люди, а что-то въ родѣ гориллъ, способныхъ раздробить зубами дуло ружья. У каждаго изъ нихъ, навѣрное, воспреемницей была управа благочинія, не та, которая имѣетъ мѣстопребываніе на Садовой улицѣ, а та, которая издревле подстерегаетъ рожденіе охочаго русскаго человѣка, и тотчасъ же принимаетъ его въ свои нѣдра, чтобъ не выпустить оттуда никогда.

Въ другой разъ я слышалъ другой разговоръ:

— Слышали? нигилисты-то!... вѣдь это, батюшка, кладъ!

— Кладъ-то кладъ; только зѣвать въ этомъ дѣлѣ не нужно, а слѣдуетъ разъ-разъ-разъ... вашему превосходительству имѣю честь явиться!

Я взглянулъ: передо мною были тѣ же гориллы.

Въ третій разъ:

— Взялъ и ушелъ! Потому, сударь, что въ этомъ дѣлѣ

главное — ухватить! Даже ума не требуется! Кому слѣдуетъ вручилъ, съ кого слѣдуетъ получилъ! Ухватилъ — и баста!

— Ухватить-то ухватилъ; только зѣвать тоже не слѣдуетъ, потому что нашего брата ноньче ой-ой какъ расплодилось!

Опять гориллы...

Чего хотѣли эти человѣкообразные? чему они радовались? Вотъ эти-то вопросы и слѣдуетъ предлагать себѣ всякій разъ, какъ присутствуешь при подобнаго рода разсужденіяхъ и разговорахъ. Если этихъ вопросовъ не будетъ, вся соль разсужденій утратится, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратится и смыслъ общаго теченія жизни. Очень часто мы проходимъ, слышимъ, смотримъ, и нимало не вдумываемся въ то, мимо чего проходимъ, что̀ слышимъ, на что смотримъ. Въ большей части случаевъ, конкретность поражаетъ наши чувства скорѣе машинально, нежели сознательно, и вслѣдствіе этого явленія, по малой мѣрѣ, сомнительныя, кажутся обыкновенными, чуть не доблестными. Обнажимъ ихъ отъ покрововъ обыденности, дадимъ мѣсто сомнѣніямъ, поставимъ въ упоръ вопросъ: кто вы такіе? ѻткуда? — и мы можемъ заранѣе сказать себѣ, что наше сердце займетъ отъ ужаса, при видѣ праха, который поднимется отъ одного сознательнаго прикосновенія къ нимъ...

Вопрошать всегда слѣдуетъ, хотя бы проходящее передъ нашими глазами явленіе представлялось черезчуръ обыденнымъ, или даже совсѣмъ постороннимъ. Говорятъ, что излишніе вопросы прибавляютъ излишнюю горечь въ жизни, что отсутствіе вопросовъ предохраняетъ отъ состоянія безсмѣннаго страха, въ которомъ очутился бы человѣкъ, еслибъ онъ всегда видѣлъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ, безпокровномъ видѣ. Это правда; но правда и то, что вслѣдъ за страхомъ сама собою приходитъ и охота освободиться отъ него, а это уже выигрышъ несомнѣнный. Поэтому, не должно быть ничего обыденнаго, а тѣмъ менѣе посторонняго. Все касается насъ, касается не косвенно, а прямо, и только тогда мы успѣемъ покорить свои страхи, когда уловимъ интимный тонъ жизни, или иначе, когда мы вполнѣ усвоимъ себѣ право вопрошать всѣ безъ изъятія явленія, которыя она производитъ.

Чего хотѣли эти люди? — этотъ вопросъ разрѣшается однимъ словомъ:

Жрать!!

Жрать что бы то ни было, цѣною чего бы то ни было!

Жгучая мысль объ ѣдѣ не даетъ покоя этимъ безазбучнымъ; она день и ночь грызетъ ихъ существованіе. Какъ добыть эту ѣду? въ этомъ весь вопросъ. Къ счастію, есть штука, называе-

мая безазбучнымъ просвѣщеніемъ, которая ничего не требуетъ, кромѣ цѣпкихъ рукъ и хорошо развитыхъ инстинктовъ плотоядности—вотъ въ эту-то слишкомъ простую штуку они и вгрызаются всею силою своихъ здоровыхъ зубовъ...

Отрицать чье бы то ни было право на ѣду невозможно. Но нужно сознаться, что иногда это право разростается до такихъ размѣровъ, за которыми уже слѣдуетъ опасность. Дѣло въ томъ, что безазбучный ташкентецъ требуетъ ѣды не только не купленной, но и безпрерывно возобновляющейся; онъ никогда не довольствуется однимъ кускомъ, но, проглатывая этотъ кусокъ, уже усматриваетъ другой. Чѣмъ больше онъ ѣстъ, тѣмъ больше онъ голоденъ, и это объясняется тѣмъ естественнѣе, что онъ даже утратилъ привычку утолять свой голодъ порядочнымъ образомъ. Онъ не ѣстъ, а закусываетъ, хватая урывками, на лету; вотъ почему, безпрерывное его закусыванье не бросается въ глаза. Ѣда падаетъ словно въ пропасть, даже не утоляя голода; закусывая и перехватывая, ташкентецъ непримѣтно истребляетъ цѣлыя массы всякаго рода тушъ, и это нимало не утучняетъ его. Въ томъ-то и заключается ужасъ, который возбуждаетъ этотъ человѣкъ, что онъ никогда не скажетъ: я сытъ!

Если намъ не кажутся странными нѣкоторыя радости, если мы не останавливаемся въ оцѣпенѣніи передъ нѣкоторыми надеждами, то это потому только, что мы не даемъ себѣ труда анализировать ихъ внутреннее содержаніе. А между тѣмъ, здѣсь счастіе всегда основано на чьемъ-то несчастіи, надежда всегда равносильна чьему-то отчаянью. Сомнѣніе здѣсь тѣмъ болѣе непростительно, что достаточно самого поверхностнаго обзора этихъ личностей, чтобы почувствовать себя неспокойно. Одни идутъ медленно, глядятъ угрюмо и строго, шевелятъ челюстями, скрипятъ зубами, какъ будто говорятъ: дай срокъ! перекушу я тебѣ когда-нибудь горло! Другіе виляютъ, поражаютъ своею юркостью и самымъ наивнымъ образомъ изыскиваютъ способы снять съ васъ сюртукъ, а въ случаѣ надобности и лишить васъ мимоходомъ жизни. Смотрите только внимательно — и, навѣрное, вы сдѣлаете такія открытія, которыя непремѣнно принесутъ пользу. Отъ васъ не ускользнутъ ни судорожныя подергиванья рукъ, ни блудящіе огоньки, которыми, по временамъ, искрятся мутные глаза, ни мгновенные перекаты голоса; однимъ словомъ, ничего изъ того, что̀ вы до сей минуты считали мелочью. Этого достаточно будетъ, чтобъ обогатить вашъ умъ познаніями и раскрыть сущность явленія, дотолѣ загадочнаго. Вы пріучитесь наблюдать за со-

бою, вы не дадите подкупить себя простодушною обыденностью. Въ вашу душу проникнетъ страхъ, но повторяю: это здоровый страхъ, потому что онъ приводитъ за собой рѣшимость во что бы ни стало освободиться отъ него.

Нѣтъ ничего опаснѣе обыденности, именно потому, что она примелькивается нашему взору. Мотается передъ нами дрянной человѣчишко, и мы не спрашиваемъ даже себя: кого-то онъ оборвалъ? Кого-то заживо освѣжевалъ? Кого-то проглотилъ? Мы ждемъ, чтобъ намъ объявили объ этомъ съ церемоніей, то-есть, чтобъ тутъ былъ и приговоръ суда, и эшафотъ, и заплечный мастеръ. Только тогда, на мѣстѣ казни, всматриваясь въ эту несытую фигуру, мы говоримъ себѣ: «каковъ! а я еще вчера видѣлъ, какъ онъ шнырялъ по улицамъ!» Но даже и это не всегда вразумляетъ насъ, ибо, сказавши себѣ такое назиданіе, мы тутъ же опять вступаемъ на торную дорогу, опять завязываемъ себѣ глаза, и не разстаемся съ нашей повязкой до тѣхъ поръ, покуда новая церемонія съ эшафотомъ и заплечнымъ мастеромъ насильно не сорветъ ея.

Понять извѣстное явленіе значитъ уже обобщить его, значитъ осуществить его для себя не въ одной какой-нибудь частности, а въ цѣломъ родѣ таковыхъ, хотя бы онѣ, на поверхностный взглядъ, и имѣли между собой мало общаго. Понять же явленіе вредное, порочное—значитъ на половину предостеречь себя отъ него. Вотъ почему, я прошу читателя убѣдиться, что названіе «ташкентцы» отнюдь не слѣдуетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ. О! еслибъ всѣ ташкентцы нашли себѣ убѣжище въ Ташкентѣ! Мы могли бы сказать тогда: «Ташкентъ есть страна, населенная вышедшими изъ Россіи, за ненадобностью, ташкентцами». Но теперь — развѣ мы можемъ по совѣсти утверждать это? развѣ мы можемъ указать навѣрное, гдѣ начинаются границы нашего Ташкента, и гдѣ онѣ кончаются? не живутъ ли господа ташкентцы посреди насъ? не рыскаютъ ли они цѣлыми стадами по весямъ и градамъ нашимъ?

И вѣдь никто-то, никто не признаетъ ихъ за ташкентцовъ, а всѣ видятъ въ нихъ добродушныхъ малыхъ, которымъ до смерти хочется ѣсть...

Ташкентъ, какъ терминъ географическій, есть страна, лежащая на юго-востокъ отъ Оренбургской губерніи. Это классическая страна барановъ, которые замѣчательны тѣмъ, что къ стрижкѣ ласковы, и послѣ оголѣнія вновь обрастаютъ съ изумительной быстротой. Кто будетъ ихъ стричь—къ этому вопросу они, повидимому, равнодушны, ибо знаютъ, что стрижка

есть нѣчто неизбѣжное. Какъ только они завидятъ, что вдали грядетъ человѣкъ стригущій и брѣющій, то подгибаютъ подъ себя ноги, и ждутъ...

Какъ терминъ отвлеченный, Ташкентъ есть страна, лежащая всюду, гдѣ бьютъ по зубамъ, и гдѣ имѣетъ право гражданственности преданіе о Макарѣ, телятъ не гоняющемъ. Если вы находитесь въ городѣ, о которомъ въ статистическихъ таблицахъ сказано: жителей столько-то, приходскихъ церквей столько-то, училищъ нѣтъ, библіотекъ нѣтъ, богоугодныхъ заведеній нѣтъ, острогъ одинъ, исправникъ одинъ и т. д. — вы можете сказать безъ ошибки, что находитесь въ самомъ сердцѣ Ташкента. Навѣрное, вы найдете тутъ и просвѣтителей и просвѣщаемыхъ, услышите крики: «ай! ай!», свидѣтельствующіе о томъ, что корни ученія горьки, а плоды его сладки, и усмотрите того классическаго, въ потѣ лица снискивающаго свою лебеду человѣка, около котораго, вѣчно облюбовывая, похаживаетъ несытый ташкентецъ. Но училищъ и библіотекъ все-таки не найдете.

Нашъ Ташкентъ, о которомъ мы ведемъ здѣсь рѣчь, находится тамъ, гдѣ дерутся.

Вчера я былъ въ театрѣ, въ самомъ аристократическомъ изъ всѣхъ — въ итальянской оперѣ — и вдругъ увидѣлъ ташкентца, и что всего удивительнѣе — ташкентца-француза. Скулы его были развиты необычайно, носъ орлиный, зубы стиснуты, глаза искали. Что-то безнадежное сказывалось въ этой сухой и мускулистой фигурѣ, какъ будто тамъ, внутри, все давно забыто и умерло. Разумѣется, кромѣ чувства плотоядности. Я инстинктивно обратился къ моему сосѣду и съ волненіемъ, какъ будто хотѣлъ его предостеречь, сказалъ:

— Посмотрите, какой ташкентецъ!

Сосѣдъ съ удивленіемъ взглянулъ сначала на меня, потомъ въ ту сторону, въ которую я указывалъ; затѣмъ началъ всматриваться-всматриваться, и наконецъ пожалъ мнѣ руку, какъ будто въ самомъ дѣлѣ я избавилъ его отъ бѣды.

Изъ этого я заключилъ, что кромѣ тѣхъ границъ, которыхъ невозможно опредѣлить, Ташкентъ существуетъ еще и за границею (каламбуръ плохой, но пускай онъ останется, благо понятенъ).

Переходя отъ одного умозаключенія къ другому, я пришелъ къ догадкѣ, что даже такія формы, которыя повидимому свидѣтельствуютъ о присутствіи цивилизаціи, не всегда могутъ служить ручательствомъ, что Ташкентъ изгибъ. Ташкентъ удобно мирится съ желѣзными дорогами, съ устностью, гласностью,

однимъ словомъ, со всѣми выгодами, которыми по всей справедливости гордится такъ-называемая цивилизація. Прибавьте только къ этимъ выгодамъ самое маленькое слово: фю-ить! — и вы получите такой Ташкентъ, лучше котораго желать не надо.

Истинный Ташкентъ устроиваетъ свою храмину въ нравахъ и въ сердцѣ человѣка. Всякій, кто видитъ въ семейномъ очагѣ своего ближняго не огражденное мѣсто, а арену для веселонравныхъ похожденій, есть ташкентецъ; всякій, кто въ физіономіи своего ближняго видитъ не образъ божій, а токъ, на которомъ можетъ во всякое время молотить кулаками, есть ташкентецъ; всякій, кто не стѣсняясь швыряетъ своимъ ближнимъ, какъ неодушевленною вещью, кто видитъ въ немъ лишь матеріалъ, на которомъ можно удовлетворять всевозможнымъ проказливымъ движеніямъ, есть ташкентецъ. Человѣкъ, разсуждающій, что вселенная есть не что иное, какъ безграничное пространство, существующее для того, чтобъ на немъ можно было плевать во всѣ стороны, есть ташкентецъ...

Нравы создаютъ Ташкентъ на всякомъ мѣстѣ; бываютъ въ жизни обществъ минуты, когда Ташкентъ насильно стучится въ каждую дверь и становится на неизбѣжную очередь для всякаго существованія. Это въ особенности чувствуется въ такія эпохи, которыя условлено называть переходными. Можетъ быть, чувствуется именно потому, что въ подобныя минуты рядомъ съ Ташкентомъ уже зарождается нѣчто похожее на гражданственность, нѣчто напоминающее человѣку на возможность располагать своими движеніями... потихоньку, милостивые государи! потихоньку! Можетъ быть, это «нѣчто зарождающееся», «нѣчто намекающее» и дѣлаетъ особенно нестерпимою боль при видѣ все-таки прямо стоящаго Ташкента? Дѣйствительно, все это очень возможно; но что̀ же мнѣ за дѣло до этого! Развѣ объясненія утѣшаютъ кого-нибудь? развѣ они умаляютъ хоть на каплю переполняющую сердце горечь? Я знаю одно: никогда я не видѣлъ такого количества людей отчаявшихся, людей махнувшихъ рукою, и рядомъ съ ними — людей все позабывшихъ, все умертвившихъ... кромѣ безконечнаго аппетита!

Я, конечно, былъ бы очень радъ, еслибъ могъ, начиная этотъ рядъ характеристикъ, сказать: читатель! смотри, вотъ издыхающій Ташкентъ! но, увы! я не имѣю въ запасѣ даже этого утѣшенія! Конечно, я знаю, что есть какой-то Ташкентъ, который умираетъ, но, въ то же время, знаю, что есть и еще Ташкентъ, который нарождается вновь. Эта преемственность Ташкентовъ, по истинѣ, пугаетъ меня. Вездѣ шаткость, вездѣ

сюрпризъ. Я вижу людей, работающихъ въ пользу идей несомнѣнно скверныхъ и поганыхъ, и сопровождающихъ эту работу возгласомъ: пади! задавлю! и вижу людей, работающихъ въ пользу идей справедливыхъ и полезныхъ, и тоже сопровождающихъ свою работу возгласомъ: пади! задавлю! Я не вижу рамокъ, тѣхъ драгоцѣнныхъ рамокъ, въ которыхъ хорошее могло бы упразднять дурное безъ заушеній, безъ возгласовъ, обѣщающихъ задавить. Мнѣ скажутъ на это: всему причиной Ташкентъ древній, Ташкентъ установившійся и окрѣпшій. Пожалуй, я и на это согласенъ. Что Ташкентъ порождаетъ Ташкентъ — въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но вѣдь это только доказываетъ, что пессимисты, усматривающіе въ будущемъ достаточно длинный рядъ Ташкентовъ, не совсѣмъ-таки неправы въ своей безнадежности — и больше ничего. Утѣшительнаго въ этомъ объясненіи немного.

Этотъ порочный кругъ не можетъ не огорчать. Когда видишь такое общественное положеніе, въ которомъ одинъ Ташкентъ упраздняется только по милости возникновенія другаго Ташкента, то сердце невольно сжимается и дѣлается вѣщуномъ чего-то недобраго. Говорятъ: новый Ташкентъ необходимъ только для того, чтобы стереть слѣды стараго; какъ скоро онъ выполнитъ эту задачу, то перестанетъ быть Ташкентомъ. На это я могу отвѣтить только: да, это разсужденіе очень ободрительное; но и за всѣмъ тѣмъ, я ни на іоту не усилю моего легковѣрія, и не надѣну узды на мои сомнѣнія. Всюду, куда я ни обращаю мои взоры, я вижу: съ одной стороны, упорствующую безазбучность; съ другой — увеличивающійся аппетитъ и возрастающую затѣйливость требованій для удовлетворенія его. Ничто такъ не прихотливо, какъ Ташкентъ, твердо рѣшившійся не выходить изъ безазбучности и, въ то же время, уже порастлившійся тонкою примѣсью цивилизаціи. Пирогъ, начиненный устностью и гласностью — помилуйте! да это такое объяденье, что вѣкъ его ѣшь — и вѣкъ сытъ не будешь! Тутъ-то и лестно размахнуться, когда размахъ сопровождается какими-то пикантными видимостями, какъ будто препятствующими, а въ сущности едва-ли не споспѣшествующими. Вѣдь и изъ опыта извѣстно, что нарѣзное ружье стрѣляетъ дальше, нежели ружье, у котораго дуло имѣетъ внутренность гладкую...

Милостивые государи! если вы не вѣрите въ существованіе господъ ташкентцевъ, я попросилъ бы васъ выйти на минуту на улицу. Тамъ вы навѣрное и на каждомъ шагу насладитесь такого рода разговорами:

— Я бы его, каналью, въ бараній рогъ согнулъ! говоритъ одинъ: — да и жаловаться бы не велѣлъ!

— Этого человѣка четвертовать мало! восклицаетъ другой.

— На необитаемый островъ-съ! пускай тамъ морошку сбираетъ-съ! вопіетъ третій.

Не думайте, чтобъ это были приговоры какого-то жестокаго, но все-таки установленнаго и всѣми признаннаго судилища; нѣтъ, это приговоры простыхъ охочихъ русскихъ людей. Это они взыграли при видѣ «куска». Они ходятъ себѣ гуляючи по улицѣ, и мимоходомъ ввертываютъ въ свою безазбучную рѣчь словцо о четвертованіи. Иногда они даже не понимаютъ и содержанія своихъ приговоровъ и измышляютъ всевозможныя казни единственно по простосердечію... Да, читатель, по простосердечію! и ежели ты сомнѣвался, что даже въ словѣ «четвертованіе» можетъ вкрасться простосердечіе, то взгляни на эти самодовольныя фигуры, устремляющіяся въ клубъ обѣдать— и убѣдись!

Меня нерѣдко занимаетъ вопросъ: можетъ ли палачъ обѣдать? можетъ ли онъ быть отцомъ семейства? какую картину долженъ представлять его семейный бытъ? ласкаетъ ли онъ жену свою? гладитъ ли по головѣ ребенка? Помнитъ ли онъ? то-есть, помнитъ ли онъ, что онъ заплечный мастеръ?

Признаюсь, я долгое время не могъ даже представить себѣ, чтобъ палачъ имѣлъ надобность насыщаться; мнѣ казалось, что онъ долженъ быть всегда сытъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ ташкентцевъ, которые, посуливъ кому-то четвертованіе и голодную смерть на необитаемомъ островѣ, тутъ же сряду устремлялись обѣдать—мои сомнѣнія сразу покончились. Да, сказалъ я себѣ — это вѣрно; палачъ можетъ обѣдать, можетъ имѣть семейство, ласкать жену, гладить по головѣ ребенка! Что нужды, что онъ сегодня же утромъ гладилъ кого-то по спинѣ? — былъ часъ и было дѣло; насталъ другой часъ — настало другое дѣло; въ такомъ-то часу онъ заплечный мастеръ, въ такомъ-то — отецъ семейства, въ такомъ-то — полезный гражданинъ... Всѣ часы распредѣлены, и у всякаго часа есть особенная клѣтка. Все имѣетъ свою очередь, все идетъ своимъ порядкомъ и, слѣдовательно, все обстоитъ благополучно... Странно одно: отчего у борова нѣтъ такихъ часовъ, когда онъ можетъ быть львомъ? или у льва такихъ, когда онъ можетъ быть боровомъ?!

Но оставимъ заплечнаго мастера и займемся нашими ташкентцами, изъ разряда простодушныхъ.

«Согнуть въ бараній рогъ» — ясно, что эти люди не пони-

маютъ, какъ это больно, если они не теряютъ даже аппетита, выразивши своему ближнему такое странное пожеланіе. Ясно также, что они и о «необитаемомъ островѣ» имѣютъ понятіе только по слышанной ими въ дѣтствѣ исторіи о Робинзонѣ Крузоё. Можетъ быть, имъ думается, что вотъ дескать Робинзонъ и въ пустынѣ нашелъ средства приготовить себѣ обѣдъ и прикрыть свою наготу... Невѣжды! они не знаютъ даже того, что это исторія вымышленная! Но въ томъ-то и дѣло, что есть случаи, когда невѣжество нетолько не вредитъ, но помогаетъ. Вопервыхъ, оно освобождаетъ человѣка отъ множества представленій, передъ которыми онъ отступилъ бы въ ужасѣ, еслибъ имѣлъ отчетливое понятіе о ихъ внутренней сущности; вовторыхъ, оно дозволяетъ содержать аппетитъ въ постоянно-достаточной степени возбужденности. Защищенный бронею невѣжества, чего можетъ устыдиться гулящій русскій человѣкъ?—того ли, что въ произнесенныхъ имъ сейчасъ угрозахъ нельзя усмотрѣть ничего другаго, кромѣ безсмысленнаго бреха? но почемъ же вы знаете, что онъ и самъ не смотритъ на всѣ свои дѣйствія, на всѣ свои слова, какъ на сплошной брехъ? Онъ ходитъ — брешетъ, ѣстъ — брешетъ. И знаетъ это, и ни мало ему не стыдно.

Что тутъ есть брехъ — это несомнѣнно. Но дѣло въ томъ, что васъ настигаетъ не одиночный какой-нибудь брехъ, а цѣлая совокупность breховъ. И вдругъ вамъ объявляютъ, что эта-то совокупность именно и составляетъ общественное мнѣніе. Сначала вы не вѣрите, и усиливаете ваши наблюденія; но мало по малу, сомнѣнія слабѣютъ. Проходитъ немного времени и вы уже восклицаете: какъ это странно, однакожь!.. всѣ брешутъ!

Всѣ не всѣ; но это не мѣшаетъ предполагать, что еслибъ, при употребленіи нѣкоторыхъ выраженій, мы давали мѣсто элементу сознательности, то дѣло отъ этого едва-ли бы проиграло.

Возьмемъ для примѣра хоть одно такое выраженіе: согнуть въ бараній рогъ. Что нужно сдѣлать, чтобъ выполнить эту угрозу? нужно перегнуть человѣка почти вчетверо, и притомъ такъ, чтобъ головой онъ упирался въ животъ, и чтобы потомъ ноги черезъ голову перекинулись бы на спину. Тогда образуется довольно правильное кольцо, обвившееся само около себя и представляющее подобіе бараньяго рога. Возможно ли подобное предпріятіе?—по совѣсти, это сказать нельзя. Я увѣренъ, что человѣкъ умретъ немедленно, какъ только начнутъ нагибать его голову съ тѣми усиліями, какія необходимы для

подобной операціи. Затѣмъ, конечно, его можно будетъ и пригибать и наматывать какъ угодно, но удовольствія уже не будетъ. Какая польза оперировать надъ трупомъ, который не можетъ даже выразить, что онъ понимаетъ и цѣнитъ дѣлаемыя по поводу его усилія? По моему, если ужь оперировать, такъ оперировать надъ живымъ человѣкомъ, который можетъ и чувствовать, и слегка нагрубить, и въ то же время не лишенъ способности произвести правильную оцѣнку...

Но, скажутъ мнѣ, какъ же вы не понимаете, что выраженіе «въ бараній рогъ согнуть» есть выраженіе фигуральное. Знаю я это, милостивые государи! знаю, что это даже просто брехъ. Но не могу не огорчаться, что въ нашу и безъ того не очень богатую рѣчь постепенно вкрадывается такое ужасное множество греховъ самыхъ пошлыхъ, самыхъ вредныхъ. По моему мнѣнію, не мѣшало бы подумать и о томъ, чтобы освободиться отъ нихъ.

И такъ, Ташкентъ можетъ существовать во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. Не знаю, убѣдился ли въ этомъ читатель мой; но я убѣжденъ на столько, что считаю себя даже вполнѣ компетентнымъ, чтобы написать довольно подробную картину нравовъ, господствующихъ въ этой отвлеченной странѣ. Такимъ образомъ, я постепенно изображу:

ташкентца, цивилизующаго in partibus;

ташкентца, цивилизующаго внутренности;

ташкентца, разработывающаго собственность казенную (въ просторѣчіи, казнокрадъ);

ташкентца, разработывающаго собственность частную (въ просторѣчіи, воръ);

ташкентца промышленнаго;

ташкентца-литератора;

ташкентца, разработывающаго смуту внѣшнюю;

ташкентца, разработывающаго смуту внутреннюю;

И такъ далѣе, почти до безконечности.

Очень часто эти люди весьма различны по виду; но у всѣхъ ихъ имѣется одинъ соединительный крикъ:

Жрать!!

Я не предполагаю писать романъ, хотя похожденія любаго изъ ташкентцевъ могутъ представлять много запутаннаго, сложнаго и даже поразительнаго. Мнѣ кажется, что романъ утратилъ свою прежнюю почву съ тѣхъ поръ, какъ семейственность и все, что̀ принадлежитъ къ ней, начинаетъ измѣнять свой характеръ. Романъ (по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, ка-

кимъ онъ являлся до сихъ поръ) есть по преимуществу произведеніе семейственности. Драма его зачинается въ семействѣ, не выходитъ оттуда и тамъ же заканчивается. Въ положительномъ смыслѣ (романъ англійскій), или въ отрицательномъ (романъ французскій), но семейство всегда играетъ въ романѣ первую роль. Будучи заключена въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, драма не могла разрѣшаться въ области неизвѣстнаго, но должна была вытерпѣть именно то разрѣшеніе, которое, такъ сказать, было предназначено ей силою вещей. Общее недовольство, или общее благополучіе; разлука, или союзъ сердецъ; такъ или иначе, но романъ долженъ былъ кончиться именно здѣсь, въ средѣ семейства, которое вмѣщало въ себѣ и прототипъ всей жизни, и единственную арену, на которой индивидуальныя потребности могли находить себѣ удовлетвореніе.

Этотъ теплый, уютный, хорошо обозначившійся характеръ, который согрѣвалъ романъ, утрачивается на глазахъ у всѣхъ. Драма начинаетъ требовать другихъ мотивовъ; она зарождается гдѣ-то въ пространствѣ, и тамъ кончается. Покуда это пространство не освѣщено, все въ немъ будетъ казаться и холодно, и темно, и безпріютно. Перспективъ не видно; драма кажется отданною въ жертву случайности. Того пришибло, тотъ умеръ съ голоду—развѣ такое разрѣшеніе можетъ быть названо разрѣшеніемъ? Конечно, можетъ; но мы не признаемъ его таковымъ единственно потому, что оно предлагается намъ обрубленное, обнаженное отъ тѣхъ предшествующихъ звѣньевъ, въ которыхъ собственно и заключалась никѣмъ незамѣченная драма. Эта драма существовала несомнѣнно, и заключала въ себѣ образцы борьбы, гораздо болѣе замѣчательной, нежели та, которую представлялъ намъ прежній романъ. Борьба за неудовлетворенное самолюбіе, борьба за оскорбленное и униженное человѣчество, наконецъ, борьба за существованіе—все это такіе мотивы, которые имѣютъ полное право на разрѣшеніе посредствомъ смерти. Вѣдь умиралъ же человѣкъ изъ-за того, что его милая поцаловала своего милаго, и никто не находилъ дикимъ, что эта смерть называлась разрѣшеніемъ драмы. Почему? — а потому именно, что этому разрѣшенію предшествовалъ самый процессъ цалованія, то-есть драма. Тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ позволительно думать, что и другія, отнюдь не менѣе сложныя опредѣленія человѣка тоже могутъ дать содержаніе для драмы весьма обстоятельной. Если ими до сихъ поръ пользуются недостаточно и неувѣренно, то это потому только, что арена, на которой происходитъ борьба ихъ, слишкомъ скудно освѣщена. Но она есть, она существуетъ, и даже

очень настоятельно стучится въ двери литературы. Въ этомъ случаѣ, я могу сослаться на величайшаго изъ русскихъ художниковъ, Гоголя, который давно провидѣлъ, что роману предстоитъ выйти изъ рамокъ семейственности.

Романъ современнаго человѣка разрѣшается на улицѣ, въ публичномъ мѣстѣ — вездѣ, только не дома; и притомъ разрѣшается самымъ разнообразнымъ, почти непредвидѣннымъ образомъ. Вы видите: драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась Богъ-знаетъ гдѣ; началась поцалуями двухъ любящихъ сердецъ, а кончилась полученіемъ прекраснаго мѣста, Сибирью и т. п. Эти рѣзкіе перерывы и переходы кажутся намъ неожиданными, но, между тѣмъ, въ нихъ несомнѣнно есть своя строгая послѣдовательность, только усложнившаяся множествомъ разнаго рода мотивовъ, которые и до сихъ поръ еще ускользаютъ отъ нашего вниманія или неправильно признаются нами не драматическими. Прослѣдить эту неожиданность такъ, чтобъ она перестала быть неожиданностью—вотъ, по моему мнѣнію, задача, которая предстоитъ геніальному писателю, имѣющему создать новый романъ.

Само собою разумѣется, что я не пытаюсь даже подойти къ подобной задачѣ; я сознаю, что она мнѣ не по силамъ. Но такъ-какъ я все-таки понимаю ее довольно ясно, то ограничиваюсь ролью собирателя матеріаловъ. Есть типы, которые объяснить небезполезно, въ особенности въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя они имѣютъ на современность. Если справедливо, что во всякомъ положеніи вещей главнымъ зодчимъ является исторія, то не менѣе справедливо и то, что вездѣ можно встрѣтить отдѣльныхъ индивидуумовъ, которые служатъ воплощеніемъ «положенія» и представляютъ собой какъ бы отвѣтъ на потребность минуты. Понять и разъяснить эти типы, значитъ, понять и разъяснить типическія черты самаго положенія, которое ими не только не заслоняется, но, напротивъ того, съ ихъ помощью дѣлается болѣе нагляднымъ и рельефнымъ. И мнѣ кажется, что такого рода разъяснительная работа хотя и не представляетъ условій совершенной цѣльности, но можетъ внести въ общую сокровищницу общественной физіологіи матеріалъ довольно цѣнный.

Но тутъ является еще одно условіе — это отношеніе писателя къ типамъ, имъ изображаемымъ. Всякая данная историческая минута, несмотря на то, что ее можно охарактеризовать однимъ общимъ выраженіемъ (такъ, напримѣръ, объ извѣстныхъ эпохахъ говорятъ, что это эпохи, когда «злое начало въ человѣкѣ пришло къ спокойному и полному сознанію самаго

себя» (Нибуръ. Чт. о. др. ист.), представляетъ, однакожь, довольно много мотивовъ, очень разнообразныхъ, изъ которыхъ одни вызываютъ типы, возбуждающіе негодованіе, другіе — типы, возбуждающіе сочувствіе. Казалось бы, что нѣтъ повода ни для негодованія, ни для сочувствія, если ужь разъ признано, что во всякомъ положеніи главнымъ зодчимъ является исторія. Между тѣмъ, мы не можемъ воздержаться, чтобы однихъ не обвинять, а другихъ не ставить на пьедесталъ, и чувствуемъ, что, поступая такимъ образомъ, мы поступаемъ совершенно законно и разумно. Мнѣ кажется, явленіе это объясняется тѣмъ, что въ этомъ случаѣ и сочувствіе, и негодованіе устремляются не столько на самые типы, сколько на то или иное воздѣйствіе ихъ на общество. Кромѣ дѣйствующихъ силъ добра и зла, въ обществѣ есть еще извѣстная страдательная среда, которая преимущественно служитъ ареной для всякаго воздѣйствія. Упускать эту среду изъ вида невозможно, еслибъ даже писатель не имѣлъ другихъ претензій, кромѣ собиранія матеріаловъ. Очень часто объ ней ни слова не упоминается, и оттого она кажется какъ бы вычеркнутою; но эта вычеркнутость мнимая, въ сущности же представленіе объ этой страдательной средѣ никогда не покидаетъ мысли писателя. Это та самая среда, въ которой прячется «человѣкъ, питающійся лебедою». Живетъ ли онъ, или только прячется? Мнѣ кажется, что хотя онъ по преимуществу прячется, но все-таки и живетъ немного...

Спрашивается: можетъ ли писатель оставаться совершенно безучастнымъ къ тому или иному способу воздѣйствія на эту страдательную среду?

Какъ бы то ни было, но покуда арена, на которую видимо выходитъ новый романъ, остается неосвѣщенною, скромность и сознаніе пользы заставляетъ вступать на нее не въ качествѣ художника, а въ качествѣ собирателя матеріаловъ. Это развязываетъ писателю руки, это ставитъ его въ прямыя отношенія къ читателю. Собиратель матеріаловъ можетъ дозволять себѣ внѣшнія противорѣчія — и читатель не замѣтитъ ихъ; онъ можетъ навязать своимъ героямъ сколько угодно должностей, званій, ремеслъ; онъ можетъ сегодня уморить своего героя, а завтра опять родить его. Смерть въ этомъ случаѣ—смерть примѣрная; въ сущности, герой живъ до тѣхъ поръ, покуда живо положеніе вещей, его вызвавшее.

Я печатаю «Ташкентцы» въ формѣ «записокъ одного просвѣтителя». Послѣ всего сказаннаго выше, нечего, кажется, и объяснять, что это толька форма, и что записки принадлежатъ не

одному, а цѣлому легіону просвѣтителей. Въ концѣ каждаго этюда, каждый изъ моихъ «ташкентцевъ» кончаетъ весьма неудовлетворительно, а именно: пропивается, проворовывается и вообще впадаетъ въ забвеніе. По этому поводу, мнѣ тоже можетъ быть сдѣланъ упрекъ. Скажутъ, напримѣръ, что я слишкомъ охотно прибѣгаю къ вмѣшательству случайной силы; что въ положеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя я описываю, зло чаще всего торжествуетъ, а не наказывается; что воообще, если зло, по временамъ, наказывается, то это наказаніе приходитъ къ нему не извнѣ, а благодаря тому внутреннему безсилію, которое скрывается въ немъ самомъ. На это я могу отвѣтить слѣдующее: мой образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ имѣетъ характеръ двоякій: вопервыхъ, прообразовательный, вовторыхъ, характеръ хитрости.

Относительно прообразованія скажу, что я твердо вѣрю, что зло наказывается, и наказывается неминуемо. Когда наступитъ минута, что наказаніе будетъ приходить къ нему изъ собственнаго внутренняго безсилія — этого я, покамѣсть, еще не знаю. Причины этого незнанія я объяснилъ выше, сказавъ однажды навсегда, что я только собиратель матеріаловъ, а не созидатель той общественной драмы, формы которой, по моему мнѣнію, не довольно еще опредѣлились. Что же касается до хитрости...

Но я чувствую, что уже достаточно распространялся о томъ, какую цѣль имѣютъ въ виду предлагаемые этюды.

Нѣтъ ничего легче, какъ составить краткое извѣстіе о родопроисхожденіи любого «ташкентца».

Обыкновенно, это дворянскій сынъ, не потому, чтобы въ дворянствѣ фаталистически скоплялись элементы всевозможнаго ташкентства, а потому, что сословіе это до сихъ поръ было единымъ дѣйствующимъ, и слѣдовательно невольно представляло собой разсадникъ всего, что̀ такъ или иначе имѣло возможность проявлять себя. Кромѣ пороковъ, тутъ были, конечно, и добродѣтели. Затѣмъ, «ташкентецъ» непремѣнно получилъ такъ-называемое классическое образованіе, т.-е. такое, которое имѣло свойствомъ испаряться немедленно по оставленіи паціентомъ школьной скамьи. Еще Грановскій подмѣтилъ это странное свойство россійскаго классицизма. «Студенты», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ («Біографич. очеркъ» А. Станкевича), «занимаются хорошо, пока не кончили курса», или другими словами, до тѣхъ поръ, покуда можетъ потребоваться сдача экзамена. Послѣ

сего, какъ и слѣдуетъ ожидать, наступаетъ полнѣйшая свобода отъ наукъ».

И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ молодаго человѣка, который выходитъ изъ школы, предварительно сдавши свои экзамены. Приготовленіе къ нимъ стоило ему нѣсколькихъ недѣль самаго усидчиваго и назойливаго труда и немало безсонныхъ ночей. Въ теченіе курса, онъ занимался всѣмъ, чѣмъ хотите, только не пріобрѣтеніемъ знанія. Инстинктъ подсказывалъ ему, что даровая жизнь не требуетъ знанія, и что знаніе, въ свою очередь, не можетъ даже имѣть никакихъ примѣненій къ даровой жизни. При такомъ положеніи вещей, можетъ существовать только одинъ стимулъ для пріобрѣтенія знанія (въ особенности знанія съ точки зрѣнія классицизма, знанія, неимѣющаго немедленнаго и непосредственнаго приложенія)—это любознательность. Но развѣ можно обвинять кого бы то ни было за то, что онъ мало любознателенъ? развѣ любознательность обязательна? Нашъ юноша очень хорошо понимаетъ это, и убѣждается въ необходимости знанія только въ ту минуту, когда приходится сдавать экзамены. Нѣсколько недѣль сряду онъ находится въ возбужденномъ, почти восторженномъ состояніи. Въ теченіе этого времени, онъ окачиваетъ себя множествомъ разнообразнѣйшихъ знаній, но понимаетъ только одно: что знанія служатъ отвѣтомъ на печатные билеты, которые онъ долженъ будетъ брать на удачу со стола экзаменатора. Увы! этихъ билетиковъ такъ много, что на нѣкоторые изъ нихъ онъ даже не успѣлъ приготовить отвѣтовъ...

Но судьба видимо покровительствуетъ ему: онъ вынимаетъ именно тотъ билетикъ, который всего тверже вызубрилъ. Ура! онъ оставляетъ школу, и получаетъ дипломъ!

Онъ во всеоружіи является на ту самую арену исторіи, на которой, по выраженію Грановскаго, онъ долженъ быть и матеріаломъ и зодчимъ («зачѣмъ же матеріаломъ? недоумѣваетъ онъ про себя:—«не лучше ли прямо зодчимъ»?).

Ни мало не медля, отправляется онъ въ трактиръ, и этимъ открываетъ свое вступленіе на арену исторіи. Черезъ полчаса, онъ уже смѣшиваетъ Ликурга съ Солономъ, а Мильтіада дружески называетъ Мараѳономъ. Проходитъ еще полчаса—и вотъ даже этотъ маскарадный разговоръ начинаетъ тяготить его. Изъ устъ его вылетаютъ какія-то имена, но не Агриппины старшей, и даже не Мессалины, а какой-то совсѣмъ неклассической Машки...

Знаніе, которымъ онъ окатилъ себя, уже соскользнуло. Он помнитъ только одно: что онъ получилъ дипломъ и имѣетъ

право, отпраздновавши какъ слѣдуетъ освобожденіе отъ наукъ, быть «зодчимъ».

Гдѣ и въ какомъ смыслѣ зодчимъ?

Онъ устремляется подъ кровлю родительскаго дома, чтобъ отдохнуть послѣ неумѣреннаго окачиванья. Разумѣется, къ нему простираются всѣ объятія; его осматриваютъ, облюбовываютъ, говорятъ: ну, вотъ, молодецъ! но никто не спрашиваетъ, чѣмъ онъ заручился и съ какимъ запасомъ пріѣхалъ. Среди восторговъ, увеселеній и ласкъ незамѣтно проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; наконецъ семейный праздникъ пріѣдается, наступаетъ забота объ устройствѣ праздника болѣе солиднаго и на иной манеръ.

— Надо, мой другъ, подумать о будущемъ, говорятъ дворянскому сыну родители: — вѣдь ты не объѣдокъ какой-нибудь, чтобъ голубей гонять!

— Да, надо подумать о будущемъ! повторяетъ дворянскій сынъ, и пользуясь этимъ случаемъ, вновь припоминаетъ, что имѣетъ право быть зодчимъ...

Или голубей гонять, или быть зодчимъ—средины нѣтъ. Сомнѣнія, къ которой изъ этихъ двухъ должностей примкнетъ выборъ, нельзя допустить; колебанію можетъ подлежать только одинъ вопросъ: гдѣ и въ какомъ смыслѣ быть зодчимъ?

Нѣкоторое время, юноша колеблется между гражданской палатой и земскимъ судомъ. Въ гражданской палатѣ существуютъ крѣпостныя дѣла («прекраснѣйшія, мой другъ, эти мѣста!» говорятъ растроганные родители), но тамъ «зодчество» ограничивается только устройствомъ и пріумноженіемъ собственнаго благосостоянія. Въ земскомъ судѣ менѣе шансовъ для зодчества имущественнаго, за то большой просторъ для зодчества историческаго. Историческое зодчество прельщаетъ юношу своимъ размахомъ, своею красивостью.

— Съ чѣмъ же я, однако, явлюсь на арену зодчества? что̀ предстоитъ мнѣ созидать? что̀ я знаю? спрашиваетъ онъ себя, и съ непривычки ему дѣлается какъ будто совѣстно.

— Я знаю, что я ничего не знаю! мелькаетъ въ его умѣ единственный афоризмъ, который онъ изучилъ вполнѣ твердо.

— Э! не боги горшки обжигали! мелькаетъ и другой афоризмъ, тоже достаточно твердо заученный.

Какъ всегда водится, истина позднѣйшая вытѣсняетъ истину предшествовавшую. Позднѣйшій афоризмъ даетъ молодому человѣку возможность позабыть объ афоризмѣ прежде явившемся.

Рѣшено; онъ начинаетъ обжигать горшки, и вскорѣ убѣждается, что ни мало не ошибся, сочтя себя способнымъ и до-

стойнымъ. Не только онъ самъ, но все, что̀ его окружаетъ: товарищество, въ которое онъ вступаетъ, и даже масса, которую онъ предпринимаетъ обжигать—все въ одинъ голосъ удостовѣряетъ его, что онъ поистинѣ способенъ и достоинъ. Никто не спрашиваетъ его, что̀ онъ знаетъ, что̀ онъ умѣетъ дѣлать: такъ натуральнымъ кажется всѣмъ и каждому, что для обжиганія горшковъ совсѣмъ не требуются божественныя качества. Каково зодчество, таковы и зодчіе—это безспорно. Каково зодчество?—странный вопросъ! — ухватилъ, смялъ, поволокъ...

И дѣйствительно: за что бы онъ ни взялся, все въ его рукахъ спорится, все выходитъ оттуда въ лучшемъ видѣ. Онъ удивляется только одному: отчего въ школѣ его учили какъ будто чему-то другому?

— А чему бишь учили меня въ школѣ? инстинктивно спрашиваетъ онъ самаго себя: — ахъ, да! res nullius caedet primo occupandi!—вѣрно! Затѣмъ, онъ успокоивается и окончательно рѣшаетъ въ своемъ умѣ, что нѣтъ въ мірѣ ничего столь безполезнаго, какъ нескромные вопросы.

Ворота Ташкента отворены настежъ. Молодой человѣкъ влетаетъ въ нихъ съ гиканьемъ, съ свистомъ, съ малиновымъ звономъ, надвинувши шапку на бекрень... Онъ чувствуетъ, что надоѣдливая опека школы навсегда канула въ область прошлаго. Стыдиться нечего, да и некогда. Съ этой минуты. онъ полноправный гражданинъ своей новой родины.

Съ этой же минуты онъ окончательно дѣлается продуктомъ принявшей его среды. Являются особенные обряды, своеобразные обычаи, и еще болѣе своеобразныя понятія, которыя закрываютъ плотною завѣсой остальные обрывки воспоминаній скуднаго школьнаго прошлаго. Безазбучность становится единственною творческою силой, которая должна водворить въ мірѣ порядокъ и всеобщее безмолвіе.

Я долженъ, впрочемъ, сознаться, что ташкентство плѣняетъ меня не столько богатствомъ внутренняго своего содержанія, сколько тѣмъ, что за нимъ неизбѣжно скрывается «человѣкъ, питающійся лебедою».

Этотъ человѣкъ — явленіе очень любопытное, въ томъ отношеніи, что онъ нетолько не знаетъ, но, повидимому, и не желаетъ сытости.

Стоитъ онъ, скучившись въ какомъ-то безобразномъ муравейникѣ, и до того съёжился и присмирѣлъ тамъ, что никто даже не интересуется знать, что это за масса такая, которая какъ будто колышется и живетъ, но изъ которой въ то же время не

выходитъ ни единаго живаго звука. Членораздѣльна ли она? способна ли видѣлять изъ себя какія-нибудь особи? или же до такой степени сплотилась и склеилась, что даже мысль не въ силахъ разложить ее?

Мракъ, окружающій эти вопросы, до такой степени густъ, что многіе воспользовались имъ, чтобъ утверждать, что всякій муравейникъ есть соединеніе безличныхъ Ивановъ, которые всѣ одинаково снабжены толоконными животами, и всѣ одинаково ни на что не скалятъ зубы, ничего не просятъ, кромѣ лебеды. Это просто безшумное стадо, пасущееся среди всевозможныхъ недоразумѣній и недомыслій, питающееся паскуднѣйшими злаками, встающее съ восходомъ солнца, засыпающее съ закатомъ его, непокорившее себѣ природу, но само покорившееся ей.

«Покуда существовало крѣпостное право», прибавляютъ защитники этого мнѣнія, «стадо, по крайней мѣрѣ, было сыто и прилежно къ воздѣлыванью; теперь оно и голодно, и вмѣсто воздѣлыванья, поетъ по кабакамъ безобразныя пѣсни». Такимъ образомъ, оказывается, что трудъ, какъ результатъ принужденія, и кабакъ, какъ результатъ естественнаго влеченія, — вотъ два полюса, между которыми осужденъ метаться человѣкъ, питающійся лебедою.

Другихъ опредѣленій не существуетъ; по крайней мѣрѣ, Ташкентъ цивилизованный, Ташкентъ интеллигентный не съумѣлъ отыскать ихъ.

Какъ ни авторитетны подобныя показанія, однакожь, когда подумаешь, что они даются ташкентцами, то-есть тоже жертвами всевозможныхъ недоразумѣній и недомыслій, то въ душу невольно закрадывается сомнѣніе.

Если муравейникъ, имѣя передъ собой два пути: путь трудолюбія и путь праздности, предпочелъ послѣдній первому, то, стало быть, это все-таки не просто инстинктивно-копошащійся муравейникъ, но муравейникъ, имѣющій способность выбирать. Предположимъ, что въ данную минуту онъ сдѣлалъ свой выборъ въ явный ущербъ самому себѣ, но если уже однажды признается за нимъ способность выбирать, то необходимо признать и другую способность — способность руководиться при этомъ какими-нибудь соображеніями. Очень можетъ быть, что праздность показалась ему выгоднѣе, или, по крайней мѣрѣ, пріятнѣе, нежели трудолюбіе. Я напередъ соглашаюсь, что это самое грубое и даже горькое заблужденіе, но есть же какая-нибудь причина, вслѣдствіе которой и грубыя заблужденія въ иныя минуты принимаютъ видъ истины. Одну изъ такихъ причинъ, между прочимъ, представляетъ то разнорѣчіе, которое

возникаетъ въ умѣ, когда начинаешь примѣнять слово «выгода» къ слову «трудъ». Трудъ выгоденъ — это афоризмъ очень основательный, но нельзя же ставить себя на мѣсто пасущагося стада и принимать всякій афоризмъ буквально. Афоризмы самые крѣпкіе подвергаются разложенію; люди самые простые становятся иногда поневолѣ любознательными. Какая это выгода, о которой идетъ рѣчь? общая, или частная? Если это общая выгода, то не слишкомъ ли она отвлечена для такого простого и неразвитаго ума, какимъ представляется умъ муравейника? Если это выгода частная, то чья именно?

Не могу не повторить здѣсь того, что̀ уже сказано было однажды въ началѣ этого этюда: никогда не лишнее дѣлать самому себѣ вопросы; это привычка очень спасительная, ибо она отрезвляетъ человѣка, и всѣмъ явленіямъ сообщаетъ ихъ истинные, дѣйствительные размѣры.

Но, оставивъ въ сторонѣ несостоятельное мнѣніе о безличности «человѣка, питающагося лебедою», я все-таки долженъ сказать, что мракъ, окружающій его, густъ очень достаточно. Дойти до этого секретно-мыслящаго, секретно-вдыхающаго и секретно-вождѣлѣющаго субъекта, увидѣть его лицомъ къ лицу, до такой степени трудно, что задача такого рода кажется почти неразрѣшимою. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что пріемы, употреблявшіеся доселѣ съ этою цѣлью, были или слишкомъ грубы, или слишкомъ наивны. Эти пріемы состояли съ одной стороны въ ташкентскомъ воздѣйствіи, съ другой — въ томъ, что мы сами (и притомъ очень неискусно) притворялись людьми, питающимися лебедою. И то и другое никуда не годится. Ташкентство ошеломляетъ, но не изслѣдуетъ; притворство выглядываетъ наружу изъ-подъ самой искусной гримировки, и при частомъ повтореніи обращается въ привычку, которая всѣ дѣйствія человѣка держитъ въ какомъ-то искусственномъ плѣну. Нужно найти какой-нибудь средній путь, на которомъ наблюдатель могъ бы обозрѣвать человѣка, питающагося лебедою, оставаясь самимъ собой, то-есть не ташкентствуя и не лебезя.

Говоря по совѣсти, этого средняго круга я еще не знаю, но кажется, что съ 19 февраля 1861 года онъ уже начинаетъ понемногу освѣщаться. Массы выясняются; показываются очертанія отдѣльныхъ особей; наблюдательныя средства получаютъ возможность дѣйствовать успѣшнѣе не потому, чтобы они сами по себѣ дошли до совершенства, а потому, что уничтожилось нѣсколько лишнихъ преградъ, стоявшихъ между предметомъ и предметнымъ стекломъ. Очень возможно, что упадутъ и другія послѣднія преграды.

Что̀ тогда откроется? — вотъ въ чемъ весь вопросъ.

Существуетъ мнѣніе, что тогда скажется новое слово, споется новая пѣсня и откроются новыя формы общественности. Какъ ни загадочно такое мнѣніе, но согласиться съ нимъ есть основаніе. Одинъ наплывъ людей, питающихся лебедою, можетъ составить такое явленіе, которое должно, если не совсѣмъ уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, инымъ образомъ расположить нѣкоторыя складки общественнаго хитона. Когда сдѣлана привычка готовить обѣдъ на двоихъ, то гостямъ или отказываютъ, или же вынуждаются заказывать пирогъ попространнѣе. Я думаю, что будетъ принятъ этотъ послѣдній путь, какъ наиболѣе раціональный. Онъ даетъ возможность принимать гостей, не обижая себя, и не урѣзывая ни капли отъ собственныхъ крохъ.

Обѣдать въ обществѣ многочисленномъ, веселомъ, шумномъ— ужели это не предпочтительнѣе, нежели обѣдать одному или самъ-другъ, насупивши брови, и думая только о томъ, какъ бы набить себѣ желудокъ?

Но даже если все это и не совершится, то и тогда можно предположить, что открытій получится достаточно, и они не будутъ лишены интереса.

Напримѣръ, мы навѣрное узнаемъ, что «человѣкъ, питающійся лебедою», можетъ печалиться и радоваться; что онъ можетъ чувствовать боль, ощущать страхъ, угадывать опасности. Мы удостовѣримся, что онъ несетъ нѣкоторыя повинности, и что на одной изъ нихъ онъ останавливается просто со вниманіемъ, а на другихъ, съ особеннымъ вниманіемъ. Очень можетъ быть даже, что самое слово «повинность» утратитъ для насъ свой простой смыслъ и получитъ смыслъ сложный, привлекающій множество другихъ понятій и представленій. И еще мы узнаемъ, что предметъ нашихъ наблюденій любитъ, ненавидитъ, сгараетъ честолюбіемъ, пылаетъ всевозможными страстями, вѣритъ, сомнѣвается, утверждаетъ, отрицаетъ — все точно въ такой же степени, хотя, быть можетъ, и съ нѣсколько инымъ содержаніемъ, какъ и прочіе смертные.

— Господи! скажемъ мы, разсмотрѣвши все это: — да вѣдь это, кажется, человѣкъ!

Это открытіе очень важное. Новыя слова, новыя пѣсни, новыя формы общественности — пускай остаются впереди. Забывать ихъ не слѣдуетъ, потому что на идеалахъ зиждется вся жизнь духовно-развитой личности; но не слѣдуетъ забывать и то, что первое предстоящее дѣло — это открыть «человѣка».

Подумайте, милостивые государи! Вѣдь «открыть человѣка», значитъ упразднить «Ташкентъ»!

Н. Щедринъ.

НА СВАДЬБУ СЕСТРЫ.

(Изъ Леопарди).

Оставила ты тихій домъ отцовъ,
Младенчества невѣденье святое
И дѣтскій смѣхъ—все сердцу дорогое,
Чѣмъ полонъ міръ пустынныхъ береговъ,
Гдѣ жизнь твоя такъ сладко протекала.
Коварная судьба тебя умчала
Въ шумящій вихрь житейской суеты.
Въ ничтожный вѣкъ безправья и позора,
Сестра моя, отчизнѣ грустной ты
Безплоднаго не посылай укора...
Своихъ дѣтей примѣрами любви
И гордаго геройства вдохнови:
Слабѣетъ духъ отъ сладостнаго пѣнья
И нѣжныхъ ласкъ. Намъ рокъ ихъ запретилъ, —
Въ больной груди нѣтъ мужества и силъ.

Да, — выборъ нашъ иль рабство, иль страданье;
Такъ научи-жь дѣтей твоихъ страдать.
Фортуны блескъ — не славныя дѣянья
Развратный вѣкъ привыкнулъ уважать,
И поздно намъ даруется познанье
Прямой любви и истины святой.
Своихъ дѣтей заботливой рукой
Отъ суеты обманчивой и ложной,
Отъ призраковъ тщеславья охрани,
Чтобъ не были игрушкою они
Пустыхъ надеждъ иль робости ничтожной —
И память ихъ въ потомство перейдетъ:
Сестра моя, нашъ развращенный родъ
Живую добродѣтель унижаетъ,
Умершей же хваленья воздаетъ
И славою героевъ гробъ вѣнчаетъ.

О, женщины! великихъ дѣлъ отъ васъ
Печальная отчизна ожидаетъ.
Волшебный лучъ прелестныхъ вашихъ глазъ
Недаромъ мечъ и пламень укрощаетъ.
Когда огонь денницы золотой
Смеркается въ лазури неба ясной,
На вашу грудь витія и герой
Склоняются въ дремотѣ сладострастной.
О, для чего-же страстью роковой
Вы гасите въ насъ молодыя силы,
Смущаете орлиныхъ думъ полетъ,
Зачѣмъ, увы! красавицъ голосъ милый
Безсилья ядъ герою въ душу льетъ?
Вы волю въ насъ и разумъ усыпили
И гордый духъ Италіи сломили.

Любовь, любовь! зажечь могла бы ты
Въ сердцахъ людей къ великому стремленье,
Волшебный блескъ всесильной красоты
Намъ могъ бы дать святое вдохновенье.
Душа того любовію бѣдна,
Чья грудь огнемъ восторга не пылаетъ,
Когда кипитъ сердитая волна,
Иль тучи вѣтръ шумящій собираетъ,
Когда гроза — прекрасна и вольна, —
Дремучій боръ и горы потрясаетъ.
О, женщины! о, дѣвы! если тотъ,
Кто внемлетъ вопль отечества безстрастно
И кто дрожитъ передъ борьбой опасной
На лоно къ вамъ, ласкаясь, упадетъ —
Съ презрѣніемъ его вы оттолкните,
Гоните прочь бездушнаго съ очей,
Когда любовь не для больныхъ дѣтей,
А для мужей безстрашныхъ вы храните.

Вы матери безсильныхъ и рабовъ:
Страшнѣе нѣтъ для женщинъ обвиненья!
Вашъ долгъ нести страдальцамъ утѣшенье,
Клеймить толпу холоповъ и льстецовъ
Холодною насмѣшкою презрѣнья,
И юное готовить поколѣнье
Для славныхъ дѣлъ — примѣрами отцовъ.
Такъ въ Греціи, среди святыхъ преданій

О славныхъ дняхъ отеческой земли
Спартанцевъ дѣти смѣлые росли.
Красавица въ годину тяжкой брани
Безтрепетно идущему на бой
Любимому герою мечъ вручала,
А не была безсильною рабой...
О смерти друга вѣсть она встрѣчала
Безъ слезъ, умѣя родину любить
И скорбь свою ей въ жертву приносить...

Виргинія! всесильной красотою
Блистала ты въ кругу прелестныхъ дѣвъ,
Властитель Рима былъ плѣненъ тобою
И забавлялъ его твой пылкій гнѣвъ
И гордое, холодное презрѣнье.
Плѣнительно цвѣла твоя весна,
Даря тебѣ волшебныя видѣнья,
Когда рукой отца поражена,
Исполнена рѣшимости свободной,
Во мракъ Эреба ты сошла холодный.
О, мой отецъ! сказала гордо ты:
Пусть старостью изнурена печальной,
Скорѣй лишусь цвѣтущей красоты,
Скорѣй сокроюсь въ урнѣ погребальной,
Чѣмъ деспоту отдамъ мою любовь.
Безъ жалости срази меня — и вновь
Уснувшій Римъ изъ дѣвственной могилы
Вдохнетъ въ себя и мужество и силы.

Прекрасная, денницы золотой
Тебѣ лучи привѣтные сіяли
Свѣтлѣй, чѣмъ намъ. На гробъ печальный твой,
Какъ на алтарь, приноситъ край родной
Святую дань рыданій и печали.
Погибла ты — и смерть твоя въ сердцахъ
Гражданъ зажгла могучій пламень гнѣва,
И злой тиранъ, какъ жертва, палъ во прахъ
Передъ твоей могилою, о дѣва!
Свободы блескъ отчизну озарилъ,
И римскій Марсъ, престолы низвергая,
Свои шатры побѣдные разбилъ
По всей землѣ отъ края и до края.
Такъ погруженный рабства въ тяжкій сонъ
Два раза Римъ былъ женщиной спасенъ.

Л. Граве.

НОВАЯ ВОЛЯ.

(Изъ записокъ служившаго когда-то по крестьянскому дѣлу).

III.

(*Окончаніе.*)

Крестьянское самоуправленіе.

Безспорно, пріятно со стороны смотрѣть, какъ предъ твоими глазами зарождается и развивается не по днямъ, по часамъ новое дѣло, долженствующее имѣть впослѣдствіи громадное значеніе; какъ реформа съ бумаги мало по малу вторгается въ самую жизнь; но еще несравненно пріятнѣе быть въ такомъ дѣлѣ не стороннимъ зрителемъ, а лицомъ дѣйствующимъ, въ особенности тому, кто съ этой именно цѣлью нарочно съ московской «Трубы» притащился.

Давно наступили уже прекрасные майскіе дни; назначили уже и утвердили мировыхъ посредникомъ, которые быстро начали вводить по всѣмъ селамъ и деревнямъ такъ-называемое крестьянское самоуправленіе, а обо мнѣ все ни слуху, ни духу. Положительно только сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что ни въ мировые посредники, ни въ кандидаты я не попалъ, такъ что оставалось только разсчитывать на должность члена при мировыхъ съѣздахъ.

Въ нашъ участокъ мировымъ посредникомъ назначили почтеннаго старика лѣтъ шестидесяти съ небольшимъ хвостикомъ и, что̀ всего замѣчательнѣе — не изъ военныхъ, а изъ гражданскихъ чиновниковъ. Обстоятельство это я потому считалъ особенно замѣчательнымъ, что въ нашей мѣстности болѣе двухъ третей должностей мировыхъ дѣятелей замѣщены были людьми военными, преимущественно отставными, отъ генералъ-майора до подпоручика и ротмистра включительно, по всѣмъ частямъ регулярныхъ войскъ. Были мировые посредники и артиллеристы,

были и флотскіе и отъ инфантеріи, но, впрочемъ, большинство оставалось за отставными офицерами, служившими въ легкой кавалеріи. Впослѣдствіи, для пополненія кадровъ мировыхъ дѣятелей, разрѣшено было занимать эти должности состоявшимъ на дѣйствительной службѣ офицерамъ. Появились у насъ и блестящіе гвардейскіе мундиры, на которыхъ массивная бронзовая цѣпь съ бляхой казались особенно красивыми. Всѣ эти господа, получая посредническое или кандидатское жалованье, по службѣ числились, однакоже, по гвардіи или арміи, по пѣхотѣ или кавалеріи.

Крестьянское самоуправленіе, о которомъ впослѣдствіи такъ много толковали, вводилось чрезвычайно просто, такъ что съ непривычки можно было подумать, будто ничего ровно новаго и не вводилось, а будто такъ собрали народъ для взысканія какого-нибудь. Въ назначенный день, спозаранку, началъ собираться около сельской церкви народъ, по большой части мужики, но виднѣлись, впрочемъ, между ними и бабы, которыя пришли не ради самоуправленія, а такъ, изъ любопытства.

Собрались сначала мужики въ толпу, поорали нѣсколько времени всѣ вмѣстѣ, заразъ, но такимъ манеромъ, что общаго у нихъ ничего не выходило, а потомъ разбились по кучкамъ, по своимъ деревнямъ и разлеглись на церковной оградѣ болѣе или менѣе живописными группами. Ждать имъ пріѣзда «сѣденькаго старичка» привелось-таки долго, да иначе, впрочемъ, и нельзя: самоуправленіе вовсе не такая вещь, чтобы ее можно получить очень-то скоро. Еще, сравнительно, русскому народу благо это далось легче, чѣмъ какому-нибудь другому: привелось только пролежать какихъ-нибудь пять-шесть часовъ подъ лучами палящаго майскаго солнца, позѣвать нѣсколько, въ носу поковырять и вздремнуть, такъ что переходъ отъ помѣщичьяго управленія къ полному самоуправленію многимъ могъ показаться совершенно даже незамѣтнымъ; тогда-какъ другимъ народамъ благо это доставалось обыкновенно недешево. Очень немудрено, что, получивши самоуправленіе такъ-сказать во снѣ, многіе и гораздо позже, чрезъ пять, чрезъ восемь даже лѣтъ, никакъ не могутъ понять въ своемъ положеніи рѣшительно никакой перемѣны противъ прежняго къ лучшему. «Кака така перемѣна? когда ее дали?» спрашиваетъ иной, глаза выпуча; а все оттого, что онъ нечаянно всхрапнулъ въ тотъ моментъ, когда «сѣденькій старичокъ» привезъ и подарилъ ему самоуправленіе-то это. Очень немудрено также, что сравнительная легкость полученія не мало повліяла и на самую доброкачественность и прочность пріобрѣтеннаго товара, а если вѣрить «сѣденькимъ

старичкамъ» и, вообще, всѣмъ нашимъ мировымъ дѣятелямъ, состоящимъ по артиллеріи и легкой кавалеріи, которые сами развозили крестьянское самоуправленіе по деревнямъ, то товаръ этотъ очень у насъ плохъ.

— Аяй долго что-то старичок-о-тъ не ѣдетъ! слышалось коегдѣ, въ отдѣльной кучкѣ лежавшаго народа. — Этакъ, пожалуй, братецъ ты мой, и до ночи прождешь, и махонькой полоски вспахать не успѣешь!

— Больно ужь ты прытокъ! отвѣчалъ другой голосъ. — И завтра, можетъ, цѣлый день придется промаяться, и то ничего не подѣлаешь. Когда еще соберется, когда пріѣдетъ, когда что: думаешь скоро?

— А если, баитъ, на меня укажетъ, слышалось изъ другой группы: — такъ ужь Христа-ради ослободите. Не пойду ни за что, баитъ, не пойду! На колѣнки стану передъ міромъ, вина сколько хошь выставлю, а ужь только чуръ меня, потому, какой, баитъ, я вамъ старшина? Въ третьемъ году сына, баитъ, въ рекруты сдалъ, годъ назадъ лошаденка пала, такъ теперь ужь, коли выберете — въ конецъ разорите!...

— Господи помилуй! Грѣхи наши тяжкіе! раздавалось вдругъ откуда нибудь изъ-подъ забора, у подножія котораго лежалъ позѣвывающій во весь ротъ мужикъ, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, чтобы, въ ожиданіи мироваго посредника, не проскользнула туда какъ-нибудь прямо въ горло нечистая сила.

Пріѣздъ часу въ первомъ пополудни посредника несказанно оживилъ оцѣпенѣвшую толпу. Оживило толпу, само собою разумѣется, не сочувствіе къ самому дѣлу, для выполненія котораго посредникъ пріѣхалъ, а единственно сознаніе, что теперь дѣло это сейчасъ ужь начнется, слѣдовательно, есть надежда, что когда-нибудь и покончится, а тогда можно будетъ и домой удрать. Мужика ожиданье-то это несносное очень уже одолѣваетъ. Иногда суть-то дѣла въ какомъ-нибудь гривенникѣ заключается, но, чтобы отдать или получить этотъ гривенникъ, нужно прождать у крыльца цѣлыя сутки, которыя иногда стоютъ, по меньшей мѣрѣ, рубль серебра. Этимъ единственно объясняется, иначе ничѣмъ необъяснимая, радость мужиковъ при появленіи даже становаго пристава, который сѣчь ихъ пріѣхалъ: казалось, чему бы тутъ радоваться?

Сѣденькій старичокъ, окруженный временно-обязанными, сказалъ имъ нѣчто въ родѣ рѣчи, въ которой постарался объяснить цѣль своего пріѣзда и вообще все, считавшееся въ тѣ времена темнымъ и неудобопонятнымъ нетолько мужикамъ, но

даже и самимъ посредникамъ, или *посредственникамъ*, какъ ихъ обыкновенно честили крестьяне.

— Ну, ребята, теперь скажите же мнѣ, ково вы хотите въ волостные старшины выбрать? спросилъ посредникъ, разъяснивъ по возможности самыя темныя мѣста.

Мужики зашумѣли. Поднялся гвалтъ, изъ котораго не представлялось ни малѣйшей возможности ни одного слова понять. Впередъ изъ толпы выступили, такъ-называемые, *старики*. Я потому прибавляю «такъ-называемые», что между стариками были люди вовсе не старые, изъ чего можно заключить, что между крестьянами принимается въ разсчетъ не столько физическая, сколько умственная зрѣлость, — обычай, по моему мнѣнію, превосходный, вполнѣ достойный подражанія. Не мѣшало бы его перенять дворянству и другимъ высшимъ сословіямъ. Пріобрѣсти званіе «старика» въ крестьянской средѣ едва-ли не труднѣе, чѣмъ получить, напримѣръ, чинъ статскаго совѣтника, въ особенности по ученому вѣдомству, въ которомъ, какъ извѣстно, до статскаго идутъ неимовѣрно быстро. Крестьянскіе *старики* бываютъ иногда лѣтъ сорока, даже подъ сорокъ и слывутъ въ средѣ крестьянской самыми разумными, а въ средѣ не крестьянской — самыми что ни есть безумными и безразсудными. Изъ среды «стариковъ» обыкновенно избираются мірскіе ходатаи, которые иногда пѣхтурой бродятъ съ своими ходатайствами за тысячи верстъ, откуда ихъ нерѣдко препровождаютъ опять-таки, по образу пѣшаго хожденія, по этапу. Это, въ своемъ родѣ, присяжные повѣренные, но только обязанности ихъ будутъ потруднѣе, или, по крайней-мѣрѣ, поопаснѣе, чѣмъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, которыхъ розгами не сѣкутъ и по этапу не посылаютъ, а тѣхъ и сѣкутъ и посылаютъ.

— Вы тутъ межъ собой подумайте, да поразсудите, а я коекуда схожу на полчасика, сказалъ «старичокъ», воспользовавшись представившимся ему случаемъ позакусить и позаморить червячка у сосѣдняго помѣщика.

Оказалось однако же, что «получасика» времени было достаточно единственно только на замореніе посредническаго червячка, а никакъ не на соглашеніе крестьянъ, собравшихся изъ разныхъ деревень, неимѣвшихъ до сей поры рѣшительно никакихъ общихъ интересовъ. Если идея единства Германіи сильно страдаетъ именно отъ раздробленія этой страны на мелкія герцогства и княжества, то общественный интересъ помѣщичьихъ крестьянъ неизбѣжно долженъ былъ пострадать еще сильнѣе отъ мельчайшаго раздробленія ихъ на цѣлыя сотни крошечныхъ помѣщичьихъ государствъ, изъ которыхъ въ каждомъ

существовало свое особенное правленіе, свои законы и между которыми нерѣдко существовала съ незапамятныхъ временъ непримиримая вражда изъ-за гражданскихъ тяжбъ о землѣ между ихъ владѣльцами. Не нужно забывать, что такихъ отдѣльныхъ герцогствъ и княжествъ въ одномъ какомъ-нибудь, наугадъ взятомъ, Чембарскомъ уѣздѣ, числилось въ десять разъ больше, чѣмъ въ Германіи, въ томъ ея мѣстѣ, которое на географическихъ раскрашенныхъ картахъ издали кажется чѣмъ-то въ родѣ пестраго мраморнаго яйца.

Неудивительно поэтому, что на вторичный запросъ посредника, кого они хотятъ выбрать въ старшины, крестьяне дали нѣсколько странный отвѣтъ: ково вашей милости будетъ угодно.

— Ну, если такъ, подхватилъ посредникъ: — то я вамъ своего кандидата предложу. Вотъ не хотите ли Михайлу Гаврилова выбрать? Мужикъ онъ, кажется, хорошій, не пьющій и толковый: какого еще вамъ старшину нужно?

— Это и точно! заголосили въ толпѣ отдѣльные голоса. — Почему-жъ и не Михайлу Гаврилова?... А кто-жъ это Михайло Гавриловъ? Да кто-жъ его знаетъ? Видно, мужикъ хорошій, когда самъ посредственникъ указываетъ? Такъ что же, братцы? Гаврилова, такъ Гаврилова: развѣ не все одно?... Гаврилова! Михайлу Гаврилова! заголосили въ толпѣ.

— Горшковскаго Федулу, братцы, лучше выберемте! послышался откуда-то зычный голосъ. — Небойсь не покаетесь, коли выберете!... а послѣ этого посыпался изъ толпы цѣлый календарь христіанскихъ именъ, при чемъ были перебраны чуть ли не всѣ мученики, за вѣру пострадавшіе. Гвалтъ опять поднялся страшный, такъ что благоразумный старичокъ-посредникъ, улыбнувшись, рѣшился пообождать до той поры, пока не утихнетъ

— Такъ что-жъ, ребята, надо же чѣмъ-нибудь покончить: Гаврилова, что-ли? повторилъ посредникъ, когда представилась возможность говорить.

— Гаврилова! Михайлу Гаврилова! гаркнули ближайшіе къ посреднику, а къ нимъ, мало по малу, пристали и другіе. Кричали рѣшительно всѣ, быть можетъ и разное, но въ этихъ случаяхъ важно только, чтобъ кричали. Народная воля и въ болѣе важныхъ случаяхъ выражается все однимъ и тѣмъ же способомъ. Большинство, быть можетъ, кричитъ во все горло: «à bas Скарятинъ, вонъ Скарятина!» но если передніе выкрикиваютъ эту фамилію безъ прибавленія «вонъ», то изъ этого дѣлается обыкновенно такое заключеніе, что народъ именно

Скарятина, а не кого-нибудь другаго желаетъ имѣть своимъ представителемъ.

Такъ дѣлаютъ и купцы, и дворяне, а не одни только временно-обязанные. Такъ дѣлаютъ и французы и итальянцы, а не только мы, русскіе, которымъ и кричать-то очень рѣдко приводилось что-нибудь иное, кромѣ извѣстной фразы: «рады стараться, ваше высокоблагородіе!»

Слыхалъ я послѣ, что выборы старшинъ, старостъ и волостныхъ судей почти вездѣ были произведены подъ самымъ строгимъ вліяніемъ и надзоромъ мировыхъ посредниковъ. Слыхалъ я, что крестьянскій міръ рѣдко гдѣ остался довольнымъ насильно навязанными имъ начальниками, а между тѣмъ и года не прошло послѣ выборовъ, какъ изъ дворянской же среды началъ раздаваться громкій ропотъ на негодность вновь введеннаго крестьянскаго самоуправленія. Даже такіе, повидимому благодушные господа-помѣщики, какъ напримѣръ, г. Кошелевъ, — и тѣ принялись роптать и даже, отчасти, злословить. Восхваляя миролюбивыя свойства русскаго народа, который, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же разсориться съ угнетавшими его помѣщиками, «сѣлъ съ ними за одинъ столъ, какъ будто бы вѣкъ вмѣстѣ сидѣлъ», г. Кошелевъ, лишь только дѣло касается крестьянскаго самоуправленія, сейчасъ же входитъ въ азартъ. «Почти всѣ начальники крестьянскіе — пишетъ г. Кошелевъ въ своей книгѣ — пьяницы. Знавали мы людей — прибавляетъ онъ, — которые, сдѣлавшись старшинами или старостами, спились скруга и произвели растраты мірскихъ суммъ. Порядочные крестьяне перестали ходить на сходы, а горланы, моты и другіе *негодяи* на нихъ господствуютъ. Мировые посредники — съ прискорбіемъ добавляетъ г. Кошелевъ, — вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать, ограничиваются только *полученіемъ своего жалованья*»... (Почему бы ужь кстати и этихъ не ругнуть такимъ же крѣпкимъ словцомъ, какъ крестьянъ? Или не на столько безопасно?)

Что же, однако, за странность такая? Крестьянскіе начальники, какъ извѣстно, выбраны почти вездѣ не только по указанію, но даже по приказанію гг. посредниковъ, слѣдовательно люди благонамѣренные, — и вдругъ всѣ они, ни съ того ни съ сего, скруга спиваются и дѣлаются грабителями и *негодяями?* Приговоръ г. Кошелева надъ мировыми посредниками слишкомъ ужь строгъ и, видимое дѣло, вызванъ только лишь минутнымъ раздраженіемъ. Если и были между ними такіе, которые исключительно только занимались «полученіемъ своего жалованья», то они дѣйствовали такъ не постоянно, а только въ

промежутокъ времени между крестьянскими выборами, когда имъ и дѣлать ничего болѣе не оставалось. Въ защиту мировыхъ посредниковъ нужно сказать, что многіе изъ нихъ оказали бы величайшую услугу отечеству, еслибы они ограничились только полученіемъ своего жалованья; но, къ сожалѣнію, очень немногимъ изъ нихъ нравилась такая, хотя пріятная, но пассивная роль. Они вмѣшивались рѣшительно во все, въ самыя ничтожныя мелочи; они, какъ изъ книги же г. Кошелева видно, однимъ своимъ словомъ уничтожали рѣшенія крестьянскихъ волостныхъ судовъ, которыя по закону безъапелляціонны, доказывая тѣмъ самымъ, что для нихъ законъ не писанъ, что они выше и сильнѣе всякаго закона. Мнѣ кажется, что, еслибы гг. посредники поменьше вмѣшивались въ чисто крестьянскія дѣла, то многихъ прискорбныхъ исторій (напр. Гусевской) вовсе бы и не было и не могло бы быть, потому что, съ какой же стати? Сами крестьяне, разумѣется, не выбрали бы въ старшины противнаго себѣ человѣка, слѣдовательно не стали бы его и гнать; а, въ такомъ случаѣ, какъ же бы могла возникнуть исторія; съ какой бы стати пошли бы туда солдаты?

Крестьянское самоуправленіе даже и теперь, на девятомъ году своего существованія, очень и очень некрасиво, но, спрашивается, у кого же, у какого сословія оно красиво-то? У горожанъ развѣ, или у дворянъ? Не стоитъ и словъ тратить на доказательства того, до какой степени безнадежно-плохо оно и у этихъ высшихъ сословій, хотя они, казалось бы, имѣли полную возможность устроить его несравненно лучше, чѣмъ простые мужики. Горожане дѣйствительно сами выбираютъ себѣ голову, но, единственно изъ подобострастія, никѣмъ не принуждаемые, почти постоянно выбираютъ себѣ какого-нибудь потомка древней знатной фамиліи, напоминающаго собою «великолѣпнаго князя Тавриды», самая возможность существованія котораго понятна только лишь при полномъ отсутствіи самоуправленія. Послѣдствія такихъ выборовъ извѣстны: огромному большинству ѣсть почти нечего, мечтаютъ они о кускѣ хлѣба по доступной цѣнѣ, да о простыхъ, прочныхъ, но дешевыхъ сапогахъ, чтобы не ходить босикомъ, а представитель ихъ интересовъ въ это время сочиняетъ проекты постройки великолѣпныхъ пассажей со стеклянными сводами, въ которыхъ будутъ продаваться мужицкіе сапоги, да о красивыхъ монументахъ на площадяхъ. Горожане, какъ помужицки говорится, ревмя-ревутъ, но дѣла поправить не умѣютъ. Дворяне, при выборѣ своихъ представителей, поступаютъ почти такъ же. Однимъ только крестьянамъ не даютъ воли выбирать въ представители свои

тѣхъ, кого они хотятъ, а назначаютъ людей имъ несимпатичныхъ, и потомъ сами же, кто назначилъ, удивляются, почему это у крестьянъ никакъ не можетъ ввестись сколько-нибудь сносное самоуправленіе! Сами же, вмѣсто выбранныхъ обществомъ и, слѣдовательно, отвѣтственныхъ предъ обществомъ, людей, назначаютъ чиновниковъ, да потомъ сами и удивляются, что эти люди поступаютъ такъ, какъ подобаетъ поступать чиновникамъ!

Теперь не трудно понять, почему въ особенно счастливомъ положеніи очутились именно тѣ участки, въ которые мировыми посредниками были назначены, или люди до крайности лѣнивые и апатичные, или же, хотя и энергичные, но вполнѣ понимающіе, во что нужно вмѣшиваться и во что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Такъ-какъ общественнымъ мнѣніемъ въ губерніяхъ считается у насъ мнѣніе извѣстной кучки людей въ дворянскомъ клубѣ, то оба эти сорта посредниковъ: лѣнивыхъ и вполнѣ понимающихъ свое назначеніе, — обыкновенно смѣшивались. Оба считались одинаково негодными. Славились и превозносились только лишь тѣ посредники, которые добровольныхъ соглашеній достигали посредствомъ зуботычинъ, а въ старшины и старосты и волостные судьи назначали своихъ расторопныхъ лакеевъ, которые дѣйствовали въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, при взысканіи недоимокъ, не хуже любого капитанъ-исправника старинныхъ временъ.

Въ тѣхъ, очень немногочисленныхъ участкахъ, въ которыхъ волостные «начальники» дѣйствительно были выбраны, а не назначены, начальники эти пробовали-было кое-что сдѣлать въ пользу міра, «порадѣть міру», какъ они говорили, но всѣ эти пробы оказались въ высшей степени неудачными; и неудачными именно потому, что каждый готовъ былъ этимъ неопытнымъ людямъ только лишь подставить ногу, вмѣсто того, чтобы помочь сколько-нибудь серьёзно.

Въ одномъ многопомѣстномъ селѣ проживалъ нѣкій помѣщикъ, съумѣвшій задолжать значительныя денежныя суммы всѣмъ, его окружающимъ: и родственникамъ, и знакомымъ, своимъ и чужимъ крестьянамъ, не исключая даже своихъ горничныхъ и кухарокъ. Послѣ выхода «Положеній» должники обратились, разумѣется по невѣдѣнію, съ жалобой на помѣщика въ волостное правленіе, а когда помѣщикъ наотрѣзъ объявилъ, что онъ ни копѣйки не отдастъ, если съ него станутъ *требовать*, а внесетъ, быть можетъ, частицу долга, если у него *смирённо попросятъ*, то раздосадованные должники отправились къ старшинѣ съ просьбою: взыскать съ помѣщика по роспискамъ.

Старшина, не сообразивши того, что помѣщики ему неподсудны, послалъ къ нему приглашеніе явиться въ волостное правленіе, и такъ-какъ тотъ, разумѣется, не явился, то отправился къ нему самъ на̀ домъ, захвативъ съ собою, на всякій случай, троихъ или четверыхъ стариковъ. Старики въ помѣщичьемъ домѣ дальше лакейской идти не осмѣлились, но старшина дерзнулъ вступить во вторую комнату и усѣлся тамъ, въ ожиданіи хозяина.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ комнату вбѣжалъ взбѣшенный помѣщикъ и, со сжатыми кулаками, остановился около старшины, который тоже всталъ съ занятаго имъ мѣста.

— Ты зачѣмъ здѣсь? Этихъ болвановъ зачѣмъ сюда нелегкая занесла?

— Да вотъ судить васъ пришли!

— Судить пришли! передразнилъ помѣщикъ съ недоброй улыбкой, пододвигаясь къ старшинѣ еще ближе; но старшина, дѣйствуя по убѣжденію и, какъ онъ думалъ, по закону, ничего худаго не предчувствовалъ и опять повторилъ:

— Да, судить, баринъ. Мы вызывали-было тебя въ контору, да ты не изволилъ явиться; такъ вотъ мы сами къ тебѣ явились. Помирись, ваше благородіе, съ мужиками-то, вѣдь надо же дѣло покончить: не захочешь же ты бѣдный народъ обижать...

Помѣщикъ не выдержалъ. Разыгралась сцена въ достаточной степени гадкая; я могъ бы сказать «возмутительная», но это было бы уже слишкомъ, потому что у насъ нельзя шага шагнуть безъ того, чтобы на драку не натолкнуться: пора ужь и не возмущаться. Взбѣсившійся помѣщикъ поступилъ со старшиной точно такъ же, какъ впослѣдствіи, въ наши дни, поступилъ со священникомъ села Вихорны, отцомъ Іоанномъ, серпуховскій мировой судья, коллежскій ассессоръ Жуковъ. Еслибы старшина вздумалъ тогда жаловаться на оскорбленіе, то могъ бы въ своемъ прошеніи и выраженія даже употребить тѣ же самыя, какія употреблены отцомъ Іоанномъ, а именно: «онъ же, не вытерпѣвъ, схватилъ меня за бороду и, держа минуты 3 или 4, кричалъ: «такъ меня судить, меня судить» и спрашивалъ: какъ, меня судить? все-таки держа за оную...»

Но волостной старшина никакого прошенія на оскорбленіе дѣйствіемъ никому не подавалъ, потому что чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ; вдобавокъ и самый скандалъ съ нимъ завершился еще печальнѣе, чѣмъ у отца Іоанна съ серпуховскимъ мировымъ судьей Дмитріемъ Николаевичемъ Жуковымъ. Помѣщикъ, удерживая старшину за бороду, въ такомъ положе-

ніи вывелъ его на крыльцо и «выпустилъ оную изъ рукъ» только лишь тогда, когда толкалъ съ крыльца въ шею.

Урокъ, разумѣется, не пропалъ для старшины даромъ: онъ очень хорошо теперь понялъ, что помѣщики ему неподсудны; но, сами посудите, какіе же могли впослѣдствіи выработаться юристы изъ учениковъ, которымъ законовѣдѣніе преподавалось по такой ужасной системѣ? Наши мировые судьи очень часто рѣшаютъ дѣла, вовсе имъ неподсудныя; ну, что̀ бы вышло и изъ мировыхъ судовъ, еслибы судей, за каждую ихъ ошибку, тоже бы теребили за бороды и выталкивали въ шею съ крыльца? Неужели, при такихъ условіяхъ, дворянскій мировой судъ былъ бы чѣмъ-нибудь лучше крестьянскаго, волостнаго, претерпѣвающаго жестокія нападенія со стороны такихъ господъ, которые и сами, при случаѣ, не прочь схватить волостнаго судью за бороду?

Я представлю читателю два письма изъ цѣлой коллекціи собранныхъ мною, изъ которыхъ ясно, какъ смотрѣло большинство помѣщиковъ на новыя крестьянскія общественныя должности.

Вотъ письмо одной помѣщицы къ волостному старшинѣ, съ сохраненіемъ, отчасти, правописанія:

«волостному старшинѣ.

Митрій Егоровъ!

«Слышу, что осмѣлился моему бурмистру Леонтью Савелову надѣлалъ грубости за то что онъ лѣсъ не велѣлъ рубить, да какъ же ты смѣлъ сдѣлать, ты мерзавецъ забылъ что ты мужикъ и что я государемъ опредѣлена надъ вами. Ты болванъ думалъ что можешъ распоряжаться, я поставила вамъ бурмистромъ Савелова то и ты подлецъ долженъ его уважать онъ по моему приказанію не позволяетъ лѣсъ рубить, потому что вы такъ глупы что не понимаете что я для васъ его берегу, гдѣ вы его возьмете если будетъ пожаръ, вамъ это въ голову не придетъ. Ты спроси хорошенько, что твоя какая должность ты выбранъ унимать глупыхъ а ты тварь...» и т. д. въ томъ же родѣ. Помѣщица, какъ видно, была убѣждена, что она самимъ государемъ поставлена надъ крестьянами единственно только съ тою цѣлью, чтобы ругаться какъ можно покрѣпче, и никогда не думала признавать новыхъ крестьянскихъ правъ, данныхъ имъ закономъ. Старыя помѣщицы, какъ извѣстно, представляли собою самый консервативный элементъ изъ всего помѣщичьяго сословія. Онѣ рѣшительно отвергали все новое и не особенно деликатничали даже въ своихъ сношеніяхъ съ мировыми посредниками, о чемъ будетъ сказано ниже.

Впрочемъ, руготня старыхъ помѣщицъ не особенно тревожила давно уже привыкшихъ къ ней крестьянъ. Несравненно больше тревоги доставляли имъ закоренѣлые отставные воины-помѣщики, которые, разозлившись на «Положенія», старались сорвать свою злобу на комъ придется и заявляли нерѣдко такія требованія, которыя дѣйствительно ставили иногда въ тупикъ неопытное крестьянское начальство. Вотъ, напримѣръ, одно изъ подобныхъ требованій. «Вслѣдствіе возникнувшихъ всюду поджоговъ — писалъ помѣщикъ — предлагаю оному правленію съ полученіемъ сего объявить по волости, чтобы ни одинъ человѣкъ не смѣлъ проходить чрезъ мою усадьбу, т.-е. дворомъ, задами онаго, а также равно и гумномъ. Таковые люди во время дня, какъ подозрительные, будутъ взяты подъ караулъ, а въ ночное время по онымъ будетъ произведенъ выстрѣлъ. Помѣщикъ, отставной маіоръ такой-то».

Вотъ подобные, свирѣпые приказы, дѣйствительно ставили наивныхъ начальниковъ въ положеніе очень затруднительное. Старшина сейчасъ же отправлялся за разъясненіями къ мировому посреднику, иногда верстъ за пятьдесятъ, потому что, съ одной стороны, онъ чувствовалъ себя какъ будто не въ правѣ объявлять по волости о домашнемъ разстрѣливаніи, а, съ другой, боялся и молчать, потому что зналъ помѣщика за такого энергичнаго господина, который, при случаѣ, дѣйствительно не задумается и подстрѣлить человѣка, если замѣтитъ ночью на дворѣ или «на задахъ онаго».

Волостной крестьянскій судъ, по закону, долженъ бы имѣть большое значеніе. Онъ рѣшаетъ окончательно, т.-е. безапелляціонно, споры и тяжбы между крестьянами цѣною до ста рублей. Онъ можетъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ, къ штрафамъ до трехъ рублей, арестамъ на недѣлю и къ тѣлесному наказанію. Рѣшенія его должны, по преимуществу, основываться на мѣстныхъ обычаяхъ, примѣняясь къ которымъ, впослѣдствіи предполагалось составить общій сельскій судебный уставъ и только временно, до составленія устава, допущено въ нихъ примѣненіе судебнаго сельскаго устава, изданнаго для государственныхъ крестьянъ. Рѣшенія волостныхъ судовъ предполагались вполнѣ самостоятельными, чтобы по нимъ можно было изучить мѣстные обычаи, въ настоящее время никому неизвѣстные и, соображаясь съ ними, составить уже сельскій уставъ, который бы вполнѣ могъ назваться народнымъ.

На практикѣ все это исполнилось вовсе не такъ, какъ предполагалось. Крѣпостные, запуганные и безграмотные судьи, попавшіе въ эти должности случайно, вовсе не изъ лучшихъ лю-

дей, а напротивъ, изъ самыхъ плохихъ, которые не въ силахъ были отказаться отъ выбора, съ перваго же дня по вступленіи въ должность, очутились въ полнѣйшей зависимости отъ волостного писаря. Судьи, если только представлялась имъ малѣйшая возможность, вовсе не ходили въ судъ, а если и шли, то сидѣли тамъ молча, какъ истуканы «брады уставя», а писарь, какъ полновластный господинъ, допрашивалъ истца и отвѣтчика, вписывалъ ихъ отвѣты въ книгу, получалъ доходы съ кого было можно, самъ сочинялъ рѣшенія, соображаясь единственно со своими собственными привычками и обычаями, и въ концѣ концовъ, командовалъ судьямъ: «ребята, копти печати и прикладывай вотъ здѣсь!» Судьи послушно коптили печати на сальной свѣчкѣ и прикладывали ихъ на томъ мѣстѣ, на которое ткнулъ пальцемъ писарь, какъ кому удастся: кто вверхъ ногами, кто бокомъ. Только лишь въ статьѣ закона было написано, что рѣшенія ихъ безапелляціонны; на дѣлѣ же рѣшенія эти измѣнялись и уничтожались безпрестанно каждымъ изъ мировыхъ посредниковъ, которые, если имъ рѣшенія почему нибудь не нравились, распекали судей и писаря и приказывали тотчасъ же дѣло перерѣшить вновь. Впрочемъ, и перерѣшеній въ сущности никакихъ не было. Просто писарь, по приказанію посредника, писалъ новое рѣшеніе, а новыхъ судей собирали лишь затѣмъ, чтобы они опять покоптили печати и приложили ихъ къ новому листу бумаги. Судьи очень хорошо знали, что дѣло ихъ — чистѣйшіе пустяки, а потому такъ и сами смотрѣли на свою должность; да и всѣ остальные крестьяне смотрѣли на нихъ, разумѣется, съ пренебреженіемъ, какъ на совершенно безполезныхъ коптильщиковъ печатей; потому имъ почти нигдѣ и жалованья никакого не полагалось, хотя закономъ это не запрещено. Вмѣсто того, чтобы пользоваться почетомъ, должность коптильщика на первыхъ же порахъ потеряла всякій кредитъ и никто изъ порядочныхъ не хотѣлъ ее на себя брать, если только представлялась къ тому какая-нибудь возможность. «Поди-ка больно мнѣ нужно въ коптильщики-то эти идти! говорилъ зажиточный мужикъ. — Сиди себѣ болваномъ, прикладывай куда тебѣ велятъ печать, а потомъ тебя же посредственникъ раскоститъ: и то не такъ и энто не такъ, а поди-ка мы много въ бумагахъ-то вашихъ понимаемъ!»

Въ 1862 году, когда крестьяне, вникнувъ въ смыслъ «Положеній», начали упорно отказываться отъ всякихъ добровольныхъ сдѣлокъ съ помѣщиками, высшее начальство предложило губѐрнаторамъ объѣхать ввѣренныя имъ губерніи и лично склонять временно-обязанныхъ крестьянъ къ повиновенію, хотя от-

крытаго неповиновенія властямъ нигдѣ собственно и не замѣчалось.

Понятно, что главнѣйшая цѣль губернаторскихъ объѣздовъ не была достигнута, такъ-какъ предполагаемаго неповиновенія властямъ на мѣстѣ не оказалось; но за то достигнуты были другія цѣли, которыхъ, быть можетъ, вовсе и въ виду не имѣлось. Губернаторы, во время своихъ разъѣздовъ по деревнямъ, могли, если только хотѣли, увидать и услыхать много кое-чего, прежде имъ неизвѣстнаго. Они могли, наконецъ, получить кое-какое понятіе и о крестьянскомъ самоуправленіи, хотя оно изучалось преимущественно по шнуровымъ книгамъ въ волостныхъ правленіяхъ.

Книги для вписыванія рѣшеній крестьянскихъ судовъ оказались, разумѣется, всѣ на лицо; въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ усердные писаря завели даже по десяти, по двѣнадцати штукъ, но, къ изумленію ревизующихъ, книги эти найдены совершенно чистыми, безъ всякихъ записей, хотя невозможно было предположить, будто въ теченіе полутора года въ волости не случилось ни одного дѣла. Въ другихъ волостяхъ, на оборотъ, рѣшеній было найдено уже черезчуръ много, но до такой степени однообразныхъ, что объ изученіи по нимъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ нечего было и думать. Въ цѣлой сотнѣ такихъ рѣшеній, послѣ форменнаго «Постановили», неизбѣжно слѣдовала одна и та же фраза: «на основаніи 102 ст. Общ. Полож. наказать виновнаго двадцатью ударами розогъ». Тутъ же прилагалась и росписка наказаннаго (написанная писаремъ же по довѣренности наказаннаго) въ томъ, что онъ «рѣшеніемъ доволенъ и неудовольствія ни на кого не имѣетъ».

— И зачѣмъ это, судьи, у васъ въ употребленіи все только однѣ розги, да розги? — спросилъ разъ одинъ изъ чиновниковъ губернаторской свиты, котораго оставили въ волостномъ правленіи разсматривать книги. — Вѣдь розги — самое послѣднее ужъ дѣло; это наказаніе чисто скотское. На нихъ даже и законъ указываетъ, какъ на послѣднюю мѣру, когда уже ничто другое не дѣйствуетъ.

— Чего же хорошаго въ розгахъ! согласились судьи. — Но какъ же намъ, баринъ, быть съ озорниками-то?

— Какъ быть! — А аресты, а штрафы отчего же не примѣнить? Чѣмъ же они хуже розогъ?

— На штрафы наши робята не согласны, — мы ужъ пробовали! рѣшительно отвѣчали судьи. — У насъ въ волости народъ все бѣдный, маломочный: гдѣ ему штрафы платить? Подъ

зарестъ садить некуда, да и отъ работы мужика оторвешь: раззоришь только значитъ, а посѣчь если, такъ это ничего. И острастка есть, и бѣднѣе мужикъ не будетъ: на спинѣ рѣпу не сѣять!

И вездѣ одно и то же: множество однообразныхъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію и почти нигдѣ ни одного рѣшенія по спорамъ и тяжбамъ, не только до ста рублей, но даже и на полтинникъ!

Наконецъ, слава Богу, попалось и такое правленіе. Книга рѣшеній представляла собою вещь еще невиданную и неслыханную: рѣшеній множество и нигдѣ ни одной ссылки на статью сельскаго устава. Всюду только виднѣлась привлекательная фраза: «на основаніи мѣстныхъ обычаевъ». Встрѣчались, разумѣется, и наказанія за проступки, но розогъ не было вовсе; все только выговоры, да штрафы по гривеннику и двухгривенному.

Это странное обстоятельство обратило на себя вниманіе. Начались разспросы, разумѣется за̀просто, безъ всякой оффиціальности, потому что оффиціальности мужикъ боится пуще огня и ровно ничего не скажетъ, хотя ты его убей.

— Неужели же, старики, и на самомъ дѣлѣ у васъ во весь прошлый годъ не случилось ни одного наказанія розгами? Куда вонъ ни пріѣдешь, — все вездѣ розги, да розги, а у васъ вотъ нѣтъ. Странно, какъ-то!

— Какъ-то есть ни одного наказанія розгами не случилось?— переспросилъ одинъ изъ стариковъ. — Твоей милости хочется знать: сѣкли ли у насъ ково въ конторѣ, или не сѣкли?

— Ну, да!

— Коли же не сѣкли! — Вотчина у насъ большая, развѣ мало въ ней разнаго озорного народа? Извѣстно, иной разъ нельзя и не посѣчь! Сѣкли, батюшка, и мы; коли же не сѣкли!

— Почему же въ книгу-то у васъ объ этомъ не вписано?

— Да мы, родимый, безъ книгъ! Гдѣ же тутъ всякую всячину въ книгу запишешь? Иной разъ вонъ писарь отлучится куда, загуляетъ, али-бы что: гдѣ же его дожидаться? И воришко-то самъ проситъ, чтобы, значитъ, его раздѣлали поскорѣе; ну, мы постегаемъ его маленько, да и отпустимъ: не всяко лыко въ строку!

Такимъ образомъ, мѣстные обычаи въ крестьянскихъ судахъ проявлялись только лишь въ томъ, что судьи нерѣдко сѣкли безъ книгъ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ суды эти ничѣмъ не отличались отъ нашихъ старыхъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ дѣломъ орудовалъ одинъ только секретарь,

а судьи подписывали все, что̀ секретарь подсунетъ и руку. Изъ большаго количества собранныхъ мною рѣшеній волостныхъ судовъ, приведу здѣсь нѣсколько болѣе или менѣе впрочемъ выдающихся, какъ образцы большинства рѣшеній крестьянскихъ судовъ.

«1862 года, такого-то мѣсяца, крестьянинъ Илья объявилъ въ волостномъ судѣ, что сего числа одножитель его Купреяновъ засталъ его свинью на своемъ гумнѣ и, будучи озлобленъ за потраву ржаной соломы, взявъ палку немилосердно началъ ее бить и она отъ побой кинулась на желѣзную борону и тутъ нанесенъ былъ еще ей ударъ палкою, которая съ осапаннымъ брюхомъ кое какъ добралась до своего двора и на другой день пала. (Побойство это видѣли такіе-то). Почему Илья въ тотъ-же разъ позвалъ къ себѣ сельскаго старосту для должнаго изслѣдованія, но онъ будучи не въ трезвомъ видѣ и родственникомъ Купреянова, причинилъ ему и женѣ его Матренѣ имѣющеюся у него палкою жестокое побойство при свидѣтеляхъ. Опредѣлили: на основаніи XII т. «гражд. зак.» взыскать съ виновнаго 5 рублей на удовлетвореніе оными хозяина».

Или вотъ еще одно рѣшеніе, изъ котораго отчасти видны крестьянскіе обычаи, хотя и не юридическіе.

«1862 года мая 13-го дня волостные очередные судьи слушали словесную жалобу крестьянина Михайлова на Семенова нижеслѣдующаго содержанія. Какъ можетъ упомнить Михайловъ въ апрѣлѣ, во дни свѣтло-христова воскресенья, въ общемъ собраніи крестьянъ на улицѣ, гдѣ находился и крестьянинъ Семеновъ, а сынъ мой Матвей и племянникъ Семенова Ефимъ играли между собою, почему Ефимъ ударилъ моего сына, почему я сказалъ Семенову вопреки сего, чтобы онъ унималъ племянника своего отъ сихъ невоздержныхъ поступковъ, тогда какъ сыну моему минуло 10 лѣтъ, а Ефиму 18, то онъ можетъ обижать сына моего не всегда, отчего, къ неожиданности моей Семеновъ началъ при всѣхъ поносить меня неблагопристойными словами. А потомъ онъ же началъ меня поносить и въ самомъ волостномъ правленіи будучи его членомъ и, придя въ азартность, называлъ меня воромъ, яко-бы я или кто изъ семейства моего украли у племянницы его шерстяные чулки, которые будто-бы оная племянница видѣла на ногахъ сына моего Матвея, почему я въ тоже время просилъ старшину, не допущая меня съ сыномъ домой, учинить въ домѣ моемъ обыскъ, но Семеновъ обыска сего не допустилъ. Волостной судъ опредѣлилъ: на основаніи ст. 441—444 (правилъ для опред. мѣры наказ. за проступки) *оставить Михайлова* (т.-е. истца) *въ по-*

дозрѣніи и дѣло сіе какъ безъ точныхъ доказательствъ и явныхъ уликъ оставить безъ послѣдстій съ предоставленіемъ права и т. д.»

Нерѣдко въ тяжбахъ объ имуществѣ волостные суды постановляютъ рѣшенія вполнѣ справедливыя и безпристрастныя, но отъ этого выигравшему процессъ ничуть не легче, потому что приводить въ исполненіе эти рѣшенія въ деревняхъ совсѣмъ некому; въ особенности въ этомъ отношеніи страдали и страдаютъ женщины—вдовы. Не даромъ, видно, ихъ беззащитными-то зовутъ!

Не дальше какъ въ прошломъ году въ одномъ изъ уѣздовъ N губерніи крестьянинъ взялъ себѣ на двѣ души новь (т.-е. землю, только что расчищенную изъ-подъ лѣса) срокомъ на три года, но, засѣявши эту землю, умеръ, оставивъ бездѣтную вдову и пасынка, который, разумѣется, работалъ вмѣстѣ съ отцомъ. Тотчасъ послѣ его смерти міръ порѣшилъ *отобрать у бабы душу* (т.-е. душевой надѣлъ), оставивъ ее ни при чемъ. Баба за душу и не стояла; она желала только собрать хлѣбъ съ засѣяннаго мужемъ поля и отправилась-было на работу, но пасынокъ согналъ ее съ поля вѣхой. Баба пожаловалась волостному суду. Она заявила, что желала бы оставить за собою мужнину землю, за которую она согласна платить всѣ какія нужно повинности; но, такъ-какъ она знаетъ, что міръ порѣшилъ отобрать отъ нея душу, то дѣлать нечего: она только проситъ, чтобы позволили ей хлѣбъ собрать, потому что, хотя она и безъ души, а ѣсть все-таки хочетъ. Судъ постановилъ: отдать весь собранный съ земли хлѣбъ вдовѣ, за вычетомъ сѣмянъ, которыя отдать пасынку за участіе его въ работѣ; но такъ-какъ пасынокъ осмѣлился согнать мачиху съ поля вѣхой, то за этотъ проступокъ и сѣмянъ ему не давать».

Рѣшеніе суда видимо клонилось въ пользу вдовы, но только какъ воспользоваться-то имъ? Лишь только баба отправилась на работу, какъ опять появился тамъ пасынокъ и пригрозилъ треснуть уже не вѣхой, а коломъ по затылку, если та не отстанетъ, но вдова оказалась очень энергичной женщиной.—«Пусть попробуетъ, пусть тронетъ коломъ—небойсь за это отвѣтитъ, а я все-таки жать пойду! Онъ міръ-то весь опоилъ, потому онъ и на его сторонѣ!»—излагала вдова мировому посреднику, которому пришла на всякій случай заявить объ угрожавшей ей опасности.

Есть у меня, впрочемъ, рѣшенія, основанныя и на мѣстныхъ обычаяхъ; но при чтеніи ихъ, невольно начинаешь сомнѣваться: не принимались ли въ соображеніе и здѣсь преимуществен-

но обычаи и привычки всемогущаго волостнаго писаря, вмѣсто народныхъ обычаевъ? Вотъ одно изъ такихъ рѣшеній, которое я, впрочемъ, не нахожу нужнымъ приводить цѣликомъ въ подлинникѣ.

«Въ 1851 году въ одно приволжское село пришелъ въ безсрочный отпускъ солдатъ Петръ Степановъ и женился на вдовѣ-крестьянкѣ той деревни, которая жила съ матерью Татьяной въ убогомъ домишкѣ. Одинокія женщины съ радостію приняли къ себѣ въ домъ солдата; жили онѣ до того бѣдно, что вдовѣ-невѣстѣ не на что было содержать семилѣтнюю свою дочь отъ перваго брака. Солдатъ, сдѣлавшись хозяиномъ, поправилъ гнилую избу заново, построилъ кой-какія службы, выдалъ впослѣдствіи дочь своей жены отъ перваго брака замужъ, при чемъ истратилъ 15 рублей; кромѣ того, съ согласія женщинъ, перенесъ избу на новое мѣсто, верстъ за шесть, при чемъ истратилъ не менѣе сорока рублей. Такъ-какъ у солдата родились дѣти, то онъ считалъ все имущество своимъ и дѣтскимъ и не разсчитывалъ ни на какія случайности, которыхъ, впрочемъ, не могъ избѣгнуть. Чрезъ десять лѣтъ умерли у него жена и ребенокъ, такъ что онъ остался съ старухой-тещею и дочерью и въ мирномъ домѣ ихъ поселился раздоръ. Старуха начала требовать, чтобы вдовецъ-солдатъ отдѣлилъ часть имущества внучкѣ, и требованіе свое выражала до такой степени рѣзко и упорно, что вдовецъ-солдатъ принужденъ былъ пожаловаться волостному суду, который постановилъ: «велѣть солдату Петру владѣть домомъ и имуществомъ, *кромѣ носильнаго платья и коровы*, одѣвать и призирать старуху, а что же касается до его дочери Екатерины, то приказать солдату, если онъ впослѣдствіи отдастъ ее замужъ *въ приличномъ видѣ* по крестьянскому обыкновенію, то пусть владѣетъ домомъ и имуществомъ, а если сего не сдѣлаетъ, то, по совершеннолѣтіи Екатерины, домъ долженъ поступить въ ея пользу во всемъ его составѣ. Солдатъ Петръ и его, вновь взятая жена, не должны обижать старуху; но если старуха пожелаетъ отойти отъ Петра, то должна взять корову и носильное платье, безъ требованія чего либо другого».

Только что они уладились-было, какъ умираетъ остальная дочь и старуха заявляетъ уже новую претензію, несравненно уже серьёзнѣе первой: она требуетъ, чтобы зятя отъ нее выгнали вонъ, такъ-какъ изба принадлежитъ ей (хотя отъ гнилой избы въ 13 лѣтъ и гнилушки бы не осталось). Старуха уже не довольствуется носильнымъ платьемъ и коровой.

Волостной судъ явно покровительствуетъ старухѣ и поста-

новляетъ слѣдующее рѣшеніе, которое едва-ли можно признать справедливымъ и основаннымъ на мѣстныхъ народныхъ обычаяхъ: «домъ со всѣми пристройками присудить старухѣ Татьянѣ, а солдату Степанову велѣть изъ него выйти вонъ, но съ тѣмъ, чтобы ему было выдано 10 рублей въ вознагражденіе за труды и издержки, предоставивъ Степанову жить въ домѣ три мѣсяца — и тогда уже окончательно выбраться. Во время же житія Степанова у тещи ни тотъ ни другой не должны имѣть никакихъ между собою неудовольствій, а если какія-либо будутъ съ той и другой стороны, то должны разойтись добровольно, не доводя жалобы ни до какого начальства. Рѣшеніе сіе, согласно 98-й ст. общ. пол., считается окончательнымъ, такъ-какъ солдатъ Степановъ добровольно желалъ разбирательства въ семъ судѣ».

Но, несмотря на эти приписки и ссылку на статью закона, всякій очень хорошо зналъ, что рѣшеніе очень легко можно уничтожить, если только мировому посреднику будетъ то угодно. Случалось, что иной наивный писарь, помѣшанный на законности, протестовалъ противъ произвола, но такіе протесты, разумѣется, имѣли значеніе только лично для писаря, котораго сгоняли съ мѣста и замѣняли другимъ, человѣкомъ понимающимъ вещи не въ превратномъ видѣ. Всѣми уже замѣчено, что крестьяне не съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ рѣшеніямъ своихъ судовъ и не признаютъ ихъ безапелляціонности; но причины этому вовсе не тѣ, на которыя обыкновенно указываютъ непримиримые враги крестьянскаго самоуправленія, старающіеся замѣнить его единоличнымъ дворянскимъ судомъ. Бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ вообще никто и никогда не старался познакомить съ тѣмъ, что̀ слыветъ подъ именемъ законности и справедливости, а потому они въ справедливость ничьего рѣшенія, ни даже помѣщичьяго, не вѣрили и повиновались потому только, что за неповиновеніе били. Какъ скоро бить перестали и крестьяне замѣтили, что теперь судитъ уже не полновластный баринъ, а свой братъ-мужикъ, и что за апелляцію теперь уже не дерутъ — они, очень естественно, сейчасъ же начали пробовать, кто рѣшитъ лучше, такъ-какъ въ каждомъ дѣлѣ, даже при самомъ справедливомъ рѣшеніи, одна сторона непремѣнно должна остаться недовольной. Крестьяне точно такъ же жаловались и на рѣшенія посредниковъ, мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій «самому губернатору», а иногда шли и дальше, въ Петербургъ, откуда ихъ обыкновенно препровождали по этапу. По этой именно причинѣ въ первые два-три года «новой воли» каждый путе-

шественникъ, остановившись въ губернскомъ городѣ, могъ замѣтить двигающіяся по улицамъ кучки мужиковъ съ котомками за плечами и съ посохами, съ какими ходятъ странники на богомолье: это были толпы крестьянскихъ адвокатовъ, или ходоковъ, идущихъ апеллировать на рѣшенія, въ справедливость которыхъ они не вѣрили. Будьте увѣрены, что еслибъ съ безапелляціонностью волостныхъ судовъ обращались не такъ безцеремонно, то крестьяне уже теперь давно за умъ взялись: стали бы выбирать въ судьи дѣйствительно лучшихъ людей, потому что дрянь держать невыгодно; при безцеремонности же со стороны власть имѣющаго образованнаго дворянства не стоило и хлопотать. Что въ немъ, въ этомъ рѣшеніи потѣшныхъ «коптильщиковъ печатей», презираемомъ каждымъ «посредственникомъ», изъ которыхъ иной и самъ-то часто не вѣдалъ, что̀ творилъ?

IV.

Мировые посредники и уѣздные мировые съѣзды.

Ни для кого уже не составляетъ секрета то обстоятельство, что у насъ за всякое новое дѣло берутся съ неимовѣрной горячностью, которая, впрочемъ, и остываетъ такъ же быстро, какъ раскаленный утюгъ или щипцы для завивки волосъ. Иной новый дѣятель, на первыхъ порахъ, даже обѣда своего не доѣдаетъ отъ недосуговъ, ночей не досыпаетъ и, для бо̀льшей развязности въ движеніяхъ, постоянно ходитъ или, лучше сказать, бѣгаетъ въ узкомъ, коротенькомъ охотничьемъ костюмѣ и въ сапогахъ съ высокими голѐнищами, съ хлыстомъ; потомъ, мало по малу, незамѣтно, начинаетъ онъ разоблачаться и, въ концѣ концовъ, его нельзя даже себѣ представить въ иномъ положеніи, какъ въ лежачемъ, въ татарскомъ халатѣ и въ туфляхъ. Все это какъ нельзя яснѣе отразилось и въ дѣятельности прежнихъ и нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ. Первыхъ изъ нихъ я не могу себѣ иначе представить, какъ въ постоянномъ движеніи, въ постоянной тревогѣ, въ охотничьихъ сапогахъ, чтобы можно было бѣгать (хотя иногда и безъ толку) по грязи и болотамъ; нынѣшніе же представляются мнѣ въ воображеніи людьми спокойными, ничѣмъ невозмутимыми, облеченными въ халаты изъ термоламы и непремѣнно въ туфляхъ на босую ногу. Это именно тѣ солидные господа посредники, про которыхъ Кошелевъ въ своей книгѣ «Голосъ изъ земства» выразился, что они «ограничиваются лишь полученіемъ своего жалованья».

Такъ-какъ первою и главнѣйшею обязанностью мировыхъ посредниковъ считалась повѣрка уставныхъ граматъ, подаваемыхъ помѣщиками, то на исполненіе этой обязанности они и бросились прежде всего, со свѣжими силами. Рвеніе ихъ на первыхъ порахъ было такъ велико, что мировыхъ посредниковъ можно было принять за работниковъ-мастеровыхъ, получающихъ поштучную плату: кто больше сработаетъ и доставитъ хозяину, тотъ больше и денегъ получитъ. Очень естественно, что при такой спѣшной работѣ даже отъ простыхъ крестьянскихъ котовъ или башмаковъ нельзя ожидать особенной прочности и изящества, а ужь не то, что отъ уставной граматы, которую повѣрить какъ слѣдуетъ несравненно труднѣе и копотливѣе, чѣмъ размочить и набить на колодку кожу. Ну, и хороши же за то выходили граматы: ужь во всякомъ случаѣ по изяществу и прочности ничѣмъ не лучше извѣстныхъ кимрскихъ сапоговъ! Повѣрка граматъ, для скорости, нерѣдко производилась наобумъ, иногда зимой, когда земельный надѣлъ былъ покрытъ огромными буграми снѣга. Крестьянскій надѣлъ въ этихъ скороспѣлыхъ граматахъ обыкновенно показывался приблизительно, на вѣру, потому что ни плановъ, ни времени для ихъ составленія, ни достаточнаго количества землемѣровъ — неоткуда было взять. Въ одной граматѣ, напримѣръ, указывалось, что крестьянскій надѣлъ измѣренъ приблизительно, домашними способами, а именно: *посредствомъ двухъ кольевъ и воровенныхъ возжей*; въ другой — надѣлъ опредѣленъ по плану, *который нынѣ внезапно утраченъ*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что послѣ въ граматахъ оказалось многое множество невѣрностей и что исправленіе этихъ невѣрностей принесло втрое больше хлопотъ, чѣмъ самое составленіе граматъ вновь. Въ иномъ мѣстѣ оказывалось, напримѣръ, что въ удобную крестьянскую землю вошло, какъ бы нечаянно, огромное, никуда негодное болото, а крестьяне во время зимней повѣрки ничего противъ этого не возразили, и именно вотъ какимъ образомъ могло это случиться: негодное болото помѣщикъ въ граматѣ называлъ не той кличкой, подъ которой оно слыло у крестьянъ, а посредникъ не могъ видѣть, что̀ такое тамъ, подъ снѣгомъ: болото или годная земля. Въ другомъ мѣстѣ по уставной граматѣ отъ крестьянъ отрѣзывалось десятинъ пятьдесятъ, будто бы излишнихъ, а послѣ оказывалось, что нетолько отрѣзывать не нужно, но еще не хватаетъ десятинъ тридцати до надѣла...

Посредничья торопливость принесла много лишнихъ хлопотъ мировымъ съѣздамъ, но эта бѣда все-таки была поправимая;

несравненно болѣе вреда принесло страстное желаніе нѣкоторыхъ посредниковъ во что бы то ни стало устроивать такъ-называемыя добровольныя соглашенія крестьянъ съ помѣщиками.

Въ одномъ изъ участковъ мировой посредникъ, разсчитывая на расположеніе къ себѣ крестьянъ (такъ-какъ былъ человѣкъ дѣйствительно добрый, хотя, какъ говорится, пороха выдумать не могъ), собралъ ихъ къ себѣ, чтобы потолковать и, если можно, разъубѣдить.

Крестьяне, снявши шапки, выстроились въ двѣ шеренги передъ крыльцомъ на дворѣ, а посредникъ усѣлся на ступенькѣ лѣстницы и съ этого пункта, какъ съ каѳедры, началъ свою рѣчь.

— И почему вы, братцы, не соглашаетесь на сдѣлку, не подписываетесь подъ граматой, когда сами видите, что выгодно? Помѣщикъ не хочетъ отъ васъ отрѣзывать излишка, оставляя его въ вашемъ безвозмездномъ пользованіи: ну, чего же вамъ еще? Мнѣ что-ли вы не вѣрите, или натолковалъ вамъ кто нелѣпицы какой: ей-богу, не понимаю!

— Нѣтъ, мы тебѣ завсегда вѣрили и вѣримъ, Дормедонъ Львовичъ, отвѣчали мужики: — только какъ же это мы *одни-то* подпишемся? Вѣдь мы сюда не сами отъ себя, а отъ міра пришли; міръ насъ не уполномочивалъ подписываться-то: развѣ онъ намъ спасибо скажетъ, если согласимся? Когда міръ будетъ согласенъ, тогда и мы согласны!

— Да вѣдь если вы согласитесь, то и міръ согласится? Надо же начать-то кому-нибудь?

— Извѣстно, что начать кому-нибудь надо, согласились мужики: — только зачѣмъ же мы первые-то начнемъ? У насъ въ округѣ сколько деревень, а еще нигдѣ ни на что не согласились: всѣ на старомъ положеніи. Ну, что, если мы, съ дуру-то, согласимся, а намъ отъ міру послѣ за это достанется? Вѣдь не даромъ же мужики толкуютъ, что на рѣку Амуръ будутъ ссылать?

Посредникъ, замѣчая, что всѣ его усилія пропадаютъ даромъ, мало по малу, вошелъ въ азартъ. Потъ катился съ добродушнаго его лица градомъ. Къ довершенію несчастія, посредникъ, разгорячившись, начиналъ заикаться и потому дѣло вышло дрянь.

Мужики долго слушали нескладное заиканье разгорячившагося посредника, наконецъ, имъ стало его жалко.

— Да полно, успокойся, Дормедонъ Львовичъ, съ участіемъ замѣтилъ ему одинъ старый мужикъ. — Не тревожь ты себя,

отецъ родной, понапрасну-то! Вѣдь мы развѣ не видимъ, какъ ты для насъ стараешься?

Такъ и не удалось ему ничего путнаго сдѣлать, а между тѣмъ, онъ дѣйствительно былъ человѣкъ до крайности добрый и крестьяне его любили, что̀ можно было замѣтить изъ слѣдующаго случая.

Привелось этому смиренному Дормидонту улаживать разъ различныя недоразумѣнія по уставной граматѣ въ имѣніи одного важнаго барина, который былъ самъ на лицо. Крестьяне потихоньку вызвали посредника на дворъ и объявили о коекакихъ незаконныхъ поборахъ, которые, по ихъ мнѣнію, пора бы и прекратить. Посредникъ вполнѣ согласился съ законностью крестьянскихъ требованій, но только просилъ ихъ пообождать до отъѣзда помѣщика изъ имѣнія, потому что при немъ «какъ-то неловко», замѣтилъ посредникъ. — «Человѣкъ онъ ужь старый, раздражительный, зачѣмъ же его злить понапрасну? Вотъ когда уѣдетъ — заключилъ посредникъ, лукаво подмигивая глазомъ на барскій домъ — тогда мы съ вами на просторѣ все это уладимъ!» Занятый разговорами съ крестьянами, посредникъ и не замѣтилъ, какъ баринъ сошелъ съ крыльца и приближался къ толпѣ, въ которой онъ ораторствовалъ. Предвидя опасность, одинъ изъ мужиковъ тихонько толкнулъ посредника въ бокъ и шопотомъ проговорилъ торопливо: «Дормедонъ Львовичъ, баринъ идетъ!»

Обѣ стороны, т.-е. крестьяне и помѣщики, до такой степени успѣли другъ другу извѣриться, что на посредника, у котораго хоть кое-какъ ладилось дѣло, смотрѣли, какъ на колдуна какого, какъ на человѣка, знающаго волшебные заговоры; другіе же просто подозрѣвали въ немъ заговорщика и революціонера. До какой степени достигло недовѣріе въ крестьянахъ — это читатель увидитъ изъ приведеннаго здѣсь, впрочемъ, часто повторявшагося, случая, которому я самъ былъ свидѣтелемъ.

Пріѣхала къ намъ откуда-то издалека богатая помѣщица съ цѣлью — непремѣнно при себѣ устроить сдѣлку съ крестьянами. Имѣніе ея находилось постоянно безъ всякаго присмотра, крестьяне пользовались за небольшую плату самыми лучшими землями и крестьяне въ немъ, относительно, благоденствовали. Теперь помѣщица желала окончательно закрѣпить всѣ эти земли за крестьянами, оставить за ними же, безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія, излишекъ земли десятинъ сто и простить имъ дополнительный 30-трублевый платежъ, но съ тѣмъ только, чтобы крестьяне непремѣнно согласились на добровольную сдѣлку: это была ея слабость. Нѣсколько разъ со-

бирала она къ себѣ крестьянъ, называла ихъ не иначе, какъ «друзья мои», всенародно объявила, что они, т.-е. ея друзья, нанесутъ ей глубокій нравственный ударъ, если не согласятся покончить дѣло миролюбиво — и добилась, наконецъ, того, что мужики перестали платить оброкъ. Замѣтивъ въ барынѣ слишкомъ ужь сильную склонность къ добровольному соглашенію, мужики начали подозрѣвать, что она хочетъ ихъ надуть. «Еслибы ей соглашеніе съ нами не особенно было выгодно, то не стала бы она изъ кожи лѣзть, говорили между собой крестьяне. — Знаемъ мы эту штуку-то: когда крысъ въ ловушку ловятъ, то лакомаго куска не жалѣютъ!»

Послѣ крестьяне и сами убѣдились въ безкорыстіи «чудной» помѣщицы. Когда составился выкупной договоръ съ подписями крестьянскихъ уполномоченныхъ, помѣщица вышла на крыльцо къ толпѣ и торжественно разорвала условіе о дополнительномъ 30-тирублевомъ платежѣ и объявила, что она даритъ «любезнымъ друзьямъ», за ихъ довѣріе къ ней, всю излишнюю сверхъ законнаго надѣла землю. Само собою разумѣется, что разыгралась трогательная сцена великодушія съ одной стороны и громко выраженной благодарности съ другой, а этого только помѣщица и добивалась. Когда мужики расходились по домамъ, то говорили межъ собой: «да еслибы мы знали, что ей только этого хочется, такъ мы бы давно согласились; а то, кто же ее зналъ? Чудная какая-то, дай Богъ ей здоровья!»

Всѣхъ назначенныхъ у насъ посредниковъ можно было отнести къ тремъ типамъ, рѣзко отличающимся одинъ отъ другого. Къ первому принадлежали посредники чиновники, постоянно мечтавшіе о какихъ-то наградахъ съ чьей бы то ни было стороны. Сначали они заискивали въ общественномъ мнѣніи дворянскаго клуба, а потомъ, когда поосмотрѣлись, начали дѣйствовать помягче, чтобы и въ клубѣ сохранить доброе имя и предъ начальствомъ, на всякій случай, не проиграть окончательно. Ко второму принадлежали богатые посредники — умѣренные либералы, къ которымъ, какъ помѣсь, можно отнести и Дормидонта Львовича. Это были по преимуществу люди добрые, потому что злиться считали неприличнымъ; честные, потому что свои родовыя имѣнія были у нихъ достаточно велики. Они посредническимъ своимъ жалованьемъ не дорожили, отдавая его все, цѣликомъ, письмоводителямъ или секретарямъ, тогда какъ у другихъ посредниковъ, секретари, получая по 15 рублей въ мѣсяцъ, обязаны были въ этотъ же счетъ и самоваръ ставить посреднику и чистить сапоги. Эта порода посредниковъ могла бы считаться вполнѣ удовлетворительной, еслибы въ ней не было

одного, очень важнаго природнаго недостатка: излишней горячности и вспыльчивости, которыя въ сношеніяхъ съ мужиками портили все дѣло. Иной разъ начнетъ толковать съ толпой мужиковъ—и дѣло какъ будто ладно идетъ, только вдругъ, смотришь, и разгорячился ужь, изъ себя вышелъ, какъ плохой педагогъ съ безтолковыми учениками, и началъ ругаться.

— Экая безтолочь-то, безтолочь-то какая, чортъ бы васъ подралъ! кричитъ посредникъ. — Да я вижу, ты просто дуракъ, братецъ! Ну, самъ посуди, какъ-же ты не дуракъ-то?

— Извѣстное дѣло, мы народъ темный, соглашается смиренно мужикъ и въ то же время мечтаетъ, какъ бы поскорѣе удрать домой; а нерѣшенный вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ и сводится на совершенно ненужныя доказательства, дуракъ ли крестьянинъ, или не дуракъ, о чемъ прежде и рѣчи не было.

У такого сорта посредниковъ случайно можно было замѣтить, въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ ихъ квартиръ, напримѣръ въ чуланчикѣ подъ лѣстницей, довольно значительные запасы акуратно связанныхъ въ пучки розогъ, о примѣненіи которыхъ, впрочемъ, посредники тщательно умалчивали.

— Это у васъ зачѣмъ розги-то тамъ лежатъ? случилось мнѣ разъ спросить умѣренно либеральнаго посредника, въ квартирѣ котораго собрался мировой съѣздъ.

— Гдѣ розги? Какія розги? Что вы это, батюшка, говорите?

— Да такъ, молъ, настоящія розги, въ пучки связанныя. Вонъ тамъ, молъ, въ темномъ чуланчикѣ подъ лѣстницей: я тамъ калоши искалъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое! горячился посредникъ. — Кондратій! (на эту кличку являлся камердинеръ) Скажи пожалуйста, зачѣмъ тамъ эта дрянь лежитъ? Вонъ, они говорятъ, розги...

— Не могу знать-съ! — отвѣчалъ покраснѣвшій Кондратій, видимо измышляя приличный случаю отвѣтъ. — Прошлой зимой въ этомъ флигелѣ управляющій жилъ, такъ развѣ не отъ него ли остались?

— Очень, очень можетъ быть!—подхватывалъ посредникъ.— У меня дѣйствительно въ прошедшемъ году жилъ нѣмецъ-управляющій и онъ тово — любилъ, знаете... Убери, братецъ, дрянь эту сейчасъ же, да потомъ зачѣмъ калоши туда засовывать? Развѣ имъ нѣтъ другого мѣста?

Наконецъ третій типъ посредниковъ, — это ужь отъявленные юные либералы, хотя тоже изъ дѣтей боярскихъ, нарочно вызванные издалека, изъ столицъ, на служеніе отечеству. На первыхъ порахъ эти юные либералы начали дѣйствовать рѣзко, такъ

что дворянскій клубъ перепугался-было не въ шутку и успокоился не вразъ, да и то потому только, что въ немъ же засѣдали и отцы юныхъ либераловъ, которые относились къ шалостямъ младенцевъ съ улыбочкой и съ обычной фразой: стерпится-слюбится. Перемелется — мука будетъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о дворянскомъ клубѣ, о которомъ я упоминалъ такъ часто.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ провинціальные клубы вразъ удивительно какъ оживились и пріобрѣли особенное значеніе. Такъ-какъ мировые посредники избирались изъ помѣщиковъ и помѣщиками, а въ клубѣ засѣдали старые вліятельные тузы помѣщики, мнѣніемъ которыхъ посредники преимущественно дорожили, то очень естественно, что мнѣніе дворянскаго клуба вполнѣ замѣняло собою заграничное общественное мнѣніе, до сихъ поръ у насъ еще неизвѣстное. Существовалъ (да и теперь существуетъ, но уже не имѣетъ прежняго значенія) цѣлый классъ клубныхъ завсегдателей, повидимому никогда ничѣмъ серьёзнымъ не занятыхъ, которые сами себя назначали въ почетные наблюдатели и въ безапелляціонные судьи надъ людьми, занятыми серьёзнымъ дѣломъ: это были своего рода биржевые гофъ-маклеры, назначающіе цѣну биржевымъ бумагамъ, съ тою только разницею, что здѣсь роль акцій играли мировые посредники. Почти каждую недѣлю цѣна того или другого посредника измѣнялась, то падая, какъ лотерейные билеты или акціи главнаго общества, то повышаясь процентовъ на 30 и больше. Такъ-какъ въ провинціи тогда не было еще никакого другого клуба, кромѣ дворянскаго, не было ничего такого, что̀ бы напоминало собою Демутовскую малую биржу по отношенію ея къ главной, то очень естественно, что и сторонніе люди, такъ-называемые клубные гости, пробавлялись совсѣмъ уже обдѣланными, начисто обработанными слухами и сплетнями, оттуда же. Такимъ-то образомъ нерѣдко гибла репутація порядочнаго человѣка отъ безалабернаго приговора троихъ-четверыхъ озлобленныхъ гофъ-маклеровъ, приговорами которыхъ, впрочемъ, съ успѣхомъ можно было пользоваться, принимая ихъ всегда въ обратномъ смыслѣ, т.-е. хорошее по приговору принимая за дурное, и на оборотъ.

Проходили иногда дни и недѣли безъ всякихъ новыхъ слуховъ, когда пережевывалось все старое. Эти дни вполнѣ соотвѣтствовали такимъ же днямъ въ биржевой жизни, послѣ которыхъ въ газетахъ обыкновенно пишутъ: «масло тихо, сало безъ спроса, на акціи желѣзныхъ дорогъ покупателей нѣтъ, продавцовъ много». Съѣдутся въ обычное время господа за-

всегдатели въ клубъ, усядутся на любимомъ своемъ мѣстечкѣ и, позѣвывая, потягиваясь, начинаютъ лѣниво спрашивать другъ друга: что, новенькаго чего нѣтъ-ли? Нѣтъ, ничего нѣтъ! — лѣниво отвѣтитъ другой — и тоже позѣвнетъ во весь ротъ, посматривая на спрашивающаго. Всѣ съ нетерпѣніемъ поджидаютъ появленія какого нибудь новаго человѣка, нагруженнаго свѣжими сплетнями; потому-то вѣроятно и избираютъ въ клубахъ «любимое мѣстечко» по большей части при самомъ входѣ на лѣстницу: чтобы, значитъ, прямо съ лѣстницы схватить этого новаго человѣка и сейчасъ же выпотрошить.

Я самъ былъ разъ, случайно, въ одномъ губернскомъ городѣ, свидѣтелемъ клубной встрѣчи новаго человѣка, и могу засвидѣтельствовать, что ни одному русскому писателю, вполнѣ удачно изобразившему въ своемъ произведеніи новаго человѣка, не удастся достигнуть такого восторженнаго пріема со стороны публики, несмотря на ея долгія и напрасныя ожиданія. Новый человѣкъ только что пріѣхалъ изъ уѣзда и привезъ важную новость: молодой либералъ-посредникъ вытолкалъ въ шею изъ своей камеры помѣщика, который, будто-бы, явился къ нему для разрѣшенія какого-то недоразумѣнія.

Надобно было видѣть, какъ оживился сонный провинціальный клубъ! Какое множество новыхъ гостей въ него вразъ прибыло! Новость была привезена въ грубомъ, необработанномъ видѣ и потому допускала множество разнообразныхъ варіяцій. Одни положительно утверждали, что помѣщикъ дѣйствительно былъ вытолканъ посредникомъ собственноручно, и именно въ шею; другіе говорили, что помѣщика, по приказанію посредника, лакеи вывели подъ руки, и третьи наконецъ, опровергая эти слишкомъ ужь рѣзкіе слухи, высказывали предположеніе, что помѣщикъ и въ шею навѣрное ничего не получалъ и подъ руки его не выводили, а просто онъ вышелъ изъ камеры самъ, предполагая въ будущемъ возможность подзатыльника. Несмотря на неполноту извѣстія, напоминавшаго собою неясныя телеграммы съ поля сраженія, отправляемыя въ разгаръ битвы, въ тотъ же вечеръ въ клубѣ организовались сильныя партіи pro и contra посредника; впрочемъ, все больше contra.

Старая партія такъ-называемыхъ «бѣлыхъ» прямо, съ перваго же слова признала посредника непростительно виновнымъ. «Послѣ подобнаго поступка — говорили «бѣлые» — и жить на свѣтѣ никакого разсчета нѣтъ. Если посредники станутъ въ шею выталкивать помѣщиковъ, явившихся за разъясненіемъ недоразумѣній, то они у всѣхъ отобьютъ охоту, а, слѣдова-

тельно, нечего и дворянскія деньги понапрасну тратить на содержаніе посредниковъ... Это дѣло надо разжечь, говорили бѣлые, и уничтожить дерзкаго посредника немедленно, кто бы онъ тамъ ни былъ... Конечно, прибавляли они, жаль почтеннаго нашего собрата, старика, но что же дѣлать? Зачѣмъ же онъ допустилъ воспитать своего сынка въ такихъ правилахъ?»

Вторая партія, которую составляли не одни только помѣщики, но также мѣстные ученые и юристы, логически выводила, что хотя въ шею толкаться не слѣдуетъ, но абсолютно не слѣдуетъ только лишь въ такомъ случаѣ, если положительно будетъ доказано, что мировой посредникъ толкалъ тяжущагося именно *какъ посредникъ, а не какъ частное лицо*, ибо частное лицо, находясь въ своемъ домѣ, имѣетъ право допустить нѣкоторое даже насиліе противъ лицъ, вторгающихся къ нему тоже насильно. Въ данномъ случаѣ, говорили люди мыслящіе, чрезвычайно важно знать: надѣта-ли была на посредника цѣпь въ то время, когда онъ толкалъ въ шею тяжущагося, или не была надѣта?

Дѣло это чрезъ нѣсколько дней разъяснилось оффиціальнымъ путемъ, и такъ-какъ оно бросаетъ достаточно яркій свѣтъ на положеніе тогдашнихъ посредниковъ, то я, по возможности покороче, передамъ его читателю.

Молодой посредникъ, только что вступившій въ должность, пріѣхалъ въ одно изъ селеній своего участка для повѣрки граматы, и, кстати, пригласилъ туда-же къ назначенному сроку нѣкоего помѣщика, который жаловался, что онъ на пять зимнихъ мѣсяцевъ отпустилъ крестьянъ своихъ на оброкъ, на заработки по 14 рублей, а они отдаютъ ему только по семи и отговариваются, что онъ отпускалъ ихъ именно за эту сумму. Такъ-какъ письменныхъ доказательствъ ни съ той ни другой стороны не было представлено, то посредникъ вызвалъ и крестьянъ и помѣщика.

Уже самый вызовъ вмѣстѣ съ крестьянами сильно не показался помѣщику. «Ставить меня, имѣющаго чинъ и благородное званіе, на одну доску съ моимъ же мужикомъ? — ропталъ помѣщикъ — по моему это подло!» но все-таки однако поѣхалъ. Но вотъ, когда посредникъ показанія помѣщика началъ провѣрять показаніями крестьянъ, тогда терпѣніе его окончательно лопнуло. «Развѣ вы не могли, молодой человѣкъ, поговорить со мною предварительно *поблагородному*, наединѣ въ кабинетѣ? — Развѣ мнѣ, прослужившему столько лѣтъ Царю и отечеству въ арміи и гарнизонѣ, нельзя было повѣрить на слово? А вы-то, кто же такой? горячился помѣщикъ все болѣе и

болѣе, — развѣ вы не такой-же благородный офицеръ, какъ и я? Ставить меня, благороднаго человѣка, на одну доску съ этими... и разспрашивать ихъ при мнѣ-же, правду-ли я говорю,— это, милостивый государь, значитъ явно потворствовать мужикамъ, явно возбуждать ихъ противъ власти. Это выходитъ уже не мирное разбирательство, а просто шемякинъ судъ! Да, сударь, шемякинъ судъ! Послѣ этого мужики на улицѣ станутъ насъ грабить, а вы все-таки не повѣрите и опять-таки поставите грабителей съ ограбленнымъ на одну доску!..

— Да, сказалъ посредникъ сдержанно: — еслибы дѣла о грабежахъ были мнѣ подсудны, то я и въ приведенномъ вами случаѣ вызвалъ бы непремѣнно и ту, и другую сторону, чтобы убѣдиться, былъ ли дѣйствительно грабежъ, и кто кого ограбилъ?...

Выведенный послѣднею фразою посредника, по неизвѣстной причинѣ, изъ всякаго терпѣнія, помѣщикъ вбѣжалъ въ единственную теплую комнату временнаго посредническаго помѣщенія, и тамъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ теплоты, началъ изливать накопившуюся въ немъ желчь. Онъ кричалъ, что, во всякомъ случаѣ, останется недоволенъ шемякинымъ судомъ, а потому, лучше бы тотъ и не писалъ своего постановленія, что онъ постарается согнать посредника съ мѣста, и увѣренъ, что достигнетъ этого... Напрасно посредникъ, чрезъ силу сдерживаясь, просилъ помѣщика, ради-Бога, удалиться изъ его камеры и послѣ обжаловать его рѣшеніе; помѣщикъ горячился все сильнѣе, какъ это всегда, впрочемъ, бываетъ, когда противникъ, чувствуя свое превосходство, отвѣчаетъ на брань холодно и логично...

— Куда жь я пойду? кричалъ помѣщикъ.—Въ той комнатѣ можно только волковъ морозить, да и здѣсь вѣдь не присутствіе какое, поэтому вы не имѣете права заставить меня замолчать! Вы считаете меня разбойникомъ, грабителемъ; вы издалека намекаете, что я дралъ съ своихъ крестьянъ оброки несоразмѣрные; пусть такъ! Пусть все это правда, но прежде, чѣмъ это говорить про чужихъ, не мѣшало бы вамъ, молодой человѣкъ, своихъ-то припомнить...

— Эй, Иванъ! крикнулъ, наконецъ, посредникъ, быстро выбѣгая изъ комнаты: — побудь тутъ съ этимъ господиномъ!

Замѣтивъ въ дверяхъ комнаты лакея почтенной наружности, ощетинившійся помѣщикъ вышелъ, наконецъ, вонъ, громко проговоривъ за перегородкой двѣ-три такія фразы, которыя посредникъ могъ ему простить единственно только потому,

что онъ былъ мировымъ посредникомъ... Неясная телеграмма въ клубъ была привезена самимъ же помѣщикомъ и передана знакомымъ ему новымъ человѣкомъ, который, разумѣется, съ восторгомъ взялъ на себя такое драгоцѣнное порученіе...

Несмотря на разъясненія обвиняемаго, несмотря на множество свидѣтелей, посредникъ вывернулся изъ бѣды, единственно только благодаря общественному положенію и старинным заслугамъ отца. Нашему брату ни подъ какимъ видомъ не удалось бы вывернуться изъ такого капкана: нѣтъ ужь, зацѣпили бы разъ, такъ шалишь — не вывернешься, направленіе потому что опасное!

И этого благороднаго юношу, несмотря на заслуги его отца, потаскали-таки по разнымъ мытарствамъ, и потревожили достаточно. Не считая экстренныхъ, публичныхъ засѣданій губернскаго присутствія, въ которомъ посредника спасло только лишь случайное большинство голосовъ, сколько онъ долженъ былъ перенести личныхъ, отеческихъ увѣщаній отъ своихъ и чужихъ, сколько онъ принужденъ былъ выслушать различныхъ проповѣдей, изъ которыхъ каждая была не короче извѣстнаго увѣщанія Владиміра Мономаха къ дѣтямъ! Въ этомъ случаѣ наше положеніе, то-есть безъ заслуженныхъ отцовъ, пожалуй, что и лучше! Вытурили бы сейчасъ же, да и кончено!

Подобныя встряски не могли не оставить рѣзкихъ слѣдовъ на характерѣ молодаго, еще не совсѣмъ установившагося человѣка. Положимъ, чувство справедливости сохранилось въ немъ въ цѣлости; но жестокая встряска все-таки не пропала даромъ: она перемѣстила всѣ эти, прежде легко проявляющіяся наружу, чувства поглубже. Взбудораживъ внутренности, она закопала ихъ въ болѣе или менѣе толстый слой жира, такъ что наружу выскакивать стало имъ гораздо-таки потруднѣе прежняго, а потомъ, разумѣется, при благопріятной обстановкѣ, слой жира все будетъ дѣлаться толще и толще, достигнетъ, наконецъ, толщины двойной англійской подошвы, такъ что жиръ этотъ нужно будетъ предварительно растопить, если кто захочетъ добраться до того мѣста, гдѣ находится консервъ благородныхъ чувствъ и побужденій.

Что пертурбація возъимѣла нѣкоторое дѣйствіе на увлекающагося посредника — это я видѣлъ изъ его распоряженій по крестьянской жалобѣ, поданной ему вскорѣ послѣ первой встряски.

Вотъ эта жалоба, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была представлена:

«Г. мировому посреднику
такого-то волостнаго правленія рапортъ.

«Временно-обязанная крестьянка, жонка Марфа Архипова, явясь въ сіе правленіе, объявила, что она 3-го сентября, будучи по наряду сельскимъ старостою на господскую жатву, и гдѣ во время таковой самъ господинъ-помѣщикъ, ходя по жнивѣ съ палкою въ рукахъ и каждую женщину къ скорѣйшей жатвѣ понуждаетъ, но въ особенности обратилъ вниманіе на ее, и съ произношеніемъ матерныхъ словъ и много разъ обзывалъ ее, какъ и мужнюю жену, непотребной, но ей противу сего сказано, что болѣе невозможной силы жать она не въ состояніи и не умѣетъ, на что̀ господинъ помѣщикъ имѣемой у него палкою въ рукахъ по наклоненіи ее къ жниву началъ бить, но, по изломаніи палки на трое, сталъ кулаками по лицу и вискамъ, причинилъ ей жестокое побойство, отъ каковаго она не токмо работы произвести, но едва можетъ и ходить. А вслѣдъ за этимъ, того жь общества и деревни, другая жонка Александра Екимова явилась, что и ее, во время таковой же жатвы, оный же помѣщикъ съ произношеніемъ ругательныхъ словъ и названіемъ непотребной, но, кромѣ того, приводя причину за отлучку ее для естественной надобности, причинилъ ей жестокое же побойство со изломаніемъ палки, по вискамъ и головѣ кулаками, и до такой степени продолжалъ, что она отъ таковыхъ побойствъ и слабыхъ ея силъ, нечувствуя... (на этомъ мѣстѣ въ жалобѣ неразборчивое слово). Просили эти жонки о причиненныхъ имъ побойствахъ по невозможномъ принужденіи къ работѣ господиномъ-помѣщикомъ довести до свѣдѣнія начальства. Сентября 8-го 1862 г.».

Разумѣется, гуманному посреднику отъ души было жаль несчастныхъ жонокъ, объ которыхъ господинъ-помѣщикъ изломалъ двѣ палки, но онъ поступилъ уже не попрежнему; энергія его покинула уже окончательно, и все это послѣ перваго же внушенія! Посредникъ самъ поѣхалъ къ помѣщику и *уговорилъ* его, во избѣжаніе скандала, заплатить избитымъ рубля по три-по четыре; помѣщикъ согласился, но, тѣмъ не менѣе, денегъ не отдалъ, и, вѣроятно, самъ же послѣ похохоталъ немало надъ трусливой гуманностью проученнаго имъ юноши!

Прошелъ цѣлый годъ послѣ происшествія; посредникъ совсѣмъ позабылъ объ немъ, и былъ даже отчасти радъ, что съ рукъ скачалъ щекотливое дѣло, но волостное правленіе опять напомнило ему о забытомъ рапортомъ. Что̀ дѣлать? Нужно какъ-нибудь уладить противное дѣло. Пріѣхалъ посредникъ

въ деревню и вызвалъ потерпѣвшихъ отъ побоевъ и свидѣтелей.

— Дѣло это я не имѣю права рѣшать, сказалъ онъ. — Подавайте просьбу въ уѣздный судъ!

— Куда ужь намъ въ судъ подавать, кормилецъ, заголосили бабы. — Мы и то не рады, что дѣло-то начали!

— Такъ, значитъ, вы отказываетесь отъ своей просьбы?

— Заневолю, батюшка, откажешься! Боимся, чтобы намъ и отъ начальства-то чего не было... Вотъ какъ бы ты, ваша милость, оказалъ намъ божескую милость?

— Я вамъ сказалъ уже, что это дѣло до меня не касается! проговорилъ посредникъ, пожимая плечами.

— Извѣстно, кормилецъ, что до тебя не касается и не твое дѣло; а вотъ какъ бы ты самъ съѣздилъ къ барину-то нашему, и самъ бы попросилъ: не пожалуетъ ли онъ намъ деньжонокъ, хоть сколько нибудь? Тебя-то онъ, поди, тронуть не посмѣетъ? кланяясь въ землю, голосили бабы, какъ будто отчасти сомнѣваясь, не можетъ ли полно-лихой помѣщикъ и самому-то посреднику «причинить жестокаго побойства со изломаніемъ палки».

— Эхъ, бабы, бабы, бросьте вы лучше это поганое дѣло! глубоко вздыхая, сказалъ гуманный посредникъ, окончательно уже вступившій на путь «примиренiй во что бы то ни стало», по которому идетъ большинство нынѣшнихъ мировыхъ судей, и по которому неизмѣнно шло большинство ихъ предшественниковъ, мировыхъ посредниковъ.

Посѣщая изрѣдка камеры петербургскихъ мировыхъ судей, я всегда мысленно переношусь во времена, давно прошедшія, въ провинціальную глушь, въ какую-нибудь полуразвалившуюся избенку, въ которой мировые посредники, при разъѣздахъ, чинили судъ и расправу. Разницы, право, нѣтъ никакой, кромѣ той развѣ, что нынче судьи каждому говорятъ «вы», а тогда со всѣми тыкались. Вотъ, на выдержку, примѣръ изъ старинной посреднической практики.

Одинъ, желчнаго характера помѣщикъ, замѣчая съ нѣкотораго времени у себя въ имѣніи повсюду антагонизмъ, неповиновеніе и воровство, поѣхалъ разъ, чѣмъ-то разсерженный, осматривать свою мельницу. Какъ разъ подъ сердитую его руку попалъ какой-то работникъ изъ дворовыхъ; парень смирный, но лѣнивый и неповоротливый. Получивши ни за что, ни про что первую зуботычину, парню слѣдовало бы скрыться, но онъ съ дуру остановился, а баринъ къ первой зуботычинѣ прибавилъ вторую, а потомъ третью и четвертую, такъ что одна

сторона лица срочно-обязаннаго распухла, какъ у петербургскаго дачнаго жителя, слишкомъ рано переѣхавшаго на дачу. Парню растолковалъ кто-то, что теперь, по новому закону, драться помѣщикамъ ужь больше нельзя, и потому, покуда флюсъ еще не прошелъ, парень отправился съ жалобой къ мировому посреднику.

Посредникъ оказался человѣкомъ добродушнымъ, нрава очень веселаго, но именно, вслѣдствіе мягкости характера, терпѣть не могъ споровъ и раздоровъ, и во всякаго рода дѣлахъ только и мечталъ о добровольныхъ соглашеніяхъ.

— Что̀ тебѣ, мой милый, отъ меня нужно? ласково спросилъ онъ вошедшаго къ нему парня съ флюсомъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, отвѣчалъ парень, переминаясь съ ноги на ногу: — баринъ на мельницѣ меня убилъ: даже хлѣбъ жевать на лѣвую сторону нельзя.

— Такъ ты бы жевалъ покуда, мой другъ, на правую, отвѣчалъ посредникъ, у котораго въ головѣ блеснула уже мысль о соглашеніи.

— Извѣстно, что можно и на лѣвую жевать. Допрежъ сего, какъ новаго закона еще не было, иной разъ такъ отхлыщутъ, что ни на правую, ни на лѣвую щеку жевать нельзя, а теперь обидно!

— На что̀ же обижаться-то, мой другъ? Ну, самъ ты возьми хоть себя: чай, какъ разгорячишься, и самому никто подъ руку не подвертывайся? Можетъ, въ то время, какъ ты подвернулся, барина твоего разсердилъ кто-нибудь: что̀ же тутъ удивительнаго, что онъ тебя и толкнулъ потихоньку?

— Какое, ваше благородіе, толкнулъ потихоньку! Разъ десять по рожѣ хлыстнулъ—свидѣтели есть. Вѣдь ныньче драться-то не позволено. Я съ жалобой пришелъ.

— Ахъ, мой другъ, какой же ты странный человѣкъ! Я самъ знаю, что не позволено — учить меня нечего, но развѣ въ этомъ дѣло? Ну, что̀ за бѣда, если въ горячности, или какъ-нибудь нечаянно толкнулъ тебя человѣкъ; стоитъ ли дѣло-то начинать — самъ ты подумай? Вѣдь чрезъ полтора года ты будешь совершенно свободнымъ человѣкомъ, какъ птица — лети на всѣ четыре стороны: ну, трудно ли тебѣ потерпѣть еще какихъ-нибудь восемнадцать мѣсяцевъ, протерпѣвши уже двадцать лѣтъ?... Наконецъ, вы и меня-то хоть немножко бы пожалѣли: у меня вѣдь и безъ вашихъ пустяковъ разныхъ дѣлъ цѣлый ворохъ...

Срочно-обязанный на минуту задумался. «И въ самомъ дѣлѣ», разсуждалъ онъ: «всего-то приходится мнѣ ждать 18 мѣ-

сяцевъ, а отъ посредственника, видно, все равно, ничего не добьешься»...

— Э, ну ихъ, подожду! сказалъ парень, махнувъ рукой.

Такимъ, истинно-христіанскимъ, хотя нѣсколько одностороннимъ, понятіемъ о долготерпѣніи и незлобіи проникнуто большинство нынѣшнихъ мировыхъ судей, даже столичныхъ; о провинціальныхъ я уже и не говорю. Почти всѣ они безъ исключенія считаютъ своей обязанностью, во что бы то ни стало, непремѣнно примирить тяжущихся, хотя бы у одной изъ тяжущихся сторонъ рыло было своротено на сторону кулакомъ другой, сильнѣйшей тяжущейся стороны. Если кто не полѣнится побродить по камерамъ мировыхъ судей обѣихъ столицъ, то онъ самъ отыщетъ множество подтвержденій сказанному. Иной разъ являются въ камеру жестоко избитый, робкій, чахоточнаго вида ученикъ какой-нибудь мастерской и избившій его, плечистый мастеръ, у котораго даже и въ присутствіи судьи кулаки оказываются въ сжатомъ положеніи, какъ бы наготовѣ на всякій случай. Начинается разбирательство.

— Что вы на это скажете, подсудимый? спрашиваетъ судья, выслушавши безсвязную, заглушаемую слезами, жалобу истца.

— Толкнуть я его, правда что толкнулъ потихоньку, говоритъ подсудимый, свирѣпо посматривая на истца:—но какъ же мнѣ было и не толкнуть, если онъ суется не въ свое дѣло? Вы не смотрите, ваше благородіе, что онъ смиренный такой; это онъ такъ здѣсь-то только... Это такая, ваше высокородіе, бестія продувная...

— Подсудимый, воздержитесь отъ ругательныхъ словъ.

— Это я такъ только, ваше высокородіе, невзначай, потому терпѣнья ужь нѣтъ никакого. Ты вотъ вернись только ко мнѣ, попробуй... свирѣпо обращается онъ къ трепещущему истцу:— я, братъ, тебя...

— Истецъ и подсудимый, не желаете ли покончить дѣло примиреніемъ? перебиваетъ судья.

Мальчикъ плачетъ.

— Какое толкнулъ! бормочетъ онъ безсвязно. — Спервоначала колодкой по головѣ звякнулъ, а потомъ за волосы... и потомъ тузить кулачищами началъ... Тузилъ-тузилъ...

— Совѣтую вамъ примириться, настаиваетъ судья.—Ну, мировая, что ли?

— Съ моей стороны я согласенъ, ваше высокородіе... резонерствуетъ плечистый мастеръ. — Оно, конечно, мальчикъ молодой, глупъ еще...

Вслѣдъ затѣмъ, какимъ-то, совершенно непонятнымъ ни для

самихъ тяжущихся, ни для публики, манеромъ совершается примиреніе. Мальчикъ выходитъ изъ суда съ плачемъ, а за нимъ по пятамъ грозно слѣдуетъ плечистый отвѣтчикъ съ лицомъ свирѣпымъ, и ничего добраго необѣщающимъ...

Былъ еще у насъ, впрочемъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, особенный сортъ «галантерейныхъ мировыхъ посредниковъ», такихъ же вѣжливыхъ съ подначальными имъ людьми, какъ нынѣшніе мировые судьи, но при одномъ имени которыхъ крестьяне почему-то всегда говорили: «охъ, мягко стелетъ, да жестко спать!» Эти господа, пріучая крестьянъ къ мѣстоименію «вы», постоянно ничего не дѣлали, «Положеніями» не интересовались, праздники проводили въ городахъ, внѣ участковъ, и канцеляріи у нихъ, изъ экономическихъ разсчетовъ, помѣщались въ сѣнныхъ чуланахъ, гдѣ въ безпорядкѣ валялись планы и различные выкупные и дарственные договоры.

Дня чрезъ три по вступленіи въ должность одного такого господина, является къ нему просительница, молодая горничная нецивилизованной помѣщицы, которая, въ порывѣ негодованія, закатила просительницѣ пощечину.

Посредникъ, расхаживавшій, отъ нечего дѣлать, взадъ и впередъ по комнатѣ въ халатѣ, быстро переодѣлся какъ слѣдуетъ и принялся за разборъ дѣла.

— Какъ васъ зовутъ?

— Саломанидой-съ!

— Не угодно ли садиться, предложилъ посредникъ, пододвигая стулъ. — Прошу васъ разъяснить, въ чемъ заключается ваша жалоба?

Горничная начала-было разъяснять; но въ тотъ моментъ, когда она приближалась уже къ барской пощечинѣ, черезчуръ вѣжливый посредникъ очень некстати прервалъ ея разсказъ:

— Да что̀-жъ вы, однако, стоите? Садитесь, пожалуйста! сказалъ онъ, выказывая намѣреніе усадить истицу насильственно.

Совершенно неожиданно, горничная оскорбилась.

— Позвольте спросить, что̀ это значитъ, милостивый государь, за кого вы меня принимаете? Вы, кажется, думаете, что я изъ какихъ-нибудь: въ такомъ случаѣ очень ошибаетесь!.. Должно быть, я не туда зашла! быстро проговорила она, удаляясь изъ камеры озадаченнаго посредника.

Этого сорта господа были просто божескимъ наказаніемъ, какъ для мировыхъ съѣздовъ, такъ и для крестьянъ своего участка. Сами замѣчая, что все, ими сдѣланное, никуда не годится, изъ боязни ошибиться, они со всякимъ, даже вовсе не

подходящимъ дѣломъ, гнали мужиковъ въ уѣздный городъ на мировой съѣздъ, который-де тамъ ужь рѣшитъ, какъ знаетъ. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, мужикъ потерялъ на базарѣ 25 рублей и заявилъ чрезвычайно неясное подозрѣніе на кого-то. Посредникъ, имѣвшій о подсудности такія же понятія, какъ и мужикъ, послалъ его на мировой съѣздъ, и злосчастный мужикъ, потерявшій 25 рублей, принужденъ былъ проѣхаться, разумѣется, понапрасну, верстъ полтораста, если считать туда и обратно.

Чтобы хотя чѣмъ-нибудь заявить свою дѣятельность, эти господа вдругъ, ни съ того ни съ сего, дѣлались отъявленными либералами, но и въ этомъ случаѣ образомъ своихъ дѣйствій напоминали извѣстную сказку объ Иванушкѣ-дурачкѣ. «Когда мы всѣ изъ дому уйдемъ и ты куда-нибудь вздумаешь, такъ дверь-то, Иванушка, запри!» сказала ему матушка. — «Извѣстно, запру!» отвѣчалъ Иванушка, но онъ понялъ приказъ по своему: онъ понялъ такъ, что ему самую-то дверь стеречь приказано, а потому, уходя изъ избы, снялъ дверь съ петель и понесъ съ собой на плечѣ, оставивъ избу на разграбленіе ворамъ».

По такому же рецепту дѣйствовали и галантерейные посредники. Случилось разъ проѣзжать одному изъ нихъ мимо помѣщичьяго сада, и видитъ онъ сквозь рѣшетчатый заборъ, что въ саду, на полянкѣ, три бабы стожокъ сѣна мечутъ, а мужикъ стоитъ на стожкѣ съ вилами. Обыкновенная эта сцена возмутила, почему-то, посредника до глубины души. Какъ осмѣлился этотъ варваръ присуждать женщинъ къ такой тяжкой работѣ? — разсуждалъ посредникъ, поглядывая сквозь заборъ. (Послѣ помѣщикъ говорилъ, что если онъ еще разъ замѣтитъ посредника около щелки забора, то *ошпаритъ его кипяткомъ*. Вѣроятно, опасаясь исполненія угрозы, посредникъ никогда къ помѣщику и не заглядывалъ). Тутъ же, мимоѣздомъ, посредникъ увидалъ бабъ, подымающихся на гору съ ведрами воды изъ единственной въ селеніи рѣчки въ оврагѣ. На бѣду, узналъ онъ, что бабы несли воду въ барскій домъ. Всего этого вполнѣ было достаточно, чтобы настрочить цѣлый обвинительный актъ въ самомъ либеральномъ духѣ противъ ужаснаго помѣщика, съ которымъ крестьяне никакъ не могли окончательно раздѣлаться именно потому, что и тотъ и другіе видѣли посредника только лишь издали, или въ щелкѣ забора, или скачущимъ на тройкѣ караковыхъ.

Результаты подобной дѣятельности извѣстны: капризный помѣщикъ, безъ толку раздражаемый трусливымъ посредникомъ,

капризничалъ еще больше, такъ что крестьяне, наконецъ, готовы были бы бѣжать на Амуръ, не взирая на желѣзные колпаки, а посредникъ ихъ только тѣмъ и занимался, что читалъ во множествѣ получаемыя отъ раздраженныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ письма, въ родѣ нижеслѣдующихъ:

«Милостивый государь!

«Я очень сожалѣла, что вы не посѣтили меня, когда были въ первый разъ въ имѣніи моемъ, и не представили мнѣ жалобы крестьянъ прежде, чѣмъ бы составлять одностороннее рѣшеніе.

«Вода при моемъ имѣніи только тамъ и есть, гдѣ вы ее видѣли, и мѣсто ея тутъ, если не отъ сотворенія міра, то никакъ не позже всемірнаго потопа, съ тою разницею, что для большаго накопа устроена впослѣдствіи плотина, но за водой можно ходить не тамъ, гдѣ вы шагами намѣрили 270 саженъ, а позади усадьбы, гдѣ возвышенность положе, за то разстояніе гораздо длиннѣе и туда женщины рѣдко ходятъ. Если вода находится на довольно значительномъ разстояніи отъ моего дома, то та же вода, а не другая, на томъ же разстояніи находится и отъ крестьянской усадьбы. Обычай здѣсь таковъ, что воду носятъ не только женщины, но даже дѣвочки для всѣхъ своихъ домашнихъ потребностей; если же иногда, за недосугомъ бабъ, мужики отправляются за водою на лошади, то мучатъ только это животное, которое съ великимъ трудомъ втаскиваетъ бочку или кадку съ водою, особенно въ мокрую погоду, когда скользятъ ихъ неподкованныя ноги, тогда какъ женщины и дѣвочки *по обычаю* и по привычкѣ, свободно несутъ ведра съ водою, и это дѣлается, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ стали на этомъ мѣстѣ жить люди».

·Или: въ письмѣ вашемъ, господинъ посредникъ, я замѣчаю явную ошибку, потому что подтверждать то, чего вы не видали и чего нѣтъ, — было бы крайне неблагородно, даже безчестно, а это не соотвѣтствовало бы ни принятому вами на себя званію, ни данному вамъ образованію; въ противномъ же случаѣ, богъ-знаетъ, что ужь и думать о людяхъ!... и т. п.

«Что же касается до швырянія женщинами сѣна при одномъ работникѣ, которому онѣ подавали сѣно, — то это такой дрязгъ, такая пошлость, такая ничтожная мелочь, что я ставлю себя далеко выше, чтобы на эту случайную дрянь обращать свое вниманіе.

«Затѣмъ, если вы справедливы и правы, а мировой съѣздъ могъ дозволить себѣ назвать отзывъ мой неосновательнымъ, то этому съѣзду и вамъ слѣдуетъ уже поддержать свое рѣше-

ніе, а именно: сохраняя здоровье женщинъ и дѣвочекъ, воспретить имъ носить воду, а мужьямъ и отцамъ посылать ихъ за водою. Тогда только будетъ видно, что рѣшеніе имѣетъ смыслъ.»

Подобнаго рода письма, разумѣется, совершенно отравляли праздные часы и дѣловыя минуты галантерейнаго посредника. Онъ жаловался на дерзкую помѣщицу, хотя и неуспѣшно; выходилъ изъ себя, но, мало-по-малу, мирился съ своей участью: онъ бросалъ дѣло окончательно, хотя покинуть прекрасную должность съ прелестнымъ жалованьемъ у него не хватало характера. Примкнувши къ семейству посредниковъ, специально занимающихся «полученіемъ жалованья», онъ свою общественную дѣятельность переносилъ на домашнюю почву и началъ изображать собою первообразъ нынѣшнихъ провинціальныхъ мировыхъ судей, про которыхъ въ газетахъ пишутъ нижеслѣдующее:

«Въ Одессѣ много говорятъ о случаѣ, приключившемся съ однимъ изъ нашихъ мировыхъ судей — строгимъ пуристомъ. Жена его какъ-то побранила кучера; послѣдній заявилъ жалобу мужу ея, какъ мировому судьѣ. Мировой судья торжественно позвалъ жену, и, разобравъ все дѣло, приговорилъ ее къ штрафу въ 50 руб.»

Или, вотъ что̀, напримѣръ, пишетъ корреспондентъ «Соврем. Изв.» объ одномъ изъ участковыхъ судей Симбирской губерніи:

«Одинъ участковый мировой судья Симбирскаго уѣзда, должно быть, за неимѣніемъ другихъ дѣлъ, подаетъ отъ себя самому же себѣ прошенія, кладя ихъ съ поклономъ къ себѣ на столъ, и потомъ заходитъ за рѣшетку на свое мѣсто, надѣваетъ на себя цѣпь, читаетъ во всеуслышаніе свое прошеніе и приступаетъ къ судоговоренію. Въ одномъ случаѣ, а именно въ дѣлѣ о покражѣ у него изъ сада клубники, кончилось мировою, такъ-какъ крестьянская баба, соблазнившаяся клубникою, во избѣжаніе дальнѣйшаго судопроизводства, согласилась заплатить судьѣ-истцу 5 руб., которые онъ и взялъ, называя, впрочемъ, похитительницу не иначе, какъ «милостивая государыня». Въ другомъ случаѣ производство дѣла ведено другимъ образомъ. По подачѣ себѣ прошенія объ увозѣ у него съ поля сноповъ ржи и прочтеніи онаго, положена была резолюція: «пригласить для разбирательства почетнаго мироваго судью такого». Въ назначенное время приглашенный почелъ долгомъ явиться, возсѣлъ на судейское мѣсто и приступилъ къ разбирательству. Началось судоговореніе. Судья-истецъ весьма крас-

норѣчиво изложилъ всю тягость содѣяннаго крестьяниномъ проступка, коснулся, между прочимъ, того зла, которое проистекаетъ изъ неуваженія къ чужой собственности, и просилъ строжайшаго наказанія преступника. Потомъ очередь дошла до отвѣтчика, который ничего не могъ сказать въ свое оправданіе, кромѣ какихъ-то пустяковъ. Тогда судья-истецъ, движимый состраданіемъ къ меньшему собрату и довольный выказать готовность къ защитѣ угнетенной невинности, обратился къ судьѣ и объяснилъ, что находитъ защиту весьма слабою и проситъ дозволить ему принять эту защиту на себя, хотя и противъ себя. Получивъ на такое необыкновенное предложеніе согласіе какъ отъ судьи, такъ и отъ милостиваго государя, оказавшагося виновнымъ въ кражѣ сноповъ, судья-адвокатъ сталъ на мѣсто обвиняемаго и началъ защиту, причемъ мало-по-малу взошелъ въ такой азартъ, что распушилъ самъ себя, какъ говорится, на чемъ свѣтъ стоитъ! Несмотря, однако же, на блестящую защиту, крестьянинъ все-таки былъ приговоренъ къ штрафу. Тогда судья-истецъ, онъ же и защитникъ, въ довершеніе своего гражданскаго подвига, подписалъ на это рѣшеніе за себя удовольствіе и за отвѣтчика неудовольствіе.»

Если переданное корреспондентомъ справедливо, то можно головой ручаться, что описанный, оригинальный мировой судья принадлежалъ прежде къ мировымъ посредникамъ.

Мнѣ остается еще, для полноты очерка, сказать нѣсколько словъ о *посредникахъ-драчунахъ,* которые въ старые годы водились въ большомъ количествѣ, да и теперь еще, кажется, не совсѣмъ перевелись.

Происхожденіе этого особаго вида очень понятно, если мы припомнимъ, изъ какой среды общества избирались мировые посредники. Нерѣдко назначались въ эти хорошо обезпеченныя должности отставные капитанъ-исправники, бывшіе становые пристава, даже вышедшіе въ отставку по разнымъ непріятностямъ полиціймейстеры, наконецъ просто помѣщики съ воинственными наклонностями въ мирное время; мудрено ли было ожидать, что эти люди когда нибудь прорвутся въ своихъ новыхъ мирныхъ должностяхъ и припомнятъ старинку? Вѣдь случается же такой грѣхъ и съ мировыми судьями и даже съ самими членами новыхъ судебныхъ учрежденій: нѣтъ-нѣтъ, да и ухватитъ за бороду деревенскаго попа, или прикрикнетъ на какую нибудь слишкомъ застѣнчивую истицу: я, молъ, тебя велю выпороть! Посредническая или судейская цѣпь сама по себѣ еще ничего не значитъ и характера человѣка измѣнить не можетъ. Не только бронзовая цѣпь, но даже, говорятъ, настоя-

щіе желѣзные кандалы, — и тѣ иной разъ не въ силахъ удержать человѣка, когда страсти въ немъ разъиграются.

Одного, знакомаго мнѣ чиновника каждый день посѣщала цѣлая толпа крестьянъ, которые съ разныхъ концовъ губерніи шли къ нему посовѣтоваться, какъ имъ быть, такъ-какъ своимъ посредникамъ они плохо вѣрили. Вотъ однажды являются къ нему пять стариковъ и съ ними молодой парень съ завязаннымъ глазомъ, который оказался въ ужасномъ положеніи: бѣлокъ налился кровью, веки распухли, а подъ глазомъ огромный синякъ.

— Зачѣмъ парня-то сюда привели? спросилъ чиновникъ.—Его бы лучше къ лекарю. Ушибли, что ли?

— На добровольномъ соглашеніи посредственникъ пришибъ! отвѣчали мужики.—Вотъ мы нарочно и привели-то его къ твоей милости, спросить: какъ намъ съ этимъ дѣломъ быть и куда жаловаться?

Странный этотъ случай объяснился очень просто. По уставной граматѣ въ имѣніи одного помѣщика оказался большой излишекъ земли въ крестьянскомъ надѣлѣ, за временное пользованіе которымъ владѣлецъ запросилъ несообразно высокую цѣну. Долго уговаривалъ крестьянъ самъ помѣщикъ, потомъ на подмогу ему явился посредникъ-пріятель помѣщика, но убѣжденія эти до такой степени надоѣли крестьянамъ, что они порѣшили на сходкѣ не брать отрѣзка ни за какую цѣну, чтобы только какъ нибудь развязаться. Покуда мужики разсуждали на дворѣ, посредникъ успѣлъ порядочно-таки позакусить у пріятеля-помѣщика, отъ котораго вышелъ «красный-такой», по словамъ мужиковъ и, прочитавши вслухъ грамату, потребовалъ, чтобы уполномоченные подписались подъ повѣрочнымъ актомъ. Вотъ въ этотъ самый моментъ парня нелегкая и угораздила сказать, что «подписываться-де мы не станемъ», за что онъ и получилъ, при всемъ сходѣ, нѣсколько ударовъ кулакомъ по глазу.

Посовѣтовавшись съ чиновникомъ, порѣшили сейчасъ же идти въ губернское присутствіе съ жалобой на неправильныя дѣйствія посредника, и дѣйствительно пошли, но съ полдороги парень убѣжалъ отъ стариковъ и послѣ, когда его спрашивали, зачѣмъ онъ убѣжалъ? — парень могъ только отвѣтить:

— А кто знаетъ, зачѣмъ? Какъ стали мы подходить къ присутствію-то этому, такой страхъ на меня напалъ, что и сказать нельзя! Улепетну-ка, думаю, покуда по добру-по-здорову: хоть одинъ-то глазъ цѣлъ покуда — и то слава Богу!

Изъ разныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества пи-

нутъ, что даже и въ настоящее время «посредники-драчуны» еще не только не перевелись, но даже, относительно, благоденствуютъ, пользуясь поддержкой людей сильныхъ. Носились достовѣрные слухи, что въ прошедшемъ году одинъ посредникъ вышибъ зубъ волостному старшинѣ, отъ котораго поступила жалоба въ мѣстное губернское присутствіе. Членъ присутствія, командированный на дознаніе, сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы какъ нибудь потушить скандалъ, но сильно стѣснялся только тѣмъ обстоятельствомъ, что *зубъ былъ пришитъ къ дѣлу*. Препятствіе это, разумѣется, было устранено общими силами, потому что, во всякомъ случаѣ, гораздо удобнѣе крестьянскій зубъ отшить отъ дѣла, чѣмъ скандализировать благороднаго, хотя немножко и увлекающагося человѣка, нѣкоторымъ образомъ члена своей семьи. «Посредники-драчуны», какъ я слышалъ, пользуются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже особеннымъ уваженіемъ въ старо-дворянской средѣ. Одинъ изъ нихъ разъ очень остроумно и не безъ юмора разсказывалъ при многолюдномъ собраніи, какъ онъ своей тяжелой посреднической цѣпью *разбилъ рыло* сельскому старостѣ... И никакъ нельзя сказать, чтобы эти посредники-драчуны были людьми свирѣпыми, злыми по натурѣ; встрѣчались между ними нерѣдко предобродушнѣйшія созданія. Зналъ я лично одного такого добряка, который сѣкъ своихъ подчиненныхъ не по собственному побужденію, а просто потому, что, по слабости характера, никакъ не могъ не согласиться съ требованіемъ помѣщика.

Разъ встрѣчаю такого чудака на улицѣ. Ну, что, спрашиваю, какъ дѣла идутъ?

— Ничего, слава Богу, все смирно, только вотъ одинъ помѣщикъ-нѣмецъ одолѣваетъ ужь очень: все наказаній требуетъ. Каждый разъ, какъ заѣдешь въ его имѣнье,—непремѣнно двоихъ-троихъ мужиковъ выставитъ, чтобы отпороть.

— Ну, что же вы-то?

— П-п-орю! добродушно отвѣчалъ посредникъ, имѣвшій привычку заикаться.

Этимъ я, до поры-до-времени, заключу свое повѣствованіе о мировыхъ посредникахъ, предоставляя дѣлать выводы изъ всего сказаннаго самому читателю. Впрочемъ, общіе выводы дѣлать еще пожалуй что и рано.

О мировыхъ съѣздахъ много распространяться нечего, потому что они составлялись изъ тѣхъ же мировыхъ посредниковъ, а предсѣдательство уѣзднаго дворянскаго предводителя и участіе члена отъ правительства особенно замѣтнаго вліянія на нихъ не имѣли, да и не могли имѣть. При полномъ отсутствіи

гласности и публичности — мировые съѣзды въ самомъ началѣ своего существованія пріобрѣли чисто домашній, халатный характеръ, въ особенности въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ съѣзды собирались не въ городахъ, а въ имѣніи помѣщика-посредника. Хозяинъ принималъ въ своемъ барскомъ домѣ членовъ съѣзда, какъ дорогихъ гостей; кормилъ ихъ и поилъ иногда дня по два, по три, а послѣ сытныхъ хозяйскихъ обѣдовъ, какъ извѣстно, не особенно было удобно слишкомъ строго разбирать крестьянскія на него жалобы. Въ уѣздныхъ городахъ публика могла бы посѣщать съѣзды, но сама почему-то не шла; многіе просто дичились идти на квартиру предводителя и не знали, что они имѣютъ на то право по закону. Были и такіе предводители, которымъ чрезвычайно хотѣлось привлечь на съѣздъ публику, чтобы при ней сказать заранѣе подготовленную рѣчь; они изъ силъ выбивались, чтобы заманить хотя человѣкъ десять стороннихъ слушателей, но всѣ ихъ попытки разрушались сами собою. Иные, для приманки, устроивали въ дни съѣзда пригласительные обѣды человѣкъ на 30, имѣя въ виду квартирующихъ въ городѣ армейскихъ офицеровъ, но приглашенные офицеры являлись именно тогда, когда уже нужно было садиться за обѣдъ: иной разъ подгонятъ изъ минуты въ минуту, къ великому огорченію предводителя, который принужденъ былъ говорить свою рѣчь уже за самымъ обѣдомъ. На второмъ уже году своего существованія, съѣзды во многихъ уѣздахъ не собирались вовсе: пріѣдутъ два посредника, изъ которыхъ одинъ постоянно и безъ того живетъ въ городѣ, прождутъ понапрасну до ночи, — и потомъ разъѣзжаются себѣ по домамъ, потому что двое не составляютъ коллегіи. Перестали, разумѣется, ходить на нихъ и просители — мужики, у которыхъ безплодное хожденіе на мировые съѣзды выражалось фразою: «напрасно лапти драть». Впрочемъ, иной мужикъ и радъ бы не идти, но нельзя: или приказано, или посредственника своего отыскиваетъ, такъ-какъ его во все остальное время мѣсяца нигдѣ семью собаками не отыщешь. Иной заѣдетъ въ чужой уѣздъ, или даже губернію и сидитъ тамъ себѣ въ своемъ помѣстьѣ; даже жалованье съѣздитъ получить за нѣсколько мѣсяцевъ вразъ, а мужикъ его ищетъ понапрасну и иной разъ не отыскиваетъ даже на мировомъ съѣздѣ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что хотя съѣзды очень часто не составлялись за отсутствіемъ необходимаго количества членовъ, но все-таки считались учрежденіями постоянно существующими: ассигнованную на нихъ сумму они получали аккуратно. Постоянной квартирой съѣзда въ уѣздномъ городѣ нерѣдко пользовался одинъ изъ

мировыхъ посредниковъ и въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ при большомъ наплывѣ гостей на какую-нибудь купеческую свадьбу, отводилъ въ ней квартиры для пріѣзжающихъ. Всѣ, такъ-называемыя, текущія дѣла на съѣздѣ обыкновенно разрѣшалъ одинъ изъ членовъ, который поумнѣе, или просто секретарь, а прочіе только подписывали, такъ что, собственно, въ полной коллегіи и надобности никакой не предвидѣлось. Изъ всего сказаннаго читатель видитъ, что мировые съѣзды ничѣмъ не отличались отъ всѣхъ другихъ нашихъ общественныхъ учрежденій, напр. земскихъ управъ и т. п.; слѣдовательно и распространяться объ нихъ незачѣмъ; достаточно описать только одинъ.

«Весною 1862 года, въ самую распутицу, пишетъ одинъ чиновникъ, перебывавшій почти на всѣхъ съѣздахъ губерніи, случилось мнѣ быть на одномъ изъ многолюднѣйшихъ съѣздовъ. Впечатлѣнія, мною вынесенныя съ этого съѣзда, передаю читателю.

«Часовъ въ 11 утра отправился я въ домъ, занимаемый членами съѣзда. Квартира оказалась очень удобною и, вообще, какъ я послѣ убѣдился, все, что̀ касалось до хозяйства, было устроено превосходно, несравненно по крайней мѣрѣ лучше, нежели на всѣхъ остальныхъ съѣздахъ въ губерніи. Въ другихъ уѣздныхъ городахъ члены пріѣзжали обыкновенно на квартиру уѣзднаго предводителя и поневолѣ должны были пользоваться въ дни съѣзда даровымъ продовольствіемъ, не имѣя никакой возможности заплатить за все ими съѣденное, и выпитое; на описываемомъ же съѣздѣ все было устроено на болѣе раціональныхъ началахъ. За день до съѣзда, изъ губернскаго города пріѣзжалъ заранѣе заподряженный поваръ съ помощниками и съ самою разнообразною провизіею и винами, такъ что на этомъ съѣздѣ всегда можно было разсчитывать пообѣдать такъ, какъ далеко не всякому помѣщику удается пообѣдать и дома. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, съѣздъ посѣщался со стороны помѣщиковъ очень усердно, такъ что здѣсь, менѣе нежели гдѣ нибудь, можно было заподозрить ихъ въ равнодушіи къ новымъ гласнымъ учрежденіямъ. Посторонніе посѣтители изъ помѣщиковъ пользовались всѣмъ безвозмездно, какъ гости, а все, ими съѣденное и выпитое, раскладывалось поровну на постоянныхъ членовъ, которымъ иногда приводилось платить рублей по десяти, и даже больше, за одни сутки.

Забравшись слишкомъ рано на съѣздъ, я не нашелъ тамъ еще ни одного члена. Изъ пяти посредниковъ, какъ я узналъ,

пріѣхалъ покуда только одинъ, да и тотъ съ дороги спалъ еще гдѣ-то, въ отдаленной комнатѣ. Среди залы разложенъ былъ большой столъ, накрытый краснымъ сукномъ, уставленный чернилицами и песочницами: все было такъ, какъ въ любомъ присутственномъ мѣстѣ; только членовъ не доставало. На дворѣ и въ сѣняхъ помѣщалась толпа мужиковъ и бабъ, забравшихся сюда еще до свѣту. Нѣкоторые изъ нихъ спали; нѣкоторые жевали хлѣбъ. Въ залѣ у окна, за особеннымъ столикомъ, сидѣлъ секретарь мироваго съѣзда и усердно что-то такое вписывалъ въ толстую тетрадь.

Отъ скуки я попробовалъ-было заняться съ секретаремъ съѣзда разговорами, полагая, что, до открытія засѣданія, и ему дѣлать нечего.

— Это вы что такое, спрашиваю, записываете?

— А это я вписываю въ книгу постановленія мироваго съѣзда по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя поступили. Больше все объ утвержденіи отрѣзокъ-съ!

— Какія же такія постановленія? Вѣдь съѣздъ собирался мѣсяцъ назадъ; такъ развѣ еще съ той поры не записаны постановленія, которыя на немъ сдѣланы?

— Какъ это можно-съ! отвѣчалъ секретарь съ улыбкой. — У насъ дѣло ведется аккуратно-съ! Постановленія прошедшаго съѣзда вписаны у меня еще до прошедшаго же съѣзда-съ, а теперь, я пишу постановленія по тѣмъ граматамъ, которыя къ сегодняшнему съѣзду поступили-съ!

— Какъ? Развѣ здѣсь не просматриваютъ самыхъ граматъ, а прямо, на обумъ, постановленія пишутъ?

— Да зачѣмъ же ихъ просматривать-то? — Вѣдь ихъ ужь разъ повѣрялъ посредникъ? Я полагаю, что посреднику было бы даже нѣсколько оскорбительно, еслибы всякую грамату опять провѣрять стали. Притомъ и не успѣютъ: вонъ вѣдь ихъ кипа какая! сказалъ секретарь, указывая пальцемъ на лежавшую передъ нимъ, дѣйствительно толстую, кипу. — У насъ завсегда такъ дѣлается-съ: я подготовлю, а потомъ, когда гг. члены всѣ съѣдутся, то подпишутъ ихъ, а потомъ и разъѣдутся. Иначе и успѣть невозможно-съ.

— А рано ли у васъ съѣзжаются?

— Къ обѣду-съ! — Впрочемъ, теперь, по случаю весенняго разлива рѣкъ, очень не мудрено, что и къ обѣду не поспѣютъ... У насъ вѣдь здѣсь съѣздъ веселый-съ! — сказалъ секретарь, откладывая перо въ сторону.

— А что?

—Да такъ-съ! У насъ господа посредники — все здѣшніе же

помѣщики, народъ богатый, — не то что на другихъ съѣздахъ. Ни разу не обходилось безъ того, чтобы человѣкъ семь-восемь помѣщиковъ не съѣхалось. Вечеромъ такая у насъ завсегда картежъ подымется, что даже волосы становятся дыбомъ: игра идетъ серьёзная-съ!

— Вотъ, молъ, какъ!

— Да-съ!... Ну, опять теперь у насъ и угощеніе завсегда отличное-съ. Вина все Елисѣевскія, и обѣдъ такой, что не хуже клубнаго-съ: всего вдоволь! Не даромъ одинъ шутникъ-помѣщикъ разъ сказалъ, что нашъ мировой съѣздъ цѣльнаго зажаренаго быка съѣстъ-съ!

Секретарь опять заскрипѣлъ перомъ. Тишина наступила такая, что слышно было, какъ муха пролетитъ, да еще изъ сѣней и со двора доносилось отъ времени до времени восклицаніе: господи помилуй! — произносимое обыкновенно мужикомъ, когда онъ, позѣвнувъ, креститъ ротъ. Къ полудню скука начала одолѣвать нестерпимая, а идти некуда, потому что по улицамъ такая ужаснѣйшая грязь, что только свиньямъ и въ пору.

— А что, спрашиваю опять секретаря: — мужиковъ-то, я думаю, все-таки постараются отпустить поскорѣе?

— Неизвѣстно вѣдь, когда еще съѣдутся-съ. Впрочемъ, мы завсегда сначала постановленія объ утвержденіи граматъ покончимъ, а потомъ ужь примемся и за мужиковъ-съ. Да вы полагаете, что мужики сюда за дѣломъ пришли? Вѣдь они все по пустякамъ-съ!

— Быть не можетъ! Въ слякоть эдакую притащились, да по пустякамъ!

— По пустякамъ-съ! проговорилъ секретарь рѣшительно, и опять заскрипѣлъ перомъ.

Чтобы хотя нѣсколько разсѣять скуку, я вышелъ на дворъ, на которомъ было не мало мужиковъ и бабъ, ожидавшихъ съѣзда съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я. Тамъ встрѣтились и знакомые мужики.

— А тебя, Ѳома, зачѣмъ Богъ сюда занесъ?

— Къ посредственнику!

— Зачѣмъ же сюда-то? Вѣдь посредникъ отъ вашей деревни всего въ шести верстахъ живетъ? Тамъ бы и ближе и удобнѣе сходить тебѣ къ нему; а то, легкое ли дѣло, даль такую, въ грязь тащиться?

— Извѣстно, тамъ бы ближе, да что станешь дѣлать? Къ нему, къ старичку-то нашему, сколь тамъ ни ходи, все его дома нѣтъ: не сказывается, что ли, кто его знаетъ? Вотъ еще,

когда сыночекъ-то съ нимъ въ деревнѣ жилъ, такъ того иногда высылалъ насъ разбирать, а теперь, какъ сынокъ-то уѣхалъ, то и толку никакого не добьешся. Здѣсь еще толку не добьюсь, такъ въ комитетъ пойду!

Ѳома, какъ послѣ по справкамъ оказалось, говорилъ правду. Дѣйствительно, въ одномъ изъ участковъ мировыми дѣлами правилъ старикъ, который по болѣзни и за частыми отлучками по своимъ дѣламъ, самъ почти никогда не принималъ мужиковъ, а поручалъ разборъ ихъ, или своей сестрѣ-старухѣ, или племянникамъ. Старуха по всей справедливости могла называться *мировой посредницей*, потому что иной разъ рѣшала дѣла положительно не хуже любого посредника. Въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда сама посредница варила варенье, или солила огурцы, — споры и недоразумѣнія между крестьянами разрѣшались однимъ изъ дежурныхъ по хозяйству малолѣтныхъ ея племянниковъ. Вообще дѣла въ этомъ блаженномъ участкѣ велись патріархально и мирно, какъ оно и слѣдовало; къ сожалѣнію, крестьяне, подъ вліяніемъ ни на чемъ не основаннаго отвращенія къ женскому управленію вообще, послѣ каждаго рѣшенія посредницы шли въ городъ, верстъ за 50, или больше.

Ѳома былъ постоянный ходокъ по мірскимъ дѣламъ и несъ эту, не всегда благодарную службу, съ терпѣніемъ великимъ. Не зная, куда именно съ чѣмъ обратиться, онъ выхаживалъ понапрасну верстъ двѣсти тамъ, гдѣ бы слѣдовало пройти всего двадцать. По дѣлу, которое слѣдовало къ посреднику, пошлютъ его въ губернскій городъ, въ присутствіе. Изъ присутствія посылаютъ къ посреднику, котораго онъ не застаетъ дома, и идетъ верстъ за 60 отъискивать его, на мировой съѣздъ. Со съѣзда, наконецъ, его все-таки отсылаютъ къ посреднику. Вообще, тяжела служба крестьянскихъ ходатаевъ!

Между тѣмъ посредникъ, почивавшій въ отдаленной комнатѣ, всталъ, да подъѣхало къ этому времени еще двое, слѣдовательно можно было отправляться и въ залу.

Очень какъ-то медленно съѣзжались члены многолюднаго съѣзда, вѣроятно по случаю разлившихся рѣкъ. Пробило уже два часа, секретарь давно успѣлъ написать постановленія по всѣмъ вступившимъ дѣламъ; на столикѣ подъ зеркаломъ давно появилась водка и закуска, а собралось всего только еще четверо, которые бродили взадъ и впередъ по комнатамъ, какъ бродятъ барышни въ дамскихъ клубахъ и на вечерахъ въ провинціальномъ городѣ. Пятый членъ подъѣхалъ въ то самое время, когда большой столъ начали накрывать бѣлой скатертью

вмѣсто красной, пролежавшей совершенно понапрасну, такъ что несравненно разумнѣе было начинать прямо съ бѣлой. Члены поджидали старичка-посредника, котораго уважали до такой степени, что не рѣшались даже сѣсть безъ него за обѣдъ.

Однако, оказалось, что голодъ — не свой братъ. Когда аппетитъ разъигрался не въ шутку, то разсудили, что старичокъ-посредникъ легко могъ гдѣ нибудь завязнуть въ лужѣ, или зажорѣ, и, вообще, совсѣмъ сегодня не пріѣхать. Вообще, когда дѣло коснулось до обѣда, то всѣмъ вразъ пришла въ голову поговорка: семеро одного не ждутъ.

Послѣ, впрочемъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что многоуважаемый старичокъ-посредникъ не погрязъ ни въ одной лужѣ, а замедлилъ по нѣкоторымъ, чисто домашнимъ обстоятельствамъ. Въ то самое время, когда, послѣ обѣда, начали разносить мороженое, въ дверяхъ показался сѣдой, почтеннаго вида старичокъ, къ которому всѣ члены бросились, повидимому, съ большой радостью.

Отдохнувши малымъ дѣломъ, кто съ дороги, а кто и съ обѣда, вечеромъ, уже при свѣчахъ, принялись за дѣло. Впрочемъ, только одинъ старичокъ-посредникъ и занялся разсматриваніемъ и провѣркою цифръ въ нѣкоторыхъ граматахъ. Остальные члены, чтобы не помѣшать старику, не сбить его въ запутанныхъ счетахъ, разбрелись по другимъ комнатамъ, занявшись каждый своимъ дѣломъ; какимъ именно дѣломъ, — это вскорѣ обозначилось по доносившимся въ залу изъ сосѣднихъ комнатъ отрывочнымъ возгласамъ: «вистъ! пасъ! гольцъ! уголъ! вабанкъ!»

Н. Демертъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ИСПАНІЮ.

XI.

Алколея.

От Мадрида до Кордовы. — Андалузка, журналистъ и поручикъ. — Черезъ Ламанчу. — Поле битвы. — Кордова. — Alborote. — Еще донъ-Жуанъ среди неожиданной обстановки. — Бандитъ Пачеко. — Альбомный рисунокъ. — Краткая біографія испанскаго милитаризма.

Въ чудную ноябрьскую лунную ночь мы отправляемся въ Андалузію; Cierzas de Guadarama чуть освѣжаютъ своимъ тихимъ вѣяніемъ теплый не по осеннему воздухъ и гонятъ по темному небу легкія бѣловатыя облака. Одинъ изъ главныхъ мадридскихъ дебаркадеровъ ярко сіяетъ огнями, кишитъ народомъ. Съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ мы тщетно обходимъ отъ одного конца до другаго длинный рядъ вагоновъ, готовыхъ отправиться въ Андалузію: все полно, кромѣ двухъ-трехъ отдѣленій съ надписью «Senoras solas» («однѣ дамы»). Въ нихъ ни одной дамы нѣтъ, но церберы, въ форменныхъ фуражкахъ съ галунами, упорно охраняютъ ихъ входы отъ покушенія мужчинъ. А между тѣмъ, въ другихъ отдѣленіяхъ дамъ оказывалось чуть ли не больше, чѣмъ мужчинъ. Почему испанскія путешественницы избѣгаютъ любезно предлагаемыхъ имъ администраціею особыхъ отдѣленій? Это для меня составляло загадку...

Однакоже, намъ было не до загадокъ. Второй свистокъ просвистѣлъ уже давно, а мы еще все бродили вдоль поѣзда, не находя для себя пріюта. Вдругъ изъ одного вагона, который былъ полонъ пассажирами обоего пола, какъ тыква сѣменами, раздался ободрительный голосъ:

— Вы ищете мѣста, caballeros? Входите сюда: мы вѣдь не ѣдемъ, мы только провожаемъ сеньору и сеньориту, которыя будутъ единственными вашими спутницами.

И въ самомъ дѣлѣ, едва раздался третій свистокъ, публика посыпала изъ вагона, и только тогда стало ясно, какъ мало вообще путешествуютъ въ Испаніи и какъ много тамъ провожаютъ.

Мы, однакоже, не остались единственными спутниками сеньоры и сеньориты. Съ неиспанскою быстротою влетѣлъ въ вагонъ бѣлокурый юноша, а на ступенькѣ офицеръ, нагруженный какъ верблюдъ, лобызался со старикомъ въ плащѣ на щегольской шелковой подкладкѣ...

Прежде, чѣмъ поѣздъ тронулся съ мѣста, развязный юноша успѣлъ уже повести оживленный разговоръ съ нашими спутницами. Звуки ихъ разговора обратили тотчасъ же мое вниманіе своею новизною для моего слуха. Это была та же, благородная кастильская рѣчь «la hidalga habla castillana», которую вы слышите во всѣхъ кружкахъ образованнаго испанскаго общества, но въ устахъ той изъ спутницъ, которую называли сеньорою (то-есть дамою), она имѣла особенный и невѣдомый еще мнѣ тогда привлекательный оттѣнокъ. Уловимая ея особенность заключалась почти исключительно въ чрезвычайной чисто арабской гортанности нетолько отдѣльныхъ звуковъ, но и всего timbre'а рѣчи.

Сеньора оказалась очень разговорчивою. Мы вскорѣ узнали, что она андалузка изъ Кадиса, ѣздила въ Мадридъ провожать своего мужа, отправляющагося въ Парижъ по дѣламъ винной торговли, а теперь возвращается къ роднымъ пенатамъ въ сообществѣ младшей сестры, сеньориты, которая всю дорогу молчала и постоянно поглощала что-нибудь: апельсины или ветчину, вино или azucarillas (севильскія конфекты).

Наружностью своею наша сеньора вовсе не подтверждала весьма и всюду распространеннаго предразсудка о красотѣ ея соотечественницъ. Лицо у нея было чисто мулатское, съ толстыми губами, со вздернутымъ носомъ, съ необыкновенною роскошью курчавыхъ каштановыхъ волосъ. При этомъ зубы негритянки, мулатская роскошь формъ и стана. Но только глаза были совершенно чужды дикаго африканскаго или цыганскаго выраженія. Они смотрѣли такъ интеллигентно, добродушно и нѣсколько лукаво, что ихъ постоянно хотѣлось видѣть. Они и маленькія, полныя ея руки принимали самое дѣятельное участіе въ разговорахъ и придавали всякимъ сказаннымъ ею пустякамъ какой-то особенный смыслъ. Благодаря этимъ глазамъ, благодаря простотѣ обращенія самой сеньоры, вы совершенно не чувствуете никакого стѣсненія отъ ея присутствія; между вами и ею завязывается какъ-будто старое знакомство, даже пріятельство.

Сеньора неумолкаемо вела вызывающіе на размышленіе раз-

говоры, преимущественно съ бѣлокурымъ юношею, съ которымъ мнѣ пришлось впослѣдствіи познакомиться ближе, и который оказался заслуживающимъ во многихъ отношеніяхъ вниманія и даже нѣкотораго почтенія. Это былъ двадцатитрехлѣтній севильскій графъ, обладавшій вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ большимъ состояніемъ. Оба приняли участіе въ мадридскомъ демократическомъ возстаніи 1866 г.; старшій попался въ руки маршала Серрано, нынѣшняго шефа-освободителя, но тогда бывшаго мадридскимъ главнокомандующимъ, и былъ разстрѣлянъ. Меньшой бѣжалъ въ Парижъ, и лишился всего своего имущества (оно было конфисковано). Во время нашей встрѣчи на желѣзной дорогѣ между Мадридомъ и Кордовою, онъ только что успѣлъ вернуться изъ изгнанія, принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи въ столицѣ новаго демократическаго журнала «la Igualdad» («Равенство») и ѣхалъ въ родѣ уполномоченнаго отъ мадридскихъ крайнихъ демократовъ къ севильскому революціонному комитету. Онъ нѣсколько рисовался своимъ положеніемъ возвратившагося на родину изгнанника, своимъ знаніемъ политическихъ тонкостей и интригъ. На каждой станціи онъ выходилъ пить шоколадъ и, возвращаясь, пояснялъ публикѣ, что въ этомъ напиткѣ для него особенно привлекателенъ «ароматъ родины», отъ котораго онъ уже успѣлъ отвыкнуть на чужбинѣ.

Сеньора атаковала его политическими разговорами, преимущественно о таможенномъ тарифѣ, которымъ она очень интересовалась въ качествѣ жены андалузскаго виноторговца. Они сомнѣвались, чтобы временное правительство рѣшило вопросъ о тарифѣ въ пользу Андалузіи и свободы торговли, основывая свои сомнѣнія главнѣйшимъ образомъ на личности министра финансовъ, Фигероло.

— Es Catalan (онъ каталонецъ), говорила она, при чемъ нижняя ея губа нѣсколько выдавалась впередъ, а глаза обращались къ каждому изъ насъ и говорили:

— И зачѣмъ это существуютъ на свѣтѣ такіе недостойные люди!

Юноша неохотно и съ снисходительною усмѣшкою отвѣчалъ на ея политическія соображенія, вовсе нелишенныя однако ни здраваго смысла, ни — по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось — пониманія дѣла. Сквозь дымъ своей сигары, онъ бросалъ на свою собесѣдницу страстные взгляды и дѣлалъ геройскія усилія, чтобы перетянуть разговоръ на иную почву, такъ что добился, наконецъ, отъ нея стереотипной фразы, которою всякая испанка отдѣлывается отъ иностраннаго волокиты:

— Hombre! Anda con Dios en su pays a comer patatas* (Че-

ловѣче! отправляйся съ Богомъ въ свою страну ѣсть картофель); только вмѣстѣ *su pays* андалузка вставила *su Paris* (свой Парижъ), и этимъ, кажется, всего язвительнѣе уколола юнаго ловеласа, нѣсколько щеголявшаго своимъ близкимъ знакомствомъ съ этою счастливицею міра.

Послѣ этого пассажа, юноша съ недовольнымъ видомъ обернулся въ пледъ и пытался уснуть. Сеньора поспѣшила завязать разговоръ съ каждымъ изъ насъ къ нарочитому моему удовольствію, такъ-какъ наблюдать было рѣшительно нечего: ровная низменность новой Кастиліи, которую мы проѣзжали между Мадридомъ и Аранхуэсомъ, какъ-то совершенно уничтожалась въ бѣловатомъ сіяніи мѣсяца, отовсюду стѣсняемаго и нагоняемаго бѣлыми дымчатыми облаками. Французъ спалъ сномъ праведника, повязавъ голову фуляромъ. Мой ближайшій сосѣдъ, офицеръ, объявилъ намъ на первыхъ же порахъ, что онъ отправляется въ Сеуту (испанскій островокъ, близь африканскаго берега, противъ Гибралтара), и что родитель его, съ которымъ онъ лобызался на ступенькѣ вагона, занимаетъ какую-то важною должность на родинѣ, въ Бискайѣ. Закуривъ одну за другою нѣсколько сигаръ, онъ выбросилъ ихъ въ окошко чрезъ мою голову, проговоривъ неизбѣжное: «dissimuli usted» (извините), успокоился, наконецъ, на одной изъ нихъ и погрузился не то въ сонъ, не то въ раздумье.

— Скажите, спрашивалъ я, неумолкавшую сеньору, продолжая начатый разговоръ о какомъ-то весьма мало мнѣ знакомомъ мѣстномъ административномъ вопросѣ: — отчего это дамскія отскія отдѣленія въ вагонахъ пусты, а въ другихъ отдѣленіяхъ дамъ порядочное количество?

— Hijo (сынъ мой! хотя я по всей вѣроятности былъ старше ея), пояснила она мнѣ: — это самое глупое учрежденіе, дамскія отдѣленія въ вагонахъ. Дамъ, сопровождаемыхъ мужчинами, туда не пускаютъ, а дама одна ни за что не рѣшится войдти. Прежде дамы ѣздили однѣ въ этихъ отдѣленіяхъ, но выходили пренепріятныя исторіи. Разстоянія между станціями большія и, когда путешественницъ мало, кондукторы, или даже путешественники, забирались туда... Бывали такіе примѣры, что я лучше пѣшкомъ пойду, чѣмъ сяду въ это купѐ «por Senoras solus». Однаго кондуктора въ тюрьму присудили за такія дѣла. Да вѣдь отъ этого не легче, что его потомъ осудятъ.

Аранхуэсъ представился намъ роскошнѣйшимъ оазисомъ среди проѣзжаемаго нами безлюдья и унынья. Причудливо вырисовывались при лунномъ свѣтѣ гигантскіе силуеты широколиственныхъ деревъ; ярко сіялъ огнями дебаркадеръ и на немъ сте-

пенно толпились праздные жители съ неизбѣжными папиросками во рту, въ неизбѣжныхъ плащахъ съ щегольскими отворотами, ухорски закинутыми на правое плечо, со всѣми другими неизбѣжными признаками и принадлежностями «*дѣлающаго время*» испанца. Здѣсь не было не только ѣдущихъ, но даже и провожающихъ; за исключеніемъ мальчишекъ, выкрикивавшихъ «aqua! quien quiere aqua! «(вода! кто хочетъ воды!),—за исключеніемъ кондукторовъ, провозглашавшихъ перемѣну вагоновъ для ѣдущихъ въ Толедо, всѣ остальные только глазѣли. А ужь если въ Аранхуэсѣ столько глазѣющихъ при каждомъ приходѣ и отходѣ, то сколько же ихъ должно быть въ другихъ городахъ и деревняхъ Испаніи, гдѣ желѣзныя дороги дѣло болѣе или менѣе новое; тогда какъ линія изъ Мадрида въ Аранхуэсъ (лѣтнюю королевскую резиденцію) самая древняя изъ испанскихъ линій и существуетъ уже двадцать лѣтъ...

Очень юный офицерикъ, — на видъ его можно было бы принять за пятнадцатилѣтняго мальчика, появился въ дверяхъ вагона, но замѣтивъ, вѣроятно, что путешественниковъ здѣсь и безъ него много, отправился искать себѣ болѣе просторнаго помѣщенія.

Это совершенно ничтожное происшествіе подѣйствовало както магически на моего сосѣда, бискайскаго уроженца. Словно электрическая искра вывела его изъ летаргическаго состоянія.

— Капитанъ! видѣли, вѣдь капитанъ! воскликнулъ онъ съ видомъ оскорбленнаго человѣка, обводя глазами всю публику.

— А что? спросилъ либеральный журналистъ, успѣвшій новою чашкою шоколада съ «ароматомъ родины» вознаградить себя за афронтъ, полученный отъ андалузки.

Офицеръ былъ, очевидно, въ сильномъ волненіи. Онъ всталъ, наступилъ мнѣ на ногу, проговорилъ «dispensi usted», и снова сѣлъ, очевидно, принявши внутри себя какое-то геройское рѣшеніе. Я воспользовался на минуту озарившимъ его лучемъ лампады, чтобы разсмотрѣть его физіономію. Физіономія оказалась универсально армейскою: высокая, угловатая фигура, широкое, но сухое лицо, на которомъ какъ будто не было никакихъ чертъ, а были только впередъ зачесанные и гладко напомаженные виски, да маленькіе усики темноватаго цвѣта.

— Я дядѣ прямо напишу, заговорилъ офицеръ съ особенною торопливостью, и тутъ же перебилъ себя, обращаясь къ журналисту: — у меня дядя двоюродный братъ начальника штаба у генерала Прима. Но я протекцій не ищу. Я рѣшилъ: какъ пріѣду въ Сеуту, сейчасъ напишу этому дядѣ, чтобы онъ и не хлопоталъ; я выйду въ отставку.

И онъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника, какъ смотритъ человѣкъ, ожидающій вполнѣ заслуженнаго одобренія.

— А вы знаете этого капитана?... Онъ дѣйствительно очень молодъ.

— Онъ началъ въ нашемъ полку и годомъ моложе меня по службѣ. Но что̀ же прикажете дѣлать: удача! Въ 1866 г. онъ былъ съ полкомъ въ Мадридѣ, а я имѣлъ командировку. Онъ и получилъ подпоручика за отличіе противъ инсургентовъ, а я только въ 1867 г., въ апрѣлѣ произведенъ. Его перевели въ 8-й линейный полкъ, который теперь перешелъ на сторону Серрано; за это всѣ офицеры получили повышеніе, а за алколейское сраженіе его еще произвели... Три чина въ два года!.. Капитанъ!

И онъ съ негодованіемъ откинулся на спинку дивана.

— Вы съ Новаличесомъ были?

— Да, я въ 13-мъ, въ маньоркскомъ полку, 2-го батальона... самъ не знаю, поручикъ или подпоручикъ донъ-Пабло Мазакоа-и-Гаолы.

Онъ пошарилъ въ карманахъ, досталъ оттуда нѣсколько бумагъ разнаго вида и надѣлилъ каждаго изъ насъ своими визитными карточками.

— Нѣтъ, право, вѣдь бываетъ этакая fatalidad (фатальность), преслѣдующая человѣка, проговорилъ онъ, холодно улыбаясь:— вотъ послушайте. Всѣ батальоны нашего полка получили общее повышеніе по рескрипту Новаличеса наканунѣ сраженія (при Алколеѣ); а теперь, по приказу военнаго министра объ объединеніи обѣихъ армій *, всѣ еще произведены въ слѣдующій чинъ; такъ что всѣ мои сверстники теперь капитаны, а меня вдругъ производятъ въ поручики... Только нѣтъ, нѣтъ, такъ я служить не хочу; подамъ въ отставку. Дядя мнѣ обѣщалъ, продолжалъ онъ послѣ минутной паузы: — что онъ все это устроитъ и меня произведутъ наравнѣ со сверстниками... Или пусть мнѣ дадутъ капитана, или въ отставку. Это рѣшено и какъ только пріѣду въ Сеуту...

— Да отчего-же это васъ въ капитаны не произвели, когда всѣхъ производили?

— Нашего баталіона никого не произвели, потому что насъ

---

* Приказомъ военнаго министра произведены въ слѣдующіе чины оберъ и унтеръ-офицеры, участвовавшіе въ сраженіи при Алколеѣ съ какой-бы то ни было стороны,—со стороны королевы или со стороны революціи. Приказъ этотъ мотивированъ будто бы необходимостью уничтожить всякіе слѣды раздвоенія, внесеннаго въ испанскую армію сентябрьскими событіями.

не было наканунѣ сраженія въ главной квартирѣ; мы были около Мансанареса на поимкѣ Валина...

— А-а, такъ вы, значитъ, были свидѣтелемъ при разстрѣляніи Валина?

— Какъ же, былъ.

Вы вѣроятно помните еще изъ газетъ печальную исторію депутата Валина, посланнаго, незадолго до сраженія при Алколеѣ, въ качествѣ уполномоченнаго или эмисара отъ Серрано и возставшихъ въ Мадридѣ генераловъ къ герцогу делла-Витторія (Эспартеро). Валинъ попался въ руки одного изъ полковниковъ Новаличеса и былъ разстрѣлянъ безъ всякаго суда. Впослѣдствіи полковникъ этотъ былъ отданъ подъ судъ, но его показали сумасшедшимъ, и до самаго моего отъѣзда изъ Испаніи онъ содержался въ сумасшедшемъ домѣ.

— Правда-ли, что вашъ полковникъ билъ Валина кулакомъ и саблею, когда онъ уже былъ связанный приведенъ на мѣсто казни?

— Да, это правда. Валинъ что-то началъ говорить, я хорошенько не разслушалъ, что̀ именно. Полковникъ ударилъ его въ лицо, такъ что у него пошла кровь изъ носу; а потомъ ударилъ нѣсколько разъ плашмя саблей по головѣ.

— Знаете что? не пожелаете ли вы написать маленькую статью такъ въ родѣ письма, въ которомъ вы, какъ очевидецъ, разскажете всѣ подробности казни Валина?

— Гм! какъ же, помилуйте, очень радъ, говорилъ офицеръ, краснѣя отъ удовольствія и скромности.

— А вотъ что... заговорилъ опять офицеръ, конфузливо вынимая изъ кармана новые свертки бумагъ и запинаясь:— я думалъ... то-есть предполагалъ, не представитъ ли для васъ нѣкотораго интереса... тутъ вотъ у меня собрана подробная реляція о сраженіи при Алколеѣ со стороны Новаличеса... Все это, что̀ въ газетахъ печатано, несправедливо; смѣю васъ увѣрить. Всѣ цифры переиначены... А у меня все по офиціальнымъ справкамъ... Также вотъ у меня подлинная прокламація Новаличеса къ войску... Не пожелаете ли?...

— А-а, хорошо... Вы это все потомъ, пожалуйста, вмѣстѣ пришлите къ намъ въ редакцію, зѣвая проговорилъ бѣлокурый юноша, успѣвшій задремать въ промежуткѣ между этими разговорами.

Я попросилъ у сосѣда эти бумаги; онъ далъ мнѣ ихъ съ большою охотою и даже конфузливо попросилъ меня: не могу ли я, въ качествѣ иностранца-путешественника, напечатать. Съ этой минуты я сталъ для него предметомъ особенно усердной заботливости. Я долженъ былъ перепробовать всѣ сорты сигаръ,

которыхъ онъ везъ съ собою замѣчательную коллекцію. Онъ не пропускалъ ни малѣйшаго пункта нашего пути, по его мнѣнію, заслуживающаго вниманія, безъ того, чтобы не указать мнѣ его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

— Теперь мы пріѣдемъ въ Алькасаръ-де-Санъ-Хуанъ, говорилъ онъ мнѣ: — здѣсь поѣздъ будетъ долго дожидать другаго (лиссабонскаго) поѣзда.

— Говорятъ, что этотъ городъ въ числѣ семи, считающихъ себя родиною Сервантеса, замѣтилъ я, чтобы не выказать себя полнѣйшимъ невѣждою касательно Испаніи.

— Можетъ быть... Здѣсь надо поужинать, но вина здѣсь не спрашивайте: дальше будетъ станція Вальдепеньясъ. Тамъ купите вина: это лучшее испанское вино, по моему мнѣнію. Въ Алькасарѣ вамъ андалузцы будутъ предлагать ножи и кинжалы; если я буду съ вами, то васъ не обманутъ. Но на всякій случай смотрите... Вотъ видите эту *navaja*?

И онъ вынулъ изъ кармана широкій складной ножъ съ черенкомъ, пестро разукрашеннымъ фольгою и сусальнымъ золотомъ.

— Нравится вамъ эта *navaja*? Не правда ли, хороша?

— Да, хороша, отвѣчалъ я, повертѣвши ее въ рукахъ для приличія.

— Нравится? Возьмите: она ваша.

И онъ приставалъ ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не сунулъ въ карманъ совершенно ненужную мнѣ бездѣлушку. Я предполагалъ, что этотъ, описанный Теофиломъ Готье и Боткинымъ, испанскій обычай дарить вамъ вещь, которую вы похвалили, успѣлъ уже исчезнуть. Впрочемъ, онъ, кажется, удержался до сихъ поръ единственно въ той средѣ, которую представлялъ собою мой случайный спутникъ.

— Такъ этакая *navaja* стоитъ двѣ песетты (около полтинника); если будутъ спрашивать больше, то вы не давайте. Впрочемъ, они довольно честный народъ и много не запрашиваютъ... Кинжалъ, если въ бархатныхъ ножнахъ, стоитъ отъ трехъ до четырехъ дуросъ, смотря по отдѣлкѣ, и такъ далѣе.

Слѣдовалъ довольно длинный перечень продуктовъ оружейной фабрики въ Альбасете, обыкновенно предлагаемыхъ проѣзжающимъ андалузскими разносчиками на станціи Алькасаръ-де-Санъ-Хуанъ, самаго значительнаго города старой провинціи Ламанчи. Совершенно въ такомъ же исключительно практическомъ духѣ были и другія наставленія, которыми снабжалъ меня мой менторъ въ красныхъ штанахъ и формен-

ной фуражкѣ. Былъ моментъ, когда на лицѣ не то капитана, не то поручика, появилось даже одушевленіе и сладостная улыбка: это когда онъ заговорилъ объ Андухарѣ, первомъ андалузскомъ городѣ, лежавшемъ на нашемъ пути и славящемся даже въ Андалузіи красотою своихъ женщинъ.

Я пытался добиться и иного рода свѣдѣній отъ новаго своего пріятеля. Я разспрашивалъ его о его родинѣ, Бискайѣ, отличающейся необыкновеннымъ развитіемъ въ ней автономіи общинъ, муниципальныхъ и сельскихъ, а также необычнымъ въ Испаніи промышленнымъ и торговымъ оживленіемъ. Бискайскія политическія льготы служатъ вѣчною приманкою даже для Каталоніи, имѣющей свои *fueros y libertades* (льготы и вольности); стать относительно испанскаго правительства въ привиллегированное положеніе Бискайи — таковъ еще и теперь идеалъ практическихъ либераловъ бо̀льшей части испанскихъ провинцій.

Оказалось, что мой попутчикъ обо всемъ этомъ имѣлъ еще менѣе понятія, нежели я самъ. Рожденный въ небольшомъ городкѣ, гдѣ-то въ провинціи Гипускоа, онъ еще ребенкомъ привезенъ въ Мадридъ, гдѣ успѣлъ забыть даже свой языкъ, ничего неимѣющій общаго ни съ кастильскимъ, ни съ каталонскимъ. Можетъ быть, онъ нѣсколько щеголялъ передо мною своею оторванностью отъ родной почвы, потому что быть бискайцемъ въ Испаніи считается дѣломъ вовсе не фешенёбельнымъ. Бискайцы ведутъ труженическую жизнь среди своей скудной природы; они часто бываютъ вынуждены переселяться въ Америку; они славятся своимъ трудолюбіемъ, честностью и простоватостью, но не имѣютъ каталонской предпріимчивости и самонадѣянности... Всего этого совершенно достаточно, чтобы въ такъ-называемыхъ *порядочныхъ* классахъ испанскаго общества вселить къ нимъ нѣкоторое аристократическое пренебреженіе. Бискайцы не «дѣлаютъ время», а напротивъ, очень берегутъ его; при такихъ условіяхъ въ глазахъ истаго испанца невозможно слыть за настоящаго «caballero», происходящаго отъ «благородной голубой крови».

Проѣзжаемая нами мѣстность нѣсколько разъ успѣла перемѣнить свой характеръ, но не становилась привлекательною, не переставала быть унылою. Вскорѣ за Аранхуэсомъ, направо и налѣво, потянулись изрытые, невысокіе холмы, похожіе на глиняные сугробы или могилы: это толедскія горы. За ними потянулась Ламанча, то-есть гладь и голь, только тѣмъ и раз-

нящаяся отъ Кастильской, что еще болѣе уныла. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь это уныніе принимаетъ болѣе рѣзкій, болѣе сухой и опредѣленный характеръ. Безъ малѣйшаго притязанія обратиться въ поля, тянутся передъ вами необозримыя, растрескавшіяся, каменистыя пространства, чуть прикрытыя низкими, ароматическими травами. Мѣстами цѣлыя поля сплошь покрыты высокимъ репейникомъ. Причудливо выглядятъ при лунномъ свѣтѣ эти высокія, прямыя, колючія растенія, похожія на канделябры... Вотъ вытягивается одинъ и темнымъ силуэтомъ рисуется на свѣтломъ, чуть голубоватомъ небѣ, съ вѣтвями, похожими на растопыренныя руки. Тонкій и жесткій, онъ, безъ малѣйшаго усилія со стороны вашего воображенія, преобразовывается въ вашихъ глазахъ въ длиннаго, худаго рыцаря. Это онъ: это «рыцарь печальнаго образа», единственная всемірная знаменитость, порожденная этою страною и такъ полно гармонирующая съ ея унылою обстановкою, что не вспоминать его здѣсь нельзя, особенно если, какъ я, сознаешь кровныя узы родства, связывающія васъ съ этою великою тѣнью.

«Донъ-Кихотъ!» кричатъ они намъ,
Да и правы: сколько разъ
Благороднымъ паладиномъ
Намъ казался свинопасъ. *

Замѣчательно, что мѣстные жители вѣрятъ въ Донъ-Кихота, о которомъ простолюдины имѣютъ весьма сбивчивое понятіе, считая его за великаго человѣка, дѣйствительно существовавшаго, но не зная хорошенько, въ чемъ заключалось его величіе и заслуги. Близь Алькасара находится деревушка Аргамасилья-дель-Альба, на берегу Гвадіаны, считаемая родиною этого національнаго героя; нѣкоторыя здѣшнія семейства гордятся своимъ происхожденіемъ будто бы отъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этого романа, цирюльника Николая, бакалавра, и даже отъ священника. Въ этой деревушкѣ Сервантесъ долго жилъ узникомъ, и хотя не назвалъ ее прямо, но описалъ съ такими подробностями, что знатоки дѣла съ разу признаютъ ее и не имѣютъ никакого сомнѣнія на счетъ настоящаго мѣстожительства доблестнаго рыцаря. Домъ, въ которомъ содержался Сервантесъ, цѣлъ еще до сихъ поръ; иностранцы пріѣзжаютъ его смотрѣть. Немудрено, что у нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей оба имени, то-есть имя Сервантеса и имя Донъ-Кихота, слились въ одно, и они считаютъ, что Донъ-Кихотъ

---

* Изъ Гервега: «Gedichte eines lebendigen».

былъ доблестный рыцарь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, писатель, которому до сихъ поръ удивляется весь свѣтъ.

Деревушка Тобосо, родина Дульцинеи, находится тоже по близости Алькасара, но далѣе къ западу, на протяженіи бадахосской линіи желѣзной дороги, ведущей отъ Алькасара черезъ испанскую Эстремадуру въ Португалію, въ Лиссабонъ. Тобосо и до сихъ поръ славится горшечнымъ производствомъ, какъ славилась во времена Сервантеса, заставляющаго своего героя приходить въ патетическое настроеніе при видѣ глиняныхъ горшковъ, напоминающихъ родину его возлюбленной.

Экономическое положеніе Ламанчи (должно замѣтить, что она теперь не составляетъ административнаго цѣлаго, а входитъ главнымъ образомъ въ составъ провинціи Сіудадъ-Реаль (Ciudad-Real) вовсе не такъ печально, какъ можно было бы заключить по ея унылому виду. Правда, всѣ попытки развить въ ней земледѣліе до сихъ поръ не дали никакихъ отрадныхъ результатовъ, за невозможностью очистить почву отъ огромныхъ массъ известняка, покрывающихъ значительную часть ея поверхности и дѣлающихъ ее негодною къ воздѣлыванію. Мѣстные крестьяне дѣлаютъ геройскія усилія, чтобы избавиться отъ этой невыгоды. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, вы видите здѣсь цѣлыя циклопскія стѣны, нагроможденныя изъ этихъ камней; но камни словно изъ земли растутъ, такъ что порядочно воздѣланныя поля находятся только въ сѣверозападныхъ частяхъ этой мѣстности. За то здѣсь есть нѣкоторыя второстепенныя и третьестепенныя отрасли промышленности, поддерживающія сравнительное благосостояніе и благообразіе городковъ и деревень и недопускающія жителей до того крайняго разоренія, которое иногда можно встрѣтить въ обѣихъ Кастиліяхъ, особливо въ сухіе года. Наиболѣе значительно здѣсь соляное производство, добываніе извести и глины; мѣстами же воздѣлываніе оливки и въ особенности винограда. Вино отсюда вывозится даже за границу, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ вина южныхъ и юговосточныхъ провинцій, и цѣнится въ продажѣ очень дорого. Наиболѣе людные города здѣсь Вальде-Пеньясъ (11,000), Матанаресъ (около 10,000) и Алькасаръ-де-Санъ-Хуанъ (7,500), хотя наименѣе населенный, но наиболѣе значительный изъ всѣхъ, какъ центръ главнѣйшихъ производствъ и соединительный путь андалузской и португальской линій желѣзныхъ дорогъ.

Вскорѣ мы углубились въ Сьерра-Морену, которой рыжеватые холмы, покрытые темными пятнами растительности, давно уже виднѣлись на горизонтѣ. Мѣстность, у подножія горъ

оживлявшаяся-было весьма привлекательною для глаза растительностью, становилась все глуше и дичѣе, хотя подъемъ нигдѣ не достигалъ значительной высоты. Здѣсь уже не было нетолько городковъ, но даже деревушекъ. Станціи желѣзной дороги помѣщались при вентахъ, стоявшихъ или вовсе изолированно, или же при небольшихъ выселкахъ: это были такъ-называемыя «*nuevas poblaciones*» (Вента-де-Карденасъ, Санта-Элена и др.), малолюдныхъ колоній, устроенныхъ здѣсь Карломъ III отчасти для того, чтобы облегчить путешественникамъ переправу черезъ горы, отчасти же въ видахъ прекращенія разбойничества, довольно обыкновеннаго въ этихъ мѣстахъ даже въ наше время. Такъ, напримѣръ, нѣсколько дней спустя послѣ описываемой здѣсь поѣздки въ Андалузію, поѣздъ желѣзной дороги былъ разграбленъ цѣлою шайкою бандитовъ, изъ которыхъ ни одинъ еще не найденъ. Выселки эти почему-то не разрослись и представляютъ весьма печальную картину.

Къ утру мы уже были въ Андалузіи, если вы согласны принять это слово въ его старинномъ значеніи, то-есть когда это имя носилъ весь югъ Испаніи, отъ Гибралтара до Сьерра-Морены на сѣверѣ. Въ настоящее время, изъ старой Андалузіи выкроены двѣ провинціи, составляющія каждая особое административное цѣлое. Имя Андалузіи осталось за одною изъ нихъ, состоящею изъ четырехъ округовъ: Севилья, Кордова, Кадисъ и Уэлва. Область Хаэнъ (Jaen), бывшая въ свое время независимымъ халифатомъ, и въ которую вы въѣзжаете, направляясь отъ Мадрида къ Кордовѣ или Севильѣ, принадлежитъ къ другой, Гренадской провинціи, которая тоже вмѣщаетъ въ себѣ четыре округа: Гранаду, Малагу, Хаэнъ и Альмерію.

Спускаясь по южному склону Сьерра-Морены, вы дѣйствительно чувствуете себя среди совершенно иной природы, нежели кастильская и аррагонская. Но воображеніе привыкло такъ много связывать съ звучными именами Андалузіи, Гвадалквивира, Сьерра-Морены и проч., что при непосредственномъ ознакомленіи съ ними невольно испытываешь нѣкоторое ощущеніе неудовлетворенности. «Такъ это-то пресловутый Гвадалквивиръ»— думаешь, глядя на широкую, тихо текущую межь невысокихъ но обрывистыхъ береговъ серебристую рѣку: нашъ Осколъ или Донецъ будутъ пожалуй почище. Правда, надъ ними не склонились апельсинныя или лимонныя дерева съ своими золотистыми плодами среди яркой металлически-зеленой листвы, ихъ не окаймляетъ змѣистый кактусъ; но вѣдь это мелочныя подробности, даже незамѣтныя съ разу, когда передъ вами открываются неизмѣримыя, сочно зеленѣющія, какъ у насъ, поля и

нивы. Въ тѣни широколиственнаго дуба или платана лежитъ черный, лоснящійся быкъ дикаго вида, котораго смертный часъ, можетъ быть, уже скоро пробьетъ, въ то время, какъ «будетъ ликовать буйный» Мадридъ или Кадисъ, и будетъ

Торжественно гремѣть
Рукоплесканьями широкая арена...

Нѣсколько лошадей, испуганныя свистомъ машины, дико несутся по пастбищу, высоко поднявъ огромныя морды и широко распустивъ по вѣтру черные хвосты и гривы, длинные и роскошные, какъ коса андалузской женщины. Неизбѣжный въ испанскомъ пейзажѣ пастухъ со стадомъ; крестьянинъ, сидящій на высокомъ сѣдлѣ совершенно арабскаго устройства, подъ которымъ совершенно почти исчезаетъ маленькій иноходецъ... Яркобѣлѣющія, низенькія лачуги деревень и высоко надъ ними чернѣющіе кипарисы... И далеко на горизонтѣ, чуть сверкающіе на горизонтѣ, исчезающіе въ голубоватыхъ лучахъ зубцы Сьерра-Невады. Все это очень красиво, и тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ болѣе всматриваешься въ него. Но нѣтъ ничего поражающаго, нѣтъ тѣхъ ошарашивающихъ эфектовъ, того экзотическаго впечатлѣнія, которыхъ неизвѣстно почему ожидаешь отъ этихъ звучныхъ именъ, которыя дѣйствительно встрѣчаются дальше къ югу, или на восточномъ берегу, гдѣ ослѣпительно сверкаютъ на африканскомъ небѣ снѣжные зубцы Невады, гдѣ море плещется о развалины мавританскихъ дворцовъ и замковъ, гдѣ пальмы, дикая оливка и свѣчко-образное алоэ не прикрываютъ африканской наготы раскаленной почвы...

Сьерра-Морена, безплодная и обрывистая съ сѣверной своей стороны, къ югу спускается рядами постепенно понижающихся, отлогихъ холмовъ, которые тѣмъ сплошнѣе покрываются роскошною растительностью, чѣмъ ближе къ долинѣ Гвадалквивира. Эти нижніе холмы самое блаженное мѣсто во всей Андалузіи, которую всю, по отношенію къ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, можно раздѣлить на три пояса: холмистый, низьменный и приморски-скалистый. Безмѣрно щедрѣе Каталоніи надѣлена природою эта холмистая полоса Андалузіи, гдѣ земля, почти не нуждаясь въ удобреніи, вознаграждаетъ за самый умѣренный и сравнительно легкій трудъ съ истинно-филантропическою расточительностью. Климатъ здѣсь по преимуществу умѣренный и здоровый, благодаря близости снѣговъ, почти никогда несходящихъ съ главнаго кряжа Сьерра-Морены. Продукты почвы всѣ безъ исключенія превосходнаго качества и крайне разнообразны. Въ нѣдрахъ земли здѣсь скрывается

не меньше богатствъ, чѣмъ и на поверхности ея. По крайней-мѣрѣ, мѣстные изслѣдователи и иностранные путешественники, интересовавшіеся этимъ дѣломъ, утверждаютъ, что всякаго рода рудники, эксплоатированные здѣсь еще финикіянами и потомъ обогощавшіе римскую казну, далеко не истощились. Только въ самое послѣднее время здѣсь снова принялись за дѣятельную ихъ разработку, которая однакоже не всегда даетъ удовлетворительные результаты. Однакоже, по послѣднимъ еще нельзя ничего заключить о богатствѣ страны, потому что разработка поставлена здѣсь въ крайне ненормальныя условія. Не говоря уже о правительственныхъ стѣсненіяхъ, о недостаткѣ въ порядочныхъ техникахъ и орудіяхъ производства, за дѣло принимаются люди несостоятельные во всѣхъ отношеніяхъ.

Эта первая или холмистая полоса Андалузіи единственное мѣсто на всемъ югѣ Испаніи, гдѣ преобладаетъ еще мелкая собственность, гдѣ земля воздѣлывается не наемнымъ, а личнымъ трудомъ своего владѣльца; а потому нечего и говорить, что здѣсь она воздѣлывается несравненно лучше нежели во владѣніяхъ мильонеровъ, герцоговъ и графовъ, изъ которыхъ большая часть, вѣроятно, и сами не знаютъ всего количества обладаемой ими земли. Во многихъ семействахъ (напримѣръ, въ семействѣ Оссуна, въ нѣсколькихъ фамиліяхъ герцоговъ Медина Сели и Медина Сидонія) количества эти дѣйствительно громадны. Несмотря на щедрость природы и на благопріятный основной строй экономическихъ отношеній въ холмистой Андалузіи, народонаселеніе здѣсь нетолько не возрастаетъ, но какъ-будто даже съ трудомъ удерживается на (приблизительно) одной и той же цифрѣ за все то небольшое количество лѣтъ, за которое имѣются сколько нибудь заслуживающія довѣрія статистическія цифры. Фабричная и заводская промышленность примѣтно падаетъ съ каждымъ годомъ или вовсе исчезаетъ, какъ исчезъ знаменитый конскій заводъ въ Алколеѣ, какъ ежегодно исчезаютъ еще и теперь суконныя и шолковыя фабрики. Уровень развитія крайне низокъ. О нравственности жителей ходятъ самые неблагопріятные слухи: обитатели южныхъ склоновъ Сьерра-Морены слывутъ за людей грубыхъ, недовѣрчивыхъ и злыхъ, и даже по наружности они, съ невыгодою для себя, отличаются отъ красивыхъ, щеголеватыхъ обитателей долины Гвадалквивира, гдѣ и низшіе классы народонаселенія нечужды нѣкотораго внѣшняго лоска цивилизаціи, имѣютъ смѣтливый, слегка лукавый видъ и прельщаютъ мягкостью своего обращенія.

Низменная Андалузія, то-есть Гвадалквивирская долина, въ плодородіи не уступаетъ южнымъ склонамъ Сьерра-Морены, но

воздѣлана значительно хуже, вслѣдствіе указанныхъ уже выше причинъ, а потому производительность въ ней слабѣе. Климатъ здѣсь, хотя и не выходитъ изъ разряда южныхъ умѣренныхъ климатовъ, бываетъ однакоже невыносимо зноенъ и, особливо по берегамъ, производитъ упорныя и мучительныя лихорадки. Подробнѣе объ условіяхъ быта этой полосы Андалузіи я намѣренъ поговорить съ вами изъ Севильи, которая служитъ ей административнымъ центромъ.

Береговая Андалузія представляется клочкомъ Африки, по ошибкѣ отчисленнымъ къ Европѣ. Климатъ здѣсь уже вполнѣ знойный и обладаетъ способностью вызывать въ непривычномъ къ нему человѣкѣ сладостную истому, могущую, говорятъ, довести до могилы. Почва этой полосы состоитъ преимущественно изъ прибрежныхъ скалъ, изожженныхъ солнцемъ и почти безплодныхъ. Нѣсколько ближе къ низменной полосѣ, невоздѣланныя мѣстности покрыты мелкими пальмами. Съ успѣхомъ здѣсь воздѣлывается одинъ только виноградъ и вина этой мѣстности пользуются достаточною извѣстностью во всей Европѣ.

«Алколея!» заговорили въ вагонѣ, и всѣ бросились смотрѣть въ окно. Офицеромъ овладѣло особенное волненіе. Онъ принялся разсказывать, пояснять и указывать...

У подножья горъ виднѣлся, почти исчезая въ густой растительности, старый каменный мостъ черезъ Гвадалквивиръ; а на берегу рѣки тоже исчезали въ зелени десятка полтора низенькихъ домиковъ, построенныхъ изъ бѣлаго известняка. Въ нихъ поражало только черезчуръ малое количество оконъ, приближавшее ихъ къ арабскимъ постройкамъ. Болѣе ничего не было на видъ заслуживающаго вниманія.

Это была Алколея, или точнѣе Ventas de Alcolea, совершенно ничтожная деревушка, и ближайшая къ Кордовѣ станція желѣзной дороги отъ Мадрида. Но едва за мѣсяцъ передъ моимъ проѣздомъ одна половина испанской арміи сразилась здѣсь съ другою ея половиною, ради того, что маршалъ Серрано, отличавшійся доселѣ преданностью королевѣ, нашелъ для себя убыточнымъ продолжать по этому пути; а генералъ Новаличесъ, пользовавшійся весьма либеральною и чуть что не мятежническою репутаціею, сообразилъ очень быстро всѣ шансы, которые онъ имѣлъ на то, чтобы занять весьма выгодное мѣсто главы консерватизма и опоры вѣчно колеблющагося испанскаго престола. Конечно, такой ничтожной причины было бы совершенно недостаточно, чтобы заставить сотни тысячъ людей истреблять

своихъ соотечественниковъ, сослуживцевъ и часто даже ближайшихъ родственниковъ. Но сосредоточенность, какъ извѣстно, составляетъ отличительную черту испанскаго нрава. «Quand je nage — je nage», говоритъ про себя гасконецъ, а гасконецъ есть не что иное, какъ французскій испанецъ. Испанецъ не французскій долженъ сказать про себя съ такою же простотою: «когда я служу — я служу». И дѣйствительно, разъ надѣлъ онъ на себя военный мундиръ, онъ уже не знаетъ никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ мундира и военной службы. Военная же служба имѣетъ, какъ извѣстно, двоякій интересъ: защиту отечества и производство въ слѣдующій чинъ. Для защиты отечества мало еще одной доброй воли защищать его: необходимы враги, которые бы такъ или иначе угрожали отечеству; а таковыхъ Испанія, послѣ послѣдняго похода въ Марокко, рѣшительно не знала гдѣ найдти. Ею никто не занимался, никто не думалъ о ней, кромѣ марокскаго императора, который думалъ, что она непобѣдима. При такихъ обстоятельствахъ оставался единственный интересъ — производство въ слѣдующій чинъ. Правда, оно шло бы само собою, но стѣсненное такъ сказать условіями времени. Для того, чтобы ускорить этотъ естественный ходъ событій, испанское воинство давно уже изобрѣло pronunciamientos, то-есть возстаніе въ ту или другую сторону. Средство дѣйствительно оказывалось отличное: вопервыхъ, всякое pronunciamiento непремѣнно совершается въ пользу кого нибудь, и этотъ кто нибудь будетъ раздавать производство и награды тѣмъ, которые пріймутъ его сторону; вовторыхъ, тѣ, которые не пріймутъ его стороны, получатъ точно такія же повышенія и награды. За тѣмъ произойдетъ сраженіе, то-есть представится удобный случай получить еще добавочные чины и награды за отличіе. Если побѣжденныхъ окажется мало, то ихъ разстрѣляютъ или разошлютъ на разные острова, представляющіе равное для всѣхъ удобство умереть отъ разнообразныхъ злокачественныхъ болѣзней; но если побѣжденныхъ будетъ такое количество, что ихъ нельзя выкинуть изъ рядовъ доблестнаго испанскаго воинства, не ослабивъ чувствительнымъ образомъ численной его силы, то побѣдитель неизбѣжно признаетъ всѣ награды, розданныя его противникомъ, и пожалуй раздастъ еще новыя подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ: «доблесть-де всегда доблесть и въ военномъ человѣкѣ должна быть вознаграждаема», или же (какъ это и случилось въ настоящемъ случаѣ): «не должно-де увѣковѣчивать память о такомъ печальномъ событіи,

какъ раздвоеніе испанскаго воинства, а потому слѣдуетъ наградить всѣхъ, чтобы никому не было завидно.

Я имѣлъ порученіе сдѣлать съ натуры рисунокъ алколейскаго поля битвы, и для этого хотѣлъ, не доѣзжая до Кордовы, выйдти на станціи въ Алколеѣ. Планъ этотъ оказался неосуществимъ: пришлось бы пробыть въ деревнѣ ровно двадцать-четыре часа, а въ ней не было ничего похожаго на постоялый дворъ или трактиръ... Мы проѣхали мимо. Алколея скоро исчезла изъ глазъ, а черезъ четверть часа поѣздъ громоздко вкатился подъ навѣсъ кордуанскаго дебаркадера...

Низкія длинныя стѣны, ярко сверкающія своею известковою бѣлизною, дома почти непохожіе на человѣческія жилища, улицы до того узкія, что три человѣка не вездѣ могли бы пройдти безпрепятственно въ рядъ, темное синее небо и на немъ стройные силуэты похожихъ на минареты башенъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего, среди этой арабской деревни, зданія, совершенно похожія на наши присутственныя мѣста въ неказистыхъ губернскихъ городахъ, — такою предстала намъ Кордова, нѣкогда бывшая столицею самостоятельнаго богатаго царства, служившая центромъ просвѣщенія. Было время, увѣряетъ народное преданіе, когда въ Кордовѣ числилось до двухсотъ тысячъ домовъ, восемьдесятъ тысячъ дворцовъ и девятьсотъ бань. Двѣнадцать тысячъ деревень составляли ея предмѣстія. Теперь въ ней всего 42,000 жителей, живущихъ неизвѣстно чѣмъ и для чего въ безформенныхъ лачугахъ, выросшихъ, словно лишаи или грибы, на развалинахъ былаго величія.

Про Кордову говорятъ, что вся она, отъ начала до конца, представляетъ собою великолѣпнѣйшій музей древностей, и притомъ древностей самыхъ разнообразныхъ. Какъ очень немногія изъ швейцарскихъ горъ, она представляетъ даже для неантикварія тотъ интересъ, что здѣсь вы безъ труда можете прослѣдить весь послѣдовательный процессъ ея формированія, такъ-сказать всѣ ея историческія формаціи. Заимствую слѣдующее ея описаніе à vol d'oiseau изъ испанскаго автора, Д. Педро де-Мадразо *:

«Взойдемте на башню собора и бросимъ бѣглый взглядъ кругомъ. — У вашихъ ногъ гигантскій храмъ (*la Mesquita*, — мечеть, капитальная достопримѣчательность Кордовы); передъ вами красиво стелется свѣтлая гладь Гвадалквивира; направо

* Recuerdos y Bellezas de Espana»...

печальные остатки когда-то пышныхъ дворцовъ; налѣво разнородное скопище зданій всѣхъ временъ, перерѣзанное посрединѣ широкою улицею, еще болѣе расширяющеюся то здѣсь, то тамъ, образцы площади и площадки, гдѣ печально красуются изувѣченные остатки башень. Это единственная широкая улица, calle da la Feria, — нѣкогда главная артерія промышленности и торговли древней Кордовы, теперь едва выказываетъ чуть примѣтные признаки жизненнаго движенія.

«Среди этого неправильнаго скопища человѣческихъ жилищъ, перерѣзаннаго безо всякой симетріи жалкими и кривыми улицами и закоулками, скрываются запустѣлые домы, вполнѣ заслуживающіе названія дворцовъ. Изящные портики временъ возрожденія, стройныя арабскія окна, высокія, кружевныя галереи, какъ бы висящія въ воздухѣ, украшаютъ собою зданія, реставрированныя съ варварскою простотою. Въ ветхихъ стѣнахъ жалкихъ лачужекъ вы встрѣчаете то коринѳскую капитель, которою подперли готовый развалиться сводъ; тамъ обломокъ гранитной колонны лежитъ въ качествѣ порога, а пьедесталъ римской статуи служитъ скамейкою для сидѣнія, несмотря на надписи, несомнѣнно свидѣтельствующія о древнемъ его происхожденіи... Тамъ статуя какого-нибудь святаго стоитъ среди развалинъ мавританской базилики. Тамъ красуется башня, носящая на себѣ слѣды всѣхъ вліяній, которымъ въ разныя времена подчинялся этотъ городъ, начиная съ римскихъ временъ...

«Позади васъ, змѣятся извилистыя улицы верхней части города. Арабское владычество построило тамъ семьсотъ мечетей съ ихъ стройными минаретами, множество рынковъ и базаровъ, фабрикъ, мастерскихъ, которыхъ теперь не отыскиваются даже и слѣды. Куда бы вы ни взглянули, вы увидите фасады безъ зданій, поростающіе мхомъ и низкою мальвою; выбитыя окна, гдѣ ищутъ себѣ пріюта ночныя птицы; покинутые монастыри и церкви; площади, заросшія травою; рынки, на которыхъ ничего не продаютъ и не покупаютъ; улицы, по которымъ никто не ходитъ; мастерскія, гдѣ никто не работаетъ, и наконецъ скудное, ничтожное народонаселеніе, нищенски влачащее свой жалкій вѣкъ въ бездѣйствіи и равнодушіи ко всему...

«Стѣны, еще окружающія городъ, и многочисленныя ихъ башни, четырехугольныя, восьмигранныя и цилиндрическія, носятъ на себѣ печать многихъ вѣковъ и разныхъ народовъ; ихъ строили сперва саррацины, потомъ достроивали и передѣлывали христіане; на городскихъ воротахъ, носящихъ имя Альмодоваръ, можно явственно отличить часть, построенную арабами, отъ дальнѣйшихъ пристроекъ и передѣлокъ...»

«Новая Кордова — говоритъ тотъ же авторъ — драпируется съ достоинствомъ въ эти лохмотья римской тоги, мусульманскаго *тираза* и испанской кольчуги. Она живетъ среди этихъ геральдическихъ достопримѣчательностей, спокойно ожидая, пока она разсыпется прахомъ. Она не думаетъ водворить новую цивилизацію на монументальныхъ развалинахъ своего прошлаго... И это Кордова, величественная колыбель Лукана и Сенеки, Аверроэса, святаго Евлогія, Хуана-де-Мена, доблестнаго воина, Моралеса, историка, Гонгорры, Сеспедеса и друг...»

Общее впечатлѣніе, производимое видомъ этихъ развалинъ, почему-то носящихъ еще названіе города и содержащихъ въ себѣ сорока-тысячное населеніе (которое, впрочемъ, сокращается весьма примѣтно изъ года въ годъ), не лишено, можетъ быть, своего рода красоты, но оно далеко неотрадное. Передъ вами словно окаменѣлое поле сраженія съ неприбранными трупами. На первый взглядъ кажется, какъ-будто всѣ разнохарактерные элементы, участвовавшіе въ созданіи этого страннаго цѣлаго, ничего другаго не дѣлали, какъ только взаимно истребляли другъ друга съ непонятнымъ остервенѣніемъ. Послѣдній побѣдитель, истребивъ своего предшественника, какъ будто покончилъ свою задачу и спокойно теперь доживаетъ ненужный вѣкъ, ожидая, пока всѣ эти памятники былаго окончательно развалятся и засыплютъ его своею вѣковою пылью. Конечно, такое впечатлѣніе не совсѣмъ исторически вѣрно. Вглядѣвшись ближе въ развалины города, вы скоро запримѣтите несомнѣнныя доказательства тому, что не всѣ здѣсь боролись ради дилетантизма борьбы или ради чуждыхъ намъ фанатическихъ интересовъ. Углубляясь въ самый городъ и знакомясь ближе съ его развалинами, вы найдете много случаевъ удивляться величію, широтѣ размѣровъ, и часто даже человѣчности направленія того движенія, которое кипѣло здѣсь при маврахъ. Но позднѣйшій побѣдитель такъ усиленно старался истребить всѣ слѣды этого движенія, что они уже не бросятся вамъ въ глаза, ихъ надо здѣсь искать и выслѣживать, помогая себѣ историческими воспоминаніями...

Возьмемъ образецъ кордуанскихъ достопримѣчательностей...

Изъ двухъ Алькасаровъ, которыми обладаетъ Кордова, старый (Alcasar Viejo), мавританскій, не привлечетъ къ себѣ вашего вниманія; надо, чтобы вамъ указалъ его опытный чичероне. «Alcasar nuevo», построенный королемъ Альфонсомъ XI, сохранился лучше. Въ виду большаго поля, носящаго названіе Campo-Santo, не потому чтобы оно когда-нибудь было кладбищемъ, а потому что на немъ арабы мученически избивали хри-

стіанъ, красуется это зданіе въ неизящномъ мавританскомъ стилѣ, служившее резиденціею инквизиціоннаго судилища. Пыткою вѣетъ отъ его сырыхъ, полуслѣпыхъ стѣнъ, а близость Campo-Santo говоритъ о кровавомъ возмездіи. — Теперь здѣсь тюрьма, почти всегда наполненная бандитами со Сьерра-Морены. — Мнѣ этотъ Алькасаръ рисуется какимъ-то архитектурнымъ пятымъ актомъ разыгравшейся здѣсь драмы. Его современное назначеніе — какой-то пошлый мѣщанскій эпилогъ. Прибавьте къ нему нѣсколько варварски-уродливыхъ изваяній католическихъ святыхъ: вотъ и все, что̀ умѣлъ создать здѣсь послѣдній побѣдитель, очевидно, исчерпавшій на этомъ свою творческую силу. Не ищите здѣсь никакихъ общественныхъ зданій, ратуши или школъ, музея или театра. Ничего этого нѣтъ. Даже Plaza de toros, необходимая принадлежность всякаго испанскаго, а кольми паче андалузскаго города, здѣсь похожа на большой, выбѣленный известью хлѣвъ. Обязательная оффиціальная жизнь города гнѣздится кое-какъ, отчасти въ старыхъ развалинахъ, отчасти во вновь выстроенныхъ казармахъ мизернаго казеннаго вида. Есть здѣсь, правда, епископальный дворецъ, передѣланный окончательно въ половинѣ прошлаго столѣтія изъ стариннаго мавританскаго зданія. Снаружи онъ производитъ тоже очень жалкое впечатлѣніе; но внутри его накоплены всякаго рода сокровища, начиная съ драгоцѣнныхъ мраморныхъ и порфировыхъ лѣстницъ и орнаментовъ, расхищенныхъ изъ мавританскихъ дворцовъ, и кончая библіотекою, заключающею въ себѣ до 15,000 томовъ, и коллекціею портретовъ всѣхъ кордуанскихъ епископовъ. Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ замѣчательныя произведенія лучшихъ испанскихъ и иностранныхъ мастеровъ.

Когда изъ-подъ солнечнаго припека, изъ темныхъ, узкихъ корридоровъ межь двухъ выбѣленныхъ стѣнъ (эти корридоры здѣсь называются улицами) вы войдете въ ворота гостиницы (замѣчу, что во всемъ городѣ ихъ двѣ: одна швейцарская и одна итальянская), вами овладѣваетъ весьма сладостное ощущеніе отрады и покоя. «El patio» — внутренній четырехугольный дворикъ, встрѣчающійся во всѣхъ андалузскихъ домахъ—пріятно поражаетъ простотою, изяществомъ, прохладой. По сторонамъ низкіе мавританскіе своды на низкихъ безхитростныхъ колоннахъ изъ бѣлаго алебастра; двухцвѣтный мраморный полъ наподобіе шахматной доски уставленъ апельсинами, олеандрами или маленькими пальмами въ большихъ кадкахъ изъ порозной глины. Посрединѣ фонтанъ, или просто бассейнъ воды съ играющими въ немъ золотыми рыбками. Подъ сводами низкіе ди-

ваны, выточенные изъ дерева, и на низкихъ многогранныхъ столикахъ стоятъ *las alcantaras*: изящные графины, незатѣйливо вылѣпленные изъ рыжеватой глины, имѣющіе драгоцѣнную способность поддерживать (черезъ испареніе) низкую температуру наполняющей ихъ воды... Не суетится прислуга въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ гастухахъ; а степенно дремлетъ на одномъ изъ дивановъ черноусый, приземистый итальянецъ во фланелевомъ пиджакѣ, вслѣдствіе долгаго пребыванія здѣсь успѣвшій усвоить себѣ не только фаталистическое міросозерцаніе, но даже и тараканій видъ мѣстнаго жителя... Здѣсь онъ властелинъ, и не боится даже вѣчнаго своего соперника въ Испаніи, мѣшковатаго швейцарца, такъ-какъ здѣсь, для того, чтобы удовлетворить самымъ ограниченнымъ и законнымъ требованіямъ иностранцевъ, нужна артистическая душа. Съ тѣхъ поръ, какъ гостиница, заведенная въ Кордовѣ гризонскими швейцарцами, обогатившимися въ Севильѣ и навезшими-было сюда своихъ Vetter'овъ и Schwager'овъ, которыхъ, однакоже, скоро надо было выпроводить, ибо они вдругъ рѣшительно отупѣли съ тоски по родинѣ и неподходящихъ имъ условій жизни... съ тѣхъ поръ, говорю я, какъ *la Fonda Sniza* (швейцарская гостиница) добровольно отдалась въ руки итальянцевъ, эти послѣдніе мгновенно усвоили себѣ нѣсколько презрительное отношеніе ко всему: неизбѣжный результатъ сознанія своей силы. За то смѣло обращайтесь къ нему съ вашими требованіями, и онъ развѣ только птичьяго молока не достанетъ вамъ. Онъ можетъ достать въ Кордовѣ даже извощичью карету! Должно замѣтить, однакоже, что сей послѣдній инструментъ въ Кордовѣ совершенно излишняя роскошь, и на проѣздъ куда бы то ни было въ экипажѣ понадобится втрое больше времени, нежели сколько нужно, чтобы добраться туда пѣшкомъ. На большія прогулки можно довольно дешево достать поарабски засѣдланную верховую лошадь, несмотря на разбитыя ноги обладающую истинно-андалузскимъ жаромъ и способностью бѣжать какимъ-то особеннымъ аллюромъ, среднимъ между галопомъ, иноходью и морскою качкою. Безъ всякаго увеличенія издержекъ съ вашей стороны, за вами всю дорогу будетъ гнаться цѣлая ватага мальчишекъ, ободряя вашу лошадь дикими криками, съ трудомъ излетающими изъ ихъ усталыхъ, запыхавшихся устъ... Едва мы показались на улицѣ подлѣ отеля, насъ тотчасъ же окружила точно такая юная ватага, каждый членъ которой настойчиво требовалъ для себя прибыльной чести вести насъ въ Мескиту. Идти со всею этою шумною когортою нечего было и думать, потому что съ первыхъ минутъ го-

лова уже начинала трещать и кружиться отъ ихъ назойливыхъ криковъ и суетни. Выбрать одного или двухъ было тоже нелегкимъ дѣломъ, потому что, едва вы обращали вниманіе на одного, всѣ другіе тотчасъ же накидывались на него, всѣми силами старались оттолкнуть его подальше, не щадя тумаковъ и стараясь увѣрить васъ, что вашъ избранникъ обладаетъ всѣми гнуснѣйшими качествами и пороками, что онъ «muy felon», «perro quisas y no un chiquito» («можетъ быть, собака, но не мальчикъ») и т. п. Чтобы избѣжать напасти, оставался единственный путь національной классической *mucha calma*, то-есть степенно продолжать свое шествіе и играть роль непоколебимаго утеса, о который устанетъ же, наконецъ, безполезно плескаться это шумное море черно-кудрыхъ маленькихъ андалузовъ. Колсосальная Мескита, совершенно недостопримѣчательная снаружи, была видна за массою приземистыхъ домиковъ, но мы дѣлали видъ, будто отправлялись вовсе не туда, и повернули въ первый попавшійся закоулокъ. Маневръ этотъ привелъ къ блистательнымъ результатамъ. Мальчишки мало-по-малу отстали, за исключеніемъ двухъ. Востроглазый мальчишка лѣтъ 12-ти, съ большими цыганскими глазами, лукаво на насъ поглядывая, всѣми силами старался обратить на себя наше вниманіе и дать замѣтить, что онъ понялъ нашу уловку и не намѣренъ насъ покинуть. За нимъ тяжело выступалъ запыхавшійся рыжій мальчуганъ, недовѣрчиво поглядывавшій и на насъ, и на своего сотоварища. Послѣдній дѣйствительно старался его выпроводить, и отъ времени до времени награждалъ тумакомъ и ругательствами...

— Сеньорито, рѣшился, наконецъ, заговорить востроглазый: — неугодно ли вамъ *un cigarillo* (папироску)?

— Нѣтъ, спасибо. Вы видите, я курю.

— Гм... да, вижу. Такъ не дадите ли вы мнѣ покурить?

И онъ лукаво усмѣхнулся, широко раскрывая полныя свои губы, причемъ глаза его такъ и заметали искры.

— Постойте, сеньоритосъ, подождите!...

— Что̀?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего. Вы вѣдь не въ Мескиту идете... А здѣсь бы налѣво повернуть... Оно и тамъ обойти можно, но только тамъ съ полчаса идти прійдется, и по солнцу... Ну, да вамъ все равно, вы вѣдь не въ Мескиту идете...

И онъ опять беззвучно засмѣялся заискрившимися глазами и красивымъ ртомъ...

Мы повернули по указанному направленію, и онъ, убѣдив-

шись, что, такъ-сказать, офиціально вступаетъ въ права чичероне, совершенно просіялъ.

Всю дорогу онъ перечислялъ намъ свои достоинства, какъ проводника, и свои преимущества надъ рыжимъ, который неотвязно слѣдовалъ за нами съ видомъ какой-то мрачной рѣшимости. Черноглазый хвастался тѣмъ, что онъ очень хорошо изучилъ нравы и обычаи иностранцевъ, которыхъ онъ вообще называлъ французами, но дѣлилъ на двѣ категоріи. Первую изъ нихъ составляли такіе французы, какъ тѣ, которые желѣзныя дороги строятъ и говорятъ: «on, hen, moussou»... Вторую категорію составляли франзузы рыжіе, и носящіе всегда съ собою красныя книги. Они говорятъ такъ, что ничего понять нельзя, «como pojaros» (какъ птицы), за то всѣ богатые, и много даютъ на водку. Они еще иначе называются, но какъ именно—этого юный нашъ чичероне не могъ припомнить.

— Ingleses, подсказалъ я ему.

— Нѣтъ, не Ingles. Тѣхъ я знаю. Ingles у насъ есть донъ-Гульельмо, сапожникъ, такъ онъ совсѣмъ не такой. Онъ и небогатъ, и говоритъ совершенно по нашему, только все какъ будто присвистываетъ немного...

Но если въ этой неспособности понять, что бѣдный англійскій сапожникъ, двадцать лѣтъ, или болѣе проживающій въ Кордовѣ и научившійся хорошо говорить поиспански, можетъ принадлежать къ одной націи съ богатыми англійскими туристами, нашъ проводникъ выказалъ черезчуръ ребяческую наивность, за то во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ оказался развитъ не по лѣтамъ, судя по скоромнымъ предложеніямъ, которыя дѣлалъ онъ намъ подъ священными сводами михраба (мусульманское святилище, сохраненное въ кордуанской Мескитѣ, и отдѣланное съ чрезвычайною роскошью и изяществомъ).

La Mesquita, или кордуанская мечеть, принадлежитъ, въ самомъ дѣлѣ, къ наиболѣе замѣчательнымъ изъ архитектурныхъ чудесъ, которыя мнѣ когда либо случалось видѣть. «Здѣсь вы чувствуете себя скорѣе въ мраморномъ лѣсу, нежели въ зданіи — говоритъ о ней Теофиль Готье: — куда бы ни взглянули, повсюду ваши взоры теряются въ безконечныхъ рядахъ колоннъ, тянущихся по всѣмъ направленіямъ и похожихъ на мраморную растительность, внезапно выросшую изъ-подъ земли». Колонны эти невысоки (не болѣе трехъ метровъ), и сдѣланы изъ разноцвѣтнаго мрамора, порфира, яшмы и другихъ дорогихъ камней. Я, впрочемъ, не надѣюсь дать вамъ хотя бы тѣнь понять объ этомъ, почти волшебномъ сочетаніи мраморныхъ кружевъ и стройныхъ, какъ пальмы, колоннъ, пестрыхъ

мозаикъ, разныхъ украшеній изъ кипарисоваго дерева и всѣхъ другихъ чудесъ, сохранившихся до настоящаго времени. Говорить же о тѣхъ чудесахъ, которыя могли бы здѣсь быть, еслибы ихъ не расхитили послѣдніе завоеватели (какъ это случилось, напримѣръ, съ золотыми украшеніями дверей и сѣней михраба), было бы ужь совершенно некстати. Ограничусь замѣчаніемъ, что дѣйствительное впечатлѣніе здѣсь превосходитъ ожиданіе, что роскошь и богатство матеріала не затмѣваютъ художественной красоты зданія, а только ярче заставляютъ выступать на видъ достоинства выполненія.

La Mesquita—какъ и вся Кордова—перетерпѣла цѣлый рядъ послѣдовательныхъ превращеній. Первоначально это былъ римскій храмъ, посвященный Янусу и носившій имя императора Августа. Затѣмъ храмъ этотъ преобразился въ христіанскую церковь святаго Георгія, при которой былъ учрежденъ особый рыцарскій орденъ съ цѣлью обращенія аріянъ къ лону римской ортодоксіи. Когда Абдъ-эр-Рахманъ объявилъ себя независимымъ отъ дамасскаго халифата, то, желая въ память этого событія воздвигнуть храмъ, который бы превосходилъ своимъ великолѣпіемъ все, что̀ уже существовало архитектурныхъ чудесъ въ восточномъ халифатѣ, онъ приказалъ снести съ лица земли церковь св. Георгія, и на ея мѣстѣ основалъ мечеть (въ 770 г.). Благодаря большому количеству христіанскихъ плѣнниковъ и рабовъ, работа шла съ замѣчательною быстротою, и въ 795 г., при сынѣ Абдъ-эр-Рахмана, Гиксемѣ, чудное зданіе было уже совершенно окончено.

Эта метаморфоза Янусова храма въ мусульманскую мечеть длилась четыреста-сорокъ лѣтъ. Слишкомъ шестьсотъ лѣтъ прошло теперь съ тѣхъ поръ, какъ король Фердинандъ Святой, отнявъ Кордову у арабовъ (29-го іюня 1236 г.), достодолжнымъ образомъ очистивъ и освятивъ абдеррахманову мечеть, преобразилъ ее снова въ христіанскій храмъ и посвятилъ Успенію Божьей Матери. Однакоже, мечеть и до сихъ поръ осталась мечетью, *nomine ed effectu:* переобразиться соотвѣтственно новому назначенію (какъ преобразилъ Абдъ-эр-Рахманъ въ Аллахову мечеть католическую церковь св. Георгія) побѣдитель не могъ, у него не хватило творчества. Не уваженіе къ великолѣпію мавританскаго памятника удержало испанцевъ отъ попытки подобныхъ преобразованій. Совершенно напротивъ: варварская рука побѣдителей безцеремонно коснулась всего, вездѣ съумѣла что-нибудь разрушить, расхитить или испортить, не стѣсняясь никакими соображеніями. Но и въ этомъ дѣлѣ порчи и разрушенія побѣдители, сильные исключительно матеріаль-

ною силою, оказались слишкомъ мелкими и ничтожными въ сравненіи съ тѣми, чье мѣсто заступали здѣсь они...

La Mesquita—самый замѣчательный памятникъ мавританскаго величія въ Кордовѣ; но много есть и другихъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія. Небезъинтересны развалины арабскихъ бань, остатки сада халифовъ. Всѣ эти памятники, болѣе или менѣе теперь разрушенные и обращенные въ ничтожество, носятъ на себѣ отпечатокъ монументальной роскоши и эстетическаго наслажденія жизнью, заставляющій еще рѣзче выступать сонливую пустоту современной жизни въ этомъ щедро одаренномъ природою краѣ. Но — каюсь — всѣ эти великолѣпія ни на мигъ не пробудили во мнѣ сожалѣнія о томъ, что погибла породившая ихъ цивилизація.

Жизнь арабскихъ халифатовъ въ Испаніи сложилась при довольно исключительныхъ условіяхъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ и недопускающихъ примѣненія къ ней тѣхъ обыкновенныхъ мѣрокъ, которыми мы совершенно вправѣ измѣрять жизнь и развитіе другихъ государствъ и обществъ. Гонимые неприютностью своей родины и жаромъ религіозной пропаганды, эти сыны пустыни добрались до одного изъ блаженнѣйшихъ уголковъ земнаго шара, населеннаго жалкими рабами мелкихъ феодаловъ, которые даже въ минуту самой грозной опасности не умѣли соединить противъ общаго врага свои разрозненныя силы. Раздавивъ этихъ ничтожныхъ противниковъ и овладѣвъ ихъ страною, они обращаютъ ее очень скоро въ рай земной, дѣлаютъ изъ нея не только сказочно-роскошный садъ и дворецъ для своихъ халифовъ, но и богатую житницу, дѣятельную мастерскую, пепиньерку просвѣщенія для всей Европы.

Величіе арабской цивилизаціи въ Испаніи выказывается не одною только постройкою волшебно-роскошныхъ дворцовъ и садовъ, а тѣмъ, что никто не умѣлъ такъ, какъ мавры, воспользоваться всѣми природными богатствами этой страны; удѣляя изъ нихъ львиную часть въ пользу немногихъ избранниковъ, цивилизація эта и для массъ оставляла, однако, такую долю благъ земныхъ, какою онѣ съ тѣхъ поръ никогда здѣсь не пользовались. Отрицательною ея стороною было отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ, которые были безжалостно обращены въ рабовъ. Неудивительно, что рано или поздно, эта сторона заявила наконецъ себя, и дѣйствительныя страданія научили этихъ людей тому, чему не могла научить грозившая опасность, такъ что они низвергли наконецъ зданіе, созданное ихъ потомъ и кровію подъ бичемъ мусульманина.

Въ угнетенномъ первое наиболѣе естественное и наиболѣе

законное желаніе — избавиться отъ гнета. Неудивительно, что угнетенные маврами испанскіе христіане отказываются отъ всякихъ свойственныхъ человѣку стремленій, отдаютъ себя какъ безотвѣтный сырой матеріалъ въ руки каждаго, кто берется выработать изъ нихъ военную машину на погибель и истребленіе ненавистныхъ враговъ. Мало по малу начинаютъ слагаться такія машины сперва въ небольшихъ размѣрахъ: это севильское, аррагонское и кастильское королевства. Затѣмъ, онѣ сливаются въ одну. Врагъ пораженъ, угнетенъ, уничтоженъ. Месть была ужасная и равна оскорбленію. Краснорѣчивъ, напримѣръ, хоть такой эпизодъ. Альмансоръ заставилъ христіанскихъ плѣнниковъ на собственныхъ своихъ плечахъ перенести колокола собора Сантьяго Компостельскаго изъ Галисіи въ Кордову. Король Фердинандъ Святой, найдя эти колокола въ кордуанской мечети, заставляетъ точно такимъ же порядкомъ плѣнныхъ мавровъ отнести ихъ обратно. Впрочемъ, все то, что̀ вытерпѣли мавры отъ испанцевъ уже въ послѣднее время гоненія, при Филиппахъ, достаточно краснорѣчиво само по себѣ, и по немъ можно отчасти заключить, какова должна была быть жестокость побѣдителей въ первое время побѣды, когда остервененіе еще не успѣло пройдти.

Такъ или иначе, національное освобожденіе совершено. Посмотримъ, легче ли отъ этого освобожденнымъ?

Оказывается, что освободители вовсе ненамѣрены разставаться съ чудовищною властью, неосмотрительно имъ врученною; оказывается, что они подъ освобожденіемъ разумѣли національное единство да торжество католицизма. Оказалось, что затѣмъ у освободителей не было инаго идеала, кромѣ войны и рабства, что имъ некуда далѣе вести предводительствуемый народъ, нечѣмъ расплачиваться съ нимъ за отнятую свободу. Тогда-то начинается отвратительное искусственное поддерживаніе этого безжизненнаго, вооруженнаго дисциплиною и іерархическимъ единствомъ автомата: войны безъ всякаго предлога, разбойничьи экспедиціи въ Америку, чудовищныя укрощенія Нидерландовъ, мародерскія вмѣшательства въ дѣла и войны всей Европы. А внутри систематическій гнетъ, систематическое развращеніе народа отнятіемъ у него всѣхъ средствъ къ честному труду, ожесточеніе его кровавыми зрѣлищами отъ *auto dafi* до бычачьихъ боевъ включительно. — Затѣмъ, когда наступила естественная пора разложенія, когда систематическая свирѣпость Филиппа II постепенно переходитъ въ дряхлый кровавый развратъ его внуковъ, и чудовищный организмъ не можетъ уже держаться самъ собою, — является услужливая поддержка извнѣ, отъ со-

сѣдей. Два раза Франція уже оказала Испаніи эту услугу: во время войны за наслѣдство и во время возстанія, начатаго на югѣ смѣлымъ капитаномъ Ріего противъ Фердинанда VII.

Нашествіе Наполеона является случайнымъ эпизодомъ въ этой мрачной драмѣ съ декораціей застѣнка, съ запахомъ жженаго человѣческаго тѣла. Эпизодъ этотъ однакоже показалъ, насколько закалился народный характеръ среди вѣковыхъ бѣдъ и угнетеній. Реставрированная династія не выдерживаетъ и пяти лѣтъ, падаетъ и снова реставрируется на этотъ разъ французами. Возстаніе это обозначаетъ собою эпоху въ жизни испанскаго народа: имъ въ первый разъ обозначается окончательный разрывъ между властью и народомъ. Съ тѣхъ поръ политическія декораціи мѣняются здѣсь съ баснословною быстротою. Новая война за наслѣдство (христиносы и карлисты) снова бросаетъ зародившееся движеніе въ толчею династическихъ интересовъ, но ненадолго. Провозглашеніемъ четырнадцатилѣтней дочери Фердинанда, нынѣшней эксъ-королевы, и либеральною диктатурою Эспартеро, окончательно водворяется въ Испаніи торжество революціонныхъ идей, заявленныхъ инсургентами 1820 г. Это въ испанской исторіи то, что̀ во Франціи достославный quatre vingt neuf. Характеръ власти существенно перерождается: начинается эпоха парламентаризма. А о томъ, во что перерождается парламентаризмъ, будучи перенесенъ на испанскую почву, я еще буду имѣть скоро случай сказать вамъ нѣсколько словъ.

Въ первую же ночь моего пребыванія въ Кордовѣ судьба доставила мнѣ случай быть очевидцемъ того, что̀ на здѣшнемъ политическомъ языкѣ называется *alberote* (мятежъ, вспышка, частное возстаніе).

Изъ разсказовъ офицера-бискайца въ вагонѣ между Мадридомъ и Кордовою, вы уже можете заключить, что здѣсь никто не придаетъ серьёзнаго значенія раздвоенію, вызванному въ испанскомъ войскѣ сентябрьскою революціей. Всѣхъ же менѣе, конечно, высшее начальство можетъ предполагать, чтобы всѣ офицеры (даже не говоря о солдатахъ), послѣдовавшіе за маршаломъ Серрано, были сколько-нибудь либералы по своимъ убѣжденіямъ, а тѣ, которые дрались подъ начальствомъ Новаличеса, были бы дѣйствительно преданы павшему порядку, или хотя бы только династіи. Для тѣхъ и для другихъ это было равно вопросъ дисциплины и частныхъ служебныхъ соображеній. Если высшее начальство поторопилось издать свой унификаціонный декретъ, то только потому, что здѣшніе правительствен-

но-революціонные нравы и обычаи обязываютъ его къ этому. Не уравняй временное правительство въ милостяхъ и наградахъ, оно бы дѣйствительно создало себѣ враговъ; но съ тѣхъ поръ, какъ декретъ изданъ, о прошломъ не может быть и рѣчи: всѣ ему друзья... впредь до новаго *pronuciamiento*.

Это общее правило, какъ и всѣ, допускаетъ однакоже исключенія, правда единственное. Въ испанскомъ войскѣ есть гусарскій эскадронъ (Users Pavia), во время алколейской битвы ненадѣлавшій особенныхъ чудесъ храбрости, но состоявшій подъ непосредственнымъ начальствомъ юнаго герцога Джирдженти, младшаго брата эксъ-короля неаполитанскаго, юнаго супруга одной изъ дочерей эксъ-королевы. Есть стрѣлковый батальонъ, все офицерство котораго, — точно также какъ и офицеры гусаръ Павія, — набраны ихъ юношей самыхъ аристократическихъ фамилій, воспитанныхъ во дворцѣ въ качествѣ пажей различныхъ особъ королевскаго дома. Эти офицеры весьма естественно не раздѣляютъ общаго политическаго индиферентизма испанскаго воинства. Временное правительство, при уравненіи наградъ, съ похвальнымъ безпристрастіемъ не обошло и ихъ своей милостью.

Оба вышепоименованные отряда квартировали въ это время въ Кордовѣ, гдѣ сошлись они, я не думаю, чтобы совсѣмъ случайно. Ждать серьезныхъ контръ-революціонныхъ попытокъ отъ ихъ офицеровъ, конечно, было нельзя; но легко можно было предвидѣть, что они, обладая довольно значительными деражными средствами, не упустятъ случая затѣять что-нибудь противъ еще неуспѣвшаго установиться порядка, хотя бы только въ размѣрахъ шалости и скандала. Въ Кордовѣ такія затѣи были немыслимы. Это такой пунктъ Испаніи, гдѣ подобный случай могъ всего труднѣе имъ представиться: городское народонаселеніе здѣсь ничтожно въ политическомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ; вѣчно томимое страхомъ передъ коммунистическими стремленіями мѣстнаго сельскаго народонаселенія, оно только и жаждетъ спокойствія и, конечно, не легко даетъ себя увлечь какими бы то ни было обѣщаніями этихъ великосвѣтскихъ шалуновъ. Что же касается сельскаго сословія, преобладающаго и здѣсь, какъ и во всей собственно Андалузіи, то оно несомнѣнно менѣе сельскихъ сословій всѣхъ другихъ частей Испаніи представляетъ элементовъ для династической контръ-революціи въ какихъ бы то ни было размѣрахъ. Кромѣ того, во всякомъ большомъ городѣ офицеры этихъ двухъ аристократическихъ отрядовъ находились бы въ

постоянномъ соприкосновеніи съ другими офицерами, изъ чего не замедлили бы возникнуть непріятныя коллизіи между ними.

Въ самый день нашего пріѣзда въ Кордову, гусарскіе офицеры, празднуя какую-то годовщину, давали обѣдъ стрѣлковымъ офицерамъ, за городомъ, въ чрезвычайно живописномъ мѣстѣ, называемомъ los Ermitas, и гдѣ дѣйствительно находится монастырь и нѣсколько отшельническихъ келій.

Это собраніе офицеровъ, извѣстныхъ своими династическими симпатіями, и монаховъ, которыхъ никто, конечно, никогда не подозрѣвалъ въ сочувствіи къ новому порядку вещей, возбудило еще съ самаго утра въ городѣ тревожные слухи. Безъ вѣдома властей, и даже безъ вѣдома немногочисленнаго и не особенно дѣятельнаго кордуанскаго революціоннаго комитета, отряды вооруженныхъ крестьянъ, находившіеся въ городѣ, къ вечеру значительно были усилены новыми пришельцами. Немногочисленный отрядъ «волонтеровъ свободы», составленный изъ немногихъ городскихъ работниковъ, собрался въ полномъ своемъ составѣ во временной казармѣ, и разсылалъ отъ себя патрули, чтобы слѣдить за пирующими офицерами.

Мы уже спали, когда подгулявшая ватага шумно возвратилась къ своимъ пенатамъ: большая часть ихъ квартировала въ одной съ нами гостиницѣ. Только что смолкъ стукъ ихъ сабель и бряцанья шпоръ по каменнымъ лѣстницамъ, какъ говоръ нѣсколькихъ сотъ голосовъ у самыхъ нашихъ оконъ, затѣмъ гулъ внезапно захлопнутой тяжелой чугунной двери, закрывавшей входъ во внутреннія комнаты гостиницы, заставили насъ подняться и выдти на балконъ.

Весь «Patio» или внутренній дворикъ гостиницы, былъ полонъ народомъ, съ ружьями и фонарями. Управляющій гостиницею итальянецъ, въ самомъ сильномъ волненіи и въ отчаянномъ ночномъ неглиже, задыхаясь повторялъ:

— Caballeros, yo no puedo (я не могу). Это совсѣмъ не мое дѣло, я не могу...

Пять человѣкъ въ курткахъ и андалузскихъ шляпахъ, съ ружьями и патронташами, были непосредственными его собесѣдниками. Черноусый чичероне стоялъ тутъ же съ обычнымъ своимъ сонно-презрительнымъ видомъ и держалъ высокій мѣдный свѣтильникъ. Человѣкъ тридцать вооруженныхъ гражданъ и поселянъ, наполнявшіе Patio и ворота гостиницы, составляли хоръ.

Насколько можно было понять изъ очень явственно-долетавшихъ до нашего слуха отдѣльныхъ и неполныхъ фразъ, толпа требовала выдачи офицеровъ, желая ихъ разстрѣлять, за то,

что они возвращались съ криками: «Viva Isabel II, abajo la revolucion! Muerte a Prim y Serrano». Все происходило, впрочемъ, съ надлежащею «mucha calma». Ни одного грубаго слова не было сказано хозяину гостиницы, героически отстаивавшему своихъ жильцовъ. Даже ни одинъ горшокъ съ цвѣтами и деревьями, которыхъ множество вокругъ бассейна, не былъ поваленъ.

Вдругъ толпа заколыхалась, почтительно разступаясь.

— El Comitato! (комитетъ), заговорили всѣ.

Появилось нѣсколько человѣкъ въ плащахъ и джентльменскихъ черныхъ шляпахъ. Мнѣ удалось разсмотрѣть смуглое, немолодое лицо только одного изъ нихъ съ сѣдоватою черною бородою. Начались совѣщанія и переговоры, ровнымъ, тихимъ голосомъ, такъ что съ нашего балкона мы съ трудомъ различали отдѣльныя слова... Одинъ изъ вошедшихъ взлѣзъ на диванъ и сталъ говорить длинный спичъ. Онъ говорилъ о законности, о необходимости для кордуанскаго народонаселенія доказать остальной Испаніи и Европѣ, что оно дозрѣло до сознательнаго уваженія къ своимъ правамъ, къ Soberania nacional, столь достославно имъ завоеванной. Въ заключеніе, онъ объявилъ, что о случившемся тотчасъ же будетъ телеграфировано временному правительству и съ мятежными офицерами будетъ поступлено такъ, какъ оно укажетъ... При громкомъ взрывѣ аплодисментовъ, онъ сошелъ со своей импровизированной каѳедры, сталъ распоряжаться въ толпѣ, приказалъ поставить у дверей караулы; остальныхъ же пригласилъ слѣдовать за собою на площадь Донъ-Херонимо-Пассъ для дальнѣйшихъ обсужденій и распоряженій.

Утромъ, сойдя внизъ, я нашелъ черноусаго итальянца, по обыкновенію полудремлющаго на диванѣ Patio. Никакихъ слѣдовъ ночной тревоги запримѣтить было невозможно.

— Ну, что. Чѣмъ кончилось? Гдѣ офицеры?

— Уѣхали, былъ лаконическій отвѣтъ.

— Да куда? Какъ?

— Гусары въ Малагу, а стрѣлки Барбастро я и самъ не знаю. По телеграфу полученъ былъ отъ самого Прима приказъ; ихъ и выпроводили. Къ разсвѣту уже ни одного красноштанника въ домѣ не было...

— Ну, счастливо же они отдѣлались.

— Да счастливо, а почему, какъ вы думаете? Онъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— Да такъ, Богъ помиловалъ.

— Гм... Богъ помиловалъ... А не найдись тутъ одинъ догадливый человѣчекъ, что сейчасъ же захлопнулъ дверь, такъ

иначе бы вышло... Ключи-то, знаете, въ карманѣ у меня, а они ихъ отъ синьора Джузеппе требуютъ... Да и народъ здѣсь...

Онъ только рукою махнулъ и даже съ бо̀льшимъ противъ обыкновенія достоинствомъ откинулся на спинку дивана.

— Васъ хочетъ видѣть Донъ-Хуанъ, объявляетъ мнѣ черноусый итальянецъ, когда я возвратился съ утрешней экскурсіи.

— Что за Донъ-Хуанъ такой? Я никакого Донъ-Хуана не знаю.

— Такъ видно онъ васъ знаетъ, коли спрашивалъ. Донъ-Хуанъ изъ Севильи, Донъ-Джіованни, пояснилъ онъ на родномъ своемъ языкѣ. Логика была безукоризненная. «Коли бы не зналъ, то вѣрно и не спрашивалъ бы». Но все это не выводило меня изъ недоумѣнія.

По части Донъ-Хуановъ, кромѣ генерала Прима, съ которымъ я лично незнакомъ, но котораго всѣ знаютъ, — я зналъ еще одного только знаменитаго Донъ-Хуана, который неоднократно, вѣроятно, и на вашихъ глазахъ проваливался въ тартарары на сценѣ Большого Театра подъ музыку Моцарта.

Въ невысокой, довольно темной залѣ, за длиннымъ столомъ, обшитымъ старымъ зеленымъ сукномъ, на которомъ лежало нѣсколько газетъ, сидѣли два господина съ чашками кофе и графиномъ рому. Они говорили между собою поиспански, говорили бѣгло и правильно; но даже мнѣ, въ немногихъ разслышанныхъ мною ихъ словахъ, сразу былъ замѣтенъ, я не скажу иностранный оттѣнокъ произношенія, а скорѣе не испанскій, сѣверный *timbre* ихъ рѣчи.

Чичероне указалъ мнѣ на одного изъ собесѣдниковъ. Это былъ чрезвычайно большой, дородный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, когда-то бѣлокурый, но теперь его короткіе волосы и размашистая эспаньолка были обильно убѣлены сѣдиною. Прекрасные голубые глаза не оставили во мнѣ никакого сомнѣнія на счетъ того, что онъ не былъ испанецъ.

— Донъ-Хуанъ... и онъ скороговоркою проговорилъ англійскую фамилію, которую не было возможности разслушать. Фамиліи этой никто не зналъ на всемъ протяженіи отъ Андухара до Кадиса, гдѣ однако же самая личность Донъ-Хуана была всѣмъ хорошо извѣстна.

— Я слышалъ, продолжалъ онъ поиспански: — что вы хотите ѣхать въ Алколею. Верхомъ это утомительно. А тутъ какъ разъ представляется случай. Подлѣ Алколеи третьяго-дня соскочилъ съ рельсовъ одинъ товарный вагонъ нашей компаніи (я старшій механикъ при желѣзной дорогѣ въ Севильѣ). Теперь

его уже починили и я пріѣхалъ нарочно съ машиною, чтобы его увести. Послѣ обѣда сегодня я отправляюсь. Если васъ не шокируетъ ѣхать на локомотивѣ, то я могу предложить вамъ мѣсто. Пока вагонъ снова поставятъ на рельсы, пройдетъ добрыхъ два часа времени, и вы, вѣроятно, успѣете сдѣлать вашъ рисунокъ. Вечеромъ мы снова вернемся.

Я, разумѣется, не отказался отъ удобнаго предложенія. Донъ-Хуанъ, состоявшій въ непоэтической должности механика при желѣзныхъ дорогахъ, любезно отрекомендовалъ меня своему собесѣднику, маленькому старичку, обладавшему тоже очень красивыми англійскими глазами цвѣта морской воды. Это былъ уже отчасти знакомый мнѣ англичанинъ сапожникъ, донъ Гульельмо. Оба они уже слишкомъ двадцать лѣтъ жили въ Испаніи, освоились съ ея языкомъ и нравами и не утратили только той неуловимой особенности британской натуры, которая сказывается въ тысячѣ мелочныхъ подробностей рѣчи и обхожденія. Донъ-Хуанъ не безъ нѣкоторой гордости сообщилъ, что онъ былъ такъ-сказать воспреемникомъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Испаніи при самомъ его зарожденіи, ибо явился сюда изъ Англіи съ первымъ локомотивомъ, видѣннымъ за Пиринеями и служившимъ для сообщеній между Мадридомъ и Аранхуецомъ.

— Мой соотечественникъ сейчасъ разсказывалъ мнѣ мѣстную исторію, которая для васъ вѣроятно не лишена будетъ интереса. Донъ-Гульельмо, разскажите, какъ васъ приняли за Пачеко?

— А кто такой Пачеко?

— Вы не слышали о Пачеко! да здѣсь о немъ только и говорили до сегодняшняго *alborote*. Между Андухаромъ и Кордовою нѣтъ мальчишки, который бы не зналъ Пачеко. Это бандитъ такой, о какихъ вы въ романахъ развѣ только читали. Теперь даже и здѣсь такіе составляютъ большую рѣдкость. Пачеко пятнадцать лѣтъ грабилъ нетолько въ Сьерра-Моренѣ, но даже здѣсь въ Кордовѣ дѣлалъ невѣроятныя штуки. Мѣстнымъ жителямъ онъ мало зла дѣлалъ, а болѣе грабилъ *en grand,* нападалъ на караваны съ цѣнными товарами, грабилъ станціи желѣзныхъ дорогъ, почту денежную перехватывалъ.

— Что-жь, у него была большая шайка?

— Въ томъ-то и дѣло, что шайки у него не было никакой. Онъ держался нашихъ англійскихъ прогрессивныхъ правилъ и платилъ своимъ работникамъ поштучно. То-есть, для каждаго дѣла подберетъ себѣ изъ мѣстныхъ жителей сколько ему нужно лихаго народа, обработаетъ съ ними дѣло, разсчитается, и больше ни имъ до него, ни ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Сколько его ни ловили, поймать не могли. Но представьте же,

какую онъ теперь штуку выкинулъ: когда произошли здѣсь всѣ эти правительственныя перемѣны, онъ является въ Кордову среди бѣлаго дня, верхомъ и ружье съ нимъ. Всѣ его, конечно, узнали. Кричатъ: Пачеко! Пачеко! а тронуть никто не смѣетъ. Онъ преважно ѣдетъ себѣ, со всѣми раскланивается. —Ѣду, говоритъ, къ губернатору, потому что имѣю къ нему дѣло. Губернатора никакого не было, а всѣми дѣлами заправлялъ Ayuntamiento. Онъ ѣдетъ туда, остановился на улицѣ, вызвалъ начальника караула. — Скажите, говоритъ, тому, кто у васъ теперь тутъ главный начальникъ, что я, бандитъ Пачеко, пріѣхалъ сюда. Я, говоритъ, тоже противъ прежняго правительства дѣйствовалъ, такъ они должны меня теперь почетно встрѣтить, всякое безчестье снять съ меня и положить мнѣ жалованье до конца жизни...

Начальникъ растерялся, не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Доложилъ кому слѣдовало. Ему, конечно, приказъ: взять Пачеко живымъ или мертвымъ. Но тотъ, — какъ ужь онъ пронюхалъ это, Богъ его знаетъ, — словно сквозь землю провалился. Искали его всюду почти цѣлыхъ двѣ недѣли. При этомъ и нашему другу досталось... Разскажите, донъ-Гульельмо.

Донъ-Гульельмо добродушно улыбнулся, пошамкалъ своими выбритыми тонкими губами и заговорилъ, немного присвистывая и пришепетывая:

— У меня здѣсь есть лавка... я сапожникъ. Живу я подлѣ лавки въ одной комнатѣ, а мальчикъ, мой подмастерье, спитъ въ лавкѣ. На прошлой недѣлѣ въ четвергъ, только что я погасилъ лампу и сталъ засыпать... вдругъ страшный трескъ. Я хочу вскочить съ постели, зажечь лампу. Мнѣ кричатъ: *не шевелись, или тебя убьютъ!* (No mueves u erer muerto!). — *Ты Пачеко!*... Слышу я, что народу въ комнатѣ должно быть много, сабли слегка брянчатъ. Я испугался. Hombre! говорю: какой я Пачеко, я Уильямъ Гарднеръ, англійскій сапожникъ, донъ-Гульельмо; меня здѣсь всѣ знаютъ двадцать лѣтъ, и я не Пачеко. — *Ты Пачеко!* говоритъ: *вставай и одѣвайся.* А я пошевелиться не смѣю, потому что подумаютъ, что я бѣжать хочу и застрѣлятъ. Насилу уговорилъ я ихъ зажечь лампу. Тогда они увидѣли...

Я не могъ не усмѣхнуться: такъ мало личность добродушнаго англичанина была похожа на андалузскаго бандита.

— Что-жь, они оставили васъ въ покоѣ?

— Нѣтъ, повели въ провинціальную депутацію. Тамъ меня сейчасъ всѣ узнали, но все же таки продержали до утра.

— Кто же это ввалился въ вашу квартиру на поиски Пачеко?

— Начальникъ былъ изъ прежней Guardia Civil; онъ и распоряжался. А остальные вооруженные крестьяне. Еслибы городскіе жители, такъ они меня всѣ хорошо знаютъ...

Не мудрено, что при такихъ поискахъ бандитъ могъ скрываться въ городѣ около двухъ недѣль. Его однакоже нашли какъ-то утромъ въ одномъ изъ заброшенныхъ зданій, въ полуразрушенной части города. Онъ успѣлъ вскочить на лошадь и, раненый нѣсколько разъ, улизнулъ-таки изъ рукъ преслѣдователей и пустился вскачь черезъ городъ. Толпа и подоспѣвшіе отовсюду вооруженные граждане загнали его въ «Patio» одного дома, застрѣлили его лошадь и, когда онъ упалъ вмѣстѣ съ нею, то не рѣшились взять живьемъ, а застрѣлили самого тутъ же на мѣстѣ.

Локомотивъ несется, осыпая насъ сажей и черною маслянистою пылью. Донъ-Хуанъ съ сигарою въ зубахъ стоитъ въ величественной позѣ, и у ногъ его, вытянувъ длинный языкъ и тоже величаво глядя вдаль, лежитъ красивый лягавый песъ. Кочегаръ отъ времени до времени открываетъ зѣвъ громадной печи, чтобы всыпать туда новую груду угля, и обдаетъ насъ словно адомъ. Глиняные обрывы дороги заслоняютъ видъ направо и налѣво...

Наконецъ впереди появляется наклонившійся на сторону вагонъ, и около него, словно бѣлые муравьи, копошатся андалузы-рабочіе. Насъ встрѣчаетъ contre-maitre, юный андалузъ въ темной курткѣ и черной низенькой шляпѣ съ поднятыми кверху полями. На поясѣ у него револьверъ. Онъ поражаетъ миловидностью смуглаго лица и щеголеватостью манеръ, словно онъ жилъ и выросъ въ салонѣ. Пріѣздъ Донъ-Хуана, очевидно, не доставляетъ ему удовольствія...

— А, это вы, caballero; мы васъ не ожидали такъ скоро.

— Я пріѣхалъ взять вагонъ, говоритъ Донъ-Хуанъ съ нѣсколько олимпійскимъ величіемъ.

— Гм... Вамъ придется немного пообождать... Онъ еще не совсѣмъ въ исправности, замѣчаетъ андалузъ съ развязностью, которая взрываетъ даже британскую флегму Донъ-Хуана.

— Какъ обождать?... Теперь скоро пять часовъ. Помилуйте, вѣдь вы-жъ телеграфировали сегодня утромъ, что все готово...

— Да, я полагалъ... Вѣдь невозможно же такъ пригнать минута въ минуту...

До станціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до поля битвы, оставалось версты три. Мнѣ достали осла и проводника, парня лѣтъ пятнадцати съ руками и ногами какъ у салоннаго франта.

Пейзажъ, который мнѣ приходилось рисовать, былъ красивъ, но незатѣйливъ. Довольно широкій въ этомъ мѣстѣ, Гвадалквивиръ обрамленъ высокими, обрывистыми берегами. Черезъ него старинный, узкій каменный мостъ, весьма длинный и сгорбленный. Подлѣ бѣлыя лачуги, которыя мы уже видѣли, проѣзжая по желѣзной дорогѣ. По обоимъ берегамъ поля, усаженныя оливками и миндальными деревьями. Многія изъ нихъ теперь были срублены, другія сломаны пушечными выстрѣлами. Большихъ слѣдовъ разрушенія не было замѣтно. На заднемъ планѣ уже знакомые холмы Сьерра-Морены, и надо всѣмъ ясное, вечерѣющее небо, съ золотистыми облаками на горизонтѣ.

Описывать подробности происходившаго здѣсь сраженія, повліявшаго хоть на время, но довольно рѣшительно на судьбы Испаніи, я не стану. Смыслъ его заключался въ томъ, что Новаличесъ хотѣлъ проникнуть въ Кордову, и оттуда въ Севилью и Кадисъ — главные центры возстанія. Серрано рѣшилъ преградить ему путь именно здѣсь, при переправѣ черезъ рѣку. Позиція для либеральнаго маршала, сильнаго артиллеріею, была бы дѣйствительно очень выгодна, еслибы версты три выше по теченію не существовалъ всѣмъ извѣстный бродъ, представлявшій Новаличесу возможность вовсе обойти непріятеля, или же атаковать его съ праваго крыла. Но, — on ne s'avise jamais de tout, – Новаличесъ или не зналъ о существованіи брода, или же слишкомъ грубо несъумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Мѣстные жители, оставаясь совершенно равнодушными къ разыгравшейся бойнѣ, благоразумно отретировались въ горы. Но французы-инженеры и чиновники на желѣзной дорогѣ приняли въ ней большое участіе и разными хитростями замедляли подвозъ войскъ изъ Кастиліи въ королевскій лагерь.

Нѣсколько попытокъ Новаличеса переправить свою инфантерію черезъ мостъ были отбиты съ урономъ. Кавалерія, составлявшая главный его ресурсъ, не могла развить свои силы, въ неблагопріятной для нея мѣстности. Тѣмъ не менѣе до самаго вечера сраженіе, несмотря на свою кровопролитность (вслѣдствіе концентрированности мѣста дѣйствія), не имѣло рѣшительнаго характера. Къ вечеру Новаличесъ былъ раненъ, а офицерство его арміи успѣло сообразить, что условія эквилибристики, изложенныя мною выше, достаточно соблюдены. Королевское войско признало себя побѣжденнымъ. Торжествующій Серрано оказывалъ раненому противнику достодолжныя воинскія любезности. Pronunciamiento, восторжествовавшее на югѣ, немедленно отозвалось въ Мадридѣ.

Слишкомъ очевидно, что и на этотъ разъ генералы между

собою, или точнѣе и общѣе говоря: милитаризмъ, безъ спросу другихъ элементовъ государственной жизни Испаніи, порѣшилъ судьбы страны и націи.

Выше, заканчивая свой (признаюсь) слишкомъ общій и бѣглый очеркъ испанской исторіи, я сказалъ, что съ водвореніемъ на престолѣ королевы Изабеллы II-й съ либеральною диктатурою Эспартеро, для Испаніи фактически наступаетъ новый періодъ, — тотъ, который Франціею пережитъ, съ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстными перерывами въ промежутокъ времени отъ 1789 до 1848 года, а для большинства европейскихъ государствъ наступилъ болѣе или менѣе непосредственно тотчасъ же послѣ вѣнскаго конгреса. Я говорю про періодъ парламентаризма.

На первый взглядъ это мое положеніе можетъ показаться читателю, мало-мальски знакомому съ политическими дѣлами Испаніи за послѣднее двадцатипятилѣтіе, совершенно ошибочнымъ и противорѣчащимъ мною же разсказываемымъ событіямъ. «Гдѣ же тутъ парламентаризмъ?» можете вы спросить меня, цитируя мнѣ любое изъ *pronunciamientos*, сколько-нибудь обращавшихъ на себя вниманіе Европы, или ссылаясь на всѣ ихъ вмѣстѣ. Вы можете указать мнѣ, какимъ образомъ при Викальваро, или при Алколеѣ, аргументы далеко не парламентскаго свойства: штыки и пушки, честолюбивыя интриги генераловъ и служебныя соображенія низшаго офицерства, безапелляціонно распоряжаются судьбою страны и народа и т. д.

Въ отвѣтъ на всѣ эти возраженія, вполнѣ выдерживающія нелицепріятную критику фактовъ, я могъ бы возразить только то, что подобное перерожденіе парламентаризма въ милитаризмъ самаго беззастѣнчиваго свойства случается не въ одной только Испаніи, что оно даже въ крови и въ духѣ романскихъ народовъ. Въ доказательство можно привести всю позднѣйшую исторію Франціи и Италіи. Въ Испаніи это превращеніе совершилось нѣсколько инымъ путемъ. Вѣковой милитаризмъ, въ который вылилась, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ условій, вся здѣшняя государственная жизнь, съ наступленіемъ новаго періода вовсе не отрекался отъ себя, не уступалъ своего мѣста какому-нибудь новому началу, новому элементу общественности, который бы вытѣснялъ его, сводилъ на подчиненную роль.

Милитаризмъ, какъ олицетвореніе грубой матеріальной силы, самъ себѣ не довлѣлъ никогда, ни въ Испаніи, ни въ другомъ какомъ-либо христіанскомъ государствѣ. Онъ всегда внѣ себя искалъ себѣ санкціи, и въ Испаніи очень долго находилъ

ее въ господствовавшей тамъ нераздѣльности церкви и государства, духовной власти со свѣтскою. Когда этотъ источникъ освященія изсякъ, ему нечего было усиленно напрягать изобрѣтательность для прінсканія себѣ новаго; такъ-называемый духъ времени, политическія стремленія всей тогдашней Европы, самыя заповѣдныя мечты лучшей части испанскаго общества — все это въ одинъ голосъ подсказывало ему: парламентская система народнаго представительства. И онъ радостно ухватился за нее. Что съ тѣхъ поръ онъ переродился весьма основательно, — это свидѣтельствуютъ намъ и либеральнѣйшія учрежденія, неоднократно дававшіяся странѣ герцогомъ Эспартеро, плотью отъ плоти и костью отъ костей испанскаго милитаризма; это свидѣтельствуетъ намъ и то, что нынѣшній милитаризмъ вполнѣ основательно разорвалъ съ аристократическими старыми преданіями, что онъ слишкомъ безцеремонно обращается съ тѣми источниками, изъ которыхъ, до своего перерожденія, черпалъ для себя санкцію. Посмотрите хоть теперь: онъ низвергаетъ королей, онъ конфискуетъ церковныя имущества, изгоняетъ монаховъ и не затруднится въ рѣшительную минуту порвать до конца ту кровную связь, которая нѣкогда связывала его съ теократическою организаціею. Короче говоря, онъ демократизировался, и сталъ вольнодумцемъ на столько же, какъ и французская буржуазія самыхъ цвѣтущихъ временъ іюльской монархіи.

Въ Испаніи нѣтъ третьяго сословія, а потому въ ней парламентскій порядокъ немыслимъ, — таково общеустановившееся мнѣніе объ этомъ предметѣ. Къ сожалѣнію, оно бездоказательно, и мы скажемъ: въ Испаніи есть третье сословіе, ничѣмъ не отличающееся отъ того, которое достигало своего апогея съ Гизо и Лудовикомъ-Филиппомъ во Франціи. Неужели можно не признать его только изъ-за того, что здѣсь почти все оно носитъ военный мундиръ, которымъ во Франціи облечена только одна ея половина. Во Франціи существуетъ между этими половинами извѣстное подраздѣленіе труда, а потому обстоятельства здѣсь нѣсколько усложняются. Между ними существуетъ своего рода пикировка и въ различное время властвуетъ здѣсь то одна, то другая изъ этихъ двухъ половинъ. Штатская, какъ болѣе трусливая, а слѣдовательно и болѣе крикливая, жалуется иногда,— напримѣръ хоть теперь,—на угнетеніе, будто бы терпимое ею отъ военной. Но вѣдь это только querelle d'amoureux, мелкая пикировка. Всѣ мы видѣли, какъ трогательно стремились онѣ побрататься, почувствовавъ въ себѣ одну плоть и кровь, одинъ

духъ всеоживляющій, въ виду... въ виду, напримѣръ, хоть трудовъ люксембургской коммисіи.

Въ Испаніи дѣло значительно проще. Тамъ этого подраздѣленія нѣтъ и нѣтъ этой мелочной пикировки. Военная половина одна и въ парламентѣ дебатируетъ и порядокъ защищаетъ; однимъ словомъ, дѣлаетъ все то, что̀ обѣ вмѣстѣ совершаютъ во Франціи. Такимъ образомъ въ Испаніи не бываетъ ни іюльской монархіи, ни нынѣшняго политическаго положенія Франціи во всей ихъ французской чистотѣ: здѣсь вѣчно царитъ нѣчто среднее между тою и этимъ...

ЗАПИСКИ ПРИЧЕТНИКА.

VI.

Мои треволненія и Ненилинъ женихъ.

Всю слѣдующую недѣлю я провелъ въ тяжелыхъ волненіяхъ, которыя тѣмъ были несноснѣе, что я не могъ ихъ раздѣлить ни съ кѣмъ изъ близкихъ сердцу: мать моя была очевидно поглощена своими какими-то, какъ казалось, печальнѣйшими и тревожнѣйшими мыслями и на всѣ мои вздохи, вопросы и попытки завести разговоры отвѣчала единственно поцалуями, совѣтомъ покататься на Головастикѣ или побѣгать по двору и предложеньемъ вкусить отъ плодовъ земныхъ или отъ домашняго печенья и варева.

А Настя и Сафроній, казалось, совершенно забыли, существуетъ ли на свѣтѣ тотъ, кого они еще такъ недавно почтили своимъ вниманіемъ и осчастливили ласками.

Это забвеніе со стороны Насти и Сафронія было мнѣ особенно чувствительно и исполнило меня горестнымъ изумленіемъ.

Я на все былъ готовъ, кромѣ этого ихъ забвенія. Я рѣшился съ неуклоннымъ мужествомъ и твердостію переносить самыя жесточайшія страданія и даже, упоенный моими восхищенными чувствами, не безъ нѣкоторой отрады думалъ о мученичествѣ, услажденномъ тайными сношеніями съ драгоцѣнными союзниками, близкимъ общеніемъ духовнымъ, опасными съ ними свиданьями и проч. т. п.

Но, увлекаемый воспоминаніями, я забѣгаю впередъ... Постараюсь повѣствовать не нарушая послѣдовательнаго порядка ни въ проявленіи собственныхъ чувствованій, ни въ ходѣ событій.

На слѣдующее же утро, послѣ нашей прогулки въ лѣсу, я, исполненный нѣкоего, такъ-сказать, божественнаго вдохновенія,

нисходящаго на смертныхъ предъ свершеньемъ великихъ дѣлъ, готовый на всѣ подвиги мужества и самоотверженія, выбралъ на выгонѣ у опушки лѣса удобный пунктъ, съ котораго могъ наблюдать появленіе Насти и Сафронія, и тутъ, замирая, притаился.

Я думалъ объ одномъ: выразить имъ свои чувства и упиться выраженіемъ ихъ чувствъ; что̀ дальше наступитъ, я того себѣ не представлялъ и о томъ не заботился; я, подобно распаленному воину, стремился впередъ съ обнаженнымъ мечомъ, не разсчитывая на побѣду, не страшась пораженія, единственно увлекаемый безуміемъ возбужденнаго духа.

Я полагаю, будетъ излишнимъ описывать читателю муки моего ожиданія.

Прошли многіе, показавшіеся мнѣ вѣками, до тошноты меня истомившіе часы, а все не появлялись тѣ, кого я жаждалъ узрѣть.

Пронзительнѣйшимъ образомъ вывизгивала попадья обвиненья въ лежебочествѣ, страшное пожеланье «разродиться девятью ежами», намѣреніе свое загнать виновную туда, гдѣ «козамъ роги правятъ», а громкій, но кроткій голосъ работницы Лизаветы протяжно приводилъ доказательства усердія и ревности въ работѣ; батракъ Прохоръ запрягалъ, съ свойственною ему меланхолическою медленностію и вздохами, лысую сивую кобылу въ телѣжку съ рѣзнымъ задкомъ; юркій пономарь нѣсколько разъ прошмыгнулъ изъ стороны въ сторону съ какими-то контрабандными предметами подъ полой; отецъ мой обтесывалъ колышекъ во дворѣ, покашливалъ, пріостанавливалъ тесанье и взывалъ: о, Господи! а затѣмъ снова слабой и неискусной рукой принимался тесать; разъ пять благолѣпная Ненила, сойдя съ своего крылечка, приближалась къ запрягаемой тележкѣ и, упершись бѣлыми руками въ пышные бока, наблюдала за медленными движеніями Прохора и задумчиво что-то пережевывала; солнце ярко сіяло; немолчный гамъ и пѣнье поднимали птицы въ лѣсу; трещали кузнечики, вились бѣлыя бабочки.

А я сидѣлъ на корточкахъ и ждалъ!

Наконецъ показался Сафроній.

Мнѣ, какъ и всякому, не сильному міра сего, много разъ въ жизни доводилось упражняться въ пассивныхъ и потому несноснѣйшихъ ожиданіяхъ, а слѣдственно приходилось много разъ испытывать то заниранье и трепетъ, какіе охватываютъ унылаго, истерзаннаго жгучимъ нетерпѣньемъ ожидателя; не взирая на это, до сихъ поръ послѣдующія, иногда достаточно

бурныя и мятежныя чувствованія, не могли изгладить у меня изъ памяти помянутыхъ, въ невинномъ отрочествѣ испытанныхъ волненій.

Сафроній держалъ въ рукахъ плетушку. Я тотчасъ сообразилъ, что онъ направляется въ ельникъ за грибами на обѣдъ. Я пустился во весь духъ по бурьянамъ, не разбирая дороги, и, спотыкаясь, падая, цѣпляясь, вскрикивая отъ боли, но презирая ее, домчался до поворота въ Волчій Верхъ, и здѣсь остановился. Я принужденъ былъ ухватиться руками за дубовый стволъ: сердце у меня билось до разрыву, и дыханье мнѣ захватывало.

Я пересѣкъ дорогу Сафронію, и мы неминуемо должны были теперь встрѣтиться лицомъ къ лицу.

Сафроній не замедлилъ показаться. Онъ шелъ прямо на меня.

Я съ жадностью началъ въ него вглядываться, стараясь по лицу угадать расположеніе его духа и волнующія его мысли.

Онъ обыкновенно ходилъ слегка понуривъ голову, и почти всегда напѣвая какую-нибудь думу или былину мрачнаго содержанія, но теперь онъ шелъ безмолвно, нѣсколько закинувъ голову, задумчиво глядя впередъ; въ лицѣ его не было ни угрюмости, ни печали, но нельзя тоже было сказать, что онъ веселъ или безмятеженъ.

Наблюдалъ ли когда благосклонный читатель первыя проявленія разыгрывающейся бури? Все смолкаетъ; воцаряется глубокая тишь; нѣтъ солнца, но нѣтъ еще и тьмы; громы небесные изрѣдка, издалека, чуть слышно доносятся и не пугаютъ, а скорѣе ласкаютъ слухъ; проносящееся время отъ времени дуновенье вѣтерка какъ-то особенно освѣжительно и отрадно; но во всемъ сказывается чаянье надходящей грозы...

Теперь, самъ уже достаточно знакомый съ грозами и бурями душевными, я могу уподобить заигрывающую страсть надходящей ярости стихій, но въ то неиспытанное страстями время я только вывелъ слѣдующее безхитростное заключеніе:

«Онъ, видно, задумался, какъ намъ быть. И вѣрно онъ тоже рѣшился, что лучше ужь все терпѣть, да только не разлучаться намъ».

Мысль эта исполнила меня какой-то особой отчаянной отвагою относительно грозящихъ бѣдствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, несказанною нѣжностію къ доблестному и драгоцѣнному союзнику. Я ринулся къ нему на встрѣчу и радостно проговорилъ:

— Здравствуйте!

— Здорово, Тимошъ, отвѣтилъ онъ.

Голосъ его привѣтливъ, но въ немъ слегка прорывается та недовольная нотка, какая звучитъ въ голосѣ смертныхъ, внезапно исторгнутыхъ изъ объятій Морфея или пробужденныхъ отъ поглотившихъ ихъ мечтаній; лицо не омрачилось, но не сіяетъ и восторгами; обращенье пріятельское, дружеское, но безъ порывовъ. Привѣтствуя меня, онъ наклоняется и срываетъ грибъ.

Я чуть не зарыдалъ.

Я, жаждавшій предъ нимъ излить душу, уповавшій на блаженство сочувствія, я могъ только пролепетать:

— Вы за грибами?

— Какъ видишь.

— Это весело за грибами ходить.

— Ну, оно, пожалуй, можно бы кое-что и повеселѣе на бѣломъ свѣту сыскать!

Молчанье. Онъ наклоняется снова и срываетъ еще грибъ.

— Вы въ ельникъ? спрашиваю я, холодѣя.

— Да, въ ельникъ; тамъ скорѣй наберу, а тутъ и останавливаться не стоитъ. Ну, счастливо оставаться, Тимошъ!

И онъ быстро удаляется.

Я каменѣю на мѣстѣ, уничтоженный.

«Что̀ жь это? Вчерашняя блаженная прогулка сонъ или явь? Или онъ все забылъ? Или что̀ случилось? Не побѣжать ли мнѣ за нимъ? Можетъ, онъ бы иначе теперь заговорилъ со мной!»

Я сдѣлалъ-было шагъ впередъ, но вдругъ меня поразила мысль, что эта погоня можетъ ему показаться несносной, а такъ-какъ мнѣ, даже въ тѣ несмыслёные годы, всякое душенье ближняго во имя нашей любви къ нему было противно, то я отбросилъ это намѣренье съ такой же поспѣшностью, съ какой нѣжная рука отбрасываетъ отъ себя раскаленное желѣзо.

Успокоясь нѣсколько, я рѣшилъ, во что̀ бы то ни стало, увидать Настю. Съ этой цѣлью я обратно отправился къ дому, волочась, какъ раненый, и въ мучительномъ сомнѣніи повторяя себѣ:

«Какая-то она теперь будетъ?»

Жестокая судьба, вѣроятно, въ то утро уже утомилась меня преслѣдовать, и, утонченная въ жестокостяхъ, позволила мнѣ, что̀-называется, передохнуть, потѣшила удачею.

Я приближался къ выходу изъ лѣсу и, подавивъ, на сколько возможно, свои горестныя чувства, мысленно изыскивалъ средства увидать Настю и поговорить съ ней. Вдругъ я слышу стукъ колесъ по лѣсной дорогѣ, и узнаю легкое торохтѣнье

поповой тележки съ рѣзнымъ задкомъ; меланхолическое посвистыванье Прохора и два-три укорительныхъ возгласа, обращенныхъ къ сивой кобылѣ, явственно до меня долетающіе, уничтожаютъ послѣднія мои на этотъ счетъ сомнѣнія. Я подбѣгаю на безопасное разстояніе къ дорогѣ и присѣдаю за кустъ.

Едва я успѣлъ присѣсть, какъ вышеозначенная тележка показывается, и я весь вздрагиваю отъ неожиданнаго удовольствія: въ ней сидятъ оба, то-есть отецъ Еремѣй и матушка Варвара! Пути къ Настѣ мнѣ очищены!

Но надолго ли они поѣхали? И куда поѣхали?

Прохоръ былъ въ новой бѣлой свиткѣ, и станъ его перехватывался новымъ, краснымъ, какъ жаръ, поясомъ; на раменахъ отца Еремѣя пріятно переливалась праздничная широкорукавная ряса изъ темной двуличневой матеріи; одежды же іерейши представляли больное для глазъ и непостижимое для ума смѣшенье красокъ.

Очевидно, они отправились въ гости или въ городъ. Самое ближнее мѣстопребываніе іерейское отстояло отъ Терновъ на двадцать верстъ, городъ—на сорокъ, слѣдственно они никакъ не могли возвратиться до вечера. До вечера я успѣю испытать Настю.

Я устремляюсь по выгону, быстро достигаю границы, отдѣляющей поповъ огородъ отъ нашего, и жаднымъ взоромъ обозрѣваю все видимое пространство.

Ландшафтъ оживляла одна Ненила, сидѣвшая на первой ступенькѣ своего крылечка и лущившая тыквенныя сѣмечки.

Нетерпѣнье увидать Настю столь меня обуяло, что я утрачиваю все свое обычное благоразуміе и осмотрительность, и дѣйствую отчаянно.

Я прямо подступаю къ Ненилѣ и, на сколько волненье позволяетъ, умильно ее привѣтствую; затѣмъ, не давъ ей времени опомниться, коварно восклицаю:

— Ахъ, сколько ягодъ въ лѣсу! Просто чудеса!

— Гдѣ? спрашиваетъ Ненила, выплевывая шелуху, которую изумленіе удержало въ ея алыхъ устахъ.

Извѣстіе о ягодахъ заставило ее забыть дерзновенность моего къ ней обращенія.

— Вездѣ, отвѣчаю я съ восторгомъ—притворнымъ восторгомъ, ибо въ ту минуту пропади всѣ ягоды на земномъ шарѣ, я бы даже не ахнулъ.—Вездѣ, по всему лѣсу! Такъ, куда ни взглянешь, словно жаръ горитъ! И этакія крупныя! Я такихъ крупныхъ сроду еще и не видывалъ!

— А я вчера ходила-ходила, и всего горсточекъ пять набрала.

И она вздохнула.

— Да вы гдѣ ходили? Ходили вы къ... къ... къ Трощинскому шляху?

Читатель! слова мои были исполнены коварства. О растительности близь Трощинскаго шляху я имѣлъ лишь смутное представленіе. Точно, я слыхалъ отъ отца, что тамъ, во времена его молодости, удивительно родила земляника, но самъ тамъ я отродясь не бывалъ.

Такъ сбиваютъ насъ страсти съ прямаго пути! Мгновеніе— и вы, сами того не замѣтивъ, ужь въ сторонѣ, ужь на какой-нибудь скользкой тропѣ, сбѣгающей въ пропасть!

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Ненила: — къ Трощинскому шляху не ходила. Куда жь это, даль такую! Тамъ, говорятъ, волковъ цѣлая страсть. Нѣтъ, къ Трощинскому шляху не пойду.

И она снова легонько вздыхаетъ, и снова принимается лущить тыквенныя сѣмячки.

— Нѣтъ, бормочу я: — нѣтъ, тамъ волковъ не бываетъ. Какъ можно! Какіе тамъ волки! Нѣтъ... нѣтъ...

Я запинаюсь, заикаюсь; мнѣ совѣстно глянуть въ лицо довѣрчивой волоокой собесѣдницы.

— Какъ нѣтъ! Вонъ въ Грайворонахъ такъ мужика съѣли. Онъ поѣхалъ за дровами, а они его и съѣли. Охъ! какъ подумать, какія на бѣломъ свѣтѣ страсти!

И вздыхаетъ.

— Д-да, отвѣчаю я.

— Такія страсти, что избави насъ Господи!

И снова вздохъ, еще глубже, а за тѣмъ истребленье тыквенныхъ сѣмечекъ.

Я стою, какъ на горячихъ угольяхъ. Гдѣ Настя? Слышитъ ли нашъ разговоръ? Если слышитъ, неужели не выйдетъ?

— А то вотъ еще недавно одинъ панъ застрѣлился изъ ружья: хотѣлъ въ зайца, да замѣсто зайца въ свою грудь, въ самое сердце!

Снова вздохъ и выплюнутое сѣмечко.

— Гдѣ жь это?

— Въ Соколовкѣ. И такое, сказываютъ, у этого пана тѣло бѣлое — бѣлое - пребѣлое! И жена его, сказываютъ, такъ по немъ плачетъ! И мать тоже плачетъ; и дѣти плачутъ... Охъ! бѣда!

И снова вздохъ, выплюнутое сѣмечко и восклицаніе:

— Какія этого году сѣмечки червивыя! Что ни возьмешь въ ротъ, то одна червоточина! Охъ!

Въ это время къ крылечку приближается работница Лизавета съ охапкой хворосту.

— Лизавета, а Лизавета, что̀ жь это сѣмечки-то все червивыя?

— А что̀ жь мнѣ съ ними дѣлать? отвѣчаетъ Лизавета.

— Вотъ такъ-то всегда! Охъ!

— Что̀ жь всегда!

— Охъ!

— Чего это вы охаете? Нечего вамъ совсѣмъ охать. Вамъ радоваться надо!

Ненила снова охаетъ.

Лизавета скрывается за дверями, и я слышу, какъ въ глубинѣ іерейскаго жилища она говоритъ Настѣ:

— Сестрица ваша закручинилась: все охаетъ сидитъ; пошли бы вы ее разговорили.

Несравненная Лизавета! я мысленно послалъ ей тысячу благословеній за эти слова.

Немного погодя, Настя вышла на крылечко и сѣла возлѣ сестры.

Я ожидалъ, что она, увидавъ меня съ Ненилою, изумится, но она, повидимому, нисколько не изумилась, съ плѣнительнѣйшею привѣтливостью сказала мнѣ:

— Здравствуй, Тимошъ!

И ласково погладила меня по головкѣ.

«Она, видно, ужь слышала, что я тутъ», подумалъ я. «Ахъ, еслибъ теперь Ненила куда-нибудь дѣлась! Что̀ бы Настя мнѣ сказала? Какая она бѣлая нынче! И измореная какая!»

— Что̀ жь не сядешь, Тимошъ? сказала Настя. — Садись.

Я сѣлъ около нихъ, ступенькой ниже. Ненила лущила сѣмечки и охала. Настя нѣкоторое время молчала. Я украдкой взглянулъ на нея; лицо ея было очень задумчиво.

Наконецъ, она сказала:

— Ненила, чего ты все вздыхаешь?

— Да страшно! отвѣтила Ненила съ такимъ вздохомъ, который могъ бы съ успѣхомъ свалить годовалаго быка.

— Чего жь ты боишься?

— А какъ бить будетъ?

— Можетъ, онъ бить не будетъ.

— А какъ будетъ?

Настя съ минуту помолчала, потомъ сказала:

— Неизвѣстно, что̀ будетъ — чего жь загодя печалиться?

Но вслѣдъ затѣмъ, она сама тихонько вздохнула и слегка, чуть-чуть усмѣхнулась, какъ бы признавая, что такая философія хотя прекрасна и похвальна, но къ дѣлу непримѣнима.

— Кабы я знала, что онъ бить не будетъ, такъ я бы не печалилась, сказала Ненила. — Охъ!

Нѣсколько минутъ длилось молчанье.

— Хоть бы ужь папенька съ маменькой лисій салопъ мнѣ справили, все бъ мнѣ легче было! проговорила Ненила.—Справятъ они, Настя?

— Вѣрно справятъ.

— И чтобъ атласомъ покрыть или гранитуромъ. И покрышку малиновую. Къ лисицѣ малиновое очень идетъ. Правда?

— Правда.

— Ну, и чтобъ тоже они мнѣ шаль новую дали. Что̀ жь, какъ я буду замужемъ безъ шали? Теперь всѣмъ въ приданое шали даютъ. А маменька кричитъ: «обойдется!» Ужь это лучше совсѣмъ замужъ не ходить, коли шали не дадутъ! Мнѣ только стыдъ одинъ будетъ! Охъ, Господи, вотъ бѣда-то!

Она встала.

— Куда ты? спросила Настя.

— Напиться. Ужь какія эти сѣмечки нынче червивыя! Во рту даже горько стало! Охъ!

Наконецъ, она скрылась.

Сердце запрыгало у меня въ груди, и туманъ застлалъ глаза.

Какъ она теперь взглянетъ? Что̀ она теперь скажетъ?

Но она и не глядѣла, и не говорила. Глаза ея были устремлены въ даль, и мыслями она витала гдѣ-то далеко — далеко. Слабый румянецъ проступалъ у нея на лицѣ, понемногу разливался-разливался, и вдругъ вспыхивалъ алой яркой зарей, глаза начинали лучиться, и вся она словно разгоралась; вслѣдъ затѣмъ она блѣднѣла и вся утихала.

«Что съ нею?» думалъ я съ тоскою. «И она все забыла?»

— Ты мнѣ лучше грушовничку * подай, доносился изъ внутренности жилища голосъ Ненилы.

Ненила могла каждую минуту появиться!

Я не помнилъ себя.

— Помните, прошепталъ я, задыхаясь отъ волненія: — помните, какъ вчера весело было? Тамъ, въ лѣсу...

Она поглядѣла на меня, какъ бы вопрошая, кто я такой и откуда взялся, но тотчасъ же все сообразила и отвѣтила, улыбаясь:

---

* Напитокъ, приготовляемый изъ грушъ, родъ кваса.

— Ахъ, ты лакомка!

— Я не лакомка, отвѣтилъ я съ отчаяніемъ. — Я не про ягоды... а такъ было весело... Я бы все такъ гулялъ.

— Ишь гулена! А кабы тебя за работу посадить? а?

Она, улыбаясь, слегка притронулась къ моей щекѣ, какъ бы угрожая ущипнуть, но все это вдругъ словно оборвалось, — и улыбка, и слова, и ласка. Она поблѣднѣла, сложила руки на колѣняхъ, умолкла и снова принялась глядѣть въ даль.

Между тѣмъ я уже слышалъ развалистую походку Ненилы.

— Пойдемте опять... въ воскресенье... туда... въ лѣсъ... какъ вчера... пролепеталъ я, трепещущій.

Настя встрепенулась, какъ бы испуганно взглянула на меня и съ живостію отвѣтила:

— Не знаю.

— Пойдемте! началъ я молить ее, чуть не плача. — Пойдемте!

— Ну, хорошо, я пойду.

— Пойдете? Правда?

— Пойду, пойду, проговорила она и вдругъ встала, облилась вся алымъ румянцемъ и снова помѣстилась на ступенькѣ крылечка, и задумалась.

— И грушовникъ у насъ какой нынче, сказала Ненила, появляясь въ дверяхъ. — Совсѣмъ въ немъ смаку нѣтъ; пьешь, а все одно, что мякинный настой! Охъ!

Она тяжело опустилась на ступеньку крылечка, на прежнее мѣсто.

— Охъ!

И громко, какимъ-то особеннымъ образомъ икнула. Со стороны можно было подумать, что звукъ этотъ произведенъ звонкоголосой иволгой. И сказала:

— Это, видно, онъ меня поминаетъ: такъ съ за-сердцовъ и взяло! Ахъ, бѣда, бѣда! Будетъ онъ меня бить! Кабы онъ хоть не рябой былъ, все бы мнѣ легче! А то какъ онъ еще рябой! Тогда просто хоть умирай ложись.

— Съ чего ты взяла, что онъ рябой? сказала Настя. — Говорили: красавецъ!

— Что̀ говорили! Завсегда невѣстъ обманываютъ. Вонъ Крестовоздвиженской Капочкѣ сказали, что красавецъ, а онъ рябой, прерябой, точно исклеваный, макушка лысая, какъ колѣно, и самъ красный. И драчунъ. И на первый день ее откаталъ. Охъ!

— И что это вы все такое прибираете! сказала Лизавета,

появляясь съ рѣшетомъ въ рукахъ. — Это вы, Ненила Еремѣевна, все съ жиру!

— Погоди: пропадетъ у меня весь жиръ-то! отвѣчала Ненила меланхолически. — Весь пропадетъ, какъ есть до послѣдней капли!

— А можетъ васъ разнесетъ, какъ грайворонскую попадью.

— Нѣтъ, ужь прощай мое веселье! Пришла бѣда! Пропаду! Охъ!

Столь трагическія слова странно звучали въ устахъ Ненилы; въ этотъ день она особенно поражала взоры яркостію ланитъ, крѣпостію тѣла и живостію апетита: послѣ тыквенныхъ сѣмечекъ и грушовника, она вынесла себѣ ватрушку необычайныхъ размѣровъ, которая въ ея рукахъ быстро исчезала.

— Пойдемте-ка лучше стручки рвать къ обѣду, сказала Лизавета.

— Кабы меня къ Крестовоздвиженскимъ маменька отпустила, такъ я бы тамъ хоть на картахъ погадала!

— Что жъ, вы попроситесь, — можетъ и отпуститъ. А теперь пойдемте покуда за стручками.

— Нешто вправду пойти?

— Пойдемте!

— Ну, пойдемъ.

Она встала со вздохомъ и развалистымъ шагомъ послѣдовала за проворною моею благодѣтельницею, Лизаветою, на огородъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она обернулась и крикнула:

— Настя, что жъ ты не идешь?

— Я тутъ посижу, отвѣчала Настя.

— Иди, вмѣстѣ все веселѣе, настаивала Ненила. — Иди!

— Иди!

Настя было-приподнялась, но тотчасъ же снова сѣла на ступенькѣ и, казалось, забыла обо всемъ ее окружающемъ.

Тщетно я старался привлечь ея вниманіе робкимъ покашливаньемъ, вздохами, постукиваньемъ ногтями по ступенькѣ; я даже нѣсколько разъ умышленно ронялъ свою шапку, такъ, что она падала прямо передъ ея глазами — все безъ успѣха!

«Вѣрно что-нибудь случилось, только я этого не знаю», думалъ я. «Но что же случилось?»

И, тоскуя, я терялся въ недоумѣніяхъ.

Незамѣтно подъюркнувшій къ намъ пономарь спугнулъ настину задумчивость и спуталъ нити моихъ унылыхъ соображеній.

— Здравствуйте, Настасья Еремѣевна, началъ онъ тараторить. — Какъ вы въ своемъ драгоцѣнномъ здравіи? Поздрав-

ляю васъ, Настасья Еремѣевна, съ радостью. Желаю и вамъ того же, что сестрицѣ вашей Господь посылаетъ. Вотъ, говорятъ, нѣту правды на землѣ, — правда есть! Господь всегда взыщетъ благочестивыхъ своею милостью. Вотъ и взыскалъ Онъ вашихъ родителей, Настасья Еремѣевна, и взыскалъ... Вы, Настасья Еремѣевна, и сестрица ваша, все одно какъ цвѣты прекрасные: всякое око вами плѣняется. Куда ни пойду, ни поѣду, все слышу: красавицы дочери у отца Еремѣя, красавицы! Да, думаю, ужь на счетъ красоты будьте спокойны: Соломонова царица передъ ихъ красотой спрячется! Исходи весь свѣтъ, такъ не съищешь такихъ, какъ наша Настасья Еремѣевна да Ненила Еремѣевна! Ужь это и врагъ ихъ, и то долженъ имъ приписать! Какъ глянешь на Настасью Еремѣевну да на Ненилу Еремѣевну, такъ потомъ на другихъ и глядѣть нельзя: просто глаза сами закрываются! Вотъ недавно посмотрѣлъ я на Крестовоздвиженскихъ, на дочекъ отца Петра, такъ вѣдь даже я ахнулъ: совсѣмъ въ нихъ никакихъ прелестей нѣту! Ну, извѣстно, и жениховъ такихъ Господь не посылаетъ! Нашъ женишокъ въ воскресенье пожалуетъ, Настасья Еремѣевна?

— Да, въ воскресенье, отвѣтила Настя.

— Соколъ, говорятъ, настоящій какъ есть соколъ! И денегъ у него, говорятъ, цѣлая казна! Просто куры не клюютъ?

— Да, говорятъ, богатый, отвѣчала Настя.

— Дай Господи вашимъ родителямъ за ихъ благочестіе и милосердіе! сказалъ лицемѣрный пономарь, набожно поднялъ свои лукавые глаза къ небу и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Не засидѣлась у насъ Ненила Еремѣевна, продолжалъ онъ: — не засидѣлась! Не успѣли мы и наглядѣться на нее! Такъ-то и вы, Настасья Еремѣевна, того и жди, что покинете насъ сиротами!

Вѣроятно, до слуха Ненилы долетѣли звуки пономарева голоса, ибо она появилась у огородной калитки и вытянула свою бѣлоснѣжную выю, какъ бы прислушиваясь.

— Ахъ! вскрикнулъ пономарь, увидавъ ее. — Ахъ! Ненила Еремѣевна! Улетите вы отъ насъ, наша пташечка!

И безъ того меланхолически настроенная приближеньемъ роковыхъ смотринъ, Ненила, при сердечномъ восклицаніи пономаря, совсѣмъ растрогалась. Удушаемая волненіемъ, а также свѣжимъ горохомъ, наполнявшимъ ей ротъ, она пробормотала:

— Улечу! улечу!

И заплакала, прикрывши благолѣпный ликъ свой рукавомъ.

— Что жь это вы, Ненила Еремѣевна! воскрикнулъ пономарь.—

Это намъ слезы проливать, а вамъ только радоваться! У кого такіе женихи-то? Всѣ отъ зависти почахнутъ! Это ужь вамъ Господь за вашу добродѣтель посылаетъ такого вельможу! Красавецъ, богачъ, умница! А родня-то какова? Доступъ къ первымъ представителямъ Господа нашего Іисуса Христа! Нѣтъ ужь, Ненила Еремѣевна! не гнѣвайте Всевышняго слезами! Вы возликуйте! Сподобилъ васъ Творецъ небесный великаго благополучія. Всѣ теперь охаютъ на ваше благополучіе. Отца Петра дочки такъ просто мѣста себѣ не находятъ; такъ все руки къ небу и: «счастливая Ненила Еремѣевна, счастливая! Какому это святому она молилась, которому мученику поклонялась?»

Ненила мало-по-малу опускала рукавъ, которымъ, въ порывѣ чувствительности, она было-прикрыла свой образъ; слова краснорѣчиваго пономаря видимо дѣйствовали на нея пріятно. Привлекаемая этими словами, какъ нѣкіимъ лакомымъ блюдомъ, она все ближе и ближе подступала, пока, наконецъ, съ умильной усмѣшкой, заняла мѣсто на ступенькѣ крылечка.

— Поздравляю, Ненила Еремѣевна, поздравляю! говорилъ пономарь. — И дай вамъ господь многія лѣта.

Настя встала и, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, скрылась во внутренность жилища.

Ни единаго прощальнаго слова! ни единаго взгляда!

Пономарь продолжалъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ передъ простодушною Ненилою. Я оставилъ ихъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ отправился домой,

Мать тотчасъ же замѣтила мое разстройство.

— Что ты, Тимошъ? спросила она.

Я выразилъ ей грусть мою по поводу внезапнаго и для меня непонятнаго Настина и Сафроніева ко мнѣ охлажденія.

— Вчера какъ любили, говорилъ я съ сокрушеніемъ:—а нынче совсѣмъ нѣтъ! А нынче совсѣмъ нѣтъ!

Мать разсмѣялась, но лицо ея все-таки сохраняло столь печальное выраженіе, что я не оскорбился этимъ, по моему совсѣмъ неумѣстнымъ, смѣхомъ, а только еще болѣе встревожился.

— Такъ вчера очень любили? сказала она, привлекая меня къ себѣ. — Ахъ ты мой мальчишечка милый!

Она крѣпко меня поцаловала и прибавила:

— Ты не горюй, они тебя любятъ.

— Ничего со мной не говорятъ, возразилъ я жалобно.

— Будутъ говорить, а покуда ты поиграй поди, побѣгай. Хочешь, можетъ, ѣсть?

Но не до игры мнѣ было и не до бѣганья, и не до ѣды.

Я, по наружности спокойный и тихій, отъ природы нрава упорнаго и страстняго (могу даже сказать, необузданнаго, дикаго), а вмѣстѣ съ тѣмъ предпріимчиваго, постояннаго и терпѣливаго: разъ поставивъ себѣ какую либо цѣль, я уже не вѣдаю поворота, я стремлюсь пока или достигну, или паду съ расшибеннымъ лбомъ, т.-е. передъ непреодолимымъ препятствіемъ. Прибавлю, что я вовсе не человѣконенавистникъ, отнюдь не чуждаюсь обмѣна мыслей и раздѣла чувствъ, а къ душевнымъ разговорамъ съ людьми мнѣ близкими даже имѣю великое пристрастіе. Эти мои свойства, взятыя совокупно, могли бы служить источникомъ несноснѣйшихъ непріятностей для окружающихъ, еслибы провидѣніе не надѣлило меня, въ своей безконечной благости, нѣкоторою совѣстливостью и гордостію. Эти помянутыя два качества (послѣднее, по увѣренію единаго моего пріятеля, даже переходитъ въ смертный грѣхъ) помѣшали мнѣ быть навязчивымъ и обременительнымъ для кого бы то ни было. Правда, увлекаемый пылкими чувствованіями, я, случалось, изливалъ ихъ предъ близкими мнѣ особами, не замѣчая ихъ томленія и не подозрѣвая ихъ душевнаго ропота,—то былъ грѣхъ невольный, который, уповаю, всѣ они мнѣ отпустятъ, — но разъ понявъ, что обращенія мои тягостны, я, каковы бы ни были мои обстоятельства, избѣгалъ этого, какъ бездонныхъ пропастей, или сожигающихъ громовъ небесныхъ. Я, даже въ порывахъ отчаянія, предпочиталъ удалиться въ глубину лѣсовъ или въ ущелья горъ, а за невозможностью исполнить это, въ свой душный уголокъ, и тамъ, никѣмъ незримый, проливалъ слезы, сѣтовалъ на судьбу, размышлялъ о жизни и смерти, искалъ выхода изъ горестнаго состоянія. Такимъ образомъ я мало-по-малу привыкъ обходиться собственными моими силами и въ выставленьи своихъ душевныхъ язвъ для полученія съ дружбы или любви посильной копѣечки, укорить себя не могу.

Но смертному свойственны иллюзіи, колебанія, отступленія, хотя бы легкія, отъ принятыхъ правилъ и нѣкоего рода коварство съ самимъ собою, — поэтому самые благонамѣреннѣйшіе нерѣдко впадаютъ въ противорѣчія и грѣшатъ.

Я не ограничился первыми попытками: я еще нѣсколько разъ подкараулывалъ Настю и Сафронія. Я уже рѣшилъ не подходить къ нимъ, не разговаривать съ ними, но только попадаться имъ издали: а вдругъ они по прежнему привѣтливо на меня глянутъ, и покличутъ, и опять вознесутъ меня и осчастливятъ?

Но ничего подобнаго не случилось.

Сафронія я нѣсколько разъ подкараулывалъ, но кромѣ «здо-

*

рово, Тимошъ!» ничего отъ него не слыхалъ; иногда онъ совсѣмъ меня не замѣчалъ. Что же касается Насти, то не только ея плѣнительнаго лица, даже края ея одеждъ я не видалъ. Она какъ бы замуровалась въ отчемъ жилищѣ.

«Все кончено», думалъ я. «Все кончено!»

И вдругъ, среди мрачныхъ тучъ унынія, мелькалъ золотой лучъ надежды:

— Однако она обѣщалась снова идти въ лѣсъ! однако, она прямо сказала: «пойду»! Или это было сказано, дабы пощадить мои чувства?

Такъ недоумѣвая и тоскуя проводилъ я дни.

Между тѣмъ роковое для Ненилы событіе приближалось.

Въ жилищѣ отца Еремѣя съ четверга съ «легкаго дня» дѣятельно занялись пріуготовленіями къ принятію жениха: встряхивали покрывала, занавѣсы постельныя, обметали потолки, стѣны, терли полы, мели дворъ, усыпали пескомъ у крылечка. Съ разсвѣта до заката надсаживалась іерейша, извергая проклятія, приказы, понуканья, угрозы; съ разсвѣта до заката чело многотерпѣливой работницы Лизаветы было увлажено каплями пота, а ланиты пылали, подобно зареву пожара. Батракъ Прохоръ, даже въ виду грядущаго торжественнаго событія, не измѣнилъ своей системѣ дѣйствія, т.-е. при первыхъ громахъ Македонской онъ исчезалъ и снова появлялся не прежде прекращенія яростныхъ криковъ, оправдывая свое исчезновеніе и отсутствіе внезапною тошнотою или схватками въ животѣ, и съ великими вздохами, приписывая недуги карательной силѣ іерейшиныхъ проклятій.

Пономарь поминутно забѣгалъ къ намъ для сообщенія волнующихъ извѣстій.

— Навезли изъ города заморскихъ винъ, говорилъ онъ разъ, примаргивая: — этакія все бутылки съ печатями! навезли всякихъ дорогихъ миндалей! Теленка велѣли заколоть! Накупили атласовъ, серегъ! И преотличную покрышку на пуховики, и шаль! Цѣлую тысячу, надо полагать, ухнули! Онъ знаетъ, гдѣ надо рублемъ брязнуть! Ну, отецъ дьяконъ! Теперь мы только держись! Одно слово: архіерейскій племянничекъ! А мы что̀ такое? Прахъ земли! Плюнетъ на насъ и разотретъ насъ, и ничего отъ насъ не останется!

— Воля Божія, воля Божія! отвѣчалъ жалобно отецъ.

Провидѣніе столь щедро одарило меня духомъ любознательности, что я, даже во времена самыхъ сильныхъ испытаній, никогда не утрачивалъ этого дара. Хотя поглощенный тревогами и недоумѣньями, пожираемый тоскою я, едва коснулось моего слуха шепотливое восклицаніе пономаря: архіерейскій пле-

мянничекъ! навострилъ уши. Началъ внимательно прислушиваться къ разговору, я скоро возымѣлъ достаточное представленіе о значеніи и могуществѣ вышепомянутой особы.

Не довольствуясь этимъ, я пожелалъ собрать болѣе опредѣленныя біографическія свѣдѣнія. Обратясь къ отцу, я хотѣлъ начать самыми простыми, общепринятыми вопросами: откуда родомъ, живы ли родители, кто они такіе и гдѣ жительствуютъ. Но когда я произнесъ:

— А мать у архіерейскаго племянника жива? Гдѣ она?

Пономарь подпрыгнулъ, какъ бы уколотый острою иглою и въ смятеньи на меня прикрикнулъ:

— Шш!

Мой отецъ, тоже въ величайшемъ смятеньи повторилъ:

— Шш! Шш!

Я поглядѣлъ на нихъ, крайне изумленный.

— Никогда ты про это и не поминай! сказалъ пономарь внушительно.

— Не поминай, Тимошъ, не поминай! подтвердилъ отецъ.

— А про отца можно поминать? Гдѣ его...

— Шт! Шт! завопили они въ вящемъ смятеніи.

И пономарь затопалъ на меня ногами, а отецъ замахалъ руками.

— Не поминать и про...

— Ни-ни-ни-ни! затопалъ пономарь.

— Ни-ни-ни-ни! замахалъ отецъ.

— Коли ты хочешь живъ быть, прошепталъ пономарь:—такъ ты сейчасъ на вѣки забудь про все, про это! Ахъ, какой пострѣлъ, прости Господи! Гдѣ ты это такого духу набрался, чтобы обо всемъ разспрашивать, а? Дѣти не должны никогда ни о чемъ разспрашивать, это грѣхъ! За это тебя въ адъ, въ горячую смолу! Что глядишь-то? Ты лучше заруби это себѣ на носу! Коли ты еще насмѣлишься спрашивать, такъ тебя такъ прохворостятъ, что небу станетъ жарко!

— Онъ ужь не будетъ! лепеталъ отецъ:—онъ ужь никогда не будетъ!

Непочтительное обращеніе пономаря сильно меня оскорбило. Пока шло о посулкахъ небесныхъ каръ, я еще терпѣлъ, но когда онъ употребилъ глаголъ «прохворостить», что̀ явно относилось къ земной исправительной системѣ, я не выдержалъ и возразилъ ему съ нѣкоторою горячностью:

— Я не зналъ, что нельзя объ этомъ спрашивать, я не виноватъ, а коли меня... меня...

Отъ негодованья я запнулся.

— Ахъ, ты грубіянъ! воскликнулъ пономарь.—Ну, отецъ дьяконъ! наживете вы съ нимъ бѣды! Чего вы его не учите? Ну, подведетъ онъ васъ!

— Еще младенецъ! еще невинный! лепеталъ отецъ.

— Такъ что-жъ что невинный? Тутъ-то и сѣчь, а потомъ ужь поздно будетъ, какъ онъ съ версту выростетъ!

— Да онъ ужь не будетъ, онъ ужь не будетъ никогда, лепеталъ отецъ.

Его слабая, нерѣшительная защита только въ вящее меня приводила раздраженіе.

— Коли меня тронетъ кто, сказалъ я: — такъ я повѣшусь, какъ Бобриковская Одарка!

(Недѣли за двѣ до освобожденія крестьянъ, крестьянка изъ села Бобриковъ, Одарка, уже упоенная надеждами на свободу, была наказана розгами; впавъ въ отчаяніе, она сказала мужу: ничего, видно, не будетъ! Вы всѣ, коли охота, живите, а я больше не хочу! и въ ту же ночь повѣсилась въ саду, передъ господскимъ балкономъ, на перекладинѣ, устроенной для гимнастическихъ упражненій юнаго господскаго поколѣнія).

Въ эту минуту я точно не задумался бы послѣдовать примѣру злополучной женщины.

— Творецъ милосердый! Тимошъ! прошепталъ пораженный отецъ.

— Ну! Сахаръ-Медовичъ, признаюсь! проговорилъ пономарь.— Эхъ, отецъ дьяконъ! Я бы его поучилъ на вашемъ мѣстѣ... я...

Вошла моя мать и тихо сказала:

— Учите своихъ, коли у васъ будутъ, а чужими не печальтесь!

Я не узнавалъ ее: изъ кроткой, безотвѣтной, запуганной жены, она мгновенно превратилась въ волчицу.

— Да вѣдь васъ же подъ бѣду подведетъ! началъ-было нѣсколько озадаченный пономарь.

— Мы и будемъ терпѣть! отвѣтила она тѣмъ же тихимъ, слегка дрожащимъ голосомъ.

И, взявъ меня за руку, увела за собою подъ сѣнь груши, гдѣ, прижавъ меня къ груди и осыпавъ многими поцалуями, сказала:

— Не бойся, не бойся! никто тебя не тронетъ!

Я же, прильнувъ къ ней, залился слезами.

— Не бойся, не бойся! повторяла она.

Но не страхомъ были исторгнуты мои рыданія, а пламенною признательностію. Прижимаясь къ родной груди, слыша быстрое біенье ея сердца, чувствуя ея поцалуи, я думалъ:

— Не всѣми я покинутъ! не всѣми я пренебреженъ! Есть еще у меня вѣрный, надёжный другъ! И всегда онъ будетъ вѣренъ и надеженъ! И если всѣ насъ покинутъ, всѣ забудутъ, мы станемъ жить одни, и будемъ другъ дружку всегда любить, всегда защищать! Ужь мы никогда, никогда другъ дружку не разлюбимъ!

Такъ, мысленно причитая, я провелъ около получаса въ слезахъ, чѣмъ значительно облегчилъ бременившее меня горе.

Острота моихъ душевныхъ мукъ поутихла, чувства мои поуспокоились; пригрѣтый ласково блистающимъ солнцемъ, впивая тонкій ароматъ травъ, слегка убаюканный тихимъ шелестомъ грушовой сѣни и мягкимъ прикосновеньéмъ материнской руки, нѣжно поглаживающей мою ланиту, я лежалъ на бархатной муравѣ въ полузабытьи. Я какъ бы плавалъ въ нѣкоемъ океанѣ тихой грусти, и состояніе это было даже не безъ пріятности. Мало по малу къ представленіямъ дѣйствительности начали примѣшиваться сказочные призраки. Рядомъ съ нашимъ тѣснымъ садикомъ предо мной носились видѣнья лѣсовъ тридесятаго царства; милые мнѣ образы сливались съ образами любимыхъ моихъ сказочныхъ дѣятелей и дѣятельницъ, а образы душѣ моей претящіе воплощали собою крупныхъ и мелкихъ чародѣевъ, чудовищъ, предателей и т. п. богопротивныя лица.

Но скоро архіерейскій племянникъ началъ меня душить кошемаромъ. То являлся онъ мнѣ въ чародѣйскомъ сіяніи, то въ видѣ семиглаваго дракона, то представляя собою нѣчто безформенное, неопредѣленное, но ужасное.

Наконецъ это стало для меня столь несносно, что я рѣшился стряхнуть съ себя призрачныя мечтанія, и стать снова на почву дѣйствительности.

— Мама! сказалъ я, слегка приподнимая голову съ ея колѣнъ.

— Что, Тимошъ?

— Гдѣ его мать и отецъ? какіе они?

— Чьи, Тимошъ?

— Архіерейскаго племянника.

Я поднялся, сѣлъ и устремилъ на нее внимательные взоры.

— Не знаю, отвѣчала она. — Ну, теперь ты бы поигралъ, а? Мнѣ надо на рѣку сходить. Или хочешь, со мной пойдемъ?

— Пойдемъ.

— Ты понеси мнѣ валекъ. Да тамъ теперь надо еще вершу поглядѣть: можéтъ, рыба наловилась. Ты и поглядишь.

— Погляжу.

Но это предложеніе, въ другое бы время меня возвеселившее,

теперь было мной принято безъ восторговъ. Валекъ я донесъ смиренно и безмолвно, какъ постриженный въ монашество; двухъ щукъ нашелъ въ вершѣ — и это меня не потрясло. Пока мать занималась полосканьемъ бѣлья въ рѣчныхъ струяхъ, я сидѣлъ поодаль, на берегу и, уставя очи въ зеркальную поверхность, снова предавался мятежнымъ чувствамъ и размышленіямъ.

Отчего даже она, нѣжно любящая, горячо защищающая меня мать, не повѣдала мнѣ о таинственныхъ родителяхъ архіерейскаго племянника? Что ей о нихъ было небезъизвѣстно, въ этомъ я ни мало не сомнѣвался: отецъ и пономарь, пришедшіе въ столь великій ужасъ при моемъ невинномъ біографическомъ вопросѣ, очевидно имѣли причины устрашаться, слѣдственно нѣчто знали, а разъ, какъ отецъ зналъ, знала и мать, ибо онъ ей повѣрялъ всѣ свои огорченія, страхи, недоумѣнія, разсужденія, все что̀ слышалъ, видѣлъ, чувствовалъ и замышлялъ.

Къ чему и почто эта таинственность? Какіе ужасы соединены съ его рожденіемъ? Еслибы даже онъ родился отъ огненнаго змія, или подобно языческой богинѣ, * вышелъ изъ пѣны морской, зачѣмъ таить чудо, когда прочія чудеса предоставлены на удивленье, изученье и утѣшенье рода человѣческаго?

Но тщетно ломалъ я себѣ голову: удовлетворительнаго отвѣта брѣсти я невозмогъ.

Утомленный этой безплодной умственной работой, я наконецъ покорился судьбѣ своей.

— Дождусь воскресенья, пріѣдетъ — тогда увижу и можетъ что отгадаю! утѣшалъ я себя. — Тогда и Настя сказала: пойдемъ въ лѣсъ, и можетъ... Мало ли что̀ можетъ быть? Все!

Много уже лѣтъ прошло съ той поры, любезный читатель! Приподнята мною, вмѣстѣ съ прочими таинственными завѣсами, и завѣса, облекавшая мракомъ архіерейскихъ племянниковъ... но возвращаюсь къ моему повѣствованію.

Въ субботу жилище отца Еремѣя пробудилось ранѣе полуночнаго пѣтеля, тотчасъ же исполнилось суеты и шума, и впродолженіе цѣлаго дня вплоть до солнечнаго заката уподоблялось пылающему горну. Въ этотъ день эхо терновскихъ ущелій повторяло отрывки столь жестокихъ проклятій, что перо мое отказывается выразить ихъ здѣсь на бумагѣ.

Прохоръ, попытавшійся-было, по своему обыкновенію, ускольз-

* Первымъ понятіемъ о помянутой богинѣ я обязанъ пономарю; пристрастный къ живописи, онъ пріобрѣлъ за поминовеніе родственниковъ одного управляющаго господскимъ имѣньемъ ея изображеніе въ моментъ ея появленія изъ лона водъ, и намъ его показывалъ.

знуть, былъ настигнутъ и возвращенъ, причемъ получилъ нѣсколько изрядныхъ толчковъ въ крѣпкую свою выю. Тщетно онъ вопіялъ, плачась на схватки въ желудкѣ и на тошноту, и моля дозволить ему хотя минутное уединеніе, угрожая тѣмъ, что не отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ недуговъ, которые, будто бы, могли его умертвить на мѣстѣ, проливая слезы и катаясь по землѣ съ воплями: ой пропаду! ой лопну!

— Лопнешь? Лопайся тутъ! отвѣчала Македонская.—Лизавета! Веди его въ погребъ! Гдѣ отъ погреба ключь?

— Мнѣ на солнышкѣ скорѣй полегчаетъ! стонетъ Прохоръ.— Ужь немножечко отпускаетъ...

— Сиди въ погребу, пока отпустимъ!

— Да какъ же это, матушка? Да я вѣдь тамъ можетъ умру безъ покаянія! Не погубите моей грѣшной души! Охъ-охъ-охъ!

— Реви себѣ! реви, хоть окочурься!

— Такъ лучше ужь я тутъ помру, на вашихъ глазахъ! Охъ-охъ-охъ!

Онъ колеблющимся шагомъ со стонами, добирается до средины двора и начинаетъ приготовлять костеръ для паленья поросять.

— А что, отпустило? кричитъ ему время отъ временя попадья.

— Что жь, сироту легко обидѣть! отвѣчаетъ уклончиво Прохоръ. — Сироту защитить некому!

Кромѣ того призваны были на помощь двѣ юныя жены изъ селенія. Безмолвно, проворно и сосредоточенно онѣ выплескивали горячія помои изъ оконъ, носили изъ колодца свѣжую воду, щипали пернатыхъ, потрошили четвероногихъ, перемывали масло, сбивали яичные желтки. Пономарь, подобострастно предложившій свои услуги, юлилъ, какъ бѣсъ, пронзая ножомъ трепещущихъ рыбъ, закалывая кроткихъ ягнятъ и визгливыхъ поросятъ, разливая настойки по графинчикамъ и все это приправляя умильными улыбками, сладкими взглядами и льстивыми рѣчами.

Около полудня былъ позванъ іерейшею мой отецъ и скоро я увидалъ его, робко начиняющаго колбасу у попова крыльца, подъ присмотромъ взыскательной хозяйки.

Нѣсколько времени спустя попадья прокричала моей матери, занимавшейся у себя въ дворѣ по хозяйству:

— Катерина Петровна! поди-ка намъ помоги. И мальчишку возьми съ собою — онъ тутъ тоже пригодится.

Отказъ былъ немыслимъ. Мать и я тотчасъ же покорились велѣнію могущественной сосѣдки.

Каюсь, любезный читатель, тутъ я въ первый разъ въ жизни (и въ послѣдній, спѣшу добавить) не потяготился моимъ рабскимъ положеніемъ и зависимостью отъ сильнѣйшихъ міра сего.

У меня тотчасъ же зароились планы и надежды, меня тотчасъ же охватило нетерпѣнье и тревога, что̀, конечно, я постарался скрыть подъ чиннымъ и смиреннымъ видомъ, и вступилъ въ поповъ дворъ, скромно потупивъ глаза въ землю и держась за полу материнскаго передника.

Тайныя мои желанья увѣнчались успѣхомъ. Призванный на роль вѣстовщика и разсыльнаго, я съ восхищеніемъ принялъ ее, ибо она позволяла проникать во внутренность іерейскаго жилища, гдѣ я могъ увидать Настю, и гдѣ я ее точно не замедлилъ увидать.

Создатель мой! до чего она перемѣнилась! Особенно поразили меня ея глаза: они стали такіе большіе, бо̀льшіе, такіе темные и глядѣли теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде.

Она сидѣла у окна, шила какіе-то приданые уборы яркихъ цвѣтовъ и безмолвно внимала рѣчамъ Неонилы, перекладывавшей медовые соты изъ деревяннаго блюда въ фаянсовое, украшенное изображеніемъ синихъ рыбъ.

— Здравствуйте! сказалъ я, пріостанавливаясь на пути своемъ въ кухню.

— Чего тебѣ? спросила Неонила, облизывая медъ съ ложки.

Настя подняла голову.

— Здравствуй, Тимошъ! сказала. — Ну, подойди жь поближе!

Я подошелъ и она поцаловала меня.

— Ты ко мнѣ пришелъ? спросила Настя.

— Насъ кликнули, отвѣтилъ я:—мы помогаемъ...

— А!

— Вы, началъ я, заикаясь:—вы...

— Что я?

— Все шьете?

— Да, шью. Видишь, сколько еще шитья!

Она указала на ткани, лежавшія на высокомъ іерейскомъ ложѣ.

— И погулять некогда вамъ! замѣтилъ я со вздохомъ.

— Некогда. Ты-то гулёна какой! все бы тебѣ гулять!

— Нѣтъ, я теперь не гуляю!

— Отчего?

— Скучно... скучно...

Я хотѣлъ яснѣе выразить свою мысль, но сдержался.

— Скучно?

— Ой, Настя! сказала вдругъ Ненила:—я и забыла тебѣ сказать, что̀ я вчера ввечеру видѣла!

— Что̀? Гдѣ? съ живостію спросила Настя, и вся вспыхнула, какъ алая заря.

— А вотъ какъ вчера маменька послала меня за тобой. Я тебя кликала-кликала, потомъ уморилась и иду молчу, и дохожу до самаго садоваго заборчика, знаешь, гдѣ калиновые кусты. И слышу гдѣ-то близко, точно кто шепчется. Кто тутъ? спрашиваю. Ничего! только листъ шелеститъ. Мнѣ смерть какъ жутко стало. Ну, думаю, видно, мнѣ въ этомъ году помереть! Стала я и стою; хочу прочитать «Да воскреснетъ Богъ», и никакъ не вспомню. И вдругъ вижу съ правой стороны, изъ кустовъ, выходитъ нашъ дьячокъ, и пошелъ къ низу, туда на село. Чего это онъ подъ нашимъ заборомъ стоялъ да шепталъ?

Настя прилежно шила; склоненное къ работѣ лицо ея все ярче и ярче горѣло.

Ненила повторила:

— Чего это онъ подъ нашимъ заборомъ стоялъ да шепталъ, а?

— Не знаю, проговорила Настя.

Я тоже задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ Сафронію было стоять тамъ, и что онъ могъ шептать?

Я хорошо зналъ мѣсто, о которомъ говорила Ненила, ибо самъ не разъ тамъ скрывалъ въ минуты грусти или опасности. Калиновые кусты эти были очень высоки, густы, перевиты хмѣлемъ и образовывали нѣчто въ родѣ келейки, коей кровлею служила зеленая движущаяся сѣть листьевъ. Что̀ же могъ тамъ дѣлать или шептать Сафроній?

— Я было-хотѣла маменькѣ сказать, продолжала Ненила:— да она была сердита, а папенька что-то писалъ и махнулъ рукой: не мѣшай! А потомъ я заснула. Надо это имъ сказать. Этотъ дьячокъ такой разбойникъ! Можетъ, онъ какія слова колдовскія знаетъ, да старается нашъ садъ испортить, чтобы никакой плодъ не произрасталъ. Ужь я не знаю, чего папенька смотритъ на этого дьячка! Такой разбойникъ, такой...

— Онъ не разбойникъ! перебилъ я съ негодованіемъ.—Онъ совсѣмъ не разбойникъ!

Настя молчала. Тщетно я взывалъ къ ней взорами — она не поднимала лица отъ шитья и молчала!

Пылкое мое вмѣшательство и дерзновенность этого вмѣша-

тельства нѣсколько удивили Ненилу. Она помолчала и поглядѣла на меня.

— Ахъ ты дуракъ этакій! начала она. — Ты какъ же это смѣешь...

Тутъ раздался грозно призывающій меня голосъ іерейши.

— Иди, кличутъ, сказала мнѣ Настя.

Эти слова пронзили меня, какъ острое копье.

— Не заступилась! Меня гонитъ! Ну, значитъ, все теперь пропало!

Я быстро двинулся къ двери, но вдругъ почувствовалъ, что ея руки удерживаютъ меня, обвиваются около моей шеи, а горячія, какъ огонь, слегка трепещущія уста прижимаются къ моей щекѣ и напечатлѣваютъ на ней пламенный поцалуй!

Отъ столь неожиданнаго благополучія, я на нѣсколько секундъ утратилъ даръ соображенія и не зналъ, что̀ дѣлать.

Она шепнула мнѣ:

— Теперь иди.

Я полетѣлъ подъ іерейскіе грома и выдержалъ ихъ съ невозможною для меня въ другое время ясностію духа.

Послѣ вышеописаннаго несравненнаго поцалуя, я уже не имѣлъ случая приблизиться къ Настѣ, ни заговорить съ нею. Она все шила, или кропла, или примѣривала на Ненилу уборы. Только время отъ времени, какъ бы задыхаясь отъ спертаго воздуха, отравленнаго запахомъ кипящаго масла, вареныхъ и жареныхъ явствъ, она облокачивалась на подоконницу и, подперши голову руками, нѣсколько мгновеній глядѣла въ темнѣющій садикъ и жадно вдыхала свѣжую вечернюю прохладу.

Между тѣмъ, іерейскіе покои все болѣе и болѣе запруживались жареными, вареными и печеными яствами. Нетолько гнулись подъ ними столы, скамьи, полки и подоконницы, но и по полу тянулись гирлянды блюдъ, горшковъ и мисокъ, такъ-что проходить сдѣлалось небезопасно. А въ кухонной печи все еще пылало, все еще шипѣли масла на сковородкахъ, поднимались облака мучной пыли, рубились какія-то мяса, толклись какія-то пахучія снадобья.

Ожидаемый женихъ началъ рисоваться въ моемъ воображеніи какимъ-то всепожирающимъ Молохомъ.

Какъ живо все это запечатлѣлось въ моей памяти! Я какъ бы снова стою у притолки кухонной двери, ожидая приказовъ Македонской, и вижу, какъ мѣситъ тѣсто Лизавета и высоко взмахиваетъ руками; какъ Прохоръ, воспользовавшись краткимъ отсутствіемъ хозяйки, воровскимъ образомъ урываетъ кусокъ ватрушки или жаренаго мяса и быстро, какъ пилюлю, его прогла-

тываетъ; какъ отецъ безпрестанно то просыпаетъ что-нибудь, то проливаетъ, пугается, шепчетъ: ахъ, Творецъ милосердный! и лихорадочно все подметаетъ и подтираетъ полой своей рясы, дабы скрыть отъ ока Македонской произведенныя неловкости; я вижу призванныхъ поселянокъ все безмолвныхъ, сосредоточенныхъ подобно жрицамъ; вижу блѣдное лицо моей матери, низко склоненное надъ какими-то пирогами; умильную физіономію суетящагося пономаря; я какъ-будто слышу его тоненькій голосъ и заискивающее хихиканье; я вижу полосу свѣта, падающую изъ двери боковой свѣтлицы, гдѣ сидитъ Настя за шитьемъ; вижу часть освѣщенной стѣны въ этой свѣтлицѣ, а на стѣнѣ тѣнь Неиплы въ неестественныхъ размѣрахъ. Въ моихъ ушахъ какъ бы еще раздаются критическія замѣчанія іерейши:

— Лизавета! яйца забыла положить? Пропасти нѣтъ на васъ, на дуръ! Отецъ дьяконъ, что-то вы все подъ ноги попадаетесь! Прохоръ! ахъ ты, гладышъ этакой! не повернется!

Все я помню, все вижу — помню даже, какъ появилась на порогѣ черная кошка и какъ разбѣжались ея блестящіе жадные глаза при видѣ наваренныхъ и напеченныхъ сокровищъ.

Было уже около десяти часовъ вечера, когда попадья крикнула мнѣ:

— Бѣги къ батюшкѣ, попроси у него бумажки. Скорѣй! Скажи: дайте матушкѣ бумажки на печенье.

Я тотчасъ же повиновался и, быстро, но искусно пробравшись между блюдами, горшками и мисками, поспѣшилъ къ отцу Еремѣю.

Іерейское жилище раздѣлялось на двѣ половины сквозными сѣнями; съ одной стороны находились кухня и два жилыхъ покоя, тѣсныхъ, жаркихъ и душныхъ, гдѣ мы всѣ вращались въ описываемый вечеръ; съ другой — два покоя нѣсколько посвѣтлѣе и попросторнѣе, куда я былъ отряженъ къ отцу Еремѣю за бумажкою для печенья. Первыя покои преисполнялись перинами, пуховиками, подушками, яркими кроватными занавѣсями, всевозможною кухонною, погребною и столовою посудою и обоняніе поражалось здѣсь запахомъ всѣхъ существующихъ съѣстныхъ припасовъ и свѣжеприготовленныхъ яствъ.

Когда я, перескочивъ черезъ сѣни и осторожно отворивъ двери, робко остановился предъ лицомъ отца Еремѣя, я почувствовалъ, что тутъ царитъ сравнительно-значительная прохлада и сильно отдаетъ восковыми свѣчами и роснымъ ладономъ.

Отецъ Еремѣй сидѣлъ за столомъ и что-то писалъ; ярко-пылавшая свѣча какъ нельзя лучше освѣщала его наклоненное надъ

письмомъ лицо и медленно движущуюся бѣлую, пухлую, съ ямками руку.

Отецъ Еремѣй такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что не замѣтилъ моего появленія.

Я быстрымъ взглядомъ окинулъ свѣтлицу.

Она украшалась тяжелыми столиками краснаго дерева, такимъ же диваномъ и стульями, налоемъ, ликами святыхъ угодниковъ, изображеніями высокихъ духовныхъ особъ съ сложенными на благословеніе перстами, картинами библейскаго содержанія. Въ переднемъ углу теплилась большая лампада предъ грознымъ образомъ Бога-Отца, пускающаго причудливыми зигзагами алую молнію изъ клуба бѣлыхъ облаковъ.

Отецъ Еремѣй продолжалъ водить перомъ, съ видимымъ тщаніемъ отдѣлывая каждую букву; время отъ времени онъ какъ будто усмѣхался.

При этой усмѣшкѣ благообразное лицо его дѣлалось столь ужаснымъ, что смертельный хладъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; не то, чтобы оно принимало гнѣвное или яростное выраженіе,— нѣтъ, но оно все тогда трепетало какимъ-то особымъ трусливымъ предательскимъ наслажденіемъ, гнусность котораго невозможно выразить словами.

Мнѣ словно кто въ уши прокричалъ слово, вырвавшееся когда-то у Сафронія:

— Іуда!

Я стоялъ, какъ бы прикованный къ мѣсту, не смѣя подать голосу.

Вдругъ онъ положилъ перо, откинулся на стулѣ, погладилъ свою шелковистую бороду и тихонько-тихонько захихикалъ.

Вѣроятно, я сдѣлалъ какое-нибудь, выдавшее меня, движеніе, ибо онъ быстро обернулся въ мою сторону, прикрылъ рукавомъ рясы свои письмена и тревожно проговорилъ:

— Кто тутъ? что тебѣ надо?

— Матушка прислала, пролепеталъ я въ отвѣтъ: — пожалуйте бумажекъ на печенье.

— А! хорошо, хорошо... Погоди, я поищу...

Подъ видомъ исканья, онъ, искусно вертя исписанный имъ листъ, вмѣстѣ съ прочими чистыми, лежавшими тутъ же на столѣ, тщательно сложилъ его, спряталъ въ шкатулку и, щелкнувъ замкомъ, всталъ, говоря:

— Нѣтъ, тутъ все чистая, — жаль такую на печенье!

Я хотѣлъ удалиться.

— Постой, постой! Куда ты такъ летишь? остановилъ онъ меня. — Я вотъ еще тутъ поищу. Иди за мной.

Онъ взялъ свѣчу и отворилъ двери въ другую свѣтлицу.

Эта свѣтлица служила, по всѣмъ видимостямъ, кладовою. Она вся была изувѣшана одеждами, уставлена многими сундуками краснаго, голубаго и зеленаго цвѣта, окованными жестью и желѣзомъ; все пространство между этими крупными предметами было завалено предметами мелкими: цѣлый хаосъ туго набитыхъ мѣшечковъ, кулечковъ, мотковъ бѣлёныхъ и суровыхъ нитей, бѣлой и цвѣтной пряжи, горстей льна и замашекъ, пестрыхъ поясовъ терновскаго издѣлія, полотна въ небольшихъ сверточкахъ и въ связкахъ, бараньихъ шкурокъ и проч. и проч. и проч. возвышался въ иныхъ мѣстахъ почти въ ростъ человѣческій.

Все это были, какъ вѣроятно читатель самъ угадываетъ, смиренныя приношенія сочетающейся бракомъ, крестящей, болящей и отходящей въ міръ лучшій паствы.

— Подержи-ка свѣчу, сказалъ отецъ Еремѣй. — Повыше подними.

Я исполнилъ приказанное, а онъ пробрался къ полкѣ въ углу и взялъ съ нея нѣсколько пожелтѣлыхъ, криво исписанныхъ листовъ, пересмотрѣлъ ихъ и затѣмъ подалъ мнѣ:

— Вотъ тебѣ и бумажки на печенье! Погоди, погоди! Чего ты такъ кидаешься? Ты чего боишься?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — нѣтъ...

— Погляди-ка на меня!

Я поглядѣлъ, но вѣроятно взглядъ мой измѣнилъ мнѣ. Онъ сталъ всматриваться въ меня благими, но испытующими глазами и спросилъ:

— Какъ тебя звать?

— Тимошъ, отвѣчалъ я.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Тимофей?

— Скоро девять.

— Что-жь, ты молишься Богу? Почитаешь родителей?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— А заповѣди господни твердо знаешь?

— Нѣтъ еще, не очень твердо...

— Заучи, заучи и помни! Кто помнитъ заповѣди господни, того Господь возлюбитъ и удостоитъ царствія небеснаго.

Онъ погладилъ меня по головѣ. Отъ прикосновенія его мягкой пуховой руки, меня подралъ морозъ по кожѣ.

— Господь видитъ всѣ наши тайныя дѣла, всѣ помышленья,— все Господу извѣстно!

Затѣмъ онъ, все мягко дотрогиваясь пуховой рукой до моей головы, развилъ мнѣ, какія награды ожидаютъ праведника нетолько въ будущей, но и въ этой жизни, и какія мученія уго-

тованы грѣшникамъ; въ заключеніе, подведя меня къ стѣнѣ и поднявъ свѣчу, онъ освѣтилъ мнѣ картину Страшнаго Суда.

— Гляди, гляди, повторялъ онъ пастырскимъ благимъ голосомъ, поднося свѣчу то къ той, то къ другой грѣшной фигурѣ, извивающейся отъ мученій среди красныхъ языковъ пламени, между тѣмъ, какъ проворные черненькіе бѣсы суетливо подсыпали гдѣ надо свѣжихъ угольевъ и усердно раздували палящій, но не спаляющій огонь.

— Видишь? спросилъ отецъ Еремѣй.

— Вижу, отвѣчалъ я.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ и сказалъ:

— Ну, неси матушкѣ бумагу.

Я кинулся въ двери, какъ сорвавшійся съ висѣлицы, но, перебѣжавъ сѣни, остановился и отеръ капли холоднаго пота на челѣ.

Что такое онъ писалъ? Куда? кому? Какъ это проникнуть?

Вдругъ я почувствовалъ мягкое прикосновенье пухлой руки, за минуту передъ тѣмъ гладившей мои волосы. Эта рука тихо опустилась на мое плечо и пастырскій голосъ вопросилъ:

— Чего-жь ты здѣсь стоишь?

Онъ такъ неслышно ко мнѣ подкрался, что я вскрикнулъ.

— Чего-жь ты испугался? продолжалъ онъ.

Я что-то пробормоталъ о неожиданности его приближенія, о темнотѣ сѣней, о трудности ощупать дверную щеколду.

— Сотвори крестное знаменіе и прочитай молитву.

Онъ отворилъ двери, пропустилъ меня и вслѣдъ за мною вошелъ самъ.

— Что-жь бумага? встрѣтила насъ попадья. — Пропасти на васъ на всѣхъ нѣтъ! Тутъ хоть разрывайся на часточки, такъ...

— Вотъ бумага, вотъ бумага, прервалъ отецъ Еремѣй.

Она вырвала у меня листы, причемъ сильно пострадали мои два пальца.

— А что, много еще дѣла? спросилъ отецъ Еремѣй.

Онъ стоялъ противъ пламени очага, шелковистая борода упадала ему на грудь мягчайшими волнами и ликъ его сіялъ благостынею.

— Тебѣ выслѣпило, что ли? отвѣтила необузданная супруга.

— Отчего-жь ты не позвала еще кого-нибудь на подмогу?

— Какого дьявола я еще позову?

— Отчего ты не позвала Сафронія? Пошли за нимъ.

При столь неожиданномъ предложеніи даже уста попадьи остались сомкнутыми.

У меня страшно замерло сердце. Всѣ присутствующіе какъ бы окаменѣли.

— Пошли за нимъ, повторилъ отецъ Еремѣй.

— Да ты умомъ тронулся, что ли? вскрикнула попадья. — Этакого разбойника кликать! Мало онъ еще сраму намъ надѣлалъ? Я бы его, мошенника...

— Варвара! прервалъ отецъ Еремѣй кротко и торжественно:— остановись...

— Что? что?

— Остановись, Варвара! Господь повелѣлъ намъ прощать врагамъ нашимъ и творить добро ненавидящимъ насъ! Я не желаю мстить Сафронію, я не питаю на него злобы, я...

— Такъ это спускать такой собакѣ всѣ его каверзы! Ну, признаюсь! Этакъ...

— Я смиряюсь, продолжалъ отецъ Еремѣй. — Пусть судитъ насъ Господь. Оба мы предстанемъ предъ лицо Его и тогда разберется, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ! Онъ, царь небесный, разсудитъ насъ!

Попадья не рѣшилась болѣе противорѣчить и только облегчила свою душу тѣмъ, что трижды гнѣвно плюнула.

Лицемѣръ-пономарь протяжно вздохнулъ во всеуслышаніе.

— Поди-ка, Тимошъ, за Сафроніемъ, обратился ко мнѣ отецъ Еремѣй. — Вѣдь вы съ нимъ пріятели, а?

При этомъ онъ поглядѣлъ на мою мать.

Мать моя не поднимала глазъ и, казалось, была погружена въ свое занятіе.

Пономарь опять протяжно вздохнулъ, и какъ въ первомъ вздохѣ ясно выражалось умиленіе христіанской добродѣтелью отца Еремѣя, такъ во второмъ ясно выразилось сокрушеніе моимъ дурнымъ выборомъ.

— Онъ еще младенецъ! пролепеталъ мой отецъ: — еще ничего вѣдь не смыслитъ! Гдѣ-жь ему еще смыслить? Онъ еще ничего...

Отецъ Еремѣй покрылъ его дребезжанье своимъ густымъ, кроткимъ голосомъ:

— Поди, Тимошъ, позови сюда Сафронія. Скажи: батюшка проситъ васъ, придите пособить въ работѣ.

Я отправился.

Читатель пойметъ, что я отправился не безъ волненія.

Волненіе это было столь сильно, что, не взирая на мое великое нетерпѣнье, я не имѣлъ силъ бѣжать, а вынужденъ былъ сойти съ крылечка колеблющимися стопами и пріостановиться дабы сколько-нибудь успокоиться.

Ночь была тихая, жаркая, темная; все въ природѣ не то что уснуло, а какъ бы притаилось: чуялось, что все кругомъ живетъ, трепещетъ жизнью, но вмѣстѣ съ этимъ ни единаго живаго звука не долетало до слуха; небо было прозрачно, но какого мглистаго цвѣту и въ этой мглѣ, какъ точки матоваго золота свѣтились миріады звѣздъ.

— Тимошъ! прошепталъ чей-то голосъ: — Тимошъ!

Я вздрогнулъ и обернулся въ ту сторону, какъ ужаленный.

Настя высунулась по самый поясъ изъ освѣщеннаго окна и дѣлала мнѣ знакъ къ ней подойдти.

Я какъ теперь вижу на этомъ освѣщенномъ фонѣ ея темную фигуру, гибкую, крѣпкую, стройную, трепещущую нетерпѣніемъ и тревогою.

Я подошелъ къ окну. Настя схватила меня за шею и притянула къ самому своему палящему, но блѣдному лицу.

— Ты куда? прошептала она: — не ходи... не зови...

— Что-жь мнѣ сказать? Что дѣлать? спросилъ я.

Она, не выпуская меня изъ рукъ, безмолвствовала, какъ бы колеблясь, какъ бы не зная на что рѣшиться. Я чувствовалъ, какъ она вся горѣла и трепетала, и какъ стукало ея сердце.

Окинувъ взглядомъ внутренность свѣтлицы, я увидалъ, что дверь въ кухню приперта и даже приставлена столикомъ; скроенныя ткани, начатое шитье разсыпаны по полу, а Ненила, облокотясь на столъ и, положивъ голову на руки, сладко спала; раздавалось по свѣтлицѣ ея тихое, мѣрное сопѣнье, нѣсколько напоминавшее отдаленное жужжанье пчелы надъ майской розой.

— Что-жь мнѣ дѣлать? повторилъ я. — Воротиться мнѣ?

— Нѣтъ, лучше иди! прошептала Настя. — Иди... и скажи, чтобы не приходилъ сюда... чтобъ отговорился... Слышишь?

— Я скажу: не ходите, отговоритесь; не ходите, Настя не велѣла вамъ ходить.

— Да, да! Бѣги скорѣе! Скорѣе!

Она выпустила меня изъ рукъ.

Я побѣжалъ.

Но отбѣжавъ нѣсколько шаговъ я остановился и обернулся; издали ея темная, гибкая, крѣпкая фигура еще отчетливѣе вырѣзывалась на освѣщенномъ фонѣ и еще сильнѣй вся дышала нетерпѣньемъ и тревогою. У меня какъ бы снова раздался въ ушахъ ея страстный, задыхающійся шопотъ:

— Бѣги! Скорѣе! скорѣе!

И я снова бросился бѣжать.

«Что-то будетъ!» думалъ я, несясь во всю прыть. «Что-то будетъ!».

И мнѣ представлялся отецъ Еремѣй, какъ онъ сидитъ за столомъ, тщательно выводитъ буквы своей бѣлой пухлой рукой и тихо посмѣивается; и какъ онъ затѣмъ кладетъ перо, откидывается на стулѣ и хихикаетъ.

Отъ этого представленія у меня застывала кровь. Я инстинктивно чувствовалъ, что эти бѣлыя пухлыя руки безъ милосердія тихо, мягко задушатъ того, кого онѣ схватятъ.

Но не взирая на всѣ страхи, во мнѣ играло веселье: Настя довѣрилась мнѣ; Настя, значитъ, не «разлюбила» меня! Отчего она не хочетъ, чтобы Сафроній пришелъ? Она боится? Чего боится? А что Сафроній скажетъ?

Окошко его свѣтилось. Я подбѣжалъ къ нему и постучался. Я могъ видѣть, какъ быстро Сафроній поднялся съ мѣста и какъ онъ кинулся къ дверямъ.

Онъ распахнулъ ихъ, остановился на порогѣ, но не окликалъ, а только наклонялся впередъ, какъ бы вглядываясь въ темноту, какъ бы ожидая кого-то увидать.

Я проговорилъ:

— Это я!

— Ты, Тимошъ? Откуда такъ поздно? Ну, иди въ хату.

Я вошелъ за нимъ и началъ:

— Меня послалъ за вами батюшка... велѣлъ вамъ сказать: проситъ батюшка, чтобы пришли пособили въ работѣ.

Сафроній показался мнѣ нѣсколько взволнованнымъ; при этихъ моихъ словахъ онъ еще замѣтнѣе перемѣнился въ лицѣ, но спросилъ меня спокойнымъ голосомъ:

— Въ какой работѣ пособить?

И сталъ набивать трубку.

— Тамъ столы въ свѣтлицу надо переносить и ризы чистили — опять ихъ прибить надо... Батюшка ныньче ввечеру все что-то писалъ... и какъ писалъ, такъ все самъ съ собою смѣялся... и какъ я вошелъ, такъ онъ дрогнулъ и спряталъ... большой листъ...

Я распростеръ руки и показалъ размѣръ листа. Я чувствовалъ, что слова мои блѣдны и передаютъ только внѣшность, а не сущность вещей.

— Ну? спросилъ Сафроній.

— Я не знаю, что онъ писалъ, только онъ все смѣялся: напишетъ и засмѣется... Я испугался... Онъ послалъ меня за вами... Матушка не хотѣла, стала браниться, а онъ сказалъ:— Господь велитъ прощать врагамъ нашимъ... и что злобы на васъ не имѣетъ... и что Господь васъ съ нимъ разсудитъ на томъ свѣтѣ... и велѣлъ мнѣ за вами сходить...

Сафроній стоялъ, слегка наклонясь надо мною, глядѣлъ на меня, курилъ трубку и слушалъ по прежнему, очень внимательно, но, повидимому, спокойно; только ноздри у него слегка шевелились, да чуть-чуть вздрагивалъ усъ; да еще, мнѣ казалось, что онъ все больше и больше блѣднѣетъ.

— А Настя велѣла вамъ...

Какъ бы не желая слышать этого имени, онъ быстро опустилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ явственно, отчетливо, но съ нѣкоторою торопливостью и страстію:

— Скажи батюшкѣ, что у дьячка Сафронія есть своя спѣшная работа. Иди!

Онъ повернулъ меня за плечо къ выходу и отворилъ предо мной двери.

— И Настя велѣла...

— Иди! Скажи: своя спѣшная работа у дьячка есть, — онъ дьячкомъ поставленъ, а наймитомъ не договаривался! Скажи: наймитомъ не договаривался! Иди!

Спокойствіе видимо его покидало и страсть овладѣвала имъ. Сказавъ мнѣ послѣднее «иди!» онъ выпрямился и пустилъ изъ трубки цѣлый столбъ дыму.

Опасаясь, что при имени Насти, онъ снова повернетъ меня за плечо, я искусно перевернулъ фразу:

— Вамъ не велѣла туда ходить Настя, сказала...

Тутъ рѣчь моя прервалась и я только охнулъ, ибо мои дѣтскія кости очутились какъ бы въ желѣзныхъ тискахъ.

Трубка вылетѣла изъ устъ Сафронія, какъ живая дикая птица и со стукомъ скрылась гдѣ-то въ углу; онъ сжималъ меня своими мощными дланями, глаза его сверкали подобно раскаленнымъ угольямъ и онъ повторялъ глухимъ голосомъ:

— Не велѣла туда ходить? Не велѣла туда ходить?

— Не велѣла! проговорилъ я, задыхаясь въ его рукахъ. — Я шелъ, а она высунулась изъ окна, говоритъ: скажи, чтобъ не ходилъ сюда... Что я не велѣла...

Онъ вдругъ поднялъ меня на руки и вынесъ изъ хаты.

Тогда это поразило меня удивленіемъ, но теперь я понимаю, что это было одно изъ тѣхъ необдуманныхъ движеній, которыми часто отличаются люди при душевныхъ потрясеніяхъ. Я впослѣдствіи не разъ видалъ, какъ въ такія минуты люди разрывали на себѣ одежды, падали въ слезахъ на грудь равнодушнаго свидѣтеля ихъ горя или радости, прижимали съ нѣжностію или цаловали неодушевленные предметы и пр. пр.

Вѣроятно, свѣжій воздухъ подѣйствовалъ на него, какъ нѣкій спиртъ: онъ глубоко вздохнулъ и спустилъ меня на землю.

— Я скажу, что вы не придете, проговорилъ я.

— Скажи: не приду. И скажи: спасибо...

— Кому спасибо?

Говоря «скажу», я подразумѣвалъ: скажу отцу Еремѣю и потому «спасибо» меня нѣсколько изумило.

Но онъ, казалось, забылъ про отца Еремѣя.

— Скажи ей: спасибо, и скажи: не приду!

Я побѣжалъ обратно.

Но, пробѣжавъ половину дороги, былъ снова схваченъ въ другія, несравненно нѣжнѣйшія, но цѣпкія руки.

— Что̀? прошептала Настя.

— Сказалъ: не приду, и велѣлъ сказать: спасибо!

— Что̀? разскажи еще разъ!

Я повторилъ.

Она говорила теперь, какъ будто спокойнѣе, но я чувствовалъ, что она горитъ и трепещетъ пуще прежняго.

— Иди, тамъ ждутъ... Послушай, ты никому не скажешь, что я тебя посылала... никому, Тимошъ?

— Никому! Никому!

Чрезъ нѣсколько секундъ я стоялъ предъ лицомъ отца Еремѣя.

На звукъ отворяемой двери всѣ головы обернулись, а когда я вошелъ и притворилъ ее за собою, всѣ глаза вопросительно устремились на меня.

— Гдѣ жь онъ? крикнула Македонская раздражительно. — Дома что̀ ль нѣту?

— Дома...

Но она прервала меня.

— Дома! Такъ что̀ жь онъ, ракомъ что̀ ль ходитъ?

— Онъ сказалъ, у него своя спѣшная работа есть, такъ не придетъ...

Отъ изумленія, отъ негодованія Македонская чуть не выронила изъ рукъ миски со сметаной. Она, повидимому, хотѣла разразиться проклятьями, но только запкнулась и осталась посреди кухни, грозная, но безгласная и нѣмая.

Съ минуту длилось общее безмолвіе, нарушенное только двумя тихими восклицаніями отвращенія и ужаса, вылетѣвшими изъ лукавыхъ устъ лицемѣрнаго пономаря.

Я только мелькомъ взглянулъ на присутствующихъ. Мнѣ показалось, что на лицахъ Прохора, поселянокъ и Лизаветы выражается затаенное удовольствіе; лицо моей матери было въ тѣни и низко наклонено надъ приготовляемыми пирогами, такъ что я не могъ его разсмотрѣть, а отецъ мой какъ-то мгновенно постарѣлъ на сто лѣтъ, сгорбился, сжался, свернулся

и въ этомъ видѣ робко старался исчезнуть за пономаремъ, который, напротивъ того, какъ будто еще подросъ и раздался въ ширину.

Но на всѣ эти лица я, какъ уже сказалъ, взглянулъ только мелькомъ. Когда же я рѣшился поднять глаза на отца Еремѣя, то ужь не могъ отъ него ихъ отвести; онъ привлекалъ меня, какъ, я слыхалъ, привлекаетъ бѣдную птичку разинутая пасть гремучей змѣи.

Отецъ Еремѣй сохранилъ обычную свою пастырскую кротость и благость; только мнѣ показалось, что когда онъ поглаживалъ бороду, бѣлая пухлая рука его двигалась нѣсколько конвульсивно.

Онъ проговорилъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Коли у него своя спѣшная работа есть, такъ дѣлать нечего, надо безъ него обойтись.

— Своя работа спѣшная! произнесла попадья, задыхаясь. — Да я бы...

Отецъ Еремѣй поднялъ руку и остановилъ ее съ христіанскою строгостью:

— Жена! не осуждай, да не осуждена будешь!

Жена гнѣвно плюнула, но умолкла.

— У всякаго свои нужды, продолжалъ отецъ Еремѣй:—а изъ того слѣдуетъ и свои работы. Но еслибы ближній нашъ, по жестокосердію своему, и желалъ обидѣть насъ, то съ кроткимъ сердцемъ, безъ роптанія, да покоримся. Помните, что заповѣдалъ Господь ударяющему тебя въ ланиту, подставь и другую!

Марко Вовчокъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕССЪ?

Гербертъ Спенсеръ. Собраніе сочиненій въ 7-ми томахъ. Изданіе Н. Л. Тиблена.

Статья третья и послѣдняя.

VIII.

Какъ мы уже говорили, Спенсеръ, опредѣливъ прогрессъ, какъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, отъ общаго къ частному, длиннымъ рядомъ дифференцированій или разчлененій, находитъ далѣе нужнымъ сдѣлать къ этому опредѣленію нѣкоторыя поправки и дополненія. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

«Что существуютъ переходы отъ менѣе разнороднаго къ болѣе разнородному, не подходящіе подъ то, что̀ мы называемъ развитіемъ,—говоритъ Спенсеръ—это доказывается каждымъ случаемъ мѣстной болѣзни. Часть тѣла, въ которой возникаетъ тотъ или другой болѣзненный наростъ, безспорно представляетъ новое дифференцированіе. Будетъ ли или нѣтъ этотъ болѣзненный наростъ болѣе разнороденъ, нежели ткани, въ которыхъ онъ является—не въ этомъ дѣло. Вопросъ въ томъ—становится ли строеніе организма, взятое въ цѣломъ, болѣе разнороднымъ вслѣдствіе присоединенія къ нему части, непохожей ни по формѣ, ни по составу своему, ни на одну изъ прежнихъ? И на этотъ вопросъ возможенъ только утвердительный отвѣтъ» (Основныя начала, вып. VII, 188). Однако, этотъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному Спенсеръ не считаетъ возможнымъ признать развитіемъ. Далѣе онъ находитъ, что и первые моменты разложенія мертваго тѣла представляютъ усложненіе, увеличеніе разнородности. «Хотя конечнымъ результатвмъ будетъ бо̀льшая однородность, но непосредственный результатъ противоположенъ. Однако, этотъ непосредственный результатъ отнюдь не представляетъ развитія». «Но изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ, продолжаетъ Спенсеръ, самые неоспо-

римые представляются общественными безпорядками и переворотами. Если въ какой нибудь націи возникаетъ возмущеніе, которое, оставляя извѣстныя области непотревоженными, развивается здѣсь въ тайныя общества, тамъ въ публичныя демонстраціи, а въ иныхъ мѣстахъ въ призывъ къ оружію, приводящій къ столкновенію и кровопролитію,—то нельзя не согласиться, что это общество, разсматриваемое въ цѣломъ, стало болѣе разнороднымъ. *Ясно,* однако, что такія измѣненія не только не составляютъ дальнѣйшей ступени развитія, но напротивъ представляютъ собою шаги къ разложенію».

Однако, почему же это *ясно?* Есть, конечно, точки зрѣнія, съ которыхъ вся совокупность описанныхъ Спенсеромъ явленій признается шагомъ къ разложенію; есть другія точки зрѣнія, съ которыхъ на рядъ подобныхъ явленій смотрятъ какъ на шаги къ развитію, или къ разложенію, смотря по тому, во имя чего происходятъ столкновенія и кровопролитіе; наконецъ, какова бы ни была цѣль всего движенія, кровопролитіе со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія признается явленіемъ печальнымъ. Но всѣ эти точки зрѣнія субъективны. Всѣ они разсматриваютъ и оцѣниваютъ явленія въ связи съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ понятіемъ о человѣческомъ счастіи. Описанныя Спенсеромъ явленія они признаютъ шагами къ развитію или къ разложенію, явленіями прогрессивными или регрессивными только по тому понятію, которое они составили себѣ о человѣческомъ благоденствіи и о путяхъ къ достиженію его. Еслибы, напримѣръ, намъ пришлось отвѣчать на заданный себѣ Спенсеромъ вопросъ: находится ли нація, въ которой существуютъ въ данную минуту тайныя общества, публичныя демонстраціи, вооруженныя столкновенія и проч., на пути къ разложенію, или наоборотъ на пути къ дальнѣйшему развитію? — еслибы намъ пришлось отвѣчать на этотъ вопросъ, то мы очутились бы въ большомъ затрудненіи. Мы нашли бы вопросъ по малой мѣрѣ очень страннымъ. Мы пожелали бы узнать, о какихъ именно событіяхъ идетъ рѣчь, во имя чего собираются тайныя общества, устроиваются публичныя демонстраціи и т. д. и какую вѣроятность успѣха имѣетъ все это движеніе. Агитація, подготовившая Итальянское королевство, позднѣйшая агитація оставшихся заштатомъ итальянскихъ Бурбоновъ; агитація, низвергшая Изабеллу испанскую, агитація изабелистовъ и карлистовъ, агитація испанскихъ республиканцевъ-федералистовъ, — всѣ онѣ могутъ выражаться въ однѣхъ и тѣхъ же общихъ формахъ тайныхъ обществъ, публичныхъ демонстрацій, вооруженныхъ столкновеній, и тѣмъ не менѣе представлять явленія, радикально различныя по своему смыслу и результатамъ. Получивъ на счетъ этого смысла движенія и ожидаемыхъ его результатовъ нужныя свѣдѣнія, мы можемъ признать его явленіемъ прогрессивнымъ, или регрессивнымъ, смотря по тому, способствуетъ ли оно приближенію общества къ нашему идеалу счастія и совершенства, или же загораживаетъ

ему эту дорогу. Мы, напримѣръ, полагаемъ, что счастіе заключается въ индивидуальной цѣлостности, т.-е. въ индивидуальной разнородности и общественной однородности. Къ этому критерію мы и обращаемся для оцѣнки даннаго политическаго движенія. И такъ поступаетъ всякій. Разница только въ качествахъ критерія. Но Спенсеръ совершенно устраняетъ вопросъ о человѣческомъ счастіи. Онъ обѣщался «проанализировать различные классы измѣненій, обыкновенно признаваемыхъ прогрессомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе классы, которые сходны съ ними, но прогрессомъ не считаются»; при этомъ онъ хотѣлъ разсмотрѣть, «въ чемъ состоитъ ихъ существенная особенность, т.-е. какова ихъ существенная природа, независимо отъ отношеній къ нашему благоденствію». Эта объективная точка зрѣнія привела его къ убѣжденію, что прогрессъ есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному. И тѣмъ не менѣе, дойдя до извѣстнаго явленія, представляющаго именно такой переходъ, онъ отказывается признать его явленіемъ прогрессивнымъ и не объясняетъ даже причинъ, побуждающихъ его къ такому уклоненію отъ имъ самимъ найденной объективной нормы прогресса. Собственныя его слова могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ: «разсматривая тѣ классы измѣненій, которые *считаются* прогрессомъ, а равно и другіе, которые сходны съ ними, но прогрессомъ *не считаются*, мы находимъ, что прогрессъ есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Данное явленіе представляетъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, но мы его *не считаемъ* прогрессивнымъ». Но съ какой-же это стати? почему? И откуда этотъ аксіоматическій тонъ? Если Спенсеръ обращается здѣсь къ простому здравому смыслу, то, вопервыхъ, здравый смыслъ несомнѣнно откажется подтвердить его положеніе, а вовторыхъ дѣло было именно въ томъ, чтобы оставить простой здравый смыслъ въ сторонѣ. Ясно, что Спенсеръ не могъ удержаться на высотѣ объективнаго метода и, въ противность своему обѣщанію, придерживается извѣстныхъ субъективныхъ воззрѣній на прогрессъ, вноситъ въ свои разсужденія нѣкоторую телеологію; имѣетъ свой идеалъ общественныхъ отношеній, по мѣркѣ котораго выкроены и общіе взгляды его на соціальный прогрессъ. Онъ, однимъ словомъ, приступаетъ къ изслѣдованію прогресса съ предвзятымъ мнѣніемъ. То же самое относится и къ двумъ другимъ его примѣрамъ не прогрессивнаго перехода отъ однороднаго къ разнородному. Болѣзненный наростъ, безспорно способствующій усложненію организма, едва-ли кто нибудь рѣшится назвать явленіемъ прогрессивнымъ. Но къ этому инстинктивному голосу простаго здраваго смысла Спенсеръ не имѣетъ никакого права прислушиваться, такъ-какъ онъ заранѣе поставилъ себя въ независимость отъ подобныхъ рѣшеній. Онъ объявилъ, что будетъ разсматривать всякія измѣненія, независимо отъ того, признаются они большинствомъ за измѣненія прогрессивныя, или не при-

знаются. Основанія, по которымъ никто не рѣшится назвать болѣзненный наростъ шагомъ къ дальнѣйшему развитію, очень просты, но они очевидно вяжутся съ нѣкоторою телеологіей, они лежатъ въ понятіи о благоденствіи человѣка, а Спенсеръ считаетъ такую постановку вопроса нераціональною и недостаточно свободною. Если онъ такимъ образомъ становится въ противорѣчіе какъ со своимъ объективнымъ методомъ, такъ и съ добытою имъ формулою прогресса, то это опять-таки значитъ, что и въ этомъ случаѣ имъ руководитъ нѣкоторое предвзятое мнѣніе. Мы уже говорили, что присутствіе предвзятаго мнѣнія, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, при всякомъ наблюденіи и изслѣдованіи вообще неизбѣжно и что все дѣло состоитъ только въ достоинствѣ этого предвзятаго мнѣнія. Въ случаѣ его истинности можно ожидать и вѣрнаго изслѣдованія, и наоборотъ. Къ тому, что мы сказали объ этомъ въ первой статьѣ, мы прибавимъ здѣсь взглядъ Конта на значеніе предвзятаго мнѣнія. Фактовъ, говоритъ Контъ, нельзя изучать безъ помощи теоріи, хотя бы въ видѣ временной гипотезы. Это не только неудобно, но просто немыслимо, невозможно; хотя ранняя, скороспѣлая, еще недостаточно провѣренная теорія, пока она не повѣрена, представляетъ многія опасности и поводы къ ошибкамъ. Съ этимъ, однако, поневолѣ приходится примириться. «Если видѣть въ этой опасности достаточный мотивъ для возстановленія преобладанія такъ-называемаго эмпиризма, то на дѣлѣ устраненіе этой опасности повело бы только къ замѣнѣ руководства болѣе или менѣе раціональныхъ, но всегда поправимыхъ теорій вліяніемъ чисто метафизическихъ доктринъ; потому что *совершенное устраненіе какого бы то ни было руководящаго взгляда есть химера*» (Cours de phil. positive. IV, 304). Здѣсь рѣчь идетъ собственно о законности гипотезъ, которыя суть предвзятыя мнѣнія, сознательно, условно и временно выдвигаемыя для какихъ-нибудь опредѣленныхъ цѣлей. Но подчеркнутыя нами слова выражаютъ именно то, что мы говоримъ о неизбѣжности предвзятыхъ мнѣній.

Есть, какъ извѣстно, нѣсколько группъ мыслителей, которые расходятся между собою во многихъ отношеніяхъ, но согласны по крайней-мѣрѣ въ одномъ общемъ положеніи, — въ томъ, что человѣкъ родится съ нѣкоторыми готовыми истинами. Къ числу такихъ, безъ труда пріобрѣтенныхъ, и даже не пріобрѣтенныхъ, а присущихъ духу человѣка, врожденныхъ истинъ принадлежатъ общія нравственныя идеи и нѣкоторыя воззрѣнія на окружающій вещественный міръ. Изо всѣхъ этихъ истинъ упорнѣе всего держались и удачнѣе всего защищались математическія аксіомы. Это поистинѣ философская крѣпость идеализма, какъ называетъ аксіомы Тэнъ. Однако, крѣпость эту можно теперь считать взятою приступомъ. Самыя аксіомы оказываются результатами опыта и наблюденія, и если онѣ и могутъ казаться прирожденными человѣческому духу, то только по своей

крайней простотѣ и общности. Явленія и ихъ взаимныя отношенія, выражаемыя аксіомами, до такой степени несложны и до такой степени часто повторяются въ природѣ, что человѣкъ и не замѣчаетъ тѣхъ ежедневныхъ, ежечасныхъ, ежеминутныхъ опытовъ и наблюденій, которые постепенно убѣждаютъ его, что цѣлое больше части, что если къ двумъ равнымъ величинамъ прибавить по равной величинѣ, то суммы будутъ равны и т. д. Такъ что впослѣдствіи, будучи представлена человѣку въ своемъ отвлеченномъ отъ конкретной обстановки видѣ, аксіома кажется ему нетребующею опытно-наблюдательнаго подтвержденія. Въ сущности же она есть не болѣе, какъ обобщеніе единичныхъ, разбросанныхъ представленій и ощущеній, съ самаго дня рожденія залегавшихъ въ его памяти. Такимъ же путемъ сознательнаго или безсознательнаго опыта получаются наши знанія и о предметахъ болѣе сложныхъ. Ни внѣ насъ, ни внутри насъ мы не можемъ признать существованія какихъ либо особыхъ дѣятелей, дающихъ намъ, помимо опыта, готовыя рѣшенія насчетъ нашихъ отношеній къ природѣ и къ другимъ людямъ. Человѣкъ родится, имѣя только орудія для пріобрѣтенія знаній и оцѣнки явленій вообще и не принося съ собою на свѣтъ никакихъ готовыхъ истинъ. Все наше психическое содержаніе безъ остатка, т.-е. всѣ наши мысли, знанія— будутъ ли они истинны или ложны, всѣ наши желанія и чувства — будутъ ли они хороши или дурны, — обязаны своимъ происхожденіемъ опыту. Было бы, однако, ошибочно думать, что вся сумма знаній, чувствъ и желаній каждаго человѣка дана его личнымъ опытомъ. Опытъ предковъ, безъ сомнѣнія, производитъ въ цѣломъ ряду поколѣній болѣе или менѣе глубокія измѣненія въ нервной системѣ, такъ что мозгъ новорожденнаго ребенка не есть tabula rasa. Однако, поскольку человѣкъ можетъ прослѣдить генезисъ своихъ инстинктовъ и всего своего психическаго содержанія, оно въ началѣ все-таки опредѣляется опытомъ. Иначе говоря, содержаніе нашего *я* есть всегда исключительно эмпирическое. Содержаніе это можетъ постоянно измѣняться, но въ каждую данную минуту человѣкъ отрѣшиться отъ него не можетъ. Поэтому представленія и ощущенія, получаемыя нами въ данную минуту отъ даннаго явленія, самымъ существеннымъ образомъ опредѣляются тѣмъ порядкомъ, въ которомъ расположились въ нашемъ психическомъ строѣ прежде накопленные опыты и наблюденія. Совокупность этихъ предъидущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, составляетъ предвзятое мнѣніе. Ребенокъ, привлеченный блестящимъ видомъ нагрѣтаго самовара, дотрогивается до него рукой и обжигается. Онъ узнаетъ, что самоваръ жжется, что̀, въ переводѣ на болѣе точный языкъ, значитъ: нагрѣтый самоваръ, придя въ соприкосновеніе съ человѣческимъ тѣломъ, производитъ въ немъ ощущеніе жара, которое, будучи усилено, становится болѣзненнымъ. Но такое

отчетливое представленіе своихъ отношеній къ самовару возможно для ребенка только гораздо позже. Сначала у него остается въ памяти только тотъ фактъ, что блестящее тѣло извѣстной формы (которую онъ запомнилъ вѣроятно только приблизительно) жжется. Это сырое, неотдѣланное, изолированное представленіе служитъ ему уже нѣкоторымъ руководителемъ въ его несложной жизни. Увидя на другой, на третій день блестящую поверхность, сходную съ поверхностью самовара, или тотъ же самоваръ, ребенокъ смотритъ на него уже съ тѣмъ предвзятымъ мнѣніемъ, что онъ жжется. Воображеніе и память комбинируютъ для него опытъ прошедшаго съ новымъ или только повторяющимся явленіемъ. Но группировка ощущеній, составляющая его предвзятое мнѣніе, оказывается неудовлетворительною и потому приводитъ его къ ряду ошибокъ. Рядъ дальнѣйшихъ вольныхъ или невольныхъ опытовъ и наблюденій убѣждаетъ его наконецъ, задолго до раціональной теоретической группировки соотносящихся фактовъ, что не всякая блестящая поверхность жжется, что и самый самоваръ жжется только когда онъ нагрѣтъ, что для полученія ощущенія боли надо держать палецъ у самовара извѣстное время и т. д. Здѣсь мы имѣемъ явленіе опять-таки очень простое и потому ступени ложныхъ предвзятыхъ мнѣній пробѣгаются тутъ весьма быстро. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы даже въ такихъ несложныхъ вещахъ предвзятое мнѣніе не могло существеннымъ образомъ измѣнить значеніе непосредственнаго свидѣтельства чувствъ. Мнѣ самому случилось видѣть — и вѣроятно всякій припомнитъ аналогичные факты — какъ ребенокъ, дотронувшись до холоднаго металлическаго кофейника, заплакалъ и показывалъ на свой палецъ, какъ на обожженый. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, которыхъ въ особенности много можетъ привести исторія предразсудковъ и суевѣрій, ложное предвзятое мнѣніе, построенное на ошибочно или односторонне обобщенныхъ представленіяхъ и ощущеніяхъ, совершенно парализируетъ и извращаетъ непосредственное воспріятіе; говоря психологическимъ языкомъ,— апперцепція перевѣшиваетъ перцепцію. Для уясненія значенія апперцепціоннаго процесса каждый можетъ сдѣлать слѣдующій простой опытъ. Посмотрите съ извѣстнаго разстоянія, напримѣръ, на вывѣску хоть мелочной лавочки. Вы увидите болѣе или менѣе ясныя очертанія плодовъ, сахарныхъ головъ, печеныхъ хлѣбовъ и т. д. Положимъ, что при силѣ вашего зрѣнія и съ того мѣста, гдѣ вы находитесь, вы можете разглядѣть на вывѣскѣ яблоко, пару грушъ и еще что-то круглое, но для васъ не совсѣмъ ясное. Вы берете зрительную трубку, и при помощи ея усматриваете, что это нѣчто неясное изображаетъ виноградную кисть. Вы оставляете трубку, смотрите на вывѣску опять простыми глазами и на этотъ разъ можете уже разсмотрѣть очертанія той самой виноградной кисти, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ представлялась вамъ просто

круглымъ пятномъ. Предшествующее впечатлѣніе, въ этомъ случаѣ полученное при помощи зрительной трубки, что разумѣется не обязательно, называется апперцепирующимъ. Перцепція или непосредственное воспріятіе, полученное въ данную минуту, осложняется апперцепціей или тѣми впечатлѣніями, которыя получены наблюдателемъ раньше. Вы разсмотрѣли во второй разъ простыми глазами виноградную кисть только потому, что предварительный опытъ приготовилъ васъ къ ея усмотрѣнію, надѣлилъ васъ предвзятымъ мнѣніемъ, безъ котораго вы и во второй и въ третій разъ виноградной кисти не разглядѣли бы. Въ этомъ опытѣ съ вывѣской мы, такъ сказать, уединяемъ апперцепцію и потому вліяніе ея становится очевиднымъ. Но, собственно говоря, всякое наблюденіе и всякій психическій процессъ состоитъ въ неизбѣжно совокупномъ дѣйствіи перцепціи и апперцепціи, и вторженіе послѣдней можетъ совершенно извратить свидѣтельство чувствъ. По непривычкѣ къ самонаблюденію мы обыкновенно не замѣчаемъ подобныхъ фактовъ, потому что либо апперцепція дѣйствительно совпадаетъ съ перцепціей, либо первая совершенно заслоняетъ для нашего сознанія вторую, и въ такомъ случаѣ онѣ субъективно тождественны. Вторженіе апперцепціи можетъ происходить на очень разнообразные лады и давать очень разнообразные результаты. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ она только дополнила перцепцію и помогла увидѣть то, что̀ дѣйствительно было. Но она можетъ и помѣшать увидѣть существующій фактъ, и освѣтить его невѣрнымъ свѣтомъ. Вы часто можете разсмотрѣть ту же виноградную кисть на вывѣскѣ мелочной лавочки съ такого разстоянія, съ какого не увидите предмета такихъ же размѣровъ, но вамъ менѣе знакомаго. Всѣ эти вывѣски рисуются на одинъ и тотъ же манеръ, впечатлѣнія вы отъ нихъ сотни разъ получали одни и тѣ же, и сумма ихъ составляетъ для васъ то предвзятое мнѣніе, въ силу котораго вы можете увидѣть виноградную кисть на очень отдаленномъ разстояніи. Но предположимъ, что на какой-нибудь вывѣскѣ живописецъ измѣнилъ рутинѣ и нарисовалъ вмѣсто обычной виноградной кисти ананасъ. Легко можетъ быть, что вы, даже на относительно близкомъ разстояніи, увидите не ананасъ, какъ должна бы была засвидѣтельствовать перцепція, а виноградную кисть, какъ вамъ подсказываетъ апперцепція. И вы будете утверждать, что вы видѣли виноградную кисть собственными глазами, и вы будете не совсѣмъ неправы. Въ первой статьѣ мы привели нѣсколько заимствованныхъ у Спенсера характерныхъ примѣровъ извращенія наблюденій ложными апперцепирующими представленіями. Происхожденіе этихъ представленій необходимо опытное, но лежащій въ основѣ ихъ опытъ можетъ быть неполонъ, односторonенъ, совсѣмъ невѣренъ, наконецъ, можетъ быть извращенъ болѣе ранними ложными апперцепціями. Но точно также апперцепція можетъ быть и совершенно безупречна. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, аппер-

цепціонный процессъ неизбѣженъ. Онъ состоитъ, какъ видитъ читатель, въ томъ, что при всякомъ чувственномъ воспріятіи въ нашемъ сознаніи особенно отчетливо поднимаются тѣ предъидущія впечатлѣнія, которыя имѣютъ съ даннымъ воспріятіемъ какое-нибудь сходство. Воображеніе и память комбинируютъ воспріятіе съ соотвѣтственными сторонами нашего уже установившагося эмпирическаго содержанія, и эта новая комбинація немедленно входитъ какъ одинъ изъ элементовъ въ психическое содержаніе. Все это располагается въ нашемъ психическомъ строѣ въ извѣстномъ порядкѣ, который однако въ большинствѣ случаевъ представляетъ большой безпорядокъ, благодаря условіямъ современной жизни: собственный опытъ ранняго дѣтства, комбинирусь съ бабушкиными сказками, можетъ породить въ насъ такія чувства, слѣды которыхъ остаются и въ взросломъ человѣкѣ; сочетаніе болѣе поздняго опыта съ впечатлѣніями, полученными отъ чтенія какого-нибудь опредѣленнаго рода книгъ, можетъ дать начало новому слою побужденій и т. д. Поэтому въ этой сложной сѣти часто бываетъ весьма трудно добраться до первыхъ источниковъ какого-нибудь ошибочного воззрѣнія. «Спросите — говоритъ Спенсеръ — любаго изъ передовыхъ нашихъ геологовъ и физіологовъ (это писано еще до появленія книги Дарвина), вѣритъ ли онъ въ легендарное объясненіе сотворенія міра — онъ сочтетъ вашъ вопросъ за обиду. Онъ или вовсе отвергаетъ это повѣствованіе, или принимаетъ его въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ смыслѣ. Между тѣмъ, одну часть этого повѣствованія онъ безсознательно принимаетъ, и принимаетъ даже слишкомъ буквально. Откуда онъ заимствовалъ понятіе объ «отдѣльности твореній», которое считаетъ столь основательнымъ и за которое такъ мужественно сражается? Очевидно, онъ не можетъ указать никакого другого источника, кромѣ того миѳа, который отвергаетъ. Онъ не имѣетъ ни одного факта въ природѣ, который могъ бы привести въ подтвержденіе своей теоріи; у него не сложилось также и цѣпи отвлеченныхъ доктринъ, которая могла бы придать значеніе этой теоріи. Заставьте его откровенно высказаться, и онъ долженъ будетъ сознаться, что это понятіе было вложено въ его голову еще съ дѣтства, какъ часть тѣхъ разсказовъ, которые онъ считаетъ теперь нелѣпыми. Но почему, отвергая все остальное въ этихъ разсказахъ, онъ такъ ревностно защищаетъ послѣдній ихъ остатокъ, какъ будто почерпнутый имъ изъ какого-нибудь достовѣрнаго источника, — это онъ затруднится сказать» (Т. I, Опыты. «Гипотеза развитія», 178). Въ этихъ случаяхъ въ области психическихъ явленій происходитъ своего рода атавизмъ: заглохнувшее относительно нѣкоторыхъ частностей представленіе вдругъ встаетъ во всей силѣ и въ тайнѣ руководитъ наблюдателя, безъ вѣдома его сознанія. Наблюдатель вслѣдствіе этого видитъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, не видитъ того, что̀ встрѣчается на каждомъ шагу, придаетъ важное

значеніе самымъ бѣднымъ доводамъ и не убѣждается таблицею умноженія. Противъ этого рода опасностей есть только одно средство: по возможности тщательно провѣрять свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники. Если комбинація воспріятій, ложащихся въ основу предвзятаго мнѣнія, сознана и можетъ быть формулирована, она обращается въ теорію, допускающую критическое отношеніе къ себѣ. Теорія эта можетъ, безъ сомнѣнія, также служить источникомъ ложныхъ апперцепирующихъ представленій, какъ, напримѣръ, въ случаѣ двухъ микроскопистовъ, придерживающихся различныхъ теорій и вслѣдствіе этого видящихъ подъ однимъ и тѣмъ же микроскопомъ, въ одномъ и томъ же явленіи, различныя вещи. Въ этомъ случаѣ каждый изъ наблюдателей видитъ только то, что̀ желаетъ видѣть, чего онъ ищетъ, и не видитъ того, чего не ищетъ. Оба ссылаются на свои непосредственныя впечатлѣнія и потому взаимная повѣрка обѣихъ теорій прямымъ наблюденіемъ весьма затруднительна. Но за то здѣсь остается другой путь къ повѣркѣ. Такъ-какъ теорія составляетъ рядъ сознательныхъ обобщеній отдѣльныхъ фактовъ, и вся эта цѣпь наблюденій и обобщеній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, находится у всѣхъ на виду, то всякій можетъ вернуться къ самымъ источникамъ теоріи. Такимъ образомъ, кромѣ вопроса: что видитъ микроскопистъ въ данномъ явленіи? чего онъ въ немъ ищетъ? — кромѣ этого вопроса можетъ быть заданъ иной, а именно: имѣетъ ли микроскопистъ логическое и научное право искать именно этого, а не чего либо другаго? Другими словами, оправдывается ли его теорія фактами, уже прочно стоящими въ наукѣ? Если такое оправданіе существуетъ, то можно думать, что наблюденіе, сдѣланное подъ вліяніемъ соотвѣтствующей теоріи, вѣрно. Если же нѣтъ, то теорія получаетъ права и обязанности гипотезы, въ ожиданіи полученія инымъ путемъ такихъ научныхъ данныхъ, которыя либо подтвердятъ, либо уничтожатъ гипотезу. Совсѣмъ иное дѣло бываетъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, несознаннымъ, состоящимъ изъ невѣдомаго самому изслѣдователю сочетанія воспріятій, невылившимся въ ясную для него самаго формулу. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ говоритъ, что онъ приступаетъ къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Но хотя въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ такое выраженіе и имѣетъ нѣкоторый достаточно опредѣленный смыслъ, однако, строго говоря, этотъ человѣкъ, заявляющій о своемъ безусловномъ безпристрастіи, говоритъ неправду. Утвержденіе его отнюдь не значитъ, чтобы онъ могъ дѣйствительно отрѣшиться отъ готовыхъ уже въ его головѣ обобщеній. Оно, въ лучшемъ случаѣ, означаетъ только, что обобщенія эти образуютъ цѣпь, для него самаго неясную (въ худшемъ онъ показываетъ, что человѣкъ собирается просто намѣренно извратить истину). И потому здѣсь несравненно труднѣе убѣдиться въ ошибочно-

сти своего воззрѣнія и отнестись къ нему критически; здѣсь приходится имѣть дѣло съ невидимыми и неизвѣстными врагами, которые, однако, неуклонно слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ и даютъ себя чувствовать тамъ, гдѣ вы ихъ всего менѣе можете ожидать. Отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія столь же трудно, какъ, напримѣръ, вывернуться на изнанку. Можно только замѣнить одно содержаніе другимъ, для чего первое должно быть приведено въ совершенную ясность и должны быть тщательно выслѣжены тѣ пути, которыми человѣкъ дошелъ до такихъ-то именно воззрѣній. А это невозможно, если человѣкъ придаетъ строгое значеніе своему обѣщанію приступить къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, ибо это значитъ, что человѣкъ не знаетъ, что̀ дѣлается въ его головѣ. Современный филологъ можетъ съ изумленіемъ остановиться на томъ фактѣ, что древніе римляне называли германскія племена варварами и считали ихъ совершенно особою, низшею породою людей, «тогда какъ между языкомъ Цезаря и языкомъ варваровъ, противъ которыхъ онъ воевалъ въ Галліи и Германіи, было столько же сходства, какъ между его языкомъ и языкомъ Гомера» (Максъ Мюллеръ. Лекціи по наукѣ о языкѣ и проч. Спб. 1865. Стр. 91). «Мужъ съ остроуміемъ Цезаря — прибавляетъ Максъ Мюллеръ — непремѣнно замѣтилъ бы это, еслибы не былъ ослѣпленъ традиціонною фразеологіей». Далѣе, приведя въ примѣръ спряженіе глагола *имѣть* въ латинскомъ и готскомъ языкахъ, знаменитый лингвистъ говоритъ: «Для того, чтобы не замѣтить такого сходства, требуется въ самомъ дѣлѣ порядочная доля слѣпоты, или лучше, глухоты, и причиною такой слѣпоты или глухоты было, я думаю, единственно слово *варваръ*» (92). Дѣло въ томъ, что римляне, бывшіе въ глазахъ грековъ въ свое время сами варварами, получивъ отъ нихъ это готовое выраженіе, приложили его ко всѣмъ народамъ, за исключеніемъ себя и своихъ цивилизаторовъ — грековъ. Ни съ какимъ опредѣленнымъ смысломъ выраженіе это не связывалось, никакого опредѣленнаго, яснаго содержанія не имѣло, кромѣ чисто отрицательнаго: не римляне, не греки. Въ пору малаго знакомства грековъ съ другими народами, слово «варваръ» имѣло нѣкоторый историческій смыслъ. Греческое ухо, недостаточно развитое опытомъ въ этомъ направленіи, не умѣло различать звуки чуждыхъ языковъ, хотя, надо замѣтить, греки различали «варварогласныхъ», т.-е. худо говорящихъ погречески, и собственно варваровъ. Такимъ образомъ, противопоставленіе варваровъ грекамъ было слѣдствіемъ недостаточности опыта, а не причиною его. Но разъ установившись традиціоннымъ путемъ, слово «варваръ» легло въ основаніе предвзятаго мнѣнія, въ силу котораго греки и позднѣе римляне не могли замѣтить сходства между своими языками и языками варваровъ, несмотря на постоянныя столкнове-

нія. Максъ Мюллеръ полагаетъ, что это предвзятое мнѣніе было разрушено и могло быть разрушено только христіанствомъ. «Идея всего человѣчества, какъ одного семейства, какъ дѣтей одного Бога, родилась изъ христіанства, и наука человѣчества и языковъ человѣчества есть наука, которая безъ христіанства никогда не вступила бы въ жизнь. Когда людей стали учить смотрѣть на всѣхъ ближнихъ, какъ на братьевъ, тогда только разнообразіе человѣческой рѣчи представилось вопросомъ, призывающимъ къ своему рѣшенію глубокомысленныхъ наблюдателей, и поэтому я считаю настоящее начало науки о языкѣ съ перваго дня Пятидесятницы. Послѣ этого дня освобожденныхъ языковъ изливается новый свѣтъ надъ міромъ, и нашимъ взорамъ являются предметы, скрывавшіеся отъ глазъ народовъ древности. Старыя слова принимаютъ новое значеніе, старые вопросы получаютъ новый интересъ, старыя науки новую цѣль» (Ibid.). Хотя, какъ намъ кажется, значеніе христіанства здѣсь нѣсколько преувеличено, но въ мнѣніи Макса Мюллера есть значительная доля правды. Во всякомъ случаѣ, судьба слова «варваръ» представляетъ прекрасный примѣръ ликвидаціи психическаго содержанія человѣческаго *я*. Воспріятія, полученныя греками при первыхъ ихъ столкновеніяхъ съ другими народами, убѣдили ихъ, что существуютъ на свѣтѣ не-греки, люди, отличные отъ грековъ. Дальнѣйшая классификація этихъ не-грековъ была на первыхъ порахъ невозможна. Зная только себя, греки не могли оріентироваться въ массѣ чуждыхъ нравовъ, языковъ, понятій. Ихъ психическій аппаратъ былъ приготовленъ предъидущимъ опытомъ только къ отличенію своихъ порядковъ отъ не своихъ. Уразумѣть жизнь, нѣсколько отличную отъ ихъ жизни, они не могли, и потому естественно преувеличивали черты различія между ними и варварами и уменьшали значеніе различій въ средѣ самыхъ варваровъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ другими народами, такая грубая классификація должна была необходимо пасть и, повидимому, римлянамъ было особенно легко съ ней разстаться, такъ-какъ они и сами считались нѣкогда варварами, и имѣли столкновенія въ Европѣ, Азіи и Африкѣ съ очень разнообразными народностями. Но здѣсь стало поперегъ дороги слово «варваръ». Порожденное сходствомъ впечатлѣній, полученныхъ во время знакомства съ разными народами, и усвоенное путемъ безсознательной традиціи, слово это обратилось въ какую-то перегородку, изъ-за которой римляне не могли разсмотрѣть нѣкоторыхъ чертъ въ характерѣ варваровъ. Маленькое и совершенно безсмысленное словечко давало пищу національному самолюбію, презрѣнію къ другимъ народамъ, но ни одинъ римлянинъ не соединялъ со словомъ *варваръ* какого-нибудь опредѣленнаго представленія. Фактъ смутныхъ и одностороннихъ воспріятій былъ безсознательно возведенъ въ принципъ. Непосредственное свидѣтельство чувствъ,

руководимое несознаннымъ предвзятымъ мнѣніемъ, говорило въ пользу глубокаго различія между варварскимъ міромъ и міромъ греко-римскимъ. Факты сходства не замѣчались, факты различія преувеличивались, такъ что вытолкать понятіе о варварствѣ прямое наблюденіе не могло — оно, напротивъ, закрѣпощало его. Нужно было какое-нибудь коренное измѣненіе со стороны, новая точка зрѣнія на самыя общія и элементарныя основанія международныхъ отношеній, чтобы перегородка между греко-римлянами и варварами развалилась. Нужно было ликвидировать всю эту сторону психическаго содержанія римлянъ, т.-е. дать новую руководящую нить, на столько сильную и основную, чтобы она могла захватить корни предвзятаго мнѣнія о варварствѣ, и тогда вѣтви отвалились бы сами собой; сознательное отношеніе къ вѣковому предразсудку, основанному на одностороннемъ сочетаніи воспріятій, должно было совершенно и благотворно измѣнить значеніе прямаго опыта. И конечно, космополитическая христіанская идея была въ этомъ случаѣ однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ. Такъ или иначе, она разбила перегородку, или, по крайней мѣрѣ, весьма сильно помогла разбить ее. Такимъ образомъ, ликвидація психическаго содержанія, смѣна одного содержанія другимъ можетъ произойти не иначе, какъ путемъ его уясненія. До тѣхъ же поръ, пока наше психическое содержаніе не приведено въ ясность, пока не изучены его корни, объ отрѣшеніи отъ даннаго эмпирическаго содержанія нечего и думать, и всякая подобная попытка должна потерпѣть полное фіаско.

Отвлеченныя категоріи, представляющія въ эксцентрическомъ періодѣ развитія руководящіе принципы въ области мысли и практической жизни, составляютъ именно такія попытки отрѣшиться отъ даннаго эмпирическаго содержанія. Такова, напримѣръ, пресловутая формула «искусство для искусства» или «чистое искусство». Собственно говоря, эта ходячая условная формула отнюдь не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ качествамъ тѣхъ явленій, которыя ею обозначаются; собственно говоря, чистое искусство есть миражъ, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ вещей, которыми человѣкъ самъ себя обманываетъ. Пренія о цѣли и значеніи искусства составляли у насъ недавно столь любимую тэму, что, безъ сомнѣнія, успѣли порядочно надоѣсть обществу. Но читатель можетъ успокоиться, — мы будемъ кратки. Для оцѣнки истиннаго значенія принципа искусства для искусства слѣдуетъ условиться насчетъ пониманія словъ «прекрасное», «красота». Люди, исповѣдующіе культъ чистой, идеальной красоты, или прямо говорятъ о себѣ:

Воспѣваетъ, простодушный,
Онъ любовь и красоту
И науки имъ ослушной
Суету и пустоту. (Баратынскій).

Или же заявляютъ, что, вполнѣ уважая науку и великіе нравственные принципы, они тѣмъ не менѣе отмежевываютъ себѣ совершенно особый уголокъ дѣятельности, куда не допускается ни теоретическое знаніе, ни тревоги практической жизни, гдѣ все прекрасно, гдѣ поколѣніе за поколѣніемъ служитъ одной чистой идеѣ красоты, принося ей художественныя жертвы. Мы чистые художники, говорятъ жрецы идеи прекраснаго, мы не знаемъ и знать не хотимъ никакихъ тенденцій, т.-е. никакихъ субъективныхъ отношеній къ создаваемымъ нами образамъ, устраняемъ всякія свои личныя симпатіи и антипатіи, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются идеею прекраснаго. Но въ чемъ же состоитъ это «прекрасное», эта «красота»? Мы видимъ, что понятія о красотѣ древняго грека, индуса, средневѣковаго монаха, современнаго итальянца, голландца, китайца, француза, представителя высшихъ слоевъ общества, русскаго крестьянина, наконецъ понятія Петра, Ивана, хотя и имѣютъ нѣкоторые общіе пункты, но въ общемъ совершенно различны. Съ точки зрѣнія врожденныхъ идей фактъ этого разнообразія совершенно теменъ и непонятенъ. Но мы легко поймемъ значеніе всѣхъ развѣтвленій и метаморфозъ понятія о прекрасномъ, если признаемъ, что понятіе это слагается эмпирическимъ путемъ, путемъ комбинированія тѣхъ пріятныхъ ощущеній, которыя получаетъ на своемъ вѣку и на своемъ мѣстѣ каждая индивидуальная и соціальная единица. Оставляя въ сторонѣ индивидуальныя особенности, какъ второстепенныя, посмотримъ, какъ складываются коллективныя понятія о красотѣ, напримѣръ, человѣческаго тѣла. Если данная соціальная группа въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній испытывала наслажденіе власти, она необходимо внесетъ соотвѣтственный элементъ въ свой идеалъ красоты: величественную поступь, повелительные жесты и взгляды, гордый поворотъ головы. И такимъ же образомъ отражаются въ понятіи о красотѣ всѣ остальныя эмпирическія условія, которыя выработаны для данной группы историческимъ путемъ общественныхъ дифференцированій. Рутинный типъ идеальной красоты высшихъ слоевъ европейскаго общества извѣстенъ: блѣдное или съ слабымъ румянцемъ лицо, прямой лобъ, мало развитыя скулы, тонкія кости, маленькія руки и ноги, томные или страстные, вообще выразительные глаза и т. д. Всѣ эти элементы такъ-называемой идеальной красоты даны не идеальнымъ, а эмпирическимъ порядкомъ вещей. Все это существенные признаки такой общественной единицы, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воспитывала въ себѣ интеллектуальную сторону насчетъ физической, или — что̀ то же — жила насчетъ труда другихъ общественныхъ единицъ. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ войти въ идеалъ красоты, напримѣръ, русскаго мужика. За неимѣніемъ досуга, онъ не могъ испытать пріятныхъ ощущеній, даваемыхъ умственнымъ развитіемъ, не могъ выработать себѣ высокаго, прямаго лба и

задержать развитіе скуловыхъ костей и нижней челюсти, и потому ни въ грошъ не ставитъ личной уголъ; не испыталъ онъ и удовольствія мечты и потому не оцѣнитъ томныхъ глазъ; не входятъ въ составъ его идеала красоты и тонкія кости и блѣдный цвѣтъ лица. Десять идеальныхъ красавицъ высшаго круга онъ отдастъ за одну умѣренно полную бабу съ здоровыми руками и румянцемъ во всю щеку. Точно также ожирѣвшій идеалъ, напримѣръ, купеческаго сословія совершенно соотвѣтствуетъ существующимъ условіямъ этой соціальной группы, удаленной и отъ тяжкаго труда и отъ утонченнаго развитія страстей и отъ умственнаго развитія. Изъ этого слѣдуетъ, что идеально прекрасное, будучи понятіемъ относительнымъ, находится въ тѣсной связи съ идеалами нравственности, добра, умственной мощи, и эстетическая способность, т.-е. способность чуять красоту, переплетается множествомъ нитей съ остальными психическими силами; такъ-какъ силы эти питаются, какъ корнями, тѣми же ощущеніями, сочетаніе которыхъ ложится въ основу идеально-прекраснаго. Въ нашемъ понятіи о красотѣ отражаются въ бо̀льшей или меньшей степени всѣ наши обычныя мысли, чувства и желанія; оно опредѣляется эмпирическимъ содержаніемъ нашего *я*, и именно количествомъ и качествомъ нашихъ знаній о природѣ и человѣкѣ и качествомъ и напряженностью чувствъ и желаній, вызванныхъ знаніемъ. Элементы эти, тѣмъ или другимъ образомъ сгруппированные, ложатся съ одной стороны въ основаніе идеально-прекраснаго, а съ другой составляютъ то предвзятое мнѣніе, съ которымъ художникъ смотритъ на Божій міръ для извлеченія изъ него своихъ образовъ. Вопросъ только въ томъ,—можетъ ли дать себѣ художникъ отчетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, сознаетъ ли онъ свою собственную личность, или же онъ усвоилъ свои понятія о красотѣ инстинктивно, всасывая извѣстную атмосферу всѣми порами своего существованія съ ранняго дѣтства или даже унаслѣдовавъ свои воззрѣнія отъ предковъ, и не имѣлъ въ теченіе жизни случая и возможности вернуться къ ихъ источникамъ. Въ первомъ случаѣ художникъ можетъ силою сознанія ликвидировать свое эмпирическое содержаніе и замѣнить одинъ идеалъ другимъ. Во второмъ это невозможно, и художникъ будетъ утверждать, что онъ жрецъ чистаго искусства. Поклоняясь красотѣ, онъ думаетъ, что онъ ратуетъ за чистую, идеальную красоту, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только возводитъ въ принципъ тѣ черты эмпирической, такъ-сказать, красоты, которыя ему доступны; онъ ратуетъ только за тѣ условія, которыя дали возможность выработаться этой эмпирической красотѣ. Провозглашая принципъ искусства для искусства, онъ думаетъ, что его произведенія относятся къ изображаемому имъ предмету совершенно объективно, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Въ сущности прѣтендовать на объективное изображеніе можетъ только безличная

фотографія. Но эта объективность покупается цѣною смысла: фотографія передаетъ, напримѣръ, человѣческое лицо въ такомъ видѣ, въ какомъ застала его въ данное мгновеніе. Она передаетъ съ одинаково безучастною отчетливостью всѣ подробности отъ формы и положенія пуговицы до формы и выраженія глазъ, и въ силу самой этой своей отчетливости не можетъ передать жизни лица, выбрать изъ ряда безпрерывно измѣняющихся чертъ наиболѣе для даннаго предмета характерныя. Человѣкъ же неизбѣжно даетъ свое субъективное содержаніе всякому создаваемому или передаваемому имъ образу. Донъ-Кихотъ, Гамлетъ, Отелло, Манфредъ, типы Диккенса и Теккерея, Чичиковъ, Плюшкинъ, Маниловъ, — все это не только живыя лица, но лица, понятыя художникомъ. Всякое художественное произведеніе есть не только изображеніе предмета, но и сужденіе о немъ. Первоклассный художникъ имѣетъ въ рукахъ своего сознанія всѣ нити своихъ сужденій, тогда какъ художникъ мелкотравчатый до такой степени руководствуется инстинктомъ, что даже и не подозрѣваетъ, что придерживается тѣхъ или другихъ, но непремѣнно придерживается тенденцій, произноситъ надъ явленіемъ тотъ или другой нравственный судъ. Разница только въ томъ, что одинъ художникъ вноситъ въ свои произведенія содержаніе крупное, другой — мелкое; у одного идеалъ не совпадаетъ съ дѣйствительностью, и въ такомъ случаѣ тенденція выступаетъ ярко; у другаго — критерій для оцѣнки явленій есть спеціально эстетическій, рутинно и безсознательно усвоенный художникомъ. Но этотъ спеціально эстетическій критерій выкроенъ изъ чисто эмпирическихъ условій, онъ представляетъ возведенный въ принципъ голый фактъ, и потому скрытая, неясная для самого художника тенденція состоитъ въ этомъ случаѣ въ санкціи факта. Дѣло, значитъ, только въ томъ, что идеалъ жреца искусства для искусства не возвышается надъ уровнемъ дѣйствительности. И такое возведеніе факта въ принципъ необходимо всегда имѣетъ мѣсто, когда фактъ оцѣнивается съ точки зрѣнія нѣкоторой отвлеченной категоріи, представляющей результатъ обособленія и спеціализаціи одной какой нибудь психической силы. Высшая объективность, какой можетъ достичь художникъ, состоитъ въ полномъ и всестороннемъ проникновеніи жизнью своихъ образовъ, а это не можетъ быть достигнуто фотографическимъ, безтенденціознымъ путемъ*. Чистое искусство, — это нѣчто невозможное, несуществующее, немыслимое. Закажите художнику нарисовать, напримѣръ, убійство Юлія Цезаря. Положимъ, что онъ пожелаетъ устранить всякія тенденціи и сохранить безусловное безпристрастіе. Изо-

* Читатель, вѣроятно, оцѣнилъ художественную объективность, по крайней мѣрѣ, первой части небольшаго разсказа В. Крестовскаго (псевдонимъ) «Первая борьба», и, однако, тенденція этой повѣсти не оставляетъ никакихъ сомнѣній.

бразитъ онъ кучу римскихъ носовъ, плѣшивую голову Цезаря, рядъ римскихъ тогъ, худощавую фигуру Кассія, поднятые кинжалы и проч. Но какую нибудь мыслишку, хоть самую жалкую, да вставитъ онъ въ эту кучу. И если онъ будетъ настаивать на своемъ безпристрастіи, то это покажетъ только, что данное событіе не останавливало на себѣ его особеннаго вниманія, а извѣстная мысль о немъ все-таки въ немъ сидитъ. Только онъ не знаетъ, какъ и откуда получена имъ мысль, — можетъ быть изъ учебника исторіи, изъ отрывочныхъ разговоровъ и проч. Во всякомъ случаѣ, картина его будетъ, по всей вѣроятности, санкціей какого нибудь ходячаго воззрѣнія и возведеніемъ факта этого воззрѣнія въ принципъ.

Таковы основанія и результаты попытокъ вылѣзти изъ своей собственной кожи, отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія. Таковы же они и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. «Наши общія идеи—говоритъ Милль—содержатъ лишь то, что̀ было вложено въ нихъ либо нашимъ невольнымъ опытомъ, либо нашими дѣятельными привычками мысли. И метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать, лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что̀ сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей о вещахъ то, что̀ они сами сначала впутали. Этимъ путемъ всѣ глубоко коренящіяся мнѣнія и чувства способны создать мнимыя доказательства ихъ истинности и разумности, повидимому, вытекающія изъ ихъ сущности» (Система логики. II, 308). Въ наукѣ общественной и вообще въ вопросахъ, непосредственно затрогивающихъ интересы человѣка, особенно было сильно вѣрованіе, что чистый разумъ есть преобладающій источникъ знаній. Съ этого основанія и до сихъ поръ не сдвинулась наука права. Царящая въ ней идея справедливости есть отвлеченная категорія, совершенно аналогичная съ идеею чистаго искусства и идеальной красоты. Принципы международныхъ и междуличныхъ отношеній, добытые эксцентрическимъ путемъ, представляютъ точно такъ же закрѣпощеніе эмпирическихъ фактовъ, ихъ санкцію, возведеніе въ принципъ. Цивилистъ, полагая, что онъ изучаетъ природу чистаго разума, въ сущности только «открываетъ въ немъ то, что̀ предварительно въ него вложилъ», и если онъ настаиваетъ на законности своихъ пріемовъ, то только потому, что не можетъ подвести итоги своего собственнаго эмпирическаго содержанія. Еще очевиднѣе это относительно криминалиста и особенно криминалиста-объективиста. Утверждая, что онъ относится къ факту преступленія совершенно объективно, съ высоты безусловной справедливости, незнающей пристрастія, криминалистъ не подозрѣваетъ, что вся его система сплошь окрашена густою краскою пристрастія къ эмпирическому, исторически-сложившемуся порядку вещей. Несмотря на идеалистическую подкладку его тео-

ріи, его идеалъ общественныхъ отношеній не возвышается надъ дѣйствительностію; онъ считаетъ справедливымъ именно данный порядокъ вещей и достойнымъ возмездія только нарушеніе этого порядка. Несмотря на свою объективность и свое устраненіе отъ предвзятыхъ мнѣній, отъ всего своего эмпирическаго содержанія, онъ втайнѣ, безсознательно руководится предвзятымъ мнѣніемъ о разумности и справедливостя выработанныхъ исторіею отношеній. И здѣсь, какъ и въ дѣлѣ искусства, единственная, доступная человѣку объективность состоитъ во всесторонней оцѣнкѣ фактовъ и въ цѣлостной постановкѣ вопросовъ, въ проникновеніи жизнью преступника. Полное олицетвореніе безусловной справедливости есть палачъ. Не даромъ мрачный католикъ и абсолютистъ де-Мэстръ видитъ въ палачѣ нѣчто высшее, сверхчеловѣческое. Я не знаю, можетъ быть, и сверхчеловѣческое, но, во всякомъ случаѣ, нечеловѣческое, какъ нечеловѣчна объективность фотографіи. Палачъ — этотъ бездушный спеціалистъ, непонимающій, кого и за что̀ онъ готовится поразить, и полагающій все свое самолюбіе въ томъ, чтобы артистически вздернуть веревку или ловко вытянуть плетью, машина, неволнующаяся, нескорбящая и негодующая — вотъ идеалъ безусловной справедливости. И того мало. Палачъ—человѣкъ, онъ можетъ изъ состраданія ослабить ударъ плети, быстрѣе затянуть роковую петлю. Чтобы пріискать въ области справедливости параллель фотографическому аппарату въ области чистаго искусства, надо и здѣсь спуститься до настоящей машины — до висѣлицы. Де-Мэстръ ошибся: палачъ все-таки человѣкъ. Висѣлица не человѣкъ, и, пожалуй, на нее можно посмотрѣть, какъ на нѣчто сверхчеловѣческое...

IX.

Обратимся къ Спенсеру. Изъ вышеприведенныхъ противорѣчій онъ выпутывается довольно безцеремоннымъ образомъ. Натолкнувшись на тотъ фактъ, что есть такіе переходы однороднаго къ разнородному, которые онъ не рѣшается признать измѣненіями прогрессивными, онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній и предварительныхъ объясненій говоритъ: «Всякое развитіе представляетъ одновременно измѣненіе отъ однороднаго къ разнородному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненіе отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Какъ, съ одной стороны, имѣется переходъ отъ простаго къ сложному, такъ съ другой— представляется переходъ отъ безпорядка къ порядку, отъ неопредѣленнаго строя къ опредѣленному. Въ процессѣ развитія, какова бы ни была сфера, въ которой онъ обнаруживается, бываетъ не только постепенное умноженіе неодинаковыхъ частей, но и постепенное возрастаніе отчетливости, съ какою эти части разграничиваются между собою. *Такимъ образомъ*, увеличеніе разнородности, характеризующее развитіе, отличается

отъ того увеличенія разнородности, которое не составляетъ признака развитія» (Вып. VII, 190). Здѣсь особенно бросается въ глаза обычная у Спенсера манера изложенія. Всегда и вездѣ онъ ставитъ сперва положеніе, подтверждая его затѣмъ примѣрами. Но здѣсь, кромѣ пріема собственно писателя, характерно выдается пріемъ мыслителя. Въ какомъ порядкѣ вы будете излагать свои мысли на бумагѣ, — начнете ли вы съ анализа частныхъ фактовъ и доведете читателя постепенно до обобщенія, или наоборотъ, выставите сначала свою формулу и отъ нея спуститесь къ фактамъ—это дѣло второстепенной важности. Но весьма важно прослѣдить, хотя бы и на способѣ изложенія, тотъ процессъ мышленія, который навелъ мыслителя на извѣстные факты съ извѣстной стороны. Нетвердость пріемовъ изслѣдованія, обнаруживаемая Спенсеромъ въ вопросѣ о прогрессѣ, свидѣтельствуетъ, что въ его воззрѣніяхъ на этотъ предметъ играетъ значительную роль нѣкоторый, для него самаго неясный элементъ. И не трудно, кажется, открыть, въ чемъ тутъ дѣло.

Въ опытѣ «Прогрессъ, его законъ и причина» Спенсеръ говоритъ: «Напримѣръ, переставъ смотрѣть на послѣдовательныя геологическія измѣненія земли, какъ на такія, которыя сдѣлали ее годною для человѣческаго обитанія, и *поэтому* видѣть въ нихъ геологическій прогрессъ, мы должны стараться опредѣлить характеръ, общій этимъ измѣненіямъ, законъ, которому всѣ они подчинены» (Т. I, стр. 2). Приводимый здѣсь Спенсеромъ примѣръ неправильнаго воззрѣнія на геологическій прогрессъ очень характеренъ для объективно-антропоцентрическаго міросозерцанія, предполагающаго, что человѣкъ есть, въ качествѣ вѣнца творенія, объективный центръ вселенной. Нечего и говорить, что подобное воззрѣніе имѣетъ за себя только историческія, а не логическія или научныя оправданія. Нечего и говорить, что Спенсеръ не только имѣлъ полное право, но былъ обязанъ выкинуть изъ своихъ соображеній такую телеологію. Но реакція завела мыслителя слишкомъ далеко. Кромѣ телеологіи, какъ ученія о цѣляхъ природы, возможна телеологія, какъ ученіе о цѣляхъ, поставляемыхъ себѣ человѣкомъ. Эти двѣ телеологіи не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но находятся въ постоянномъ и не случайномъ, а необходимомъ антагонизмѣ. Если признать, что природа управляется цѣлесообразно, что сами вещи тяготѣютъ, вслѣдствіе внутренней необходимости, къ той или другой, заранѣе опредѣленной цѣли, то естественно, что такимъ вѣрованіемъ преграждается путь стремленію человѣка къ цѣлямъ, имъ самимъ для себя сознательно поставляемымъ. Понятное дѣло, что если природа до такой степени обязательна, что и землю приготовила для человѣческаго обитанія, и населила эту землю для человѣка же и проч., понятное дѣло, что въ такомъ случаѣ человѣку не приходится добиваться самому до какихъ-нибудь

своихъ цѣлей. И ложное, предвзятое мнѣніе, лежащее въ основаніи объективно-антропоцентрическаго міросозерцанія, до такой степени охватываетъ человѣка, что онъ не разубѣждается даже ежеминутными опытами. Добывая въ потѣ лица хлѣбъ свой, онъ все-таки благодаритъ природу за ея благодѣянія. Наконецъ, по крайней-мѣрѣ, для нѣкоторой части человѣчества, объективно-антропоцентрическое міросозерцаніе теряетъ свое обаяніе. Но его смѣняетъ эксцентрическій періодъ, только видоизмѣняющій первобытную телеологію. Окончательное паденіе ея возможно только при выступленіи на первый планъ личнаго труда и установившейся въ своихъ законныхъ предѣлахъ мысли. Поэтому борьба противъ телеологіи объективно-антропоцентрической не только не обязываетъ бороться и съ субъективно-антропоцентрическою телеологіею, но обязываетъ, напротивъ, предоставить послѣдней, въ области явленій человѣческой жизни, индивидуальной и соціальной, самую широкую долю работы. Смѣшно и странно говорить, что послѣдовательныя геологическія фазы представляютъ прогрессъ, потому что онѣ подготовили землю для человѣческаго обитанія; но нисколько не смѣшно и нисколько не странно утверждать, что въ области человѣческой мысли прогрессъ состоитъ въ послѣдовательномъ уразумѣніи законовъ природы и общественныхъ отношеній, что въ области явленій общественной жизни прогрессъ состоитъ точно такъ же въ рядѣ измѣненій по направленію къ опредѣленной цѣли, ставимой самимъ человѣкомъ. Не только не смѣшно и не странно, но человѣкъ и не можетъ ставить вопроса иначе, не можетъ органически, не можетъ, потому что онъ человѣкъ. Самое слово «прогрессъ» имѣетъ смыслъ только по отношенію къ человѣку, и явленіями прогрессивными въ области человѣческой мысли и человѣческихъ дѣяній мы можемъ признать только тѣ, которыя подвигаютъ человѣка къ данной цѣли; явленія, задерживающія это движеніе или отклоняющія его въ стороны, мы должны признать съ человѣческой, то-есть единственно возможной для человѣка точки зрѣнія—явленіями регрессивными. Ниже, на ближайшихъ къ человѣку ступеняхъ органической жизни, мы можемъ еще примѣнять понятіе прогресса по аналогіи; еще ниже мы можемъ различать только явленія физіологическія и патологическія, и, наконецъ, въ мірѣ неорганическомъ для человѣка нѣтъ ничего, кромѣ измѣненій.

Коренная и ничѣмъ неизгладимая разница между отношеніями человѣка къ человѣку и отношеніями человѣка къ остальной природѣ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготѣющими къ извѣстной цѣли, тогда какъ во второмъ цѣль эта для человѣка не существуетъ. Различіе это до такой степени важно и существенно, что само по себѣ уже намекаетъ на необходимость примѣненія различныхъ методовъ въ двухъ ве-

ликихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія. И дѣйствительно. Ошибка людей эксцентрическаго періода развитія состоитъ либо въ томъ, что они стремятся уразумѣть цѣли природы, и въ такомъ случаѣ употребляютъ субъективный методъ въ естествознаніи, либо въ томъ, что они игнорируютъ цѣли человѣка, и въ такомъ случаѣ употребляютъ объективный методъ въ общественной наукѣ. Тогда какъ нормальное распредѣленіе методовъ обратное. У Спенсера въ этомъ отношеніи господствуетъ поразительная сбивчивость и, едва-ли онъ такъ свободенъ отъ всякой телеологіи, какъ ему кажется. Онъ, повидимому, совершенно не уяснилъ себѣ своей задачи. Среди массы его оговорокъ, недомолвокъ, возвращеній къ пройденному очень трудно оріентироваться и узнать, чего онъ ищетъ. Повидимому, онъ желаетъ найти такой законъ, который обнималъ бы всѣ измѣненія, безъ различія, имѣвшія мѣсто отъ начала вселенной. Это можно заключать, вопервыхъ, изъ того, что онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ измѣненіяхъ физіологическихъ и патологическихъ; вовторыхъ изъ того, что всѣ явленія, со включеніемъ явленій общественной жизни, онъ пытается оцѣнить безотносительно къ благосостоянію человѣка; втретьихъ наконецъ изъ того, что онъ придаетъ своимъ основнымъ законамъ, — «всякое измѣненіе производитъ нѣсколько измѣненій» и «однородное неустойчиво» — характеръ универсальности, недопускающій исключеній. Затѣмъ онъ встрѣчается съ такими измѣненіями, которыя не рѣшается признать прогрессивными, несмотря на то, что они удовлетворяютъ всѣмъ поставленнымъ имъ условіямъ, и считаетъ ихъ даже шагами къ разложенію. Значитъ, возможны въ природѣ и шаги къ разложенію. Въ чемъ же они состоятъ и каково ихъ отношеніе къ универсальности основныхъ законовъ? Надъ этимъ Спенсеръ не задумывается, а просто отбрасываетъ ненравящіяся ему (иначе нельзя выразиться) измѣненія въ сторону и идетъ дальше. Дѣлаетъ въ своей формулѣ поправку, состоящую въ опредѣленіи прогресса или развитія, какъ перехода не только отъ однороднаго къ разноводному, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, и затѣмъ говоритъ: «Если переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному составляетъ существенную отличительную черту развитія, то мы естественно должны *повсюду* встрѣчать этотъ переходъ точно такъ же, какъ въ послѣдней главѣ мы *повсюду* видѣли переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Съ цѣлью доказать, что дѣйствительно такъ бываетъ и на дѣлѣ, просмотримъ вкратцѣ тѣ же самые классы различныхъ фактовъ». Изъ этого слѣдуетъ, что онъ опять возвращается къ надеждѣ уловить законъ всѣхъ безъ различія измѣненій и найти такую точку зрѣнія, съ которой всѣ оттѣнки и особенности измѣненій должны сгладиться и весь міръ долженъ представиться безустанно и безостановочно прогрессирующимъ. Но куда же дѣвать тѣ измѣненія, которыя Спенсеръ не признаетъ прогрессивными? А вотъ

куда: «Если возразятъ, что у цивилизованныхъ народовъ встрѣчаются также и примѣры уменьшенія опредѣленности (какъ, напримѣръ, въ случаяхъ нарушенія сословныхъ разграниченій), то на это слѣдуетъ отвѣчать, что такія *кажущіяся* исключенія суть спутники соціальныхъ метаморфозъ, перехода отъ военнаго или хищническаго типа общественнаго строенія къ типу промышленному или торговому,—перехода, въ теченіе котораго исчезаютъ старыя черты организаціи и являются новыя». Прекрасно, но если это только *кажущіяся* исключенія изъ общаго закона прогресса, то зачѣмъ они были названы въ предъидущей главѣ шагами къ разложенію? зачѣмъ Спенсеръ такъ категорически отказался включить ихъ въ число явленій прогрессивныхъ, и даже на ихъ непрогрессивности основалъ необходимость исправить свою формулу?

Затѣмъ дѣлаются новыя поправки и универсальный законъ прогресса наконецъ полученъ. Но, говоря о теоріи Дарвина, Спенсеръ заявляетъ полный скептицизмъ относительно прогресса. Онъ говоритъ: «Громадный контрастъ между немногочисленными и низкими формами самой ранней изъ извѣстныхъ фаунъ и многочисленными и высокими формами теперь существующей фауны обыкновенно принимается за свидѣтельство не только великаго измѣненія, но и великаго прогресса. Но этотъ кажущійся прогрессъ можетъ быть и вѣроятно есть, по преимуществу, только иллюзія... Между тѣмъ какъ свидѣтельства, обыкновенно принимаемыя за доказательства прогрессивности, оказываются недостовѣрными, мы находимъ достовѣрныя свидѣтельства, что во многихъ случаяхъ прогрессивность незначительна или вовсе не существуетъ» (Вып. X «Основанія біологіи». 327, 328). И далѣе: «Къ этимъ случаямъ близки случаи такъ-называемаго ретрограднаго развитія. Многія паразитныя существа, а также существа, живущія одно время самостоятельною дѣятельною жизнію и впослѣдствіи становящіяся неподвижными, теряютъ въ зрѣлости члены и чувства, которые имѣли въ молодости» (Ibid. 378). Изъ послѣдней цитаты можно бы было непосредственно вывести весьма важныя заключенія, подрывающія Спенсерову теорію прогресса въ корень. Въ примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ можно показать, что рядъ дифференцированій, составляющихъ, по Спенсеру, прогрессъ, порождаетъ въ обществѣ такихъ же паразитовъ, точно также заглушающихъ въ себѣ тѣ или другія отправленія. Во всякомъ случаѣ, въ приведенныхъ словахъ Спенсера видно полное отрицаніе универсальности закона прогресса, прогресса именно въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его самъ Спенсеръ. Онъ говорилъ, что прогрессъ, между прочимъ, обнаруживается послѣдовательнымъ усложненіемъ фаунъ и флоръ, что̀ однако теперь считаетъ не болѣе какъ иллюзіей. Надо впрочемъ замѣтить, что противорѣчіе это не должно быть вмѣняемо мыслителю въ большую вину, такъ-какъ теорія Дарвина естественно могла сильно из

мѣнить воззрѣнія Спенсера. «Основныя начала», въ которыхъ подробно изслѣдуется законъ развитія, претерпѣваютъ теперь, какъ говорятъ издатели русскаго перевода, большія измѣненія. И въ новомъ своемъ видѣ сочиненіе это будетъ, можетъ быть, приведено въ бо̀льшій порядокъ. Трудно, однако, надѣяться, чтобы Спенсеръ обратилъ вниманіе, вопервыхъ, на различіе между нашими отношеніями къ природѣ и нашими отношеніями къ другимъ людямъ, а вовторыхъ, на столь же коренное отличіе раздѣленія труда между органами отъ раздѣленія труда между цѣлыми организмами. Трудно ожидать, чтобы теорія Дарвина произвела въ его воззрѣніяхъ столь коренной переворотъ, такъ-какъ она для него не новость. Нѣкоторыя частности этой теоріи были имъ самимъ съ замѣчательною силою развиваемы до появленія книги Дарвина *.

Вся приведенная путаница въ изложеніи и въ мысляхъ Спенсера зависитъ отъ ненадлежащаго примѣненія объективнаго метода. Разъ мы вычеркнули изъ своего психическаго содержанія убѣжденіе въ цѣлесообразности устройства вселенной, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ приложенія слова и понятія «прогрессъ» къ послѣдовательной смѣнѣ явленій природы, или же не дѣлать различія между развитіемъ и разложеніемъ. Почему бы не считать разложенія мертваго тѣла явленіемъ прогрессивнымъ, ступенью дальнѣйшаго развитія? Можетъ быть, «интересы природы», «экономія природы», «цѣли природы», «стремленія природы» требуютъ круговаго развитія, причемъ моментъ разложенія окажется только одною изъ фазъ развитія. Но мы знаемъ, что у несмѣющейся и неплачущей природы нѣтъ цѣлей, нѣтъ стремленій, нѣтъ интересовъ, и потому смотримъ на разложеніе трупа, какъ на фактъ, подлежащій объективной оцѣнкѣ. Но у человѣка есть цѣли; цѣли эти представляютъ столь же реальные факты нашего сознанія, какъ реаленъ фактъ разложенія мертваго тѣла. Фактъ этотъ точно также требуетъ оцѣнки, но оцѣнки субъективной. И не потому только, что исключительно объективная оцѣнка не можетъ дать

* Отношеніе теоріи Дарвина къ вопросу о раздѣленіи труда занимаетъ теперь одно изъ видныхъ мѣстъ въ числѣ вопросовъ, привлекающихъ вниманіе ученой Германіи. Его затрогиваютъ и такіе замѣчательные ученые, какъ Геккель («Generele Morphologie der Organismen» (1866), «Ueber die Entstehung und den Stammbaum des Menschengeschlechts» (1868), статья въ сборникѣ Вирхова и Гольцендорфа за нынѣшній годъ, — (Ueber Arbeitstheilung in Natur-und Menschenleben), и такіе блестящіе популяризаторы, какъ Бюхнеръ («Sechs Vorlesungen über die Darwin'sche Theorie» etc., 1868). Существуетъ уже цѣлая спеціальная литература этого вопроса. Мы надѣемся въ скоромъ времени поговорить объ ней съ читателемъ, а пока замѣтимъ только, что, несмотря на замѣчательныя научныя заслуги, обширность знаній и смѣлость мысли многихъ представителей этой литературы, вопросъ о раздѣленіи труда ставится ими въ большинствѣ случаевъ столь же неправильно, какъ и Спенсеромъ.

полнаго понятія о фактахъ общественной жизни, такъ-какъ въ этихъ фактахъ есть элементъ, встрѣчающійся только въ нихъ и не поддающійся объективной оцѣнкѣ, — а потому, что исключительно объективная оцѣнка здѣсь немыслима и невозможна.

Наше психическое содержаніе дано опытомъ унаслѣдованнымъ, личнымъ и сочувственнымъ (прекрасный терминъ, употребляемый и Спенсеромъ). Сочувственный опытъ основанъ на нашей способности переживать чужую жизнь, ставить себя въ чужое положеніе. Какъ примѣръ сочувственнаго опыта заимствуемъ у Спенсера такой фактъ. Когда люди появляются въ какой-нибудь вновь открытой, до тѣхъ поръ необитаемой землѣ, они находятъ тамъ до такой степени небоязливыхъ птицъ, что ихъ можно безъ труда бить палками. Проходитъ нѣсколько поколѣній, и птицы, при одномъ приближеніи человѣка, торопливо улетаютъ. И пугливость эта замѣчается нетолько въ старыхъ особяхъ, но и въ молодыхъ, которыя еще не могли на себѣ испытать послѣдствій встрѣчи съ человѣкомъ. Какъ это объяснить? Спенсеръ говоритъ, что истребленіемъ небоязливыхъ недѣлимыхъ этого объяснить нельзя, потому что убивается сравнительно ничтожное число птицъ, и объясняетъ фактъ послѣдовательнымъ накопленіемъ данныхъ опыта. Въ каждой птицѣ, раненой человѣкомъ или встревоженной крикомъ стаи («стадныя животныя — замѣчаетъ Спенсеръ въ скобкахъ — обладающія малѣйшею степенью разумности, по необходимости обнаруживаютъ болѣе или менѣе сочувствіе другъ къ другу»), устанавливается ассоціація идей между фигурой человѣка и нѣкоторыми страданіями, причемъ понятіе страданія дается нетолько личнымъ опытомъ, а и сочувственнымъ, т.-е. видомъ чужихъ страданій. Затѣмъ опытъ этотъ передается наслѣдственно въ видѣ извѣстныхъ измѣненій нервной системы, и, при видѣ человѣка, птица мысленно воспроизводитъ тѣ болѣзненныя ощущенія, которыхъ она лично, на самой себѣ, можетъ быть, никогда не испытала. Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ говоритъ: «Я отважусь высказать здѣсь, въ нѣсколькихъ строкахъ, гипотезу, что понятіе о граціи имѣетъ свое субъективное основаніе въ сочувствіи (симпатіи). Та же самая способность, которая заставляетъ насъ содрогаться при видѣ человѣка, находящагося въ опасности, и которая производитъ иногда движеніе въ нашихъ собственныхъ членахъ, при видѣ другого человѣка, борящагося или падающаго, — заставляетъ насъ раздѣлять и всѣ мышечныя ощущенія, которыя испытываются вокругъ насъ другими. Когда ихъ движенія бываютъ насильственны или неловки, тогда и мы отчасти испытываемъ тѣ непріятныя ощущенія, которыя должны были бы испытать, еслибы эти движенія были въ насъ самихъ. Когда же движенія людей, на которыхъ мы смотримъ, свободны, тогда и мы раздѣляемъ пріятныя ощущенія, какія испытываются личностями, совершающими эти движенія». Изложенный здѣсь принципъ, несмотря

на то, что на немъ одномъ Адамъ Смитъ построилъ свою теорію нравственныхъ чувствъ, разработанъ весьма мало. А между тѣмъ надлежащее его развитіе могло бы пролить много свѣта и на законы души человѣческой и на задачи общественной науки. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сочувственный опытъ не безпредѣленъ, что сочувствовать мы можемъ только подобнымъ себѣ, и что существуетъ въ этомъ отношеніи извѣстная градація. Какъ представитель органической жизни, человѣкъ можетъ понять міръ неорганическій только объективно, и безусловно не можетъ пережить его жизнь, поставить себя на его мѣсто. Какъ недѣлимое, онъ можетъ переживать жизнь только недѣлимаго, и притомъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ данное недѣлимое человѣкообразнѣе. Поэтому онъ можетъ различать въ этой области явленія физіологическія и патологическія. Наконецъ, полный просторъ сочувственному опыту предоставляется въ области отношеній человѣческихъ. Но и здѣсь есть ступени. Одинъ человѣкъ можетъ пережить жизнь каждаго человѣка, другой — только жизнь представителя своей общественной единицы, то-есть жизнь своихъ соотечественниковъ, своихъ собратовъ по профессіи, по образу жизни и проч. Сочувственный опытъ, вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, на ряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, установляетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго. Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего *я* столь же невозможно, какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе, съ которымъ человѣкъ приступаетъ къ какому бы то ни было изслѣдованію, въ области общественныхъ отношеній осложняется нѣкоторымъ новымъ элементомъ, элементомъ нравственнымъ. Вотъ почему Контъ былъ правъ, утверждая, въ своемъ курсѣ философіи, что «только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ», хотя съ общей тогдашней точки зрѣнія Конта условіе это отнюдь не могло считаться необходимымъ. Но случайно прорвавшееся у Конта положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, Бэконъ — предатель, взяточникъ, клеветникъ и вмѣстѣ великій мыслитель о природѣ возможенъ, — фактъ налицо. Но Бэконъ — великій соціологъ немыслимъ. Я не говорю о грубой сознательной подтасовкѣ фактовъ для какихъ-нибудь своекорыстныхъ цѣлей, да объ этомъ и нечего говорить. «Наука, учащая подданныхъ сомнѣнію въ божественности происхожденія власти коронованныхъ лицъ, не можетъ пользоваться большимъ уваженіемъ со стороны послѣднихъ. Воинъ, въ свою очередь, отказываетъ въ довѣріи наукѣ, которая проповѣдуетъ уничтоженіе его ремесла; а монополистъ

неохотно вѣритъ въ преимущества конкуренціи. Государственный человѣкъ, получающій средства къ жизни за завѣдываніе общественными дѣлами, отнюдь не желаетъ, чтобы народъ выучился самъ вести свои дѣла, безъ посторонняго участія. Представитель крупной поземельной собственности вѣритъ въ одно ученіе, а его арендаторъ признаетъ другое; человѣкъ, платящій за трудъ, смотритъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія, прямо противоположной той, съ которой смотритъ на нихъ тотъ, кому онъ платитъ... Школьное ученіе во Франціи измѣняется отъ времени до времени, смотря по тому, деспотизмъ ли уступаетъ народу или народъ деспотизму. Поземельная аристократія въ Англіи была крайне довольна, когда Мальтусъ убѣдилъ ее, что бѣдность и нищета народа суть необходимое слѣдствіе великаго закона, исходящаго отъ всевѣдущаго и всеблагаго провидѣнія; а промышленная аристократія, въ свою очередь, точно также довольна, считая доказаннымъ, что для общихъ интересовъ страны полезны мѣры, создающія обширные запасы дешеваго и дурно оплачиваемаго труда» (Кэри. Руководство къ соціальной наукѣ, стр. 33—34). Здѣсь свалены въ одну кучу вещи очень различныя. Есть люди, намѣренно извращающіе факты, но есть и такіе, которые извращаютъ ихъ совершенно добросовѣстно, только потому, что ими руководитъ безъ ихъ вѣдома ложное предвзятое мнѣніе, т.-е. неудачное и одностороннее сочетаніе личныхъ и сочувственныхъ опытовъ, еще быть можетъ закрѣпощенное путемъ наслѣдственной передачи. Въ числѣ подготовительныхъ работъ къ соціологіи важное мѣсто занимаетъ статистика, пользующаяся весьма точными пріемами. И однако статистики, чаще чѣмъ кто нибудь, впадаютъ въ грубо-фаталистическія заблужденія. Мы приводили подобные примѣры въ статьѣ «Аналогическій методъ». Если какой нибудь Дюфо старается меня увѣрить, что людскія страданія составляютъ результатъ открытаго имъ закона «нравственнаго равновѣсія судебъ человѣчества», то это не даетъ еще мнѣ никакого права считать почтеннаго статистика отъявленнымъ негодяемъ и шулеромъ, дѣлающимъ вольтъ. Но это, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что его нравственный уровень не особенно высокъ; что, хотя и онъ толкуетъ о негодности субъективнаго метода и вмѣшательства чувствъ въ рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, имъ управляетъ очень опредѣленное чувство, — чувство совершеннаго удовлетворенія эмпирической дѣйствительностью. Не будь этого, онъ не сочинилъ бы своего закона нравственнаго равновѣсія судебъ человѣчества и, слѣдуя евангельскому слову: толцыте и отверзется, нашелъ бы иной выходъ для дѣйствительности.

Какъ невозможна для человѣка безусловная справедливость, какъ невозможно чистое отъ всякихъ тенденцій искусство, такъ невозможенъ и исключительно объективный методъ въ соціологіи. Несмотря на, повидимому, коренное различіе между двумя

первыми и послѣднимъ видомъ эксцентризма, всѣ они суть порожденія одной и той же причины, одного и того же историческаго явленія, и именно экономическаго раздѣленія труда (не спеціально экономическаго, но я употребляю это выраженіе въ отличіе отъ раздѣленія труда физіологическаго) и общественныхъ дифференцированій. И, какъ таковыя, всѣ они имѣютъ одинаковыя свойства и одинаковые результаты. Всѣ они, вопервыхъ, представляютъ попытки отрѣшенія отъ даннаго психическаго содержанія; всѣ они хотятъ быть безпристрастными и всѣ одинаково пристрастны, всѣ одинаково санкціруютъ факты, всѣмъ имъ случайности дѣйствительности зажимаютъ ротъ. Всѣ они ошибаются въ томъ, что думаютъ достигнуть объективности, разсматривая явленія общественной жизни съ точки зрѣнія отвлеченной категоріи,—чистой красоты, чистой справедливости, чистой истины, тогда какъ всѣ эти точки зрѣнія слишкомъ узки для такого сложнаго явленія, какъ человѣкъ въ обществѣ. До такой степени узки, что изъ чистой справедливости, изъ чистаго искусства, изъ чистой истины на каждомъ шагу вылѣзаетъ человѣкъ въ обществѣ, т.-е. человѣкъ съ извѣстными чувствами, извѣстными стремленіями, съ извѣстнымъ, наконецъ, предвзятымъ мнѣніемъ. Въ большинствѣ случаевъ изъ этихъ оболочекъ человѣкъ выходитъ некрасивымъ, иллюзія чистоты распадается прахомъ. Но едва-ли можно сожалѣть объ этомъ: для человѣка нѣтъ ничего прекраснѣе человѣка, и самый нехорошій человѣкъ все-таки лучше самаго лучшаго фотографическаго аппарата, самой лучшей висѣлицы и самой лучшей числительной машинки. И потомъ безъ обмана все-таки лучше.

Еслибы я былъ художникомъ, я бы написалъ три картины, только три во всю жизнь. Но я бы всю душу свою положилъ въ нихъ, и картины вышли бы хорошія. Сюжеты я бы взялъ готовые изъ исторіи человѣческой мысли.

. . . .

. . . .

Темой для второй картины я бы взялъ положеніе величайшаго изъ идеалистовъ — Канта: если общество даже завтра должно распасться, если даже завтра всѣ члены его должны порвать всякія связи между собой и разойтись въ разныя стороны, то сегодня послѣдній преступникъ все-таки долженъ быть казненъ во имя и во славу абсолютной справедливости. — Площадь, полузаросшая бурьяномъ, кругомъ покачнувшіяся и осѣвшія опустѣлыя зданія съ разбитыми стеклами, съ разсохшимися дверями. Посреди площади полусгнившая плаха, и на ней распростертый скелетъ послѣдняго преступника. Кругомъ тишь, ни души человѣческой. Только воронъ долбитъ отскочившій въ сторону черепъ послѣдней и никому уже ненужной жертвы абсолютной справедливости. Еслибы воронъ могъ каркать на картинѣ, онъ прокаркалъ бы: fiat justicia, pereat mundus!...— Это эксцентрическій періодъ, въ которомъ человѣкъ съ его

плотью и кровью, съ его помыслами и чувствами, съ его любовью и ненавистью забытъ для отвлеченной категоріи.

На третьей картинѣ я изобразилъ бы «Тьму» Байрона. Вы, можетъ быть, помните эту потрясающую, безпорядочную кучу образовъ. Поэтъ видитъ слѣдующій сонъ, который однако «былъ не совсѣмъ сонъ». Солнце погасло, звѣзды, земля безъ лучей носились въ мрачномъ пространствѣ. Чтобы добыть свѣтъ, люди зажгли лѣса. Дерево за деревомъ, пень за пнемъ вспыхивали, трещали и сгорали. Опять тьма.. Зажгли дома, дворцы, храмы. У этихъ страшныхъ костровъ толпились люди. Одни плакали, другіе безумно смѣялись. А пышные города все горѣли. Наступилъ голодъ. Хищныя птицы, дикіе звѣри, растерянные и присмирѣвшіе, терлись среди людей.

И змѣи ползали въ толпѣ съ шипѣньемъ,
Не смѣя жалить, — ихъ душили люди
И пожирали. Стихшая на время
Рѣзня опять зажглась: цѣною крови
Обѣдъ голоднымъ покупался; дико
Другъ друга каждый бѣгалъ, чтобъ трапезу
Свершить кровавую. Любви не стало
Въ сердцахъ людей; лишь смерти страхъ и голодъ
Мучительный, палящій всѣхъ томили
И рвали внутренность. Неумолимо
Вставала смерть — и умирали люди,
И трупы ихъ лежали безъ могилы.
Полуживой глядѣлъ скелетъ собрата,
Какъ дикій звѣрь храпя; голодной стаей псы
Въ куски рвали тѣла своихъ хозяевъ...

Только одна собака осталась вѣрна своему хозяину и, охраняя его трупъ отъ птицъ, звѣрей и людей, съ жалобнымъ воемъ лизала его окостенѣвшую руку. Наконецъ свалилась и она. Постепенно прекращалась жизнь. Въ огромномъ городѣ уцѣлѣло только два человѣка, и это были два врага. Они столкнулись у погасающихъ свѣтильниковъ алтаря, постарались своимъ дыханіемъ хоть немного раздуть пламя и, когда увидѣли другъ друга, — вскрикнули и умерли, пораженные своимъ безобразіемъ...

Вотъ три страшныя картины разрушенія общества. Сравните только двѣ послѣднія. Вся, сдавленная въ идеалѣ великаго метафизика человѣческая природа, природа, преданная на жертву абстрактной справедливости, прорывается въ фантастической картинѣ великаго поэта въ самыхъ страшныхъ и отталкивающихъ образахъ. Въ цѣломъ громадномъ городѣ уцѣлѣли только два человѣка, и именно два врага. Почему именно два врага? Потому, что они передушили передъ тѣмъ всѣхъ друзей, потому что въ моментъ разрушенія общества разбирать не приходится. Кантъ захотѣлъ въ этотъ самый моментъ ерлыки навѣшивать: этотъ — преступникъ, тотъ — добродѣтель воплощен-

ная... По Байрону же, самому Канту было бы тутъ не до абсолютной справедливости; онъ бы съ этого абсолюта кувыркомъ слетѣлъ, онъ бы думалъ только о томъ, какъ бы ему прожить лишній часъ, лишнюю минуту, или же просто пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. Онъ бы не пошелъ искать преступника, а еслибы и наткнулся на него, такъ, можетъ быть, просто на просто съѣлъ бы его. А попадись добродѣтель, которая вчера монтіоновскую премію получила, онъ бы, можетъ быть, и въ нее зубами впился...

Но въ этой потрясающей картинѣ, въ которой фантастическій фонъ сплошь затканъ голою правдою образовъ, — васъ поражаетъ одинъ диссонансъ, именно собака, вѣрная трупу хозяина. Если хотите, сама по себѣ эта свѣтлая точка не диссонансъ, а явленіе высоко-гармоническое, но эта-то гармонія и составляетъ диссонансъ въ массѣ диссонансовъ. Зачѣмъ Байронъ, среди исчезнувшей любви къ человѣчеству, къ отечеству, къ ближнему, сохранилъ любовь одной собаки къ хозяину? Ясно, что это не болѣе, какъ эстетическая уловка, пущенная съ тою цѣлью, чтобы оттѣнить картину. Это упрекъ человѣку. Поэтъ хочетъ сказать: смотрите, какъ гадокъ и низокъ человѣкъ, — собака лучше его. Очевидно, что Байронъ съумѣлъ заглянуть въ душу человѣческую, но, находясь одной ногой еще за рубежомъ эксцентрическаго періода, онъ не выдержалъ зрѣлища. Онъ съ ужасомъ отскочилъ. Какъ! человѣку не врождены, не присущи идеи любви, справедливости, красоты! Можно вообразить такое сцѣпленіе обстоятельствъ, изъ-за котораго человѣкъ не увидитъ разницы между мозгомъ Прометея и куламомъ Геркулеса, между горбомъ Езопа и пышною грудью Елены прекрасной, между сердцемъ дѣвственницы и сердцемъ каторжника... Можетъ наступить такая пора, хотя бы въ воображеніи. И воображеніе не откажется нарисовать эту картину торжества животнаго человѣка надъ человѣкомъ нравственнымъ!... Да, воображеніе не отказывается...

И вотъ явилась вѣрная собака. Но эта собака составляетъ ошибку, диссонансъ, хотя и драгоцѣнный, какъ одинъ изъ ключей къ жизни и поэзіи Байрона. По общему тону картины, собака должна впиться зубами въ холодный и посинѣлый трупъ хозяина. Презрѣнный червь, великій Кантъ и какой-нибудь вѣрный Трезоръ не нарушили бы отвратительной мощи Байроновской картины, еслибы они оказались за однимъ табль-д'отомъ, еслибы абсолютная преданность почувствовала такой же голодъ, какъ и абсолютная справедливость... Не будь въ картинѣ этой фальши, она могла бы служить полнымъ выраженіемъ одной части субъективно-антропоцентрическаго міросозерцанія. Но такъ-какъ міросозерцаніе это не допускаетъ абсолютныхъ рѣшеній, то оно не можетъ умѣститься въ одной картинѣ. Возьмемъ же человѣка такимъ, какимъ его дѣлаютъ природа и общество и вообще обстановка. Возьмемъ его голодна-

наго, холоднаго, темнаго, нечистаго, потому что не только въ моментъ фиктивнаго разрушенія общества, а и теперь человѣкъ голоденъ, холоденъ, теменъ и нечистъ.

«Это психологическій законъ, — говоритъ Милль, — который можетъ быть выведенъ изъ наиболѣе общихъ законовъ духовнаго склада людей, что всякая сильная страсть дѣлаетъ насъ легковѣрными къ существованію предметовъ, способныхъ возбудить ее... Склонность дѣйствуетъ, заставляя человѣка ревностно искать доводовъ или мнимыхъ доводовъ въ подтвержденіе мнѣній, сообразныхъ его выгодамъ или чувствамъ, и противиться неблагопріятнымъ. А когда выгоды или чувства общи множеству лицъ, то принимаются и становятся общеупотребительными доводы, на которые, въ качествѣ доводовъ, никто не обратилъ бы вниманія, еслибы ничто не говорило могущественнѣе ихъ въ пользу заключеній» (Система логики, т. II, 290). Если таковъ законъ нашей психической жизни, то нечего думать о томъ, чтобы совершенно избѣжать его вліянія. Будемъ повиноваться закону природы, но постараемся регулировать его. Выяснивъ наши истинныя чувства, выведя ихъ изъ-подъ спуда нечеловѣческой чистоты, постараемся найти для нихъ возможно лучшій критерій. Искать этотъ критерій однимъ объективнымъ путемъ, значитъ складывать аршины съ пудами.

Посмотримъ вкратцѣ, какъ складывается и какимъ образомъ вліяетъ на наши изслѣдованія нравственная сторона предвзятаго мнѣнія; какимъ образомъ могло, напримѣръ, выработаться приводимое Кэри мнѣніе англійской поземельной аристократіи о нищетѣ народа, какъ о результатѣ непреложной воли всеблагаго провидѣнія. И опять-таки намъ здѣсь нѣтъ дѣла до людей, сознательно провозглашающихъ ложь.

Первыя правила морали, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ религіозными представленіями, имѣютъ мѣсто, безъ сомнѣнія, еще въ пору полнаго отсутствія коопераціи. Они даны исключительно личнымъ опытомъ, и притомъ опытомъ, болѣе или менѣе одностороннимъ. Сочувственный опытъ начинаетъ давать свою долю въ хранилище нравственныхъ правилъ только съ появленіемъ коопераціи, будь она коопераціей по типу простаго или сложнаго сотрудничества. Только тутъ человѣкъ получаетъ возможность пережить другую жизнь, перестрадать чужое страданіе, насладиться чужимъ наслажденіемъ. Пока въ средѣ данной группы не выработывались еще путемъ раздѣльнаго труда слишкомъ рѣзкіе контрасты, пока вся группа представляетъ нѣчто болѣе или менѣе однородное и контрасты существуютъ только между нею и другими группами, до тѣхъ поръ сочувственный опытъ играетъ нѣкоторую роль только въ средѣ группы. Пережить жизнь представителя чужаго племени первобытный человѣкъ не можетъ. И сообразно этому истолковываетъ всякій фактъ въ пользу своего племени и во вредъ чужому. Предвзятое мнѣніе, сложившееся изъ впечатлѣній и ощущеній, данныхъ

личнымъ опытомъ и опытомъ сочувственнымъ въ средѣ его племени, заставляетъ его искренно вѣрить, что божества исключительно покровительствуютъ ему и его сотрудникамъ. Когда принципъ раздѣленія труда получаетъ въ средѣ общества полное осуществленіе, когда процессъ общественныхъ дифференцированій дробитъ группу на рѣзко обособленныя единицы, имѣющія свои собственныя цѣли и интересы, когда, однимъ словомъ, развертывается эксцентрическій общественный строй, — сочувственный опытъ получаетъ совершенно иные предѣлы и иную интенсивность. Съ одной стороны сочувственный опытъ имѣетъ болѣе широкое и полное примѣненіе въ средѣ каждаго изъ обособившихся слоевъ общества, а съ другой для каждаго изъ представителей извѣстнаго слоя утрачивается возможноеть поставить себя въ положеніе представителя другаго слоя. Есть мнѣніе, что сочувствовать можно только тому, что̀ мы испытали лично, что сочувствіе сводится къ воспроизведенію опыта того или другаго состоянія нашего сознанія, испытаннаго нами самими. Едва-ли можно принять это положеніе въ такомъ абсолютномъ видѣ, и въ этомъ отношеніи справедливо указываютъ, напримѣръ, на сочувствіе мужчины къ мукамъ беременной женщины, хотя мужчина и не могъ лично испытать этихъ мукъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ приведенномъ мнѣніи (Бэна) есть значительная доля правды. Безъ всякаго сомнѣнія, личный опытъ увеличиваетъ силу опыта сочувственнаго, и намъ легче поставить себя мысленно въ такое положеніе, въ которомъ мы были сами. Эта поддержка личнаго опыта, очевидно, должна слабѣть по мѣрѣ углубленія уединительныхъ бороздъ, проводимыхъ эксцентрическимъ порядкомъ. Рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ и онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки, потому что личный ихъ опытъ почти тождественъ. Но понять страданія и горести раба, поставить себя въ его положеніе, для рабовладѣльца несравненно труднѣе. Онъ никогда не испытывалъ того, что̀ испытываетъ рабъ. Поэтому онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ; онъ ихъ не замѣчаетъ, онѣ для него не существуютъ. Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ. Въ его сознаніи они отдаются глухо, хотя онъ въ то же время способенъ съ полною отчетливостью оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ. Эта естественная неравномѣрность оцѣнки существеннымъ образомъ отражается на всемъ его психическомъ складѣ, состояніе котораго, такъ-сказать, замораживается въ цѣломъ ряду поколѣній наслѣдственною передачею. Чтобы въ эксцентрическомъ періодѣ общественнаго развитія могли явиться люди, органически способные къ многостороннему сочувственному опыту, способные воспроизвести въ своемъ сознаніи всѣ оттѣнки жизни, раскиданные процессомъ общественныхъ диф-

ференцированій въ разныя стороны, — для этого нужны особенно счастливыя и чисто случайныя сочетанія обстоятельствъ, удачное смѣшеніе крови, особенности воспитанія и проч. И это будутъ люди съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, способные къ успѣшной разработкѣ соціологіи. (Можетъ быть, не лишне замѣтить, что одинъ высокій нравственный уровень, самъ по себѣ, не можетъ гарантировать ничего). Но такіе люди, конечно, рѣдки. И развитіе общественной науки необходимо задерживается и этою рѣдкостью, а нетолько недостаточнымъ развитіемъ низшихъ наукъ, и преимущественно біологіи. И вотъ еще одно изъ различій между наукою о природѣ и наукою объ обществѣ. Для безпрепятственнаго развитія первой совершенно достаточно послѣдовательнаго усвоенія истинъ въ порядкѣ возрастанія сложности явленій. Соціологіи же мы никогда не будемъ имѣть, если борьба интересовъ не расчиститъ для нея почвы, сгладивъ общественныя дифференцированія. За вычетомъ нѣкоторыхъ блистательныхъ исключеній, въ общемъ нравственныя и политическія науки необходимо отражаютъ въ себѣ практическую жизнь съ ея шероховатостями. Поэтому первая общая задача современной общественной науки состоитъ въ опредѣленіи значенія общественныхъ дифференцированій, — задача, къ которой инстинктивно и потому неопредѣленно стремились всѣ лучшіе люди всѣхъ временъ.

Итакъ, количествомъ личныхъ и сочувственныхъ опытовъ и качествомъ ихъ комбинаціи опредѣляется нравственный складъ людей, не открыто исповѣдуемый ими культъ, напримѣръ, христіанской морали, — эта часть психическаго содержанія слишкомъ высока и обща, — а тѣ порожденныя процессомъ историческаго развитія особенности, лежащія гораздо глубже, которыя заставляютъ людей смотрѣть на общественные факты подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, съ извѣстнымъ, неяснымъ для нихъ самихъ, предвзятымъ мнѣніемъ. И это предвзятое мнѣніе отличается отъ предвзятаго мнѣнія естествоиспытателя только тѣмъ, что въ немъ играетъ важную роль нравственный элементъ. Какъ два микроскописта, исповѣдующіе различныя теоріи, видятъ то, чего ищутъ, такъ видятъ то, чего ищутъ, и два соціолога, придерживающіеся различныхъ воззрѣній. Какъ тамъ, въ случаѣ невозможности соглашенія путемъ непосредственнаго наблюденія, слѣдуетъ отъискать какую-нибудь иную опору для сознанія, обратиться къ самымъ источникамъ теорій; для чего онѣ должны быть приведены въ совершенную ясность; такъ и здѣсь ликвидація даннаго психическаго содержанія, смѣна одного содержанія другимъ возможна не иначе, какъ путемъ уясненія всѣхъ его составныхъ частей, а слѣдовательно и чувствъ и желаній. Какъ тамъ не должно быть рѣчи объ изслѣдованіи безъ предвзятаго мнѣнія, а должно только заботиться о томъ, чтобы предвзятое мнѣніе получило характеръ раціональной теоріи; такъ и здѣсь незачѣмъ маскироваться объективностью, а должно вы-

яснить безъ остатка свою личность, дать себѣ полный отчетъ въ своихъ желаніяхъ, побужденіяхъ и цѣляхъ. Претензія на объективность можетъ здѣсь только повести къ сбивчивости, именно потому, что полная объективность недостижима. Малѣйшее разногласіе между истинными, въ глубинѣ души лежащими чувствами социолога, его истиннымъ нравственнымъ идеаломъ и обсуждаемыми имъ фактами дѣйствительности, — поведетъ все-таки къ открытому примѣненію субъективнаго метода, но примѣненію неудовлетворительному, кастрированному.

X.

Такъ именно случается со Спенсеромъ, когда онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, единственно по внушенію безотчетнаго чувства, отступаетъ отъ своихъ пріемовъ и отъ добытой имъ истины.

Послѣдуемъ за нимъ въ его поправкахъ и дополненіяхъ къ формулѣ прогресса. Мы видѣли, что первая поправка состоитъ въ прибавленіи къ процессу перехода отъ однороднаго къ разнородному — процесса перехода отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Съ этой новой точки зрѣнія пріостановившій-было Спенсера фактъ революціоннаго движенія, представляющій переходъ отъ однороднаго къ разнородному, получаетъ новое освѣщеніе: «Политическій взрывъ, доходящій наконецъ до возмущенія, съ самаго начала стремится изгладить правительственныя и промышленныя спеціализаціи, существовавшія прежде. Недовольство, производящее такой взрывъ, само по себѣ предполагаетъ уже ослабленіе узъ, связывающихъ гражданъ въ отдѣльные классы и подклассы. Агитація, выростающая въ революціонные митинги, обнаруживаетъ рѣшительную склонность къ сліянію слоевъ, обыкновенно отдѣльныхъ другъ отъ друга» (Вып. VII, Основныя начала, 191). Такимъ-то образомъ, явленіе это представляетъ шаги не къ дальнѣйшему развитію, а къ разложенію, такъ-какъ оно составляетъ переходъ отъ опредѣленнаго къ неопредѣленному. Вглядитесь однако въ это новое описаніе революціоннаго движенія, и вы замѣтите, что для него, по крайней мѣрѣ, не было никакой надобности усложнять формулу прогресса. «Сліяніе слоевъ», «уничтоженіе правительственныхъ и промышленныхъ спеціализацій»,—что̀ это такое, какъ не переходъ отъ разнороднаго къ однородному, а такъ-какъ первоначальная формула прогресса есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному, то и безъ всякихъ поправокъ революціонное движеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ шагъ къ разложенію. Но почему Спенсеръ пожелалъ сдѣлать поправку? Потому, что нашелъ, что революціонное движеніе есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному и потому, повидимому, подходитъ къ формулѣ прогресса. Такимъ образомъ объективный методъ не только не устраняетъ неудобствъ субъективнаго метода, но еще

увеличиваетъ ихъ. Конечно, данное революціонное движеніе можетъ быть признано съ одной субъективной точки зрѣнія шагомъ къ развитію, съ другой шагомъ къ разложенію, и этимъ разногласіемъ вопросъ затемняется. Но я могу взвѣсить доводы одного человѣка и доводы другаго, потому что и тотъ и другой говорятъ мнѣ, что такое-то явленіе хорошо или нехорошо, такъ-какъ ведетъ къ такимъ-то хорошимъ или нехорошимъ результатамъ. Что же дѣлаетъ объективный методъ? Онъ самымъ грубымъ и топорнымъ образомъ уклоняется отъ оцѣнки внутренняго смысла явленій и скользитъ по ихъ внѣшности. Да, и по внѣшности именно только скользитъ, потому что посмотрѣлъ Спенсеръ одинъ разъ на картину революціоннаго движенія и нашелъ въ ней переходъ отъ однороднаго къ разнородному, посмотрѣлъ въ другой разъ и нашелъ переходъ отъ разнороднаго къ однородному. И однако и въ томъ и въ другомъ случаѣ видитъ въ ней шаги къ разложенію. Не ясно-ли, что, какъ ни выворачивай Спенсеръ подлежащій обсужденію фактъ, онъ всегда найдетъ его регрессивнымъ явленіемъ, ни почему другому, какъ потому, что ему революціонныя движенія не нравятся. Причемъ же тутъ хваленая объективность?

«Послѣдовательные фазисы, черезъ которые проходитъ общество, — говоритъ Спенсеръ (Вып. VII, 202), — обнаруживаютъ еще яснѣе (чѣмъ явленія неорганическаго и органическаго міра) прогрессъ отъ неопредѣленнаго строя къ опредѣленному. Бродячее племя дикарей, не будучи постоянно ни въ своей мѣстности, ни въ относительномъ положеніи своихъ частей, далеко не такъ опредѣлено, какъ народъ, покрывающій територію, ясно обозначенную, и состоящій изъ недѣлимыхъ, сгруппированныхъ въ городахъ и деревняхъ... Разница между царскимъ родомъ и остальнымъ племенемъ увеличивается до такой степени, что порождаетъ въ умѣ народа мысль о различіи природы въ томъ и другомъ. Классъ воиновъ достигаетъ совершеннаго отдѣленія отъ классовъ, посвятившихъ себя обработыванію земли и другимъ занятіямъ, считающимся удѣломъ рабовъ. Является жречество, опредѣленное по своему достоинству, функціямъ и привиллегіямъ. Эта рѣзкость опредѣленія, увеличиваясь все болѣе и болѣе и проявляясь разнообразнѣе и разнообразнѣе по мѣрѣ того, какъ общество идетъ къ зрѣлости, обнаруживается въ высшей степени въ тѣхъ обществахъ, которыя достигли полнаго развитія или склоняются уже къ упадку. Относительно древняго Египта намъ извѣстно, что въ немъ соціальныя дѣленія были рѣзко обозначены, а обычаи крайне строги. Въ Индіи, неизмѣнныя отличія кастъ, существующихъ и въ настоящее время, точно также, какъ и постоянство въ образѣ одежды, въ промышленныхъ процессахъ и религіозныхъ обрядахъ — показываютъ, до какой степени прочны порядки въ странахъ, имѣющихъ за собою громадное прошедшее». Вотъ что, съ объективной точки зрѣнія, имѣетъ право на званіе прогресса. И эта,

точка зрѣнія до такой степени объективна, что съ нея нельзя даже отличить эпохи развитія отъ эпохи упадка. Я не затѣмъ сдѣлалъ эту выписку, чтобы опровергать ее. Она намъ пригодится ниже. Здѣсь же замѣчу только, что Спенсеръ нигдѣ не доводитъ до конца своей любимой параллели между обществомъ и организмомъ. Онъ входитъ въ мельчайшія подробности этой параллели и однако не касается одного весьма существеннаго пункта — смерти. Обязательна ли смерть для общества, какъ обязательна она для недѣлимаго? Спенсеръ вездѣ обходитъ этотъ вопросъ. Мы дадимъ за него отвѣтъ. Всякое общество, если оно дѣйствительно приближается къ состоянію организма, если члены его дѣйствительно начинаютъ функціонировать какъ простые органы, безъ мысли и воли, если общество дѣйствительно начинаетъ уподобляться гигантскому туловищу, на которомъ сидитъ думающая за всѣхъ голова, а съ боковъ торчатъ работающія за всѣхъ руки, — всякое общество, дошедшее до такого состоянія, находится при смерти.

Послѣ перваго дополненія къ формулѣ прогресса Спенсеръ замѣчаетъ, что переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному есть не первичное, а вторичное явленіе, что это только «результатъ, сопровождающій окончаніе извѣстныхъ измѣненій». Именно для того, чтобы нѣкоторое однообразное цѣлое преобразовалось въ комбинацію разнообразныхъ частей, необходимо разъединеніе частей. Но пока этотъ разъединительный процессъ имѣетъ мѣсто, опредѣленность невозможна. Она получится только тогда, когда внутри каждой обособившейся части окончится интеграціонная работа, т.-е. когда объединятся элементы, образующіе каждую изъ составныхъ частей. Мы уже видѣли, въ чемъ ближайшимъ образомъ состоитъ процессъ интеграціи. Мы видѣли, что это только другая сторона процесса дифференцированія. Ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что Спенсеръ совершенно не вникаетъ во взаимное отношеніе интеграціоннаго и дифференціаціоннаго процессовъ, понятія о которыхъ, будучи приложены къ различнымъ вещамъ, дадутъ очень различные результаты. Спенсеръ говоритъ: «Надо замѣтить далѣе относительно европейскихъ народовъ, взятыхъ въ цѣломъ, что въ ихъ склонности заключать болѣе или менѣе продолжительные союзы, — въ ограничивающихъ вліяніяхъ, какія оказываютъ другъ на друга отдѣльныя правительства, въ постепенно устанавливающейся системѣ прекращенія международныхъ споровъ путемъ конгрессовъ, равно какъ и въ уничтоженіи препятствій торговлѣ и въ увеличивающихся удобствахъ сообщенія — мы можемъ признать начальную ступень европейской конфедераціи, т.-е. интеграцію еще болѣе широкую, нежели какая бы то ни было изъ установившихся понынѣ». Вопервыхъ, явленіе это представляетъ переходъ отъ разнороднаго къ однородному, слѣдовательно, по первоначальной формулѣ развитія, это явленіе не прогрессивное, а регрессивное. Вовторыхъ, такъ-какъ

при этомъ уменьшается рѣзкая опредѣленность отдѣльныхъ территорій, національностей и проч., то европейская конфедерація представляетъ регрессивное явленіе и по второй формулѣ Спенсера. Втретьихъ, наконецъ, принимая за центръ изслѣдованія послѣдовательно различныя общественныя единицы, мы, слѣдя за ихъ измѣненіями, послѣдовательно придемъ къ ряду взаимно исключающихся результатовъ. Если мы, вооружившись законами Спенсера, будемъ слѣдить за развитіемъ государства, то дифференціаціонный процессъ выразится при этомъ распаденіемъ общества на обособленныя сословныя и профессіональныя единицы, а интеграціонный — объединеніемъ ихъ отдѣльныхъ представителей, то-есть нѣкоторымъ упрощеніемъ ихъ организаціи. Взявъ за центръ изслѣдованія цѣлую систему государствъ, мы, напротивъ, должны будемъ признать, по Спенсеру же, прогрессомъ интеграцію отдѣльныхъ государствъ, то-есть ихъ упрощеніе и уничтоженіе нѣкоторыхъ «правительственныхъ и промышленныхъ спеціализацій», установленныхъ путемъ дифференцированія государства.

Наконецъ Спенсеръ дѣлаетъ еще одну поправку, которую мы ужь не будемъ разсматривать, и приходитъ къ тому заключенію, что «развитіе есть переходъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности, путемъ безпрерывныхъ дифференцированій и интеграцій».

Послѣ всей этой путаницы и замѣчательно нетвердыхъ шаговъ мысли, пріятно остановиться на такой ясной и свѣтлой статьѣ, какъ напримѣръ, «Обычаи и приличія». Въ первой нашей статьѣ мы привели изъ статьи Спенсера «Философія слога» образчикъ того, какъ онъ, переставъ трусить передъ телеологіей и субъективнымъ методомъ въ соціологіи, рѣшаетъ вопросъ о прогрессѣ, для частной области, въ смыслѣ совершенно противномъ всему вышеизложенному. Въ «Обычаяхъ и приличіяхъ» дѣло еще яснѣе. Статья имѣетъ цѣлью доказать, что обычаи и приличія, религіозныя представленія и политическая подчиненность совпадали нѣкогда въ одномъ понятіи, что, какъ выражается Спенсеръ, личности: «Бога, государя и церемоніймейстера» представляли въ самую раннюю историческую пору одну личность, и что затѣмъ онѣ отдѣлились другъ отъ друга, слѣдуя общему процессу дифференцированій. Но здѣсь понятіе прогресса примѣняется Спенсеромъ уже несравненно осторожнѣе. Человѣкъ, отважившійся признать съ объективной точки зрѣнія индійскія касты и китайскую неподвижность явленіями прогрессивными, теперь говоритъ: «При китайскомъ деспотизмѣ, стѣснительномъ и безконечномъ въ своихъ постановленіяхъ и жестокомъ въ требованіи ихъ исполненія, деспотизмѣ, съ которымъ соединяется равно суровый семейный деспотизмъ старшаго въ родѣ, — существуетъ система приличій, столь же сложныхъ, сколько и строгихъ. У нихъ есть трибуналъ церемоній. Общественное обращеніе обременено безконечны-

ми комплиментами и поклонами. Сословныя отличія строго опредѣлены внѣшними знаками» и т. д. На этотъ разъ Спенсеръ уже не смотритъ на подобныя явленія, какъ на одну изъ высшихъ ступеней общественнаго развитія. Отмѣтивъ нѣкоторые соотвѣтственные факты въ исторіи Европы, Спенсеръ продолжаетъ: «Одновременно съ упадкомъ вліянія духовенства и съ уменьшеніемъ страха вѣчныхъ мукъ, одновременно съ ослабленіемъ политической тиранніи, возростаніемъ народной власти и улучшеніемъ уголовныхъ кодексовъ, — шло и то уменьшеніе формальностей, то исчезновеніе внѣшнихъ отличій, которое становится нынѣ столь явно». Человѣкъ, такъ наивно упорно старавшійся набросить тѣнь регресса на картину революціоннаго движенія, оказывается самымъ ярымъ и крайнимъ революціонеромъ, когда дѣло идетъ о приличіяхъ и обычаяхъ. «Для истиннаго реформатора—говоритъ онъ — нѣтъ ни учрежденій, ни вѣрованій, которыя стояли бы выше критики. Все должно сообразоваться съ справедливостью и разумомъ; ничто не должно спасаться силою своего обаянія. Предоставляя каждому человѣку свободу достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія своихъ вкусовъ, онъ требуетъ для себя подобной же свободы. Ему все равно, исходитъ ли постановленіе отъ одного человѣка или отъ всѣхъ людей, но если оно нарушаетъ законную сферу его дѣятельности, онъ отвергаетъ дѣйствительность такого постановленія. Тираннія, которая захотѣла бы принудить его къ извѣстному покрою одежды или къ извѣстному образу поведенія, онъ сопротивляется такъ же, какъ и тиранніи, которая захотѣла бы ограничить его продажу и куплю, или предписать ему его вѣрованія. Будетъ ли это предписываться формальнымъ постановленіемъ законодательства или неформальнымъ требованіемъ общества, — будетъ ли неповиновеніе наказываться тюремнымъ заключеніемъ или косыми взглядами общества и остракизмомъ — для реформатора это не имѣетъ важности. Онъ выскажетъ свое мнѣніе, несмотря на угрожающее наказаніе; онъ нарушитъ приличія, несмотря на мелкія преслѣдованія, которымъ его подвергнутъ. Докажите ему, что дѣйствія его вредны ближнимъ — онъ остановится... Онъ обвиняетъ ихъ («партію порядка» въ дѣлѣ приличій и обычаевъ) въ деспотизмѣ, который не довольствуется тѣмъ, что предоставляетъ имъ власть надъ ихъ собственными поступками и привычками, но требуетъ еще признанія ихъ власти надъ дѣйствіями и привычками другихъ, и сѣтуетъ, что такая власть не признается. Реформаторъ требуетъ такой же свободы, какой они пользуются; а они хотятъ предписать ему его поведеніе, обрѣзать и выкроить его жизнь по утвержденной ими выкройкѣ, и потомъ обвиняютъ его въ своеволіи и своекорыстіи за то, что онъ не хочетъ спокойно покориться! Онъ предупреждаетъ ихъ, что будетъ непремѣнно сопротивляться, и что онъ сдѣлаетъ это не только для сохраненія своей собственной не-

зависимости, но и для ихъ же блага. Онъ доказываетъ имъ, что они рабы и не сознаютъ этого; что они скованы и цалуютъ свои цѣпи; что они всю свою жизнь прожили въ тюрьмѣ, и жалуются, что стѣны ея рухнули. Онъ говоритъ, что считаетъ своею обязанностью упорствовать для того, чтобы освободиться, и, несмотря на настоящія ихъ порицанія, предсказываетъ, что когда они успокоятся отъ страха, причиненнаго имъ перспективой свободы, они сами будутъ благодарить его за то, что онъ помогъ имъ освободиться».

Я счелъ своею обязанностью выписать эту страстную тираду для уясненія еще одной черты нравственнаго склада Спенсера. Конечно, я не рѣшусь произнести какое-нибудь общее рѣшеніе на этотъ счетъ, пока въ русскомъ переводѣ не появилось главное сочиненіе Спенсера по соціологіи—«Соціальная статика». Но, во всякомъ случаѣ, небезъинтересно замѣтить, что мыслитель, предписывавшій искусству отворачиваться отъ современной ему дѣйствительности; мыслитель, находившій возможнымъ въ изслѣдованіи о прогрессѣ обойти вопросъ о человѣческомъ счастіи; мыслитель, заявлявшій, что всякое общественное броженіе, стирающее осажденныя исторіею перегородки, каковы бы ни были его цѣли, есть шагъ къ разложенію; что этотъ мыслитель съ такимъ паѳосомъ обрушивается на свѣтскія приличія и обычаи. Не безъинтересно также замѣтить, что изъ трехъ вѣтвей одного и того же корня — религіозныхъ представленій, политической подчиненности, приличій и обычаевъ — онъ сосредоточиваетъ главное свое вниманіе на послѣднемъ. Онъ прямо утверждаетъ, что приличія-то именно и составляютъ самое крупное зло въ современномъ обществѣ. «Мы не сомнѣваемся (говоритъ онъ), что будучи подведены подъ одинъ итогъ, онѣ суммою превзошли бы сумму всѣхъ остальныхъ золъ. Еслибы мы могли сложить съ ними еще безпокойства, издержки, зависть, досаду, недоразумѣнія, потерю времени и потерю удовольствія — все, что̀ эти условія влекутъ за собой, — еслибы мы могли ясно понять, въ какой мѣрѣ они ежедневно связываютъ насъ и дѣлаютъ насъ своими рабами, мы, можетъ быть, и пришли бы къ заключенію, что ихъ тираннія хуже всякой другой тиранніи, которой мы бываемъ подвержены» (Т. I, 396). Счастливая страна Англія...

Выше мы сказали, что исключительное употребленіе въ соціологіи метода объективнаго равнялось бы, еслибы оно было возможно, складыванію аршинъ съ пудами, изъ чего, между прочимъ, слѣдуетъ не то, что объективный методъ долженъ быть совершенно удаленъ изъ этой области изслѣдованій, а только то, что высшій контроль долженъ здѣсь принадлежать субъективному методу. Но здѣсь рождается вопросъ: если объективный методъ не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной науки, дать ей верховный принципъ, то какой изъ субъективныхъ принциповъ можетъ быть выбранъ, какъ наилуч-

шій, такъ-какъ ихъ можетъ быть представлено нѣсколько? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ всей своей статьей. Возможно полное и многостороннее раздѣленіе труда между органами человѣка и возможное меньшее раздѣленіе труда между людьми,—таковъ предлагаемый нами принципъ, такова цѣль, которую мы указываемъ какъ наилучшую. Принципъ этотъ, какъ намъ кажется, не имѣетъ ни одного изъ недостатковъ, присущихъ всѣмъ до сихъ поръ принимавшимся принципамъ политики, этики, экономіи. Всѣ они либо предназначаются только для какой-нибудь частной области, вслѣдствіе чего примиреніе между отдѣлами общественной науки не можетъ состояться; либо добыты метафизическимъ путемъ, либо страдаютъ эмпиризмомъ, либо незаконно минуютъ науку о природѣ, вслѣдствіе чего невозможно примиреніе между наукою и жизнью. Съ другой стороны, нашъ принципъ обнимаетъ всѣ области человѣческой дѣятельности, всѣ стороны жизни. Онъ выведенъ нами не изъ глубины собственнаго духа и не рекомендуется, какъ полученный супранатуральнымъ путемъ. Онъ прочно коренится въ объективной наукѣ, потому что вытекаетъ изъ точныхъ изслѣдованій законовъ органическаго развитія. Правда, отправляясь отъ этихъ самыхъ законовъ, Спенсеръ, Дрэперъ и многіе другіе люди съ полновѣснымъ авторитетомъ — пришли къ діаметрально-противоположнымъ результатамъ. Но обстоятельство это нисколько не колеблетъ нашего принципа, потому что, руководствуясь имъ однимъ, мы показали всю несостоятельность воззрѣній Спенсера и имѣли даже возможность намекнуть на историческія причины этихъ воззрѣній. Отбросивъ въ нашихъ статьяхъ все недоговоренное и недодѣланное, читатель имѣетъ передъ собою ясно и просто поставленный вопросъ: могутъ ли быть подведены къ одному знаменателю раздѣленіе труда между недѣлимыми и раздѣленіе труда между органами, какъ полагаютъ Спенсеръ и другіе, или это два явленія, взаимно исключающіяся, находящіяся въ вѣчномъ и необходимомъ антагонизмѣ, какъ утверждаемъ мы? Вопросъ этотъ рѣшается данными объективной науки, и притомъ данными уже установленными, не подлежащими сомнѣніямъ. Если эти данныя дѣйствительно говорятъ въ пользу Спенсерова рѣшенія вопроса о раздѣленіи труда, который мы считаемъ фундаментальнымъ вопросомъ общественной науки, всѣ наши соображенія должны рухнуть. Если же нѣтъ, если правда на нашей сторонѣ, въ чемъ я такъ же твердо увѣренъ, какъ въ томъ, что держу въ настоящую минуту въ рукѣ перо,—остается только приложить предложенный нами принципъ, въ качествѣ соціологической аксіомы, къ рѣшенію частныхъ вопросовъ. На поставленный нами вопросъ: что̀ такое прогрессъ? — отвѣчаемъ: Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все,

что̀ задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что̀ уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ.

Ник. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи, *барона* Августа Гакстгаузена. *Перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ Л. И. Рагозинъ. Москва. 1870.*

Несмотря на красующійся на русскомъ переводѣ 1870 годъ, до котораго еще нужно дожить—«Изслѣдованіе и пр.»—наша старая знакомка. Это переводъ всѣмъ извѣстной книги о Россіи Гакстгаузена. Баронъ Гакстгаузенъ, изъѣздившій, въ тридцатыхъ годахъ, по порученію прусскаго правительства, вдоль и поперегъ всю Германію съ цѣлью основательнаго изученія и изслѣдованія народныхъ нравовъ, обычаевъ и сельскихъ учрежденій, натолкнулся, какъ извѣстно, на необходимость изученія Россіи. Замѣтивъ, во время своего путешествія, что во всѣхъ западныхъ мѣстностяхъ Германіи, населенныхъ въ древности славянами, коренятся какія-то загадочныя отношенія, невытекавшія изъ основъ чисто-германской жизни, онъ, для уясненія ихъ, счелъ необходимымъ изучить и Россію, какъ славянскую землю. Съ этою цѣлью баронъ отправился въ Петербургъ, гдѣ получилъ отъ самаго императора приказаніе ко всѣмъ властямъ въ имперіи оказывать ему полное покровительство и доставлять всякіе документы изъ архивовъ, по первому требованію. Заручившись такой поддержкой, баронъ совершилъ путешествіе по Россіи, и въ 1847 году издалъ два первые тома своего сочиненія, о которыхъ у насъ весьма много говорила нѣкогда журналистика, но, которые, тѣмъ не менѣе, теперь, послѣ крестьянской реформы, являясь въ русскомъ переводѣ, представляютъ нѣкотораго рода интересъ.

Переводчикъ это старался оговорить: «Многіе—пишетъ онъ—быть можетъ, подумаютъ, что книга Гакстгаузена уже устарѣла, и не можетъ заключать въ себѣ интересныхъ современныхъ данныхъ. Но, вопервыхъ, авторъ главнымъ образомъ касается такихъ сторонъ русскаго народа, которыя никакими реформами не могутъ быть измѣнены въ какія-нибудь 20 лѣтъ; вовторыхъ, еслибъ все, написанное въ книгѣ, не существовало болѣе фактически, благодаря быстротекущей жизни, то все же нельзя предположить, чтобы вся нація моментально совершен-

но переродилась; наконецъ, нужно сказать, что всѣ реформы текущаго десятилѣтія имѣютъ самое ничтожное значеніе для настоящаго нашей жизни, по крайней-мѣрѣ, со стороны экономической... Освобожденіе крестьянъ имѣетъ для настоящей минуты почти исключительно одно моральное значеніе, не сдѣлавши серьёзныхъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ».

Что книга барона Гакстгаузена можетъ быть и теперь не безъ интереса прочитана людьми, неимѣющими о ней понятія— съ этимъ, какъ мы уже сказали, мы вполнѣ согласны; что вся нація моментально переродиться не можетъ—это тоже не подлежитъ сомнѣнію; но намъ кажется, что едва-ли можно согласиться съ нимъ въ томъ, будто бы «освобожденіе крестьянъ имѣетъ для настоящей минуты почти исключительно одно *моральное* значеніе, не сдѣлавши серьёзныхъ измѣненій *въ экономическомъ* бытѣ». Высказанному предположенію отчасти противорѣчитъ и самъ переводчикъ, прибавляя чрезъ нѣсколько строкъ, что «съ *экономической* стороны положеніе помѣщиковъ бòльшею частію *ухудшилось*, положеніе же крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *положительно стало хуже*»; но если мы станемъ разбирать книгу подробнѣе и сравнивать все въ ней описанное съ настоящимъ, то найдемъ очень немало различныхъ измѣненій, хотя, быть можетъ, и не въ ту сторону, на которую разсчитывала крестьянская реформа.

Главное, на что обратилъ вниманіе баронъ, во время своего путешествія по Россіи, какъ это всѣмъ извѣстно — была русская община, общинный раздѣлъ крестьянской земли, которые собственно и составляли тѣ «загадочныя отношенія, невытекавшія изъ основъ чисто-германской народной жизни», которыя онъ замѣтилъ еще въ Германіи. Баронъ первый посмотрѣлъ на русское общинное устройство, какъ на одно изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій, какія только существуютъ въ мірѣ. Въ русской общинѣ, по его мнѣнію, лежитъ такая крѣпкая общественная сила и порядокъ, какихъ нѣтъ въ другихъ странахъ; она доставляетъ такую неизмѣримую выгоду, что въ Россіи, благодаря ей, нѣтъ пролетаріата, да и не можетъ образоваться, пока община существуетъ. Баронъ Гакстгаузенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги о русской общинѣ говоритъ съ особеннымъ одушевленіемъ, хотя и сознается, что примѣненіе этого принципа въ строгой его послѣдовательности можетъ затруднить успѣхи сельскаго хозяйства. По наблюденіямъ барона, сдѣланнымъ 20 лѣтъ тому назадъ, выходитъ, что гдѣ только появляется русскій человѣкъ, тамъ, слѣдомъ за нимъ, является и общинное устройство, и нигдѣ онъ не замѣтилъ даже намека на то, чтобы русскій крестьянинъ пожелалъ покинуть эту систему и замѣнить ее раздѣломъ мірской земли на постоянные подворные участки.

Вотъ уже и здѣсь нельзя не замѣтить значительнаго вліянія реформъ послѣдняго десятилѣтія, которое (то-есть вліяніе) от-

вергается переводчикомъ книги Гакстгаузена. Недостаточные крестьянскіе земельные надѣлы по Положенію 19-го февраля, чрезвычайно высокая ихъ оцѣнка во многихъ мѣстностяхъ, и чуть неудвоившіяся въ послѣднее время повинности, которыхъ половина крестьянъ выплачивать не въ состояніи—все это, въ соединеніи съ круговой порукой, не могло не поколебать въ крестьянахъ ихъ вѣры въ могущество общиннаго пользованія. Круговая порука, разумѣется, необходима для исправнаго сбора тяжкихъ повинностей съ сельскаго общества, въ которомъ, напримѣръ, числится двѣ трети крестьянъ несостоятельныхъ; но она слишкомъ уже тяжело отзывается на благосостояніи достаточныхъ крестьянъ, у которыхъ нерѣдко описываютъ имущество за неисправность другихъ, дѣлая и ихъ бѣдными, и отнимая всякую охоту къ труду. Ну, что̀, въ самомъ дѣлѣ, за охота трудиться, если, все равно, не за себя, такъ за другихъ отнимутъ своимъ трудомъ нажитое, и мудрено ли, что во многихъ крестьянахъ замѣтна теперь склонность замѣнить общинное пользованіе землею подворнымъ, чтобы, по крайней-мѣрѣ, отвѣчать только за самаго себя и за своихъ близкихъ?

Кромѣ этого, основнаго измѣненія, немало можно замѣтить и другихъ измѣненій, которыя совершились въ послѣднія 20 или 10 лѣтъ. Баронъ Гакстгаузенъ, проѣзжая по Нижегородской губерніи, замѣтилъ, напримѣръ, что въ губерніи этой «каждая крестьянка носитъ на шеѣ, на головномъ уборѣ отъ 200—300, а иногда и до тысячи настоящихъ жемчужинъ». Можно какое угодно держать пари, что «въ послѣднее десятилѣтіе» жемчужинъ этихъ давно уже на крестьянскихъ шеяхъ и головахъ не существуетъ, точно такъ же, какъ не существуетъ уже серебряныхъ и золотыхъ монетъ стараго чекана на головныхъ и шейныхъ украшеніяхъ деревенскихъ татарокъ, которыя «въ послѣднее десятилѣтіе», а можетъ быть, и пораньше, замѣнили настоящія монеты простыми мѣдными бляхами, въ родѣ тѣхъ, какія пришиваются къ лошадинымъ сбруямъ.

Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что баронъ вообще осматривалъ Россію при такой обстановкѣ, при которой простыя, дешевыя бусы и вычищенныя кирпичомъ мѣдныя бляхи легко могли быть имъ приняты за драгоцѣнный жемчугъ и чистое золото. Онъ ѣздилъ по городамъ и селеніямъ не одинъ, а постоянно сопровождаемый мѣстными начальниками, которымъ было предписано чинить ему всякое вспомоществованіе и покровительство. Его везли, куда было нужно, и заранѣе назначали ему квартиры у мѣстныхъ поселянъ, у которыхъ послѣ, по разспросамъ, оказывалось по 100 и по 200 тысячъ рублей капитала: мудрено ли, что баронъ, послѣ всего этого, видѣлъ кругомъ себя только золото, да жемчугъ, и вывезъ изъ Россіи понятіе, какъ о богатѣйшей странѣ въ мірѣ? Нѣкоторыя мѣстности Ярославской губерніи, напримѣръ, баронъ осматривалъ въ сопровожденіи управляющаго мѣстной палатой государствен-

ныхъ имуществъ, который, кстати, показалъ, какъ у него отлично дѣла ведутся. Управляющій, во время перекладки лошадей въ одномъ селѣ, приказалъ собрать на улицѣ сходку, и баронъ тутъ познакомился, какъ ведутся дѣла въ русской общинѣ. «Поведеніе крестьянъ относительно предсѣдателя — сообщаетъ баронъ въ своей книгѣ — свидѣтельствовало равно въ пользу его (то-есть предсѣдателя) и ихъ. Крестьяне были *довѣрчивы*, *привѣтливы*, *уступчивы*, *но отнюдь не низкопоклонны* и льстивы. Мы направились затѣмъ въ сопровожденіи головы и стариковъ въ волостной приказъ, гдѣ волостной писарь передалъ управляющему различныя бумаги, *изъ которыхъ я, конечно, ничего не понялъ. Можно, однако, узнать, что грамотность начинаетъ проникать въ отдаленные закоулки Россіи*» (Ничего не понялъ, но, однако, узналъ!). Въ селѣ Великомъ баронъ узналъ, что «министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ возъимѣлъ благородную мысль возбудить и укрѣпить въ русскомъ народѣ чувство чести и справедливости» (стр. 75). Въ городѣ Торжкѣ полиціймейстеръ самъ помогалъ барону собирать свѣдѣнія о положеніи рабочихъ, а въ Твери о положеніи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ онъ получилъ самыя вѣрныя свѣдѣнія отъ управляющихъ палатой и удѣльной конторой. Постоянно сопровождаемый такими путеводителями, баронъ, разумѣется, объ образѣ жизни и положеніи русскихъ крестьянъ получилъ свѣдѣнія самыя вѣрныя. Онъ самъ, напримѣръ, видѣлъ, что крестьяне каждую недѣлю разъ непремѣнно ѣдятъ говядину, а въ остальные дни непремѣнно рыбу и отличнѣйшіе пироги. Онъ самъ видѣлъ и засвидѣтельствовалъ въ своей книгѣ, что крестьяне у насъ живутъ въ домахъ, хотя и не изящныхъ, но въ теплыхъ и опрятныхъ. На сердцѣ какъ-то весело дѣлается, когда прочитаешь описаніе этой благодатной жизни русскаго мужичка: «Мы вошли — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги — въ большую, свѣтлую комнату, стѣны которой оклеены обоями, а чисто вымытый полъ усыпанъ еловыми иглами. Мебель, посуда и украшенія комнаты составляли какую-то странную смѣсь прадѣдовской русской простоты и произведеній новѣйшей промышленности».

Подъ Устюгомъ-великимъ купецъ-домохозяинъ, къ которому помѣстили на квартиру барона, мало того, что ни копѣйки не взялъ съ него за постой, но еще «чувствительно благодарилъ» за посѣщеніе и секретно далъ прислугѣ, сопровождавшей барона, по 10 рублей на человѣка. «Въ Германіи такого обычая нѣтъ» — замѣчаетъ баронъ; и замѣчаетъ, намъ кажется, совсѣмъ понапрасну, потому что русскіе бароны и не бароны давно уже въ этомъ отношеніи до тонкости успѣли изучить Германію и смежныя съ нею страны. Этотъ оригинальный Устюжскій «обычай» до такой степени, какъ видно, пришелся по сердцу барону, что онъ не можетъ объ немъ забыть и въ деревнѣ Ворониной, гдѣ домохозяинъ, «котораго собственно нель-

зя было назвать простымъ мужикомъ, а скорѣе торговцемъ, такъ-какъ онъ торговалъ хлѣбомъ на 100 тысячъ рублей», угостилъ его только лишь «чаемъ съ скверными пирогомъ и стаканомъ пива, тогда какъ крестьянинъ деревни Постово подъ Устюгомъ *угостилъ насъ блистательно и съ трогательною любезностью*». Не здѣсь-ли полно зародилось въ баронѣ то чувство какого-то недоброжелательства къ русскимъ купцамъ, которое очень замѣтно проскальзываетъ мѣстами въ его сочиненіи? «Простой мужикъ добросердеченъ и симпатиченъ—пишетъ баронъ на стр. 35-й своей книги,—но какъ скоро онъ богатѣетъ, становится торговцемъ, купцомъ, онъ портится и *дѣлается мошенникомъ*». Восхищаясь добросердечіемъ и любезностію простого русскаго крестьянина, баронъ нигдѣ не пропускаетъ случая поглумиться надъ купцомъ: хотя бы надъ его чаепитіемъ въ трактирѣ, когда онъ «сидитъ прямо, неподвижно на лавочкѣ, дѣлая только лишь самыя необходимыя движенія, на сколько нужно чтобы поднести стаканъ ко рту и потомъ поставить его на столъ».

Вообще, впрочемъ, нужно замѣтить, что наблюденія барона надъ образомъ жизни и бытомъ купцовъ несравненно вѣрнѣе, чѣмъ наблюденія надъ крестьянами, которые, по его описаніямъ, выходятъ какъ-то слишкомъ уже невинными твореніями и, притомъ, великолѣпно обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи. Читая его описанія крестьянскаго быта, можно подумать, что Россія,—это страна, въ которой «нѣтъ ни скорби ни болѣзни ни воздыханія,но жизнь безконечная», тогда какъ приведенныя слова церковной пѣсни если и можно примѣнить къ Россіи, то совсѣмъ ужь въ другомъ смыслѣ! Въ одномъ только мѣстѣ своей книги, и то вскользь, баронъ упоминаетъ объ огромной смертности крестьянскихъ дѣтей, но и тамъ однако-же причину громадной смертности объясняетъ единственно *небрежностью въ пищѣ*, надзорѣ и уходѣ, тогда какъ теперь, чрезъ двадцать лѣтъ по выходѣ баронской книги, мы всѣ очень хорошо понимаемъ, въ чемъ именно заключается эта «*небрежность въ пищѣ*»!

Вообще, если мы все, описываемое барономъ, будемъ принимать за неопровержимую истину, то неизбѣжно придемъ къ такому заключенію, что въ послѣдніе 20 лѣтъ Россія совершенно преобразилась и измѣнилась, а, слѣдовательно, и самая книга окончательно уже устарѣла; но въ томъ все и дѣло, что личныхъ наблюденій барона за неопровержимую истину принимать нельзя, такъ-какъ ему Россію только показывали, а не самъ онъ ее смотрѣлъ. Богатый русскій помѣщикъ, до освобожденія крестьянъ, еслибы ему поручили описать Россію, написалъ бы почти то же самое, что и Гакстгаузенъ, только, разумѣется, пожиже и поглупѣе, потому что отъ барона никакъ нельзя отнять нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній. Взгляды барона на нѣкоторые предметы, напримѣръ, на народное образованіе и т. п.—чисто помѣщичьи; но за то тамъ, гдѣ онъ касается

своей спеціальности, т.-е. сельскаго хозяйства, общинной собственности, артелей и т. п. — онъ является знатокомъ своего дѣла, и эти мѣста его книги давно уже пользуются значительною извѣстностью. Русскій переводъ, конечно, еще болѣе ее распространитъ.

Вниманіе къ дѣтямъ и къ матерямъ. И. Лазаревича, *доктора медицины, ординарнаго профессора и директора клиники акушерской, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней при императорскомъ харьковскомъ университетѣ и т. д., и т. д. Харьковъ. 1869.* **II. Вниманіе къ матерямъ.**

Въ одной изъ предъидущихъ книжекъ нашего журнала мы разобрали довольно подробно первую часть книги г. И. Лазаревича. Теперь, когда въ Петербургѣ получена ея вторая часть, долгъ справедливости обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ и объ ней, тѣмъ болѣе, что во второй части, посвященной популярному изложенію свѣдѣній изъ акушерства, автора почти нельзя узнать, и еслибы не нѣкоторая безалаберность изложенія и не неудачныя попытки острить, то вторую часть труда г. Лазаревича можно было бы смѣло назвать книгою порядочною. Чтеніе ея для матерей вообще будетъ небезполезнымъ, такъ-какъ г. Лазаревичъ, прибѣгавшій къ эпиграфамъ «для пополненія недостатка содержанія въ текстѣ», при изложеніи гигіены дѣтскаго возраста, перейдя въ область акушерства, предмета, очевидно, ему близко и основательно знакомаго, не нуждался въ подобномъ пополненіи. Въ сферѣ акушерства — онъ дома, точно также, какъ въ педіатрикѣ и гигіенѣ — въ гостяхъ, въ области же оперативнаго акушерства онъ, очевидно, полезный и знающій дѣятель, такъ-какъ всѣ, придуманные имъ или измѣненные родовспомогательные инструменты, которые онъ описываетъ въ особомъ прибавленіи для врачей, задуманы и осуществлены на основаніяхъ раціональныхъ и практическихъ. Въ книгѣ весьма много полезныхъ практическихъ замѣчаній для беременныхъ и рожениц, а различныя трудности акушерства (о членорасположеніи плода, о различныхъ его положеніяхъ и т. д.) изложены просто и понятно. Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени молодымъ матерямъ, а особливо тѣмъ изъ нихъ, которыя живутъ гдѣ-нибудь въ глуши нашего обширнаго отечества, гдѣ иногда нельзя достать нетолько знающаго акушера, но и мало-мальски порядочной повивальной бабки — полезно знаніе всѣхъ этихъ предметовъ — можетъ служить находящееся въ книгѣ г. Лазаревича описаніе тѣхъ чудовищныхъ неистовствъ, какимъ подвергаютъ рожениць деревенскія повитухи въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Не имѣя свѣдѣній, о которыхъ мы говоримъ, каждая женщина можетъ сдѣлаться жертвою подобныхъ неистовствъ. Для образца же истязаній этого рода приведемъ хотя слѣдующія. Г-жа Бунина, ученица повивальнаго института при

харьковской акушерской клиникѣ, ѣздившая лѣтомъ 1868 года по губерніи для наблюденія родовспоможенія въ крестьянскомъ быту, въ запискахъ своихъ объ этомъ предметѣ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Если роды продолжаются очень долго, то бабка становится на кровать и подымаетъ ноги роженицы такъ, чтобы онѣ были наравнѣ съ ея собственными плечами; тогда она *встряхиваетъ* роженицу за ноги *какъ можно сильнѣе* отъ трехъ до четырехъ разъ».

«Если есть боли въ животѣ, то ставятъ родильницу надъ горячимъ кирпичемъ, на который кладутъ деготь, тертый чеснокъ и поливаютъ водкою, настоенною стручковымъ перцомъ» (!!).

Одинъ полтавскій помѣщикъ разсказывалъ г. Лазаревичу объ одной повитухѣ, которая, ради полученія чарки водки, заставила беременную крестьянку, срокъ родовъ которой еще даже не наступилъ, прыгать нѣсколько разъ съ печи на кровать. Разумѣется, роды отъ этого не возбудились, но бѣдная женщина поплатилась за такой опытъ значительною болѣзнью, и это еще было для нея счастіемъ, такъ-какъ она могла вслѣдствіе подобныхъ экспериментовъ потерять и самую жизнь или умертвить своего ребенка еще до появленія его на свѣтъ. Читая подобныя описанія жалкаго состоянія повивальнаго искусства въ нашемъ отечествѣ, невольно задаешься вопросомъ: отчего въ наши дни, при возникшемъ въ средѣ русскихъ женщинъ стремленіи къ независимости и честному заработку средствъ къ жизни личнымъ трудомъ, между ними встрѣчается такъ мало желающихъ посвятить себя повивальному искусству, не съ тѣмъ, разумѣется, чтобы по полученіи диплома повивальной бабки оставаться въ столицѣ или ѣхать въ большіе губернскіе города (на послѣднее охотницъ довольно), а съ тѣмъ, чтобы посвящать свой трудъ и знаніе крестьянскому населенію? Разумѣется, это дѣло не легкое и жизнь въ средѣ крестьянскаго сословія для женщины будетъ тяжела и сурова, но развѣ суровость жизни, при дѣйствительномъ служеніи идеѣ и глубокомъ убѣжденіи, можетъ служить непреодолимымъ препятствіемъ для честно направленной мысли, твердой воли и искренняго стремленія къ независимости?

Историческіе очерки и разсказы С. Н. Шубинскаго. *С.-Петербургъ. 1869 г.*

Есть у насъ немало писателей, о литературной производительности которыхъ, — при всемъ желаніи сказать имъ нѣчто пріятное и поощрительное, — можно выразиться только извѣстной пословицей: «охота смертная, да участь горькая». Пишутъ эти господа много и охотно, не лѣнятся наводить справки въ старыхъ рукописяхъ и не менѣе древнихъ книжкахъ, заботятся даже о стилистическихъ украшеніяхъ своей рѣчи (по скольку знакомы они съ риторикой Кошанскаго), и все-таки, въ концѣ

концовъ, результатъ получается неутѣшительный и для авторскаго самолюбія незавлекательный. Публика читаетъ иногда эти произведенія, благодаритъ за сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія о «дѣлахъ давно минувшихъ дней» (если только есть за что благодарить и факты, въ самомъ дѣлѣ, сообщаются значительные); но къ измышленіямъ самихъ авторовъ, къ ихъ философскимъ натугамъ и лирическимъ порывамъ, словомъ, къ литературной обработкѣ всего этого высиженнаго и выскребеннаго сырья — та же коварная публика относится съ обиднымъ и ничуть не скрываемымъ равнодушіемъ. Цитируя факты, представленные этими писателями, никто не думаетъ справляться съ мнѣніями, которыми — правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ — эти факты сопровождаются. Всѣ какъ бы хотятъ сказать: «вотъ ты намъ документикъ-то сообщи, а ужь мы тамъ сами за тебя подумаемъ, что сей сонъ значитъ». Читатель, безъ сомнѣнія, догадывается, что мы ведемъ рѣчь о нашихъ изслѣдователяхъ литературы и исторіи XVIII-го столѣтія, которые прославились въ равной мѣрѣ: какъ своимъ похвальнымъ трудолюбіемъ, такъ и непохвальнымъ убожествомъ своего критическаго и философскаго смысла... Г. Шубинскій, «сей остальной изъ стаи славной», дерзалъ писать въ историческомъ родѣ на ряду съ гг. Семевскимъ, Петровымъ и др.; но, не довольствуясь тѣмъ, что статейки его находили себѣ пріютъ въ разныхъ, сомнительнаго качества, «повременныхъ» изданіяхъ, — задумалъ онъ нынче обновить о себѣ память, собравши всѣ свои лавры въ одинъ вѣнокъ, въ видѣ «Историческихъ очерковъ и разсказовъ». Небольшая книжка эта, долженствующая обезсмертить имя г. Шубинскаго въ потомствѣ, состоитъ изъ 8-ми краткихъ этюдовъ, изъ которыхъ всѣ были уже напечатаны, можетъ быть, прочтены, и ужь навѣрное позабыты. Здѣсь есть и «березовскіе ссыльные», и «придворные шуты», и «убійство Синклера» (это вѣрно для любителей «удольфскихъ таинствъ»), и «дочь Бирона», и «статсъ-секретари Екатерины II-ой». Въ изложеніи всѣхъ этихъ разнокалиберныхъ предметовъ авторъ обнаруживаетъ, достойную всякаго сожалѣнія, литературную неумѣлость при отсутствіи какого бы то ни было историческаго пониманія. Покуда г. Шубинскій перепечатываетъ цѣликомъ интересный документъ, или выбираетъ цитаты изъ малоизвѣстныхъ книгъ—у него дѣло идетъ, какъ по маслу; но какъ только попробуетъ онъ осмыслить разсказываемое событіе или оцѣнить выведенную личность—непослушное перо сейчасъ же начинаетъ творить кляксы на бумагѣ, и, вмѣсто мнѣнія и оцѣнки, получается какое-то, плохо замаскированное, изреченіе изъ прописи, или даже просто чернильное пятно, въ которомъ и разобрать-то ничего невозможно. Заручившись увѣренностью, что «простодушіе и наивность всего драгоцѣннѣе для историка», и что писать надо, «не мудрствуя лукаво» (стр. 190), г. Шубинскій приступаетъ съ этимъ простодушіемъ, не имѣя никакихъ другихъ качествъ

повѣствователя, и къ громадной личности Петра I-го, и къ миніатюрному помѣщику Головину, отрытому имъ изъ какихъ-то домашнихъ записокъ. Характеристики лицъ, по временамъ попадающіяся въ этомъ «нелукавомъ» и «немудромъ» разсказѣ, отличаются примѣрнымъ добросердечіемъ и... стереотипностью. Ѳедоръ Іоанновичъ былъ «кроткій и добродѣтельный царь», Петръ III былъ тоже человѣкъ — «добрый и откровенный, съ прекраснымъ сердцемъ и съ желаніемъ народнаго блага» (стр. 163); Кирила Григорьевичъ Разумовскій аттестуется вельможей «добрымъ, великодушнымъ, щедрымъ, безъ малѣйшей гордости и спѣси, всѣмъ доступнымъ, ласковымъ, полнымъ живого ума» и проч. и проч. Сочувствія автора солидны и благонамѣренны: его любимый герой, «проживъ съ молодой супругой пять мѣсяцевъ, *съ грустью* (не такъ, какъ нынѣшніе вертопрахи) увидѣлъ приближеніе срока своего отпуска»; родители «напутствуютъ его благословеніями и слезами» (стр. 67). Философскія размышленія устремлены горѐ, что̀ не мѣшаетъ, однако, автору обнаруживать въ практическихъ вопросахъ большую опытность и бывалость. Такъ, напримѣръ, разсказавъ о томъ, что братъ Натальи Борисовны Долгорукой отказался дать взятку Лестоку, чтобы тотъ выхлопоталъ возвращеніе конфискованныхъ имѣній, г. Шубинскій примѣчаетъ: «чудакъ (еще бы!) не согласился пожертвовать дорогими часами, чтобы *устроить будущность* сестры и племянниковъ!» Описанія природы трогательны и живописны. «Среди дремучей тайги и *пустынныхъ* тундръ отдаленнаго сѣвера — такъ начинаетъ авторъ свою статью о березовскихъ ссыльныхъ — на крутомъ обрывистомъ берегу рѣки Сосвы, близъ впаденія ея въ Обь, пріютился небольшой городокъ Березовъ. Кругомъ его, на необозримыя пространства, тянутся съ одной стороны — первобытные хвойные лѣса, съ другой — обширная луговая низменность, покрытая множествомъ озеръ, протоковъ и зыбкихъ болотъ. На всемъ лежитъ печать *суроваго* сѣвера. *Унылая* природа бываетъ облечена въ *снѣжный саванъ* въ теченіе восьми мѣсяцевъ; *жестокіе* морозы доходятъ иногда до сорока-пяти градусовъ, холодъ захватываетъ дыханіе и превращаетъ выдыхаемый паръ въ иней; птицы падаютъ мертвыми, стекла въ окнахъ лопаются; земля (?) и ледъ даютъ глубокія трещины... ночи продолжительны и мрачны... безмолвіе пустыни царствуетъ въ полутемномъ, занесенномъ снѣгомъ, городкѣ; только хвойныя деревья, по высокому росту (?!) и зелени, нѣсколько оживляютъ угрюмую картину этой вѣчной зимы» (стр. 40). «Задачка» эта составлена недурно, съ соблюденіемъ нѣкоторой выразительности въ эпитетахъ, и въ третьемъ классѣ гимназіи за нее можно бы поставить удовлетворительный баллъ, хотя и замѣтно, что авторъ, въ своемъ цвѣтистомъ слогѣ, нѣсколько попридерживался «Параши Сибирячки». Но, во всякомъ случаѣ, «хвойныя деревья, *по своему росту* («дался ему трехъ сажень удалецъ!»)

оживляющія картину», принадлежатъ лично и безраздѣльно г. Шубинскому. Иногда г. Шубинскій, впрочемъ, вообще скромный по этой части, претендуетъ даже на критическую проницательность, и доказываетъ, не безъ остроумія, что тѣло, вырытое въ Березовѣ въ 1825 г. и «неизвѣстно кому принадлежащее», не могло принадлежать князю Меньшикову, потому-де, что «капоръ на головѣ, подвязанный лентою, и башмаки изъ махровой матеріи *могли принадлежать скорѣе* женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ» (стр. 49). Намъ нравится эта скромность и осторожность историка: «могли принадлежать скорѣе», ибо доподлинно неизвѣстно: носилъ ли князь Меньшиковъ башмаки и капоръ въ своемъ изгнаніи? А можетъ быть, носилъ? Перейдемъ, однако, къ содержанію книжки.

Въ статьѣ: «Придворные шуты и шутовскія свадьбы» г. Шубинскій сообщаетъ любопытныя (но уже не новыя) свѣдѣнія изъ временъ Петра-Великаго. Тутъ описываются знаменитые пиры, соединенные съ всенароднымъ осмѣиваніемъ тяжелыхъ и нескладныхъ обычаевъ русской старины. Извѣстно, что Петръ, предаваясь невоздержному разгулу, составилъ, для своей потѣхи, цѣлый «всешутѣйшій соборъ», въ члены котораго выбирались только люди, извѣстные своимъ пристрастіемъ къ горячимъ напиткамъ. Но, удовлетворяя стремленію царя къ физическимъ удовольствіямъ, этотъ соборъ имѣлъ для него и другой, болѣе серьёзный, смыслъ. Въ обрядахъ, пѣсняхъ и шутовскихъ представленіяхъ собора мы видимъ ярко-пробивающуюся сатирическую струю: всѣ эти забавы направлены къ тому, чтобы осмѣять устарѣлыя формы жизни и очистить, такъ-сказать, мѣсто новымъ идеямъ и порядкамъ, о введеніи которыхъ такъ ревностно, съ такой судорожной и не всегда благоразумной торопливостью заботился неумолимый реформаторъ. Этотъ «кокуйскій патріархъ» и «бахусоподражательный отецъ» Зотовъ, этотъ князь-папа Бутурлинъ, окунутый при одномъ торжествѣ въ бочку съ пивомъ, наконецъ, князь-кесарь Ромодановскій, выѣзжавшій на медвѣдяхъ, причемъ гайдуки постоянно дразнили медвѣдей рогатинами, а лѣсные красавцы отчаянно ревѣли, пугая сѣдока и потѣшая народъ — всѣ эти лица служили намеками на представителей допетровской эпохи съ ихъ смѣшной и церемоніальной важностью, отталкивавшей отъ себя молодаго царя. Посмотримъ, напримѣръ, на обрядъ вѣнчанія Бутурлина съ шестидесятилѣтней старухой, вдовой «кокуйскаго патріарха» Зотова. «Въ назначенный день, въ восемь часовъ утра, лица, участвовавшія въ празднествѣ, собрались по сигналу на Троицкой площади, у деревянной пирамиды, воздвигнутой въ память взятія у шведовъ, въ 1714 г., четырехъ фрегатовъ. *Всѣ были въ маскахъ и маскарадныхъ платьяхъ*, скрытыхъ отъ взоровъ любопытнаго народа подъ широкими черными плащами. Пока маршалы раздѣляли и разставляли масокъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ

должны слѣдовать, царь и знатнѣйшіе вельможи находились у обѣдни въ троицкой церкви, гдѣ и совершилось бракосочетаніе князя-папы, вѣнчавшагося въ полномъ кардинальскомъ костюмѣ. По окончаніи обряда, *Петръ, одѣтый голландскимъ матросомъ*, вышелъ изъ церкви и ударилъ въ барабанъ. Тогда всѣ участвовавшіе разомъ сбросили плащи, и вся площадь вдругъ запестрѣла тысячью разнообразно костюмированныхъ масокъ. Онѣ начали медленно ходить вокругъ пирамиды, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, матросомъ, имѣлъ черезъ плечо на черной бархатной, обшитой серебромъ перевязи барабанъ, въ который онъ билъ превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами; а возлѣ него три другіе барабанщика, генералы, одѣтые также въ матросскій нарядъ. За ними слѣдовалъ *князь-кесарь въ костюмѣ древнихъ царей, въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, со скипетромъ въ рукѣ*, окруженный рындами и толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Потомъ *императрица, одѣтая голландскою крестьянкой*, въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ тонкаго полотна, съ небольшой корзиной въ рукахъ... За государыней слѣдовали дѣвицы Нарышкины, *одѣтыя также, какъ и она*...Шествіе этой группы заключалъ огромный *толстый францисканецъ* въ своемъ орденскомъ одѣяніи и со странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою императрицы важно двигалась *княгиня-кесарша въ костюмѣ древнихъ царицъ*, въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга... Наконецъ были отдѣльныя маски въ весьма смѣшныхъ костюмахъ; такъ, напримѣръ, турецкій *муфтій* въ своемъ оригинальномъ одѣяніи; Бахусъ въ тигровой кожѣ, увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно тучный и съ распухшимъ лицомъ; субъекта этого, по приказанію царя, усердно поили передъ маскарадомъ въ теченіе трехъ дней, при чемъ не давали ему ни на минуту заснуть.—Погулявъ при стеченіи несмѣтнаго количества народа часа два по площади и хорошо разсмотрѣвъ другъ друга, всѣ маски отправились въ зданіе сената, гдѣ князь-папа угощалъ ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая сидѣли за столомъ подъ балдахинами: — онъ съ царемъ, окруженный «всешутѣйшими» кардиналами, а она съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣло серебряное изображеніе Бахуса верхомъ на бочкѣ, изъ которой женихъ цѣдилъ водку въ свой стаканъ и пилъ впродолженіе всего обѣда; человѣкъ, представлявшій въ маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также на винной бочкѣ, и страшно принуждалъ пить папу и кардиналовъ. Послѣ обѣда сначала танцовали, а потомъ царь и царица «въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу: женихъ въ особенности былъ нево-

образимо пьянъ». На другой день князь-папа переправлялся черезъ Неву. Происходило это такимъ образомъ: машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, отличалась своею особенной конструкціей. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, нахорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ и составлявшихъ, на извѣстномъ разстояніи, одна отъ другой шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ были прикрѣплены посерединѣ еще бочки или ушаты поменьше, на которыхъ сидѣли кардиналы, привязанные веревками, чтобъ не могли упасть. Въ такомъ видѣ они плыли другъ за другомъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ огромный котелъ пивной съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держался на водѣ, и притянутый канатами къ заднимъ бочкамъ, гдѣ сидѣли кардиналы. *Въ этомъ котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ въ большой деревянной чашѣ князь-папа.* И онъ, и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что были приняты всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди машины красовалось вырѣзанное изъ дерева морское чудовище; на немъ сидѣлъ верхомъ Нептунъ, повертывавшій своимъ трезубцемъ князя-папу въ его чашѣ... Когда князь-папа намѣревался выйти изъ своего котла на берегъ, подосланныя царемъ маски, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво» (стр. 24). Легко замѣтить, въ этомъ маскарадномъ церемоніалѣ, грубую, но нелишенную остроумія насмѣшку какъ надъ клерикальной, такъ и надъ свѣтской властью, если эта послѣдняя чопорно рядится въ теократическую хламиду. Не даромъ въ процессіи участвовали, въ смѣшномъ видѣ, францисканцы и муфтіи; не даромъ царь уступилъ свое древнее облаченіе, изобрѣтенному на забаву, князю-кесарю, а себя и свою жену нарядилъ въ простые голландскіе костюмы: все это соотвѣтствовало вполнѣ его личнымъ вкусамъ и тѣмъ стремленіямъ, которыя обнаружились въ его государственной дѣятельности. Уничтоженіе патріаршества, строгія мѣры противъ духовенства, почти поголовно враждебнаго реформѣ, насильственное изгнаніе старинныхъ, дорогихъ и неудобныхъ нарядовъ, упрощеніе донельзя придворнаго этикета—эти слишкомъ извѣстные факты, конечно, служатъ выраженіемъ тѣхъ же самыхъ симпатій, которыя бросаются въ глаза и въ вышеприведенномъ церемоніалѣ. Безобразное пьянство, неумѣряемое ни чувствомъ приличія, ни присутствіемъ женскаго пола, запертаго въ своихъ теремахъ, ни гигіеническими правилами, о которыхъ предки наши слыхомъ не слыхивали,—это «зѣльное піанство», являющееся типической чертою старорусской жизни, нашло себѣ выраженіе въ князѣ-папѣ, посаженномъ въ пивной котелъ, хотя на этотъ разъ насмѣшки граничили уже съ самоосужденіемъ, такъ-какъ и самъ государь далеко не былъ чуждъ этого общерусскаго недостатка. Что это угощенье и подпаиванье виномъ

имѣло у Петра насмѣшливый, вызывающій характеръ, доказательство на то можно найти въ книгѣ г. Шубинскаго. Такъ, на потѣшной свободѣ царскаго шута Шанскаго, приглашенныхъ гостей опаивали, по старымъ обычаямъ, съ поклонами и неотвязными просьбами, а Петръ, обращаясь къ присутствовавшимъ тутъ защитникамъ старины, острилъ надъ ними, говоря: «ваши предки употребляли эти напитки; старинные обычаи *всегда* лучше новыхъ» и т. п. (стр. 8). Тѣмъ не менѣе, несмотря на свое собственное свидѣтельство, что глумленія и потѣхи Петра имѣли основаніемъ какую нибудь серьёзную цѣль или, по крайней мѣрѣ, опредѣленное отношеніе къ тому предмету, противъ котораго они направлялись, г. Шубинскій отрицаетъ всякое серьёзное значеніе у описаннныхъ имъ насмѣшливыхъ церемоній. «Нѣкоторые историки Петра Великаго — говоритъ онъ — видятъ въ учрежденіи всешутѣйшаго сбора и званія князя-папы намѣреніе царя унизить патріаршескій санъ и всенародно осмѣять его. Такое мнѣніе едва-ли основательно. Вѣрнѣе всего, что это была *простая забава*, весьма понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго, полуобразованнаго общества. Зотовъ получилъ титулъ «кокуйскаго патріарха» въ то время, когда, по всѣмъ вѣроятіямъ, Петру еще не западала мысль объ уничтоженіи патріаршества. Если предположить, что царь въ лицѣ князя-папы и всешутѣйшаго собора желалъ насмѣяться надъ патріаршествомъ, то нужно допустить заключеніе, что онъ хотѣлъ насмѣяться и надъ своей собственной самодержавною властью, потому что у него былъ также шутовской пресбургскій король, князь-кесарь Ромодановскій, которому публично воздавались царскія почести.»

Мы не знаемъ, какимъ собственно историкамъ возражаетъ г. Шубинскій; но, кто бы ни были, они гораздо правѣе его, находя въ этомъ крупномъ фактѣ связь съ политическими намѣреніями царя. Въ возраженіяхъ г. Шубинскаго нѣтъ ни одного существеннаго пункта. Вопервыхъ, забава эта совершенно непонятна при «тогдашнемъ состояніи общества», когда самое надѣванье масокъ считалось грѣховнымъ дѣломъ, не говоря уже о томъ, что публичное появленіе Бахусовъ и Нептуновъ шло окончательно въ разрѣзъ съ понятіями и традиціями тогдашняго духовенства. Если ужь въ наши дни г. Аскоченскій требовалъ, съ благочестивою цѣлью, удаленія изъ Лѣтняго сада греческихъ боговъ и богинь, то можно представить себѣ, какъ взирали на этотъ предметъ защитники допетровской старины. Затѣмъ потѣхи эти сопровождались явной пародіей на тѣ обычаи и обряды, къ которымъ народъ нашъ привыкъ относиться съ безусловнымъ подобострастіемъ; нельзя же было не узнать въ шутовской процессіи наряда патріарховъ и древнихъ царей? Сопоставленіе патріаршества съ самодержавною властью, съ цѣлью вывести отсюда невозможность насмѣшки, также не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что и къ собственной своей вла-

сти Петръ относился критически, обративъ ее въ диктатуру, оправдываемую, въ его глазахъ, пользой народа и необходимостью крутаго, рѣзкаго перелома. Такія диктатуры возникаютъ въ жизни народовъ въ эпоху революціоннаго движенія, и для нихъ ненужны тѣ аттрибуты власти, которые засталъ и которые осмѣивалъ Петръ I. Династическій интересъ, столь существенный въ обыкновенныхъ монархіяхъ, исчезалъ для Петра, въ виду реформаторской задачи, которую онъ поставилъ себѣ; попадался на дорогѣ къ цѣли родной сынъ, онъ устранялъ и его, выискивая только людей, способныхъ довершить задуманное дѣло — отплыть на другой берегъ и сжечь за собой корабли. Самый церемоніалъ, въ которомъ Шубинскій видитъ только одно дурачество, весьма напоминаетъ шествіе какой нибудь богини разума въ первую французскую революцію... Послѣднее возраженіе г. Шубинскаго имѣетъ еще меньше цѣны. Авторъ говоритъ, что Петръ и не думалъ въ то время уничтожать патріаршества. Думалъ или не думалъ — это пустой вопросъ; но онъ выразилъ ясно свой взглядъ на внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, и изъ этого взгляда должны были, рано или поздно, возникнуть всѣ тѣ мѣры, которыми Петръ поражалъ господство теократическихъ началъ и церковнаго формализма.

И такъ, относительно первой статьи, можно сказать, что если в. Шубинскій выказываетъ въ ней мало собственнаго размышленія, то онъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ (точнѣе: перепечатываетъ) интересныя свѣдѣнія. Но даже и этого нельзя сказать о біографическомъ очеркѣ Головина. Представьте себѣ, читатель, что въ первой половинѣ прошлаго вѣка жилъ-былъ въ своей подмосковной губерніи нѣкій помѣщикъ, Василій Васильевичъ Головинъ. Этотъ помѣщикъ на столько грамотенъ, что оставилъ по себѣ «Записки о бѣдной и суетной жизни человѣческой», которыя, по несчастью, попались въ руки г. Шубинскаго. Отсюда узнаемъ мы, что съ молоду этотъ «грѣшникъ» опредѣленъ былъ Петромъ въ навигацкую науку, не зналъ, какъ вырваться изъ морской академіи, и вырвавшись, угодилъ, во время бироновщины, въ пыточный застѣнокъ. Пытки произвели на Головина такое страшное впечатлѣніе, что онъ впалъ въ суевѣріе, доходившее до помѣшательства. «Вставъ по утру— повѣствуетъ г. Шубинскій — Василій Васильевичъ прочитывалъ полуночницу и утреню вмѣстѣ съ любимымъ дьячкомъ своимъ, Яковомъ Дмитріевымъ. По окончаніи утреннихъ правилъ, являлись къ нему съ докладомъ и рапортами дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки *испытанной честности* (нельзя безъ комплимента), *Пелагеи Петровны* Воробьевой (что за точность историческая). Прежде всего они произносили: «Во имя Отца и Сына и св. Духа!», а предстоящіе отвѣчали: «аминь!» Потомъ они говорили: «Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за при-

казами къ барину нашему государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните жь, смотрите, накрѣпко!» Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: «Слышимъ, матушка!» Войдя въ кабинетъ, они кланялись ему до земли и говорили: «Здравія желаемъ, государь нашъ!» Здравствуйте! отвѣчалъ баринъ и пр. Иногда помѣщикъ Головинъ впадалъ уже въ полное сумасшествіе, и тогда любилъ вступать съ чортомъ въ такія интимныя бесѣды: «Врагъ, сатана! Отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя... Рожа окаянная! изыде отъ меня въ тартарары, въ адъ кромешный и въ пекло преисподнее. Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ: разсыпься, распрекляте, растрепогане, растреокаянне»... Дѣвушка «испытанной честности», стоя у одра полоумнаго барина, по всей вѣроятности, принимала въ серьозъ всѣ эти бредни; но вы-то, г. Шубинскій, зачѣмъ перепечатываете ихъ въ своей книжкѣ? Всего любопытнѣе, что нашлась другая «Пелагея Петровна», изъ журнальнаго міра, которая помѣстила въ своемъ изданіи, съ годъ тому назадъ, эту статейку г. Шубинскаго. Изъ остальныхъ статей, помѣщенныхъ въ книжкѣ, читается съ интересомъ только одна: «Очеркъ жизни Прокофія Акинфіевича Демидова», извѣстнаго чудака екатерининскихъ временъ. Молва о чудачествѣ Демидова расходилась, въ свое время, въ видѣ легендъ, по всей Россіи; нѣкоторыя изъ нихъ были дѣйствительно типичны, показывая до какой дикости и одурѣнія могло доходить наше праздное, лѣнивое и ничѣмъ не дорожившее барство того времени. Демидовъ забавлялся, напримѣръ, тѣмъ, что заставлялъ охотниковъ лежать на спинѣ круглый годъ, не вставая съ постели, и платилъ имъ за то огромныя деньги; онъ же, среди жаркаго лѣта, желая насладиться видомъ зимы, приказалъ посыпать солью всю дорогу отъ Москвы до своего имѣнія и общипать листья съ деревьевъ. Огорченный холоднымъ пріемомъ въ Лондонѣ (такіе господа любили и другихъ посмотрѣть и себя показать), Демидовъ пожелалъ отомстить цѣлой англійской націи и, скупивъ съ этою цѣлью всю пеньку въ Россіи, до того возвысилъ цѣну на нее , что англійскіе купцы сколько ни торговались съ нимъ, но должны были вернуться съ пустыми руками. Тщетно представляли они взбалмошному богачу различные доводы: что дѣйствія его противны правиламъ коммерческихъ оборотовъ, что они, съ своей стороны, поднимутъ цѣны на англійскіе товары и т. п.,—онъ и слушать ничего не хотѣлъ, справедливо полагая, что для покупки англійскихъ товаровъ по какой бы то то ни было цѣнѣ, у него всегда найдутся шальныя деньги. Въ своихъ нелѣпыхъ выходкахъ, Демидовъ не останавливался ни передъ какими соображеніями: судьба его собственныхъ дочерей также мало занимала его, какъ и участь людей, выдерживавшихъ съ голоду или отъ алчности разныя пытки, въ родѣ годоваго лежанія на кровати. Дочерей своихъ онъ выдалъ за фабрикантовъ и заводчиковъ, не спрашивая, конечно, ихъ согласія; но одна изъ нихъ

осмѣлилась ему сказать, что пойдетъ замужъ не иначе, какъ за дворянина. «Тогда Демидовъ велѣлъ прибить къ воротамъ своего дома доску съ надписью, что у него есть дочь дворянка и потому не желаетъ ли кто изъ дворянъ на ней жениться? Случайно проходившій въ это время чиновникъ Станиславскій первый прочелъ это оригинальное объявленіе, явился къ Прокофію Акинфіевичу, сдѣлалъ предложеніе и въ тотъ же день былъ обвѣнчанъ съ его дочерью». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жертвовалъ огромныя суммы на богоугодныя и общественныя заведенія (какъ, напримѣръ, на воспитательные дома, на лицеи и пр.), безъ сомнѣнія, мало понимая, что развитіе науки сживетъ со свѣту такихъ самодуровъ, какъ онъ. Что касается до статьи о графѣ Разумовскомъ, то она составляетъ такую безцеремонную и близкую передѣлку (но не переработку) монографіи, напечатанной въ III-мъ томѣ сборника г. Бартенева, что на сей разъ г. Шубинскій совсѣмъ уже пересталъ быть *писателемъ*, а сдѣлался простымъ, и притомъ не совсѣмъ грамотнымъ *переписчикомъ*.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи. *Наблюденія и изслѣдованія*, М. Флеровскаго. *Спб. Изданіе* Н. П. Полякова. *1869*.

Мы много виноваты передъ почтеннымп авторомъ и издателемъ этой книги, что до сихъ поръ не дали о ней нашего отзыва. Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала мы постараемся подробно познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ книги г. Флеровскаго, теперь же рекомендуемъ ее ихъ вниманію, какъ одно изъ замѣчательныхъ и пріятныхъ явленій въ нашемъ книжномъ мірѣ. Сочиненіе г. Флеровскаго составляетъ большой томъ убористой печати, и такъ-какъ имя автора до сихъ поръ было почти неизвѣстно въ литературѣ, самъ онъ, проживая въ провинціи не по свободному желанію и избранію (такъ слышали мы), не имѣетъ ни удобствъ, ни средствъ для изданія, то сочиненію его суждено бы было долго пролежать подъ спудомъ, а можетъ быть, и вовсе не явиться въ свѣтъ, еслибъ г. Поляковъ не предложилъ ему своихъ услугъ и выгодныхъ условій для изданія. Въ этомъ отношеніи полезная издательская дѣятельность г. Полякова давно уже рѣзко выдѣляется изъ дѣятельности другихъ спекулирующихъ промышленниковъ-издателей. Г. Поляковъ имѣетъ искреннее желаніе служить своею издательскою дѣятельностію дѣлу общественнаго развитія, и не жалѣетъ средствъ ни на изданіе хорошихъ, по его разумѣнію, книгъ, ни на приличное вознагражденіе ихъ авторовъ и переводчиковъ. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что издательская дѣятельность г. Полякова очень разбросана, не концентрирована для болѣе опредѣленныхъ цѣлей, съ строгимъ примѣненіемъ къ данному состоянію и насущнымъ, или, крайней-мѣрѣ, дѣйствительно пробивающимся

потребностямъ нашего общества. Оттого выборъ издаваемыхъ имъ сочиненій бываетъ не всегда удаченъ, и прекрасныя намѣренія издателя не достигаются по непригодности избираемыхъ имъ для нашего общества средствъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НЕОБХОДИМЫ ЛИ ТЮРЬМЫ?

(«De l'abolition de l'emprisonnement» par Edouard Desprez, docteur en Droit. Paris. 1868 г.).

I.

Мы знаемъ, что вопросъ, поставленный заглавіемъ настоящей статьи, матеріалъ которой извлеченъ нами изъ весьма замѣчательной книги французскаго криминалиста, можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе въ средѣ читателей; мы знаемъ, что многіе положительные люди и люди-практики, ужившіеся съ существующимъ порядкомъ вещей, считающіе его верхомъ человѣческой мудрости, и смотрящіе на всякія попытки, хотя бы самыя осуществимыя и логичныя, для соглашенія жизненной дѣйствительности хотя съ нѣкоторыми изъ требованій научныхъ теорій,— какъ на несбыточныя утопіи, отнесутся къ самой статьѣ съ такимъ фантастическимъ заглавіемъ, по меньшей мѣрѣ, съ улыбкой недовѣрія или презрѣнія. Опять либеральныя бредни, скажутъ они, снова какія-нибудь сантиментально-гуманныя разглагольствованія, которыя такъ любитъ русская литература, неумѣющая дѣлать настоящаго дѣла, отворачивающаяся отъ явленій дѣйствительности и проявляющая свой азартъ только въ туманныхъ, расплывающихся фразахъ о благѣ человѣчества, да въ заимствованныхъ у Западной Европы ученіяхъ, непримѣнимыхъ ни къ складу русскаго ума, ни къ общему строю русской жизни, ни къ насущнымъ потребностямъ нашей бытовой современности.

Опровергать ихъ мы не станемъ, переубѣждать ихъ не беремся, и можемъ только, не желая отнимать отъ нихъ времени, предупредить, что статья наша не для нихъ, что къ ея прочтенію мы ихъ и не приглашаемъ, хотя для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и считаемъ нужнымъ оговориться, что вопросъ: необходимы ли тюрьмы? — совсѣмъ не составляетъ особенной новости ни въ жизни, ни въ литературѣ. Надъ нимъ въ послѣдніе пятнадцать, двадцать лѣтъ задумывались не однажды и мыслители, и ученые, государственные люди и законодатели, и юристы, и криминалисты, и публицисты, и врачи. На его разрѣшеніе по-

трачено не мало труда, ума и знанія. Мало того, въ теоріи не только предчувствуется уже относительная близость его окончательнаго рѣшенія, но нѣкоторые выводы ея въ этомъ направленіи кое-гдѣ начинаютъ даже отчасти переходить и въ самую жизненную и государственную практику, хотя признаки такого перехода, по сущности своей ведущаго къ неизбѣжному уничтоженію тюремъ, но совершающагося урывочно, безсистемно, а иногда даже безсознательно, въ силу необходимости и логики обстоятельствъ, не носятъ на себѣ того характера строгой опредѣленности, которая дѣлала бы сразу очевиднымъ и понятнымъ для всякаго ихъ значеніе. Зданіе тюрьмы — грозное наслѣдіе древняго міра — необходимый комментарій феодализма, среднихъ вѣковъ, и младенческаго періода государствъ новаго времени — весьма долго тяготѣло надъ человѣческимъ обществомъ, со всѣми прерогативами власти, со всѣми аттрибутами всемогущества. Въ ея сырыхъ и мрачныхъ подземельяхъ безъ свѣта и воздуха, погребены сотни тысячъ труповъ, за ея грозными стѣнами и рѣшотками истомилось безчисленное множество жизней, въ ея застѣнкахъ — замучено безъ счета людей, ея орудія пытки — размозжили цѣлыя груды мяса и костей человѣческихъ. Но къ концу прошедшаго вѣка, при первыхъ проблескахъ пробужденія человѣческой мысли, въ современно-европейскомъ значеніи этого слова и тюрьма, несмотря на всю свою неприступность и грозное всемогущество, не избѣгла участи учрежденій, для прочности и незыблемой устойчивости которыхъ необходимымъ фундаментомъ была рухнувшая твердыня феодализма. Мало по малу, она стала терять нѣкоторыя изъ своихъ варварскихъ, нечеловѣческихъ аттрибутовъ, охорашиваться и цивилизоваться, но такъ-какъ по внутренней своей сущности составляла все-таки остатокъ варварства, мало способный поддаваться улучшеніямъ, то съ потерею каждаго изъ своихъ аттрибутовъ, она болѣе и болѣе расшатывалась и теряла мало по малу, какъ существеннѣйшіе элементы своей власти, такъ и все свое мрачное обаяніе. Въ историческомъ смыслѣ человѣчество пережило взятіе Бастиліи, въ смыслѣ философскомъ оно переживаетъ несравненно плодотворнѣйшее и знаменательнѣйшее событіе—паденіе самой идеи тюрьмы, корнямъ которой было весьма удобно произрастать на почвѣ миѳологическаго антропоцентризма, или цѣпляться за безчисленныя недоразумѣнія въ безвоздушномъ пространствѣ абсолюта, но съ отживаніемъ техническаго и донаучнаго періода уголовнаго права, со введеніемъ въ самую практику этого права, въ отправленіе правосудія — цѣлей утилитарныхъ, изъ-подъ ногъ ея мало по малу ускользаетъ всякая почва. Собственно говоря, со времени признанія наказанія средствомъ, а не цѣлью, идеѣ тюрьмы была нанесена смертельная, неисцѣлимая рана. Абсолютизмъ тюрьмы обусловливался ея значеніемъ, какъ цѣли, въ категоріи качества, низведенная до средства въ категорію количества,—она стала до-

ступною для критическаго къ себѣ отношенія, и въ этомъ-то отношеніи и гнѣздится зародышъ ея погибели и смерти. Между средствами возможенъ выборъ и, разумѣется, въ концѣ концовъ, какъ бы долго ни заблуждалось и ни колебалось человѣчество, оно всегда остановится на тѣхъ средствахъ, которыя могутъ исцѣлять всяческіе его недуги, говоря стариннымъ медицинскимъ выраженіемъ tuto, cito et jucunde. Думать, что въ этомъ случаѣ, путь научныхъ изслѣдованій когда-нибудь прервется, было бы логической ошибкой и безсмысленнымъ заблужденіемъ. Если современное уголовное право и въ наши дни съ бо̀льшимъ усердіемъ занимается изученіемъ наказанія, а не генезиса преступленій, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы едва слагающаяся на нашихъ глазахъ нравственная статистика непобѣдимою логикою фактовъ не заставила бы и его придти въ уровень съ общимъ направленіемъ идей новаго времени. Если, въ наши дни, еще только немногіе мыслители и изслѣдователи смотрятъ на современныя тюрьмы, какъ на больницы неизслѣдованныхъ болѣзней, то это не даетъ еще никакого права заключать, что такое явленіе будетъ продолжаться навсегда, и клиническое изученіе тюремъ не приведетъ всѣхъ лицъ, стоящихъ въ управленіи тюремъ, до признанія такого взгляда. Если уголовная политика и предпочитаетъ въ настоящее время тюрьму всякимъ другимъ наказаніямъ, такъ-какъ тюрьма, какъ средство, представляетъ весьма значительныя административныя и дисциплинарныя удобства, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы тогда, когда всѣ другія средства для наказанія будутъ подробно и основательно изучены, когда ихъ превосходство передъ тюрьмой будетъ доказано съ фактической очевидностью, эта политика, которой самой предстоитъ кореннымъ образомъ измѣниться, не будетъ когда-нибудь вынуждена предпочесть ихъ тюрьмѣ безповоротно. «Тюрьма есть необходимое зло», «тюрьма — печальная необходимость» — такія фразы раздаются нерѣдко въ наши дни изъ самыхъ нѣдръ юриспруденціи и криминалистики, и такой признакъ времени имѣетъ характеръ весьма серьёзный. Если на долю юристовъ выпадаетъ борьба со всякимъ зломъ, если такая борьба составляетъ сущность ихъ спеціальности, то они силою логики неизбѣжно приведены будутъ къ противодѣйствію тюрьмѣ, къ ея совершенному отрицанію, едва только изученію удастся разрушить фикцію тюремной необходимости, при условіи, разумѣется, расширенія правъ мысли въ практикѣ совмѣстнаго существованія людей. А такой фикціи, чуть не ежедневно наносятся тяжолые и чувствительные удары. Главные удары, разумѣется, наносятъ ей выводы уголовной статистики, констатирующіе, что количество преступленій находится въ совершенной независимости отъ тягости существующей системы наказаній и число ихъ съ увеличеніемъ числа наказаній не только не уменьшается, но въ весьма значительной прогрессіи увеличивается съ каждымъ годомъ (такъ во

Франціи съ 1826 по 1860 годъ, въ теченіе 34 лѣтъ, число преступленій противъ личности увеличилось почти вдвое, а противъ собственности почти втрое, между тѣмъ, какъ народонаселеніе Франціи, составляя въ 1826 г. 32.000,000 человѣкъ, увеличилось за это время только четырьмя мильйонами), что происхожденіе и число преступленій обусловливаются такими экономическими и соціальными факторами, противъ которыхъ безсильно всякое уголовное преслѣдованіе: нищетою, невѣжествомъ и т. д. * Кромѣ того, сама уголовная практика — явленіемъ рецидивизма доказала несостоятельность тюремнаго исправленія, и тотъ замѣчательный фактъ, что присутствіе въ извѣстной мѣстности тюремъ такъ-называемаго образцоваго устройства не только не оказываетъ какого-нибудь замѣтнаго вліянія на уменьшеніе количества преступленій и степень ихъ свирѣпости, но даже иногда находится въ прямомъ противорѣчіи съ этими печальными фактами совмѣстной жизни людей. Съ другой стороны, на отрицательныя стороны тюрьмы стала указывать общественная гигіена, и выставила съ своей стороны весьма печальныя цифры усиленія болѣзней и смертности въ тюрьмахъ, указала на несогласіе тюремнаго заключенія съ условіями, необходимыми для жизни человѣческаго организма, что̀ подавало для гуманизма и либеральныхъ взглядовъ мыслителей весьма солидный матеріалъ, чтобы на основаніи его заявлять мысль о необходимости, при существованіи наказанія, какъ неизбѣжнаго фактора въ современной государственной жизни — замѣны тюрьмы чѣмъ либо болѣе соотвѣтственнымъ съ потребностями и условіями органическаго существованія человѣка.

Книга Депре, по поводу которой мы рѣшились на составленіе настоящей статьи, принадлежитъ къ разряду сочиненій, направленныхъ къ подорванію авторитета тюрьмы. Вышла она въ началѣ нынѣшняго года, хотя и помѣчена еще 1868. Авторъ ея криминалистъ и его сочиненіе едва-ли не составляетъ его перваго литературнаго опыта, мы по крайней мѣрѣ не нашли его имени ни въ одномъ каталогѣ за послѣднее десятилѣтіе. Вапе-

* Послѣднюю мысль признаютъ даже такіе сторонники тюрьмы, отъ которыхъ нельзя было бы ничего подобнаго ожидать. Такъ новѣйшій изслѣдователь тюремнаго вопроса въ Россіи, г. Галкинъ, о книгѣ котораго (Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса. 1868), мы въ свое время говорили, считающій, что наказаніе есть «благо для падшаго человѣка», находящій, что всѣ осмотрѣнныя имъ въ Европѣ тюрьмы превосходны и способствуютъ къ уменьшенію числа преступленій, что всѣ тюремныя системы, самыя между собою противоположныя, «хотя и рѣзко расходятся въ теоріи, но примиряются практикою въ значительной степени» и т. д. и т. д., говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги слѣдующее: «Уголовной статистикѣ удалось доказать наглядно зависимость большей части преступленій отъ внѣшнихъ причинъ: нищеты, неразвитія, крайней грубости и многихъ другихъ, часто безвыходныхъ положеній, которыя, при несовершенствѣ общественнаго устройства, доводятъ нерѣдко до преступленія».

ро тоже объ немъ не упоминаетъ ни въ одномъ изъ своихъ ануаровъ французской литературы съ 1858 года. Она представляетъ собою довольно подробный сводъ фактовъ, на основаніи которыхъ возможна безпристрастная оцѣнка вопроса: принесла ли современная пенальная система, въ которой исправительная тюрьма служитъ основнымъ наказаніемъ, ту пользу, которую ожидали найти въ ней ея изобрѣтатели: Учредительное собраніе, квакеры, Джонъ Говардтъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней разсматривается и ссылка, какъ такое наказаніе, которое, по мнѣнію ея автора, можетъ съ огромнымъ удобствомъ для государственныхъ и общественныхъ интересовъ — замѣнить собою тюрьму. Возможность весьма широкаго приложенія къ ссылкѣ гуманныхъ началъ дѣлаетъ, по его мнѣнію, такую замѣну не только вполнѣ сообразною съ современнымъ философскимъ развитіемъ, но представляетъ еще то незамѣнимое удобство, что можетъ отчасти повліять и на уменьшеніе числа преступленій. Кромѣ того, предполагаемая имъ организація поселеній для ссыльныхъ, имѣющая себѣ прецедентомъ существующія уже исправительныя колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ во Франціи, въ смыслѣ государственномъ представляетъ значительныя экономическія выгоды, въ отношеніи же самихъ преступниковъ допускаетъ полнѣйшее соглашеніе устройства ихъ быта со всѣми требованіями общественной гигіены. Стоитъ нашъ авторъ, какъ видятъ читатели, на строгой точкѣ зрѣнія уголовнаго права, и хотя это и съуживаетъ нѣсколько его взгляды, такъ-какъ, напримѣръ, широты обобщеній, требуемыхъ для провѣрки фактовъ нравственной статистики, разбора теорій вмѣняемости и невмѣненія и т. д. — у него не найдете и слѣда, но за то сочиненіе его значительно выигрываетъ въ своей практичности. Чтеніе его книги не запугаетъ даже и самые робкіе умы, и всякія обвиненія его въ соціализмѣ и т. д., на которыя такъ щедра журналистика, не только у насъ, но и повсюду въ Европѣ — немыслимы при чтеніи его книги, составленной на строгихъ правовыхъ началахъ. Главное же достоинство его книги — это обиліе фактовъ, что̀ и даетъ ей весьма почтенный характеръ доказательности. Всѣ эти ея качества и подали намъ мысль къ подробному ознакомленію съ нею нашихъ читателей, и мы льстили себя надеждою, что наше извлеченіе, можетъ быть, окажется и несовсѣмъ лишнимъ въ то время, когда тюремная реформа стоитъ въ Россіи на очереди и всестороннее обсужденіе этого вопроса вѣроятно желательно столько же и для правительства, сколько и для общества—прежде, нежели эта реформа войдетъ у насъ въ практику въ томъ или другомъ видѣ, въ той или другой формѣ.

Вотъ главныя основанія взглядовъ Депре.

Отрицая тюремное заключеніе, онъ отрицаетъ всѣ виды его, не исключая заточенія и каторги, нисколько однакоже не опровергая необходимости въ тюрьмѣ, какъ въ мѣстѣ задержанія и

ареста преступника во время слѣдствія и суда, и даже признавая самое одиночное заключеніе, подъ условіемъ его кратковременности, какъ дисциплинарную мѣру. Во Франціи—тюрьма и имѣла такой характеръ, до тѣхъ поръ, пока учредительное собраніе 1791 года не сдѣлало тюремнаго заключенія основой всего современнаго пенальнаго права, такъ-какъ въ то время казалось, что тюрьма — наказаніе относительно весьма легкое въ сравненіи съ ужасами прежней системы устрашенія; жестокость каръ думали замѣнить продолжительностью сроковъ заключенія, но въ этомъ смыслѣ далеко превзошли среднюю выносливость органическихъ силъ человѣка. Цѣли исправленія тюрьма не достигла, она ухудшаетъ преступниковъ. Этому старались помочь, но искали возможности улучшеній въ самой тюремной системѣ, а не внѣ ея, и достигли только улучшенія внѣшняго порядка и дисциплины, тюремная же порча росла все болѣе и болѣе. Это доказывало постоянное увеличеніе числа повторныхъ преступленій. Такому прогрессивному рецидивизму сначала старались противодѣйствовать раздѣленіемъ преступниковъ на категоріи, одиночнымъ заключеніемъ и системою общихъ работъ съ обязательнымъ молчаніемъ—и не получили на практикѣ никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Только тогда появились попытки внѣ-тюремной реформы, въ видѣ ссылокъ въ Гвіану, на островъ Корсику и въ Новую Каледонію и учрежденіе земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ. Эти нововведенія доказываютъ, что фактическое отрицаніе тюрьмы уже началось — необходимо только распространить эту систему на всѣхъ преступниковъ безразлично, разумѣется организуя исправительныя колоніи на разумныхъ началахъ. Весь же успѣхъ будущихъ колоній зависитъ отъ того, какія основанія будутъ приняты при ихъ учрежденіи въ отношеніи экономическаго устройства, способа управленія преступниками и личныхъ качествъ людей, которымъ будетъ довѣрена администрація надъ этими колоніями.

Особенно новаго и такого, что̀ могло бы запугать робкую мысль, во всемъ этомъ, какъ видитъ читатель, нѣтъ ничего. Для доказательства этого укажемъ хотя на мнѣнія Папенгейма, который въ своей гигіенической энциклопедіи, гдѣ вопросъ о тюрьмѣ и ссылкѣ обработанъ имъ весьма добросовѣстно, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ (1858 г.) говорилъ съ увѣренностью, что ссылка неизбѣжно замѣнитъ собою повсюду тюрьму. «Продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ, — говоритъ онъ, — современемъ неизбѣжно замѣнять, *изъ экономическихъ видовъ*, ссылкою преступниковъ въ поселенія, если какія либо могущественныя причины не уменьшатъ значительно числа уголовныхъ преступленій (послѣдняго, мы думаемъ, опасаться нечего). Продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ, по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ, есть наказаніе весьма неестественное. Единственно соотвѣтственное карающее средство: исключать изъ общества

членовъ, которые тяжко нарушили его законы, и препятствовать ихъ возвращенію въ общество навсегда или на время, въ теченіе котораго преступникъ могъ бы исправиться. Ссылка, какъ наказаніе, нисколько не носитъ на себѣ отпечатка мести, который проглядываетъ въ самыхъ лучшихъ системахъ наказаній; но она становится смертною казнью, если общество не предоставляетъ ссыльному средствъ для самосохраненія, если оно ссылаетъ его, напримѣръ, въ такую мѣстность, гдѣ преступникъ погибаетъ отъ солнечнаго зноя или болотъ. Затѣмъ не должно забывать, что и у преступника возникаютъ также половыя отправленія, и противъ происходящихъ отъ этого пороковъ слѣдовало бы примѣнить всѣ возможныя мѣры (Депре совершенно справедливо лучшей и единственно радикальной мѣрой признаетъ не только допущеніе, но и поддержку въ колоніяхъ браковъ). Съ этой точки зрѣнія ссылка предпочтительна самой лучшей системѣ заключенія, такъ-какъ при ней не нарушаются главныя физіологическія отправленія человѣка: — *свободное движеніе* и *половыя сношенія*». Въ другомъ мѣстѣ своего труда онъ съ бо̀льшею подробностью входитъ въ разборъ всѣхъ преимуществъ ссылки передъ тюрьмою. «Медицинская полиція,— говоритъ онъ, — нисколько не колеблясь, всегда предпочтетъ ссылку преступниковъ на поселеніе продолжительному заключенію ихъ въ тюрьму или исправительный домъ, разумѣется предполагая, что поселенія удовлетворяютъ главнымъ требованіямъ человѣколюбія, независимо отъ гигіеническихъ условій и послѣдствій того или другаго рода наказанія. Дѣйствительно, всякій пойметъ съ перваго взгляда неизбѣжный вредъ многолѣтней однообразной тюремной жизни, даже при самомъ тщательномъ выполненіи всѣхъ доступныхъ гигіеническихъ правилъ, при работахъ заключенныхъ на открытомъ воздухѣ (недоступныхъ для женщинъ); подобное существованіе не только подавляетъ физическія силы, но убиваетъ духъ и нравственную силу. Мышечная крѣпость и вообще воспріимчивость къ внѣшнимъ вліяніямъ вообще существенно измѣняются. Въ гигіеническомъ отношеніи также важно, что значительныя издержки, потребныя для надлежащаго устройства тюрьмы, почти никогда не позволяютъ придерживаться гигіеническихъ правилъ, не говоря уже о мѣстныхъ неблагопріятныхъ вліяніяхъ. Наконецъ, гигіена не должна упускать изъ вниманія, что устройство казармъ, неизбѣжное въ большихъ исправительныхъ заведеніяхъ, само по себѣ весьма вредно при появленіи заразительныхъ болѣзней, и потому правительство должно стараться изгнать изъ употребленія эту господствующую систему и вообще продолжительныя заключенія въ тюрьмѣ или исправительномъ домѣ. Напротивъ, ссылка не осуждаетъ человѣка на такую затворническую жизнь, далеко не подавляетъ въ такой степени нравственныхъ и физическихъ силъ, какъ тюрьма, избавляетъ осужденнаго отъ ея неблагопріятныхъ условій и отъ гибельнаго влія-

нія холеры, тоже и другихъ заразительныхъ болѣзней. Легисты, неотвергающіе общихъ началъ гигіены, допускаютъ однакоже продолжительныя заключенія въ тюрьмѣ или исправительномъ домѣ, па томъ основаніи (!), что это наказаніе есть естественное послѣдствіе, которое преступникъ навлекаетъ на себя своимъ проступкомъ, почему онъ и долженъ покориться ему безропотно (Mittermaier. Die Gefängnissverbesserung etc. 1858 p. 23). Задача правительства только устранять по возможности вредныя стороны тюремнаго заключенія, если эти мѣры не противны самой цѣли (l. c.). Судя по человѣчному направленію другихъ отраслей человѣческой дѣятельности, слѣдуетъ полагать, что современемъ человѣчество отвергнетъ этотъ взглядъ. Пора уже тягость наказанія перестать считать средствомъ исправленія, пора уже отказаться отъ такого взгляда, какъ отказались отъ пытокъ, угрозъ и устрашенія преступника. Гигіена должна идти рука объ руку съ правосудіемъ и гуманностью, почему и должна добиваться, чтобы заключеніе повсемѣстно было замѣнено изгнаніемъ преступника».

«Кромѣ общихъ гигіеническихъ правилъ, пользу ссылки доказываютъ и политико-экономическіе разсчеты. Изъ опыта видно, что заработокъ преступника, при равенствѣ другихъ условій, увеличивается по мѣрѣ того, на сколько жизнь его приближается къ жизни свободнаго работника; слѣдовательно поселеніе выгодно также въ экономическомъ отношеніи».

«Если опереться на подробныя статистическія данныя, относительно занимающаго насъ вопроса, то можно и должно еще съ бо̀льшимъ правомъ настаивать въ необходимости уничтоженія наказанія въ формѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія». Послѣдняя выписка заимствована нами изъ изслѣдованія Папенгейма о ссылкѣ. Послѣ приведенныхъ нами словъ, онъ считаетъ необходимымъ разрѣшить обстоятельно слѣдующіе вопросы: выполняетъ ли ссылка на поселеніе цѣль наказанія въ юридическомъ смыслѣ? представляетъ ли ссылка дѣйствительную выгоду въ экономическомъ отношеніи? Могутъ ли ссылку на поселеніе, въ гигіеническомъ отношеніи, замѣнить хотя отчасти занятія заключенныхъ на открытомъ воздухѣ, съ сокращеніемъ времени заключенія? и можетъ ли увеличеніе заработка заключенныхъ и улучшеніе ихъ пищи, напримѣръ, назначеніе мяса, замѣнить выгоды, представляемыя ссылкою на поселеніе? и основываясь на превосходныхъ работахъ Гольцендорфа «о ссылкѣ» и Венцеля о занятіяхъ преступниковъ, рѣшаетъ два первые вопроса — положительно, а оба послѣдніе — отрицательно. Не имѣя возможности приводить всѣхъ выводовъ Папенгейма объ этихъ вопросахъ, мы можемъ только рекомендовать читателямъ прочесть въ самой его гигіенѣ его статьи о тюрьмѣ и ссылкѣ, высказавъ вообще сожалѣніе, что гигіеническія сочиненія весьма мало у насъ читаются публикою неспеціалистовъ, хотя такое чтеніе было бы въ высшей степени по-

лезно для всѣхъ и каждаго. Для нашей цѣли достаточно и тѣхъ выписокъ, которыя мы уже сдѣлали, чтобы причины, почему мы позволяемъ себѣ извлеченіе фактическаго матеріала изъ новой книги Депре, могли быть понятны для читателя. Намъ остается сдѣлать еще одну оговорку. Можетъ быть, мы въ нашемъ извлеченіи и прегрѣшаемъ чѣмъ-нибудь съ юридической точки зрѣнія, но мы твердо стоимъ на томъ, что все, о чемъ будетъ говориться въ дальнѣйшемъ изложеніи нашей статьи, для насъ лично составляетъ глубочайшій интересъ, а можетъ быть его съ нами раздѣлятъ и тѣ непредубѣжденные читатели, умъ которыхъ свободенъ отъ схоластико-юридическихъ ухищреній, и которые на самые сложные вопросы, относящіеся къ уголовной области, несмотря на всѣ затемнѣнія, вносимыя въ теоріи уголовнаго права нѣкоторыми изъ ея жрецовъ, хотятъ смотрѣть прямо, логично и почеловѣчески.

II.

Прежде всего, нашъ авторъ старается доказать, что если въ 1789 году — генеральные штаты имѣли право требовать измѣненія стараго уголовнаго права, то въ наше время таже необходимость заставляетъ подумать и объ измѣненіи всей исправительной системы, такъ-какъ зло этой системы, по его мнѣнію, очевидно, и въ наше время всѣ добросовѣстные изслѣдователи ея пришли къ тому выводу, что ждать отъ нея какихъ либо благопріятныхъ результатовъ и нелогично и безразсудно. Въ такомъ взглядѣ убѣждаютъ его не только теоретическіе выводы криминалистовъ и законниковъ, но и самая непослѣдовательность и противорѣчія, проистекающія отъ приложенія этой системы на практикѣ. Примѣняется ли, спрашиваетъ онъ, въ дѣйствительной жизни тотъ принципъ, что наказаніе должно быть пропорціонально преступленію? не бываетъ ли часто наоборотъ, и не встрѣчаются ли безпрестанно случаи, что одинаковыя преступленія выкупаются различными формами наказанія? Дѣйствительно, при одновременномъ существованіи тюремъ различныхъ системъ, взявъ во вниманіе, что въ той или другой мѣстности существуютъ только тѣ или другія тюрьмы, весьма нерѣдко встрѣчается, что преступленія, относительно неважныя— наказываются продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ, безъ работъ — что̀, конечно, по самой своей сущности, составляетъ тяжелѣйшій и невыносимѣйшій видъ казни. Въ самыхъ центральныхъ тюрьмахъ Франціи приняты различные роды работъ, при чемъ жизнь работающихъ на открытомъ воздухѣ, почти при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ трудятся и свободные рабочіе, разумѣется, нельзя сравнивать ни съ участію работающихъ въ закрытыхъ мастерскихъ, ни съ долею несчастныхъ, отправленныхъ въ Корсику, гдѣ тяжелыя и нездоровыя земляныя работы — въ пагубномъ климатѣ, обусловливаютъ чрез-

вычайную смертность осужденныхъ. Съ того времени, когда во Франціи замѣнили каторгу — ссылкою въ Гвіану и Новую Каледонію, всѣхъ важныхъ преступниковъ, не исключая и политическихъ, которыхъ выдѣляли отъ остальныхъ всѣ прежнія французскія законодательства, отправляютъ туда безразлично, между тѣмъ какъ между этими двумя ссылками существуетъ цѣлая пропасть. Гвіана — несмотря на всѣ завѣренія правительства (ужасающая цифра смертности въ этомъ случаѣ компетентнѣе всякихъ витіеватыхъ фразъ оффиціальнаго краснорѣчія) — обширное кладбище, между тѣмъ, какъ климатъ Новой Каледоніи — дѣйствительно замѣчателенъ своею здоровостью. Нужно замѣтить, что декретъ 27 марта 1852 года и законъ 30 мая 1854 года отличаются чрезвычайною мягкостью относительно ссыльныхъ. Такъ, первымъ декретомъ, ссыльнымъ обоего пола, которые въ теченіе двухъ лѣтъ заслужатъ снисхожденіе своимъ хорошимъ поведеніемъ и раскаяніемъ, предоставляется право работать, на условіяхъ, опредѣляемыхъ администраціей, какъ на мѣстныхъ жителей, такъ и по заказамъ самой администраціи; кромѣ того имъ возвращается право женитьбы и дѣлается уступка во владѣніе земельной усадьбы, которую они могутъ воздѣлывать — для самихъ себя. Въ законѣ же 30 мая, для полученія подобныхъ льготъ не опредѣлено даже minimum'а срока, и сказано только, что *полнымъ собственникомъ* усадьбы ссыльный не можетъ сдѣлаться ранѣе истеченія срока его наказанія. Такимъ образомъ, ссыльный, въ самомъ скоромъ времени, иногда тотчасъ вслѣдъ за наказаніемъ можетъ пользоваться относительной свободой, съ полученіемъ почти всѣхъ своихъ гражданскихъ правъ, такъ что напр. онъ можетъ заявить о желаніи имѣть при себѣ жену, и жена его, въ случаѣ согласія на это, не только получаетъ отъ правительства средства для своего переѣзда къ мужу, но въ теченіе двухъ лѣтъ правительство обезпечиваетъ всѣ первыя потребности новаго ея хозяйства. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ наказаніе сводится къ нулю, и принципъ исправленія, который составляетъ необходимый элементъ всякаго наказанія въ современной криминалистикѣ — нисколько не берется во вниманіе. Такой способъ дѣйствій по отношенію къ ссыльнымъ — есть какъ бы отрицаніе всей современной пенальной системы, и авторъ опасается, чтобы онъ не произвелъ тѣхъ же неудачныхъ послѣдствій, какія на опытѣ узнала Англія въ Австраліи, но въ то же время замѣчаетъ, что если само правительство нашло сообразнымъ съ здравымъ смысломъ и справедливостью поступать такъ съ самыми тяжкими преступниками, между которыми встрѣчаются и убійцы и отъявленные грабители, то какимъ же образомъ считаетъ оно въ то же время раціональнымъ — тяжкое исправительное заключеніе лицъ, въ бо̀льшей части случаевъ несравненно менѣе преступныхъ или даже совершившихъ не преступленія, а только проступки? Считая заблужденіемъ — мнѣнія тѣхъ лицъ,

которыя думаютъ, что ошибки и недоразумѣнія современной карательной системы — только временныя и поправимыя, авторъ полагаетъ, что такъ-какъ система эта прегрѣшаетъ въ самомъ принципѣ, то не слѣдуетъ уже производить надъ нею дальнѣйшихъ опытовъ, не могущихъ привести ни къ чему, а слѣдуетъ прямо начать съ радикальнаго измѣненія всей системы — полною отмѣною всякаго тюремнаго заключенія, со всѣми его видами и легальными подраздѣленіями.

Главнѣйшее отличіе системы исправленія отъ существовавшей прежде системы устрашенія заключается въ томъ, что при всякомъ наказаніи въ наши дни имѣется въ виду исправленіе преступника. Этого, по крайней мѣрѣ, хотѣло учредительное собраніе 1791 года, объявившее, что наказаніе должно одновременно и исправлять преступника и что всякое наказаніе должно своею мѣрою соотвѣтствовать степени преступленія. Продолжительный опытъ, однакоже, показалъ, что при примѣненіи въ практикѣ этихъ справедливыхъ принциповъ, возникнутъ чрезвычайныя трудности, именно въ организаціи быта осужденныхъ, вопросъ о которой до сихъ поръ такъ и остается вопросомъ, хотя трудами цѣлаго столѣтія и подготовлена уже возможность благопріятнаго его рѣшенія, но только въ одномъ смыслѣ, въ смыслѣ отрицанія всей существующей въ настоящее время пенальной практики. Къ такому выводу необходимо придти, разъ допущена система исправленія. При старой системѣ устрашенія никто не заботился о равномѣрности наказаній и объ исправленіи. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы какъ можно болѣе усилить кару правосудія, какъ можно болѣе произвести ужаса и увеличить муки осужденныхъ. Казнь, по этому взгляду, должна была своею жестокостью всегда превосходить самое преступленіе; чѣмъ къ утонченнѣйшимъ орудіямъ пытки прибѣгало правосудіе, тѣмъ торжество его надъ преступникомъ принималось за прочнѣйшее. Поэтому-то въ уголовной хроникѣ прошедшаго, наказаніе почти всегда производитъ болѣе омерзительное впечатлѣніе, нежели самое преступленіе, хотя сторонники системы устрашенія весьма неохотно разставались съ милыми для нихъ орудіями пытки и, подобно Жуссу, смотрѣли на новые взгляды на наказанія, болѣе мягкіе и гуманные, какъ на «покушенія разрушить до конца всѣ религіозныя, нравственныя и государственныя основы». Несмотря однако же на ихъ вопли, грозная система пала окончательно, хотя въ новую и вошли ея наслѣдіемъ: смертная казнь, каторжная работа и совершенное лишеніе свободы.

Вопросъ о смертной казни, поднятый нѣкогда Беккаріа, въ наше время рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, какъ теоріей, такъ самыми нравами и общественныхъ мнѣніемъ. Отмѣна ея, по мнѣнію автора, уже не предметъ для обсужденія, а только вопросъ времени, хотя и до сихъ поръ необходимость ея существованія насчитываетъ не мало сторонниковъ между политиками консерваторами и застарѣлыми легистами, защищающими ее при

помощи той же аргументаціи, какой слѣдовалъ Жуссу съ братіей по вопросу о пыткахъ. Въ самое недавнее время даже нѣкоторые изъ ея сторонниковъ пошли на уступку, допуская ее только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, находя болѣе соотвѣтственнымъ, чтобы самый процессъ казни происходилъ въ стѣнахъ тюремъ, и даже соглашаясь, что современемъ въ ней, можетъ быть, болѣе уже не будетъ нужды.

Изъ новѣйшихъ противниковъ смертной казни, Буатаръ ставитъ вопросъ о ней, по мнѣнію Депре, самымъ логическимъ образомъ. Съ его точки зрѣнія, нельзя оспоривать ни права общества на такое наказаніе, ни законности самой казни. Право казнить смертью получается какъ изъ виновности преступника, такъ и изъ общественной необходимости. Сознаніе людей имѣетъ абсолютное право опредѣлить, существуютъ ли такія преступленія, которыя заслуживаютъ смертной казни, и дѣйствительно ли необходимо прибѣгнуть къ ней для общественной безопасности. Слѣдовательно отрицать смертную казнь слѣдуетъ никакъ не во имя абсолютнаго права, но только разбирая несостоятельность этой мѣры, какъ наказанія. Какъ наказаніе — смертная казнь не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Прежде всего она нераздѣлима, т.-е. не имѣетъ ни maximum'а, ни minimum'а и не можетъ соотвѣтствовать различнымъ степенямъ индивидуальной преступности и различію самыхъ преступленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ она безвозвратна и неисправима, — такъ что не разъ судьямъ приходилось уже раскаяваться въ тѣхъ случаяхъ, когда ея примѣненіе было судебною ошибкою. Наконецъ, какъ наказаніе, она находится въ несогласимомъ противорѣчіи съ основнымъ принципомъ современной криминалистики: наказывать, исправляя. Мгновенность ея, сверхъ того, несмотря на весь ужасъ послѣднихъ минутъ осужденнаго, дѣлаетъ ее несостоятельной, даже съ точки зрѣнія возмездія.

На практикѣ, отвращеніе отъ нея присяжныхъ такъ велико, что они весьма часто въ самыхъ чудовищныхъ преступленіяхъ, чтобы ея избѣгнуть, ухватываются за облегчающія обстоятельства, что̀ дѣлаетъ смертную казнь — дѣломъ случая и лоттерейной вѣроятности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные выказываютъ себя суровыми и непреклонными — назначеніе ея становится несправедливостью, такъ-какъ множество преступниковъ ее избѣгаютъ. Эта вѣчная, относительная несправедливость въ ея приложеніи — лучшій аргументъ противъ нея и доказательство того, что она отжила свое время *.

Каторжныя работы уничтожены во Франціи въ 1854 году; хотя и онѣ — со времени признанія исправительной системы

---

* Новая книга Жюля Симона о смертной казни (1869) не вноситъ ничего новаго въ разъясненіе вопроса объ этомъ вопіющемъ остаткѣ варварства. Она выражаетъ только современное отношеніе къ ней развитой мысли и чувства.

были только однимъ изъ видовъ тюремнаго заключенія, и даже весьма часто, по мнѣнію самихъ осужденныхъ, въ противность тенденціи законодательства, видомъ ея болѣе легкимъ и выносимымъ, нежели напр. хоть одиночное заключеніе безъ работы.

Но, уничтоживъ тѣлесное наказаніе и всю старую карательную систему, криминалисты, сдѣлавшіе тюрьму основнымъ принципомъ системы исправительной, по недостатку предварительнаго опыта, всю ее воздвигли на основаніяхъ абстрактныхъ и теоретическихъ. Предположивъ запирать всѣ пороки и преступленія, вводители тюрьмы не могли имѣть даже въ виду, какіе центры общественной заразы они устроивали. Желая сдѣлать наказаніе мягкимъ и гуманнымъ, какъ протестъ противъ крòваваго и жестокаго правосудія прежняго времени, они точно также не достигли и этой цѣли. Въ весьма многихъ случаяхъ, въ наши дни тюрьма остается какъ бы хронической смертною казнью.

Ни въ римскомъ правѣ, ни въ старомъ французскомъ законодательствѣ, имѣвшихъ единственною цѣлью — наказывать, тюрьма не составляла наказанія. Ульпіанусъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря, что тюрьма служила только средствомъ — удерживать преступника въ рукахъ правосудія до произнесенія судебнаго приговора. Перечисляя всѣ виды наказаній, существовавшихъ у римлянъ, онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о тюрьмѣ. Луазель, говоря, что тюрьма у римлянъ была только судебнымъ подспорьемъ. утверждаетъ, что судьи не имѣли права къ ней приговаривать и вѣчное заключеніе было понятіемъ совершенно чуждымъ римскому праву. По свидѣтельству Кокиля, римляне сажали въ тюрьму только однихъ неисправныхъ должниковъ, и то только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда они, не желая платить долговъ, припрятывали свои богатства такъ искусно, что ихъ нельзя было отыскивать. Указываніе мѣста богатствъ освобождало отъ тюрьмы. Тотъ же Луазель говоритъ, что тюрьма, какъ наказаніе, была — изобрѣтеніемъ папъ, и ей подвергались лица, подчинявшіяся духовенству. Въ папскихъ декреталіяхъ впервые появляется выраженіе: вѣчное заключеніе. Монашескіе ордена тоже имѣли свои темницы, и нѣкоторые настоятели, присуждая монаховъ въ тюрьму, выкалывали имъ глаза и избивали члены, что̀ было однакоже запрещено, напр. на франкфуртскомъ соборѣ 785 года. Усовершенствователемъ этого наказанія является въ XIV столѣтіи пріоръ Сенъ-Мартенскаго монастыря, Матью, изобрѣвшій особыя тюрьмы безъ свѣта, куда сажали монаховъ на всю жизнь. Тюрьмы эти носили поэтическое названіе: Vade in pace (отыди съ миромъ). Эти тюрьмы даже современниками Матью, неотличавшимися особенною гуманностію и тонкими нервами, признавались за самую страшную пытку, но это не были, точно также какъ тюрьмы римлянъ — тюрмами въ современномъ

*

смыслѣ этого слова. Моро-Кристофъ, этотъ сыщикъ-литераторъ, изслѣдовавшій тюремный вопросъ во Франціи, утверждаетъ, что до 1789 года онѣ имѣли характеръ только предварительной мѣры. Такъ въ ордонансѣ Людовика XIV, 1670 г., которымъ опредѣляется уголовное устройство, сохранявшееся во Франціи вплоть до 1789 года — въ реэстрѣ наказаній нѣтъ тюрьмы, бывшей только мѣстомъ задержанія подсудимыхъ и осужденныхъ до исполненія надъ ними приговора. Въ самую Бастилію запирали только безъ суда, по особеннымъ королевскимъ lettres de cachets, и слѣдовательно юридически это была только административная мѣра, а не наказаніе, а по Луазелю, иногда даже королевскою милостью, такъ-какъ нѣкоторое время, короли, по просьбамъ семействъ лицъ, присуждаемыхъ къ смертной казни, для того, чтобы избавить эти семьи отъ публичнаго позора, связаннаго съ исполненіемъ казни надъ членами ихъ семействъ, давали lettres de cachets на пожизненное заключеніе въ тюрьму преступниковъ. Только Денизаръ и Потье упоминаютъ, что въ ихъ время существовалъ обычай запирать въ особые дома осужденныхъ женщинъ и стариковъ, присужденныхъ на галеры, по немогшихъ по своей дряхлости туда слѣдовать.

Такимъ образомъ, въ прежнее время во Франціи не смотрѣли на тюрьму, какъ на наказаніе. Логично на нее и теперь слѣдовало бы такъ же смотрѣть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало въ тюремномъ бытѣ множество матеріальныхъ улучшеній, тюрьма для многихъ несчастныхъ и голодныхъ представляетъ какъ бы убѣжище, гдѣ они находятъ и столъ и кровъ, а иногда даже и лучшія условія жизни, чѣмъ на волѣ. Тюремныя работы не представляютъ особенной тягости, и узники работаютъ не изъ-за куска хлѣба, что̀ для многихъ рабочихъ представляетъ даже такое желательное состояніе, что мысль попасть въ тюрьму не возбуждаетъ въ нихъ никакого ужаса. Мы, русскіе, со времени введенія у насъ гласнаго судопроизводства, видѣли уже нѣсколько примѣровъ, что безпріютные горемыки нарочно совершали преступленія, чтобы быть приговоренными къ тюремному крову.

Такимъ образомъ тюрьма — весьма несостоятельная какъ наказаніе, такъ же мало состоятельна, какъ мѣра исправительная. Между осужденными французскими судами, встрѣчается всегда половина рецидивистовъ. Причины такого обилія рецидивистовъ Буатаръ видитъ въ самой пенальной системѣ настоящаго времени, неимѣющей въ себѣ ничего исправительнаго. Преступники, окончившіе срокъ наказанія, на галерахъ или въ тюрьмѣ, выходятъ на свободу не только безъ всякаго раскаянія, но болѣе испорченными и закоренѣлыми, чѣмъ туда поступаютъ. Тюремная опытность дѣлаетъ ихъ болѣе ловкими и изворотливыми, какъ для совершенія новыхъ преступленій, такъ и для отклоненій отъ суда. Они, такъ-сказать, обогащаются знаніемъ

всѣхъ своихъ товарищей по заключенію, и отягченные всеобщимъ презрѣніемъ, лишенные средствъ къ честному заработыванію средствъ къ жизни, они, оскорбленные вѣчно тяготѣющимъ надъ ними полицейскимъ надзоромъ, отъ нужды и отчаянія бросаются въ новыя, тягчайшія преступленія. Токвилль, въ своемъ рапортѣ палатѣ депутатовъ въ 1843 году, разсмотрѣвъ работы нарочно назначенной тюремной коммисіи, приходитъ къ заключенію, что «коммисія была совершенно права въ своемъ выводѣ, что существующая тюремная система повліяла весьма значительно на увеличеніе цифры преступленій». Мнѣнія почти всѣхъ авторовъ, занимавшихся изслѣдованіями тюремнаго вопроса, сходятся въ этомъ отношеніи.

Это такъ и должно быть. Думать, что продолжительное заключеніе и отрѣшеніе отъ міра непремѣнно приведутъ преступника къ нравственнымъ размышленіямъ, которыми обусловится его перерожденіе — громадное заблужденіе. Чтобы переродить человѣка — недостаточно запереть его въ четырехъ стѣнахъ. При продолжительномъ заключеніи, наклонность къ раскаянію и исправленію, даже у такихъ лицъ, которые къ этому расположены, весьма скоро перерождается въ отчаяніе. Для большинства тюрьма только школа порчи и ожесточенія. Неужели грубыя или испорченныя натуры могутъ найти въ себѣ достаточную силу возненавидѣть свои ошибки и твердо рѣшиться перемѣнить свой образъ дѣйствій, когда имъ приходится цѣлые годы или даже десятки лѣтъ — проводить насильственно, въ обществѣ испорченномъ и преступномъ — въ общихъ тюрьмахъ, или бороться съ отчаяніемъ и отупѣніемъ, при одиночномъ заключеніи?

Когда человѣкъ жаждетъ добра и до того ослѣпленъ въ своемъ исканіи, что ложные пути готовъ принимать за истинные, то онъ можетъ дойти до ужасающихъ результатовъ. Филантропы, конечно ненавидѣвшіе кровопролитія, муки и страданія людей, подвергавшихся пыткѣ, могли однакоже придумать оборнскую тюремную систему въ Нью-Йоркѣ (одиночное заключеніе безъ работъ), при которой въ первый же годъ большинство заключенныхъ или умерло, или сошло съ ума, или обратилось въ идіотовъ. Эта система была отмѣнена, что̀ однакоже не помѣшало удержать до сихъ поръ филадельфійскую систему, въ которой осталось то же одиночное заключеніе, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ работъ *.

Такимъ образомъ, отрицаясь физическихъ пытокъ, мы допускаемъ существованіе пытокъ нравственныхъ. Наши же тюрь-

* Въ нынѣшнемъ году воскресла даже первоначальная система и она снова, въ видѣ опыта, введена въ штатѣ Луизіаны съ цѣлью замѣны смертной казни. *Улучшеніе* состоитъ въ томъ, что вмѣсто одной кельи, преступнику отводятся двѣ, стѣны обѣихъ выкрашены черною краскою, и одна назначается для работъ заключеннаго. *Съ такимъ заключеннымъ никто не имѣетъ права азать ни одного слова, до самой его смерти.*

мы — депо такихъ пытокъ. Какъ ни улучшайте матеріальныхъ условій тюрьмы, какой порядокъ и дисциплину въ нихъ ни водворяйте—результатъ получится всегда тотъ же самый, такъ-какъ основной и неисправимый недостатокъ тюремнаго заключенія состоитъ въ коренномъ его несоотвѣтствіи съ физическими условіями человѣческой природы. Имѣйте дѣло съ честнымъ человѣкомъ или преступникомъ — все равно, и у того и другаго есть органическія права, нарушать которыя нельзя не сломивъ самой жизни человѣка. Ни одинъ хирургъ, отнимая, напримѣръ больному гангренозную ногу, не можетъ рѣзать по произволу въ то же время важные органы, безъ отправленія которыхъ самый процессъ жизни немыслимъ.

Заточеніе, насильственное прекращеніе половой дѣятельности, скученіе множества людей въ тѣсномъ пространствѣ, недостатокъ въ людяхъ, могущихъ имѣть на преступниковъ благотворное нравственное вліяніе, чрезмѣрная продолжительность наказанія — все это такіе моменты, изъ которыхъ каждый отдѣльно взятый можетъ совершенно парализовать возможность для преступника исправленія, и которые всѣ дѣйствуютъ вмѣстѣ при исправительной системѣ. Такимъ образомъ исправленіе преступника не достигается не потому, чтобы онъ не былъ доступенъ для исправленія, а потому, что для этого прибѣгаютъ къ неправильнымъ мѣрамъ.

Еслибы криминалисты могли производить опыты надъ живыми людьми, подобно тому, какъ врачи дѣлаютъ ихъ надъ животными, и еслибы, вмѣсто преступниковъ, насажать въ тюрьму нѣкоторое число людей ни въ чемъ неповинныхъ, подвергнувъ ихъ тѣмъ же условіямъ, въ которыхъ находятся преступники, то можно быть увѣреннымъ, что по истеченіи извѣстнаго времени, въ тюрьмахъ можно было бы наблюдать зарожденіе всѣхъ тѣхъ же пороковъ, которые заражаютъ обыкновенно тюремную атмосферу. Такая тюремная порча произошла бы точно такъ же, какъ происходитъ загниваніе органическихъ жидкостей при извѣстныхъ условіяхъ. Законъ нравственнаго разложенія былъ бы точно такъ же отысканъ, какъ отысканъ законъ органическаго броженія.

Долгое время въ Европѣ думали, а многіе продолжаютъ думать и до сихъ поръ, что несостоятельность исправительной системы — наказывая исправлять преступниковъ, зависѣла отъ несовершенства способовъ ея приложенія на практикѣ, и что путемъ постоянныхъ улучшеній въ этихъ приложеніяхъ можно достигнуть иныхъ результатовъ. Во Франціи такое мнѣніе казалось довольно вѣроятнымъ, такъ-какъ еще весьма недавно состояніе тюремъ представляло ужасающую картину неустройства, произвола и отсутствіе самыхъ необходимыхъ матеріальныхъ условій для жизни заключенныхъ. Всякая тюремная реформа совершалась на бумагѣ; въ распоряженіяхъ и циркулярахъ о различныхъ улучшеніяхъ тюремнаго быта недостатка не

было, — но въ дѣйствительность почти ничего не переходило. Такъ во Франціи еще съ 1791 года тюрьмы были раздѣлены на тюрьмы для подсудимыхъ, тюрьмы для осужденныхъ уголовнымъ судомъ, тюрьмы исправительныя и тюрьмы для малолѣтнихъ. По кодексу 1810 года, тюрьмы, не включая каторги, раздѣлены на пять различныхъ категорій, но на практикѣ это различіе не всегда строго соблюдалось. Цѣлый рядъ законовъ и постановленій подчинялъ тюрьмы особенному покровительству и наблюденію всякихъ административныхъ, судебныхъ и муниципальныхъ властей, а 9 апрѣля 1819 года состоялось королевское повелѣніе объ учрежденіи общества улучшенія тюремъ. Вслѣдствіе этого повелѣнія, въ каждомъ городѣ должна была составиться наблюдательная коммисія изъ 3—7 членовъ, кромѣ предсѣдателя суда и королевскаго прокурора. Предсѣдательство надъ ними поручалось префектамъ и подпрефектамъ. Кромѣ всѣхъ этихъ коммисій, учрежденъ былъ генеральный тюремный совѣтъ изъ 24 членовъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Казалось бы, подобнымъ распоряженіемъ вполнѣ гарантировалась возможность улучшенія тюремъ, на дѣлѣ же еще черезъ 18 лѣтъ, какъ видно изъ офиціальнаго отчета королю, отъ 1 февраля 1837 года, о состояніи тюремъ въ департаментахъ, составленнаго Гаспареномъ — тюремная дѣйствительность переноситъ насъ чуть не въ средніе вѣка. Въ этомъ отчетѣ указывалось, что въ этихъ тюрьмахъ были скучены безъ разбору разслабленные старики, сифилитики, зараженные до такой степени, что ихъ отказывались принимать больницы, съумасшедшіе, военные, приговоренные по суду къ ссылкѣ въ каторжныя работы, подсудимые, должники, лица, присужденныя къ годовому исправительному заключенію, и малолѣтнія дѣти, изъ которыхъ нѣкоторыя заключались въ тюрьму на короткіе сроки безъ суда, по просьбѣ родителей. По словамъ отчета, во многихъ тюрьмахъ даже женщины не были отдѣляемы отъ мужчинъ, а отдѣлять подсудимыхъ отъ осужденныхъ по недостатку тюремъ во многихъ городахъ считали просто невозможнымъ. Въ отношеніи пищи, такъ-какъ правительственными регламентаціями опредѣлялся только ея minimum, въ тѣхъ изъ провинціальныхъ тюремъ, гдѣ на подспорье не появлялась частная или муниципальная благотворительность, — арестованные положительно страдали отъ голода, вынужденные довольствоваться впродолженіе сутокъ 75 декаграмами хлѣба и литромъ бульона изъ овощей. Пища раздавалась разъ въ два дня, и заключенные, съѣдавшіе заразъ двухдневную порцію (3 фунта), остальные 24 часа не имѣли никакой возможности удовлетворить своему чувству голода. Вмѣсто постелей давалась солома, весьма рѣдко перемѣнявшаяся, несмотря на многочисленныя предписанія мѣнять ее каждыя двѣ недѣли, загнивавшая и производившая при спаньѣ на ней въ повалку, міазмы — и цѣлый рядъ заразительныхъ и смертельныхъ болѣзней (солома упо-

треблялась въ тюрьмахъ Франціи еще въ 1856 году, какъ видно изъ министерскаго циркуляра отъ 18 февраля этого года). Одежда и бѣлье арестованныхъ были въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ-какъ все въ этомъ отношеніи зависѣло отъ безконтрольнаго произвола смотрителей тюремъ. Отопленіе кое гдѣ производилось, но больше насчетъ благотворителей; въ другихъ тюрьмахъ царствовала постоянная стужа и сырость — особенно въ новыхъ постройкахъ. Во многихъ тюрьмахъ не было и помину о какой либо врачебной помощи, что̀ было особенно удобно въ такихъ городахъ, гдѣ въ городскихъ больницахъ по штату не полагалось арестантскихъ покоевъ. Тюремщики и сторожа, распоряжавшіеся закупками арестантовъ, грабили ихъ безъ всякаго милосердія — и администрація смотрѣла на это сквозь пальцы. Надо замѣтить, что въ то время тюремные расходы падали на департаменты, и высшее правительство поэтому имѣло предлогъ отговариваться невозможностью поправить дѣло. Отчетъ Гаспарена произвелъ въ обществѣ сильное впечатлѣніе, и вскорѣ послѣ его напечатанія возникло множество частныхъ благотворительныхъ ассоціацій. Можно сказать, что по всей Франціи вмѣстѣ съ негодованіемъ противъ криминалистовъ пробудилось въ то же время и серьёзное, общее сочувствіе къ заключеннымъ. Правительство съ своей стороны было вынуждено начать серьёзныя улучшенія въ тюремномъ дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательна инструкція министра внутреннихъ дѣлъ Дюшателя отъ 7 августа 1838 года и общая тюремная регламентація 1841 года. Право арестованнаго на здоровую и достаточную пищу, чистую постель и бѣлье — насчетъ государства, признано офиціально. Министръ съ содроганіемъ вспоминаетъ прежнее состояніе тюремъ, «къ счастію въ эпоху, отдаленную отъ нашего времени» (4 года!), когда «администрація заслуживала справедливое порицаніе общественнаго мнѣнія за свою крайнюю небрежность относительно участи и самой жизни заключенныхъ». Съ этого времени въ центральныхъ тюрьмахъ запрещается арестантамъ имѣть при себѣ деньги, строго преслѣдуется доставленіе имъ спиртныхъ напитковъ, вводятся хорошо организованныя работы и опредѣляется мѣра издержекъ, на какія имѣетъ право арестованный во время срока своего наказанія. Рядомъ этихъ и подобныхъ мѣръ вводятся, наконецъ, въ тюремный бытъ порядокъ и дисциплина, и прежній тюремный развратъ, ужасъ и безобразіе становятся уже болѣе невозможными.

Такимъ образомъ, благодаря иниціативѣ Гаспарена, тюремное устройство во Франціи принимаетъ пристойный видъ, но съ этого же времени уже и можно наблюдать всю несостоятельность самой исправительной системы, такъ-какъ большая часть злоупотребленій, происходившихъ отъ произвола, нарушенія законовъ, дурного управленія и т. д. была отстранена. Остались недостатки, зависѣвшіе уже отъ самой системы, а не отъ небрежности

въ ея приложеніяхъ и злоупотребленіи ея исполнителей. Такимъ вопіющимъ недостаткомъ, обусловливающимъ окончательную негодность всей тюремной системы, должно признать то основное противорѣчіе между внѣшнимъ порядкомъ и дисциплиной съ тою внутреннею, постоянно развивающеюся нравственною порчею, которая идетъ какъ бы сообразно естественному закону, и противъ которой оказываются безсильными всякія регламентаціи, и всѣ возможныя мѣры строгости и предосторожности. Такъ Токвилль, въ своемъ отчетѣ о тюрьмахъ законодательному собранію, еще въ 1848 году спрашивалъ: «Какую пользу принесло обществу уничтоженіе внѣшнихъ безпорядковъ тюремнаго быта, скандализировавшихъ общественное мнѣніе, и то, что тюрьмы приняли соотвѣтственный имъ строгій и суровый характеръ, если двѣ главныя цѣли всякой исправительной системы: исправленіе преступниковъ и уменьшеніе числа преступленій — нисколько не достигаются?» «Однако—продолжаетъ онъ—всѣ тюремные инспектора не видятъ въ послѣднемъ отношеніи никакой замѣтной перемѣны къ лучшему, а между директорами тюремъ, многія добросовѣстныя лица, даже, наперекоръ своимъ личнымъ интересамъ, прямо говорятъ о значительномъ ухудшеніи». Дѣло въ томъ, что зло заключается въ самой сущности тюремной системы, и противъ него нельзя бороться никакими мѣрами, безъ отрицанія вполнѣ самой системы. Предположимъ для доказательства этого, что въ современныхъ тюрьмахъ Франціи господствуетъ идеальное устройство, порядокъ и дисциплина, и что прочность тюремныхъ затворовъ, рѣшетокъ, стѣнъ и всякихъ предосторожностей совершенно гарантируютъ общество отъ возможности побѣговъ арестантовъ изъ тюремъ. При всемъ этомъ, по цифрамъ, приводимымъ въ тюремной статистикѣ 1865 года, оказывается, что изъ тюремъ выпускается ежегодно отъ 8 до 9 тысячъ заключенныхъ, окончившихъ срокъ своего наказанія, не считая при этомъ освобожденныхъ каторжниковъ. Кто же можетъ принести съ собою бо̀льшую сумму вреда для общества, бѣглецъ ли, неознакомившійся еще достаточно съ тюрьмою, или освобожденный, пробывшій въ ней десятки лѣтъ, заразившійся всѣми тюремными пороками, обладающій тюремной опытностью и умудренный полнымъ знаніемъ всякихъ случайностей преступленія — изъ многочисленныхъ разсказовъ товарищей по заключенію? При системѣ, производящей на половину преступниковъ-рецидивистовъ, при томъ порядкѣ, когда надъ бо̀льшею частью освобождаемыхъ тяготѣетъ строгій полицейскій надзоръ, можно спросить себя безъ парадокса: какую пользу приноситъ обществу то, что въ немъ каждо̀е преступленіе наказывается?

III.

Заключеніе — дѣло гибельное для человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Оно невыносимо

преимущественно потому, что свѣжій воздухъ, движеніе и физическія упражненія составляютъ необходимѣйшую органическую потребность большинства людей, подвергаемыхъ заключенію. Важнѣйшій контингентъ преступниковъ доставляетъ вездѣ сельское населеніе, привычное къ работамъ на чистомъ воздухѣ, и солнечный свѣтъ для нихъ составляетъ необходимое условіе существованія. Бродяги, нищіе и т. д. находятся въ томъ же положеніи, и когда вмѣсто привычнаго рода жизни, имъ приходится заниматься промышленными производствами въ четырехъ стѣнахъ, то физическое здоровье ихъ разрушается, а нравственно они теряютъ всякій остатокъ энергіи, который могъ бы способствовать къ ихъ самоисправленію. Думать же, что такого исправленія можно надѣяться отъ продолжительнаго одиночества преступника, долженствующаго, по теоріи, приводить его къ душеспасительнымъ размышленіямъ — вредное заблужденіе. Одиночество кратковременное и произвольное дѣйствительно благопріятствуетъ самоуглубленію человѣка и можетъ быть для него благотворнымъ; но полагать, что на основаніи этого можно надѣяться, что натуры темныя или испорченныя, съ смутнымъ понятіемъ о добрѣ и злѣ, справедливости и несправедливости, немедленно, вслѣдъ за судебнымъ приговоромъ, станутъ нравственно улучшаться, предаваясь созерцанію отвлеченныхъ истинъ морали, которыя выше ихъ пониманія и о которыхъ они просто не заботятся — значитъ, строить теорію на пескѣ. На практикѣ, люди, подвергающіеся заключенію, совершенно также, какъ лишенныя воли животныя, сначала возмущаются, чуть не до бѣшенства, потомъ отупляются и черствѣютъ. Этотъ-то упадокъ духа и нравственности и признается мечтательными моралистами за смягченіе и раскаяніе преступниковъ, хотя въ любомъ звѣринцѣ можно наблюдать то же явленіе, когда хищные звѣри, сломленные неволей, кончаютъ тѣмъ, что махаютъ хвостомъ и лижутъ руки своимъ тюремщикамъ. Въ «Тюремной статистикѣ 1865 года» приводится интересная таблица числа административныхъ наказаній, употребляемыхъ въ тюрьмѣ надъ преступниками различныхъ категорій. На сто преступниковъ за легкіе проступки по этой таблицѣ приходится 389 ежегодныхъ наказаній; на сто преступниковъ, осужденныхъ на продолжительное заключеніе за важныя преступленія, ихъ приходится 301, и на сто каторжныхъ только 70, такъ что необходимость наказанія находится какъ бы въ обратномъ отношеніи къ испорченности преступника, если не предположить нелѣпой мысли, что самосовершенствованіе закоренѣлыхъ преступниковъ совершается легче и скорѣе, чѣмъ лицъ, мало чѣмъ отличающихся по нравственнымъ своимъ качествамъ отъ массы, живущей на свободѣ. Между тѣмъ, это показываетъ только бо̀льшую ловкость и изворотливость дѣйствительныхъ преступниковъ, обладающихъ умѣньемъ легко освоиваться со всякой окружающей ихъ обстановкой и даже

извлекать изъ нея для себя выгоды, разумѣется, съ пожертвованіемъ нѣкоторой части еще остававшагося въ нихъ чувства собственнаго достоинства. Такимъ умѣньемъ въ дѣйствительной жизни обладаютъ и тѣ ловкіе люди, которые, не имѣя никакой совѣсти и дозволяя себѣ всякія злоупотребленія, устроиваютъ себѣ такое положеніе, что, живя бокъ-о-бокъ съ закономъ, они не подвергаются его преслѣдованіямъ, да еще и завоевываютъ себѣ общественное уваженіе. Знакомые съ тюремными нравами хорошо знаютъ, что наиболѣе испорченные преступники отличаются особенною подчиненностью дисциплинѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и Токвилль въ книгѣ, составленной имъ вмѣстѣ съ Бомономъ, объ исправительной системѣ Соединенныхъ Штатовъ. «Личина смиренія — говоритъ онъ — зависитъ отъ его большей хитрости и пониманія того, что когда сопротивленіе безполезно, ясно выгоднѣе какъ можно скорѣе переходить къ полной покорности»..

Что земледѣльческія работы на открытомъ воздухѣ полезнѣе въ нравственномъ и физическомъ отношеніи для преступниковъ, нежели заключеніе и самая лучшая организація промышленныхъ мастерскихъ (арестанты вообще работаютъ дурно) — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Не отучать отъ земледѣлія слѣдуетъ людей, привыкшихъ къ нему и впавшихъ въ преступленіе, а напротивъ, пріучать тѣхъ, кто на свободѣ или занимался другимъ или вообще тунеядствовалъ и бродяжничалъ. Въ этомъ единственное предохраненіе отъ язвы рецидивизма. Сельское сословіе, вообще во Франціи вдвое большее противъ городскаго, даетъ (по тюремной статистикѣ 1865 года) только 58,96% контингента преступниковъ, тогда какъ вдвое меньшее число горожанъ составляетъ 35,99%, притомъ, на такой процентъ имѣетъ огромное вліяніе даже и временное нахожденіе въ городѣ на работахъ. Цифра преступниковъ, живущихъ въ деревняхъ, составляетъ 52,98% общей суммы преступниковъ, живущихъ въ городахъ — 45,37%; въ отношеніи же несовершеннолѣтнихъ первая цифра уменьшается до 46,40%, вторая повышается до 52,98%. Это-то и было причиною устройства исправительной колоніи въ Метрэ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. По словамъ министра внутреннихъ дѣлъ (7-го декабря 1840 г.), вошедшимъ въ тюремный кодексъ, «нельзя не признать, что образъ дѣйствій, имѣющій въ виду образовывать честныхъ и способныхъ земледѣльцевъ, обѣщаетъ обществу несравненно бо̀льшую безопасность, чѣмъ тюремное обученіе промышленнымъ работамъ, какъ бы совершенно оно ни было организовано. Несомнѣнно, что сельская жизнь гораздо болѣе, чѣмъ тюремное заключеніе способствуетъ развитію физическихъ силъ и сохраненію здоровья молодыхъ преступниковъ, а можетъ быть, даже сохраняетъ и ихъ нравственность». Почему бы такой разумный взглядъ не обобщить во Франціи и повсюду и на всѣхъ преступниковъ, подвергаю-

щихся, кромѣ неудобствъ отъ сидячихъ занятій въ спертомъ воздухѣ, еще всѣмъ пагубнымъ вліяніямъ заключенія, насильственнаго прекращенія половой дѣятельности и необходимой заразы отъ чрезмѣрнаго скученія всѣхъ видовъ преступленія, производящихъ вмѣстѣ чудовищную массу зла, съ которымъ самое умѣлое управленіе никогда не будетъ въ состояніи совладать?

Общее число преступниковъ во Франціи, раздѣленное по предварительнымъ занятіямъ, располагается такъ: 48% его составляютъ собственно земледѣльцы и лица, занимавшіяся дѣломъ, помогающимъ земледѣлію: лѣсничествомъ, землекопствомъ и т. д.; 37% составляютъ промышленники, лица либеральныхъ профессій; городская прислуга и собственники, живущіе доходами; 15% остается на долю бродягъ, нищихъ и людей безъ опредѣленнаго образа занятій. Такимъ образомъ, присоединивъ послѣднюю категорію къ первой, мы получимъ 63% людей, которыхъ справедливо можно посвятить земледѣлію *. Но такъ-какъ при устройствѣ всякой земледѣльческой колоніи требуются для удовлетворенія ея нуждамъ всевозможные рабочіе, ремесленники и даже люди, занимающіеся письмоводствомъ, то всѣ, знающіе какую-либо отрасль труда, изъ остающихся 37%, могутъ быть небезполезными дѣятелями въ колоніи. Совершенно же неспособные и незнающіе, изъ послѣдней категоріи, могутъ употребляться на неизбѣжныя черныя работы, при строгомъ соблюденіи того принципа, чтобы характеръ такой работы возможно меньше удалялся отъ образа прежнихъ занятій преступника...

Только при замѣнѣ тюремнаго заключенія пребываніемъ въ исправительно-земледѣльческой колоніи возможно отстраненіе пагубной необходимости насильственнаго прекращенія половой дѣятельности преступниковъ, отправленія, органически необходимаго для людей извѣстнаго возраста. Еслибы это было даже совершенно безвредно, то одно уже насильственное расторженіе брака и разрушеніе семьи, вслѣдствіе судебнаго приговора, представляло бы странное нравственное противорѣчіе, при системѣ исправленія, претендовать преобразовывать преступниковъ такими средствами, которыя способны произвести разложеніе даже въ обществѣ честныхъ людей. Отнимая жену и семью у преступника, разрываютъ обыкновенно послѣднія нравственныя связи, какими онъ примыкаетъ къ обществу. Такая потеря часто доводитъ осужденнаго до отчаянія и всегда способствуетъ его ожесточенію, служа вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ

* Въ Россіи этотъ процентъ еще значительнѣе. Объ этомъ можно заключить по разсчету г. Анучина о ссыльныхъ въ Сибири. Высшее сословіе (дворянство, духовенство, купечество) составляетъ въ ихъ числѣ только 3,46%, остальные 96,54% остаются на долю крестьянъ-земледѣльцевъ, мѣщанъ и солдатъ, для которыхъ земледѣліе тоже не чуждо, ибо въ большей части случаевъ они обращались въ солдатъ и даже въ мѣщанъ изъ земледѣльцевъ.

изъ существеннѣйшихъ противодѣйствій для возможности его исправленія. Но, останавливаясь только на грубыхъ явленіяхъ физической стороны человѣка, мы не можемъ закрыть глаза на то вопіющее зло, которое производится насильственнымъ прекращеніемъ свойственнаго и привычнаго людямъ отправленія. Прежде всего оно служитъ источникомъ тѣхъ противоестественныхъ пороковъ, которые, низводя осужденныхъ на послѣднія ступени паденія, не ограничиваютъ своего пагубнаго вліянія порогомъ тюрьмы. По окончаніи срока наказанія, преступники, потерявшіе прежнія свои семьи и при шаткости новаго своего положенія, не могутъ разсчитывать на честные брачные союзы, и пороками, пріобрѣтенными въ тюрьмѣ, заражаютъ низшіе слои общества. Женщины всѣ обращаются въ проститутокъ, живущихъ кражами. Мужчины предаются всѣмъ видамъ самаго отчаяннаго разврата. Разсчитывать на одиночное заключеніе, какъ на средство пресѣчь въ корнѣ возможность порочныхъ сообщеній между арестантами, конечно, можно, но за то при одиночномъ заключеніи неизбѣжны другія формы половыхъ пороковъ, ведущія прямо къ отупленію и идіотизму заключенныхъ. Кромѣ того, насильственное прекращеніе извѣстнаго отправленія составляетъ одну изъ причинъ постоянной раздражительности заключенныхъ и той затаенной вражды ихъ къ тюремному начальству, которая производитъ то, что надъ ними безсильно всякое нравственное убѣжденіе и склоняются они только передъ грубою силою. Неужели во имя всего этого не было бы желательнымъ такой организаціи наказаній, при которой было бы возможно не разрушать существующихъ семей, позволять женамъ преступниковъ слѣдовать за ними и разрѣшать браки между преступниками разнаго пола? При этомъ нетолько цѣль современныхъ наказаній — исправленіе, была бы несравненно достижимѣй, но и одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ половаго разврата, заражающаго все общество, самъ собою долженъ бы былъ изсякнуть.

Скученіе значительнаго числа преступниковъ, а слѣдовательно, и самыхъ разнообразныхъ преступленій, производящее столько зла, неотвратимаго при системѣ тюремнаго содержанія, происходитъ главнѣйше отъ причинъ экономическихъ. Даже въ томъ случаѣ, еслибы пенальная реформа когда-нибудь осуществилась въ смыслѣ основанія земледѣльческихъ колоній, подобное скученіе служило бы непреодолимымъ препятствіемъ для исправленія преступниковъ. Къ счастію, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе, учрежденіе исправительно-земледѣльческихъ колоній можетъ быть производимо съ меньшими затратами, чѣмъ организованіе тюрьмъ, и, слѣдовательно, можно будетъ устроивать колоніи не особенно многолюдныя, при которыхъ всякія внѣшнія постройки и работы можно будетъ поручать самимъ арестантамъ, а слѣдовательно, весь неизбѣжный штатъ рабочихъ при тюрьмахъ, замѣненный ими, пред-

ставитъ значительныя сбереженія издержекъ. Въ тюрьмахъ, несмотря на всѣ ихъ улучшенія, могли достигнуть только внѣшняго порядка и дисциплины; недостаточность же числа лицъ, могущихъ имѣть на содержимыхъ нравственное вліяніе, вездѣ, по экономической необходимости, дѣлаетъ такое вліяніе только призрачнымъ. Что̀ могутъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать два-три человѣка, когда преступниковъ заключено въ одномъ мѣстѣ отъ полуторы до двухъ тысячъ человѣкъ? Несмотря на множество циркуляровъ, предписаній и т. д., уровень тюремной нравственности вовсе не подымается, и если тюремныя безобразія и не проявляются въ настоящее время во всемъ своемъ отталкивающемъ видѣ, какъ это было недавно, то это вовсе не доказываетъ, чтобы степень дѣйствительной деморализаціи не была тою же самою, какъ и прежде. Внѣшнее принужденіе, напротивъ, сдерживая наружныя ея проявленія, даже помогаетъ постоянному подземному ея развитію. Вооруженная стража въ томъ количествѣ, въ какомъ она требуется для тюрьмы, препятствуетъ только открытымъ возмущеніямъ и побѣгамъ изъ заключенія, но вѣдь это полезно только въ стратегическомъ смыслѣ и въ смыслѣ необходимой защиты. Но штыками и ружейными зарядами цѣль исправленія преступниковъ не достигается. Увеличивать же число лицъ, могущихъ имѣть полезное вліяніе на преступниковъ, всюду признано невозможнымъ, такъ что даже въ большихъ центральныхъ тюрьмахъ Франціи вся интеллигенція ограничивается четырьмя лицами: директора, инспектора, наставника и сборщика подаяній, что̀ равняется нулю, такъ-какъ на рукахъ директора и инспектора, сверхъ этой должности, лежитъ множество административныхъ и хозяйственныхъ занятій, а двумъ остальнымъ чиновникамъ поручается исключительно религіозное и умственное образованіе цѣлыхъ тысячъ лицъ, по бо̀льшей части весьма дурно для этого подготовленныхъ. Предположимъ даже, что, благодаря своимъ высокимъ личнымъ качествамъ, директоръ и инспекторъ съумѣютъ даже повліять благотворно на всю массу заключенныхъ—личныя качества даже одного человѣка справедливаго, твердаго характеромъ и сильнаго благоразуміемъ не могутъ не повліять благотворно на самую развращенную толпу; но надѣяться, чтобы это вліяніе было глубоко и прочно, можно было бы только въ такомъ случаѣ, еслибы оно могло быть болѣе непосредственнымъ, а не такимъ общимъ, какимъ оно становится по необходимости. Если для того, чтобы выучить новобранцевъ-солдатъ ружейнымъ пріемамъ и поддерживать въ казармахъ порядокъ и дисциплину, признана необходимость такой сложной іерархіи, какую мы встрѣчаемъ въ военномъ сословіи, то неужели справедливо надѣяться, что два начальныхъ лица въ состояніи совладать, поддерживать порядокъ, пріучить къ труду и добрымъ привычкамъ, и вообще исправить цѣлую массу людей преступныхъ? Ясно, что недостатокъ людей въ тюрьмахъ

замѣняютъ стѣны и рѣшотки, но тѣ и другія, точно такъ же, какъ штыки, безсильны для поднятія уровня тюремной нравственности.

Продолжительность сроковъ наказаній и наказанія пожизненныя, точно также составляютъ препятствія для возможности исправленія преступниковъ. Во Франціи, по Денизару и Потье, до 1789 года, самый долгій срокъ наказанія доходилъ до девяти лѣтъ; когда учредительное собраніе отмѣняло всѣ ужасы прежней карательной системы, то оно хотѣло вознаградить относительную легкость исправительныхъ наказаній—ихъ продолжительностью, и сдѣлало эту продолжительность чрезмѣрною. Отмѣнивъ пожизненныя наказанія, которыя оно справедливо считало тяжелѣе смерти, оно, тѣмъ не менѣе, назначило для нѣкоторыхъ наказаній страшный срокъ двадцати-четырехъ лѣтъ. Кодексъ 1810 года снова ввелъ пожизненныя наказанія и установилъ слѣдующіе сроки: maximum простаго тюремнаго заключенія (l'emprisonnement)—5 лѣтъ, заточенія (reclusion)—10 лѣтъ и каторги съ содержаніемъ въ тюрьмѣ (détention)—20. Въ случаѣ повторныхъ преступленій эти сроки могутъ быть удвоиваемы. Такіе продолжительные сроки, такъ же, какъ и пожизненныя наказанія, находятся въ основномъ противорѣчіи съ самымъ принципомъ исправительной системы: у преступника отнимается всякая надежда на улучшеніе его участи, всякій поводъ улучшаться и вести себя добропорядочно. Чтобы подчинить его дисциплинѣ и заставить работать — остается только прибѣгать къ силѣ. Не видя выхода изъ тюрьмы, дѣлающейся его гробомъ, заключенный употребляетъ всѣ свои способности на то, чтобы извлечь изъ сферы тюремныхъ пороковъ возможно бо̀льшій процентъ наслажденія, чтобы помощію темныхъ стачекъ съ ея условіями, сколько-нибудь облегчить себѣ сносное существованіе. Единственная мечта и надежда такого преступника — это бѣгство, и онъ обыкновенно пользуется первымъ благопріятнымъ для этого случаемъ. Понятно, что слѣдствія слишкомъ продолжительныхъ наказаній тѣ самыя, что и наказаній пожизненныхъ. Можно сказать вообще, что наказанія, отнимающія цѣлый періодъ жизни человѣка (всю молодость, возмужалость, старость) или значительную его часть, подвергаютъ осужденнаго въ ужасъ, отчаяніе, и производятъ въ немъ совершенный упадокъ духа. Мысль войти въ тюрьму юношей или мужемъ, и выдти изъ нея старикомъ—дѣлаетъ для него самую жизнь невыносимой. Въ англійскомъ законодательствѣ (Бомонъ и Токвилль) приняты совершенно другіе сроки. Изъ числа 10,716 преступниковъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію въ 1834 году, только одинъ былъ осужденъ на пять лѣтъ, пятеро на срокъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, 308 на срокъ отъ одного до двухъ, 1,582 на срокъ отъ 6-ти мѣсяцевъ до года и 8,825 на сроки меньши шести мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, для $^4/_5$ осужденныхъ наказаніе было непродолжительнѣе нѣ-

сколькихъ дней и мѣсяцевъ. Понятно, что назначеніе такихъ сроковъ обусловливалось пониманіемъ, что при нихъ возможно полное подчиненіе своей участи, что преступникъ, подвергшійся наказанію, непревышающему вообще человѣческихъ силъ, можетъ не безъ пользы для себя вынести время постигшаго его испытанія, и, конечно, не дойдетъ до того состоянія, когда на него могутъ дѣйствовать только насиліе и терроръ.

Съ исправительною системою и продолжительностью сроковъ наказанія тѣсно связанъ принципъ помилованія и отмѣны, и облегченія наказаній (commutation). Принципъ этотъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ авторитетомъ суда, приговоры котораго идеально должны быть окончательны и неизмѣнны; съ нимъ въ юстицію, конечно, не безъ ущерба въ ея достоинствѣ, вносится элементъ произвола. Но такъ-какъ въ виду частой чрезмѣрности наказаній было бы негуманно отрицать право помилованія, то все-таки оно можетъ быть допущено, какъ нѣчто, примѣняющееся рѣдко и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, иначе какой смыслъ былъ бы въ самыхъ судебныхъ процессахъ, при которыхъ соблюдаются всѣ юридическія условія, еслибы выводъ изъ нихъ — приговоръ, могъ постоянно отмѣняться и измѣняться! Наблюдатели тюремнаго быта согласно утверждаютъ, что принципъ помилованія вноситъ еще новый элементъ въ тюремную порчу. Надежда на возможность помилованія возбуждаетъ къ лицемѣрію и притворному раскаянію — чувствамъ, разумѣется, неспособствующимъ къ поднятію нравственнаго характера преступниковъ. Токвилль, въ отчетѣ, о которомъ мы уже говорили, нападаетъ на частость помилованій, разрушающихъ равенство наказаній, и произвольно измѣняющихъ ихъ сроки за одинаковыя преступленія.

По статистикѣ 1865 года, въ этомъ году во Франціи было помиловано 15 осужденныхъ, 552-мъ было смягчено наказаніе, а 34-мъ совершенно замѣнено несравненно легчайшимъ. За помилованіе, кромѣ чрезмѣрныхъ сроковъ наказанія, говоритъ только одно: при господствующей въ тюрьмахъ деморализаціи весьма важно освобождать изъ этого ада всѣхъ тѣхъ, кто не успѣлъ еще окончательно заразиться, и для кого еще не закрылся всякій путь къ исправленію.

Относительно сроковъ наказанія, во французскомъ законодательствѣ существуетъ еще весьма странная аномалія. Сроки давности для преступленій и проступковъ несоразмѣрно малы сравнительно съ этими сроками. Въ то время, когда высшая кара за проступки — 5 лѣтъ, — давность для нихъ три года. Тогда какъ тяжкое уголовное преступленіе — наказывается 20-тилѣтней карой—уголовная давность его 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, укрывшійся отъ суда становится внѣ преслѣдованія гораздо раньше, нежели осужденный оканчиваетъ срокъ своего наказанія, и укрывательство отъ суда, и бѣгство какъ бы получаютъ значительную премію. Самая значительная давность при-

пята для преступленій противъ собственности. Убійца черезъ десять лѣтъ по совершеніи убійства не можетъ быть преслѣдуемъ, но если онъ у убитой имъ жертвы завладѣлъ насильственно клочкомъ земли, онъ чрезъ тридцать лѣтъ еще можетъ быть принужденъ къ возвращенію наслѣдникамъ убитаго—того, что̀ имъ было у него захвачено.

Противъ краткости сроковъ давности во Франціи протестовать безразсудно. Они установлены правильно, гуманно и справедливо... слѣдовательно, продолжительные сроки наказанія представляютъ явленіе обратное.

Еслибы вся задача криминалистики исчерпывалась однимъ удаленіемъ изъ общества преступниковъ, то она не представляла бы особеннаго интереса. Засадить людей въ тюрьмы — дѣло не трудное. Рѣшотка, стѣны, вооруженная стража—вотъ все, что̀ потребовалось бы, чтобы сдѣлать преступниковъ безвредными. Но человѣческая сторона вопроса состоитъ не въ этомъ. Проблемма современной криминалистики состоитъ въ изысканіи лучшихъ способовъ обратить на пользу общества вредную и слѣпую массу людей, впавшихъ въ преступленіе, и которые весьма часто, послѣ продолжительнаго пребыванія въ тюрьмѣ, по полученіи ими свободы, вносятъ въ общество, кромѣ основнаго капитала своихъ преступленій въ неприкосновенномъ видѣ, еще значительные проценты, наросшіе на него отъ тюремной порчи. Если жажда выгоды и корысть породили въ промышленности умѣнье обращать въ полезные предметы вещества, повидимому, самыя негодныя, то, казалось бы, наукамъ соціальнымъ, имѣющимъ дѣло съ живымъ человѣческимъ матеріаломъ, иногда положимъ дѣйствительно весьма и весьма испорченнымъ, давно слѣдовало бы придти къ подобнымъ же результатамъ. На дѣлѣ, однакоже, выходитъ иначе. Общество — мачиха для своихъ отверженцевъ: еще недавно оно ихъ истребляло съ невозмутимымъ жестокосердіемъ, и до сихъ поръ безсердечно предоставляетъ тюремному разложенію, хотя само за это расплачивается, такъ-какъ зарождающіяся міазмы, все болѣе и болѣе распространяющіяся отъ его небрежности, поражаютъ все бо̀льшее и бо̀льшее число его членовъ.

А между тѣмъ, главнѣйшею предрасполагающею причиною большинства преступленій та бѣдность, о которой само общество говоритъ, что она «не порокъ» и бѣдность, что еще печальнѣе, весьма часто незаслуженная! Въ этомъ смыслѣ весьма поучительны въ тюремной статистикѣ Франціи 1865—1866 гг. сравнительныя таблицы о сословіяхъ и родѣ занятій преступниковъ, до впаденія ихъ въ преступленія. Въ категоріи рантье и вообще собственниковъ на сто преступниковъ въ 1865 году стоитъ цифра 0,96% для мужчинъ и 0,85% для женщинъ; въ 1866 году — для первыхъ 0,770%, для вторыхъ 0,491%. Предполагать, на основаніи этой цифры, что юстиція во Франціи смотритъ на богатыхъ людей снисходительнѣе, нежели на

бѣдныхъ, было бы такъ же навѣрно, какъ, съ другой стороны, утверждать, что сословіе рантье и собственниковъ представляетъ собою образецъ всѣхъ добродѣтелей. Чтобы понять причину, почему эта цифра такъ относительно мала, слѣдуетъ только вспомнить различіе между законами нравственными и уголовными. Уголовной области подчиненъ весьма ограниченный и опредѣленный рядъ человѣческихъ поступковъ — законная кара преслѣдуетъ только явное правонарушеніе, грубое насиліе и мошенничество и вообще акты осязательные и легко опредѣлимые, но она не имѣетъ права врываться въ сферу сознанія, и можно быть весьма замѣчательнымъ плутомъ, не подвергаясь за это судебной отвѣтственности. Бѣдность — дорога слишкомъ узкая, всякое нравственное уклоненіе приводитъ бѣдняка къ правонарушенію; средства къ преступленію для бѣднаго весьма немногочисленны, и всѣ они такого грубаго свойства, что прямо подводятъ его подъ уголовщину, между тѣмъ, какъ для людей достаточныхъ есть тысячи способовъ удовлетворять своимъ порочнымъ инстинктамъ, не прибѣгая къ насилію или грубому обману. Если иногда и встрѣчаются исключенія и, напримѣръ, богатый человѣкъ попадется въ грубомъ воровствѣ, то, кромѣ крайней испорченности, въ этомъ случаѣ играетъ немаловажную роль и значительная степень глупости, свойственная подобному преступнику. Безчестные люди въ высшихъ сферахъ умѣютъ обдѣлывать свои дѣлишки безъ огласки, шуму и оставленія матеріальныхъ слѣдовъ; самыя возмутительныя продѣлки въ этой сферѣ могутъ совершаться безъ насилія, такъ-какъ въ мірѣ весьма мало такого, что̀ бы не продавалось и не покупалось. Самыя затѣйливыя мошенничества весьма часто имѣютъ исходомъ только гражданскіе процессы, хотя дѣйствительная жизнь и представляетъ чуть не на каждомъ шагу такія промышленныя, коммерческія и финансовыя предпріятія, при которыхъ всякаго попавшаго въ ловушку человѣка, замаскированные въ строгое приличіе спекуляторы обчищаютъ основательнѣе, чѣмъ подобную же операцію совершаетъ самый смѣлый грабитель, надѣющійся на силу своихъ рукъ и уединеніе лѣса. Тамъ, гдѣ бѣднякъ попадается за неимѣніемъ часто самыхъ бездѣльныхъ денегъ, богатые люди безнаказанно наживаютъ тысячи. Рецидивисты и бѣдняки — вотъ кто наполняетъ тюрьмы во Франціи. Бѣдныхъ же, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, насчитывается тамъ болѣе 2-хъ милліоновъ, да, сверхъ того, въ средѣ ея населенія насчитывается ежегодно около сорока тысячъ человѣкъ, освободившихся изъ тюремъ или изъ каторги.

Между бѣдными встрѣчаются, конечно, и такіе, которые впадаютъ въ нищету вслѣдствіе своей порочности, несмотря на полученное ими образованіе и принадлежность къ честнымъ семействамъ, но большинство состоитъ не изъ нихъ. Родясь въ крайней нищетѣ, не зная часто даже своихъ родителей, или

что̀ еще хуже, съ дѣтства составляя для нихъ предметъ жалкой эксплуатаціи, бѣдняки отъ рожденія ростутъ безъ всякаго призора, среди всеобщаго презрѣнія, нуждаясь часто даже въ томъ, въ чемъ жизнь не отказываетъ даже и животнымъ — въ пищѣ и кровѣ, не имѣя понятія ни о какой нравственной идеѣ въ безразсвѣтномъ мракѣ полнѣйшаго невѣжества. Вѣчно голодные и алчущіе, они испытываютъ муки Тантала въ средѣ новѣйшей цивилизаціи, съ каждымъ днемъ дѣлающей все утонченнѣе и утонченнѣе безчисленныя удовольствія жизни. Исправленіе такихъ-то несчастныхъ обязано имѣть въ виду общество. Если юстиція, для поддержанія общественнаго порядка, имѣетъ право лишать ихъ свободы, то она же обязана изыскать и средства останавливать ихъ испорченность, обмыть лохмотья, которыми они прикрыты, весьма часто безъ всякой вины съ своей стороны, а только вслѣдствіе прирожденнаго имъ несчастія. Тюрьма ихъ не исправляетъ. Въ бо̀льшей части случаевъ освобождаемый выходитъ изъ тюрьмы даже худшимъ, чѣмъ въ нее поступаетъ. Мало того, положеніе его по выходѣ изъ тюрьмы бываетъ еще тяжелѣе и затруднительнѣе, чѣмъ оно было до совершенія имъ преступленія. Они подвергаются полицейскому надзору. Надзоръ этотъ—необходимое слѣдствіе несостоятельности исправительной системы. Преступникъ не исправился, слѣдовательно, надъ нимъ долженъ быть учрежденъ надзоръ. А между тѣмъ, этотъ надзоръ совершенно раздавливаетъ освобожденныхъ и дѣлаетъ имъ самую жизнь невозможной. На основаніи декрета отъ 8-го—12-го декабря 1851 года, администрація имѣетъ право назначать освобожденнымъ преступникамъ мѣсто для жительства, оставить которое послѣдніе не могутъ безъ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. И вотъ освобожденный поселяется въ назначенной ему мѣстности, гдѣ всѣмъ извѣстно его прошедшее, что̀ служитъ причиною того, что его всѣ избѣгаютъ, и для него получить какую бы то ни было работу дѣло почти невозможное, если даже въ отведенной ему мѣстности и существуетъ даже, что̀ случается не всегда, потребность въ томъ именно ремеслѣ, которому онъ обучался въ тюрьмѣ. Что̀ остается ему дѣлать? или дожидаться перемѣны обстоятельствъ, надѣясь на поживу отъ новаго преступленія, или бѣжать, куда глаза глядятъ, пока его снова не схватятъ и не засадятъ въ тюрьму, какъ бродягу-рецидивиста. Токвилль и Бомонъ давно обратили уже вниманіе общества на такую безвыходность положенія выпускаемыхъ изъ тюрьмы, но положеніе дѣлъ и до сихъ поръ то же самое и попасть снова въ тюрьму, на даровой хлѣбъ, составляетъ чуть ли не всю цѣль большинства освобожденныхъ. Число лицъ, могущихъ поддерживать себя по выходѣ изъ тюрьмы своимъ трудомъ, представляетъ не болѣе 4% всего числа освобождаемыхъ. По отчету уголовнаго судопроизводства за 1866 годъ, изъ числа 5,664 человѣкъ, выпущенныхъ изъ тюремъ въ 1864 году,

2,138 человѣкъ, или 38%, были снова судимы до 1-го января 1866 года. Процентъ женщинъ этой же категоріи составлялъ 24% (309 изъ 1,266). Чтобы выходящій арестантъ не былъ выпускаемъ изъ тюрьмы совершенно безъ денегъ, во французскихъ тюрьмахъ существуютъ такъ-называемыя долевыя деньги (le pecule). Это — pecule (peculum римскаго права), извѣстная часть заработка арестанта въ тюрьмѣ, признающаяся его собственностью. Деньги эти служатъ побужденіемъ усердія къ работѣ въ арестованныхъ, и введены также и для того, чтобы принуждать ихъ къ труду не одною грубою силою. Образуется эта арестантская собственность такимъ образомъ. Во все время тюремнаго содержанія преступника цѣнность его произведеній дѣлится на десять частей. Количество этихъ частей, составляющихъ его *долю*, распредѣляется сообразно степени его наказанія и числу взысканій, которымъ онъ подвергается во время пребыванія въ тюрьмѣ. Присужденнымъ судами исправительной полиціи полагается въ долю пять такихъ частей; заключеннымъ по уголовнымъ дѣламъ — четыре; подходящимъ къ категоріи каторжныхъ — три. При повторныхъ наказаніяхъ, за каждое предъидущее наказаніе вычитается изъ этой доли отъ одной до двухъ частей, но одна десятая составляетъ уже неприкосновенную долю каждаго арестанта, будь онъ даже вторичнымъ рецидивистомъ. За хорошее поведеніе тюремная администрація можетъ прибавлять части къ долѣ, а за дурное — убавлять; съ тѣмъ, однакоже, чтобы доля ни одного арестанта не превосходила шести десятыхъ и не опускалась ниже одной десятой его заработка. Такая доля содержимаго раздѣляется на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна составляетъ текущую часть его фонда, а другія запасную. Первая идетъ на расходы, разрѣшаемые преступнику тюремнымъ начальствомъ: покупку добавочной провизіи и одежды, помощь ихъ семействамъ и на добровольный возвратъ по частямъ денегъ тѣмъ лицамъ, которыя были преступникомъ обокрадены. Въ случаѣ, если при дурномъ состояніи здоровья арестантъ нуждается въ какой-нибудь особенной пищѣ, или ему необходимъ какой-нибудь расходъ по ремеслу, которымъ онъ занимается, и доля его очень мала, онъ получаетъ нужное ему отъ тюремнаго начальства даромъ. Запасная часть выдается ему при освобожденіи. Большею частью, однакоже, эти доли весьма ничтожны, какъ по частости вычетовъ за тюремныя взысканія, такъ и потому, что двѣ трети содержащихся, какъ земледѣльцы или люди безъ опредѣленныхъ профессій, не могутъ почти ничего заработывать, тѣмъ болѣе, что употребленіе тюремныхъ рабочихъ, внѣ стѣнъ тюрьмы, еще только начинаетъ входить, да еще притомъ въ самомъ ограниченномъ видѣ, въ тюремные обычаи Франціи. Изъ 2,518 человѣкъ, попавшихъ снова въ тюрьму въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ своего освобожденія, 576 человѣкъ принадлежало къ такимъ, которые, при первомъ освобож-

деніи, вышли или совершенно безъ доли, или съ долею, составлявшею сумму меньше 20-ти франковъ. Но, еслибы арестантскія доли были и гораздо значительнѣе, то и это не могло бы замѣтно улучшать ихъ положенія. Обыкновенно эти деньги тотчасъ же вслѣдъ за выходомъ затрачиваются непроизводительно освобожденными. Переходъ отъ неволи на свободу слишкомъ рѣзокъ, и нѣкоторая сумма денегъ служитъ какъ бы побужденіемъ для освобожденнаго удовлетворить какъ можно скорѣе тѣмъ порочнымъ инстинктамъ его, которые такъ долго были насильственно сдерживаемы. Такъ поступаютъ и свободные люди, напримѣръ, моряки, когда они, послѣ продолжительнаго плаванія, попадаютъ на твердую землю. Можно ли, слѣдовательно, отъ преступника, даже начавшаго исправляться, требовать бо̀льшей мѣры благоразумія? Для предотвращенія этого, съ 1829 года министерскимъ распоряженіемъ признано необходимымъ не выдавать доли на руки освобожденнымъ раньше, чѣмъ они поселятся на назначенномъ имъ мѣстѣ, если за вычетомъ расходовъ по ихъ экипировкѣ и доставкѣ на мѣсто-жительство, доля эта будетъ все-таки превышать сумму въ 20 франковъ. Но эта мѣра только нѣсколько отсрочиваетъ непроизводительную растрату доли, что̀ видно, напримѣръ, изъ министерскаго циркуляра объ этомъ предметѣ отъ 28-го марта 1844 года. Противодѣйствовать этому вообще всякими мѣрами оказалось безполезно. Другое дѣло, еслибы преступникъ, вмѣсто тюремнаго заключенія, подвергался пребыванію въ исправительно-земледѣльческой колоніи, когда по окончаніи срока наказанія, сдѣлавшись хорошимъ работникомъ, онъ, вмѣсто денегъ, получилъ бы свою долю натурою: орудіями, сѣмянами и т. д. Разумѣется, что при новомъ водвореніи гдѣ бы то ни было, онъ съумѣлъ бы извлечь себѣ изъ всего этого значительное подспорье.

Ни одно изъ улучшеній, вводимыхъ въ существующую исправительную тюремную систему, какъ мы уже видѣли, не удалось. Это признано, между прочимъ, Токвиллемъ, утверждавшимъ въ 1848 году, что такими улучшеніями можно достигнуть внѣшняго порядка и дисциплины, но не нравственнаго улучшенія арестантовъ. Такъ сторонники существующей исправительной системы особенно много разсчитывали на раздѣленіе преступниковъ на категоріи. Въ этомъ смыслѣ издано было въ 1828 году постановленіе, по которому для избѣжанія тюремной порчи отъ совмѣстнаго содержанія преступниковъ въ различной степени виновныхъ опредѣлялось осужденнымъ на сроки меньшіе десяти лѣтъ отправлять въ Тулонъ, а на сроки должайшіе—въ Брестъ и Рошфоръ. Но такое распоряженіе не принесло никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Оказалось, что продолжительности наказанія нельзя брать основаніемъ для сужденія о степени испорченности преступниковъ, и съ 1836 года ихъ снова стали посылать безразлично въ Тулонъ, Брестъ и Рошфоръ. Всякія

другія классификаціи содержащихся въ тюрьмахъ оказались тоже несостоятельны (Бомонъ, Токвилль). Вотъ, между прочимъ, что̀ они по этому поводу говорятъ: «Безполезность тюремныхъ классификацій преступниковъ, въ видахъ ихъ нравственнаго улучшенія, доказана безповоротно. Въ наши дни едва-ли кто въ этомъ можетъ даже и сомнѣваться. Собирать вмѣстѣ людей одинаковой степени испорченности, значитъ уже обречь напередъ каждаго изъ нихъ ухудшенію, да при этомъ даже и невозможно опредѣлить одинаковость испорченности преступниковъ. Нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ съ вѣроятностью можно было бы опредѣлить степень испорченности преступника и его средства распространять на другихъ свои пороки. Видъ преступленія, за которое преступникъ осужденъ, бросаетъ на это дѣло весьма мало свѣта. Когда въ 1836 году, министръ внутреннихъ дѣлъ спрашивалъ у директоровъ центральныхъ тюремъ: различаются ли, по своей испорченности, осужденные за преступленія отъ осужденныхъ за проступки, почти всѣ отвѣтили, что если такая разница даже и существуетъ, то она почти незамѣтна и конечно скорѣе уже въ пользу осужденныхъ за преступленія». Онъ же утверждаетъ, что классификація осужденныхъ за проступки также невозможна, какъ и классификація уголовныхъ преступниковъ различныхъ наименованій. Между ворами, напримѣръ, закономъ признаны только три или четыре категоріи, подъ которыя подходятъ всѣ воры, начиная съ такихъ, которые наказываются суточнымъ арестомъ и кончая тѣми, которые идутъ на всегда въ каторгу, между тѣмъ какъ на практикѣ между ними можетъ быть тысяча различій. При этомъ, нельзя упускать изъ вниманія, что болѣе строгія наказанія не всегда служатъ доказательствомъ бо̀льшей испорченности. Иногда наказаніе усиливается за то, что воровство произведено съ насиліемъ, но къ насилію люди часто прибѣгаютъ по своей грубости, а не вслѣдствіе крайней испорченности. Возрастъ тоже ничего не значитъ: есть несовершеннолѣтніе, почти дѣти, которые своею закоренѣлостью въ преступленіяхъ поспорятъ съ любымъ изъ взрослыхъ преступниковъ.

Въ исправительно-земледѣльческихъ колоніяхъ не будетъ надобности прибѣгать къ этому, никогда неудающемуся раздѣленію преступниковъ на категоріи. Неизбѣжное и продолжительное скученіе преступниковъ—результатъ тюремнаго заключенія и системы совмѣстныхъ работъ перестаютъ тогда существовать. Работы на чистомъ воздухѣ и разрѣшеніе браковъ принесутъ неизбѣжно добрые результаты, между тѣмъ какъ раздѣленіе преступниковъ по категоріямъ, дѣло по самому своему принципу—никуда не годное, такъ-какъ съ преступниками никакимъ образомъ не слѣдуетъ нарушать тѣхъ основныхъ законовъ, которыми поддерживается устройство всякаго общества.

Представьте, что въ любомъ благоустроенномъ обществѣ (недостатка въ нечистыхъ элементахъ нигдѣ не бываетъ) кто

нибудь вздумалъ бы и успѣлъ отдѣлить добрыхъ и честныхъ людей отъ злыхъ и дурныхъ? Что̀ произошло бы вслѣдствіе такого раздѣленія? Общество непремѣнно бы рушилось, такъ-какъ оно только потому и можетъ существовать, что добрые и злые элементы въ немъ разсѣяны, что въ средѣ злыхъ попадаются и добрые, нейтрализующіе до нѣкоторой степени зло и затрудняющіе его безпрепятственное развитіе. Какую силу пріобрѣло бы въ этомъ случаѣ зло? Какъ легко было бы ему побѣдить окончательно все доброе и чистое, неспособное употреблять на борьбу всѣ средства и всѣ способы, передъ которыми не задумается или остановится злое?

Но, еслибы подобное раздѣленіе и могло быть нѣсколько полезно для менѣе испорченныхъ преступниковъ, что̀ придется дѣлать съ болѣе испорченными? Отдѣливъ отъ нихъ всѣхъ тѣхъ, на чье исправленіе еще нельзя терять надежды, вы получите такой осадокъ, который будетъ ни на что не годенъ, кромѣ... истребленія, но не говоря уже о негуманности такого образа дѣйствій и о томъ, что это значило бы вернуться къ прежней варварской системѣ пролитія крови, позволительно ли приносить одну часть людей въ жертву другой? Конечно, было бы весьма важно предохранить отъ тюремной порчи тѣхъ изъ заключенныхъ, которые не успѣли утратить своего нравственнаго достоинства, но для этого надобно дѣйствовать противъ причины, а не противъ послѣдствій: порча же тюремная главнѣйше происходитъ отъ системы закрытыхъ работъ, занимающихъ только руки арестованныхъ и оставляющихъ празднымъ ихъ воображеніе, при той внутренней пустотѣ, которая обусловливается у нихъ отсутствіемъ сколько нибудь серьёзныхъ семейныхъ привязанностей и вѣчно недовольнымъ и безпокойнымъ состояніемъ духа. А такое состояніе духа, близкое къ отчаянію, обще между всѣми жильцами тюрьмы, для которыхъ не существуетъ необходимѣйшихъ общественныхъ условій, которые представляютъ собою какое-то новое, особое общество, въ устройство котораго не положено ничего добраго. Страшная порча тюрьмы происходитъ отъ самой сущности тюремнаго заключенія, а вовсе не результатъ какой-то фантастической пропаганды зла, допустивъ которую должно предположить, что каждый преступникъ дѣлается какимъ-то проповѣдникомъ своихъ пороковъ и заблужденій и софистомъ, стремящимся распространять свое злое ученіе и пріобрѣтать себѣ какъ можно болѣе адептовъ. При земледѣльческомъ трудѣ и допущеніи брака, все это исчезнетъ само собой. Преступники войдутъ въ обыкновенныя условія жизни, и для передачи пороковъ не будетъ ни необходимости, ни возбуждающихъ основаній.

Выборъ труда — великое дѣло даже для самыхъ загрубѣлыхъ натуръ и производительная работа на чистомъ воздухѣ и солнечномъ свѣтѣ, дающая ежедневные и очевидные результаты, разумѣется, должна дѣйствовать благотворнѣе на духъ человѣка,

нежели сидячія, однообразныя занятія, въ родѣ расчипыванія канатовъ или шитья башмаковъ. Превращеніе безплодной страны въ плодородную можетъ быть могучимъ рычагомъ для возбужденія въ преступникахъ энергіи къ труду. Обращеніе пустынь въ фермы или деревни — трудъ живительный, могущій занимать всѣ способности человѣка. Мирный отдыхъ въ отдѣльномъ помѣщеніи съ женой и семьей, можетъ при этомъ быть вѣрнымъ побудителемъ для усовершенствованія человѣка. Родъ труда и степень его полезности не можетъ не имѣть вліянія на рабочаго. Ни одинъ свободный работникъ, даже обезпеченный помимо своего непосредственнаго труда, не будетъ въ состояніи долго предаваться бездѣльной работѣ, безъ того, чтобы не ухудшиться, если только раньше не найдетъ для себя невыносимымъ и не броситъ безтолковаго и бездѣльнаго толченія воды. Происходитъ это оттого, что съ человѣкомъ, будь онъ преступникъ или нѣтъ, никогда нельзя обращаться какъ съ животнымъ или машиной, не рискуя сдѣлать его хуже. Англійское изобрѣтеніе, заставлять при пособіи бича вертѣть преступника колесо, безцѣльно кружающееся (Tread mill)—верхъ человѣческой глупости и грубости. Подобные способы наказанія превосходятъ своею нелѣпостью самыя непослѣдовательныя преступленія.

Единственное раздѣленіе преступниковъ, полезное и необходимое даже при организаціи исправительно-земледѣльческихъ колоній—это раздѣленіе на категоріи по возрастамъ, отдѣленіе совершеннолѣтнихъ отъ несовершеннолѣтнихъ, и малолѣтнихъ отъ несовершеннолѣтнихъ. Каждый фазисъ развитія подростковъ требуетъ особаго ухода и условій, отъ чего часто зависитъ вся будущность человѣка, и самое исправленіе ихъ должно сообразоваться съ особенностью ихъ организаціи въ ту или другую пору дѣтства и отрочества.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

КТО БЫЛЪ УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧОВЩИНЫ.

Г. Анучинъ, въ изслѣдованіи своемъ, помѣщенномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» *, усмирителемъ пугачовщины называетъ графа Петра Панина. Задавшись мыслью, во что бы то ни стало, доказать это, г. Анучинъ собираетъ всѣ доступные ему факты, разставляетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и, нанизывая ихъ на предвзятую мысль, какъ на длинную нитку, силится дотянуть эту нитку до благопріятнаго вывода, и — не дотягиваетъ. Гнилая нитка рвется, и разсыпавшіеся факты обличаютъ полную

* Графъ Панинъ, усмиритель пугачовщины («Рус. Вѣст.» кн. 3—6 за 1869 г.).

несостоятельность мысли, которою задался авторъ: факты ясно говорятъ, что ихъ надо низать не на ту гнилую нитку, на которую они нанизаны г. Анучинымъ, а на другую, которая почему-то пришлась г. Анучину не по душѣ.

Г. Анучинъ, взявъ подъ свое покровительство графа Панина, нѣсколько недружелюбно относится ко всѣмъ писавшимъ о пугачовщинѣ и не раздѣлявшимъ съ г. Анучинымъ его симпатій къ графу Панину. Такъ г. Анучинъ недоволенъ Бибиковымъ, Державинымъ, Пушкинымъ, г. Лебедевымъ и въ особенности Мордовцевымъ.

Источникъ помянутаго недовольства г. Анучина для насъ понятенъ. Въ лицѣ графа Панина, а также въ лицѣ Голицына, Чернышева, Кречетникова, Бранта, Рейнсдорпа, Шетнева, Фреймана и Кара, которымъ никто изъ историковъ пугачовщины не приписываетъ чести усмиренія этого крупнаго народнаго возстанія, г. Анучинъ видитъ обиженными всѣхъ генераловъ второй половины прошлаго вѣка, этихъ «орловъ изъ стаи великой Екатерины», которые оказались безсильными передъ простымъ «вороненкомъ», какъ назвалъ себя Пугачовъ графу Панину, и его вороньей стаей. Г. Анучину показалось обиднымъ, что мужики съ безграмотнымъ казакомъ во главѣ заставили трепетать блистательныхъ генераловъ, во главѣ которыхъ стояли такіе всесильные вельможи, какъ графъ Панинъ. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ невиноваты, и надо винить исторію, которая такъ безжалостна къ генераламъ, хотя бы это были генералы двѣнадцатаго года.

Разсмотримъ, однакожь, обстоятельнѣе вопросъ, поставленный въ заголовкѣ нашей статьи и вызванный изслѣдованіемъ г. Анучина.

Въ основѣ всего изслѣдованія г. Анучина лежитъ капитальная ошибка, которой были повинны всѣ историки старой исторической школы, нынѣ уже отвергнутой. По этой школѣ, исторія государствъ, судьбы народовъ, движеніе человѣческихъ массъ и человѣческой мысли, поступательный ходъ человѣчества къ совершенству, успѣхи и неудачи, страданія и надежды людей — все вращалось около королей, полководцевъ и генераловъ. Короли, полководцы и генералы, ихъ войны, побѣды и пораженія, взаимная вражда, придворныя интриги и происки представлялись какъ бы руководителями исторіи и руководителями массъ и судебъ всего человѣчества.

Эту негодную историческую мѣрку г. Анучинъ прилагаетъ къ исторіи пугачовщины. Ничтожное передъ общимъ ходомъ историческихъ судебъ русскаго народа имя одного графа г. Анучинъ хочетъ связать съ великимъ актомъ движенія народныхъ массъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, движеніемъ, не Пугачовымъ вызванное, и не генералами и графами усмиренное. Движеніе это было продуктомъ всей исторической жизни русскаго народа и того своеобычнаго государственнаго склада, ко-

торый долженъ былъ вызвать если не пугачовщину, то что-нибудь подобное этому, или даже худшее, страшнѣйшее, именно «крестьянщину», поголовное возстаніе народныхъ массъ. Эту простую мысль мы и высказали въ нашей первой монографіи объ этой эпохѣ, въ «Пугачовщинѣ», помѣщенной въ первой книгѣ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ, и эту же мысль проводили въ другой монографіи («Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачовъ»), напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» за прошлый годъ. Мало того, во всѣхъ нашихъ историческихъ трудахъ проводилась эта же мысль, потому что другая мысль и проводиться не могла, какъ ложная и несовременная. Эта мысль сама собою вытекаетъ изъ фактовъ, когда къ нимъ относится безъ предубѣжденія не всякій близорукій историкъ, не думающій, что источникъ всего сущаго — генералы.

Какъ пугачовское движеніе, собственно движеніе народное, связанное только съ именемъ Пугачова, было продуктомъ всей исторической жизни русскаго племени, такъ и усмиреніе этого движенія не было результатомъ усилій ни графа Панина, ни генерала де-Колонга, ни всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ генераловъ и графовъ. Усмиреніе это лежало внѣ ихъ личной дѣятельности, потому что оно было выше ихъ единичныхъ силъ и выше ихъ ума, какъ бы онъ ни былъ свѣтелъ и обширенъ.

Движеніе это началось по неизбѣжнымъ историческимъ законамъ, отъ извѣстныхъ, весьма сложныхъ, весьма мелкихъ и весьма крупныхъ историческихъ причинъ, и также улеглось по тѣмъ же историческамъ законамъ, отъ извѣстныхъ, весьма сложныхъ, весьма мелкихъ и крупныхъ причинъ, какъ по извѣстнымъ законамъ природы начинается буря и затѣмъ ослабѣваетъ, падаетъ и улегается окончательно. Генералы и графы тутъ не при чемъ. Поднимается народное движеніе совокупными усиліями *всѣхъ* (людей знатныхъ и ничтожныхъ, графовъ и мужиковъ) и отъ *всѣхъ* причинъ совокупно взятыхъ (причинъ крупныхъ и мелкихъ), точно такъ, какъ и усмиряется оно совокупными силами *всѣхъ*—и графовъ и мужиковъ, генераловъ и простыхъ солдатъ.

Эти-то неизбѣжные и неизмѣнные историческіе законы, законы человѣческой жизни, эти-то сложныя причины, и самыя крупныя и самыя мелкія, эти-то живые матеріалы, изъ которыхъ строится сама собой исторія государствъ и всего человѣчества, и слѣдуетъ подмѣчать и изучать историку, а не копаться въ послужныхъ спискахъ генераловъ и графовъ и ставить крупные, хотя прискорбные акты проявленія народныхъ движеній въ зависимость отъ этихъ послужныхъ списковъ и жалкихъ усилій двухъ—трехъ генераловъ и графовъ. А этихъ сложныхъ, самыхъ мелкихъ и потому самыхъ важныхъ причинъ, объясняющихъ источникъ движенія такихъ же мелкихъ народныхъ единицъ, въ совокупности составляющихъ гораздо бо̀льшую цифру и гораздо бо̀льшую силу, чѣмъ цифра и сила всѣхъ генераловъ

и всѣхъ графовъ вмѣстѣ взятыхъ—этихъ мелкихъ причинъ народныхъ движеній нельзя изучить ни въ государственныхъ архивахъ министерствъ, куда сообщаются свѣдѣнія о явленіяхъ и причинахъ явленій только крупныхъ и потому менѣе важныхъ для историка, чѣмъ причины и явленія мелкія, ни даже въ личной перепискѣ графа Панина съ императрицей и высшими сановниками государства. Эти мелкія, первичныя причины народныхъ движеній можно изучать только въ мелкихъ провинціальныхъ архивахъ, въ глуши, гдѣ зачинались эти первичныя явленія и движенія, въ архивахъ, въ которыхъ рылся пишущій эти строки и, перебравъ для отысканія этихъ мелкихъ причинъ тысячи старыхъ дѣлъ, отыскалъ доказательства того, что едва-ли графъ Панинъ и другіе генералы были усмирителями пугачовщины. А этого г. Анучину не хотѣлось бы. Inde irae г. Анучина.

Все изслѣдованіе г. Анучина противорѣчитъ современнымъ и основнымъ требованіямъ исторической науки. Для него не существуютъ причины явленій и онъ ихъ не старается уразумѣть. Для него это кажется совершенно излишнимъ. Для него графъ Панинъ—и причина явленій и ихъ послѣдствіе во всей его полнотѣ: не будь Панина, не было бы и конца пугачовщинѣ. Мало того, онъ серьёзно называетъ Панина «спасителемъ отечества» отъ пугачовщины, тогда какъ въ сущности роль Панина въ спасеніи Россіи отъ пугачовщины была едва-ли не ничтожнѣе роли капитолійскихъ гусей въ спасеніи Рима: гуси по крайней-мѣрѣ во̀ время разбудили римлянъ и тѣмъ дали имъ возможность во̀ время отразить непріятеля, а Панинъ самъ проснулся только тогда (во второй половинѣ августа), когда пугачовщина уже кончалась.

Такимъ, повидимому рѣзкимъ, отзывомъ мы нисколько не думаемъ унижать значеніе графа Панина въ русской исторіи, хотя насъ и могутъ обвинить (но обвинить несправедливо) въ томъ, будто мы бросаемъ грязью въ свѣтлыя личности нашего славнаго прошедшаго. Ни бросать грязью, ни восхвалять мы никого не желаемъ, потому что слишкомъ уважаемъ разумное отношеніе исторической критики къ историческимъ личностямъ. Мы хотимъ только показать, что не тамъ надо искать разгадку крупныхъ историческихъ явленій, гдѣ ихъ ищутъ писатели, подобные г. Анучину. Въ исторической наукѣ совершается крутой поворотъ къ лучшему, и представители ея пришли къ тому убѣжденію, что для того, чтобы исторія была дѣйствительнымъ критеріумомъ судебъ народовъ, чтобы вполнѣ выяснились причины слишкомъ медленнаго роста человѣчества, надо по возможности меньше заниматься королями, полководцами, графами и генералами, а изучать въ совокупности возможно большее число мелкихъ явленій, вполнѣ примѣняя къ исторіи статистическій методъ съ его средними величинами, выводимыми изъ суммы возможно бо̀льшаго числа однородныхъ мелкихъ опытовъ.

Надо оставить въ покоѣ героевъ, а заняться простыми смертными, и показать, почему эти смертные голодали или страдали, почему медленно подвигалось ихъ развитіе и почему они иногда, какъ, напримѣръ, въ пугачовщину, причиняли большія безпокойства генераламъ и графамъ, и безъ сомнѣнія, будутъ причинять таковыя, пока исторія будетъ заниматься не ихъ судьбою, а судьбою генераловъ и графовъ.

Г. Анучинъ, повидимому, не понимаетъ этого. Онъ даже обвиняетъ г. Лебедева въ томъ, что этотъ послѣдній, въ своей монографіи о графахъ Никитѣ и Петрѣ Панинныхъ *, не избралъ ихъ «героями» своего разсказа. Мало того, г. Лебедевъ обвиняется въ томъ, что онъ писалъ монографію о Панинныхъ «не для нихъ самихъ». Графы Панины, особенно Петръ, по словамъ г. Анучина, «не пользовались симпатіей г. Лебедева», и онъ, г. Лебедевъ, «выбралъ ихъ героями своего разсказа не для нихъ самихъ».

Всѣ, напротивъ, кромѣ г. Анучина, должны бы ставить это въ заслугу г. Лебедеву. Онъ, дѣйствительно, выбралъ Паниныхъ «героями своего разсказа не для нихъ самихъ», а для той исторической правды, которая должна была болѣе или менѣе выясниться его изслѣдованіемъ. Г. Лебедеву, какъ надо полагать, нужны были не лица, не «герои», не графы, а тотъ историческій циклъ, въ которомъ они являлись ничтожными атомами въ процессѣ организованія тѣхъ историческихъ явленій, къ коимъ имена графовъ Панинныхъ могутъ быть пріурочены такъ же, какъ можетъ быть пріуроченъ ничтожный листокъ къ процессу организованія развѣсистаго, столѣтняго корабельнаго дуба. Тутъ не должно быть и рѣчи о «герояхъ» и о «симпатіяхъ» или антипатіяхъ къ нимъ. Эти-то герои и симпатіи къ нимъ историковъ и были причиною того, что исторія человѣческихъ обществъ до настоящаго времени являлась или сборомъ оффиціальныхъ лжей, или восхваленіемъ героевъ. Герои и генералы были причиною того, что даже исторія нашей отечественной войны страдаетъ отсутствіемъ правильной оцѣнки этого великаго акта исторической жизни русскаго народа, потому что каждый изъ генераловъ 12-го года, подобно генералу Бетрищеву, желалъ непремѣнно имѣть своихъ Тентетниковыхъ въ историкахъ 12-го года.

Выяснивъ теперь понятія г. Анучина о задачѣ историка и опредѣливъ точку его зрѣнія, его историческій аршинъ, мы поймемъ, почему г. Анучину непремѣнно хотѣлось доказать, что Панинъ былъ не только усмирителемъ пугачовщины, но и «спасителемъ отечества»—сильно сказано! Спаситель отечества! да такихъ вся міровая исторія не представляетъ, хотя и есть лица, получившія себѣ не по заслугамъ это безсмысленное римское когноменъ.

* Графы Никита и Петръ Панины.

Для того, чтобы доказать несообразный историческій афоризмъ, г. Анучину ничего не оставалось болѣе, какъ насильно натягивать всевозможные факты и даже предположенія на тотъ непрочный тезисъ, который онъ выставилъ въ видѣ вѣшалки для фактовъ. Но вѣшалка не выдерживаетъ тяжести фактовъ, большею частью противорѣчащихъ тезису, и вѣшалка съ фактами, какъ съ негоднымъ лохмотьемъ, падаетъ. Оттого г. Анучинъ и сердится на всѣхъ писавшихъ о Пугачовѣ и не восхвалившихъ Панина съ прочими генералами. Оттого г. Анучинъ и недоволенъ Державинымъ, Бибиковымъ, Пушкинымъ, г. Лебедевымъ и въ особенности мною, пишущимъ сію скромную отповѣдь. Онъ потому собственно негодуетъ на меня, что въ моихъ изслѣдованіяхъ о пугачовщинѣ нескромно высказано о «героѣ» г. Анучина, будто онъ, главнокомандующій войскъ, ратовавшихъ противъ пугачовщины, не видалъ и въ глаза пугачовщины, а командовалъ войсками изъ своей пензенской или керенской усадьбы.

По убѣжденіямъ г. Анучина, всѣ писавшіе о Панинѣ были неправы. Нелестность отзывовъ Державина о Панинѣ защитникъ послѣдняго объясняетъ личной враждой Державина къ Панину, «Бибиковъ и Пушкинъ не имѣли о Панинѣ никакихъ матеріаловъ (почему же никакихъ?) и написали о немъ всего нѣсколько словъ». Значитъ, они не считали особенно важнымъ для исторіи писать о Панинѣ больше. Г. Лебедевъ, по словамъ г. Анучина, хотя и сообщилъ о Панинѣ весьма интересные факты, но не питаетъ къ нему «симпатіи». За то, пишущій это, написалъ о Панинѣ совершенныя небылицы.

«Г. Мордовцевъ (говоритъ г. Анучинъ) своими историческими монографіями пріобрѣлъ какъ бы авторитетъ по вопросу о пугачовщинѣ, но авторитетъ этотъ опирается не на достоинствахъ его статей, а на той смѣлости, съ которою онѣ написаны». Послѣдній нашъ трудъ («Русскіе государственные дѣятели второй половины прошлаго вѣка и Пугачовъ»), печатавшійся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за прошлый годъ, «заключаетъ въ себѣ, по словамъ г. Анучина, столь невѣроятныя вещи, что рѣшительно недоумѣваешь, какъ можно было *рѣшиться написать* ихъ». При всемъ томъ, у насъ достало рѣшимости сказать правду о Панинѣ, и это приводитъ г. Анучина въ недоумѣніе. Рѣшимость и смѣлость наша заключалась въ томъ, что приведя въ своей статьѣ текстъ объявленія Панина о поимкѣ Пугачова, объявленія, подъ которымъ подписано было: «дано на маршѣ» 25-го сентября — мы осмѣлились спросить: «на какомъ это маршѣ?» — и пояснили, что собственно графъ Панинъ не дѣлалъ никакихъ *маршевъ*, что «онъ не былъ съ войсками, хотя и считался ихъ главнокомандующимъ, а жилъ въ своей деревнѣ». Что-жь тутъ невѣроятнаго? Вопервыхъ, странно было печатать подъ объявленіемъ: «дано на маршѣ», когда объявленіе это печаталось, какъ видно, въ Москвѣ или Петер-

бургѣ, а не на маршѣ, и вовторыхъ, Панинъ дѣйствительно жилъ въ своей деревнѣ въ самые горячіе дни того періода пугачовщины, который еще захватилъ Панинъ въ качествѣ главнокомандующаго.

Посмотримъ же, дѣйствительно ли Панинъ былъ «усмирителемъ пугачовщины», и такова ли была его дѣятельность, чтобы она давала право на память въ потомствѣ подъ великимъ именемъ «спасителя отечества».

Г. Анучинъ самъ сознается, что «первый актъ дѣятельности» Панина былъ — разосланное имъ объявленіе, по переходѣ Оки, 23-го августа! Первый актъ дѣятельности его совершился, такимъ образомъ, уже тогда, когда пугачовщина кончалась, когда «толпища» Пугачова, ошеломленныя первою крупною неудачею — отбитіемъ ихъ отъ Царицына, какъ бы сразу потеряли вѣру и въ свое призваніе и въ водившую ихъ на побѣды таинственную личность, и когда самъ Пугачовъ, послѣ первой крупной неудачи подъ Царицыномъ, какъ-будто самъ потерялъ вѣру въ себя и, махнувъ на все рукою, цѣлыя сутки пьянствовалъ въ шатрѣ съ своими любовницами, и въ эти одни сутки потерялъ все, что̀ пріобрѣлъ въ теченіе цѣлаго кроваваго года. Вотъ когда только графъ Панинъ проявилъ «первый актъ своей дѣятельности», то-есть когда уже было поздно и когда дѣятельность эта была уже никому не нужна. Да и какой это, впрочемъ, «актъ дѣятельности»? Объявленіе, которому никто не вѣрилъ и котораго никто не боялся. Въ теченіе кроваваго года народъ привыкъ къ этимъ объявленіямъ, какъ къ правительственнымъ, такъ и къ пугачовскимъ.

Сущность разосланнаго Панинымъ объявленія заключалась въ томъ, что онъ повелѣвалъ всѣхъ бунтующихъ крестьянъ «цѣлованьемъ евангелія и креста» утвердить въ повиновеніи начальникамъ и помѣщикамъ — и только. Да развѣ эту афишку можно назвать «актомъ дѣятельности»? Это объявленіе—не что иное, какъ угроза, напоминаніе о томъ, чтобы *впредь* того *не было*, что *было* да *прошло*, только безъ помощи Панина. Такія объявленія можно было писать только послѣ 21-го августа 1774 года, когда кровавая народная смута, пройдя чрезъ всѣ фазисы ужасовъ, уже улегалась сама собой, какъ бы отъ усталости, какъ улегается сама собой буря, сдѣлавъ свое естественное дѣло, какъ отливало море послѣ прилива, когда уже успѣло омочить ноги Канута, приказывавшаго бить кнутомъ разъяренныя волны.

Всѣ государственные дѣятели эпохи пугачовщины были не что иное, какъ Кануты, которые били кнутомъ по морю въ моментъ прилива.

Нѣсколько раньше объявленіе Панина не имѣло бы смысла. Но въ то время, когда оно писалось, въ Россіи уже вырабатывалось другое убѣжденіе — именно, что пугачовщина проходитъ, а потому и можно угрожать крестьянамъ, чтобъ они снова возвратились подъ помѣщиковъ. Въ разгаръ пугачовщины не- бы-

ло недостатка въ такихъ объявленіяхъ и «увѣщеваніяхъ»: они были и въ манифестахъ императрицы, и въ ордерахъ, и въ промеморіяхъ, читались и въ церквахъ, и на базарахъ — но не достигали своей цѣли.

Итакъ, первый актъ дѣятельности Панина проявился тогда только, когда пугачовщины въ сущности уже не было. Въ самый же разгаръ пугачовщины этотъ актъ дѣятельности былъ бы, по меньшей мѣрѣ, безполезенъ.

Во всей первой части своего изслѣдованія г. Анучинъ силится (и надо отдать ему справедливость, съ ревностію, достойной лучшаго дѣла) доказать благовидность «причинъ, непозволявшихъ графу Панину выѣхать изъ Москвы тотчасъ по полученіи увѣдомленія о назначеніи его главнокомандующимъ» (стр. 138).

Во всей этой части мы видимъ положительныя усилія автора натянуть факты на свой тезисъ; но въ то же время видимъ, что это ему положительно не удается. Наконецъ, мы даже согласны допустить, что причины эти достаточно благовидны, достаточно извинительны; но все-таки вопросъ не въ томъ: виноватъ или не виноватъ Панинъ въ своей медлительности: вопросъ въ томъ, былъ ли онъ въ нужное время на мѣстѣ дѣйствія? Не былъ, отвѣчаютъ факты, подобранные г. Анучинымъ. А когда не былъ на мѣстѣ рѣзни, то и усмирять ея не могъ. А отъ этого до спасенія отечества еще очень далеко.

Главное препятствіе для Панина къ выѣзду изъ Москвы — боязнь выѣхать безъ войска. Причина очень извинительная, но войскамъ, гонявшимся въ это время за Пугачовымъ, отъ этого было не легче. И если спасеніе отечества зависѣло отъ личности графа Панина, а не отъ тѣхъ мелкихъ единицъ, причинъ и явленій, изъ которыхъ слагается исторія, то Панину, сильному вѣрою въ самаго себя, нечего было выжидать войскъ, этихъ мелкихъ единицъ, этихъ Петровъ и Сидоровъ, которыхъ исторія не заноситъ на свои страницы. Вѣдь Панинъ былъ положенъ въ свой фамильный склепъ съ именемъ «спасителя отечества», а не тѣ Петры и Сидоры, легшіе въ свои безвѣстныя могилы, можетъ быть, безъ садановъ, а можетъ быть безъ ногъ и безъ рукъ, потерянныхъ ими для того, чтобы графу Панину можно было лечь въ свою историческую могилу съ когноменомъ «спасителя отечества». Вѣдь Суворовъ, зная силу своего имени, не побоялся же ѣхать къ Пугачову безъ войска.

Панинъ выѣхалъ изъ Москвы только *17 августа*. Указъ же о назначеніи его главнокомандующимъ состоялся, по свидѣтельству однихъ историковъ, 29 іюля, по другимъ — 19-го. Слѣдовательно, онъ промедлилъ въ Москвѣ или 19, или 29 дней! Даже г. Щебальскій, котораго г. Анучинъ почему-то не считаетъ въ числѣ недоброжелателей своего героя, Панина, вынужденъ былъ сказать по этому поводу: «нельзя не замѣтить здѣсь, что

графъ Панинъ не обнаружилъ въ этомъ случаѣ той быстроты, которой требовали обстоятельства» *.

По нашему мнѣнію, Россія и не нуждалась въ быстротѣ Панина. Дѣло дѣлалось безъ него, само собой, и безъ него же страшная машина, заведенная годъ тому назадъ, остановилась сама собой, когда улеглась сила, толкавшая приводъ машины, и когда поистерлись шестерни и колеса, да поломался становой валъ машины.

Какъ бы то ни было, Панинъ, наконецъ, выѣхалъ изъ столицы, чтобы ѣхать къ войску.

«Итакъ, не съ веселыми надеждами выѣзжалъ графъ Панинъ изъ Москвы—говоритъ г. Анучинъ на стр. 142-й, въ тирадѣ, не лишенной поэзіи и сентиментальности — тяжелыя мысли подавляли его. Онъ твердо рѣшился употребить самыя крайнія мѣры чтобы...» и т. д. Точно Панинъ самъ дѣлился съ г. Анучинымъ своими «чувствами» и «тяжелыми мыслями». Точно г. Анучинъ былъ въ душѣ у Панина и видѣлъ, на что онъ «твердо рѣшился». Намъ нѣтъ дѣла до того, что̀ чувствовалъ Панинъ, да историку едва-ли и нужно знать, «твердо ли рѣшился» Панинъ на то или другое. Историкъ обязанъ говорить не о томъ, на что кто рѣшился, а о томъ, что̀ кто *дѣлалъ* и что̀ *сдѣлалъ*.

Впрочемъ, г. Анучинъ самъ изобличаетъ, что Панинъ принималъ далеко не непосредственное участіе въ усмиреніи пугачовщины, и какъ ни рвался къ дѣятельности, дѣятельность ему не давалась въ руки.

Вотъ эти обличенія:

1) «Театръ военныхъ дѣйствій и войска, преслѣдовавшія Пугачова, были отдѣлены отъ него (Панина) на весьма значительное разстояніе» (сознаніе г. Анучина).

2) «Какъ ни спѣшилъ онъ (Панинъ) идти впередъ, обстоятельства требовали отъ него отдѣленія небольшихъ отрядовъ и приведенія окрестныхъ мѣстъ въ порядокъ», и потому «онъ самъ подвергался тѣмъ же самымъ задержкамъ, которыя прежде задерживали на пути графа Меллина и Михельсона» (гдѣ? когда?... Михельсонъ, гоняясь за Пугачовымъ, по дну рѣкъ таскалъ свои пушки, и скакалъ не хуже Пугачова).

3) «Графъ Панинъ, лишенный возможности руководить непосредственно военными дѣйствіями», предписывалъ только Михельсону «настойчиво преслѣдовать врага» (когда Михельсонъ это дѣлалъ уже и до назначенія Панина главнокомандующимъ, и послѣ, не выжидая его ордеровъ). Но льстя Михельсону, Панинъ прибавлялъ: «нашъ герой Михельсонъ ничего изъ виду не упуститъ» (стр. 143).

4) «Онъ (Панинъ) нашелъ нужнымъ дѣйствовать съ крайней энергіею» (стр. 144); а какъ дѣйствовалъ — неизвѣстно, потому

* Начало и характеръ пугачовщины, стр. 84.

что тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, г. Анучинъ говоритъ: «однако, какъ ни рвался Панинъ къ дѣятельности, она не могла начаться, *онъ не входилъ еще въ предѣлы подчиненнаго ему края*», то-есть не дошелъ еще до Оки!

Но вотъ прискакалъ къ нему Суворовъ—и Панинъ видимо скорѣе начинаетъ двигаться впередъ. Въ Шацкѣ онъ получилъ извѣстіе объ отбитіи Пугачова отъ Царицына, т.-е. о первой дѣйствительной побѣдѣ существующаго государственнаго порядка надъ анархіею, о побѣдѣ силы центростремительной надъ силою центробѣжною, — и только тутъ «въ первый разъ Панинъ примѣнилъ къ дѣлу одно изъ своихъ распоряженій»: сжегъ манифесты Пугачова.—Отчего же не раньше?

Но тутъ же представляется обстоятельство весьма сомнительнаго свойства. Оно заслуживаетъ того, чтобъ исторія поставила надъ нимъ «нота бене».

Въ Керенскѣ, 2-го сентября, Панинъ получилъ донесеніе Цыплетева объ отраженіи Пугачова отъ Царицына и «не только не наградилъ его, но и осыпалъ насмѣшками за то (?), что Цыплетевъ послалъ свое донесеніе одновременно и ему и самой императрицѣ» (146 стр.). За что же? За то, что не самъ Панинъ раньше Цыплетва, похвастался этою побѣдою передъ императрицею?

Дальнѣйшія обличенія неучастности Панина въ усмиреніи пугачовщины.

5) «Командировки войскъ (по окрестностямъ, гдѣ находился самъ Панинъ) заставили Панина значительно промедлить въ Керенскѣ», такъ что въ Нижній Ломовъ онъ прибылъ только 10 сентября, когда разбитый Пугачовъ давно уже метался за Волгою, какъ волкъ, загоняемый въ тенета.

6) Изъ Пензы Панинъ *поспѣшилъ* въ Симбирскъ, куда Суворовъ везъ уже Пугачова» (стр. 156).

Наконецъ, 7) самъ Панинъ не принималъ никакого участія въ направленіи войскъ, гонявшихся за Пугачовымъ, и поимка самозванца состоялась, такъ-сказать, мимо его»... (стр. 148).

Вообще, вся дѣятельность Панина заключалась въ разсылкѣ «увѣщеваній» и, «объявленій». Онъ велѣлъ то же дѣлать и синоду. Но въ силу «этихъ увѣщаній, по словамъ самаго же г. Анучина, мало вѣрили *даже* въ Петербургѣ», а въ мѣстностяхъ, которыя были расшатаны пугачовщиною, объявленія Панина «мало дѣйствія имѣли».

Гдѣ же эти «марши» Панина, сомнѣніе въ коихъ, выраженное въ нашемъ послѣднемъ изслѣдованіи о пугачовщинѣ, такъ обидѣло г. Анучина? Эти «марши» и въ настоящее время, несмотря на документы, опубликованные г. Анучинымъ, продолжаютъ оставаться подъ крѣпкимъ сомнѣніемъ.

Кто же дѣйствительно былъ усмирителемъ пугачовщины? — Никто.

Назначеніе Панина главнокомандующимъ послѣдовало тогда, когда пугачовщина начала уже издыхать сама собой. Пуга-

човъ, переправясь на правый берегъ Волги, уже самъ потерялъ вѣру въ свою несокрушимую силу. Онъ уже боялся идти на Москву. Онъ уже досмотрѣлъ своимъ зоркимъ, «страховитымъ» окомъ, что въ средѣ самыхъ близкихъ его сомятежниковъ гнѣздится измѣна. Перфильевъ продавалъ его въ Петербургѣ. Народная вѣра въ «подлинность» царя пошатнулась. Являются подставные цари—Фирска разбойникъ, Мосякинъ съ крестами на рукахъ, приказывающій одурѣвшему въ смутахъ народу пить царскія (т.-е. Мосякина) помои. Пугачовщина распадается на мелкія пугачовщины съ самостоятельными предводителями, обезумѣвшими отъ самовластія надъ обезумѣвшимъ народомъ. Пугачовъ бѣжитъ уже изъ Россіи, но въ своемъ бѣгствѣ становится еще страшнѣе, хотя послѣдніе ужасы въ сущности были предсмертныя корчи сильнаго звѣринаго организма, издыхавшаго въ мукахъ и тѣмъ свирѣпѣе терзавшаго свои жертвы. Убѣгая изъ Россіи и все предавая огню и жестокому истязанію (еслибы онъ надѣялся остаться въ Россіи и еслибы не считалъ свое дѣло проиграннымъ, онъ этого не дѣлалъ бы изъ боязни потерять репутацію «милостиваго» царя»), онъ еще надѣялся на помощь Дона. Но подъ Царицынымъ онъ увидѣлъ, что и донцы опрокинулись на него, и онъ былъ отбитъ. Съ отчаянья онъ махнулъ на все рукой и заперся въ шатрѣ съ любовницами, пьянствуя цѣлыя сутки, забывая, что Михельсонъ уже у него за спиною.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, не знаютъ этого, и ужасъ, нанесенный переходомъ за Волгу бѣгущаго Пугачова, усиливается. Въ Петербургѣ только слышится страшное рыканіе издыхающаго звѣря, но тамъ еще не знаютъ, что звѣрь издыхаетъ, и императрица пишетъ къ Потемкину, что она не желала бы назначить Панина главнокомандующимъ, что назначеніемъ этимъ «я сама ни малѣйше не сбережена (говоритъ императрица), что предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля, и мнѣ персонально оскорбителя, побоясь Пугачова, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю» *.

И вотъ въ это время является Панинъ, когда уже никого не нужно было. Толпище Пугачова могли добивать отряды Михельсона, Мансурова, Муфеля и казацкія пики донцовъ — пугачовцы сами шли съ повинною къ начальству, потому что ѣсть было нечего: начался голодъ!

Вмѣсто полководцевъ и войскъ требовались уже только канаты, на которыхъ пугачовцовъ возвращали домой, да хлѣбъ, который прокормилъ бы голодающую Россію.

Такимъ образомъ, ужь если нужно кого-нибудь назвать усмирителемъ пугачовщины — такъ это голодъ. Вообще же усмирителемъ пугачовщины не былъ никто, а всего менѣе графъ Панинъ.

Д. Мордовцевъ.

---

* Лебедевъ, Щебальскій.

СТОЛКНОВЕНІЯ МЕЖДУ СУДОМЪ И АДМИНИСТРАЦІЕЙ.

Съ нѣкотораго времени въ обществѣ стали ходить слухи, проникшіе даже въ иностранную печать, будто въ Петербургѣ составлена коммисія съ цѣлью, въ интересахъ административной власти, устранить столкновенія, происходящія между новымъ судомъ и администраціей. На сколько эти слухи справедливы — намъ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ они даютъ намъ поводъ разсмотрѣть причины и характеръ тѣхъ столкновеній, которыя дѣйствительно происходили между судебнымъ и административнымъ вѣдомствами. Собственно говоря, это вовсе не были столкновенія въ буквальномъ смыслѣ слова; то, что̀ называлось и называется этимъ именемъ — въ сущности не что иное, какъ простыя разногласія во взглядахъ суда и администраціи при оцѣнкѣ извѣстныхъ вопросовъ и фактовъ. Но такъ-какъ въ этихъ разногласіяхъ усматривалась какая-то преднамѣренность, то имъ и было придано значеніе настоящихъ столкновеній, требующихъ немедленнаго устраненія.

Какъ бы то ни было, но эти разногласія или столкновенія — явленіе очень недавнее въ Россіи, замѣченное только со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ: до тѣхъ поръ ни о какихъ столкновеніяхъ между судомъ и администраціей не было слышно. Это, впрочемъ, и понятно: нашъ старый судъ и администрація не представляли между собою тѣхъ различій какъ по существу дѣла, такъ и по формѣ, какія мы замѣчаемъ между ними въ настоящее время. Благодаря отсутствію гласности и другихъ существенныхъ принадлежностей новаго суда, судъ старый былъ построенъ на одинаковомъ съ администраціей принципѣ — именно, на принципѣ личнаго «усмотрѣнія». Въ основаніе его не было положено тѣхъ твердыхъ началъ, которыя не зависятъ отъ воли того или другого лица, а составляютъ неотъемлемую принадлежность, необходимыя звенья цѣлой судебной системы. Кромѣ того, въ очень многихъ случаяхъ судъ непосредственно сливался съ администраціей, которой часто принадлежала весьма значительная доля судебной власти. При такихъ условіяхъ, очевидно, не могло происходить никакихъ столкновеній или разногласій между двумя вѣдомствами; «пререканія», если они иногда и слу-

*

чались, не выходили изъ сферы чисто личныхъ отношеній и никакъ не могли быть предметомъ серьёзнаго «вопроса», подлежащаго разсмотрѣнію какой бы то ни было коммисіи. Устраненіе этихъ пререканій совершалось тѣмъ же частнымъ, домашнимъ путемъ, какъ и возникновеніе ихъ. Тутъ не было и не могло быть никакихъ жалобъ съ той или другой стороны, имѣвшихъ общее значеніе; тутъ не происходило борьбы изъ-за принциповъ, изъ-за размѣровъ власти, предоставленныхъ тому или другому вѣдомству по отношенію къ данному вопросу; словомъ, тутъ были возможны исключительно личныя столкновенія.

Новые судебные уставы совершенно измѣнили это патріархальное положеніе дѣлъ. Съ одной стороны, они провели рѣзкое различіе между властью судебною и административною; съ другой—организовали судебную власть такимъ образомъ, что поставили ее, вообще говоря, внѣ всякой зависимости отъ вліянія того или другого лица, тѣхъ или другихъ частныхъ соображеній. Этимъ послѣднимъ своимъ качествомъ новый судъ обязанъ по преимуществу учрежденію кассаціоннаго сената. Еслибы судебныя мѣста дозволяли себѣ, при рѣшеніи извѣстныхъ дѣлъ, руководствоваться не закономъ, а личнымъ усмотрѣніемъ, то ихъ приговоры не имѣли бы законной силы и уничтожались бы сенатомъ. Въ свою очередь и кассаціонный сенатъ поставленъ въ такое положеніе, что ему *необходимо* руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ точнымъ смысломъ закона, а не какими либо посторонними соображеніями. Такъ-какъ его рѣшенія печатаются для всеобщаго свѣдѣнія и служатъ руководствомъ для всѣхъ судебныхъ мѣстъ имперіи, то одно неправильное рѣшеніе непремѣнно отразится на всѣхъ послѣдующихъ однородныхъ случаяхъ.

Относительно упомянутаго нами разграниченія между судомъ и администраціей, установленнаго судебными уставами, хотя остается еще желать довольно многаго, но во всякомъ случаѣ это разграниченіе уже и теперь весьма значительно. Правда, въ примѣчаніи ко 2-й ст. учрежд. судебн. уст. говорится, что «судебная власть духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, крестьянскихъ и инородческихъ судовъ опредѣляется *особыми* о нихъ постановленіями»; правда, что нѣкоторые изъ этихъ спеціальныхъ судовъ совмѣщаютъ въ себѣ власти и судебную, и административную; тѣмъ не менѣе, у администраціи отнята весьма значительная доля принадлежавшей ей прежде судебной власти, а полиція, напримѣръ, и совершенно лишена тѣхъ правъ, какими она пользовалась, какъ низшая судебная инстанція. Именно, до введенія судебно-мироваго института полиція пользовалась слѣдующими правами по дѣламъ, подлежащимъ судебному разбирательству: она вѣдала проступки, за которые въ уставѣ о наказаніяхъ опредѣлено денежное взысканіе до пятнадцати рублей — такихъ проступковъ очень большое число; «учинив-

шаго маловажное преступленіе полиція брала подъ стражу»; она имѣла право сама возбуждать и рѣшать дѣла по такимъ преступленіямъ; она производила слѣдствія по болѣе важнымъ преступленіямъ, подсуднымъ высшимъ судамъ, и т. д. Въ области гражданскаго права полиція точно также пользовалась довольно значительною властью: «всякая обида и всякій ущербъ въ частныхъ имуществахъ пресѣкались дѣйствіемъ полиціи»; по дѣламъ маловажнымъ, она же опредѣляла и цифру убытковъ; «всякаго рода денежныя обязательства, залогомъ и закладомъ необезпеченныя, на сумму не свыше 30 рублей, предъявлялись ко взысканію прямо становому или городскому приставу, а на сумму не свыше 500 рублей уѣздному исправнику или полицеймейстеру по принадлежности», и т. д. Какъ ни незначительны эти дѣла сами по себѣ, но они придавали полиціи такое значеніе, какимъ она уже не пользуется въ настоящее время, по введеніи судебныхъ уставовъ. Рѣшая многія дѣла окончательно, полиція считала себя въ сферѣ этихъ дѣлъ полнымъ господиномъ. За неисполненіе требованій закона она ни передъ кѣмъ не отвѣчала, такъ-какъ они были выражены въ слишкомъ общей формѣ. Напримѣръ, законъ говорилъ, что взявъ кого либо подъ стражу за маловажное преступленіе, полиція обязана, «нимало не медля», разобрать, дѣйствительно ли произошелъ такой-то случай или нѣтъ, допросить обвиняемаго и свидѣтелей и т. д., «стараясь прилежно объ узнаніи истины». Но въ сущности, полиція ни передъ кѣмъ не отвѣчала, если даже и весьма медлила при производствѣ дѣлъ, если люди сидѣли у нея цѣлые годы подъ арестомъ за какіе нибудь пустяки и если она нимало не старалась объ узнаніи истины. Такимъ образомъ, подобныя общія требованія закона ничѣмъ не отличались отъ предписаній жить всѣмъ въ мирѣ и согласіи, оказывать каждому почтеніе и уваженіе по его заслугамъ и званію и т. д. Облеченная, такимъ образомъ, судебною властью и ни передъ кѣмъ de facto не отвѣтственная, полиція привыкла вести дѣло спустя рукава и руководствоваться не закономъ, а именно своимъ личнымъ усмотрѣніемъ. Вотъ почему, когда были введены новыя судебныя учрежденія, точно опредѣлявшія порядокъ судопроизводства отъ самой высшей инстанціи до самой низшей и полиція лишилась принадлежавшихъ ей правъ, — стали происходить столкновенія между полиціей, сохранившей свои старыя привычки, и мировымъ институтомъ, построеннымъ на совершенно новыхъ началахъ.

Со введеніемъ судебныхъ уставовъ, полиція не только лишилась прежнихъ своихъ правъ въ качествѣ судебной инстанціи, но, какъ мы сейчасъ замѣтили, стала отчасти въ подчиненіе къ прокурорской власти и мировымъ судьямъ, при чемъ роль ея сдѣлалась почти исключительно исполнительной. «Полиція, говоритъ 483 ст. уст. угол. суд., дѣйствіями своими по производству предварительнаго слѣдствія должна оказывать дѣятель-

ное пособіе судебнымъ слѣдователямъ и лицамъ прокурорскаго надзора въ раскрытіи обстоятельствъ дѣла, не дозволяя себѣ ни медленности, ни превышенія или бездѣйствія власти»; «полицейскіе чины (ст. 485) за упущенія и безпорядки по слѣдственной части *привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ*, подъ наблюденіемъ коего слѣдствіе производилось. Смотря по важности упущеній и безпорядковъ, прокуроръ или только предостерегаетъ неисправныя лица, или *предлагаетъ дѣйствія ихъ на разсмотрѣніе суда*, при коемъ онъ состоитъ», и т. д. Почти въ такое же положеніе поставлена полиція и относительно мировыхъ судей. Судья можетъ поручать полиціи собраніе свѣдѣній по извѣстнымъ дѣламъ; «въ случаѣ неисполненія полиціей обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мироваго судьи, сему послѣднему предоставляется дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, и о важныхъ съ ихъ стороны упущеніяхъ сообщать прокорору или его товарищу» (ст. 53). Полиція имѣетъ право брать подозрѣваемыхъ въ извѣстныхъ преступленіяхъ подъ стражу, но не иначе, какъ въ случаяхъ, точно опредѣленныхъ закономъ; въ этомъ отношеніи дѣйствія ея также подлежатъ контролю со стороны прокуроской власти и судей, и «каждый судья и каждый прокуроръ, говоритъ 10 ст. устава, который въ предѣлахъ своего участка или округа удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы»; точно также, если судья или прокуроръ узнаетъ, что кто нибудь содержится не въ подлежащемъ мѣстѣ заключенія, то они обязаны принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ. Наконецъ, полиціи предоставлено въ извѣстныхъ случаяхъ непосредственно возбуждать преслѣдованіе у мировыхъ судей; но и здѣсь законъ точно опредѣлилъ правила, безусловно обязательныя для полиціи, безъ соблюденія которыхъ мировой судья можетъ даже не принять дѣла къ разсмотрѣнію. Такъ напримѣръ, «въ сообщеніяхъ мировому судьѣ, какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, полицейскія и другія административныя власти должны указывать: 1) когда и гдѣ преступное дѣйствіе совершено; 2) на кого падаетъ подозрѣніе и какія на то есть доказательства; 3) имѣются ли въ виду гражданскій истецъ или свидѣтели, и 4) мѣсто жительства всѣхъ означенныхъ лицъ» (ст. 50). При этихъ сообщеніяхъ полиція имѣетъ право приводить къ судьѣ обвиняемыхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда 1) застигнутый при совершеніи проступка неизвѣстенъ полиціи и не представитъ удостовѣренія о своемъ имени, фамиліи и мѣстѣ жительства, и 2) когда по дѣламъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыя въ законѣ опредѣлено заключеніе въ тюрьмѣ, есть поводъ опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожитъ слѣди преступнаго дѣйствія.

Мы вошли въ нѣкоторыя подобности относительно роли и

обязанностей полицейской власти по опредѣленію судебныхъ уставовъ, потому что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ статей служили въ разное время поводомъ къ столкновеніямъ между полиціей и мировыми судьями. Эти столкновенія, какъ мы сейчасъ увидимъ, происходили оттого, что полицейскіе чины, придерживаясь старыхъ привычекъ, не считали для себя обязательными требованія судебныхъ уставовъ, которыхъ весьма строго придерживались мировые судьи. Для доказательства, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Передъ однимъ изъ петербургскихъ мировыхъ судей стоитъ подсудимый, обвиняемый полиціей въ прошеніи милостыни по лѣни и привычкѣ къ праздности. Онъ уже шесть мѣсяцевъ содержится подъ арестомъ въ разныхъ полицейскихъ частяхъ. Дѣло было возбуждено управой благочинія, потомъ переходило къ нѣсколькимъ участковымъ приставамъ и наконецъ доставлено, вмѣстѣ съ подсудимымъ, къ судьѣ; но никакого протокола при дѣлѣ не имѣется, подсудимый же виновнымъ себя не признаетъ. Мировой судья дѣлаетъ такое постановленіе: «въ виду того, что подсудимый обвиняется полиціей въ прошеніи милостыни — въ проступкѣ, отнесенномъ закономъ къ разряду нарушенія благочинія, порядка и спокойствія; что по такимъ усмотрѣннымъ полиціей нарушеніямъ она обязана составлять протоколы установленнымъ порядкомъ; что въ настоящемъ случаѣ не только этотъ порядокъ не соблюденъ ею, но въ сообщеніи полиціи не указано даже, когда, гдѣ, въ присутствіи кого совершонъ подсудимымъ проступокъ, подавшій поводъ къ долговременному содержанію его подъ стражею — оставить сообщеніе полиціи безъ послѣдствій, а подсудимаго, содержавшагося въ части безъ законнаго основанія, за силою 8 ст. уст. уг. суд., освободить изъ подъ стражи».

Другой примѣръ, однородный съ вышеприведеннымъ. Къ мировому судьѣ поступило прошеніе отъ одного изъ содержащихся при полиціи съ просьбой освободить его, какъ несправедливо заключеннаго, изъ-подъ ареста. При разбирательствѣ этого дѣла обнаружилось слѣдующее: получивъ отъ заключеннаго (Иванова) упомянутое прошеніе, судья потребовалъ отъ смотрителя полицейскаго дома свѣдѣній, за что и по чьему постановленію содержится Ивановъ подъ стражею. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что Ивановъ содержится «не въ видѣ арестанта», по административному распоряженію оберъ-полицеймейстера; болѣе подробныхъ свѣдѣній смотритель не могъ сообщить. Тогда судья лично отправился въ часть и потребовалъ всю переписку о Ивановѣ. Ему предъявили: протоколъ о прошеніи Ивановымъ милостыни и телеграмму полицеймейстера, полковника Сверчкова, слѣдующаго содержанія: «генералъ приказалъ здѣшнихъ мѣщанъ и ремесленниковъ, взятыхъ за прошеніе милостыни, содержать при полицейскихъ домахъ впредь до особаго распоряженія». Разсмотрѣвъ эти бумаги и допросивъ, при разбиратель-

ствѣ дѣла, самаго Иванова и помощника пристава Меларта, составившаго протоколъ о прошеніи Ивановымъ милостыни, судья постановилъ слѣдующее: «принимая во вниманіе, что Ивановъ заключенъ подъ стражу безъ всякаго о задержаніи его постановленія — и обвинялся только въ прошеніи милостыни; что, по роду этого проступка, полиція, по закону, не имѣла права заключать его подъ стражу, ибо проступокъ этотъ, на основаніи 33 ст. уст. уг. суд. и 49 ст. уст. о наказ., преслѣдуется исключительно мировымъ судомъ; полиція же, обнаруживъ такой проступокъ, обязана, въ силу 49 ст. уст. уг. суд., сообщать о немъ на распоряженіе мироваго судьи, а по 51 ст. она можетъ задержать обвиняемаго, но только для одного привода къ судьѣ; что г. Мелартъ, составивъ 3 мая протоколъ о прошеніи Ивановымъ милостыни, по 23 іюня ни его не передалъ судьѣ, ни обвиняемаго къ нему не представилъ; что во время содержанія подъ стражею Иванова, его личность была удостовѣрена въ 4 участкѣ Спасской части и его паспортъ находился въ рукахъ полиціи, а за сими мѣрами дальнѣйшее содержаніе подъ стражею не можетъ быть объяснено и принятіемъ противъ него полиціею мѣръ къ пресѣченію ему способовъ уклоняться отъ суда по сему проступку, такъ-какъ это, по 77 ст. уст. уг. суд., лежитъ на обязанности суда, а отнюдь не полиціи; что по 8 ст. того же устава, *никто* не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, но Ивановъ ни подъ одинъ изъ нихъ не подходитъ, а за проступокъ, въ которомъ Ивановъ обвиняется полиціей, онъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава уг. суд., а потому, за силою 1 ст. этого устава, онъ въ настоящее время вовсе не можетъ подлежать отвѣтственности; наконецъ, что неисполненіе г. Мелартомъ обязанностей, возложенныхъ на него закономъ по преслѣдованію проступка, въ которомъ обвиняется Ивановъ, и заключеніе его, Иванова, подъ стражу, основанныя имъ, какъ онъ объясняетъ, на распоряженіи, изложенномъ въ депешѣ полицеймейстера 1-го отдѣленія, не заслуживаютъ уваженія, потому что распоряженіе это не можетъ собою отмѣнять дѣйствія высочайше-утвержденныхъ судебныхъ уставовъ и изложенныхъ въ нихъ правилъ о порядкѣ исполненія и производства требованій лицъ, обвиняемыхъ въ проступкахъ, подобныхъ тому, въ какомъ обвиняется Ивановъ, судья опредѣлилъ: «Иванова отъ суда освободить, а о дѣйствіяхъ полиціи, какъ противузаконныхъ, сообщить прокурору окружнаго суда».

Еще примѣръ по дѣлу иного характера — о мѣщанахъ Паниныхъ, обвинявшихся въ буйствѣ и нанесеніи обиды дѣйствіемъ городовому Разумихину. Вотъ извлеченіе изъ протокола судьи по этому дѣлу. Разсматривая обстоятельства дѣла, судья нашелъ, что городовой Разумихинъ, возвращаясь изъ обхода къ себѣ на квартиру, въ томъ же домѣ Зайцева, гдѣ были Па-

нины, услышалъ въ квартирѣ Зайцева шумъ. Не будучи никѣмъ приглашенъ къ прекращенію этого шума, городовой однакоже вошелъ въ квартиру, увидѣлъ тамъ дочь домовладѣльца и бывшихъ у нея въ гостяхъ Паниныхъ, споривишхъ между собою, а въ кухнѣ замѣтилъ разведенный самоваръ. Приказавъ потушить самоваръ, городовой пригласилъ Паниныхъ удалиться изъ квартиры Зайцевыхъ, хотя его объ этомъ никто не просилъ. Когда Панины не послушались, тогда городовой пригласилъ къ себѣ другого городоваго и ночнаго сторожа, при помощи которыхъ вывелъ Паниныхъ на улицу за ворота дома и заперъ за ними калитку, оставшись самъ во дворѣ того дома. Изъ дѣла также не видно, чтобы Разумихинъ былъ уполномоченъ къ прекращенію шума въ квартирѣ Зайцева своимъ начальствомъ. «Повѣренный отъ полиціи объяснилъ, что прекращеніе шума въ ночное время въ квартирѣ Зайцева входило въ кругъ служебныхъ обязанностей городоваго, указавъ на 1 и 2 параграфы изданной московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ инструкціи». Но соображая указанія, заключающіяся въ этихъ параграфахъ, съ послѣдующими, мировой судья заключилъ, что «полицейскіе городовые обязаны наблюдать лишь за сохраненіемъ *наружнаго* порядка, а подъ нарушеніемъ тишины и спокойствія законъ разумѣетъ совершеніе такихъ дѣйствій въ публичныхъ мѣстахъ, а не въ квартирѣ частныхъ лицъ, и слѣдовательно, мѣры къ прекращенію шума въ квартирѣ частныхъ лицъ могутъ быть принимаемы только по приглашенію самихъ этихъ лицъ, а не по собственному усмотрѣнію городовыхъ. Изъ дѣла также видно, что Разумихинъ въ описанное время не находился на посту, а возвращался изъ обхода къ себѣ на квартиру въ домъ Зайцева, и, по выводѣ Паниныхъ изъ квартиры домовладѣльца, заперевъ за ними ворота, остался тамъ же, не представивъ ихъ въ то же время въ контору квартала для дознанія». Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, мировой судья вывелъ заключеніе, что Разумихинъ не былъ въ данномъ случаѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей, а потому обвиненіе Паниныхъ въ томъ проступкѣ, на который указывала полиція, не можетъ имѣть мѣста. Вслѣдствіе этого, мировой судья приговорилъ: «мѣщанъ Паниныхъ отъ отвѣтственности передъ судомъ признать свободными, предоставивъ городовому Разумихину право искать съ Паниныхъ за обиду словами и дѣйствіемъ, какъ частному лицу». Такое же постановленіе сдѣлалъ и мировой съѣздъ, куда перешло дѣло по апелляціонной жалобѣ полиціи.

Приведенные примѣры, число которыхъ можетъ быть увеличено до гораздо бо̀льшихъ размѣровъ, указываютъ только на одинъ родъ столкновеній между судомъ и администраціей, причина которыхъ очевидно сама по себѣ: полиція, придерживаясь прежнихъ привычекъ, усматриваетъ преступленія или проступки въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя ничего въ себѣ преступнаго не

заключаютъ и не подходятъ ни подъ какую статью устава о наказаніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она, при заарестованіи подозрѣваемыхъ ею личностей, руководствуется не законными основаніями, а личнымъ усмотрѣніемъ; напротивъ, мировые судьи, обязанные строго придерживаться судебныхъ уставовъ, руководствуются исключительно ими одними, не принимая и не имѣя права принимать въ разсчетъ никакихъ соображеній, можетъ быть и уважительныхъ съ точки зрѣнія администраціи.

Но причиной гораздо болѣе важныхъ столкновеній — по крайней мѣрѣ, по взгляду администраціи, — оказалась 29-я ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Эта статья опредѣляетъ извѣстное наказаніе «за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій». Полиція толковала эту статью такимъ образомъ, что всякое ея распоряженіе есть уже потому законное, что исходитъ отъ полиціи и что, слѣдовательно, если полицейская власть представляетъ суду лицо, неисполнившее какихъ бы то ни было ея распоряженій, то это лицо во всякомъ случаѣ подлежитъ отвѣтственности. Полиція никакъ не предполагала, что мировые судьи, прежде постановленія приговора по такимъ дѣламъ, будутъ входить въ обсужденіе того, насколько данное распоряженіе полицейской власти законно и обязательно къ исполненію. Между тѣмъ судьи понимали ст. 29-ю иначе и взглядъ ихъ, какъ мы покажемъ ниже, былъ признанъ правильнымъ со стороны кассаціоннаго суда. Приведемъ нѣсколько примѣровъ столкновеній этого рода.

Полиція однажды обвиняла содержателя питейнаго заведенія Осмолоткина въ томъ, что онъ, *будучи обязанъ подпиской* не впускать въ заведеніе низшихъ воинскихъ чиновъ, нарушилъ это обязательство по отношенію къ какому-то писарю военнаго вѣдомства. Видя въ этомъ неисполненіе законныхъ распоряженій полиціи, она проситъ поступить съ виновнымъ по закону. Разсмотрѣвъ это дѣло, выслушавъ показанія свидѣтелей и самого подсудимаго, судья потребовалъ отъ полиціи доказательства, что ея требованіе дѣйствительно законно; но полиція не удовлетворила этого требованія. Тогда судья постановилъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующее рѣшеніе: хотя нижнимъ воинскимъ чинамъ и запрещается входить въ питейныя заведенія, но въ законахъ нигдѣ нѣтъ указанія о томъ, чтобы содержатели питейныхъ заведеній обязаны были не пускать въ свои заведенія нижнихъ чиновъ и за противное подвергались бы отвѣтственности; съ другой стороны, частныя лица подлежатъ взысканію за неисполненіе не всѣхъ, а однихъ только законныхъ требованій полиціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ обязана представлять суду доказательства, подтверждающія законность ея пребованій, чего въ настоящемъ случаѣ она не сдѣлала. А такъ-какъ, по закону, обвиняемый подлежитъ наказанію только тогда, когда

обвинитель *докажетъ* свое обвиненіе, то судья и призналъ Осмолоткина по настоящему дѣлу оправданнымъ.

Другое подобнаго же рода дѣло производилось по обвиненію турецкаго подданнаго Ивана Савельева и мѣщанина Ивана Сафонова «въ назойливомъ и докучливомъ запрашиваніи пріѣзжихъ въ квартиры свои». При разборѣ этого дѣла оказалось, что состоящій въ штатѣ петербургской полиціи и при станціи Николаевской желѣзной дороги представилъ мировому судьѣ протоколъ о неисполненіи помянутыми лицами полицейскихъ требованій, несмотря на данныя ими подписки. Эти лица, будучи содержателями меблированныхъ комнатъ, приглашали пріѣзжихъ къ себѣ на квартиру и этимъ докучали имъ; полицейскій протоколъ прибавляетъ, что Савельевъ и Сафоновъ не имѣли права входа на станцію, что они два раза уже были задержаны за подобный запросъ пріѣзжающихъ и обязаны подпиской не являться больше на станцію. На судоговореніи, обвиняемыя лица заявили, что они хотя и дали подписки по требованію полиціи, но считали себя вправѣ не подчиняться въ этомъ случаѣ ея распоряженіямъ, какъ незаконнымъ и совершенно произвольнымъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, судья обратилъ вниманіе на то, что чиновникъ полиціи, обвиняя Савельева и Сафонова, не указалъ не только закона, на основаніи котораго входъ въ вокзалъ желѣзной дороги для приглашенія проѣзжающихъ составляетъ проступокъ, но даже не объяснилъ, какими данными онъ руководствовался, отбирая отъ обвиняемыхъ подписку о непоявленіи ихъ въ вокзалѣ, тѣмъ болѣе, что входъ въ вокзалъ никому не воспрещенъ и что многимъ содержателямъ меблированныхъ комнатъ дозволяется и теперь являться на станцію. Обращаясь затѣмъ къ уставу о наказаніяхъ, судья не нашелъ въ немъ ни одной статьи, подходящей къ настоящему случаю. Кругъ же вѣдомства и предѣлы власти полиціи хотя опредѣлены съ достаточной подробностью въ 1-й ч. II т. Св. Зак., но и тамъ нѣтъ указанія, чтобы полиція могла ограничивать права однихъ и въ то же время расширять по тому же предмету права другихъ. Поэтому, коль скоро предъявленное требованіе или не основано на законѣ, или выходитъ изъ круга вѣдомства или власти требующаго, то неисполненіе его не можетъ почитаться преступленіемъ, хотя бы обвиняемый и изъявилъ самъ согласіе на исполненіе онаго и даже далъ въ томъ подписку, ибо интересы права публичнаго не подчиняются частному произволу, и частное соглашеніе не можетъ ни создать проступка, ни уничтожить существующаго. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мировой судья нашелъ, что требованіе, предъявленное полиціей Савельеву, не можетъ быть признано законнымъ, почему и призналъ ихъ по суду оправданными.

Для окончательной характеристики столкновеній, обусловленныхъ вышеупомянутой 29-й ст. уст. о наказ., налагаемыхъ ми-

ровыми судьями, мы приведемъ еще одно дѣло подобнаго же рода, обратившее на себя общее вниманіе, какъ потому, что касалось всѣхъ домовладѣльцевъ Петербурга, такъ и потому, что въ этомъ столкновеніи участвовало высшее полицейское начальство. Мы говоримъ о совершенно однородныхъ дѣлахъ почетнаго гражданина Иконникова и д. ст. сов. Яковлева, обвинявшихся въ неосвѣщеніи въ ихъ домахъ лѣстницъ. По совершенной однородности этихъ дѣлъ, мы будемъ говорить только объ одномъ изъ нихъ.

Одинъ изъ околодочныхъ надзирателей составилъ протоколъ о томъ, что черныя лѣстницы въ домѣ Иконникова не освѣщаются, несмотря на то, что ему былъ объявленъ по этому поводу приказъ г. оберъ-полицеймейстера и онъ далъ подписку съ обязательствомъ исполнять этотъ приказъ. Протоколъ былъ переданъ мировому судьѣ. Однакоже Иконниковъ виновнымъ себя не призналъ, основываясь на томъ, что въ его домѣ освѣщеніе лѣстницъ не введено въ число расходовъ при опредѣленій оцѣночнаго сбора въ доходъ города, отчего сборъ этотъ производится въ большемъ количествѣ, нежели бы требовалось при принятіи въ разсчетъ расхода на освѣщеніе лѣстницъ, и т. д. Мировой судья, принявъ во вниманіе, что закономъ не устанавляется юридической обязанности частныхъ лицъ освѣщать лѣстницы внутри своихъ домовъ, Иконникова отъ всякаго взысканія освободилъ. На этотъ приговоръ полиція изъявила неудовольствіе и товарищъ прокурора подалъ отзывъ, въ которомъ онъ говоритъ, что распоряженіе оберъ-полицеймейстера объ освѣщеніи лѣстницъ послѣдовало для предупрежденія несчастныхъ случаевъ и охраненія, такимъ образомъ, общественной безопасности; что такого рода распоряженія составляютъ, по закону, прямую обязанность высшаго полицейскаго начальства столицы; что это распоряженіе, будучи распубликовано въ установленномъ порядкѣ и объявленное съ подпискою домовладѣльцамъ, для нихъ обязательно, пока не отмѣнено подлежащею властью; что представленный мировому судьѣ протоколъ полиціи съ подпискою Иконникова служитъ совершеннымъ доказательствомъ, что онъ подчиняется этому распоряженію и что слѣдовательно виновенъ въ неисполненіи законныхъ распоряженій полицейской власти, и т. д. Но мировой съѣздъ рѣшилъ дѣло точно также, какъ и судья, признавъ Иконникова невиновнымъ и оставивъ отзывъ товарища прокурора безъ послѣдствій. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора подалъ протестъ въ уголовный кассаціонный департаментъ сената. И не только сенатъ призналъ рѣшеніе съѣзда правильнымъ, но и оберъ-прокуроръ высказался въ томъ же смыслѣ. Не имѣя еще въ рукахъ полнаго рѣшенія кассаціоннаго департамента (замѣтимъ мимоходомъ, что эти рѣшенія вообще выходятъ слишкомъ несвоевременно), мы ограничимся выпискою изъ заключенія оберъ-прокурора. Онъ поставилъ для разрѣшенія слѣдующіе два вопроса: «во 1-хъ, имѣлъ

ли мировой съѣздъ право войти въ обсужденіе законности сдѣланнаго начальникомъ петербургской полиціи распоряженія объ освѣщеніи черныхъ лѣстницъ, и во 2-хъ, если имѣлъ это право, то правильно ли призналъ распоряженіе это выходящимъ изъ предѣловъ вѣдомства и власти петербургскаго оберъ-полицеймейстера?» Ссылаясь на точный смыслъ закона и рѣшенія сената, оберъ-прокуроръ заключилъ, что «судебныя мѣста обязаны постановлять приговоры о наказаніи за неисполненіе требованій административныхъ учрежденій въ такомъ только случаѣ, когда требованіе законно, а потому естественно, что судъ не имѣетъ никакой возможности обойти безъ разсмотрѣнія тѣ данныя, на которыхъ основывается удостовѣреніе законности той или другой мѣры, того или другаго распоряженія.... Если власть, предъявляющая какое либо требованіе, основываетъ его на толкованіи закона, то не можетъ быть отказано въ такомъ же истолкованіи закона судебной власти въ томъ случаѣ, когда къ суду этой власти обращаются о взысканіи за неисполненіе подобнаго требованія. Иначе судебная власть въ дѣлахъ этого рода была бы лишена самого существеннаго своего права — опредѣленія виновности или невиновности обвиняемаго. Право это перешло бы къ власти административной, суду же оставалось бы только опредѣлить наказаніе по требованію обвинителя, что̀, очевидно, несовмѣстно ни съ достоинствомъ, ни съ существомъ судебной власти». Переходя затѣмъ ко второму вопросу — не выходило ли распоряженіе оберъ-полицеймейстера изъ круга его власти, оберъ-прокуроръ замѣтилъ, между прочимъ, что «судебная власть не можетъ по своему усмотрѣнію расширять или стѣснять кругъ законныхъ мѣръ, основываясь на какихъ либо иныхъ соображеніяхъ, кромѣ точнаго смысла законовъ, тѣмъ болѣе, что отъ самой полицейской власти зависитъ исходатайствовать установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе на принятіе той или другой чрезвычайной мѣры, непредусмотрѣнной закономъ, но признаваемой ею необходимою». Соображая сдѣланное петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ распоряженіе объ освѣщеніи лѣстницъ съ существующими законами, оберъ-прокуроръ находитъ, «что распоряженіе это, по своей практичности и по преслѣдуемой имъ цѣли, несомнѣнно заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія, но при всемъ томъ нельзя отрицать, что по способу приведенія этого распоряженія въ исполненіе, оно не соотвѣтствовало требованіямъ закона. Такъ-какъ этимъ распоряженіемъ возлагалась на городскихъ обывателей новая повинность, неустановленная закономъ, то прежде приведенія этого распоряженія въ исполненіе, необходимо было разрѣшеніе законодательной власти». Вслѣдствіе этихъ и многихъ другихъ, опущенныхъ нами соображеній, оберъ-прокуроръ полагалъ оставить протестъ товарища прокурора безъ послѣдствій, съ чѣмъ, какъ мы замѣтили, и согласился кассаціонный департаментъ сената. Этимъ рѣшеніемъ еще разъ подтвердилось — и на весьма крупномъ фактѣ —

толкованіе сенатомъ 29-й ст. уст. о наказаніяхъ, встрѣчавшееся и въ прежнихъ его рѣшеніяхъ, напр. № 14-й 1867 года, гдѣ прямо говорится, что «судъ имѣетъ право подвергать взысканію виновныхъ въ неисполненіи *лишь законныхъ* требованій полиціи; что полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана по требованію суда представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованій, и что эти доказательства судъ имѣетъ право уважить или признать недостаточными». Такимъ образомъ, полиція, по примѣненію 29-й статьи, сталкивалась не съ личнымъ произволомъ того или другого судьи, но съ однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго судопроизводства.

Съ общими судебными мѣстами у полиціи происходили столкновенія по поводу производства ею нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По судебнымъ уставамъ, полиціи предоставлено право нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣйствій только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда слѣдователь не можетъ прибыть своевременно къ мѣсту происшествія, когда жизнь важныхъ свидѣтелей преступленій находится въ опасности и т. д.; вообще же полиція производитъ только дознанія; при этомъ всѣ нужныя ей свѣдѣнія она собираетъ посредствомъ розысковъ, словесными разспросами и негласнымъ наблюденіемъ, не производя ни обысковъ, ни выемокъ въ домахъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаяхъ производя ли только дознаніе или совершая нѣкоторыя дѣйствія, вообще предоставленныя судебнымъ слѣдователямъ, полиція обязана строго придерживаться правилъ, изложенныхъ въ судебныхъ уставахъ, которые совершенно измѣнили прежній характеръ предварительнаго слѣдствія. Ограждая подсудимаго на судѣ предоставленіемъ ему права имѣть защитника, законъ естественно долженъ былъ позаботиться и о томъ, чтобы по возможности оградить его и во время предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, напримѣръ, по новому закону, «слѣдователь не долженъ домогаться сознанія обвиняемаго ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства» (ст. 405 уст. уг. суд.); «если обвиняемый откажется отвѣчать на данные ему вопросы, то слѣдователь, отмѣтивъ о томъ въ протоколѣ, изыскиваетъ другія законныя средства къ открытію истины» (ст. 406); «къ повторенію допросовъ судебный слѣдователь не долженъ прибѣгать безъ особой въ томъ надобности» и т. д. Между тѣмъ, при производствѣ дѣлъ въ окружныхъ судахъ нерѣдко обнаруживались такія дѣйствія полиціи во время предварительнаго слѣдствія, которыя шли въ разрѣзъ со всѣми постановленіями закона. Такими дѣйствіями въ особенности ознаменовали себя московская и петербургская сыскная полиціи, составляющія особыя отдѣленія полиціи общей. Не входя въ подробное изложеніе фактовъ этого рода, мы напомнимъ только нѣкоторые изъ нихъ. Такъ напримѣръ, многіе, конечно, помнятъ показанія на судѣ

Дарьи Соколовой, въ которыхъ она заявляла, что одинъ изъ чиновниковъ полиціи билъ ее по носу пальцемъ, приговаривая: «говори, что ты виновата», а другой выпытывалъ у нея сознаніе такими льстивыми обѣщаніями: «я вижу, говорилъ онъ, ты женщина больная, живешь съ мужемъ хорошо; я не могу видѣть слезы на глазахъ твоихъ, мнѣ жалко дѣтищевъ твоихъ малолѣтныхъ; скажи, что виновата, такъ останешься съ мужемъ и дѣтьми»; при этомъ чиновникъ крестился, клялся на образа и целовалъ ее, говоря: «могъ бы я развѣ тебя, простую бабу, цаловать, еслибъ не жалѣлъ тебя». Но если и можно сомнѣваться въ справедливости показаній Дарьи Соколовой — хотя она тутъ же откровенно заявляла, что у нея не вынуждали признанія никакими жестокими средствами — то факты, въ которыхъ играли роль полицейскіе сыщики, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ напримѣръ, извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ, желая отличиться передъ своимъ начальствомъ, сочиняли цѣлыя преступленія и наталкивали на нихъ обманчивымъ образомъ людей, совершенно ни въ чемъ невинныхъ — какъ это мы видимъ въ дѣлѣ о крестьянахъ Кухаревѣ и Петровѣ, обвинявшихся передъ московскимъ окружнымъ судомъ въ покушеніи на воровство и убійство, или въ извѣстномъ дѣлѣ «о похищеніи бланковыхъ кредитныхъ листовъ изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ», въ которомъ сыщикъ, по соглашенію съ нѣкоторыми чинами сыскной полиціи, систематически подготовилъ вполнѣ честнаго человѣка къ совершенію преступленія. Подобнаго рода случаевъ было очень много въ нашей судебной практикѣ, и конечно, судъ не могъ оставлять ихъ безъ вниманія, а долженъ былъ передавать ихъ прокурорской власти для возбужденія противъ виновныхъ преслѣдованія. Этимъ дѣйствіямъ суда также было придано значеніе столкновеній между судебной и административной властями.

Для полноты нашего обзора слѣдуетъ упомянуть еще о столкновеніяхъ, хотя не слишкомъ замѣтныхъ, но все-таки довольно частыхъ, происходившихъ между судомъ и различными казенными управленіями, какъ-то: акцизнымъ, таможеннымъ, лѣснымъ и т. д. По ст. 1125 уст. угол. суд., за исключеніемъ нарушеній, точно обозначенныхъ въ законѣ и которыя предоставляются непосредственному разбирательству казенныхъ управленій, всѣ прочія преступленія и проступки преслѣдуются по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства; значительное число этихъ проступковъ отнесено къ вѣдомству мировыхъ судей, которые, какъ сказано въ примѣчаніи къ 33-й ст., руководствуются уложеніемъ о наказаніяхъ, не выходя однакоже изъ предѣловъ предоставленной имъ власти. Присутственныя мѣста и должностныя лица казеннаго управленія (ст. 1130) о каждомъ обнаруженномъ нарушеніи устава обязаны немедленно составлять протоколъ по указанной закономъ формѣ. Только при существованіи протокола судебныя мѣста обязаны произво-

дить разбирательство по такимъ дѣламъ. Но затѣмъ въ судебно-мировой практикѣ возникъ такой вопросъ: служатъ ли законно составленные протоколы полнымъ доказательствомъ вины обвиняемаго лица, или мировые судьи, въ случаѣ надобности, имѣютъ право подвергать ихъ провѣркѣ. Большинство мировыхъ судей рѣшали этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, вслѣдствіе чего являлись жалобы со стороны административной власти, которая въ такихъ дѣйствіяхъ судей усматривала произвольныя покушенія на объемъ своихъ правъ. Этотъ вопросъ дошелъ, наконецъ, до кассаціоннаго сената, который разрѣшилъ его такимъ образомъ (кас. рѣш. 1867 г. №№ 470 и 478): «по общему правилу, говоритъ сенатъ, мировой судья имѣетъ право провѣрять осмотры и освидѣтельствованія, произведенныя полиціей, а въ тѣхъ случаяхъ, когда для того необходимы спеціальныя свѣдѣнія — и приглашать свѣдущихъ людей; хотя по особенному правилу, дѣла по нарушенію казенныхъ уставовъ поступаютъ къ судебному производству не иначе, какъ по удостовѣренію казеннымъ установленіемъ или полиціей факта нарушенія въ особомъ протоколѣ; но этотъ порядокъ установленъ лишь для предупрежденія начатія дѣлъ по неопредѣленнымъ обвиненіямъ и для освобожденія судебныхъ установленій отъ собранія такихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть излагаемы въ протоколѣ, а отнюдь не для того, чтобы такой протоколъ служилъ предуставленнымъ доказательствомъ, не подлежащимъ повѣркѣ и опроверженію, что̀ было бы совершенно противно принятому въ уставѣ уголовнаго судопроизводства началу рѣшенія дѣлъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ, а затѣмъ не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи къ дѣламъ, рѣшаемымъ по новому уставу уголовнаго судопроизводства, какихъ-либо правилъ о предустановленныхъ формальныхъ доказательствахъ». Подтвержденіе справедливости изложенныхъ соображеній сенатъ находитъ еще въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: при составленіи устава уголовнаго судопроизводства было сдѣлано предложеніе, чтобы протоколу по нарушенію устава лѣснаго дать силу присяжнаго свидѣтельскаго показанія, такъ-какъ повѣрка такихъ нарушеній на мѣстѣ весьма затруднительна; но это предложеніе было отвергнуто именно на томъ основаніи, что оно противно коренному началу преобразованія уголовнаго судопроизводства — принятію за основаніе уголовныхъ приговоровъ не формальныхъ доказательствъ, а внутренняго убѣжденія судей.

Случаи «столкновеній» можно еще найти въ дѣлахъ о взысканіи частныхъ лицъ съ административныхъ убытковъ, причиненныхъ неправильными распоряженіями послѣднихъ. Жалобъ этого рода поступало въ судебныя мѣста весьма много: жаловались на исправниковъ, полицеймейстеровъ и оберъ-полицеймейстеровъ, губернаторовъ и даже генералъ-губернаторовъ. И

несмотря на то, что громадное большинство этихъ жалобъ оставлялись безъ послѣдствій — въ немногихъ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ, состоявшихся не въ пользу администраціи, нѣкоторые усматривали прискорбныя столкновенія между судебной и административной властями, подрывающія авторитетъ власти государственной. Изъ числа нѣсколькихъ дѣлъ этого рода, мы приведемъ только одно, надѣлавшее въ свое время много шума и обратившее на себя общее вниманіе какъ своею необычайностью, такъ и общественнымъ положеніемъ лица, явившагося въ судъ отвѣтчикомъ: мы говоримъ объ извѣстномъ дѣлѣ содержателя типографіи Куколь-Яснопольскаго съ генераль-майоромъ Чебыкинымъ. Сущность этого дѣла мы изложимъ въ общихъ чертахъ.

Содержатель типографіи Куколь-Яснопольскій предъявилъ въ судебную палату искъ на старшаго инспектора типографій, генералъ-майора Чебыкина, обвиняя послѣдняго въ причиненіи ему убытковъ при провѣркѣ количества шрифтовъ содержимой имъ типографіи. Прибывъ въ эту типографію, генералъ Чебыкинъ, на основаніи инструкціи министра внутреннихъ дѣлъ, повѣрялъ количество шрифта, и перевѣсивъ до 200 пудовъ шрифта, находившагося въ наборѣ, приступилъ затѣмъ къ взвѣшиванію шрифта, находившагося въ кассахъ. Это взвѣшиваніе онъ произвелъ при помощи четырехъ приведенныхъ имъ матросовъ такимъ образомъ, что шрифты высыпались на рогожи, клались на вѣсы и сваливались потомъ на полъ, въ кучи, вслѣдствіе чего весь шрифтъ, находившійся въ кассахъ, обратился въ сыпь, то-есть въ шрифтъ, негодный для дальнѣйшаго употребленія. Вслѣдствіе этого, Куколь-Яснопольскій, жалуясь на причиненіе ему такими дѣйствіями старшаго инспектора типографій убытку до 1,500 руб. сер., просилъ палату взыскать эту сумму съ генерала Чебыкина. Выслушавъ заявленіе сторонъ, особое присутствіе судебной палаты (изъ старшаго предсѣдателя палаты, двухъ ея членовъ, губернатора, предсѣдателя казенной палаты и оберъ-полицеймейстера, какъ ближайшаго начальника отвѣтчика), несмотря на заключеніе товарища прокурора, предлагавшаго признать жалобу истца правильной, въ искѣ Куколь-Яснопольскому отказало. При постановленіи такого приговора, палата руководствовалась тѣми соображеніями, что генералъ Чебыкинъ могъ не иначе исполнить возложенную на него обязанность по повѣркѣ шрифта, какъ взвѣшиваніемъ; что самъ Куколь-Яснопольскій, на предложеніе генерала Чебыкина указать ему болѣе удобный способъ повѣрки шрифта, призналъ, что помимо взвѣшиванія, повѣрка иначе произведена быть не можетъ; что, несмотря на указываемое Куколь-Яснопольскимъ неудобство повѣрять шрифтъ, повѣрка должна была быть произведена согласно закону; что такимъ образомъ если Куколь-Яснопольскій и несетъ какія-либо потери, то онъ можетъ винить самого себя въ томъ, что не уменьшилъ свой

ущербъ до той мѣры, которая бы составляла расходъ, необходимый для него по исполненію такой правительственной мѣры, законность которой онъ не могъ не признать и т. д. На этотъ приговоръ Куколь-Яснопольскій подалъ въ сенатъ апелляціонную жалобу, а генералъ майоръ Чебыкинъ — объясненіе. Въ этомъ послѣднемъ старшій инспекторъ типографій подробно объясняетъ, съ какой цѣлью установлена повѣрка въ типографіяхъ шрифтовъ, почему эта мѣра примѣнена была именно къ типографіи Куколь-Яснопольскаго, а не къ какой-либо другой, повторяетъ основанія, указанныя въ рѣшеніи палаты, и т. д. Сенатъ, въ соединенномъ присутствіи 1-го и гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ, согласно заключенію оберъ-прокурора, постановилъ слѣдующее: въ законѣ о печати 6-го апрѣля содержится предписаніе, по которому всякій содержатель типографіи обязанъ доставлять мѣстному губернскому начальству свѣдѣнія о числѣ и размѣрѣ скоропечатныхъ машинъ и станковъ, а инспекторамъ типографій ввѣряется вообще надзоръ за типографіями и прочими подобными заведеніями. Относительно же свѣдѣній о количествѣ шрифта въ законѣ этомъ никакихъ предписаній не содержится, и старшій инспекторъ Чебыкинъ въ распоряженіи своемъ о производствѣ взвѣшиванія шрифта основывался не на этомъ законѣ, а на инструкціи министра внутреннихъ дѣлъ, которая возлагаетъ на инспекторовъ обязанность имѣть постоянно вѣрныя свѣдѣнія о наличномъ имуществѣ типографій и въ томъ числѣ о количествѣ шрифтовъ. Однако въ инструкціи не говорится ничего не только о порядкѣ и способахъ повѣрки шрифтовъ инспекторами, но даже не упоминается о самой повѣркѣ ихъ. Слѣдовательно, если генералъ-майоръ Чебыкинъ считалъ себя вправѣ на основаніи этой инструкціи приступить къ повѣркѣ шрифтовъ, то во всякомъ случаѣ не имѣлъ права повѣрять ихъ такимъ способомъ, который могъ причинить убытки содержателю типографіи. Инструкція, вполнѣ обязательная для подчиненныхъ министру внутреннихъ дѣлъ инспекторовъ, требуетъ отъ нихъ лишь свѣдѣній о количествѣ шрифта, но не предписываетъ имъ мѣръ, наносящихъ убытки частнымъ лицамъ — содержателямъ типографій. Поэтому приводимая генераломъ Чебыкинымъ инструкція не можетъ служить ему оправданіемъ въ производствѣ повѣрки шрифтовъ такимъ способомъ, который причинялъ истцу убытокъ, равно какъ не могутъ служить ему оправданіемъ и указываемыя имъ неоднократныя нарушенія Куколь-Яснопольскимъ закона по дѣламъ печати, такъ-какъ послѣдствіемъ подобныхъ нарушеній могутъ быть лишь мѣры взысканія и наказанія, установленныя въ самомъ законѣ, а не произвольное нанесеніе ущерба, которое никакимъ закономъ не предписано. Поэтому избраніе для производства повѣрки шрифта такого способа, который наносилъ содержателю явный ущербъ въ имуществѣ, не можетъ не быть признано неосмотрительнымъ, слѣ-

довательно такимъ, при которомъ должностное лицо обязано вознаградить за причиненный убытокъ. А старшій инспекторъ приводитъ въ свое оправданіе еще то обстоятельство, что способъ повѣрки шрифтовъ посредствомъ взвѣшиванія указанъ былъ ему самимъ истцомъ, который при томъ заявилъ ему, что помимо взвѣшиванія никакимъ другимъ образомъ повѣрка шрифта произведена быть не можетъ, а потому отказалъ ему въ помощи своихъ рабочихъ. Подобный отзывъ хозяина типографіи, конечно, могъ бы лишить его права на полученіе вознагражденія, еслибы онъ имѣлъ значеніе изъявленія съ его стороны согласія на указанный способъ повѣрки, но отзывъ Куколь-Яснопольскаго такого согласія въ себѣ не содержитъ. Смыслъ его ясенъ: Куколь-Яснопольскій хотя и выражаетъ въ немъ, что другимъ способомъ повѣрка произведена быть не можетъ, но въ то же время самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ о совершенной невозможности провѣрки посредствомъ взвѣшиванія шрифта, такъ-какъ оно ведетъ къ положительному разоренію типографіи. Слѣдовательно, отзывъ этотъ не только не содержалъ въ себѣ согласія на взвѣшиваніе, но, напротивъ, содержалъ въ себѣ явный протестъ противъ этой мѣры. Притомъ, инспекторъ типографіи самъ обязанъ изыскать наилучшія мѣры къ повѣркѣ шрифтовъ, содержатели же типографій никакимъ закономъ не обязаны указывать инспекторамъ средства къ исполненію ихъ служебныхъ обязанностей, какъ равно не обязаны оказывать имъ содѣйствіе своими рабочими. Вслѣдствіе этихъ и другихъ соображеній, сенатъ призналъ генерала Чебыкина обязаннымъ вознаградить Куколь-Яснопольскаго за причиненные ему убытки (гражд. кас. рѣш. 1867 г., № 228). Нѣкоторые объясняли такое діаметральное различіе въ рѣшеніяхъ двухъ судебныхъ инстанцій тѣмъ, что въ составѣ присутствія судебной палаты участвовали лица административнаго вѣдомства, и особенно оберъ-полицеймейстеръ, который могъ сообщить суду соображенія, важныя съ административной точки зрѣнія и которыхъ не могло быть въ виду сената: но вѣдь сенатъ разсматривалъ это дѣло точно также съ участіемъ администраціи, именно, въ соединенномъ присутствіи кассаціоннаго гражданскаго и 1-го (административнаго) департаментовъ.

Чтобы вполнѣ исчерпать всѣ роды столкновеній между судомъ и администраціей, мы должны, въ заключеніе, упомянуть о процессахъ по дѣламъ печати. Процессы этого рода, возбуждавшіе толки о столкновеніяхъ, касались не періодическихъ изданій, а книгъ. Облеченная широкою властью относительно газетъ и журналовъ, администрація по дѣламъ печати не возбуждала, сколько намъ извѣстно, ни одного судебнаго преслѣдованія противъ періодическихъ изданій, ограничивая взысканія мѣрами административными, которыя, впрочемъ — особенно при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ — бывали часты и строги; по изданіямъ же не періодическимъ она не вооружена такою вла-

стью и потому, по необходимости, должна была обращаться къ суду всякій разъ, когда находила вреднымъ такое изданіе. И несмотря на то, что такихъ процессовъ было уже довольно много въ нашей судебной практикѣ, и что процессы этого рода возбуждали всего больше толковъ о «столкновеніяхъ» — мы, однакоже, крайне затрудняемся указать опредѣленно тѣ факты, которые давали поводъ къ появленію такихъ толковъ. Вопервыхъ, нельзя не признать, что примѣненіе закона 6-го апрѣля къ дѣламъ о преданіи суду издателей и сочинителей начало происходить въ такое исключительное время и при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ (покушеніе 4-го апрѣля), что администрація по дѣламъ печати склонна была видѣть великія преступленія въ такихъ изданіяхъ, которыя въ другое время не обратили бы на себя серьёзнаго вниманія. Вовторыхъ, судъ въ теченіе своей практики изрекъ очень мало оправдательныхъ приговоровъ. Авторъ книги «Всякіе» былъ подвергнутъ двухнедѣльному аресту, а самая книга была уничтожена; авторъ статьи «Вопросъ молодаго поколѣнія» точно также не избѣгъ кары суда; издатель сочиненія Вундта «Душа человѣка и животныхъ» двумя судебными инстанціями былъ приговоренъ къ штрафу и аресту и освобожденъ отъ всякаго наказанія только рѣшеніемъ сената. Относительно послѣдняго дѣла нужно замѣтить, что имъ былъ возбужденъ формально-юридическій вопросъ о предѣлахъ власти духовной цензуры при существованіи новыхъ законоположеній о печати, слѣдовательно, такой крупный вопросъ, рѣшеніе котораго никакъ не могло зависѣть отъ тѣхъ или другихъ отношеній суда и администраціи. Затѣмъ, оправданный судебной палатой издатель сочиненій Писарева хотя тоже былъ оправданъ сенатомъ, но при этомъ преслѣдовавшаяся статья подверглась уничтоженію — что̀ не только равносильно, но иногда даже превосходитъ личное наказаніе издателя. Издатель сочиненія Луи-Блана г. Щаповъ хотя оправданъ судебной палатой, но палата своимъ рѣшеніемъ съ достаточною ясностью показала несостоятельность обвиненія противъ этой книги; тѣмъ болѣе, что одна часть обвиненія уже была предрѣшена сенатскимъ постановленіемъ по дѣлу о сочиненіи Вундта. Вотъ почти и всѣ сколько нибудь выдающіеся случаи по дѣламъ о печати. Очевидно, что они не имѣютъ даже того значенія, какое можетъ быть придано вышеприведеннымъ фактамъ по части столкновеній другихъ частей администраціи съ судомъ. Быть можетъ, администрація по дѣламъ печати и ея пристрастные сторонники брали матеріалъ для своихъ жалобъ изъ фактовъ, не получившихъ огласки; но входить въ обсужденіе такихъ фактовъ мы, само собою разумѣется, не имѣемъ возможности; судя же по тому, что̀ происходило гласно, мы не можемъ не удивляться, откуда возникли жалобы на столкновенія между судомъ и цензурнымъ вѣдомствомъ.

Изъ вышеприведеннаго очерка столкновеній, происходившихъ

между судомъ и администраціей, можно, кажется намъ, съ достаточною ясностью опредѣлить причины и характеръ этихъ столкновеній.

Прежде всего оказывается несомнѣннымъ то обстоятельство, что происходившія столкновенія обусловливались не произволомъ тѣхъ или другихъ мѣстъ и лицъ судебнаго вѣдомства, но духомъ и буквою законоположеній, на которыхъ они основывали свои рѣшенія. Мы видѣли, что бо̀льшая часть отдѣльныхъ случаевъ и общихъ вопросовъ, порождавшихъ столкновенія, доходили до кассаціоннаго сената, этого верховнаго суда въ имперіи, относительно котораго просто немыслимо предположеніе, чтобы онъ въ своихъ приговорахъ руководствовался какими либо посторонними соображеніями, а особенно систематическою враждою къ администраціи. Подобное предположеніе до такой степени дико само по себѣ, и нелѣпость его такъ очевидна для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ организаціей государственной власти въ Россіи, что мы считаемъ совершенно безполезнымъ подвергать его серьёзной критикѣ.

Такимъ образомъ, если признавать администрацію совершенно правою въ происходившихъ столкновеніяхъ, то причину ихъ слѣдуетъ отнести къ характеру новыхъ судебныхъ уставовъ. Но, спрашивается, въ какой мѣрѣ эти уставы лишили администрацію тѣхъ правъ, какими она пользовалась до введенія новаго судопроизводства? Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя не замѣтить, что судебные уставы вовсе не имѣли въ виду посягнуть на силу и значеніе административной власти въ Россіи. Мы приходимъ въ восторгъ, сравнивая нашъ новый судъ со старымъ, мы преклоняемся передъ приговорами суда присяжныхъ не только по обязанности, но и по внутреннему убѣжденію, мы признаемъ, что судебная реформа есть едва-ли не самая выработанная и законченная изъ всѣхъ реформъ нашего времени—все это совершенно справедливо; но не слѣдуетъ забывать, что мы и въ дѣлѣ суда не дошли еще до того уровня, на которомъ стоятъ нѣкоторыя западно-европейскія законодательства. Правда, по нашимъ законамъ, судебная власть мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій «распространяется *на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла*, какъ гражданскія, такъ и уголовныя», но вмѣстѣ съ тѣмъ въ самихъ же судебныхъ уставахъ, какъ мы замѣтили выше, содержится множество исключеній изъ этого общаго правила. Съ одной стороны, судебная власть духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, крестьянскихъ и инородческихъ судовъ опредѣляется особыми о нихъ постановленіями, съ другой — и помимо этихъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, судебные уставы заключаютъ въ себѣ довольно много исключеній. Въ третьей книгѣ устава угол. суд., въ ст. 1000 мы находимъ перечень слѣдующихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ общаго порядка судопроизводства: 1) по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ съ участіемъ духовнаго

вѣдомства, а именно: по преступленіямъ противъ вѣры и другимъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, и по преступленіямъ духовныхъ лицъ, 2) по преступленіямъ государственнымъ, 3) по преступленіямъ должности, 4) по уголовнымъ дѣламъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія, а именно: по преступленіямъ противъ имуществъ и доходовъ казны и по преступленіямъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія; наконецъ, 5) по уголовнымъ дѣламъ смѣшанной подсудности, военной и гражданской. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ здѣсь случаевъ, изъятыхъ изъ общаго порядка судопроизводства, разбираются судомъ съ участіемъ лицъ административнаго вѣдомства, которыя, тѣмъ или другимъ путемъ, не могутъ не имѣть хотя косвеннаго вліянія на судебные приговоры. Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства мы точно такъ же находимъ довольно много исключеній изъ общаго правила. «Всякій споръ о правѣ гражданскомъ—говоритъ 1-я ст. этого устава—подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій»; «но—прибавляетъ примѣчаніе—такія требованія административныхъ мѣстъ и лицъ, коимъ законъ присвоилъ свойство безспорныхъ, недопускающихъ возраженій въ состязательномъ порядкѣ, подлежатъ вѣдѣнію правительственныхъ, а не судебныхъ установленій». Независимо отъ этого примѣчанія, мы находимъ въ уставѣ нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе важныхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства: сюда отнесены дѣла казеннаго управленія, дѣла о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ, дѣла брачныя и о законности рожденія и т. д. При разрѣшеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ участвуютъ лица административнаго вѣдомства, которыя въ этихъ случаяхъ пользуются одинаковыми правами съ судьями; сюда, напримѣръ, относятся дѣла о взысканіи вознагражденій съ должностныхъ лицъ. По этимъ дѣламъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ составляются особыя присутствія: въ окружномъ судѣ—изъ вице-губернатора, двухъ членовъ суда, двухъ совѣтниковъ палатъ казенной и государственныхъ имуществъ и ближайшаго начальника того управленія, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ; въ судебной палатѣ — изъ мѣстнаго губернатора, двухъ членовъ палаты, предсѣдателя казенной палаты и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, и ближайшаго начальника отвѣтчика; кассаціонный департаментъ сената разсматриваетъ дѣла этого рода въ соединенномъ присутствіи съ первымъ департаментомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ судебныхъ уставахъ сдѣланы громадныя, по объему, исключенія относительно дѣлъ, сколько-нибудь соприкасающихся съ интересами администраціи. Но администрація нисколько не лишена своей прежней власти въ государствѣ, и значеніе ея нисколько не поколеблено. Власть

ея ограничена только въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случаевъ, когда она прибѣгаетъ къ помощи суда. Но дѣло въ томъ, что она имѣетъ полную возможность, и не прибѣгая къ помощи суда, достигать нужныхъ ей цѣлей другимъ способомъ. Возьмемъ, напримѣръ, самое невыгодное положеніе администраціи, именно по дѣламъ о преслѣдованіи вредныхъ изданій. Повидимому, въ дѣлахъ этого рода, администрація не имѣетъ никакой власти, потому что преслѣдованіе такихъ изданій можетъ производиться исключительно судомъ. Но de facto дѣло представляется нѣсколько иначе. Именно цензурная власть, возбуждая преслѣдованіе противъ автора или издателя, имѣетъ право налагать арестъ на сочиненія до выхода ихъ изъ типографіи. Можетъ быть, сама администрація не придаетъ того значенія этому праву, какое оно имѣетъ въ глазахъ издателей и авторовъ. Между тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что большинство издателей и особенно авторовъ, благодаря исключительности положенія нашего книжнаго дѣла, принадлежитъ къ числу людей не особенно капитальныхъ, постоянно нуждающихся въ кредитѣ и очень часто уплачивающихъ расходы печатанія первыми проданными экземплярами, то станетъ понятно, какое значеніе имѣетъ для нихъ арестованіе изданія. Если даже такой издатель или авторъ и будутъ оправданы судомъ, то все-таки, пока судъ постановитъ свой приговоръ, пройдетъ столько времени (обыкновенно для этого требуется годъ, два и даже болѣе), что понесенные за это время убытки уже не могутъ окупиться, и издатель или авторъ часто теряютъ отъ этого всѣ свои небольшія средства. Нужно еще замѣтить, что администрація, признавая какую-нибудь мѣру необходимою и не встрѣчая для себя поддержки въ судѣ по отсутствію въ законодательствѣ закона, карающаго за неисполненіе такой мѣры, всегда имѣетъ полную возможность получить утвержденіе этой мѣры законодательнымъ порядкомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить вышеприведенное дѣло объ освѣщеніи петербургскими домовладѣльцами лѣстницъ. Мы видѣли, что сенатъ не призналъ подобнаго требованія со стороны оберъ-полицеймейстера основаннымъ на законѣ, почему лица, неисполнявшія этого требованія, не признавались подлежащими наказанію. Но вслѣдъ за тѣмъ г. оберъ-полицеймейстеръ представилъ о необходимости такого закона, который и былъ въ скоромъ времени изданъ. Этотъ законъ предоставляетъ оберъ-полицеймейстеру право требовать, когда онъ признаетъ нужнымъ, обязательнаго освѣщенія лѣстницъ, и этому закону уже никто не имѣетъ права не подчиниться, подъ опасеніемъ судебнаго взысканія. Такихъ примѣровъ можно привести много. Къ числу ихъ относится также законъ, недавно примѣнявшійся въ первый разъ, о предоставленіи права лицамъ, занимающимъ высокія мѣста въ администраціи, давать, въ случаѣ надобности, свидѣтельскія показанія не въ судѣ, а у себя на дому. Этотъ законъ, обнаружив-

шій на практикѣ громадныя неудобства какъ для суда, такъ и для самихъ допрашиваемыхъ лицъ, по всей вѣроятности, точно такъ же вызванъ какими либо административными соображеніями.

Между прочимъ, указываютъ на несмѣняемость судей, какъ на такое обстоятельство, которое ставитъ ихъ въ положеніе слишкомъ исключительное и, такъ-сказать, привиллегированное въ составѣ чиновниковъ. Но это обстоятельство не имѣетъ рѣшительно никакого значенія въ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Вопервыхъ, въ столкновеніяхъ, на которыя мы указывали выше, невозможно видѣть личнаго характера; вовторыхъ, независимость нашихъ судей вовсе не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Мировые судьи выбираются у насъ не пожизненно (что̀, разумѣется, очень хорошо), а подвергаются баллотировкѣ черезъ каждые три года. Относительно же членовъ общихъ судебныхъ установленій, нельзя не согласиться съ справедливостью мыслей, высказанныхъ по этому поводу спеціально-судебной газетой. «Самостоятельность нашихъ судей—замѣчаетъ эта газета — вовсе не такъ велика, какъ кажется, и въ рукахъ власти есть много средствъ, которыми она, если только захочетъ, можетъ значительно и постоянно подрывать судейскую независимость. Министерство юстиціи имѣетъ громадное вліяніе на назначеніе въ судебныя должности и на перемѣщеніе съ низшихъ должностей на высшія. Лица судебнаго вѣдомства не получаютъ чиновъ, но за то они могутъ быть награждаемы крестами, звѣздами, арендами, а эти вещи для слабыхъ смертныхъ бываютъ часто гораздо пріятнѣе, нежели чинъ. Неужели этихъ средствъ мало, чтобы слабый соблазнялся? Съ другой стороны, чины судебнаго вѣдомства пользуются несмѣняемостью; но статьи судебныхъ уставовъ о несмѣняемости не вошли въ *основные законы*, а слѣдовательно, несмотря на судебные уставы, лицо судебнаго вѣдомства, экстраординарнымъ путемъ, можетъ быть лишено своего мѣста, даже съ потерей правъ когда либо вступать въ службу. Неужели этого мало, чтобы человѣкъ боялся? Наконецъ, прибавимъ слѣдующее: французское законодательство, нормируя inamoribilité судей, установляетъ, что въ случаѣ закрытія извѣстнаго суда, оставшіеся за штатомъ судьи сохраняютъ пожизненно свое судейское содержаніе—наши уставы этого правила вовсе не знаютъ». Очевидно, что положеніе нашихъ судей можетъ быть признано исключительнымъ больше по формѣ, чѣмъ по сущности. Оно вовсе не таково, чтобы давало судьѣ возможность смотрѣть на себя, какъ на лицо, болѣе самостоятельное, чѣмъ всякій другой чиновникъ какого угодно вѣдомства.

Такимъ образомъ, если считать администрацію совершенно правою въ происходившихъ между нею и судомъ столкновеніяхъ, то судъ окажется виновнымъ только тѣмъ, что онъ существуетъ. Существуя сколько-нибудь самостоятельно, онъ, оче-

видно, не можетъ дѣйствовать иначе, потому что въ противномъ случаѣ это уже будетъ не судъ, руководствующійся въ своей дѣятельности строго установленными законами, а администрація, которая соображаетъ свои дѣйствія съ инструкціями и распоряженіями, постоянно перемѣняющимися и имѣющими только временное значеніе. Устранить столкновеніе въ этомъ направленіи невозможно, не посягая на цѣлость самого суда. Но такъ-какъ судъ есть учрежденіе, необходимое въ каждомъ, сколько-нибудь благоустроенномъ государствѣ; такъ-какъ намъ нѣтъ никакого резона продолжать свое развитіе заднимъ ходомъ, разрушая такъ недавно построенное зданіе новыхъ судебныхъ порядковъ, и такъ-какъ, наконецъ, устраненіе столкновеній между судомъ и администраціей во всякомъ случаѣ желательно, то было бы всего раціональнѣе взглянуть на вопросъ съ другой стороны, то-есть обсудить, не виновна ли въ этихъ столкновеніяхъ сама администрація. Намъ кажется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою вытекаетъ изъ цѣлаго ряда тѣхъ столкновеній, о которыхъ мы говорили выше. Мы видѣли, что судъ постоянно дѣйствовалъ на основаніи законовъ, которые, конечно, обязательны для суда и гражданъ точно также, какъ и для администраціи, между тѣмъ какъ послѣдняя основывала свои притязанія на соображеніяхъ, не имѣвшихъ общеобязательнаго значенія. Поэтому, прежде всего отъ самой администраціи зависѣло бы устраненіе всякихъ столкновеній. Но такъ-какъ очень часто случается, что и люди, и цѣлыя вѣдомства принуждены бываютъ дѣлать ошибки вслѣдствіе неясности или неопредѣленности своего положенія въ обществѣ, то было бы весьма полезно разсмотрѣть, не заключается ли въ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ дѣятельность даннаго лица или учрежденія, такихъ сторонъ, которыя сами отчасти создаютъ недоразумѣнія и столкновенія въ родѣ изложенныхъ выше.

Обращаясь къ узаконеніямъ, опредѣляющимъ дѣятельность, напримѣръ, полиціи, которая представляетъ наиболѣе случаевъ столкновенія съ судомъ, нельзя не замѣтить, что эти узаконенія слишкомъ сложны, страдаютъ многочисленностью и неясностью. Не вдаваясь здѣсь въ подробности по этому поводу, мы можемъ указать на изданіе г. Леонтьева «Сборникъ узаконеній, постановленій и распоряженій, касающихся полиціи». Этотъ сборникъ можетъ наглядно познакомить съ громадностью, многочисленностью и ужасающимъ разнообразіемъ тѣхъ обязанностей, которыя возложены на полицію. Положительно немыслимо, чтобы учрежденіе, составленное даже изъ лучшихъ людей общества, могло не потеряться въ этой массѣ обязанностей и добросовѣстно исполнять хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Предупрежденіе и пресѣченіе преступленій противъ вѣры, общественнаго порядка и учрежденій правительства, противъ имуществъ и личной безопасности, наблюденіе за благоустройствомъ, за различными отраслями промышленности, за исполненіемъ по-

становленій объ охотѣ, звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ, содѣйствіе различнымъ частямъ государственнаго управленія, участіе во взиманіи различнаго рода повинностей, обязанности по дѣламъ печати, по дѣламъ, подлежащимъ судебному разбирательству, по учету и сбору безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ и надзору за отставными, по принятію предосторожностей отъ пожаровъ и при тушеніи ихъ, по охраненію народнаго здравія, по участію въ охраненіи казенныхъ лѣсовъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе — всѣ эти обязанности рѣшительно несовмѣстимы въ одномъ учрежденіи. Уже по одному объему, сборникъ г. Леонтьева способенъ поразить всякаго—онъ заключаетъ въ себѣ *болѣе трехъ тысячъ* статей; но разсмотрѣніе каждой изъ этихъ статей въ отдѣльности поразитъ, конечно, еще болѣе. Для сколько-нибудь добросовѣстнаго исполненія тѣхъ обязанностей, которыя возложены на полицію, необходимы такія качества, совокупностью которыхъ врядъ ли могутъ обладать простые смертные. Недаромъ г. вятскій губернаторъ, публикуя результаты своихъ наблюденій по дѣятельности мѣстной полиціи, счелъ нужнымъ подробно перечислить тѣ качества, которыхъ требуетъ законъ отъ каждаго чиновника и которыя заключаются въ слѣдующемъ: здравый разсудокъ, добрая воля въ исполненіи порученнаго, человѣколюбіе, вѣрность къ службѣ его императорскаго величества, усердіе къ общему добру, радѣніе о должности, честность, безкорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ, правый и равный судъ всякому состоянію и покровительство невинному и скорбящему. Этимъ перечисленіемъ г. губернаторъ какъ бы заявилъ, что если безъ многихъ изъ перечисленныхъ качествъ можно быть порядочнымъ чиновникомъ, то полицейскіе чины способны исполнять возложенныя на нихъ обязанности только при наличности всѣхъ этихъ качествъ. Г. губернаторъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что полиція въ его губерніи страдаетъ отсутствіемъ какъ радѣнія о должности и честности, такъ и человѣколюбія, усердія къ общему добру и покровительства невинныхъ; но отсутствіемъ этихъ качествъ страдаетъ, разумѣется, не одна вятская полиція, и вотъ почему обстоятельный пересмотръ узаконеній, относящихся до полиціи, и болѣе точное опредѣленіе ея обязанностей оказываются въ настоящее время особенно необходимыми.

Не менѣе необходимъ также, въ виду закона о печати 6-го апрѣля и новаго порядка судопроизводства, пересмотръ цензурнаго устава, изданнаго въ послѣдній разъ еще въ 1857 году, который страдаетъ тою же многочисленностью и неопредѣленностью правъ и обязанностей, возложенныхъ на цензурное вѣдоство. Мы сомнѣваемся, чтобы въ настоящее время какой либо цензоръ могъ руководствоваться этимъ уставомъ; а между тѣмъ эта неопредѣленность, при сравнительной ясности и простотѣ судебныхъ уставовъ, не мало способствуетъ возникновенію столкновеній между судомъ и цензурною властью. Если столкновеній

этого рода почти не замѣчалось до настоящаго времени, то они весьма возможны въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, такое дѣло, какъ напримѣръ процессъ по поводу сочиненія Вундта, обусловлено исключительно существованіемъ старыхъ цензурныхъ правилъ рядомъ съ новымъ закономъ о печати.

Относительно сыскной полиціи въ нашей литературѣ почти единогласно высказывалось мнѣніе о необходимости отдѣлить эту часть полиціи отъ полиціи общей, подчинивъ ее непосредственно прокурорской власти, какъ это существуетъ, напримѣръ, во Франціи. Такое отдѣленіе было бы дѣйствительно желательно какъ въ интересахъ болѣе успѣшнаго раскрытія и обнаруженія преступленій, такъ и въ смыслѣ устраненія лишняго повода для столкновеній между судомъ и администраціею. Мы не знаемъ организаціи столичной сыскной полиціи; но судя по фактамъ, обнаруженнымъ нѣсколькими судебными дѣлами, можно думать, что эта организація въ высшей степени несовершенна.

Вообще, въ различныхъ административныхъ вѣдомствахъ можно бы указать множество узаконеній и распоряженій, которыя, въ виду существованія новаго суда, ставятъ должностныя лица въ весьма неловкое положеніе. Съ одной стороны имъ нельзя не исполнять требованія своего начальства, съ другой — они рискуютъ нарушить такія права гражданъ, которыя охраняютъ законъ и за нарушеніе которыхъ онъ грозитъ наказаніемъ.

Еслибъ коммисія, о существованіи которой ходятъ слухи, образованная съ цѣлью устранить столкновенія между судомъ и администраціей, повела свое дѣло въ указанномъ направленіи, то она, конечно, заслужила бы всеобщую признательность. Безъ сомнѣнія, трудъ предстоялъ бы ей очень большой и ея указанія должны бы были повлечь за собою слишкомъ обширныя заботы по части пересмотра узаконеній, опредѣляющихъ дѣятельность различныхъ отраслей административной власти; но за то всѣ работы имѣли бы несомнѣнно прогрессивное значеніе. Устранить столкновеніе можно и другимъ, гораздо легчайшимъ способомъ, лишивъ судъ и той доли самостоятельности, какою онъ пользуется въ настоящее время, или, по крайней мѣрѣ, снова возвративъ администраціи, въ извѣстныхъ случаяхъ, значеніе судебной власти; но это, очевидно, было большимъ шагомъ назадъ, а никакъ не впередъ. Мы знаемъ, что у насъ найдется не мало людей, готовыхъ рукоплескать всякой мѣрѣ, лишающей судъ его значенія въ государствѣ; но если слушать такихъ людей, то гораздо лучше дѣйствовать начисто и совсѣмъ вернуться къ завѣтной старинѣ; иначе выйдетъ нѣчто совсѣмъ странное. «Желаютъ, чтобъ у насъ были судебныя мѣста— замѣтилъ однажды «Судебный Вѣстникъ» — и въ то же время желаютъ, чтобъ юстиція не была юстиціей и удовлетворяла администрацію въ каждомъ ея требованіи quand-même. Не есть ли это вопіющій nonsens? Въ такомъ случаѣ пусть по всѣмъ дѣ-

ламъ, гдѣ замѣшана администрація, она сама будетъ и истцомъ, и отвѣтчикомъ, и судьей. Но такова наша характеристическая черта. Мы желаемъ, чтобъ у насъ были разныя хорошія вещи и независимая юстиція, и судъ присяжныхъ и т. п. Куда люди, туда и мы. Но намъ хочется, чтобы всѣ такія хорошія вещи дѣйствовали у насъ совсѣмъ не такъ, какъ онѣ дѣйствуютъ у хорошихъ людей. Такъ иной самодуръ, Титъ Титычъ, желаетъ, чтобы у его сына женою была образованная барышня, — и въ то же время, чтобы эта образованная барышня была также безотвѣтна, какъ его дрожайшая половина, Агаѳья Филимоновна, чтобы онъ ей кричалъ: «Ты, баба, не дыши передо мной, не огорчай меня! — а она бы съ истиннымъ терпѣніемъ выслушивала эти рѣчи, съ нечеловѣческой безотвѣтностью подчинялась его самодурству и съ рабскимъ, подобострастнымъ благоговѣніемъ отвѣчала ему: «кто васъ можетъ обидѣть, Китъ Китычъ, вы сами всякаго обидите».

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(**Лѣтопись педагогическаго общества.** Приложеніе къ журналу «Народная Школа». № 1.)

Есть въ Петербургѣ институтъ,
Педа...го...ническій, такъ кажется, зовутъ;
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи...
Г-жа Хлестова («Горе отъ ума»).

Общественное воспитаніе, по своему направленію, задачамъ и средствамъ, употребляемымъ для достиженія цѣли, т.-е. для развитія, въ ту или другую сторону, умственныхъ способностей молодаго поколѣнія, — обыкновенно не разнится много отъ коренныхъ свойствъ той общественной массы, для которой оно призвано служить, и, по необходимости, ограничено тѣми твердыми рамками, которыя указываются ему, въ данный моментъ, исторической жизнью народа. Между самимъ обществомъ и его «излюбленными» воспитателями существуетъ, такъ сказать, круговая порука, и этотъ невольный, обязательный союзъ требуетъ, въ большинствѣ случаевъ, чтобы молодое поколѣніе не уклонялось отъ пути, проторённаго предками, не посягало на старые кумиры, которые, по мнѣнію толпы, имѣютъ свойство *выдыбаться* даже и послѣ того, какъ бываютъ сброшены всенародно съ своихъ пьедесталовъ. Рѣдкій отецъ, нажившій кругленькое состояніе на государственной службѣ или на казенныхъ подрядахъ, не желаетъ видѣть въ своемъ сынѣ второй экземпляръ собственной персоны; рѣдкая мать не призываетъ для своей дочери такого же счастія, какого сподобилась она сама, выйдя, напримѣръ, замужъ за богатаго и доста-

точно — дряхлаго тумака, и взваливъ на его плеча всѣ невеселыя заботы по обзаведенію домашняго очага и... и «домашнихъ друзей», столь украшающихъ свѣтскія гостиныя. Сообразно съ такимъ запросомъ появляется, конечно, и предложеніе — въ видѣ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, приготовляющихъ молодежь по рыночной мѣркѣ. Желаете вы получить юношу, у котораго за душой не было бы иной мысли, кромѣ желанія отличиться передъ начальствомъ, который не зналъ бы даже другихъ словъ, кромѣ «смирно» и «слушай!» — и вотъ, для удовлетворенія этой потребности, возникалъ особый разрядъ интернатовъ, гдѣ скромный голосъ науки (если еще можно сопричислить къ ней учебники Смарагдова, Зеленецкаго, Устрялова и др.) заглушался немолчнымъ барабаннымъ боемъ, а развитіе *носка* для парадной шагистики оттѣсняло на второй планъ развитіе головы. Хотите вы имѣть благонравную подругу жизни, которой розовыя уста не изрекали бы ничего, кромѣ невинныхъ глупостей о погодѣ, моськахъ и выкройкахъ, — и вы могли заказать таковую въ другомъ интернатѣ, гдѣ душевная пустота и полнѣйшая нравственная беззащитность маскировались именемъ благонравія, приличныхъ манеръ, хорошаго тона и т. п. Все это очень естественно, очень просто, и «волтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ»... Но бываютъ однако въ жизни народовъ такіе исключительные моменты, когда громадный переломъ въ соціальныхъ отношеніяхъ мгновенно сказывается во всѣхъ фибрахъ общественнаго организма; когда, открывая новую дорогу умственнымъ силамъ общества, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ сильный толчокъ и воспитательной практикѣ, застывшей въ своихъ устарѣлыхъ формахъ. Тогда долговременная гармонія между школой и политически господствующими классами народа быстро нарушается; какъ въ общество, такъ и въ школу, врываются свѣжей струей новыя требованія, новые взгляды на жизнь, а вслѣдъ затѣмъ и новыя задачи для воспитанія. Самый кругъ дѣйствія школы расширяется и, вмѣсто одного или нѣсколькихъ политически дѣятельныхъ сословій, начинаетъ охватывать весь народъ, пробуждающійся отъ вѣковой спячки. Старые воспитательные идеалы блѣднѣютъ передъ новой дѣйствительностью и уже не соблазняютъ никого своимъ отцвѣтшимъ величіемъ; новые же идеалы не вполнѣ готовы и выработываются медленно изъ борьбы рутинныхъ, укоренившихся понятій съ широкими и смѣлыми запросами обновленной жизни. Это броженіе идей, эта неизбѣжная, но плодотворная борьба принимаются многими непроницательными или злонамѣренными людьми за сугубую путаницу, которая только вредитъ установившемуся дѣлу; но вопросъ въ томъ-то именно и заключается, что старое дѣло установилось на ложныхъ основаніяхъ и что ихъ нужно замѣнить другими, болѣе соотвѣтствующими потребностямъ времени. Нельзя же вынуть фундаментъ изъ-подъ дома, оставивъ самое зданіе висѣть на воздухѣ!

Картина разрушенія, которая представляется за такою работой, не есть зрѣлище хаоса и легкомысленнаго надругательства надъ достоинствомъ старины; это не больше, какъ черновая работа созиданія, у которой есть тоже свой планъ, свои мастеровые и архитекторы. Старые камни разрушеннаго зданія не всѣ, безъ исключенія, отбрасываются при новой постройкѣ; но они укладываются въ ней совершенно иначе и перестаютъ быть «главами угла».

Такимъ-то исключительнымъ моментомъ въ народной жизни должно считать и все, переживаемое нами теперь, время. Севастопольская война (мы чувствуемъ банальность этого воспоминанія, но дѣлать нечего — обойтись безъ него нельзя), война, окончившаяся для насъ потерей лучшей части полуострова; быстрыя побѣды союзниковъ, къ числу которыхъ насмѣшливые голоса присоединяли все наше тогдашнее провіантское вѣдомство; паденіе денежнаго курса и еще болѣе тяжкій упадокъ внутреннихъ силъ, производящихъ народное богатство, матеріальное и нематеріальное, — все это показало намъ слишкомъ ясно, что, при старыхъ общественныхъ порядкахъ, мы никакъ не догонимъ Европы, а напротивъ отодвинемся скоро на степень азіатскихъ государствъ, лишенныхъ не только что просвѣщенія въ его нравственномъ смыслѣ, но даже внѣшнихъ плодовъ европейской культуры. Оказалось, что шапками, которыя мы заготовили-было въ большомъ количествѣ, нельзя закидать врага, и что этотъ врагъ, при помощи своихъ усовершенствованныхъ артиллерійскихъ орудій, дѣйствительно качаетъ... крымскими горами. Нашли также, что парадные генералы, неустрашимые на царицыномъ лугу, какъ будто робѣютъ и теряются при встрѣчахъ съ непріятелемъ; усомнились и въ томъ, чтобы вѣковыя доблести русскаго народа — «кротость и образцовое послушаніе» могли замѣнить, во всѣхъ случаяхъ, душевное благородство и умственное развитіе... Началась въ Россіи внутренняя ломка, которая, естественнымъ образомъ, захватила собой и воспитаніе. Прежніе помѣщики, купцы, чиновники и офицеры, съ ихъ чадами и домочадцами, оказались изъ рукъ вонъ плохи; кромѣ того, реформа 19-го февраля 1861 г., убивъ принципъ личнаго рабства, открывала для просвѣщенія новый непочатый уголъ въ лицѣ нѣсколькихъ милліоновъ освобожденныхъ крестьянъ; понятно, что такіе крупные факты не могли не повліять на бытъ нашей школы, на измѣненіе къ лучшему цѣлей и средствъ воспитанія. Рухнули старые корпуса, приготовлявшіе парадныхъ офицеровъ; новый воздухъ проникъ и въ плотно закупоренные женскіе интернаты, которые были когда-то устроены съ цѣлью создать «новую породу людей» (выраженіе, принадлежащее Бецкому), но впослѣдствіи сами обратились въ неприглядную старину. Рядомъ съ институтами возникли открытыя школы — женскія гимназіи — основанныя на другихъ началахъ. Уступили давленію времени и «ветхія днями»

бурсы, воспѣтыя Помяловскимъ: ихъ реформа, начатая нынѣшнимъ оберъ-прокуроромъ св. синода (онъ же и министръ народн. просвѣщенія), обѣщаетъ изгнать изъ нихъ навсегда и поронье «на воздусѣхъ», и «вселенскія смази», и всѣ остатки, блаженной памяти, Домостроя. Что̀ будетъ дальше — посмотримъ, но разрушеніе стараго началось и здѣсь, наглядно показывая, что еще не всѣ тѣ люди обзываются нигилистами, которые пришли къ убѣжденію въ негодности — дѣйствительно негодныхъ порядковъ. Но что всего важнѣе: обстоятельства заставили наконецъ подумать серьёзно о народномъ образованіи и о приготовленіи хорошихъ учителей для нашихъ народныхъ школъ. Устройство учительскихъ семинарій на казенный счетъ — дѣло рѣшеное. Не забудемъ сказать, что вслѣдъ за общественнымъ воспитаніемъ переработывается на новый ладъ и воспитаніе частное, семейное, такъ что нынѣ не рѣдкость уже встрѣтить у насъ образованную мать семейства, которая слѣдитъ очень внимательно за педагогической журналистикой и выписываетъ лучшія педагогическія книги. Въ другихъ странахъ, гдѣ правительственная иниціатива не такъ сильна, бываетъ наоборотъ, т.-е. общество, пробуждаясь къ самодѣятельности, увлекаетъ за собою правительство; но мы до такой степени привыкли къ оффиціальному почину въ общественныхъ дѣлахъ, что второстепенная роль самаго общества и его вліятельнѣйшихъ представителей давно уже перестала удивлять насъ. Справедливость требуетъ замѣтить однако, что достиженіе всѣхъ указанныхъ результатовъ, — хотя бы не вполнѣ, хотя бы на половину давшихся намъ въ руки, — было бы невозможно для *однихъ* усилій правительства, еслибы усилія эти не нашли отголоска въ средѣ русскаго общества и не выдвинули впередъ людей, способныхъ разъяснить непосвященнымъ всѣ выгоды раціональнаго воспитанія. Этотъ нелегкій трудъ уясненія педагогическихъ вопросовъ взяла на себя наша литература, которая, на первыхъ порахъ, повела весьма дружную аттаку противъ тупости, формализма и одичалыхъ пріемовъ въ воспитательномъ дѣлѣ. Только въ послѣдніе годы, при общемъ понятномъ движеніи, — вызванномъ обстоятельствами, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, — нашъ дружный литературный хоръ разбился на партіи, и одной изъ нихъ (представляемой Московскими Вѣдомостями) понравилось утверждать, что всѣ эти толки о «гуманности» и «разумности» въ жизни школы, ведутъ только къ нигилизму, котораго «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать» невозможно, и что если наши учебныя заведенія не процвѣтаютъ въ уровень съ европейскими, то единственно потому, что въ нихъ обучаютъ еще кое-какимъ другимъ предметамъ, кромѣ грамматикъ Кюнера и Попова, вспомоществуемыхъ словарями г. Леонтьева. Но за то Московскія Вѣдомости стоятъ теперь совершенно въ сторонѣ отъ того, что̀ дѣлается и говорится въ нашихъ педагогическихъ круж-

кахъ: не слушая никакихъ доводовъ, не вмѣшиваясь ни въ какіе споры, онѣ ломятъ свое — объ увеличеніи числа уроковъ по греческому и латинскому языкамъ, и объ окончательномъ изгнаніи, изъ гимназическаго курса, русской словесности и естественныхъ наукъ. Всѣ возраженія, которыя дѣлаются имъ — и притомъ даже не безбородыми юношами, заподозрѣнными въ непочтеніи къ родителямъ, но попечителями учебныхъ округовъ и цѣлыми земскими собраніями — всѣ попытки урезонить ихъ или, по крайней мѣрѣ, пошатнуть вѣру въ свою папскую непогрѣшимость, испытываютъ донынѣ судьбу гороха, бросаемаго объ стѣну. Только недавно смилостивились онѣ надъ учительскими семинаріями для народа, въ которыхъ видѣли прежде пороховую мину, подводимую коварной интригой подъ самыя основы россійской монархіи. Хорошо еще, что земства не послушались ихъ, и, не дожидаясь болѣе мягкаго отзыва, начали заводить одну за другой учительскія семинаріи въ своихъ губерніяхъ. Теперь же, какъ мы сказали, и правительство отпустило средства на это дѣло, уступивъ, — что̀ у насъ очень рѣдко случается, — честь почина самому обществу.

Итакъ, мы не преувеличимъ заслугъ педагогической литературы, если скажемъ, что въ дѣлѣ возрожденія нашихъ школъ она разыграла весьма видную и полезную роль, подготовивъ почву для всѣхъ, уже совершившихся, преобразованій. Спеціальные педагогическіе журналы, прежде издаваемые и нынѣ существующіе; особыя статьи, посвященныя вопросамъ воспитанія въ литературно-политическихъ органахъ; наконецъ, отдѣльно вышедшіе педагогическіе трактаты и порядочные учебники немало способствовали (разумѣется, въ различной степени, смотря по качеству каждаго ингредіента) развитію и утвержденію въ обществѣ правильныхъ педагогическихъ понятій. Но кромѣ литературныхъ путей для выраженія своихъ взглядовъ, нѣсколько петербургскихъ педагоговъ условились, въ концѣ 1859 г., образовать педагогическое общество, которое, сблизивъ между собою всѣхъ лицъ, занимающихся воспитаніемъ, могло бы отдаться своему дѣлу полнѣе и шире, не только теоретически, но и практически. Такимъ образомъ, небольшой кружокъ педагоговъ собирался по два раза въ мѣсяцъ, поочередно другъ у друга (ихъ было вначалѣ всего 10 человѣкъ), до 9-го января 1860 г., когда бывшій попечитель учебнаго округа, И. Д. Деляновъ, разрѣшилъ производить эти собранія во 2-ой гражданской гимназіи, гдѣ продолжаются они и по настоящее время. Въ 1862 г. собраніе получило особую инструкцію и ввело въ свой кругъ значительное количество членовъ. Въ этомъ видѣ — не какъ организованное *общество*, но какъ болѣе или менѣе случайная *сходка* педагоговъ—собраніе получило нѣкоторую извѣстность въ Петербургѣ, привлекая по временамъ на свои засѣданія постороннюю публику, когда вопросъ, обсуждаемый въ нихъ, имѣлъ, не спеціальный только, но общій и всѣмъ

доступный интересъ. Подобные случаи встрѣчались нерѣдко, такъ-какъ между 70 реферратами, разработанными собраніемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, многіе посвящены были предметамъ, небезъинтереснымъ для каждаго образованнаго человѣка. Такъ, напримѣръ, здѣсь разсуждали о преподаваніи почти всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, при чемъ особенное вниманіе обращалось на образовательное значеніе каждаго изъ нихъ; предлагали различныя мѣры къ устройству народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, толковали о недостаткахъ женскаго воспитанія, о классическомъ и реальномъ образованіи, о дѣтскихъ садахъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ школѣ, о составленіи библіографическаго указателя къ русской педагогической литературѣ, о важности гигіены въ общемъ образованіи и пр. и пр. Читались также реферраты, касавшіеся исторіи воспитанія (какъ напр. очеркъ реформы Бецкаго) и устройства различныхъ учебныхъ заведеній (какъ напр. «Внутренній бытъ Итонской школы»). О всѣхъ этихъ разнообразныхъ трудахъ педагогическаго общества «лѣтопись» его выражается слѣдующимъ образомъ: «Число и разнообразіе обсуждавшихся, въ той или другой формѣ, педагогическихъ вопросовъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о томъ живомъ участіи, какое принимали и принимаютъ наши педагоги въ этомъ столь важномъ и въ то же время столь новомъ еще у насъ дѣлѣ; принимая же во вниманіе ту тѣсную рамку, въ которую вынуждена была до сихъ поръ (т.-е. до утвержденія общества) замыкаться дѣятельность петербургскаго педагогическаго собранія, можно положительно сказать, что дѣятельность собранія педагоговъ была плодотворна и не осталась безъ видимыхъ слѣдовъ. Но ни самые реферраты, ни отдѣльныя коммисіи (по спеціальнымъ вопросамъ собирались особыя сходки, составленныя изъ знатоковъ дѣла) еще не вполнѣ характеризуютъ ту пользу, какую собраніе принесло для самихъ педагоговъ. Реферраты, кромѣ выраженія личныхъ мнѣній одного изъ членовъ собранія, представляютъ еще содержаніе и предѣлы сужденій для *преній*. Вотъ эти-то пренія, руководимыя въ общемъ собраніи предсѣдателемъ, а въ частныхъ коммисіяхъ опытными педагогами-спеціалистами, благотворно вліяли на многихъ, особенно молодыхъ педагоговъ. По крайней мѣрѣ, въ собраніи неоднократно, и многими молодыми учителями и воспитателями, было заявляемо съ полной благодарностью о той пользѣ, какую они вынесли для своей практики изъ совѣтовъ и указаній, слышанныхъ ими въ педагогическомъ собраніи, при обсужденіи тѣхъ или другихъ педагогическихъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же собраніи наши педагоги имѣли и имѣютъ возможность испытывать свои собственныя педагогическія силы — какъ при обсужденіи различныхъ вопросовъ, до ихъ спеціальности относящихся, такъ и *при изложеніи образчиковъ своихъ уроковъ* предъ педагогическимъ собраніемъ — провѣрять такимъ образомъ свои тео-

ретическіе взгляды и опыты, и вносить новую энергію для дальнѣйшаго усовершенствованія». (См. Лѣтопись Педаг. общ., стр. 7—8). Чтеніе рефферратовъ, пробные уроки, и споры, возникающіе изъ столкновенія различныхъ взглядовъ на педагогическіе вопросы и изъ сличенія различныхъ пріемовъ въ преподаваніи,—все это, безъ сомнѣнія, должно было обратить на себя благосклонное вниманіе не только общества, но и министерства народнаго просвѣщенія, которое, въ кругѣ своей оффиціальной дѣятельности, ближе другихъ вѣдомствъ соприкасается съ умственными интересами страны и нуждается, слѣдовательно, въ прямой и довѣрчивой поддержкѣ общественнаго мнѣнія. Завѣдывать воспитаніемъ и образованіемъ юношества—совсѣмъ не то, что горными заводами и казенными фабриками: извлекая матеріальную выгоду изъ тѣхъ или другихъ учрежденій, правительство можетъ и не справляться о сочувствіи и умственной солидарности съ нимъ его агентовъ; лишь бы не было съ ихъ стороны явной вражды, а затѣмъ ихъ техническое умѣнье и самая элементарная честность, по заповѣди, гласящей: «не укради», дадутъ возможность вести хорошо и очетливо прибыльное дѣло. Совсѣмъ иначе поставлено у насъ воспитаніе. Руководя имъ въ данную минуту и приготовляя людей, въ чьи руки оно перейдетъ впослѣдствіи, правительство невольно задается высшею задачею, а именно требуетъ, чтобы его агенты, настоящіе и будущіе, по своему умственному развитію и пониманію потребностой времени, стояли отнюдь не ниже, но, если возможно, и выше того общества, въ которомъ придется имъ дѣйствовать. Екатерина II-я, реформируя, по мысли Бецкаго, русское воспитаніе XVIII-го вѣка, имѣла это въ виду, и если преобразованіе не удалось въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно замышлялось вначалѣ, т.-е. не создало намъ *третьяго* образованнаго сословія и не измѣнило сразу нравовъ дворянства, то, во всякомъ случаѣ, оно принесло огромную,—едва-ли оцѣненную всѣми какъ слѣдуетъ,—пользу развитію гуманныхъ идей въ Россіи. Сравнительная мягкость нравовъ въ царствованіе Александра I не есть ли видимый результатъ улучшенія воспитанія, которое, до Бецкаго, ограничивалось чисто внѣшнимъ, формальнымъ задалбливаніемъ учебниковъ и сопровождалось жестокими наказаніями, убивавшими смолоду въ ребенкѣ всякое уваженіе къ человѣческой личности. Правительство, сказавшее устами Бецкаго, что ребенокъ есть нравственная личность, на которую нужно дѣйствовать нравственными же средствами, а не насиліемъ и угрозами, — и при томъ не только сказавшее, но отчасти исполнившее свою мысль,—подняло этимъ духъ страны гораздо больше, чѣмъ всѣми своими военными и дипломатическими побѣдами, сложенными вмѣстѣ. Мы не будемъ входить въ подробности: отчего реформа Бецкаго не оправдала всѣхъ, возбужденныхъ ею надеждъ; но нельзя не вспомнить однако, что одно уже крѣпостное право, процвѣтавшее

тогда, способно было замедлить, а въ значительной степени и парализовать совсѣмъ хорошіе результаты воспитанія. Мальчики и дѣвочки, воспитанные въ гуманныхъ началахъ, возвращались въ среду, гдѣ Простаковы были не въ диковинку; немудрено, что ихъ прежнія понятія и привычки (предположивъ даже, что воспитаніе было вполнѣ удачно) уступали скоро мѣсто самодурнымъ наклонностямъ, царившимъ вокругъ. Борьба была слишкомъ неровная... а реформа политическая, которая могла бы нѣсколько уравновѣсить ея шансы, не шла на помощь реформѣ педагогической. Между тѣмъ, вліяніе жизни, т.-е. цѣлой общественной среды, всегда сильнѣе вліянія школы, потому что охватываетъ человѣка продолжительнѣе и, буквально, со всѣхъ сторонъ, навязывая ему то въ той, то въ другой формѣ, и не сегодня, такъ завтра, свои вкусы, привычки и воззрѣнія. Воспитаніе же, вообще говоря, можетъ развить и упрочить *вполнѣ* только тѣ идеи, которыя привились уже въ самомъ обществѣ или, по крайней мѣрѣ, не встрѣчаютъ себѣ отпора и непримиримаго противодѣйствія въ злоупотребленіяхъ, огражденныхъ закономъ. Тѣмъ не менѣе, реформа Бецкаго записана неизгладимыми чертами въ исторіи русскаго воспитанія. Нынѣ, препятствія, мѣшавшія Бецкому, устранены во многомъ (хотя и не во всемъ) послѣдними преобразованіями, и школа, какъ проводникъ цивилизующихъ идей, можетъ сослужить еще бо̀льшую службу нашему отечеству. Наши прежніе педагоги, внушавшіе намъ премудрое правило: «не разсуждай, а исполняй», забывая, что даже толковая исполнительность нуждается въ способности разсужденія,—эти настоящіе компрачикосы, занимавшіеся нравственнымъ изуродованіемъ младенцевъ, уже перестали, по счастію, удовлетворять современнымъ требованіямъ нашего общественнаго строя. Освобожденіе крестьянъ, гласные суды, земскія учрежденія, нѣкоторыя льготы, данныя прессѣ—всѣ эти реформы, даже въ своихъ ограниченныхъ размѣрахъ, требуютъ новыхъ дѣятелей, совершенно непохожихъ на старыхъ становыхъ приставовъ или на гусаровъ препрославленнаго изюмскаго полка. Вліяніе школы, подготовляющей людей къ публичной дѣятельности, не должно быть ниже цивилизующаго вліянія новыхъ формъ общественной жизни. Изъ среды общества слѣдуетъ вызвать новую силу, направленную къ охраненію и развитію въ школѣ здравыхъ началъ, уже внесенныхъ въ русскую жизнь; а этою силою обѣщаетъ быть только сословіе образованныхъ, честныхъ и развитыхъ не на старый ладъ педагоговъ. Реформа воспитанія и обученія должна бы падать у насъ не столько на внѣшнюю регламентацію школьнаго дѣла въ родѣ перетасовки и урѣзыванія учебныхъ программъ, сколько на возвышеніе воспитательнаго духа школы посредствомъ устраненія изъ нея того бюрократическаго элемента, который упорно держится въ ней, обращая нерѣдко самыя существенныя требованія педагогики въ простую канцелярскую переписку. Эту мысль проводитъ и лѣто-

*

пись педагогическаго общества, настаивая (въ особой запискѣ, поданной въ министерство) на устройствѣ «внутренней стороны учебныхъ заведеній», согласно съ здравыми педагогическими началами, давно выработанными въ Европѣ. «Весьма естественно—гласитъ эта записка—что измѣнить въ значительной степени внутренній строй, духъ и направленіе учебныхъ заведеній возможно только при содѣйствіи тѣхъ лицъ, дѣятельность которыхъ посвящена воспитанію. Такимъ образомъ въ Россіи выдвинутъ былъ, наконецъ, *вопросъ о педагогическомъ сословіи*, его образованіи, положеніи, правахъ и о дарованіи ему соотвѣтственнаго участія въ судьбѣ самыхъ учебныхъ заведеній. Впервые сознана была у насъ та непреложная истина, что дѣло вполнѣ плодотворнаго воспитанія зависитъ главнѣйшимъ образомъ не столько отъ устройства системы и соединенныхъ съ нею уставовъ и регламентовъ, *сколько отъ дѣйствующихъ лицъ и даннаго имъ положенія*. При такомъ положеніи дѣла необходимость соединенія педагоговъ различныхъ спеціальностей и направленій въ одно цѣлое дѣлалась крайней необходимостью. Эту-то необходимость и преслѣдовали какъ основатели петербургскаго педагогическаго собранія, такъ и добровольно вступившіе въ него члены. Выясненіе, посредствомъ обмѣна мыслей въ живомъ устномъ словѣ, многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области педагогики, и *взаимная поддержка учителей и воспитателей* на трудномъ поприщѣ воспитанія—вотъ содержаніе той дѣятельности, которой посвятило себя петербургское педагогическое собраніе. Этотъ принципъ самодѣятельности педагогическаго сословія, заключающейся въ безпрепятственной выработкѣ идей и возможно широкомъ примѣненіи ихъ на практикѣ, заслуживалъ полнѣйшаго сочувствія и поддержки, и министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, такъ и отнеслось къ возникавшей дѣятельности педагогическаго собранія. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1861 г. педагогическому собранію предоставлено было разработать новый проектъ устава среднихъ общеобразовательныхъ школъ, и при измѣненіи устава, министерство воспользовалось, сдѣланными такимъ путемъ, замѣчаніями. Между членами собранія мы находимъ, съ самаго его основанія, кромѣ преподавателей разныхъ учебныхъ заведеній и редакторовъ педагогическихъ журналовъ, — двухъ попечителей учебныхъ округовъ, одного члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, многихъ директоровъ и инспекторовъ гимназій и прогимназій. О литературныхъ и педагогическихъ заслугахъ всѣхъ этихъ лицъ можно, конечно, имѣть самыя различныя мнѣнія; но несомнѣнно то, что въ полномъ своемъ составѣ петербургское «педагогическое собраніе» представляло (и представляетъ теперь уже подъ именемъ «общества») почти всю наличность умственныхъ силъ, посвятившихъ себя въ нашей столицѣ, практическому дѣлу преподаванія и воспитанія, а также литературной разработкѣ педагогическихъ

вопросовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пробѣжать списокъ членовъ, приложенный къ первому выпуску «Лѣтописи», съ указаніемъ оффиціальнаго положенія поименованныхъ лицъ. Тутъ встрѣчаются имена гг. Воронова, Рѣдкина, Ушинскаго, Веселя, Паульсона, Даниловича, Осинина, Тимофеева, Классовскаго, Водовозова, Косинскаго, Семенова, Резенера, Сидонскаго, Скворцова, Страннолюбскаго, Цейдлера, Мѣдникова, С.-Иллера, Григорьева, Рашевскаго, Люгебиля, Скабичевскаго, Мая, Кедрова, Шакѣева, Стоюнина, гг. Эвальдовъ, Герда, Евтушевскаго и др. Всѣ эти имена болѣе или менѣе извѣстны въ здѣшнихъ педагогическихъ кружкахъ. Между ними не находимъ только имени г. Георгіевскаго, редактора Журнала Мин. Нар. Прос., да и то, можетъ быть, «по обстоятельствамъ, отъ редакціи не зависящимъ». Въ педагогическомъ собраніи высказывались за однимъ столомъ самые противоположные взгляды на вещи; преподаватели гражданскихъ и военныхъ гимназій, профессора университетовъ встрѣчались здѣсь съ преподавателями институтовъ и женскихъ гимназій; важныя лица администраціи удостоивали обмѣниваться мыслями съ безчиновными педагогами и сотрудниками педагогическихъ журналовъ. «Какая смѣсь одеждъ и лицъ!» можно было воскликнуть, глядя на это многолюдное собраніе и слушая его разнохарактерную бесѣду. Но, несмотря на обиліе направленій и полный просторъ, предоставленный каждому члену въ выраженіи своихъ мыслей, собраніе не удовлетворило всѣхъ оффиціальныхъ педагоговъ, и когда поднялся вопросъ о преобразованіи его въ общество съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности, то нашлись какія-то препятствія, какія-то недоразумѣнія, которыя надо было устранить. Дѣло это тянулось нѣсколько лѣтъ. Боже! невольно подумаешь при этомъ: что̀ только не встрѣчаетъ у насъ препятствій, что̀ не порождаетъ недоразумѣній!! Наша фатальная непривычка къ гласности и общественному дѣлу заставляетъ насъ осматривать подозрительно, съ ногъ до головы, каждаго, кто только рискнулъ однажды выражать публично свои мнѣнія. Въ каждомъ словѣ такого человѣка видятъ непремѣнно заднюю мысль («вишь куды мѣтитъ!»), въ каждомъ ораторскомъ жестѣ, которымъ сопровождаетъ онъ невинныя изліянія своего сердца — угрозу кому-то и за что-то. О затрудненіяхъ, встрѣтившихъ проектъ новаго устава, объ этой «черной кошкѣ», пробѣжавшей между собраніемъ и администраціей, лѣтопись говоритъ неохотно и уклончиво, указывая на «тѣнь какого-то недовѣрія» (стр. 8); но намъ кажется, что объ этомъ слѣдовало бы говорить откровеннѣе, тѣмъ болѣе, что и самыя затрудненія, какъ несущественныя и случайныя, уже устранены утвержденіемъ новаго устава. А между тѣмъ, выясненіе такихъ вещей было бы небезполезно на будущее время — какъ для общества педагоговъ, такъ и для администраціи, нынѣ взявшей его подъ свое «непосредственное по-

кровительство». Городскіе слухи давно говорили, что нѣкоторые, такъ-называемые, «дѣловые» педагоги, т.-е. считающіе педагогическимъ *дѣломъ* одно лишь полученіе въ срокъ казеннаго жалованья, оставались недовольны якобы безсодержательными бесѣдами педагогическаго собранія и называли ихъ, просто на просто, болтовнею. Но великіе мудрецы эти врядъ ли особенно повредили собранію, такъ-какъ никто не мѣшалъ имъ появиться среди болтающихъ педагоговъ и внести, своимъ присутствіемъ, потребную дозу глубокомыслія и серьёзнаго отношенія къ дѣлу. Если же они не являлись (даже состоя членами собранія), то-есть считались постоянно *въ нѣтяхъ*, то для объясненія этого возможна только слѣдующая дилемма: или они нисколько не дорожили успѣхомъ общаго дѣла, предоставивъ людямъ легкомысленнымъ думать и говорить за себя, или же легкомысленныя рѣчи далеко не были таковыми на самомъ дѣлѣ, и противъ нихъ было легче сражаться за стѣнами, а не въ стѣнахъ педагогическаго собранія. Отъ этой дилеммы отвертѣться нельзя, сколько ни хитри и ни придумывай уклончивыхъ отвѣтовъ. Гораздо серьёзнѣе были упреки не въ болтовнѣ, а въ какомъ-то зложелательствѣ, господствующемъ между членами педагогическаго собранія. Упреки эти начались, сколько помнится, съ того времени, когда г. Водовозовъ поднялъ цѣлую бурю въ собраніи своимъ рефферратомъ о классическомъ и реальномъ образованіи (въ 1865 г.). Читатели не забыли, вѣроятно, что въ это время «Московскія Вѣдомости» успѣли уже поставить этотъ вопросъ на уголовную, такъ сказать, почву, доказывая, чуть не въ каждомъ своемъ нумерѣ, что нашъ реализмъ есть сама переодѣтая революція, крадущаяся въ Россію не съ кинжаломъ и бомбою, но съ химическою ретортою и гербаріемъ за пазухой. Кто хотѣлъ зарекомендовать себя благонамѣреннымъ человѣкомъ, тотъ высказывался за классицизмъ; защитники же реальныхъ школъ должны были, съ божбою и слезами на глазахъ, увѣрять публику, что они въ поджогѣ толкучки не участвовали и прокламацій не писали и не раскидывали. Какъ это, право, все идетъ у насъ навыворотъ, и какъ легко невиннѣйшіе предметы получаютъ зловѣщую окраску и дѣлаются пугаломъ въ рукахъ ловкихъ людей. Время Магницкаго прошло, и его дѣятельность предана поруганію даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; но обвинить въ неблагонамѣренности цѣлую отрасль человѣческихъ познаній все еще возможно и въ шестидесятыхъ годахъ.

Мы не намѣрены поднимать и перерѣшать здѣсь «по существу» (употребляемъ извѣстный юридическій терминъ) всѣмъ опостылѣвшій и до крайности изъѣзженный вопросъ о классицизмѣ: кто хотѣлъ *добросовѣстно* познакомиться съ нимъ, не примѣшивая сюда никакихъ личныхъ цѣлей и видовъ, тотъ могъ давно исполнить свое желаніе по тѣмъ статьямъ, которыя печатались, въ разное время, въ русскихъ журналахъ. Теоретическая сторона этого вопроса уже вполнѣ исчерпана, и мы не

имѣемъ надобности повторять всѣ сильные доводы, сказанные въ защиту общеобразовательнаго значенія естественныхъ наукъ. Но мы не можемъ удержаться — благо это пришлось къ слову — чтобы не коснуться слегка другой, формальной стороны вопроса, а именно: того положенія, какое занимаетъ онъ въ современномъ европейскомъ обществѣ. Изъ сравненія этого положенія съ тѣми кандійскими ущеліями, въ которыя загнали его наши отечественные любители просвѣщенія, будетъ видно: до чего съумѣли у насъ извратить и запутать дѣло, само по себѣ простое и ясное. При этомъ «зложелательство» педагогическаго собранія, разсуждавшаго о вопросѣ, который получилъ у насъ однихъ всѣ свойства разрывной гранаты, — низведется до скромныхъ размѣровъ обыкновенныхъ преній, не только не излишнихъ, но даже обязательныхъ для общества лицъ, спеціально занимающихся обученіемъ юношества. Реальныя школы учреждены не со вчерашняго дня въ Европѣ; въ Англіи, Франціи, Германіи и Сѣверной Америкѣ существуетъ сильное, литературное и общественное, движеніе противъ классицизма; Тиндаль, Гёксли, Ляйелль, Спенсеръ и другіе корифеи англійской науки толкуютъ о введеніи естественныхъ наукъ въ курсъ общаго образованія; во Франціи открывается нормальная школа для обезпеченія за реальными училищами хорошаго состава преподавателей; Лоу и Гладстонъ говорятъ въ парламентѣ и на митингахъ противъ односторонности филологическаго принципа; а у насъ, среди бѣла дня, кричатъ, что реальныя школы выдуманы спеціально затѣмъ, чтобы повредить величію и незыблемости нашего отечества. Какъ бы слѣдовало, по нашему, назвать Лоу (члена нынѣшняго англійскаго министерства), дерзнувшаго утверждать, на народной сходкѣ въ Ливерпулѣ, что англійская аристократія «положительно недовольна своимъ образованіемъ», и что для средняго класса нужно установить новую систему общеобразовательныхъ школъ? Послушайте-ка, что̀ говоритъ — и говоритъ безнаказанно — этотъ зловредный ораторъ: «Спросите *любаго человѣка*, прошедшаго чрезъ обыкновенную рутину образованія въ общественномъ училищѣ или въ университетѣ — доволенъ ли онъ, когда оставляетъ эти школы, можетъ ли онъ сказать, что онъ экипированъ и вооруженъ всѣмъ, что̀ нужно для борьбы жизни? Я имѣю случай знать много такихъ людей и знаю, что они ежегодно ощущаютъ недостатки этого образованія. Какимъ же образомъ они пришли къ нему? Вотъ какимъ. *Въ тѣ времена, когда учиться было еще нечему* и никто не могъ знать ничего полезнаго, *учреждено было нѣсколько фондовъ съ цѣлью учить латинскому и греческому языкамъ* («когда учить было нечему» — вотъ какъ аттестуетъ Лоу происхожденіе классическихъ школъ, что̀ даже несовсѣмъ справедливо), и эти фонды и стипендіи существуютъ до сихъ поръ, привлекая большое число учениковъ къ школамъ, въ пользу которыхъ онѣ учреждены. Съ тѣхъ поръ возникли истинныя

познанія, науки, литературы, но эти учрежденія остались неподвижны. Люди отъ отца къ сыну шли туда въ теченіе вѣковъ, какъ бы не зная, что все естествознаніе, политическая экономія, новая литература и почти вся чистая математика возникли уже послѣ ихъ основанія. Среднему классу нужно не это образованіе. *Членамъ палаты общинъ оно можетъ быть нужно для цитатъ* (еще насмѣхается, коварный человѣкъ!), но среднему классу нужны тѣ знанія, которыя пріучаютъ къ наблюдательности, къ ясному, точному пониманію вещей, къ сужденію на основаніи фактовъ, къ самостоятельной работѣ. Классическое образованіе не можетъ дать ничего этого... Конечно, филологія приноситъ пользу, какъ всѣ науки, исключая науки геральдической, но *филологія не годится, какъ отсталый принципъ народнаго образованія*. Учите людей средняго класса правильно писать на своемъ языкѣ, учите ихъ живымъ иностраннымъ языкамъ, которые могутъ не хуже классической литературы образовать ихъ вкусъ и сверхъ того открыть имъ всю филологическую литературу; учите ихъ чистой математикѣ, которая пріучаетъ умъ къ вѣрности выводовъ, знакомьте ихъ съ естественными науками, наглядно обращая ихъ вниманіе на невозможность гипотезъ въ пріобрѣтеніи истиннаго знанія. *Естественныя науки пріучаютъ къ важному качеству — видѣть вещи реально какъ онѣ есть*, а не считать ихъ истинными потому только, что хочется признавать ихъ истинными. Самое утонченіе и украшеніе ума лучше достигается знакомствомъ съ великолѣпными процессами природы, чѣмъ съ произведеніями человѣка». (См. «Недѣлю» 1868 г. № 18, ст. г. Волоколамскаго). Аристократіи, въ англійскомъ смыслѣ, нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи, сколько бы ни грустила по этому поводу «консервативная», то-есть охраняющая свои собственныя фантазіи, газета «Вѣсть»; слѣдовательно все, что̀ говоритъ Лоу о потребностяхъ средняго класса, примѣняется прямо къ нашему образованному обществу. Теперь забудьте на минуту, читатели, что это сказано въ Ливерпулѣ, а не гдѣ нибудь на Большой Мѣщанской, что ораторъ — англійскій министръ, до котораго не рукой подать, и представьте себѣ всѣ обвиненія, которыя разразились бы надъ этими, вовсе не новыми мыслями, еслибы онѣ встрѣтились у насъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ чьей нибудь публичной рѣчи или въ журнальной статьѣ. Тутъ есть всѣ матеріалы для уголовщины: и естественныя науки съ ихъ «точнымъ анализомъ», и истинное познаніе, исключающее возможность гипотезъ, и «реальный взглядъ на вещи», словомъ, всѣ тѣ выраженія, за которыя обыкновенно цѣплялись ловкіе агитаторы классицизма. «Естественныя науки — твердили эти господа — потому и вредны, что онѣ, развивая скептицизмъ въ юныхъ умахъ, ведутъ къ матеріализму и политическому свободомыслію; изученіе же классической древности, которое должно служить имъ противовѣсомъ, укрѣпляетъ въ вѣрѣ праотцевъ

и сохраняетъ надолго политическую наивность». (Мы не приводимъ буквальныхъ цитатъ, но ручаемся за сохраненіе существеннаго смысла аргументаціи и, если понадобится, готовы сдѣлать множество подходящихъ выписокъ). Конечно, слушателямъ нужно было ошалѣть до извѣстной степени, чтобы внимать безпрекословно подобной логикѣ; но ошалѣніе производилось посредствомъ искусныхъ политическихъ намековъ, а затѣмъ никому уже не приходило въ голову, что всякая наука, какъ бы она ни называлась—филологіей или біологіей—основана на критическомъ отношеніи къ изучаемымъ фактамъ и что покуда рѣчь идетъ собственно объ этомъ, то классицизмъ и реализмъ остаются въ сторонѣ, а на сцену выдвигается старый, какъ міръ, вопросъ о *знаніи* и *невѣжествѣ*, какъ двухъ противоположныхъ полюсахъ нашего умственнаго бытія. Никто также не задумывался и о томъ, что *направленіе*, прогрессивное или консервативное, заключается не въ самой наукѣ, а въ личностяхъ, которыя за нее берутся, что естествознаніе снабжало многихъ фактами для подкрѣпленія существующаго порядка, а изученіе классическаго міра съ его республиками, съ его Брутами и Кассіями, внушало, наоборотъ, далеко не миролюбивое отношеніе къ современности. C'est selon, какъ любятъ говорить французы, и застраховать какую бы то ни было науку (если только это не геральдика, по остроумному замѣчанію Лоу) отъ того или другаго направленія — невозможно, покуда, говоря высокимъ слогомъ, у вѣчнаго алтаря науки не будутъ находиться временные служители изъ плоти и костей человѣческихъ. Когда пишущій эти строки столкнулся нынѣшнимъ лѣтомъ въ Парижѣ съ однимъ, весьма извѣстнымъ, радикальнымъ писателемъ, то онъ былъ изумленъ тѣмъ употребленіемъ, которое сдѣлали французы изъ классицизма, — изумленъ единственно потому, что въ ушахъ у него еще звенѣли наши домашніе толки объ этомъ предметѣ. Французъ говорилъ: «Естествознаніе, *если оно ограничивается безсмысленнымъ наборомъ фактовъ*, *sans des hautes considérations*, какъ это и было у насъ при бифуркаціи, устроенной Дюрюи, — не ведетъ ни къ какому результату, тогда-какъ толковое изученіе древности съ ея гражданскими доблестями и умственными богатствами, съ ея законченнымъ цикломъ религіозныхъ представленій, развиваетъ пытливость юноши, наталкивая его на разные интересные вопросы». Внутренно соглашаясь съ почтеннымъ писателемъ, что *такое* изученіе можетъ, дѣйствительно, будить дремлющую мысль, хотя цѣль эта не предполагаетъ непремѣнно знакомство съ древней литературою въ подлинникѣ и достигается легче основательнымъ преподаваніемъ всеобщей исторіи и литературы, — я ничего не возразилъ ему, а посовѣтовалъ только написать статью въ этомъ родѣ для «Московскихъ Вѣдомостей». То-то удивились бы онѣ, найдя себѣ такого неожиданнаго союзника! Впрочемъ, мы уже слишкомъ распространяемся объ этомъ, и намъ дѣлается даже совѣстно пе-

редъ великими тѣнями Аристотеля, Тацита, Гракха, Плинія и другихъ. Думали ли они когда-нибудь, что ихъ именами будутъ прикрывать — тамъ, гдѣ-то на Моросейкѣ, — всякую гниль и ветошь въ наукѣ и въ общественной жизни? Мы привели образчики англійскаго взгляда на естествознаніе; но насъ увѣряли еще, что реальныя школы — даже тамъ, гдѣ онѣ существуютъ въ Европѣ — находятся совершенно въ загонѣ и отнюдь не конкурируютъ съ классическими гимназіями, преслѣдуя свои *спеціальныя* цѣли. Но и это увѣреніе оказывается столько же добросовѣстнымъ, какъ навязыванье естественнымъ наукамъ революціоннаго характера. Въ прусскомъ «Положеніи объ устройствѣ учебной части въ реальныхъ и высшихъ городскихъ училищахъ», изданномъ въ 1859 году, реальнымъ школамъ усвоено именно то *общеобразовательное* значеніе, котораго онѣ долго добивались. «Реальныя и высшія городскія школы — говорится въ этомъ «Положеніи» — *не суть спеціальныя заведенія*, но одинаково съ гимназіями пользуются общеобразовательными средствами и основными знаніями. *Между гимназіями и реальными школами нѣтъ различія въ основаніи*, но существуютъ только отношенія взаимнаго ограниченія и пополненія. Онѣ раздѣляютъ между собою одно общее назначеніе — сообщать основанія всего высшаго образованія по всѣмъ главнымъ отраслямъ различныхъ родовъ призванія. Это раздѣленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, необходимымъ вслѣдствіе развитія различныхъ наукъ и различныхъ жизненныхъ отношеній, и реальныя школы получили при этомъ равноправное положеніе съ гимназіями. Между тѣмъ, какъ въ гимназіяхъ главнымъ средствомъ для достиженія цѣли служитъ изученіе обоихъ древне-классическихъ языковъ—реальныя школы обращаютъ преимущественное вниманіе на основательное ознакомленіе съ явленіями и произведеніями природы и на изученіе отечественныхъ и новыхъ языковъ образованнѣйшихъ народовъ Европы. Но такъ-какъ настоящее можетъ быть основательно понято только изъ прошедшаго, поэтому и преподаваніе исторіи должно занимать видное мѣсто въ реальныхъ школахъ... Такимъ образомъ, кромѣ обученія религіи, всѣ учебные предметы реальныхъ школъ * въ сущности принадлежатъ къ двумъ областямъ ученія: *къ языкамъ съ исторіей и къ математикѣ съ естествознаніемъ*, къ которымъ присоединяются еще техническія умѣнья». («Очеркъ исторіи воспитанія и обученія» г. Модзолевскаго, выпускъ второй, стр. 609—

* Замѣтимъ мимоходомъ, что эти городскія школы (Bürgerschulen) г. Катковъ претворялъ, въ русскомъ переводѣ, въ *мѣщанскія* школы. Это — съ язвительною цѣлью, чтобы читатель вспомнилъ о нашихъ мѣщанахъ и подумалъ, что въ этихъ школахъ обучаютъ только одной грамотѣ. Переводъ немножко вольный и отчасти напоминаетъ извѣстнаго *женевскаго мѣщанина* Руссо. Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе бюргеры, равно какъ и вся западная буржуазія, очень мало похожи на нашихъ мѣщанъ, и у нихъ не мѣшаетъ поучиться кое-чему и русскимъ дворянамъ.

610). Выходитъ, что реализмъ занялъ прочное положеніе въ системѣ общаго образованія въ Европѣ, а «развитіе различныхъ наукъ и различныхъ жизненныхъ отношеній», о которомъ говоритъ прусское «Положеніе», то-есть проще, быстрое развитіе естественныхъ наукъ и настоятельная необходимость знакомиться съ языками и литературами образованныхъ сосѣдей, поведутъ, въ недалекомъ будущемъ, къ еще большему усиленію,—если не къ окончательному торжеству,—этой системы образованія. Видно также, что реализмъ вовсе не враждуетъ съ такъ-называемыми гуманными науками, то-есть съ исторіей и литературой; напротивъ, онъ придаетъ даже большое образовательное значеніе исторіи, а при изученіи языка знакомитъ и съ лучшими произведеніями новой литературы. Въ концѣ концовъ реализмъ не есть ни революціонное пугало, ни узкая спеціализація образованія въ ущербъ всестороннему развитію умственныхъ способностей; но есть только форма общаго образованія, которая властительно распространяется по Европѣ и отъ которой не отчураешься ни инсинуаціями, ни заклятіями. Но возвратимся къ педагогическому собранію.

Можно бы, кажется, надѣяться, что обсужденіе вопроса, сдѣлавшагося общимъ мѣстомъ въ Европѣ, — вопроса, о которомъ говорятъ спокойнымъ тономъ въ парламентѣ и на митингахъ, въ литературѣ и въ оффиціальныхъ положеніяхъ — не встрѣтитъ препятствій и въ русскомъ педагогическомъ собраніи, которое только исполняло свою задачу, возбуждая его на своихъ преніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ же должны толковать петербургскіе педагоги — всѣ эти профессора, редакторы, учителя и директоры различныхъ заведеній — если не о существенныхъ вопросахъ, порождаемыхъ развитіемъ учебнаго дѣла въ Россіи. Гдѣ же, наконецъ, граница между преніями дозволенными и недозволенными? Что̀ можетъ заслужить нареканіе и что̀ — похвалу?

Мы не знаемъ, какія именно мысли развивалъ г. Водовозовъ въ своемъ рефферате о классицизмѣ и реализмѣ; но его мнѣніе было, во всякомъ случаѣ, полезно и любопытно, такъ-какъ онъ самъ хорошо изучилъ классическую древность и даже переводилъ съ толкомъ греческихъ писателей. Осудилъ ли онъ классицизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ водворяютъ его въ русскихъ школахъ, или отнесся неодобрительно къ самому принципу классическаго образованія, находя его несвоевременнымъ и отсталымъ — на тотъ и другой конецъ онъ представилъ, безъ сомнѣнія, не мало логическихъ доводовъ и наблюденій, почерпнутыхъ имъ изъ собственнаго опыта. Но строгіе классики, вмѣсто благодарности референту, осудили какъ его самого, такъ и педагогическое собраніе, большинство котораго оказалось не на сторонѣ классицизма. Обсужденіе вопроса, уже рѣшеннаго въ законодательномъ порядкѣ, было признано неумѣстнымъ и даже чуть ли не дерзкимъ со сто-

ропы г. Водовозова. Но мы спрашиваемъ опять: чѣмъ стало бы заниматься педагогическое собраніе, если бы оно не пользовалось своимъ правомъ относиться критически ко всѣмъ важнымъ педагогическимъ вопросамъ? Какую пользу принесло бы оно себѣ, обществу и правительству? Педагогическія системы смѣняютъ одна другую, и всѣ онѣ утверждаются въ законодательномъ порядкѣ; но рѣшенное сегодня можетъ измѣниться, въ извѣстный срокъ, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей и указаній общественнаго мнѣнія. Съ полнымъ уваженіемъ къ закону и не отрицая его практической обязательности, можно и должно заявлять объ его недостаткахъ, которые уже чувствуются и сознаются обществомъ: это и есть тотъ бьющійся пульсъ общественной жизни, съ которымъ всякое благонамѣренное правительство сообразуетъ свои дѣйствія. Если г. Катковъ требуетъ окончательнаго разрушенія реальныхъ гимназій (хотя онѣ также утверждены въ законодательномъ порядкѣ), то справедливость требуетъ выслушать до конца, и не гнѣваясь, противоположное мнѣніе. Иначе, не трудно ошибиться и принять требованія одной газеты за vox populi.

Намъ пріятно заявить, что злыя сплетни и недальновидные пересуды дѣйствій собранія не произвели подобающаго эффекта въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и новый уставъ, узаконивъ сходки педагоговъ въ видѣ правильныхъ засѣданій «Педагогическаго общества», даетъ возможность этому послѣднему расширить и упрочить свою полезную дѣятельность. Изъ перваго нумера «Лѣтописи» мы видимъ, что вновь утвержденное общество не тратитъ даромъ времени и уже успѣло возбудить нѣсколько серьёзныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, объ устройствѣ учительской кассы и о проложеніи доступа членамъ общества въ различныя учебныя заведенія — съ цѣлью собрать побольше точныхъ свѣдѣній о развитіи у насъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Этотъ послѣдній вопросъ былъ возбужденъ г. Резенеромъ, который сдѣлалъ подробное сообщеніе по поводу уроковъ, задаваемыхъ ученикамъ на домъ въ одной изъ здѣшнихъ классическихъ гимназій. Источниками для этого сообщенія послужили: вопервыхъ, извлеченіе изъ класснаго журнала, въ который преподаватели записываютъ заданные ими уроки; вовторыхъ, классныя тетради ученика гимназіи и, наконецъ, словесныя показанія этого ученика и заявленіе лица, помогавшаго ему въ занятіяхъ. Объ источникахъ подобнаго рода г. Резенеръ замѣтилъ, что они, по большой части, закрыты для постороннихъ наблюдателей, а потому и сообщеніе его не можетъ имѣть желаемой полноты и точности. Но однако, по его мнѣнію, и тѣхъ свѣдѣній, которыя ему удалось собрать, достаточно, чтобы придти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ по предмету его сообщенія. Такъ, напримѣръ, ученикамъ третьяго класса въ этой гимназіи (г. референтъ не указалъ, въ какой именно) были

заданы къ одному дню слѣдующіе уроки: по естественной исторіи — повторить четыре страницы изъ зоологіи и двѣ изъ ботаники; кромѣ того, выучить заново по запискамъ страницы двѣ. Этихъ любопытныхъ записокъ г. Резенеръ не имѣлъ въ рукахъ, но чтобы познакомить собраніе съ подобными уроками, онъ прочелъ по запискамъ, составленнымъ тѣмъ же учителемъ для перваго класса, урокъ о киновари. Здѣсь, между прочимъ, говорится объ удѣльномъ вѣсѣ тѣлъ (цифры удѣльнаго вѣса ученикомъ перепутаны, потому что онъ еще плохо знакомъ съ ариѳметикой), о косыхъ кубахъ (!!), о закиси, окиси, о паѣ ртути, пропорціональномъ числѣ, и встрѣчается даже химическая формула. По уроку русскаго языка: изъ славянской грамматики Перевлѣсскаго двѣ съ половиною страницы о глухихъ гласныхъ и юсахъ. Изъ французскаго языка — перевести полстраницы и, наконецъ, по закону божію, приготовить изъ катихизиса пять страницъ. Итого, повторить и выучить къ одному дню пятнадцать съ половиною страницъ самаго разнообразнаго матеріала, а времени у мальчика — нѣсколько часовъ послѣ обѣда. Всѣ эти факты, случайно добытые г. Резенеромъ, привели его къ тому заключенію, что учебное дѣло ведется у насъ очень худо, ниже всякой критики, что надобно воспользоваться всѣми возможными способами — контролировать учебныя заведенія: слѣдить за классными и штрафными журналами, протоколами педагогическихъ совѣтовъ, просматривать тетради учениковъ. Но всѣхъ этихъ документовъ еще мало для полнаго ознакомленія съ учебнымъ дѣломъ, и членамъ педагогическаго общества необходимо получить доступъ въ самыя школы, испросивъ на то разрѣшеніе отъ министерства и другихъ учебныхъ вѣдомствъ. Сообщеніе г. Резенера произвело, повидимому, большое впечатлѣніе въ собраніи. И дѣйствительно, стоитъ надъ чѣмъ призадуматься: въ Петербургѣ, подъ бокомъ у администраціи, подъ контролемъ общества и литературы, существуетъ учебное заведеніе, въ которомъ машинальное долбленіе книгъ и записокъ замѣняетъ собой умственное развитіе, и 10—12-тилѣтніе мальчики отдаются въ жертву неумѣлымъ грамотѣямъ, лишеннымъ всякаго педагогическаго образованія. Въ головахъ у этихъ мальчиковъ разныя закиси и окиси перепутываются съ юсами и текстами св. писанія; работаетъ одна только память, а пресловутыя естественныя науки, — въ которыхъ наши классики усматривали одинъ нигилистическій ядъ, — обращены въ отличное средство для затупленія дѣтей. Въ спорахъ, возникшихъ по этому поводу, нѣкоторые члены общества не соглашались съ рѣзкою характеристикою, распространенной г. Резенеромъ на всѣ наши учебныя заведенія; но противъ основной его мысли — дать возможность педагогическому обществу ознакомиться ближе съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашихъ школъ — никто не представилъ возраженій. Остается только пріискать наиболѣе удобныя средства для собиранія учебныхъ и воспитательныхъ

матеріаловъ, и съ этою цѣлью образовалась уже особая коммисія изъ пяти членовъ педагогическаго общества. Другая коммисія занимается разработкой устава учительской кассы, вызванной необходимостью обезпечить, на случай крайней нужды, бѣднѣйшихъ дѣятелей педагогическаго сословія. Покуда неизвѣстно еще, къ чему приведетъ обсужденіе названныхъ вопросовъ; но мы предоставляемъ себѣ право, по мѣрѣ выхода «Лѣтописи», обратить на нихъ снова вниманіе нашихъ читателей. Желаемъ одного: чтобы мнѣнія, высказываемыя въ педагогическомъ обществѣ, не подвергались напередъ враждебному перетолкованію досужихъ педагогическихъ кумушекъ, т.-е. не испытали той же участи, какъ толки о классицизмѣ и реализмѣ. Цѣль «общества» и высшей администраціи — мы надѣемся — одна и та же: это наибольшое развитіе просвѣщенія въ Россіи; къ этой цѣли можно стремиться различными путями, и всѣ они должны быть подвергнуты разносторонней критической оцѣнкѣ. Только подобная оцѣнка покажетъ намъ: какой путь вѣрнѣе и ближе, и какой отводитъ насъ совсѣмъ въ сторону отъ предположенной цѣли.

А. П.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо девятое.

Какъ дѣлается русская деньга? Та русская деньга, которая съ одной стороны служитъ на пополненіе общаго ящика, а съ другой стороны на удовлетвореніе эстетическихъ потребностей досужихъ людей — вотъ вопросъ, котораго отнюдь не слѣдуетъ предлагать нашимъ губернскимъ исторіографамъ. Они, навѣрное, отвѣтятъ, что деньга родится въ голенищѣ мужицкаго сапога, или, по малой мѣрѣ, притаилась у мужика въ спинѣ. Больше ничего эти люди не знаютъ, и, надо сказать правду, это неизрѣченное невѣжество далеко небезполезно, ибо оно страннымъ образомъ способствуетъ успѣху тѣхъ операцій, которыя совершаются ими. Обладай они хотя скуднымъ пониманіемъ того, что̀ происходитъ вокругъ нихъ, внеси они въ свои дѣйствія, въ свои отношенія къ людямъ и къ дѣлу, хотя малѣйшій признакъ сознательности, въ нихъ, безспорно, не сохранилось бы и сотой доли той развязности и безсовѣстной рѣшительности, которыя обуреваютъ ихъ теперь.

Какъ хотите, а въ каждомъ человѣкѣ есть зародышъ совѣсти. Совѣсть эта можетъ бездѣйствовать только до тѣхъ поръ, покуда не выступаетъ впередъ анализъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сознательность. Главная заслуга сознательности въ томъ и за-

ключается, что она дѣлаетъ невозможными мѣдные лбы, пробуждаетъ въ человѣкѣ совѣсть, заставляетъ его, если не влѣзать въ кожу другихъ (чтò для многихъ уже роскошь), то, по-крайней мѣрѣ, понимать, что польза общая не есть что либо совершенно чуждое пользѣ личной, и соображать свои дѣйствія такимъ образомъ, чтобъ эти два понятія не расходились въ діаметрально противоположныя стороны. Покуда въ жизни царствуетъ безсознательность, до тѣхъ поръ, на ряду съ нею, будетъ царствовать и безсовѣстность, или, лучше сказать, такая нравственная теорія, которая ставитъ непредусмотрительность и непосредственную выгоду единственнымъ подстрекающимъ двигателемъ человѣческой дѣятельности. Эта выгода такъ ощутительна для самаго простаго пониманія, что ослѣпляетъ многихъ и до сегодня, то-есть ослѣпляетъ, конечно, тѣхъ, которые, подобно нашимъ исторіографамъ, конецъ своего носа принимаютъ за конецъ вселенной, и ни одной мысли сколько-нибудь сложной обнять не могутъ. Но, заглушая совѣсть, безсознательность, въ то же время, въ значительной степени развязываетъ безсовѣстнымъ людямъ руки. Они махаютъ ими направо и налѣво именно потому, что не понимаютъ, чтò изъ этого можетъ произойти. Человѣкъ, у котораго нѣтъ вкуса, свободно ѣстъ всякую дрянь; человѣкъ, у котораго нѣтъ слуха, не поморщившись слушаетъ самое нелѣпое сочетаніе звуковъ. Какъ хотите, а при извѣстныхъ условіяхъ жизни свобода отъ чувствъ, отличающихъ человѣка отъ прочихъ животныхъ, можетъ дать силу. Вотъ почему, даже малѣйшее вторженіе сознательности кажется драгоцѣннымъ, и почти всегда приноситъ неисчислимыя послѣдствія. Присутствіе совѣсти вызываетъ на лицо краску, и заставляетъ отступать передъ такими мѣропріятіями, которыя, въ состояніи безсовѣстности, совершаются очень легко...

— Куда дѣвалась наша торговля? вопрошаютъ другъ друга исторіографы, встревоженные тѣмъ, что говядина поднялась съ трехъ до семи копеекъ на фунтъ:—помните ли, какое множество возовъ покрывало наши площади въ базарные дни! и какіе были возы! и чего-чего только на нихъ не было! Куда все это дѣвалось, спрашиваю я васъ... je vous le demande un peu!

И, не ожидая отвѣта, котораго, впрочемъ, ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ и дать не можетъ, присовокупляетъ:

— Ммеррзавцы!

Къ кому относится послѣднее восклицаніе—этого, разумѣется, не съумѣетъ опредѣлить ни одинъ исторіографъ. Тутъ какая-то путаница, подъ которою скорѣе слѣдуетъ понимать общее, смутно чувствуемое положеніе вещей, нежели факты или лица. Тутъ и мужики примѣшались, и къ нигилистамъ имѣется какая-то темная прикосновенность, и еще о какихъ-то господахъ идетъ рѣчь, которые никогда, впрочемъ, прямо не

поименовываются, но извѣстны подъ названіями «подлецовъ» и «измѣнниковъ».

Легкомысліе исторіографовъ вообще изумительно, но оно положительно не знаетъ предѣловъ, когда дѣло касается до причиненныхъ имъ обидъ. Въ этомъ случаѣ, исторіографъ рѣшительно не знаетъ, на чемъ сосредоточить бродячую мысль свою; онъ мечется изъ стороны въ сторону, обвиняетъ, оправдываетъ, потомъ опять обвиняетъ, опять оправдываетъ. Ни къ какому положительному заключенію онъ никогда не приходитъ, такъ что можно подумать, что всю эту исторію онъ для того только и затѣялъ, чтобъ обнаружить встревоженное состояніе своей души.

— Нѣтъ! Это что̀ — мужики! говоритъ онъ съ налитыми мадерой глазами: — нашъ мужикъ добръ, смиренъ, простосердеченъ! Онъ отдастъ послѣднюю курицу, если видитъ, что отечество въ опасности! Vous comprenez?... sa poule! sa dernière poule! Слѣдовательно, не въ мужикахъ зло, а вотъ въ этихъ, въ волосатыхъ, да въ тѣхъ, что бѣгаютъ по ночамъ по Невскому съ стриженными косами! Вотъ гдѣ корень всей смуты! вотъ кого надо хорошенько пробрать!

Черезъ минуту:

— Нѣтъ! Это что̀ — нигилистки! Что онѣ бѣгаютъ по Невскому стриженныя—кому отъ того бѣда! Да по мнѣ онѣ хоть подолы на головы завороти — еще видъ пріятнѣе будетъ! А вотъ гдѣ зло: въ этихъ «измѣнникахъ», которые своимъ коварствомъ, своею лестью... вотъ кого слѣдовало бы прожарить!

И еще черезъ минуту:

— И все-таки я утверждаю: весь корень зла въ мужикѣ! Тамъ что̀ ни говорите, а около него вся смута вертится. Покуда онъ былъ въ ежовыхъ рукавицахъ, онъ былъ прекрасенъ. Онъ былъ трудолюбивъ, послушенъ и простосердеченъ. Онъ отдалъ бы послѣднюю курицу... Vous comprenez?... sa poule! sa dernière poule! чтобъ только выручить отечество въ минуту опасности! Теперь—куда все дѣвалось? спрашиваю я васъ: гдѣ у него, чорта съ два, эта *послѣдняя* курица?

И вдругъ, какъ бы спохватившись:

— А все онѣ! все эти скверныя стрижки! Онѣ *тамъ* ходятъ, заворотивши подолы, и прельщаютъ полицейскихъ, а мы *здѣсь* расхлебываемъ! И вотъ еще тѣ! эти подлецы и измѣнники!

Однимъ словомъ, это тотъ самый порочный кругъ, въ которомъ можно проблуждать всю жизнь, и никогда не почувствовать ни малѣйшей неловкости. Какъ ни кинь — все ладно; какъ ни скажи — все хорошо.

А между тѣмъ, вопросъ о томъ, какъ дѣлается русская деньга, есть именно одинъ изъ тѣхъ, въ разрѣшеніи которыхъ заключается вся суть нашего провинціальнаго существованія. Независимо отъ того, что процессъ зарожденія и образованія

деньги самъ по себѣ очень интересенъ, разъясненіе его представляетъ единственный ключъ, съ помощью котораго мы можемъ проникнуть въ самое святилище нашей провинціальной забитости. Чтобъ облегчить читателю этотъ трудъ, возьмемъ, на первый разъ, хоть одинъ изъ способовъ дѣланія русской деньги, и именно тотъ, который преимущественно ставитъ въ тупикъ нашихъ исторіографовъ, и который на оффиціальномъ языкѣ извѣстенъ подъ именемъ торговли и промысловъ.

Начать съ того, что наши исторіографы всѣ виды торговли смѣшиваютъ въ одно смутное и легко расплывающееся понятіе. Они судятъ о торговлѣ по тѣмъ пирогамъ, которые ѣдятъ по воскресеньямъ у градскихъ головъ, у оптовыхъ складчиковъ и, въ послѣднее время, у различныхъ прохожихъ молодцовъ, сдѣлавшихся, къ своему собственному изумленію, предпринимателями желѣзно-дорожнаго дѣла. Вкусивъ пирога, и слегка посоловѣвъ отъ возліяній, исторіографъ разсуждаетъ такъ: «стало быть, торговля возможна, коль скоро этотъ почтенный негоціантъ угощаетъ меня такими отмѣнными пирогами? Отчего же на площади дѣло имѣетъ совсѣмъ другой видъ? отчего тамъ, вмѣсто прежнихъ десяти-двадцати возовъ, стоитъ нынче какой-то одинъ тощій возишко? Не отъ того ли, что этотъ почтенный негоціантъ — простой и добрый русскій человѣкъ, который и объ начальствѣ думаетъ, и для себя копейку бережетъ, а тѣ, прочіе, — люди злые и развращенные, которые послѣднее свое добро тащатъ въ кабакъ?

И поощряемый этимъ силлогизмомъ, онъ дѣлается шаловливымъ и пускается въ разспросы.

— Ну, а какъ, Иванъ Иванычъ, спрашиваетъ онъ своего амфитріона, подмигивая однимъ глазомъ: — если этакъ копнуть кубышечку-то... барышки, чай, изрядные окажутся?

— Что же собственно изволите желать знать, ваше растаковство? спрашиваетъ въ свою очередь негоціантъ, немогущій сразу взять въ толкъ вопроса.

— Ну, напримѣръ, съ ведра... или тамъ, съ куля?

— По малости, ваше растаковство. Однако, благодареніе Господу, безъ пользы не торгуемъ. Есть, ваше растаковство, такая пословица: съ голаго по ниткѣ — сытому рубашка! заключаетъ негоціантъ, самъ усмѣхаясь своей остротѣ.

— Voici le bon! восклицаетъ исторіографъ, и утѣшенный отвѣтомъ своего амфитріона, еще болѣе погрязаетъ въ увѣренности, что развитіе торговли находится въ прямой зависимости отъ добросердечія и простоты нравовъ, и что люди, которые не торгуютъ и не занимаются промыслами, дѣлаютъ это просто на смѣхъ, потому что они «злые»

Нѣтъ спора, что исторіографъ въ этомъ случаѣ подкупленъ возліяніями. Но дѣло не въ томъ, чѣмъ и какъ онъ подкупленъ, а въ томъ, что съ этой минуты его ни подъ какимъ видомъ не вышибешь изъ позиціи. Онъ не понимаетъ, что деньга, о

которой шла рѣчь въ разговорѣ съ негоціантомъ, совсѣмъ не та, по поводу которой у него щемитъ сердце. Эта послѣдняя деньга родится въ другомъ мѣстѣ и служитъ для сооруженія совершенно иного пирога, пирога абстрактнаго, котораго никто въ натурѣ не видѣлъ, но о которомъ всякій изъ членовъ такъ-называемой россійской интеллигенціи можетъ разсказать самыя мельчайшія подробности, точно такъ какъ бы онъ выну и воочію стоялъ между нами, вполнѣ сервированный. Мы подходимъ къ этой фикціи, закусываемъ, пляшемъ, говоримъ des aimabilités, измышляемъ мѣропріятія... и увы! все-таки не знаемъ, какъ этотъ пирогъ сооружается! Мы чувствуемъ только, что въ послѣднее время это сооруженіе пошло какъ-то вяло, и, не понимая, въ чемъ тутъ сила, прибѣгаемъ за объясненіями къ негоціантамъ, для которыхъ рѣшительно все равно, почемъ мы покупаемъ на рынкѣ говядину, и много ли терпимъ отъ того, что въ цѣломъ городѣ нѣтъ ремесленника, который былъ бы способенъ пришить пуговицу къ сюртуку.

Этотъ негоціантъ, съ которымъ такъ благодушно бесѣдуютъ наши исторіографы — нуль, или почти нуль въ томъ отвлеченномъ пирогѣ, въ постройкѣ котораго мы преимущественно заинтересованы. «Польза», о которой онъ такъ скромно повѣствуетъ, есть его собственная, личная «польза», и изъ нея въ общій пирогъ упадетъ развѣ микроскопическая крупица, да и та упадетъ только для видимости, а въ сущности немедленно вновь займетъ мѣсто въ карманѣ своего законнаго обладателя, да еще и не одна, а въ сообществѣ многихъ другихъ крупицъ. Для того, чтобы видѣть наглядно, какъ дѣлается русская деньга,надобно оторваться отъ негоціантскаго пирога, и отправиться въ глубь, въ какую-нибудь Богомъ забытую Крапивну, или въ утопающій въ навозѣ Керенскъ, или, пожалуй, даже въ цвѣтущій фабриками Егорьевскъ. Только тамъ можно настоящимъ образомъ насладиться зрѣлищемъ, какъ сооружается тотъ пресловутый всероссійскій пирогъ, который нѣкогда доставлялъ намъ столько радостей, а теперь служитъ источникомъ однихъ огорченій. Такъ мы и сдѣлаемъ, то-есть поѣдемъ не въ Крапивну, не въ Керенскъ и даже не въ Егорьевскъ (упаси насъ Богъ вступать въ какія нибудь пререканія съ почтенными жителями этихъ городовъ!), а просто въ какую нибудь называемую городомъ дыру, про которую и въ народѣ какъ будто сама собой складывается пословица: чортъ такой-то городъ (имя рекъ) три года въ дырѣ искалъ, да такъ ни съ чѣмъ и отсталъ!

Лѣтомъ ѣхать хорошо. Воздухъ теплый, трактъ широкій, вольный; по бокамъ дороги зеленѣютъ ракиты. Правда, что колеса вашего экипажа безпрерывно врѣзываются въ колеи, что при въѣздѣ на каждый мостъ, на каждую трубу, вамъ неизмѣнно взбудораживаетъ всѣ внутренности, что, наконецъ,

тончайшая пыль, то черная, то бурая, то желтая, забирается вамъ и въ глаза и въ уши и въ носъ; но оставимъ въ сторонѣ эти мелкія дорожныя неудобства и будемъ благодарить судьбу, позволившую намъ предпринять наше путешествіе лѣтомъ, а не зимою. Справа и слѣва у насъ мелькаютъ города. Вотъ направо: городъ Соломенный, городъ Навозный; вотъ налѣво: городъ Мякинный, городъ Нищенскій. Вдали раскинулся, самъ городъ Глуповъ. Заглянемъ въ него, благо мы тамъ ужь бывали.

Мы много наслышаны объ Глуповѣ изъ газетъ. Въ прошломъ году, онъ устроилъ такую иллюминацію (не пожаръ, а настоящую иллюминацію изъ смоляныхъ бочекъ, плошекъ и шкаликовъ), отъ которой было небу жарко; въ третьему году онъ задалъ фейерверкъ (тоже настоящій); въ четвертомъ году — какого-то заѣзжаго исторіографа такъ угостилъ и возвеселилъ, что тотъ послѣ этого десять станцій скакалъ сломя голову, и не могъ придти въ себя, покуда не прискакалъ въ городъ Полоумновъ, гдѣ его опять угостили и возвеселили до потери сознанія. Все это припоминается нами въ ту самую минуту, когда мы въѣзжаемъ въ предмѣстье города. Оно не поражаетъ великолѣпіемъ, но скорѣе напоминаетъ старинную русскую пословицу: не красна изба углами, а красна пирогами. Разумѣется, коли они есть. По обѣимъ сторонамъ дороги стоятъ крошечныя избы, изрѣдка вымазанныя глиной и сплошь крытыя почернѣвшей соломой; улица довольно равномѣрно вымощена перебродившимъ и вытолченнымъ навозомъ; колеса тонутъ въ густой массѣ, непросыхающей, несмотря на палящій жаръ іюньскаго солнца; лошади едва передвигаютъ ноги; ямщикъ гикаетъ и хлещетъ кнутомъ, потому что безъ этого средства онѣ навѣрное станутъ. По сторонамъ также лежатъ кучи навоза, около которыхъ хлопотливо суетятся тощія куры и роется мелкая, словно обреченная на вѣчное иканіе свинья. У воротъ, позѣвывая, стоятъ сердитые, съ насупленными бровями мужики; около домовъ мечутся тощія, блѣдныя женщины, какъ будто нѣчто загоняютъ. Русская женщина вездѣ одинакова; и въ городѣ и въ деревнѣ, она вѣчно что-то ищетъ, какую-то потерянную булавку, и никакъ не можетъ умолчать, что находка этой булавки должна повести за собой спасеніе міра. Тамъ и сямъ виднѣется вывѣска питейнаго дома и стоитъ почернѣвшій и покачнувшійся на сторону столъ, на которомъ положено нѣчто такое, чему нѣтъ имени: бублики не бублики, калачи не калачи, что-то сѣрое, бѣлесоватое, почти ископаемое...

— Такъ это-то вашъ городъ! обращаетесь вы къ ямщику.

— Нѣтъ, это не городъ, отвѣчаетъ онъ: — это только Поганая слобода! а городъ вонъ онъ — за мостомъ!

И дѣйствительно, меньше, чѣмъ чрезъ минуту, вы переѣзжаете мостъ надъ рѣчкой, берега которой сплошь унизаны навозными кучами, и въѣзжаете въ городъ. Опять навозъ, опять экипажъ и лошади тонутъ, съ тою только разницею, что

прежде вы ѣхали по ровному мѣсту, а теперь приходится карабкаться по косогору. Съ правой стороны косогора, во рву, вьется та самая рѣчка, которую вы только что переѣхали, и отъ паденія въ которую съ крутизны косогора вы защищены жидкимъ балясникомъ; впереди виднѣется соборная колокольня, выкрашенная усердіемъ обывателей въ голубую краску; неподалеку отъ нея бѣлѣется зданіе присутственныхъ мѣстъ и неизбѣжный острогъ. Тѣ же бревенчатые домики, покрытые соломой, тотъ же навозъ, тѣ же покачнувшіеся столы, и вдругъ рядъ какихъ-то странныхъ построекъ: не то будокъ, не то шалашей. Это центръ города («le Krémlin», какъ выражаются исторіографы), это средоточіе его торговли. Тутъ вы можете во всякое время найти веревку, нѣсколько аршинъ ситцу, заржавѣвшую отъ времени колбасу, связку окаменѣлыхъ баранокъ, пару лаптей и проч. Тутъ же стоятъ каменныя хоромы купца Бѣлобрюхова, въ нижнемъ этажѣ которыхъ расположена бакалейная лавка, мучной лабазъ и ренсковой погребъ. Это тотъ самый негоціантъ Бѣлобрюховъ (le bon), у котораго мѣстные исторіографы ѣдятъ по праздникамъ пироги, и который со всего собираетъ по малости. Едва вы въѣхали въ городъ, какъ уже видите и конецъ его. Иногда (если Глуповъ не черноземный, а промышленный) за этимъ концомъ синѣетъ большая рѣка, знаменитая своими песчанами перекатами; если эта рѣка существуетъ, то по берегу ея устраивается набережная, обстроенная каменными домами, въ которыхъ ютятся тѣ же негоціанты Бѣлобрюховы, съ безконечнымъ числомъ складовъ, амбаровъ, воротъ, желѣзныхъ запоровъ, и суетящимся людомъ прикащиковъ, рабочихъ и т. д.

— Съ чегожъ они однако веселились! размышляете вы, взирая на это зрѣлище, и припоминая газетныя реляціи прошлаго и третьяго годовъ: — что освѣщали ихъ иллюминаціи, ихъ фейерверки? ужели эти навозныя кучи на столько замѣчательны, что слѣдовало освѣщать ихъ бенгальскими огнями!

— И какъ это, сударь, чудесно было — просто не насмотрѣлся бы! продолжаетъ повѣствовать разговорившійся ямщикъ, еще весь полный воспоминаній о видѣнныхъ имъ великолѣпіяхъ: — какъ только этотъ самый чиновникъ въѣхалъ, такъ сейчасъ ему всѣ огни! Весь навозъ такъ и просіялъ! Терпѣлъ-терпѣлъ господинъ чиновникъ, и вдругъ заплакалъ. Много, говоритъ, я на своемъ вѣку благоденствіевъ видѣлъ, а такого, можно сказать, изобилія ни въ жизнь не видалъ!... Мы, сударь, въ то время, на четверку хлѣба три четверки лебеды мѣшали, потому голодный годъ передъ тѣмъ былъ! прибавляетъ онъ, какъ-то оживленно передергивая возжами и замахиваясь кнутомъ на лошадей: — задохлись, клятыя!

Но вотъ и постоялый дворъ. Гостинницъ въ городѣ нѣтъ, а ежели и есть какія-то странныя заведенія, носящія это имя, то они отличаются именно тѣмъ, что въ нихъ невозможенъ пріютъ ни для чего живущаго. Дворъ довольно обширенъ, и

покрытъ навѣсомъ; темно, грязно, воняетъ. Среди общей тишины, слышатся какіе-то особенные звуки: лошадь дохнётъ, свинья взвизгнетъ, голубь перепорхнетъ съ мѣста на мѣсто. Вы вступаете на крылечко, котораго половицы колеблются подъ вашими ногами; затѣмъ темныя сѣни, въ углу которыхъ пыхтитъ самоваръ; затѣмъ рядъ сколоченныхъ изъ сосновыхъ досокъ дверей, неокрашенныхъ, необитыхъ; на одну изъ нихъ вамъ указываютъ. Вы въ горницѣ.

Нѣтъ ничего унылѣе, какъ русскій уѣздный городъ лѣтомъ, особливо часовъ съ десяти утра до шести пополудни, когда жаръ не то что палитъ, а словно льетъ съ неба, и окачиваетъ человѣка съ головы до ногъ. Вы не увѣрены, что городъ не спитъ, но въ то же время не можете утверждать и того, что онъ спитъ, потому что повсюду слышится не то что движеніе, а какой-то странный шорохъ. Какъ будто, гдѣ-то, кто-то роется, или какъ будто разомъ всѣ жители чуть слышнымъ движеніемъ вытираютъ катящійся съ лица потъ. Повременамъ, въ окошко, около самого вашего уха, совершенно неожиданно, раздается окрикъ, съ трудомъ вылетающій изъ пересохшаго горла:

— Клубнички... не надо ли?... клубнички!

Передъ вами стоитъ баба въ бѣлой рубахѣ, въ такой же, испещренной красными узорами юбкѣ и съ цвѣтною повязкой на головѣ. Она предлагаетъ черезъ отворенное окно плетеную коробью краснобокой и пахучей лѣсной клубники, и сама между тѣмъ отираетъ рукавомъ потъ, горошинами выступающій на лицѣ. Очевидно, она рада остановиться у вашего окна, потому что тутъ она, по крайней-мѣрѣ, въ тѣни. Она ужь съ часъ шляется по улицамъ, заглядываетъ во всѣ окна, во всѣ двери, и нигдѣ никого не видитъ, кромѣ лѣниво вспархивающихъ при ея приближеніи голубей. И вотъ, наконецъ, передъ нею живое существо, устроившееся около окна и какъ будто прислушивающееся къ преисполненной шороха тишинѣ...

— Чтò стòитъ? спрашиваете вы бабу, не столько соблазненные видомъ захватанной клубники, сколько чтобъ положить конецъ ея безплоднымъ странствованіямъ.

— Десять копеекъ, отвѣчаетъ она, но такимъ голосомъ, какъ будто сама удивляется своей дерзости.

— Et jadis on ne payait ça que deux kopeks! восклицаетъ выросшій тутъ же словно изъ-подъ земли исторіографъ:—и замѣтьте, что вѣдь онѣ торгуютъ безъ всякихъ патентовъ... ммерзавки!

Вы колеблетесь. Первымъ вашимъ движеніемъ было заплатить десять копеекъ, но теперь, послѣ словъ исторіографа, вамъ кажется, что дать сразу такую груду денегъ — значитъ либеральничать, значитъ баловать народъ и поселять въ немъ духъ революцій. Вамъ приходятъ въ голову тысячи сентенцій прежняго добраго времени о томъ, что состоянія наживаютъ копейками,

о томъ, что копейку нужно беречь пуще глаза, и вы невольно начинаете выказывать непоколебимую твердость души.

— Шесть копеекъ! говорите вы, соображая, что десять да два — двѣнадцать, раздѣленные на два, составляютъ шесть.

— Батюшка! дай хоть восемь! канючитъ тотъ же надтреснутый, словно силой выдавляемый изъ горла голосъ.

На этотъ разъ либерализмъ торжествуетъ; восемь копеекъ выложены и отданы; баба улепетываетъ домой, верстъ за пять, счастливая и утѣшенная. Нѣтъ сомнѣнія, что она даже думаетъ, что порядкомъ-таки надула васъ. Легко ли дѣло! Она встала въ три часа утра, часа два нагибалась, собирая клубнику; потомъ, убравшись около дома, часъ шла въ городъ, болѣе часа шлялась по дворамъ, и теперь употребитъ часъ, чтобы возвратиться домой... и восемь копеекъ! Такой результатъ хоть кому придастъ крылья! И конечно, она отнюдь не пренебрежетъ этой благостыней, и завтра же опять явится у вашего окна съ такою же ношей клубники, и если васъ уже не будетъ въ городѣ, то глубоко и горько вздохнетъ...

Это первый и самый простой видъ торговли, той торговли, которая именуется свободною, и которая разрѣшается всякому, имѣющему возможность отдать пять-шесть часовъ времени за восемь-десять копеекъ.

Баба ушла. Опять не слышно явственнаго человѣческаго голоса, опять тотъ же смущающій душу шорохъ. Напротивъ, черезъ улицу, въ деревянномъ, некрашенномъ домѣ, бѣлѣются кисейныя створчатыя занавѣски, закрывающія только нижнія два стекла оконъ, и засиженныя мухами; сквозь занавѣски и поверхъ ихъ виднѣется какая-то масса, не то одѣвающаяся, не то раздѣвающаяся. Богъ вѣсть откуда, словно полоумная бѣжитъ стремглавъ индейка, завидѣвшая, что вы что-то ѣдите, и что-то кидаете за окно. А солнце такъ и льетъ цѣлыя волны зноя.

— Ужь я, братъ, не обману! ужь коли я сказалъ, что животина хорошая, такъ бери съ Богомъ! раздается голосъ на дворѣ.

Заслышавъ этотъ голосъ, вы покидаете «горницу» и отправляетесь на крыльцо. Въ уѣздномъ городѣ все настороживаетъ чувства, все возбуждаетъ любопытство. Желаніе хоть что-нибудь высмотрѣть, или услышать овладѣваетъ человѣкомъ невольно, когда кругомъ царствуетъ только безмолвіе. На дворѣ, подъ навѣсомъ, стоитъ на колѣнахъ бородатый мѣщанинъ, и рѣжетъ овцу. Онъ рѣжетъ ее потихоньку, не торопясь; порѣжетъ, воткнетъ ножъ въ навозъ, вздохнетъ и опять примется рѣзать. Хозяинъ овцы (онъ же и хозяинъ постоялаго двора) стоитъ подлѣ и смотритъ. Овца лежитъ смирно, до такой степени смирно, что въ вашу душу закрадывается ужасъ. Ее не нужно даже связывать, чтобъ зарѣзать; она упрямится только тогда, когда ее выволакиваютъ изъ хлѣва, въ который ее пред-

варительно загоняютъ вмѣстѣ съ прочими подругами, предлагаемыми на выборъ. Но какъ скоро она уже на мѣстѣ, то безпрекословно ложится на бокъ, безпрекословно протягиваетъ вверхъ голову и ждетъ. Разъ... разъ... разъ! Показывается небольшая струйка крови, затѣмъ какая-то нерѣшительная корча... еще и еще... все кончено!

— Ишь! говоритъ бывшій хозяинъ овцы, взирая, какъ она подрыгиваетъ ногами.

Другія, выпущенныя изъ хлѣва овцы, не вдругъ идутъ за ворота, а останавливаются и какъ будто удивляются, какія-такія неслыханныя почести посыпались на ихъ недавнюю подругу.

— Смотри, гривенъ семь на животинѣ выгадаешь, продолжаетъ хозяинъ, и какъ будто самъ дивясь своей умѣренности, прибавляетъ: — какое семь гривенъ! тутъ, братъ, рублемъ пахнетъ — вотъ что!

— Оно, конечно, рубликъ нажить можно, отвѣчаетъ бородатый мѣщанинъ, распяливая свою жертву на доскахъ, перекинутыхъ черезъ прясла, и принимаясь тѣмъ же ножикомъ отдѣлять шкуру отъ мяса: — да вѣдь тоже пить-ѣсть, Прохоръ Прохорычъ, нужно; опять же патентъ годовой взяли — его воротить тоже требуется.

Это ужь торговля по патенту. Вы узнаете, что городъ Глуповъ, несмотря на иллюминаціи и фейерверки, почти не ѣстъ говядины (въ особенности лѣтомъ), что мясниковъ, однако, въ городѣ довольно, и что рѣдкій изъ нихъ выручаетъ барыша больше, нежели на полтину въ день. Между тѣмъ, на эту торговлю нужно выправить въ казнѣ свидѣтельство мелочнаго торга, которое, въ уѣздномъ городѣ, стоитъ отъ 8-ми до 15-ти руб., да билетъ къ нему цѣной отъ 2-хъ до 6-ти р. и, сверхъ того, заплатить разные сборы въ городъ и земство. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ уединенномъ и забытомъ городѣ Михайловѣ, Рязанской губерніи, чтобъ имѣть право продать въ день двѣ пары лаптей, два фунта сальныхъ свѣчъ, связку веревокъ и пачку папиросъ, нужно внести ежегоднаго платежа: въ казну 14 рублей, да въ земство и въ городъ около 6 р.

— Зачѣмъ же вы торгуете? спрашиваете вы у этихъ своеобразныхъ негоціантовъ, изумленные ничтожностью результатовъ и тѣми суетливыми усиліями, которыхъ она стоитъ: — неужели нѣтъ другихъ способовъ заработывать деньги?

— А куда дѣваться, позволь тебя спросить? отвѣтитъ вамъ одинъ: — намъ и утопиться-то негдѣ, потому что наша рѣка и для этого даже не годится!

— Всѣ мы, сударь, около рублишка ходимъ! отвѣтитъ другой: — день не поѣшь, на другой, поневолѣ, начнешь поворачиваться! Убоину-то мы, сударь, только въ Свѣтло-Христово-Воскресенье да объ Рождествѣ ѣдимъ!

— Вотъ хоть бы нашъ мясной торгъ, вступается мѣщанинъ

только что зарѣзавшій овцу: — здѣсь, въ городѣ, говядину-то почесть что одинъ исправникъ и ѣстъ! Зарѣзалъ теперича барана да и бейся съ нимъ два дня, а на третій, гляди, онъ протухъ!

— Да вѣдь можно же отыскать какое-нибудь другое занятіе, болѣе прибыльное! настаиваете вы.

— Ты выдь-ка на улицу, да и посмотри на всѣ на четыре стороны! можетъ, и найдешь что-нибудь, а намъ не слыхать!

Бьетъ два часа; съ одной стороны, васъ одолѣваетъ скука, съ другой стороны, начинаетъ напоминать о себѣ голодъ.

— Гдѣ бы у васъ въ городѣ пообѣдать? спрашиваете вы у хозяина.

Онъ смотритъ на васъ такими изумленными глазами, какъ будто вы у него спросили, гдѣ бы достать взаймы милліонъ рублей.

— Гдѣ обѣдать? смущенно повторяетъ онъ вашъ вопросъ.

— Да вѣдь у васъ есть гостиница?

— Гостиница?.. оно точно... только въ ней кушанья не готовятъ... Чай, водка — это имѣется!

— Сами-то вы что же нибудь да ѣдите?

— Сами?.. ѣдимъ! какъ не ѣсть! Только... нѣтъ, вы нашего кушанья ѣсть не станете! прибавляетъ онъ какимъ-то такимъ убѣжденнымъ тономъ, что у васъ мгновенно пропадаетъ всякая охота узнавать, чѣмъ питается вашъ хозяинъ.

Вы узнаете, между прочимъ, что года два тому назадъ въ городѣ существовалъ клубъ, и тогда проѣзжій могъ раза два въ недѣлю найти себѣ обѣдъ, ежели попадалъ въ эти счастливые дни; но клубъ просуществовалъ только три мѣсяца, потому что никто туда не ѣздилъ, а тѣ, которые ѣздили, не платили денегъ.

— Нельзя ли достать хоть бѣлаго хлѣба къ чаю? спрашиваете вы, соглашаясь мало по малу на компромиссъ.

— Хлѣба? опять повторяетъ хозяинъ: — хлѣбъ здѣсь по субботамъ поляки пекутъ, а теперь... да нѣтъ, вы этого хлѣба ѣсть не станете!

— Какіе же это поляки пекутъ хлѣбъ?

— Да ссыльные... пекутъ про себя, ну, и прочіе этимъ пользуются...

Вы совершенно сконфужены. Вы спрашиваете себя: какъ существуетъ этотъ городъ? для чего онъ существуетъ? И какимъ образомъ случилось, что въ городѣ, имѣющемъ все-таки тысячу жителей, устраивающемъ, по временамъ, «премиленькія иллюминаціи», вы не можете дня прожить, чтобъ вдоволь не наголодаться?

Мимо города чуть не каждый день проходятъ гурты, ѣдутъ возы, нагруженные живностью, телятами и проч., а говядину (въ лѣтнее время) можно имѣть только въ базарный день, къ которому — да и то невсегда — бьютъ какую-нибудь злосчаст-

ную корову, переставшую давать молоко. Все, что̀ везется или гонится — все это направляется въ Москву или въ Петербургъ, а несчастный городъ глядитъ и даже губъ не облизываетъ: такъ ужь онъ свыкся съ мыслью, что все, что̀ съѣдобно, удобно или пріятно — существуетъ не для него. Если въ городѣ существуетъ рѣка и вы полюбопытствуете, какъ идетъ рыбный промыселъ, вамъ отвѣтятъ, вопервыхъ, что рыбы стало совсѣмъ мало, и всякій объяснитъ вамъ это исчезновеніе посвоему.

— Съ тѣхъ поръ, какъ эти пароходы пошли, скажетъ одинъ: — совсѣмъ у насъ рыбы въ рѣкѣ не стало.

— Что врешь-то! возразитъ другой: — кабы пароходы разогнали рыбу, все-таки куда бы нибудь она дѣвалась, а то ее и вездѣ, по всей рѣкѣ, стало въ десять да въ двадцать разъ противъ прежняго меньше. А ты вотъ что̀ лучше скажи: весной, молъ, ваше благородіе, въ то самое время, какъ ей икру метать, эту самую рыбу вылавливаютъ, ну, и плодится она годъ отъ году меньше.

Вовторыхъ, вамъ скажутъ, что хотя рыба въ садкахъ и есть, но не для мѣстнаго употребленія, а опять-таки для Москвы и для Петербурга, куда она ужь и заподряжена.

— Что̀-жь, наконецъ, тутъ ѣдятъ? спрашиваете вы уже съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Да кому у насъ, сударь, ѣсть-то! отвѣтятъ вамъ:—развѣ что вотъ у исправника столы бываютъ, а что про прочихъ жителей можно сказать одно: ѣдятъ, что Богъ послалъ.

И подумавъ немного, непремѣнно присовокупятъ:

— Вы нашего кушанья и ѣсть-то, сударь, не станете!

Въ городѣ два училища: уѣздное и приходское, но что̀ въ нихъ дѣлается — про то знаютъ только тѣ немногія дѣти, которыя посѣщаютъ ихъ; никто изъ взрослыхъ этимъ дѣломъ не интересуется. Нѣтъ ни клуба, ни библіотеки; читать нечего и негдѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда всякій литераторъ-обыватель не иначе начиналъ свою корреспонденцію, какъ словами: «въ наше время, когда...», штатный смотритель училищъ завелъ-было кой-какую скудную библіотеку, и просвѣщенье въ городѣ Глуповѣ на мгновеніе просіяло; но въ 1862 году оно опять потухло и просіялъ навозъ. Въ почтовой конторѣ получается нѣсколько экземпляровъ журналовъ и газетъ, но подписчиковъ, живущихъ въ городѣ, почти совсѣмъ нѣтъ, потому что выписываютъ матеріалъ для чтенія только помѣщики, попрятавшіеся въ своихъ усадьбахъ.

Куда дѣваться? что̀ дѣлать?

Седьмой часъ; жаръ начинаетъ понемногу сдавать, хотя все еще печетъ очень чувствительно. Вы видѣли какое-то подобіе движенія въ третьемъ часу, когда приказные вереницей потянулись изъ присутственныхъ мѣстъ по домамъ отвѣдывать того кушанья, котораго вы «ѣсть не станете», и за ними, изъ тѣхъ же присутственныхъ мѣстъ, выбрело съ пятокъ мужиковъ,

очевидно, искавшихъ себѣ удовлетворенія у мѣстной Ѳемиды. Почти такое же движеніе оказывается и теперь; опять плетутся приказные, но уже въ обратномъ смыслѣ; всѣ направляются изъ домовъ въ присутственныя мѣста для вечернихъ занятій. Выйдемъ мы и заглянемъ въ средоточіе мѣстныхъ торговыхъ интересовъ, въ такъ-называемые ряды.

Ряды эти состоятъ изъ одного-двухъ десятковъ деревянныхъ построекъ, потемнѣвшихъ отъ времени и сильно накренившихся на бокъ; тамъ и сямъ расположены досчанные прилавки съ устроенными надъ ними отъ жару и непогоды навѣсами; у прилавковъ сидятъ старыя и молодыя торговки и что-то вяжутъ, переговариваясь между собой. Подъ столами, въ коробьяхъ и лукошкахъ, заключается запасный товаръ; на прилавкахъ тотъ товаръ, который предлагается покупателю. Первую роль играютъ гречневики, гороховый кисель и ржаной хлѣбъ. Сбоку: въ искалеченномъ чайникѣ — конопляное масло, и въ кружкѣ — какое-то темное сладковатое пойло, которое называется сусломъ. Когда покупатель желаетъ пріобрѣсти гречневикъ, торговка предварительно поваляетъ его въ рукахъ, польетъ масломъ и затѣмъ уже подаетъ потребителю. Очевидно, что это и есть то самое кушанье, о которомъ вамъ говорили, что «вы его, сударь, ни подъ какимъ видомъ ѣсть не станете».

— Ну, что̀, голубушки, какъ торгуете?

— Какая наша торговля! всѣхъ-то насъ собрать — десяти копеекъ дать невозможно.

— А вы бы, старушки, поживѣе... попредпріимчивѣе!

— Чего тутъ! еще зимой нешто: мужики ѣздятъ—иной разъ и на полтину поторгуешь, а лѣтомъ и вовсе худо; въ день-то гривенника не вымаклачишь! Да хорошо еще, какъ за день-то тебя не убьетъ кто-нибудь!

— Ужь и убьетъ!

— А то какъ же! то чиновникъ палатскій на тебя налетитъ, то изъ думы, а тутъ еще полиція — штрафъ подавай!

— Это значитъ, что вы не снабжаете себя своевременно документами! поймите, старушки, вѣдь это тоже нехорошо!

— Нехорошо-то, нехорошо, что про то говорить. Только и тягости-то ноньче очень ужь велики стали.

— А какъ?

— Да вотъ какъ: ты вотъ видишь ли этотъ столъ? такъ это, сударь, не столъ называется, а «торговое помѣщеніе», и потому отдай за него въ думу два рубля. Потомъ чиновникъ палатскій даетъ тебѣ билетъ — этому заплати четыре рубля, потомъ въ земскую сорокъ копеекъ... а робятъ-то! робятъ-то! и на что только они, каторжные, на свѣтъ урожаются!

— Ну, вотъ видите ли, какое вамъ, однако, снисхожденіе дѣлается! Вы, по настоящему, билетъ-то еще въ декабрѣ прошлаго года должны были выправить, а вамъ чиновникъ выдалъ

его ужь въ маѣ, при повѣркѣ торговли. Штрафъ вѣдь за это съ васъ слѣдуетъ.

— И то взыскиваютъ. Только у насъ, баринъ, у всѣхъ-то вмѣстѣ четырехъ рублей никогда не бываетъ, такъ намъ, пожалуй, что и все равно!

— Да вѣдь въ законѣ-то сказано: «если кто откроетъ безъ взятія свидѣтельства или билета промышленное заведеніе... то таковое должно быть немедленно закрыто». Какъ же не закрываютъ ваши «заведенія»?

— И закрывали! не одинъ разъ ужь закрывали! Ступайте, говорятъ, вонъ, плёхи! Ну, а мы тоже свое: куда, молъ, ваше благородіе, идти прикажете? насъ и земля-то не принимаетъ!

— Чтò-жь «онъ»?

— Чтò! постоитъ-постоитъ, разведетъ руками, скажетъ: курвы! да и пойдетъ прочь. Тоже чувствуетъ!

— Господи! да вѣдь это почти бунтъ! восклицаете вы, обращаясь къ исторіографу, который тутъ же, словно по манію волшебнаго жезла, выростаетъ передъ вами.

— C'est le mot! отвѣчаетъ исторіографъ, сверкая глазами.

— А тоже лиминаціи дѣлаютъ! раздается вслѣдъ за нами укоризненный старушечій голосъ.

Мы подходимъ напротивъ къ лавочкѣ, въ которой ведется такъ-называемый мелочной торгъ. Мѣшокъ съ крупою, другой съ ржаной мукою, третій съ мукой пшеничной второго или третьяго сорта; нѣсколько пучковъ веревокъ, связка гвоздей, обрѣзки желѣза, съ десятокъ фунтовъ сальныхъ свѣчей, осколокъ сахару, банка, на днѣ которой разсыпанъ пыльный чай, кусокъ мыла, нѣсколько паръ висящихъ лаптей — вотъ внутреннее убранство лавчонки.

— Какъ поторговываете?

— На десять копеекъ товару-съ; на рубль хлопотъ-съ!

— Чтò такъ?

— Продажи нѣтъ-съ. Народъ, значитъ, обнищалъ. Никому ничего не требуется-съ.

— Однако, барыши все же должны быть?

— Ужь это разумѣется-съ; безъ барышовъ какъ же возможно! На полтину въ день торгуемъ, а иномѣсто и рубль выручишь! Только вѣдь и робятъ тоже прокормить нужно, себя пропитать, бабу-съ...

— Какъ же вы дѣлаете? Какъ воспитываете дѣтей?

— Мрутъ тоже-съ. Стараемся, кажется, довольно, а все какъ-то надежды не видимъ. Годъ-то бьешься-бьешься, а къ концу либо ничего не останется, либо самъ еще Бѣлобрюхову задолжаешь!

— Странный, однако, у васъ городъ! не ѣстъ, не пьетъ; цѣлые дни либо на солнцѣ печется, либо на морозѣ зябнетъ— и все не въ прокъ!

— Такъ ужь ему, сударь, удалось. Осмѣлюсь доложить, что тягости наложены на насъ ужь очень безпримѣрныя!

— Напримѣръ?

— Какъ же-съ! Вотъ теперь за это пристанище въ думу пять рублей заплати; за свидѣтельство въ казначейство десять рублей снеси, за билетъ къ нему четыре рубля, да въ земскую — рубль сорокъ. Денегъ-то сколько вышло! Годъ-то торгуешь, а къ концу и разноси барышъ по мытарствамъ, да, пожалуй, еще на сторонѣ гдѣ-нибудь перехвати! Вонъ этимъ, плёхамъ, рай, а не житье! прибавляетъ мелочникъ, указывая на торговокъ: — а наша жизнь — какъ есть каторга!

— Чѣмъ же, однако, ихъ житье лучше вашего?

— Ихъ-то! да помилуйте! онѣ и патентовъ никакихъ не знаютъ; такъ, подворянски блаженствуютъ! Намѣднись, палатскій чиновникъ пріѣзжалъ: берите, говоритъ, старушки, патенты! А на что намъ, говорятъ, твои патенты! мы и безъ нихъ съ голоду умереть слободны! Сволочи! Прямо сволочи!

— А вамъ безъ патента нельзя?

— Намъ-съ? намъ это никогда невозможно. Потому, у меня «заведеніе» настоящее, закрытое, съ дверями, какъ слѣдуетъ. Сейчасъ это пришелъ депутатъ съ полицейскимъ, закрылъ двери, запечаталъ... куда я пошелъ? А имъ развѣ можно что-нибудь запретить! сегодня ты ее съ мѣста согналъ, завтра она опять либо тутъ, либо на другомъ мѣстѣ чулокъ вяжетъ! И какую онѣ, сударь, пакость намъ дѣлаютъ! такъ и рвутъ, такъ и рвутъ къ себѣ покупателя!

— Однако, вѣдь онѣ совсѣмъ другимъ товаромъ торгуютъ!

— Да и мы бы ихнимъ товаромъ торговать стали, потому это товаръ нужный, ходкій; только противъ ихъ потрафить никакъ невозможно! Ты двѣ копѣйки, она полторы! сколько мы на нихъ жаловались — все толку нѣтъ! Вотъ тутъ подлѣ, сосѣдъ краснымъ товаромъ торгуетъ, такъ противъ него этакая же тесёмщица проявилась — не даетъ торговать да и шабашъ!..

Такимъ образомъ идетъ мелочная розничная торговля. Всякій торговецъ непремѣнно пожалуется на недостатокъ потребителей, на возрастаніе конкуренціи и на тяжесть налоговъ. Всякій готовъ перервать горло своему сосѣду, нажаловаться, наябедничать, и въ результатѣ этой вражды, этой ненависти, при самыхъ удачныхъ обстоятельствахъ, получается полтина или рубль серебра.

— И куда только покупатель дѣвался? словно онъ, сударь, сквозь землю провалился! никому ничего не надо! раздается со всѣхъ сторонъ.

Одинъ купецъ Бѣлобрюховъ не унываетъ. Въ его каменныхъ палатахъ вы можете найти все: тутъ и ренсковый погребъ, тутъ и бакалейная лавка, а на дворѣ анбаровъ, анбаровъ! Но за то онъ объявляетъ капиталъ по второй гильдіи и, имѣя до десяти помѣщеній, платитъ въ казну за одни свидѣ-

тельства и билеты (по 4-му классу) сто тридцать-пять рублей, за членовъ семейства (до десяти человѣкъ сыновей, братьевъ, дядей и проч., записанныхъ въ одинъ капиталъ) пятьдесятъ рублей, за двоихъ или троихъ прикащиковъ 2-го класса 15 рублей, и въ земскую управу около пятидесяти рублей, всего, стало быть, около двухсотъ-пятидесяти рублей. Исполнивши это, онъ можетъ дѣлать обороты на милліоны и радоваться на міръ божій сколько душѣ угодно. Для него не существуетъ ни повышенія цѣнъ, ни пониженія; это торговецъ основательный («le bon») и цѣны у него всегда настоящія. Рядомъ съ нимъ, въ его же домѣ, торгуетъ краснымъ товаромъ нѣкто Поганкинъ, который продаетъ въ годъ на тысячу рублей и тоже уплачиваетъ до ста рублей въ годъ, потому что продаетъ ситецъ (товаръ купеческій) и, сверхъ того, записывается въ гильдію, чтобъ избавить семью отъ рекрутства.

— Кабы не рекрутство, говоритъ онъ: — какой же чортъ толкалъ бы меня въ гильдію лезти!

Такимъ образомъ, въ городѣ оказывается до пятидесяти гильдейскихъ капиталовъ, а въ сущности купцовъ только двое: Бѣлобрюховъ и Бѣлобоковъ. Они ѣдятъ и по буднямъ и по праздникамъ щи, которыхъ «не продуешь», пироги и свинину; они спятъ на перинахъ, и съ перепою не чувствуютъ даже клоповъ. Все остальное питается чуть не древесной корою и спитъ въ повалку на войлокѣ, а подчасъ и на той ветхой «лòпоти», въ которой слоняется днемъ.

Однако, въ рядахъ больше дѣлать нечего; вездѣ бѣдность, завидующая бѣдности же и кланяющаяся въ поясъ богатству. Бѣдность разрозненная, забитая, разбѣгающаяся въ разсыпную при одномъ имени Бѣлобрюхова. За то, Бѣлобрюховъ устроилъ бульваръ по берегу рѣки, исправилъ какой-то въѣздъ, основалъ богадѣльню на десять человѣкъ, внесъ десять тысячъ на основаніе общественнаго банка и теперь серьёзно помышляетъ о желѣзной дорогѣ. Граждане не нарадуются имъ и съ гордостью говорятъ, что и ихъ городъ будетъ въ скоромъ времени соединенъ желѣзнымъ путемъ съ обѣими столицами.

— Чтожь, навозъ, что ли, вы перевозить будете? спрашиваете вы у черезчуръ расхваставшагося обывателя.

Обыватель очень чувствительно оскорбленъ вашимъ вопросомъ.

— Навозъ не навозъ, говоритъ онъ: — а всякое произведеніе. Примѣромъ, теперича, коноплю, рожь, овесъ, говядину, сало, ленъ, пеньку, веревку, рыбу, клей, солодъ, щетину, перьё, птицу, свиней, медъ, воскъ, деготь, поташъ, мыло, смолу, хмѣль, спиртъ, шерсть, холстъ...

Онъ поименуетъ вамъ цѣлую уйму разныхъ названій, но золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ все-таки не назоветъ. Слушая эту разнообразную номенклатуру, вы изумитесь, но ежели вникнете въ сущность дѣла, то поймете, что всѣ эти названія способны только испортить нынѣ существующіе способы сообщенія

и нимало не напитать способовъ сообщенія усовершенствованныхъ.

— У насъ, сударь, третьяго года такую иллюминацію задали — страсть! стало быть, будетъ что перевозить! прибавляетъ словоохотливый обыватель.

Но воротимся на постоялый дворъ. У воротъ высыпало все хозяйское семейство и позѣвывая наслаждается вечерней сьестой. Съ чего они зѣваютъ? думается вамъ: — неужто съ голоду? Тутъ же пріютилась какая-то темная, юркая фигурка въ затасканномъ и мѣстами прорванномъ сюртучишкѣ, въ которой вы узнаете бывшаго двороваго господъ Безпорточныхъ, Ардашку.

— Ба! Ардальонъ! здорово!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! восклицаетъ Ардальонъ, видимо желая выкинуть какой-нибудь артикулъ, но не успѣваетъ въ этомъ, по недостатку потребной для того физической силы.

Вы знаете Ардальона съ дѣтства. Онъ всегда былъ малый проворный и смышленый; въ домѣ помѣщика, онъ былъ очень хорошимъ портнымъ; и по оброку ходилъ, и въ наказаніе за всякія провинности былъ высылаемъ въ деревню, гдѣ одѣвалъ и обшивалъ весь домъ. Никогда его не замѣчали пьянымъ, кромѣ, разумѣется, годовыхъ праздниковъ, которые онъ неизмѣнно и неизбѣжно проводилъ безъ чувствъ.

— Золотыя у этого человѣка руки! говаривалъ про него господинъ Безпорточный: — и кажется, ежели бы не чарочка, да не женскій подолъ, никакому бы Шиллингу и Тёпферу (знаменитые въ то время портные въ Москвѣ) передъ нимъ не выстоятъ!

Теперь, этотъ человѣкъ очутился на волѣ, или иными словами, онъ пущенъ въ пространство съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ въ рукахъ и въ продранномъ сюртучишкѣ. Натурально, онъ тотчасъ же устремился въ городъ. Но каково же было его изумленіе, когда онъ узналъ, что въ городѣ никому ничего не нужно! что тутъ никто не ѣстъ, не пьетъ, не обувается, не одѣвается, и что въ добавокъ, съ него требуютъ рубль серебромъ «на призрѣніе», да еще два съ полтиной за патентъ!

— Ну что̀, какъ дѣла? спрашиваете вы его, но оглядѣвши съ ногъ до головы его фигуру, начинаете понимать, что вопросъ вашъ, по малой мѣрѣ, излишенъ.

— Что̀ дѣла-съ! наши дѣла, какъ сажа бѣла!

— Что̀ такъ?

— Работать не дозволяютъ!

— Не можетъ быть!

— Точно такъ-съ. Намѣднись, сижу я это въ квартирѣ, жилетку господину Бѣлобокову работаю. Вдругъ входитъ чиновникъ: ты что это такое дѣлаешь? Я даже самъ испугался, точно и невѣсть какое преступленіе дѣлаю. — Жилетку, говорю,

для господина Бѣлобокова шью. — А патентъ, говоритъ, есть? — Какой патентъ? Тутъ я, сударь, узналъ, что работать безъ патента воспрещается-съ, а нужно какое-то промысловое свидѣтельство выправить, и цѣна ему два съ полтиной. Тутъ же и актъ объ этомъ составили, что я, значитъ, обманнымъ манеромъ работаю, а черезъ два мѣсяца вышло рѣшеніе: взять мнѣ патентъ и взыскать кромѣ того другіе два съ полтиной, а до тѣхъ поръ «заведеніе» мое запечатать. Вотъ и все мое ремесло.

— Какое же заведеніе закрыть? видно у тебя магазинъ былъ?

— Какой магазинъ! такъ, уголъ нанималъ у одного мѣщанина! Ужь и мы съ полицейскимъ тогда дивились, какое такое заведеніе опечатать! Только полицейскій все-таки вывернулся: заведеніе, говоритъ, я твое опечатать не могу, а инструментъ отберу! Было у меня тутъ иголъ съ дюжину—взялъ, завернулъ въ бумажку и запечаталъ; былъ кирпичъ (родъ подушки, въ которую портные втыкаютъ иглы) — тоже взялъ и опечаталъ; даже къ столу, на которомъ я сидѣлъ, — и къ тому приложилъ печать!

— А ты бы спросилъ: чтожь тебѣ теперь дѣлать?

— И то спрашивалъ. «Нечего, говоритъ, теперь тебѣ другого дѣлать, кромѣ какъ въ кабакъ идти!» Извѣстно, бутарь, сермяжная сбруя — зря сказалъ!

Ардальонъ останавливается, словно чувствуетъ потребность размыслить.

— Вотъ какъ нынче, сударь! повторяетъ онъ: — зачѣмъ работать — въ кабакъ ступай!

— Чѣмъ же ты живешь?

— Чѣмъ живу-съ? кой-куда въ дома̀ пошить зовутъ, тѣмъ и кормлюсь! а впрочемъ, какой у насъ городъ, только что зовется городомъ! Кто побогаче — нашей работой гнушается, въ Москвѣ да въ Петербургѣ наровитъ аммуницію себѣ сшить, а побѣднѣе, такъ и самъ иголкой ковырять можетъ.

— Видно, братъ, богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо. Такъ-то.

— Такъ точно-съ. Только этимъ и обнадежены, отвѣчаетъ онъ, и потомъ, спохватившись, что сказалъ глупость, продолжаетъ: — вотъ, сударь, что я хотѣлъ васъ спро́сить: какъ теперича жить намъ будетъ?

— А что̀?

— Да вотъ-съ: третьяго года городъ-то нашъ горѣлъ, прошлаго года, ничего, кромѣ лебеды, въ уѣздѣ не уродилось, а нынче, слышно, скотина такъ ва̀льмя и валится.

— Богъ поможетъ, справитесь какъ-нибудь...

— Это точно-съ. Велика милость Божья.

— Подати будутъ заплачены. Не такъ ли?

— Это такъ-съ. Господинъ исправникъ на этотъ счетъ довольно строгъ. Какъ ни хоронись, а подъ рубашкой всегда эта подать найдется!...

— Нехорошо, Ардальонъ! Роптать, братецъ мой, — это послѣднее дѣло.

— Ужь на что хуже-съ! Однако, прощенія просимъ, ваше высокоблагородіе!

Ардальонъ уходитъ. Уже совсѣмъ смерклось, а васъ одолѣваетъ зѣвота. Все, что̀ можно было высмотрѣть въ городѣ, все высмотрѣно. Два, три часа времени — вотъ все, что нужно, чтобъ его внутренняя жизнь выступила наружу. Конечно, вечеромъ замѣтно какъ будто больше оживленья на улицахъ: семейство исправника проѣхало въ долгушѣ, купецъ Бѣлобрюховъ пролетѣлъ на тысячномъ рысакѣ, запряженномъ въ одноколку; вереница чиновниковъ, съ папиросами въ зубахъ, потянулась къ бульвару, но все это словно во снѣ дѣлается. Чувствуешь, что этимъ людямъ жить надоѣло, что они вполнѣ равнодушны къ дѣйствительности и живутъ мечтаніями. Даже не трудно угадать, о чемъ они мечтаютъ. Скоро наступитъ 1-е іюля и послѣдуетъ розыгрышъ лотерейнаго займа перваго выпуска. Люди, обладающіе хоть однимъ билетомъ, надѣются и строятъ планы, что̀ они сдѣлаютъ, если на нихъ долю выпадетъ двѣсти тысячъ; люди, которые не обладаютъ ни однимъ билетомъ, тоже строятъ планы... что̀ они сдѣлали бы, еслибъ на ихъ долю выпало двѣсти тысячъ. Люди компетентные увѣряютъ, что вся Россія только и живетъ нынѣ этими надеждами...

Но вотъ и совсѣмъ смерклось; по мѣстамъ, замелькали въ окнахъ огни, но большинство домовъ тонетъ въ мракѣ, ибо сальная свѣча стоитъ денегъ, и хозяева не всегда могутъ дозволять себѣ эту роскошь. Городъ зѣваетъ, стелетъ армяки и полушубки...

Блохи, клопы, тараканы освѣжаютъ сонъ истомленнаго дневнымъ зноемъ рыцаря ломаннаго гроша.

Зимой, дѣло идетъ поживѣе. Навозъ, покрывающій площадь, показываетъ, что, повременамъ, здѣсь бываетъ людно. Вмѣсто одного гроша, торговецъ получаетъ два и три, но изъ грошей все-таки никакъ выдти не можетъ. Разъ десять въ день онъ перевернетъ этотъ заколдованный грошъ, и все-таки онъ очутится въ его карманѣ тѣмъ же грошомъ, частицу котораго необходимо отдѣлить въ общій ящикъ. И какъ онъ бьется изъ-этого гроша, какъ ругается, какъ льститъ и подличаетъ, какъ коститъ своего сосѣда! Глядя со стороны, можно подумать, что дѣло идетъ объ обезпеченіи его долгаго-долгаго будущаго, а не о томъ, чтобъ какъ-нибудь сбыть съ рукъ распроклятый сегодняшній день!

Это правда, что зимой торгъ живѣе и выгоднѣе, но въ то же время зимой и расходовъ больше. Посадскій человѣкъ, въ недавнее время, освобожденъ отъ подушной подати, но за то явилось много новыхъ повинностей, которыя нужно очистить

именно въ декабрѣ и въ январѣ. Первое — государственная повинность; второе — налогъ съ недвижимыхъ имуществъ, то-есть, съ той хижины, въ которой онъ не столько живетъ, сколько, такъ-сказать, хоронится отъ жизни; третье — патентъ. А тутъ еще рекрутскій наборъ на дворѣ; если не приходится отвѣчать своею личностью, то во всякомъ случаѣ придется отвѣтить деньгами: на обмундированіе, на продовольствіе, на наградныя рекрутамъ, на вознагражденіе рекрутскихъ сдатчиковъ.. Откуда взять? какъ извернуться? Волею-неволею приходится отдѣлить ложку или двѣ отъ тѣхъ пустыхъ щей, которыми мѣщанинъ наливаетъ ежедневно свое несытое брюхо, или отлить четверть шкалика отъ той сивушной порціи, на которую заглядываются его завидущіе глаза.

— Нынче мы, сударь, дровами никогда не топимъ! говорятъ вамъ въ одномъ мѣстѣ: — нынче у насъ щепа да солома въ моду пошли. Было наше времячко! Поцарствовали! поросковшествовали! будетъ съ насъ!

— Когда съ насъ подушныя брали — намъ не въ примѣръ легче было! говорятъ въ другомъ мѣстѣ: — первое дѣло, платили мы по общественной раскладкѣ, стало быть, у кого засилія больше, тотъ и душъ больше оплачивалъ; второе дѣло, коли много ужь очень недоимки накапливалось, такъ или голова или другой благодѣтель, бывало, выищется: нѣтъ-нѣтъ, да и внесетъ за общество! А нынче всякъ за себя отдувайся, патента-то никто тебѣ ужь не купитъ!

— А тутъ еще дворовыхъ голышей нагнали! вопіютъ въ третьемъ мѣстѣ: — дохнуть отъ нихъ, канальевъ, нельзя. Гдѣ прежде было два сапожника, тамъ нынче ихъ двадцать-два, и всѣ наровятъ на одномъ сапогѣ заплату наставить!

И какую жизнь ведетъ этотъ дикій, озлобленный отъ голода народъ — это невозможно даже представить себѣ. Такъ можно только жить, то-есть покоряться жизни, но вообразить себѣ что-нибудь подобное, а тѣмъ менѣе изобразить — нельзя ни подъ какимъ видомъ. Не говоря уже о тѣхъ черныхъ, покосившихся избушкахъ, въ которыхъ ютится большинство, посмотрите, какое зрѣлище представляетъ зимой самый лучшій постоялый дворъ, въ которомъ отдаются такъ-называемыя «чистыя комнаты»! Чернота, которая поражала васъ еще лѣтомъ, сдѣлалась еще чернѣе, увеличившись всею суммою грязи и слякоти, приносимой на сапогахъ, шубахъ, полушубкахъ, рукавицахъ и проч. Мокро, скользко, стѣны проникнуты сыростью, въ воздухѣ стоитъ паръ. И при этомъ запахъ — смѣсь всевозможныхъ отвратительныхъ вопей, немыслимыхъ ни въ какой тюрьмѣ. Тутъ и промозглая смѣтана, которая поставлена гдѣ-то подъ лавкой киснуть; тутъ и овчина, и кислая капуста, и махорка, и телячій пометъ... Читатель! если вы когда-нибудь рѣшитесь отчетливо представить себѣ эту картину нашей про-

винціальной торговли и ремесленности, вамъ, навѣрное, сдѣлается если не страшно, то тошно.

Куда дѣвалась наша торговля? спрашиваютъ исторіографы. Но откуда ей взяться, коль скоро провинція не ѣстъ, не пьетъ, не обувается и не одѣвается? Ныньче пожаръ, прошлаго года голодъ, третьяго года холера или тифъ, четвертаго года скотскій падежъ. Только и разсказовъ, что объ этихъ сюрпризахъ, только этими разсказами и наполняется жизнь.

— Только и дѣла дѣлаемъ, что дыры затыкаемъ, говорятъ всѣ поголовно: — заткнешь одну, словно бы поотдохнешь на часокъ, анъ глядь она, шельма, въ другомъ мѣстѣ проявилася!

— А когда у насъ въ прошломъ году городъ горѣлъ — вотъ, сударь, страсти-то было! два дня сряду горѣлъ — никакъ унять не могли! И сколько тутъ народу пропало — счету нѣтъ! Кои обгорѣли, кои просто отъ страху обезумѣли, въ рѣкѣ потопились! Такого, кажется, наказанія божьяго ни въ жизнь не видалъ!

— Ну, братъ, и третьяго года тоже не сладость была. Какъ стали это хлѣбъ съ лебедой мѣшать, сытости-то отъ него нѣтъ, только корчи одни!

Словомъ, повсюду тянется все та же пѣсня, пѣсня однообразная до изнурительности, но которую невозможно не выслушать, потому что она одна только и есть.

Мы много сдѣлали для облегченія нашей внѣшней торговли, но не замѣчаемъ, что наша внутренняя торговля, наши промыслы и ремесла опутаны такою запретительною сѣтью, черезъ которую ни подъ какимъ видомъ пробиться невозможно. Нашему ремесленнику нечѣмъ подняться, не потому чтобъ онъ отъ природы не былъ способенъ къ бережливости, чтобъ онъ фаталистически былъ обреченъ всякую выработанную копейку нести въ кабакъ, а потому что у него нѣтъ случая узнать на практикѣ, что̀ такое бережливость. Съ перваго же раза ему необходимо предъявить капиталъ. Это капиталъ, котораго размѣръ (отъ 2 р. 50 к. до 4 р. на маленькое заведеніе) можетъ вызвать смѣхъ своимъ ничтожествомъ, но котораго тѣмъ не менѣе у него нѣтъ, ибо онъ является на арену промышленнаго соревнованія въ томъ рубищѣ, въ какомъ выпустило его крѣпостное право. Сколько грошей заключается въ этихъ двухъ рубляхъ съ полтиной? сколько дней нужно проработать, или лучше сказать, пробиться въ исканіи работы, чтобъ сколотить эту сумму въ такомъ краю, гдѣ не ѣдятъ, не пьютъ, не обуваются, не одѣваются?

Пошлины за право торговли и промысловъ, въ общемъ итогѣ государственныхъ доходовъ, составляютъ цифру, равняющуюся 10 мильйонамъ; но теперь, кажется, эта цифра поднялась нѣсколько выше предположенной нормы. Спрашивается, откуда пополняется она, и до такой ли степени она важна, чтобы нужно было, ради ея, рисковать развитіемъ нашихъ промысловъ?

Относительно источника можно сказать утвердительно — по крайней-мѣрѣ для провинціи — что половина суммы, поступающей въ казну, ложится налогомъ на промышленность мелкую, живущую изо дня въ день. Если, напримѣръ, уѣздъ въ мѣстности пятаго класса приноситъ казнѣ дохода съ свидѣтельствъ и билетовъ три тысячи рублей, то навѣрное, изъ нихъ половина сходитъ съ мелочниковъ *. И между тѣмъ, люди, платящіе остальную половину, дѣлаютъ обороты на сотни тысячъ, тогда какъ прочая платежная половина оборачиваетъ два-три десятка тысячъ. Какой процентъ съ своего барыша платятъ эти люди, готовые изъ-за копейки перервать другъ другу горло?

Что же касается до цифры налога, то, какъ она ни кажется почтенною, но все-таки составляетъ не болѣе, какъ сороковую часть нашего доходнаго бюджета (по росписанію на 1869 годъ общій итогъ государственныхъ доходовъ предполагался около 435 мильйоновъ рублей). Затѣмъ, если и признать необходимость удержать налогъ въ размѣрѣ 10 мильйоновъ рублей, то это нимало не можетъ противорѣчить мысли о возможности видоизмѣненія самаго налога. Какъ ни бѣдна провинція инаціативой, но на столько у нея все-таки хватитъ смысла, чтобъ обложить себя наиболѣе соотвѣтственнымъ ея дѣйствительному положенію способомъ. Если она и не покинетъ рутинныхъ путей, то, по крайней-мѣрѣ, примѣнитъ ихъ не съ тою огульною нивелляціею, которая нерѣдко приравниваетъ мужика-предпринимателя, работающаго, по порученію капиталиста-фабриканта, на пятнадцати ручныхъ станкахъ, самому фабриканту, занимающему ежедневно тысячу и болѣе человѣкъ рабочихъ, и, кромѣ того, раздающему множество работы на сторону. Вѣдь вопросъ

* Само собой разумѣется, что я говорю здѣсь приблизительно; тѣмъ не менѣе, изъ свѣдѣній, распубликованныхъ въ разное время министерствомъ финансовъ, можно видѣть, что доходъ, полученный казной съ одной стороны отъ купеческихъ свидѣтельствъ, билетовъ и паспортовъ, а съ другой — отъ свидѣтельствъ и билетовъ на мелочной торгъ, былъ слѣдующій. Купцы запласили въ 1864 г.—5.393,130 р.; въ 1865 г.—5.477,434 р.; въ 1866 г.—5.394,784 р. Мелочники (въ томъ числѣ и прикащики) заплатили: въ 1864 г.—2.901,625 р.; въ 1865 г.—3.266,673 р.; въ 1866 г.—3.828,138 р. Повидимому, эти цифры нѣсколько противорѣчатъ приведенному выше выводу, но при этомъ нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія, публикованныя министерствомъ, показываютъ отношеніе между купеческимъ и мелочнымъ торгомъ по всей имперіи, а не по губерніямъ, между тѣмъ, ежели исключить нѣкоторыя мѣстности (какъ, напримѣръ, губерніи Петербургскую, Московскую, Херсонскую и нѣкоторые другіе промышленные центры), въ которыхъ купеческій торгъ, вслѣдствіе сосредоточенія значительныхъ капиталовъ, является преобладающимъ, то на значительное большинство остальныхъ губерній, отношеніе это должно измѣниться явно въ ущербъ купеческому торгу. Сверхъ того, изъ свѣдѣній министерства нельзя видѣть (да нельзя этого и требовать), сколько въ числѣ купеческихъ капиталовъ есть такихъ, которые ничѣмъ собственно не отличаются отъ мелочниковъ, а объявляютъ гильдію только потому, что торгуютъ купеческимъ товаромъ; а такихъ, конечно, найдется не мало.

въ томъ, чтобы получить извѣстную сумму съ извѣстной статьи дохода — это понятно; но почему именно эта сумма должна быть распредѣлена между плательщиками какимъ-то отвлеченнымъ, теоретическимъ способомъ — это совсѣмъ непонятно.

Казалось бы, что господствующая у насъ въ торговлѣ и промышленности система есть система свободной конкуренціи. И дѣйствительно, заплативши казенныя пошлины, мы можемъ свободно подставлять другъ другу ноги, свободно перебивать другъ у друга кусокъ хлѣба, подкапываться другъ подъ друга и проч. Но это справедливо только относительно мелочниковъ, которые дѣйствительно суются какъ угорѣлые и не знаютъ, какъ другъ друга опакостить. Но относительно капиталиста, дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ. Это монополистъ въ полномъ значеніи этого слова, и монополистъ, который, въ большей части случаевъ, не имѣетъ даже охоты принять какое-либо участіе въ интересахъ страны. Да и какой путь можетъ избрать себѣ это участіе, кромѣ пути пожертвованій, почти всегда имѣющихъ характеръ подачки. Ужели есть возможность назвать такой путь нормальнымъ.

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

От чего Россія гибнетъ? — Нѣчто о перуанцахъ. — Публика на тротуарахъ.—Опасности на петербургскихъ улицахъ.—Selfgovernment общества.— Двѣ резолюціи объ избраніи благочинныхъ. — Значеніе съѣздовъ духовенства.—Поощренія, оказываемыя выставками.—Деревянныя издѣлія въ русскомъ вкусѣ.—Мода на флаги.—Выставка домашняго скота и значеніе ея для крестьянскаго скотоводства. — Контора снабженія племянными телятами. — О денатурализаціи соли и мои резолюціи по этому вопросу. — Приготовленіе сыра.— Ораторскія способности профессоровъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ, вслѣдствіе реформъ и разныхъ льготъ послѣдняго времени, увеличилось число сочинителей и особенно провинціальныхъ корреспондентовъ, мы сдѣлали множество открытій,—открыли, напримѣръ, что нашъ народъ спился, что онъ страшно лѣнивъ и развращенъ и безъ розогъ и штрафовъ даже для себя ничего не дѣлаетъ, что благоденствовалъ онъ и можетъ благоденствовать только подъ сѣнію крѣпостнаго права и т. д. и т. далѣе. Повидимому, открытія въ этомъ родѣ должны бы уже истощиться. Оказывается, что нѣтъ. Недавно одна газета сдѣлала еще одно открытіе, и при томъ такое, что остается только подивиться, какъ это мы доселѣ не замѣчали того, что̀ она теперь открыла, и почему это начальство не обратило на этотъ предметъ должнаго вниманія.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ,—стонъ стоитъ по землѣ русской, вся Россія плачетъ и сокрушается; старые и малые, богатые и убогіе, а особенно богатые, всѣ жалуются; сама полиція и та

плачетъ и «плачетъ болѣе другихъ», ибо въ Россіи нѣтъ, — легко сказать чего! въ Россіи нѣтъ... Полиціи!! «Отсутствіе полиціи въ Россіи — есть черта ея общественной жизни. Уѣзды съ ихъ необъятными пространствами, губернскіе и уѣздные города, громадныя ярмарки, все это жалуется и плачетъ, ибо— охраняется только невидимою благодатью какой-то между небомъ и землей пребывающей силой».

Бѣдные мы, бѣдные! Забытые, покинутые полиціей на произволъ судьбы! Нѣтъ у насъ полиціи, нѣтъ у насъ будочниковъ, нѣтъ городовыхъ, околодочныхъ, подоколодочныхъ, участковыхъ, квартальныхъ, приставовъ, полиціймейстровъ, становыхъ, исправниковъ. Кутузки, сибирки, ямы, темныя, секретныя и т. д. пусты, потому-что некому сажать туда насъ. Что̀ будетъ съ нами далѣе, если такое состояніе дѣлъ продлится и на каждаго обывателя не будетъ назначено по два будочника? Нравственность ослабѣетъ, естественныя, свойственныя каждому человѣку, чувства справедливости и законности исчезнутъ; сознаніе того, что каждый долженъ жить своимъ трудомъ и прежде всего самъ заботиться о себѣ, уничтожится. А вслѣдъ за симъ, ворами и разбойниками и вообще людьми безпорядочными, людьми непроизводительными, живущими на чужой счетъ, переполнится все государство, всѣ эти уѣзды, съ ихъ необъятными пространствами, всѣ губернскіе и уѣздные города и громадныя ярмарки! Даже и тѣ немногіе будочники, которые теперь, несмотря на вышеприведенную жалобу, все-таки кое-гдѣ еще попадаются и въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и на ярмаркахъ, покинутъ свои посты и предпочтутъ жить на чужой счетъ, не дѣлая ничего производительнаго!

Съ другой стороны, исторія представляетъ поразительные примѣры процвѣтанія тѣхъ государствъ, гдѣ полиція была всемогуща и все регулировала.

Намъ до такого совершенства далеко; но и у насъ тамъ, гдѣ полицейскихъ особенно много, порядокъ тоже господствуетъ изумительный и обыватели пользуются всевозможными удобствами даже въ самыхъ мельчайшихъ мелочахъ.

Напримѣръ, вы фланируете по Невскому и... препятствіе! На самой срединѣ тротуара остановились два полныхъ генерала съ супругами и загородили вамъ дорогу. Вы должны неминуемо или сшибить ихъ съ ногъ или же сдѣлать обходъ—положеніе крайне непріятное!

Можетъ быть случай и хуже: идетъ особа, погруженная въ глубочайшія стратегическія соображенія, и вдругъ передъ нею засада: два мѣщанина встрѣтились съ третьимъ пріятелемъ и пожимаютъ другъ другу руки—какъ разъ на пути особы! Положеніе тоже непріятное, ибо особа оказывается вынужденною крикнуть: раздайся!

Но теперь такія непріятности могутъ случаться только въ уѣздахъ, съ ихъ необъятными пространствами, въ губернскихъ и уѣзд-

ныхъ городахъ и на громадныхъ ярмаркахъ, гдѣ полиція отсутствуетъ; а въ Петербургѣ случиться этого не можетъ, или, по крайней-мѣрѣ, отнынѣ не должно случаться, потому что на это обращено уже вниманіе и обыватели города приглашены при проходѣ по тротуарамъ не останавливаться на срединѣ ихъ, а выбирать для этого такія мѣста, остановка на которыхъ не стѣсняла бы другихъ проходящихъ.

Жаль вотъ только, что эта же самая полиція никакъ не можетъ избавить насъ отъ неудобства другаго рода, постоянно встрѣчающагося на петербургскихъ улицахъ — отъ неудобства или непріятностей быть сшибеннымъ съ ногъ, замятымъ и раздавленнымъ на мѣстѣ лошадьми и экипажами. Полиція употребляетъ, повидимому, всевозможныя мѣры, чтобы уничтожить въ Петербургѣ это зло: она приглашаетъ публику ѣздить тише, издаетъ приказы и распоряженія останавливать тѣхъ, которые ѣздятъ слишкомъ быстро, арестуетъ неосторожныхъ кучеровъ и извощиковъ и отправляетъ ихъ къ мировымъ судьямъ для наложенія на нихъ законнаго взысканія. Но несчастные случаи на улицахъ все-таки повторяются то и дѣло. Самый недавній изъ нихъ привелъ въ ужасъ всѣхъ, не имѣющихъ своихъ экипажей и ѣздящихъ на извощикахъ. На одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ у извощичьихъ дрожекъ надломилась ось; сидѣвшая на дрожкахъ молодая дама упала на землю головою прямо подъ колесо проѣзжавшаго мимо дилижанса и была раздавлена на мѣстѣ.

Можетъ быть, несчастныхъ случаевъ, подобныхъ настоящему, было бы на петербургскихъ улицахъ еще больше, еслибы полиція не обращала на нихъ вниманія; но несомнѣнно, что ихъ было бы гораздо меньше, еслибы общество поменьше полагалось во всемъ только на полицію и часть обязанностей ея взяло бы на себя. Мы увѣрены, что полиція за насъ бодрствуетъ, и потому сами преспокойно спимъ, и чѣмъ больше полиція выказываетъ усердія, чѣмъ бо̀льшую область обнимаетъ она своею дѣятельностію, чѣмъ въ большія и большія мелочи входитъ, тѣмъ это для общества, въ сущности, хуже; потому что тѣмъ больше развивается въ немъ увѣренность въ томъ, что полиція смотритъ за него рѣшительно за всѣмъ, и тѣмъ безпечнѣе дѣлается оно къ своимъ интересамъ.

Повидимому, это все равно, полиція ли, или вообще администрація блюдетъ за общественными интересами, или само общество, потому что обществу, принявшему на себя обязанности полиціи, понадобилось бы тоже имѣть для этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особыхъ агентовъ, слѣдовательно, тоже создать полицію. Но большая разница между полиціею, создаваемою самимъ обществомъ, и полицейскими агентами, отъ общества независящими. Еслибы домовладѣльцамъ предложили замѣнить нанимаемыхъ ими дворниковъ какими-нибудь агентами, назначаемыми отъ полиціи, то, даже при полнѣйшемъ

довѣріи къ полиціи и, пожалуй, при меньшихъ расходахъ на такихъ дворниковъ, навѣрное ни одинъ домовладѣлецъ добровольно не согласился бы на это,—скорѣе согласились бы еще кое-что прибавить къ нынѣшнему содержанію полиціи, только оставили бы имъ право нанимать дворниковъ, швейцаровъ и управляющихъ домами по собственному усмотрѣнію.

Будетъ ли у насъ когда-нибудь такая полиція—сказать трудно; но нѣкоторыя отдѣльныя попытки замѣнить полицію, назначаемую свыше, полиціей выборной, уже существуютъ. Именно въ сословіи духовенства. Духовенство имѣетъ, какъ извѣстно, свою особую полицію, наблюдающую не столько за его спокойствіемъ и благосостояніемъ, сколько за поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей. Полицію эту составляютъ благочинные. Доселѣ они назначались тоже свыше отъ начальства; но въ послѣднее время почти во всѣхъ епархіяхъ духовенство заявило желаніе, чтобы должность эта замѣщалась по выбору самаго духовенства. Въ прошедшій разъ я писалъ уже, что петербургское духовенство, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ епархій, уже имѣющихъ у себя выборныхъ благочинныхъ, просило свое епархіальное начальство дозволить и ему самому выбирать своихъ благочинныхъ. Такъ-какъ просьба эта не была уважена, то это даетъ, повидимому, основаніе думать, что просьба эта незаконна или находится въ непримиримомъ противорѣчіи со всѣмъ господствующимъ у насъ взглядомъ на полицію вообще. Екатеринославскій архіерей (Алексѣй) такъ охарактеризовалъ этотъ взглядъ. На докладѣ мѣстной консисторіи о наступленіи срока *для новаго выбора* благочинныхъ онъ написалъ слѣдующую резолюцію: «по силѣ § 67 устава духовныхъ консисторій, избраніе и опредѣленіе довѣренныхъ лицъ на мѣста и должности, чрезъ которыхъ производится управленіе и надзоръ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, зависитъ отъ усмотрѣнія епархіальнаго архіерея, а не отъ выборовъ духовенства по прихоти (?!); выборы, предоставленные духовенству (предмѣстникомъ этого архіерея), показали, что избирались лица не тѣ, кои бы управляли съ честью, а которыя бы прикрывали только проступки духовенства; лица довѣренныя нужны мнѣ, а не духовенству; въ случаѣ ошибочнаго съ моей стороны выбора такихъ лицъ, предоставляется округамъ право указать недостатки и пороки избраннаго».

Между тѣмъ харьковскій архіепископъ (Нектарій) на подобномъ же докладѣ написалъ резолюцію совершенно другаго рода. «Харьк. Епарх. Вѣдом.» пишутъ, что «исправляющій должность благочиннаго, священникъ Ч., рапортомъ своимъ испрашивалъ архипастырскаго разрѣшенія о дозволеніи духовенству (такого-то) округа избрать посредствомъ баллотировки изъ среды себя благочиннаго, на мѣсто умершаго протоіерея В. На рапортѣ этомъ послѣдовала слѣдующая резолюція его высоко-

преосвященства: «согласно съ прежними распоряженіями епархіальнаго начальства, можно было приступить къ избранію благочиннаго безъ испрашиванія на сіе особаго разрѣшенія; дать знать указомъ о семъ исправляющему должность благочиннаго, отцу Ч. и, во избѣжаніе излишней переписки по сему предмету на будущее время, объявить, чрезъ епархіальныя вѣдомости, настоящую резолюцію мою всему духовенству къ свѣдѣнію и руководству въ подлежащихъ случаяхъ».

Надобно полагать, что оба эти преосвященные — екатеринославскій и харьковскій — говорятъ здѣсь не какъ частные люди, а какъ высшія должностныя лица въ епархіи, и высказываютъ не свои личные мысли и взгляды, а понятія вообще епархіальныхъ архіеревъ, и хотя наши высшія духовныя лица далеки отъ мыслей считать себя, подобно римскому папѣ, непогрѣшимыми, но все же въ ихъ взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ должно бы быть хоть нѣкоторое согласіе. Между тѣмъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: что предоставлять избраніе благочинныхъ самому духовенству вредно, а другой, наоборотъ, чуть не выговоръ дѣлаетъ за то, что не выбираютъ безъ его особаго разрѣшенія. Первый считаетъ себя вправѣ отмѣнять распоряженія своего предшественника, второй — нѣтъ; первый дѣйствуетъ, поэтому, скорѣе какъ частное лицо, которое можетъ имѣть и свои личныя мнѣнія, или, вѣрнѣе, какъ лицо, отожествляющее занимаемую имъ должность и соединенныя съ нею права съ своею личностію, второй—какъ архіерей, какъ лицо, занимающее извѣстную должность и недопускающее мысли, что съ перемѣною лица можетъ измѣняться и направленіе всей дѣятельности, соединенной съ этою должностію.

У насъ за теченіемъ времени или за духомъ его слѣдятъ только высшіе представители правительственной власти и періодическая печать. Но первые, по самому положенію своему, слишкомъ высокому, слишкомъ отдаленному отъ всѣхъ проявленій дѣйствительной жизни, могутъ знать только самыя общія проявленія этого духа, да и то иногда едва-ли не въ искажонномъ видѣ. Печать знакома съ этимъ духомъ болѣе, но она невсегда можетъ выражать его, а когда выражаетъ, то это считается личнымъ мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ. Несравненно вѣрнѣе, полнѣе и постояннѣе началъ-было выказываться этотъ духъ—всѣ дѣйствительныя потребности настоящаго времени,—въ земскихъ собраніяхъ. Но собранія эти почти совсѣмъ молчатъ, а если и слышатся еще иногда голоса оттуда, то все такіе, что опредѣлить по нимъ наши дѣйствительныя желанія и потребности почти невозможно. Одни, напримѣръ, все требуютъ розогъ и какъ можно больше полицейскаго надзора; другіе только вычисляютъ, на сколько ихъ обокрали и обсчитали ихъ управы; третьи подписываютъ просьбы объ устройствѣ у нихъ школъ съ классическимъ образованіемъ, не имѣя даже понятія о томъ, что̀ это такое классическое образованіе; четвер-

тые, поговоривши кое-о чемъ, отправляются въ дворянское собраніе задавать пиръ валтасаровъ и т. д.

Теперь вотъ начинаютъ выражать этотъ духъ времени съѣзды духовенства, и надобно надѣяться, что съѣзды эти, несмотря на многія неудачи, будутъ выражать его вѣрнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ земскія собранія. Здѣсь нѣтъ того антагонизма между членами его, какой тотчасъ же выказался въ земскихъ собраніяхъ. Здѣсь встрѣчаются все люди болѣе или менѣе образованные и по правамъ и интересамъ своимъ почти совершенно равные. Кромѣ того, ихъ матеріальные интересы находятся въ самой тѣсной связи съ интересами большей половины земства. Освоившись съ своимъ положеніемъ, устроивъ свои ближайшія дѣла, они неминуемо должны будутъ взглянуть и нѣсколько далѣе и будутъ выражать не сословныя только свои потребности, а вообще потребности сельскихъ жителей. Въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ они только все кланялись и благодарили, но уже въ слѣдующихъ стали кланяться съ просьбами сдѣлать для нихъ то-то и то-то. Правда, не вездѣ ихъ просьбы выслушиваются благосклонно; ихъ укоряютъ даже въ томъ, что они ищутъ только потворства своимъ порочнымъ склонностямъ — только «прикрытій проступковъ духовенства». Члены духовныхъ съѣздовъ менѣе независимы, чѣмъ даже крестьяне на земскихъ собраніяхъ,—ихъ матеріальное благосостояніе, вся судьба ихъ находится въ рукахъ одного человѣка, который можетъ распоряжаться ими почти безъапелляціонно. Если просьба ихъ не будетъ услышана, что̀ могутъ они сдѣлать? И если за просьбы эти они будутъ получать замѣчанія, выговоры, будутъ переводимы на худшія мѣста или совсѣмъ лишаться ихъ, куда будутъ они на это жаловаться? Въ св. синодъ, — говоритъ новое положеніе о духовенствѣ. Но духовенство и прежде имѣло это право, однако пользовалось имъ, почему-то, чрезвычайно рѣдко.

Но духовенство имѣетъ здѣсь огромное преимущество предъ другими сословіями въ томъ, что и духовные и матеріальные интересы его нисколько не противорѣчатъ интересамъ его высшихъ начальниковъ. Вся борьба съѣздовъ направлена теперь на благочинныхъ, консисторіи съ ихъ секретарями и на начальниковъ учебныхъ заведеній. Но было бы нелѣпо думать, что духовенство стремится здѣсь къ достиженію какихъ-то дѣйствительно преступныхъ цѣлей. Теперь нѣкоторые архіереи стоятъ еще за этихъ лицъ, потому что имъ нужны «довѣренныя лица» и что должностныя лица, избранныя отъ духовенства, будутъ, будто бы, менѣе безпристрастны. Но они скоро убѣдятся, что нигдѣ пристрастіе не выводится такъ скоро и безпощадно наружу, какъ въ гласныхъ собраніяхъ. Поэтому нельзя не надѣяться, что дѣятельность епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, вѣроятно въ скоромъ времени, пойдетъ хорошо и будетъ встрѣчать въ высшихъ мѣстныхъ духовныхъ

начальникахъ не противодѣйствіе себѣ и разныя ограниченія, какъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности встрѣтили это земскія собранія, а напротивъ, поощреніе и поддержку. Да и теперь она рѣдко встрѣчаетъ противодѣйствія себѣ и резолюцій, подобныхъ вышеприведенной екатеринославской, очень немного, и если свѣтскія періодическія изданія относятся еще ко многому здѣсь неодобрительно и рисуютъ разныя темныя картины, то не по сравненію съ дѣятельностію земскихъ учрежденій, или вообще съ существующими порядками въ другихъ вѣдомствахъ, а скорѣе по сравненію съ идеаломъ, съ тѣмъ, какъ бы должно быть.

Съ легкой руки англичанъ, выдумавшихъ всемірную выставку, и у насъ пошла мода на выставки, если не всемірныя, такъ всеславянскія, международныя и всероссійскія. Къ первой изъ нихъ мы приступали какъ-то боязно — долго приготовлялись, много писали и особенно много, объ ней и по поводу ея, кричали; боялись, должно быть, какъ бы на первый разъ не осрамиться. Ко второй — цвѣточной — приготовленія были короче; а затѣмъ уже сразу устроили три, совершенно въ одно и то же время — собачью, коровье — овечье — свинную (въ Петербургѣ) и лошадиную (въ Москвѣ).

Что̀ же, — эти выставки хорошее дѣло! Прежде всего, — онѣ даютъ матеріалъ для нашей братьи-хроникеровъ, да и вообще для періодической литературы. Въ Бельгіи, по поводу нашей международной цвѣточной выставки, издавалась нѣкоторое время даже особая спеціальная газета. Такія необыкновенныя, выходящія изъ ряда вонъ событія, явленія и учрежденія непремѣнно должны существовать — иначе періодической литературѣ нечѣмъ было бы жить. День за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ все одно и то же, — о чемъ же тутъ писать! Остается только философствовать, да романы писать; но для этого существуютъ книги. Вонъ въ Китаѣ не только мѣсяцы и годы, но даже столѣтія и едва-ли не тысячелѣтія повторяется все одно и то же — никакихъ открытій, измѣненій и нововведеній! Оттого тамъ и существуетъ только одна и единственная правительственная газета, въ родѣ нашихъ сенатскихъ вѣдомостей въ соединеніи съ такъ-называемымъ гофъ-фурьерскимъ журналомъ, описывающимъ событія при императорскомъ дворѣ. И у насъ и во всей Европѣ было бы то же самое, и можетъ быть даже будетъ, когда мы все другъ другу разскажемъ и покажемъ, все разъяснимъ себѣ, приведемъ въ порядокъ и установимъ на незыблемыхъ началахъ. Вѣдь весь цивилизованный міръ стремится къ этому. О чемъ же будетъ тогда газета писать? Въ Россіи все шло до недавнихъ поръ мирно и согласно, во всемъ господствовалъ порядокъ и единообразіе, открытій и нововведеній никакихъ не было, оттого и газетъ было чрезвычайно мало, а нѣсколько дальше назадъ и совсѣмъ ихъ не было. Въ нашихъ селахъ и уѣздныхъ городахъ

и до сихъ поръ ведется все прапрадѣдовскимъ порядкомъ, — оттого тамъ и газетъ нѣтъ; да и въ губернскихъ городахъ издаются газеты только въ родѣ китайской. Не то въ Сѣверной Америкѣ, не то въ Европѣ, гдѣ разнообразія въ жизни и разныхъ новостей больше — тамъ издаются газеты даже и въ деревняхъ; не то и у насъ въ столицахъ и особенно въ Петербургѣ,—за то и разнообразія въ жизни здѣсь больше.

Не поэтому-то ли періодическая печать и твердитъ все о необходимости прогресса и разныхъ нововведеній и улучшеній и бранитъ публику, что она пребываетъ въ застоѣ и неподвижности — она заботится о матеріалѣ для своего существованія! Много вѣдь есть хорошаго и между тѣмъ, что̀ уже старо, установилось и давно всѣмъ извѣстно; но это не можетъ служить матеріаломъ для газетъ и хроникъ. Итальянская опера, напр., дѣло хорошее; но, — не входя въ описаніе подробностей, въ разборъ исполненія такой-то и такой-то пьесы, — я не могу сказать объ ней въ настоящій разъ ничего, даже и несмотря на то, что тамъ участвуетъ сама г-жа Патти; потому что мнѣ пришлось бы повторять только старое. Художественная выставка тоже вещь хорошая; но такъ-какъ и она повторяется періодически, то я и объ ней не могу ничего сказать, — эрмитажъ несравненно лучше выставокъ академіи художествъ, но объ немъ уже рѣшительно никто ничего не говоритъ. Другое дѣло вотъ эти всероссійскія выставки—это нѣчто совершенно новое. Объ нихъ каждый хроникеръ и каждая газета уже непремѣнно хоть что нибудь да скажетъ. Но и объ нихъ будутъ упоминать только вскользь, если онѣ сдѣлаются періодическими, будутъ повторяться каждый годъ; а если ихъ сдѣлать постоянными, то ихъ постигнетъ судьба эрмитажа, музеевъ, художественныхъ галлерей и т. п. Однимъ словомъ — будь на землѣ все въ самомъ наилучшемъ видѣ, владѣй люди всевозможными удобствами и украшеніями жизни, но не будь новостей — газеты и хроники погибли! Въ раю газетъ, навѣрное, не будетъ, потому что тамъ будетъ все одно и то же!

Затѣмъ, выставки, въ родѣ нашихъ всероссійскихъ, полезны потому, что онѣ — поощряютъ. Такъ и въ объявленіяхъ объ нихъ говорится: устроилась или устроивается выставка такая-то для поощренія того-то. Для кого или для чего нужно это поощреніе? Чигиринскіе хохлы и русскія бабы любятъ своихъ быковъ и коровъ, конечно, и такъ, безъ поощреній со стороны; они *должны* любить ихъ и ухаживать за ними наилучшимъ образомъ, потому что этого требуетъ ихъ прямая выгода. Но имъ говорятъ: не хочетъ ли кто изъ васъ похвалиться своимъ уходомъ за домашнимъ скотомъ, и того, кѣмъ зрители останутся довольны, похвалятъ за это». Хохлы и бабы удвоиваютъ свое усердіе къ быкамъ и коровамъ и — получаютъ за это похвалу. Но изъ-за этого одного устроивать подобныя выставки, по моему мнѣнію, еще не стоитъ; потому что хотя это

и возвышаетъ нѣсколько, да и то только на самое непродолжительное время, благосостояніе или достоинство тѣхъ предметовъ, которые показываются на выставкахъ, но едва-ли особенно содѣйствуетъ возвышенію духа людей — вѣдь не изъ-за наградъ и поощреній долженъ каждый любить свое дѣло и на сколько только возможно усовершенствовать его.

Впрочемъ, для нашего времени, все еще такъ падкаго на всякія похвалы и поощренія, эта мораль уже слишкомъ тонка!

Но если не особенно полезны такія выставки для собственниковъ тѣхъ предметовъ, которые удостоиваются похвалъ, за то несомнѣнно полезны онѣ для зрителей, кто бы эти зрители ни были— экспоненты ли тоже, или просто любители, потому что здѣсь каждый видитъ тѣ образцы, тѣ, такъ сказать, идеалы, къ которымъ онъ въ своемъ дѣлѣ долженъ стремиться. Въ этомъ смыслѣ, выставки, дѣйствительно, и поощряютъ и возвышаютъ.

Поощряютъ онѣ еще въ томъ отношеніи, въ какомъ поощряетъ всякій смотръ, всякое посѣщеніе какого либо хозяйства или производства постороннимъ человѣкомъ, — поощряютъ къ исправности, чистотѣ, аккуратности, къ измѣненіямъ и улучшеніямъ. Засидѣвшись въ своей канурѣ, вѣчно одинъ или въ кругу все однихъ и тѣхъ же лицъ, человѣкъ привыкаетъ, наконецъ, ко всевозможному неряшеству; онъ не чувствуетъ и не замѣчаетъ этого, пока ему не скажутъ: гости идутъ. Тогда онъ спохватывается, вдругъ замѣчаетъ всѣ упущенія и бросается все поправлять и приводить въ порядокъ. У Плюшкина накопилась такая куча сору и всякой дряни въ залѣ, надобно полагать, именно потому, что его никто никогда не посѣщалъ. Наши барыни, даже получившія образованіе въ институтахъ и говорившія на иностранныхъ языкахъ, ходили въ своихъ деревенскихъ хоромахъ по цѣлымъ недѣлямъ грязныя и растрепанныя, но заслышавши дорожный колокольчикъ тотчасъ же бросались въ свои уборныя и подымали весь домъ верхъ дномъ. (A propos—не для того ли у насъ и колокольчики эти употреблялись!).

То же самое и съ производителями разныхъ предметовъ, показываемыхъ нынѣ на выставкахъ. Можетъ быть, они занимаются этими предметами и съ любовью и стараются по возможности улучшать ихъ, независимо отъ того, похвалятъ ли ихъ за это или нѣтъ, будетъ ли кто осматривать ихъ предметы или нѣтъ; но извѣстіе о томъ, что на предметы ихъ производства теперь обращено всеобщее вниманіе, что лучшіе сорты этихъ предметовъ свозятся въ одно мѣсто на показъ, должно непремѣнно заставить ихъ встрепенуться и обратить на предметъ своихъ занятій особенное, усиленное вниманіе.

Въ этомъ отношеніи еще сильнѣе было бы поощреніе, если бы предметы, привозимые на выставки, осматривались любителями и спеціалистами на мѣстѣ, — тогда видны были бы не казовые только концы, а все дѣло, и вниманіе производителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя улучшенія были бы устремляемы не

на одни только лучшіе сорты, а на всѣ вообще. Конечно, это можно дѣлать, какъ отчасти и дѣлается, только относительно болѣе обширныхъ и, такъ сказать, сосредоточенныхъ учрежденій, напримѣръ, фермъ, заводовъ, фабрикъ. Мелкаго, разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ — крестьянскаго производства осматривать такъ невозможно. Да это ни къ чему бы и не повело. Вопервыхъ, тамъ и смотрѣть-то почти нечего; вовторыхъ, это нисколько не заставило бы крестьянъ встрепенуться и предпринять разныя исправленія и улучшенія. Почему? — понятно само собой. На «всероссійской» выставкѣ рогатаго скота не только почти совершенно не было скота, принадлежащаго крестьянамъ, но и крестьянъ-посѣтителей было, по всей вѣроятности, тоже мало; по крайней мѣрѣ, въ тотъ день, какъ я былъ на этой выставкѣ, ихъ совсѣмъ тамъ не было, а это былъ еще день праздничный. Крестьянамъ нечего показывать здѣсь, да и смотрѣть показываемое незачѣмъ, потому что до такого совершенства имъ не довести своихъ коровъ и быковъ еще долго-долго. Для нихъ поощреніемъ производства домашняго скота была бы выставка совсѣмъ другаго рода — выставка не лучшаго скота, а вообще крестьянскаго скота, съ чтеніемъ статистическихъ лекцій о количествѣ его у крестьянъ и размѣрахъ пользы, приносимой имъ хозяевамъ, въ видѣ молока, шерсти, перевозки тяжестей и т. п. Польза такой выставки состояла бы въ томъ, что, можетъ быть, она привела бы въ смущеніе тѣхъ, отъ кого, если не исключительно, то въ весьма значительной степени, зависитъ теперешнее состояніе крестьянскаго хозяйства, и заставило бы ихъ обратить на этотъ предметъ побольше милостиваго вниманія.

Поощряютъ, наконецъ, эти всероссійскія и особенно международныя, а еще болѣе всемірныя выставки тѣхъ экспонентовъ, которые привозятъ на нихъ свои предметы только для того, чтобы распространить славу объ нихъ и увеличить ихъ сбытъ. Лучшей рекламы для нихъ и быть не можетъ!

Зачѣмъ, напримѣръ, на всероссійскую выставку *домашняго скота* явились, такъ называемая, кумберговская гнутая мебель и татищевскія деревянныя издѣлія въ русскомъ вкусѣ? Ужь не для того же, чтобы наши скотоводы произнесли объ нихъ свое сужденіе и чтобы хозяева этой мебели могли провѣрить достоинство выдѣлки ея по усовершенствованнымъ породамъ коровъ и телятъ! О достоинствѣ гнутой мебели свидѣтельствуютъ уже всевозможныя медали, красующіяся на вывѣскахъ кумберговскихъ магазиновъ, и сравнивать ее здѣсь можно было единственно только съ татищевскою мебелью, но эта мебель совершенно въ другомъ родѣ. То же самое и съ издѣліями татищевской фабрики. Еще деревянныя кринки, шайки, ведра и т. п. произведенія ея могли имѣть отношеніе къ этой выставкѣ и вступить въ споръ съ другими принадлежностями молочнаго производства, бывшими на этой выставкѣ; но столы, стулья,

диваны, вазы и т. п. произведенія той же фабрики имѣли такое же отношеніе къ скотоводству и молочному производству, какъ и гнутая мебель, и сужденіемъ объ нихъ нашихъ скотоводовъ не могли особенно дорожить послѣ того, какъ ихъ оцѣнили уже даже за границей и выписываютъ, говорятъ, въ большомъ количествѣ.

Очевидно, и гнутая мебель и татищевскія деревянныя издѣлія явились на выставку быковъ, коровъ, овецъ и свиней только для того, чтобы, при семъ удобномъ случаѣ, и объ нихъ поговорили!

Если не гнутой мебели, слава о которой уже достаточно распространена, то татищевскимъ деревяннымъ издѣліямъ могу оказать въ этомъ отношеніи услугу и я, такъ-какъ они, въ нѣкоторомъ отношеніи, дѣйствительно, заслуживаютъ того, чтобы объ нихъ говорили и чтобы производство и сбытъ ихъ распространялись.

Издѣлія эти, при первомъ взглядѣ на нихъ, оказываются нашими старыми знакомыми — раскрашенными самыми яркими красками деревянными чашками, кувшинами, ложками и т. п. предметами, постоянно употребляемыми въ крестьянскомъ быту и извѣстными всякому, кто хоть разъ заглядывалъ въ крестьянскую избу. Производство этихъ вещей и сбытъ ихъ должны быть огромны, потому что онѣ находятся рѣшительно въ каждой крестьянской семьѣ. Выдѣлка ихъ очень проста и доступна для ловкости и пониманія обыкновеннаго деревенскаго мужика и даже взрослаго ребенка. Этою легкостію производства ихъ воспользовался одинъ новгородскій помѣщикъ (г. Татищевъ), чтобы извлекая выгоду, конечно, и для себя, доставить вмѣстѣ съ тѣмъ лишній заработокъ мѣстнымъ крестьянамъ. Но чтобы поднять цѣнность этихъ издѣлій и обезпечить имъ бо̀льшій сбытъ, онъ придалъ имъ другую форму. Изъ тѣхъ же осиновыхъ обрубковъ, изъ которыхъ выдѣлываются обыкновенныя крестьянскія чашки, кувшины и т. п., онъ придумалъ выдѣлывать цвѣточные горшки и вазы, маленькіе столики, табуреты, стулья, диваны или скамьи со спинками, умывальники, несессеры или рабочіе ящики въ формѣ просѳоръ, грибовъ, яицъ и т. под. Въ этомъ видѣ издѣлія эти могли пріобрѣтать себѣ уже и другихъ покупателей. Нѣсколько экземпляровъ ихъ послано было за границу. Парижане нашли ихъ — оригинальными, окрестили названіемъ «китайскихъ», и на нихъ явился спросъ нетолько въ Парижъ, но и въ Германію, Англію и даже въ Америку! Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась, конечно, и цѣна на нихъ, хотя расходы по производству остаются почти все тѣ же, какъ и на производство обыкновенныхъ крестьянскихъ чашекъ. Осины въ русскихъ лѣсахъ много; свободныхъ крестьянскихъ рукъ зимой тоже; умѣнья чертить рисунки и наводить краски большаго не требуется — цвѣты и фигуры остаются тѣ же, какія и на крестьянскихъ чашкахъ; навыкъ то-

чить дерево пріобрѣтается не особенно трудно. Самую сложную часть производства составляетъ только закаливаніе вещей въ жарко натопленной печи, — ихъ ставятъ туда до 6 — 8 разъ, и въ промежуткахъ между этимъ натираютъ глиной, снимаютъ ее, маслятъ, покрываютъ красками, лакомъ, и т. д. При этомъ дерево нерѣдко коробится и трескается и вещи дѣлаются негодными; но за-то выдержавшія всѣ эти мытарства дѣлаются прочными почти какъ желѣзо и краски не сходятъ съ нихъ, будто бы, даже отъ кипятка и мороза. Вотъ эта-то прочность ихъ, въ соединеніи съ оригинальностію формъ, и составляетъ ихъ отличительное достоинство и можетъ доставить имъ преимущество предъ глиняными и жестяными сосудами молочнаго производства, находившимися рядомъ съ ними на выставкѣ. Впрочемъ, главное назначеніе ихъ—служить не столько для пользы, сколько для моднаго украшенія комнатъ и особенно дачъ и садовъ.

Хотя я нисколько не расположенъ къ Европѣ враждебно; нисколько не противъ того, чтобы разныя полезныя издѣлія и произведенія ея распространялись въ Россіи по прежнему; но почему же не пожелать, чтобы и Россія начала, наконецъ, снабжать Европу не одними только сырыми продуктами, въ родѣ сала, шерсти, щетины, кожи и т. д., но и готовыми издѣліями, хотя бы на первый разъ только эффектными и оригинальными, — особенно если это доставляетъ выгоду не богатымъ только однымъ.

Вотъ сколько «поощреній» оказываютъ выставки! Надобно надѣяться, что когда мы войдемъ во вкусъ ихъ и ощутимъ результаты, ими производимые, особенно вотъ этотъ послѣдній — увеличеніе сбыта, то выставки сдѣлаются у насъ явленіемъ самымъ обыкновеннымъ, чуть-чуть не столько же обыкновеннымъ, какъ объявленія и рекламы въ газетахъ.

Обращаюсь теперь къ самой выставкѣ домашняго скота. Прежде всего о входѣ въ нее.

Онъ былъ украшенъ флагами, какъ украшенъ былъ ими и входъ на недавнюю международную выставку садоводства. Въ этомъ нѣтъ, повидимому, ничего особеннаго, — въ разные торжественные дни флаги можно видѣть нынѣ вездѣ. Но, спрашивается, откуда явились у насъ эти флаги, и почему вошли они вдругъ во всеобщее употребленіе? Нѣсколько лѣтъ назадъ тому ихъ можно было видѣть только надъ дворцами, на нѣкоторыхъ башняхъ и каланчахъ и въ деревняхъ, во время пребыванія помѣщиковъ въ ихъ «владѣніяхъ», надъ помѣщичьими домами; а теперь иногда весь Невскій проспектъ бываетъ увѣшанъ ими; даже дилижансы украшаютъ себя флагами! Откуда же явилось у насъ это нововведеніе? Все изъ той же, враждебной намъ, Европы! И, если я не ошибаюсь, въ первый разъ явились флаги на улицахъ при пріемѣ заатлантическихъ друзей, — явились какъ-то несмѣло, нерѣшительно,

кое-гдѣ. Но при пріемѣ славянскихъ братьевъ ими былъ уже разукрашенъ почти весь городъ.

Вотъ и еще одно «поощреніе» отъ этихъ выставокъ!

Внутри выставки прежде всего поражалъ тяжелый воздухъ — хлѣва или, пожалуй, крестьянской избы. Воздухъ этотъ былъ, конечно, непріятенъ, высшіе слои петербургскихъ жителей едва-ли даже знакомы съ нимъ; тѣмъ не менѣе — потому ли, что выставка эта находилась подъ покровительствомъ высокаго лица, или потому, что въ то время не была еще открыта итальянская опера, и петербургскій haute volée скучалъ, — этимъ тяжелымъ воздухомъ терпѣливо дышали самыя аристократическія легкія. Дамы разсматривали въ лорнетки (!) огромнѣйшихъ слонообразныхъ коровъ и быковъ и улыбались игривымъ телятамъ, обѣщавшимъ превратиться въ быковъ; мужчины осматривали быковъ и коровъ съ видомъ серьезнымъ, но на коровницъ любовались уже менѣе сдержанно.

Быки и коровы, въ самомъ дѣлѣ, хороши; на петербургскихъ улицахъ такихъ коровъ еще можно видѣть; но внутри Россіи, въ городахъ и деревняхъ, т.-е., не на заводахъ и образцовыхъ фермахъ, а у массы русскаго народа, такихъ коровъ не встрѣтишь, — не встрѣтишь особенно той холи, въ которой содержались быки и коровы на выставкѣ — этого теплаго и просторнаго помѣщенія, этихъ яслей, наполненныхъ свѣжимъ и, по всей вѣроятности, душистымъ сѣномъ, этой свѣжей соломы подъ ногами и этого поминутнаго чесанія быковъ и особенно коровъ щетками. Еслибы такъ же точно могли содержать свой домашній скотъ и мужики, то и у нихъ коровы, хотя онѣ и не заводскія, давали бы молока если и не по ведру, то ужъ и не по ковшу въ день, какъ теперь.

Хороши также и коровницы! Я видывалъ не мало русскихъ бабъ, ухаживавшихъ за коровами, но такихъ чистыхъ и опрятныхъ, какъ здѣсь, одѣтыхъ въ бѣленькіе фартучки, съ шелковыми платочками на головѣ, чуть ли даже не въ кринолинахъ, я не видывалъ между ними ни одной. Одна между этими выставочными коровницами была даже элегантна, при всей простотѣ своего костюма, такъ что ее можно было бы принять за какую нибудь привозную — за итальянку или швейцарку, еслибы она, лаская своего теленка, не обзывала его порусски «мордашкой». И какъ внимательно, ласково, даже нѣжно обращались эти коровницы съ своими коровушками и телятами! точь въ точь какъ Динора съ своей козочкой на сценѣ итальянской оперы; даже едва-ли не нѣжнѣе, — хотя здѣсь смотрѣли на нихъ и не тысячи, а всего какія нибудь сотни глазъ. О грубой брани, толчкахъ, пинкахъ ногой, ударахъ палками здѣсь и помину не было. Системы наказаній, даже тѣлесныхъ наказаній придерживались и здѣсь, — но какихъ наказаній и чѣмъ! Въ нѣкоторыхъ ясляхъ лежало по пучечку розогъ, — такъ жиденькому и коротенькому, несравнено жиже и короче тѣхъ, ко-

торые употребляются для наказанія разумныхъ животныхъ, — и этимъ-то пучечкомъ не били, а ударяли закапризившихся четвероногихъ; ударяли также ладонями, но тоже нѣжненько, не производя никакого звука. И такъ наказывали коровъ и телятъ не коровницы только однѣ, — по женской натурѣ ихъ, такая мягкость обращенія имъ еще свойственна, — но даже и сами мужественные коровники, которые созданій по образу и подобію подобныхъ имъ, навѣрное надѣляютъ, въ гнѣвѣ, увѣсистыми кулаками. Однимъ словомъ — идиллія была настоящая, пастушескій бытъ, какъ онъ быть долженъ!

Только одни хохлы съ своими быками производили въ этой картинѣ нѣкоторую дисгармонію и непріятно напоминали и другой уходъ за домашнимъ скотомъ и другой бытъ самихъ коровниковъ. Ихъ быки имѣли то же самое, общее, помѣщеніе, подъ ногами у нихъ также точно была свѣжая солома, а въ ясляхъ свѣжее сѣно; но бока ихъ были не вычищены и шерсть на нихъ топырилась, какъ нечесаные волоса у деревенскаго мужика. Хозяева ихъ за ними не ухаживали и не трепали ихъ нѣжненько по бедромъ, а лежали на полу у стѣнъ, зарывшись въ сѣно, или спали тутъ же подъ яслями, подъ мордами быковъ и на той же самой соломѣ, на которой стояли и лежали и которую пачкали быки. Вотъ это настоящая всероссійская картина, настоящій русскій уходъ за домашнимъ скотомъ и настоящій, дѣйствительный бытъ нашихъ скотоводовъ; все же другое на выставкѣ такъ — баловство одно!

Окажетъ ли эта выставка какое нибудь «поощреніе» всероссійскому скотоводству? Едва-ли. Хохлы своихъ быковъ продали, вслѣдствіе нея, можетъ быть, очень выгодно, но къ улучшенію ихъ скотоводства это, конечно, не относится; какихъ нибудь новыхъ, усовершенствованныхъ пріемовъ въ уходѣ за скотомъ домой они не повезли, потому что еслибы и повезли, такъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, принуждены будутъ скоро отъ нихъ отказаться и предоставить свой рогатый скотъ, попрежнему, его собственной судьбѣ — зимой въ загородяхъ подъ открытымъ небомъ и на снѣгу! Фермеры и скотоводы въ собственномъ смыслѣ этого слова—другое дѣло, — для нихъ эта выставка несомнѣнно полезна. Они не только болѣе или менѣе, въ извѣстномъ кругу, прославились, получили за свой скотъ медали и часть его выгодно продали, но, по всей вѣроятности, обогатились еще и какими нибудь новыми свѣдѣніями, которыя и постараются употребить въ дѣло. Но по отношенію къ всероссійскому скотоводству они стоятъ особнякомъ, и все то хорошее, что̀ они производятъ, едва-ли хоть сколько нибудь распространяется за предѣлы ихъ хозяйствъ. Ихъ хозяйство аристократическое, хозяйство богачей; оно слишкомъ высоко для хозяйства массы народа и, пока не поднимется уровень благосостоянія народа, не можетъ служитъ для него образцомъ. А намъ нужно бы, чтобы не у скотоводовъ однихъ, а у массы народа, который живетъ и кормится своимъ домашнимъ скотомъ, скотъ

былъ хорошъ — хотя бы и не такъ идеально, какъ у образцовыхъ скотоводовъ.

Съ этою цѣлью крестьяне могли бы покупать у нихъ племянныхъ телятъ и этимъ постепенно улучшать свой скотъ. Для этого и устроилась уже въ Петербургѣ, съ весны настоящаго года, особая контора (того же г. Татищева), которая скупаетъ весной у здѣшнихъ молочниковъ и на окрестныхъ фермахъ телятъ холмогорской и другихъ лучшихъ породъ и разсылаетъ ихъ, по требованіямъ, въ деревни, даже въ Рязанскую, Орловскую, Тамбовскую и др. губерніи; но этихъ телятъ покупали почти исключительно только помѣщики, а для крестьянъ они были и дороги нѣсколько (до 10 и 15 руб. съ доставкой) и, главное, противъ нихъ существуетъ, справедливое или нѣтъ, предубѣжденіе, что они не вынесутъ обыкновеннаго крестьянскаго ухода за ними.

Есть еще другое средство улучшить крестьянскій скотъ, даже и не улучшая его породы. Это, между прочимъ, улучшить его кормъ. Соль признается для корма скота крайне необходимою, но ея ему не даютъ, потому что она очень дорога. Надобно, слѣдовательно, удешевить соль, но какъ это сдѣлать? Вопросъ серьёзный и стоитъ того, чтобы имъ позаняться. Имъ теперь и занимаются люди—въ одной газетѣ ведется по этому предмету самая горячая полемика между двумя спеціалистами этого дѣла; недавно занималось имъ вольное экономическое общество; еще дальше назадъ, года три, имъ занималась особая коммисія. И что же мы узнаемъ изъ этой полемики и изъ разсужденій экономическаго общества? Такія вещи, которымъ съ трудомъ вѣрится, отъ которыхъ свѣжій человѣкъ долженъ придти въ крайнее недоумѣніе и спросить себя: да неужели же это люди серьезно такъ разсуждаютъ, неужели такія разсужденія возможны?

Возможны—такъ разсуждали и разсуждаютъ люди не только у насъ, но даже во всей Европѣ.

Предъ авторитетомъ всей Европы можно бы склониться, еслибы простой человѣческій смыслъ не говорилъ, что вѣроятно, и во всей Европѣ люди могутъ разсуждать... страннымъ образомъ.

Вотъ эти разсужденія: «чтобы сдѣлать соль дешевою, надобно изъ хорошей сдѣлать ее дурною... хорошую соль превратить въ дурную... передѣлать ее, испортить...»

Непонятно? Да, это правда; не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ хорошая вещь, передѣланная въ дурную, становится для продавца дешевле—сама по себѣ она можетъ сдѣлаться дешевле, отъ порчи потеряетъ въ своей цѣнности; но для продавца она сдѣлается даже дороже, потому что онъ долженъ употребить трудъ на передѣлку или порчу ея. Очевидно, это нелѣпость, — отъ передѣлки никакая вещь дешевле для продавца сдѣлаться не можетъ, не можетъ и испорченная соль сдѣлаться для него дешевле.

Дѣйствительно, такъ; никто и не доказываетъ противнаго ни у насъ, ни во всей Европѣ; говорятъ только, что передѣлка

хорошихъ вещей въ дурныя полезна для продавца потому. что на попорченныя вещи у него являются новые покупатели, которые не хотѣли покупать этихъ вещей, когда онѣ были непопорчены, потому что тогда онѣ продавались дорого. Прежніе покупатели остаются сами по себѣ и приносятъ барышъ, но и новые тоже приносятъ барышъ, хотя и меньшій.

Въ такомъ случаѣ остается непонятнымъ, для чего же вещи, продаваемыя за низшую цѣну, непремѣнно надо портить; почему не продавать ихъ въ ихъ настоящемъ видѣ и этимъ сберегать лишніе расходы на производство порчи?

Потому, что тогда и другіе покупатели захотѣли бы покупать ихъ только по дешевой цѣнѣ... Соль надобно пустить по дешевой цѣнѣ, чтобы ее можно было покупать и для корма скота; продавецъ можетъ это сдѣлать, потому что она ему почти ничего не стоитъ; но чтобы онъ все-таки получалъ на ней прежніе барыши, ее надобно испортить такъ, чтобы она, оставаясь все еще годною для скота, не годилась болѣе для другихъ скотовъ, иначе они совсѣмъ перестанутъ покупать соль неиспорченную и дорогую.

И вотъ передъ нами является вдругъ вопросъ: о предпочтеніи скота четвероногаго человѣку!

Говорятъ, что вопросомъ этимъ занималась уже вся Европа, и онъ рѣшонъ тамъ утвердительно! Къ чести Россіи, у насъ этотъ вопросъ рѣшонъ иначе,—соль продается у насъ ужасно дорого, но за то и для человѣка и для скотовъ по одинаковой цѣнѣ. Это все-таки лучше, чѣмъ стоять ниже скота, не пользоваться такими правами и льготами, какими онъ пользуется. Во всей Европѣ человѣкъ стоитъ въ этомъ отношеніи ниже скота, у насъ на ровной степени. Г Киттары, ведущій въ настоящее время полемику по вопросу объ удешевленіи соли, стоитъ больше за скотовъ, за предпочтеніе ихъ человѣку и требуетъ денатурализаціи соли, порчи ея, дабы сдѣлать ее доступною для скота, чтобы чрезъ благосостояніе скота поднять и благосостояніе человѣка; онъ даже изобрѣлъ уже и способъ этой порчи. Но г. Андреевъ, отвѣчающій ему, стоитъ за человѣка и увѣряетъ, что сыту и здорову надобно быть прежде всего человѣку, а потомъ уже скотамъ его, ибо скоты служатъ человѣку, а не человѣкъ скотамъ, и человѣкъ, въ случаѣ недостатка у него соли или вообще пищи, можетъ даже скушать скотовъ, а скоты ѣсть его не должны; г. Андреевъ убѣжденъ даже, что человѣкъ можетъ, будто бы, сдѣлать и худшее, деморализуя себя, де-денатурализовать соль, денатурализованную г-мъ Киттары спеціально и исключительно для скота, т.-е., вываривая ее возвратить ей ея натуральныя свойства, что̀, будто бы, и дѣлается въ Европѣ.

Я съ своей стороны могу прибавить къ этому, что такъ-какъ русскій человѣкъ, какъ извѣстно, во всемъ европейцевъ за поясъ затыкаетъ, то заткнетъ онъ ихъ, пожалуй, и въ способѣ потребленія денатурализованной соли,—если она будетъ дешева и не-

выхъ людяхъ отвращеніе къ своему національному продукту. Въ огромный мѣдный котелъ, слегка подогрѣваемый на огнѣ, онъ налилъ до 250 бутылокъ самаго свѣжаго молока и началъ болтать его руками, чтобы опредѣлить температуру, до которой надобно было нагрѣть молоко. На вопросы присутствовавшихъ, почему онъ не употребляетъ для этого термометра, швейцарецъ съ самымъ важнымъ видомъ спеціалиста отвѣчалъ, что термометръ здѣсь ничего не скажетъ, что вотъ въ томъ-то и секретъ состоитъ приготовлять хорошій швейцарскій сыръ, чтобы вѣрно опредѣлить степень тепла, до которой надобно нагрѣвать молоко, и что это можно сдѣлать только руками, опуская ихъ до локтя въ молоко. Затѣмъ онъ бралъ полѣно дровъ, поправлялъ тѣми же голыми руками головешки подъ котломъ, и опять прохлаждалъ или согрѣвалъ свои руки въ молокѣ. Но воняетъ обыкновенно сыръ не отъ этого, а оттого, что въ молоко вливаютъ небольшое количество чрезвычайно пахучаго настоя желудка теленка-сосуна.

Профессоръ-спеціалистъ объяснялъ при этомъ публикѣ весь процессъ приготовленія сыра и доказалъ при этомъ, что у насъ бываютъ такіе профессора, которые не могутъ трехъ словъ сказать безъ того, чтобы не вставить между ними «того», «ну», «такъ» и т. д. Этотъ употреблялъ все «того». Неужели такіе профессора и въ аудиторіяхъ такъ же точно говорятъ свои лекціи? Или они ихъ, можетъ быть, все по тетрадкамъ читаютъ? Конечно, неумѣнье говорить предъ публикой, несмотря на разжившуюся въ послѣднее время страсть къ разнаго рода спичамъ, особенно за обѣдами, явленіе у насъ самое обыкновенное, вполнѣ объяснимое и психологическими причинами — неловкостью одному говорить, когда всѣ молчатъ и слушаютъ, и еще болѣе, такъ-сказать, общественными; но, по крайней-мѣрѣ, отъ профессоровъ-то можно бы ожидать противнаго. Другой профессоръ читалъ на той же выставкѣ лекцію о эпидемическихъ болѣзняхъ скота и о мѣрахъ противъ этого, и читалъ такъ, что по мѣстамъ трудно было его понять — до того русская рѣчь его была неправильна! Конечно, русскому сердцу пріятно было, что вотъ на его языкѣ даже, наконецъ, иностранцы говорятъ, а не то, что все мы должны говорить съ иностранцами на ихъ языкахъ, даже съ тѣми, которые живутъ въ Россіи по нѣскольку лѣтъ; можно было даже удивляться, что профессоръ этотъ, не будучи кровнымъ русскимъ, такъ бойко говорилъ порусски. Но вѣдь это былъ опять-таки профессоръ! А ужь если даже профессора не будутъ говорить правильно и хорошо, такъ кто же будетъ-то? Конечно, это мелочи; дѣло въ мысляхъ и въ направленіи ихъ; но чрезъ хорошую рѣчь лучше и хорошія мысли до цѣли доходятъ.

Л. Р.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, д. № 64 (Меншикова).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Макарова. Изъ дѣтскаго быта разсказы для дѣтей. Спб. 1869. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Календарь для всѣхъ на 1870 г. съ приложеніемъ 12 портретовъ. Изд. Генкеля. Спб. 1869. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Бунге, профес. Полицейское право. Благоустройство. Кіевъ. 1869. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Фриде. О несостоятельности торговой и неторговой на основаніи закона 1-го іюля 1868 г. и послѣд. продолженія къ Своду съ выпиской статей Закона. М. 1869. Ц. 1 р., вѣс. 2 фун.

Гурьевъ (новгородскій гласный). Брошюрки о земскихъ вопросахъ. Спб. 1869. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Барсовъ. Русскій народный мистицизмъ (хлыстовщина). Спб. 1869. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Мейснеръ. А. Черно-желтое знамя. Перев. Марка Вовчка. Спб. 1869. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Блохъ А. Общепонятное описаніе венерическихъ болѣзней и леченіе ихъ. Спб. 1869. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Перси. Руководство къ металлургіи. Переводъ съ дополненіями горн. инженера Добронизкій. Т. II. Спб. 1869. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Шпильгагенъ. Изъ мрака къ свѣту. Романъ въ 4-хъ ч. (продолженіе ром. Загадочныя натуры). Спб. 1870. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Стоюнинъ. Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. Спб. 1869. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Петрушевскій. Курсъ наблюдательной физики (университетскія чтенія). 4 вып. Спб. 1868—1869. Ц. 6 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Шпильгагенъ. Между молотомъ и наковальней. Ром. въ 3 ч. Ц 2 р., вѣс. 3 ф.

Шухвостовъ. Основныя начала раціональнаго сельскаго хозяйства, примѣнен. къ сѣверной полосѣ Россіи. Ред. профес. Менделѣева. Спб. 1869. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Женщины ученыя и учащіяся. Перев. съ франц. М. 1870. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Коппе. Былое и современное химіи. Общедоступная лекція. М. 1869. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Бёрне. Людвигъ. Сочиненія въ переводѣ П. Вейнберга. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. II т. Спб. 1869. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Всеобщій календарь на 1870 годъ. Изд. Германа Гоппе. Спб. 1869. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Новое руководство для выполненія хозяйственныхъ смѣтъ и оцѣнокъ зданій, составлено согласно съ урочнымъ положеніемъ и тѣми данными, которыми руководствуются стра-

ховыя отъ огня общества. Спб. 1869. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Правила и формы для производства слѣдствій по судебнымъ уставамъ 20-го иоября 1864 г. Настольная книга для судебныхъ слѣдователей, прокуроровъ, судебныхъ врачей, полиціи и частныхъ лицъ, привлекаемыхъ къ предварительному слѣдствію. Съ приложеніемъ устава судебной медицины. Спб. 1869. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Шрейберъ. Сборникъ статей уложенія о наказаніяхъ. Спб. 1869. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Пашкевичъ. Нравы и чувства, или вседневныя (назид.) истины изъ жизни нравственной и гражданской. Спб. 1869. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 1 ф.

Дове. Законъ штормовъ. Перев. Мордовина. Спб. 1869. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Эсмархъ. Профес. Перевязочный пунктъ и полевой лазаретъ. Перев. съ нѣмецкаго Фрей. Спб. 1869. Ц. 1 р. 75 к.

Гиртль. Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла, съ указаніемъ на физіологическія основанія и практическія примѣненія ея. Перев. Баллода и Фаминцына. Спб. 1869. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Жуковскій. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ. 6-ое изд. VI т. Спб. 1869. Ц. 4 р., вѣс. 8 ф.

Васильчиковъ. А. О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Т. I. Спб. 1869. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Карта Европейской и Азіатской Россіи. Съ живописнымъ изображеніемъ вокругъ нея всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію. 2-е изд., исправлен. на 4 л. Спб. 1869. Ц. 6 р., въ футлярѣ 10 р. съ перес.

Восьмнадцатый вѣкъ. Книга 4-я. Изд. Бартенева. М. 1869. Ц 3 р., вѣс. 3 ф.

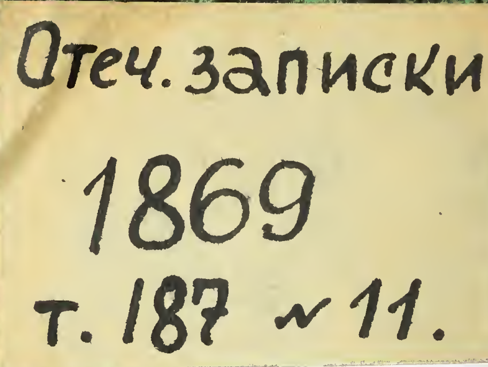
ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА ГАТРАСА.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Сочиненіе

Жюля Верна

Съ 259-ю рисунками художника **Ріу**. Перев... **Марка-Вовчка**. Роскошное изданіе С. В. Звонаре... С.-Петербургъ. 1870 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963295